ЧАРЛЗ ШЕФФИЛД

ХОЛОДНЕЕ ЛЬДА
ТЕМНЕЕ ДНЯ

ХОЛОДНЕЕ ЛЬДА
ТЕМНЕЕ ДНЯ

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

ЧАРЛЗ ШЕФФИЛД

ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ

CHARLES

SHEFFIELD

COLD AS ICE

DARK AS DAY

ЧАРЛЗ

ШЕФФИЛД

ХОЛОДНЕЕ ЛЬДА

ТЕМНЕЕ ДНЯ

АСТ ЛЮКС LUXE
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва • 2005

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
Ш53

Серия «Золотая библиотека фантастики»
основана в 1999 году

Charles Sheffield
COLD AS ICE
DARK AS DAY

Перевод с английского М. Кондратьевой

Серийное оформление А. Кудрявцева

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Александра Корженевского.

Печатается с разрешения литературных агентств
Spectrum и Nova Littera Ltd.

Подписано в печать 12.01.05. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 39,48. Тираж 3000 экз. Заказ № 95.

Шеффилд, Ч.

Ш53 Холоднее льда. Темнее дня : [фантаст. романы] / Чарлз Шеффилд; пер. с англ. М. Кондратьевой. — М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. — 750, [2] с. — (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-028020-3 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9660-1127-3 (ОАО «ЛЮКС»)

Земля. Конец XXI в.

Человечество не только вышло в космос, но и стало осваивать его С НЕВЕРОЯТНОЙ СКОРОСТЬЮ.

Планеты Солнечной системы колонизируются одна за другой.

Наступает время НОВЫХ СВЕРХТЕХНОЛОГИЙ — и людей, в которых генетически заложены СВЕРХЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ СПОСОБНОСТИ.

И лучшие из этих суперлюдей — ДЕВЯТЬ детей «из пробирок», чудом уцелевших после взрыва своего единственного «дома» — космического корабля-лаборатории.

Но, возможно, дар одного из них станет причиной ГИБЕЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА...

Читайте увлекательную научно-фантастическую дилогию от автора космической эпопеи «Наследие Вселенной»!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Charles Sheffield, 1992, 1993
© Перевод. М. Кондратьева, 2003
© ООО «Издательство АСТ», 2005

ХОЛОДНЕЕ ЛЬДА

Артуру Кларку, в счет долга Европе;
и команде «Вояджера»,
за все те великие снимки.

Пролог
ГОД 2067 ОТ Р. Х.: УРА! ВОЙНА ЗАКОНЧЕНА

Все войны начинаются с первой схватки, первого удара, первой жертвы. Того выстрела, что слышит весь мир.

Но в каждой войне также должна быть последняя жертва — и событие, которое уносит эту жертву, может случиться уже после того, как все бои официально закончились.

«Океан» представлял собой грузовой корабль глубокого космоса, спешно переоборудованный под пассажирский транспорт. Разработанный для того, чтобы таскаться от астероидных рудников к громадным перерабатывающим заводам на орбитах Земли или Марса, этот корабль развивал максимальное ускорение менее чем в четверть земной силы тяжести. А ракета типа «искатель», которая теперь его преследовала, легко могла разгоняться с ускорением в пять «же».

Присутствие преследователя было зафиксировано при рутинном сканировании обломков Пояса, не внесенных в базы данных. Из четверых людей, следящих за сигналом тревоги в отсеке управления «Океаном», только астронавигатор Вернон Перри сразу же понял, что означает быстрое приближение «искателя».

— Я знаю, что мы не можем от него оторваться.— Лоринг Шир, старший механик, все еще спорил.— Но зачем нам это нужно? Вы же слышали радиосообщение с Земли. Война закончена!

— Ну, Верн? Что ты на это скажешь? — спросила Мими Паланс, их капитан, спешно назначенная на транспорт, когда «Океан» покинул среднего размера астероид Мандрагору. Будучи по профессии дизайнером жилищ, а теперь управляя космическим кораблем, Паланс испытывала очевидные профессиональные затруднения.

Вид у Вернона Перри был потрясенный. Именно он позвал их в отсек управления. О ракетах типа «искатель» астронавигатор знал больше любого другого на борту. И лучше всех знал, что уже является трупом. Вся эта дискуссия была бесполезна.

— Верн! — повторила Паланс, уже более резким тоном.

Перри встал.

— Не имеет никакого значения, закончена эта война или нет. «Искатели» — разумные ракеты, но режим отмены приказа в их конструкцию не заложен. Однажды нашедшие цель, они уже не теряются.

— Но почему ты уверен, что именно мы — его цель? — спросила начальник отдела личного состава. С самого начала войны это был ее первый визит в космос, и Мэри Виссуто по-прежнему была потрясена внезапным приказом бежать с Мандрагоры.— Почему его мишенью не может быть другой корабль или даже колония?

— Расчет вероятностей.— Перри указал на трехмерный дисплей с «Океаном» в качестве его движущегося центра.— В радиусе пяти миллионов километров нет никакого другого корабля или базы. Этот «искатель» направляется прямиком к нам. Нет никаких разумных оснований предполагать, что он нацелен на что-то еще.

— А почему мы не можем от него спастись?

Перри только руками развел.

— Это не ответ, Верн,— заметила Паланс. И, поскольку он опять не ответил, продолжила еще резче: — Давай, приятель, рожай. У нас на борту четверо взрослых и пятнадцать детей. Я согласна, от «искателя» нам не оторваться. Но как насчет перемены курса?

— Бесполезно.

«Мы уже мертвы,— подумал Перри.— На что ты надеешься?»

— «Искатель» — ракета, обладающая искусственным интеллектом. Он уже за нами наблюдает — всеми своими датчиками. Если мы сменим курс, он пересчитает траекторию и вычислит новую точку контакта. Если мы отключим тягу, он выследит нас по теп-

ловому следу. «Океан» горячее любого естественного тела во всем Поясе. Ему приходится быть таковым — иначе бы мы все замерзли.

— Ну хорошо. Если мы не можем сбежать, тогда почему мы не можем спрятаться? Предположим, направиться к астероиду и укрыться за ним?

— «Искатель» все равно последует за нами. Мы не можем сбежать и не можем спрятаться.

Но как только Перри это сказал, в его оцепенелом мозгу вдруг замерцала идея.

— Что, Верн? — Мими Паланс заметила перемену его лица.

— Быть может, нам все же удастся укрыться — впрочем, ненадолго. Не слишком на это надейтесь. Спастись мы не сможем. Но мы сможем немного потянуть время.

Подойдя к пульту управления, Перри запросил банк данных эфемерид Солнечной системы.

— Мне казалось, ты только что сказал, что спрятаться мы не сможем. Тогда почему ты разглядываешь астероиды? — Лоринг Шир уже начал свыкаться с идеей неминуемой смерти, и теперь старший механик снова оказался в замешательстве.

— Мы не сможем спрятаться за одним телом. То, что нам нужно для передышки,— это целый сектор. Я велел компьютеру поискать такой, до которого мы успеем добраться, прежде чем «искатель» доберется до нас,— Перри вновь взглянул на движущуюся ракету.— К счастью, он никуда не спешит, потому что знает, что мы никуда от него не денемся.

Он нажал одну из клавиш компьютера.

— Сожмите кулаки и задержите дыхание.

— Что ты там вычисляешь, Верн? — На Мандрагоре Мэри Виссуто была слишком занята детьми и своей работой, чтобы уделять хоть какое-то внимание небесной механике.

— Группы астероидов. Астероиды постоянно движутся друг относительно друга.

Когда Мэри так и не проявила никаких следов понимания, Верн добавил:

— Пойми, они движутся, а закон средних чисел означает, что в таком случае постоянно должны формироваться и распадаться врéменные секторы. Весь фокус в том, чтобы найти достаточно близкий сектор, который бы нам помог. Тогда мы попробуем туда свернуть и зарыться в самую середину группы.

Перри не стал тратить время на разъяснение самой сложной части того, что он проделывал. Объекты Пояса астероидов имели самые разные размеры — от Цереры, гиганта размером в семьсот пятьдесят километров в диаметре, до свободно дрейфующих гор и даже до камешков размером с горошину. Все это, от целых миров до песчинок, двигалось по собственным сложным орбитам, определявшимся силами тяготения Солнца и планет, солнечным ветром и радиационным давлением, а также взаимным притяжением самих астероидов.

Первой задачей Верна было выбрать разумные пределы размеров. У него в компьютере имелись орбитальные параметры для всех тел Пояса диаметром более пятидесяти метров, и он установил требуемое их количество в секторе радиусом в пятьсот километров. Если компьютер не смог бы найти ничего соответствовавшего этим требованиям, Перри пришлось бы уменьшить либо число тел в секторе, либо заданный радиус. Каждый такой шаг все больше затруднял бы для «Океана» его задачу — спрятаться. И место укрытия все равно будет временным — как бы Перри ни старался. «Искатель» станет терпеливо обследовать все тела сектора, пока снова не наткнется на уникальную сигнатуру «Океана».

Двое других в отсеке управления не нуждались в объяснениях Перри, чтобы понять смысл его действий. Их взгляды были сосредоточены на дисплеях.

— Он кое-что нашел! — заметила Паланс, когда компьютер закончил.— Целых четыре сектора!

Перри пожал плечами.

— Да, но посмотри на расстояния. Про первых три штуки мы можем забыть — «искатель» поймает нас раньше, чем мы туда доберемся. Получается — или четвертый, или ничего.

— Этот сектор даже близко не подходит к нашей нынешней траектории.— Шир вглядывался в сводку.— Нам придется сжечь все горючее, чтобы сподобиться на такую перемену курса.

— Ты никогда не найдешь для этого горючего лучшего применения,— Мими Паланс уже приняла решение.— Верн, рассчитай мне новую траекторию.

— Уже готовлю.— Перри колдовал над пультом. Надежда оставалась всего лишь призрачной, но что им еще было делать? — Лоринг, позаботься о готовности для максимального ускорения. Я надеюсь, что всю четверть «жэ» ты выжать сумеешь.

— Легко тебе надеяться,— мрачная физиономия Лоринга Шира заметно прояснилась, когда он заспешил к выходу из отсека управления.

Он был рад заняться хоть чем-то. Даже если он разорвет двигатели на куски, это все равно будет лучше, чем сидеть и наблюдать за неотвратимым приближением смерти.

— Четверть «жэ»! — запротестовала Мэри Виссуто.— Мы не делали и десятой с тех пор, как покинули Мандрагору. Каюты и камбуз к такому не готовы.

— Тогда лучше их подготовить,— отозвался Перри.— Причем минуты за две. Я задаю максимальную тягу — как только Шир сумеет нам ее обеспечить.

— Мы уже не успеем ничего сделать! — Мэри тоже бросилась к выходу из отсека управления, оставив Перри и Паланс наедине.

— Пожалуй, нам лучше окопаться в самой середине сектора,— Перри говорил сухим, невозмутимым голосом, как будто обсуждал какую-то чисто академическую проблему. В то же время он тонко подстраивал траекторию, выискивая участок, где небесные тела сбились гуще всего.— Что дальше, Мими? Лоринг и Мэри по-прежнему не вполне осознают ситуацию. Они думают, что это дает нам шанс. Но это не так. Это дает нам лишь краткую отсрочку. «Океану» никоим образом не спастись от «искателя».

— Я знаю. Мы должны погибнуть. Десять минут назад я не желала в это верить, но теперь смирилась. Но я не смиряюсь с тем, что должны погибнуть дети. Они — дело особое. Мы должны что-то придумать, Верн. И быстро. Пришпорь свои мозги.

Новая программа полета была запущена в работу. Неуклюжая громада «Океана» двинулась к случайному скоплению каменных осколков, которые и составляли выбранный сектор. Далеко позади, на ходу меняя курс и неуклонно приближаясь к большому кораблю, смертоносная игла «искателя» отслеживала каждый их шаг.

Когда шесть часов спустя группа снова собралась в отсеке управления, Мими Паланс держалась уже заметно лучше.

В этом, впрочем, была не только ее заслуга. Лоринг Шир и Мэри Виссуто наконец-то смирились с неприятной реальностью, тогда как Верн Перри признал, что неминуемая смерть отменяет обязанность думать.

— Верн,— Мими кивнула астронавигатору.— Общий статус, пожалуйста.

— Изменилось наше физическое положение, но не ситуация.— У Перри уже имелись наготове все необходимые дисплеи.— Вот это мы.— На экране замигала голубая точка.— Мы замечательно втиснуты за километровую скалу, и я собираюсь нас здесь держать. Эти четырнадцать других тел...— замигали другие точки,— могут послужить нам укрытием, если мы захотим проделать какие-то уклонные маневры. На двадцать четыре часа мы в безопасности — если только «искатель» вдруг не изменит свой операционный план. Я не вижу, почему бы он стал это делать. Кстати, вот он! — Появилась красная световая точка.— Он знает, где мы, а допплеровское смещение в сигналах его радара показывает, что он приближается с постоянной скоростью.

Перри отвернулся от пульта.

— Плохие новости мы уже знаем. Мы не можем сбежать, потому что у нас не осталось горючего. Но даже если бы горючее оставалось, «искатель» достаточно быстр, чтобы легко догнать нас.

— Хорошо,— Мими Паланс повернулась к Ширу.— Итак, «Океан» тут застрял. Что у нас с другим транспортом?

— Есть одна спасательная шлюпка. Мы все смогли бы в нее забраться и даже куда-то долететь, прежде чем кончится воздух. Но это не дает нам шанса. «Искатель» способен опознать спасательную шлюпку точно так же, как и корабль, когда мы заведем ее мотор. Он атакует «Океан», а потом пойдет за нами — или, возможно, наоборот. Так или иначе, никакой разницы не будет. На спасательной шлюпке нам никуда не добраться.

— Итак, это мы вычеркиваем,— Мими Паланс помнила о факторе времени. Любые действия, которые они бы могли предпринять, теряли вероятность успеха по мере того, как «искатель» приближался.— Хорошо. Тогда воспользуемся капсулами жизнеобеспечения. Тоже не слишком обнадеживает. У нас есть девять капсул на одного человека. На каждой имеется самоподдерживающаяся система жизнеобеспечения, но нет никаких двигателей. Девять капсул, а нас девятнадцать. Скверная арифметика. Мэри? Есть какие-то идеи?

— Девяти детям еще и двух лет нет. Нельзя ли посадить их по двое в одну капсулу?

— Нет, нельзя,— Мими Паланс не стала развивать эту тему. Она знала, почему это невозможно, и Мэри тоже должна была это знать.— Если мы посадим детей в капсулы, уйти смогут только девять. И это должны быть самые младшие. Они самые маленькие, и капсулы смогут дольше всего поддерживать в них жизнь. Те, что постарше... останутся здесь вместе с нами.

Мими помедлила и тяжело сглотнула. А остальные и глаз на нее поднять не могли. Они знали, что у каждого из троих есть на борту ребенок младше двух лет, а единственным ребенком капитана был мальчик почти семи лет. Он останется на «Океане».

«И умрет вместе с ней,— подумал Вернон Перри.— Как и мы все». Но сказал он совсем другое:

— Не выйдет.

— Почему? Мы сможем сделать баллистический запуск — выбросим их из «Океана». «Искатель» не сможет зафиксировать у капсул работу двигателя. Он воспринимает их как куски космического мусора. Я уверена, что у «искателя» нет полного списка малых частиц Пояса, а вокруг нас тысячи камней, которые отсутствуют даже в нашей базе данных.

— Проблема не в том,— Перри ненавидел рушить чужие надежды, но в данном случае фантазия никакой ценности не имела.— Конечно, нельзя будет отследить никакого выхлопа, проанаблюдать отклонения от траектории свободного падения. Но это не единственные способы, какими охотится «искатель». Если вы хотите, чтобы дети выжили, в капсулах должна будет поддерживаться температура выше температуры окружающей среды. Так что «искатель» найдет их тем же способом, каким нашел бы нас, если бы мы выключили двигатели,— по тепловому следу.

— Лоринг? Какие замечания? Или идеи?

— Все так, Верн прав. «Искатель» зафиксирует и уничтожит капсулы.— Старший механик несколько секунд помолчал.— Если только...

— Давай, Лоринг. Быстро! Нет времени мямлить...

— Ну, я это толком еще не обдумал. У нас на борту есть жидкий гелий. Не так много, но инфракрасные детекторы необходимо охлаждать, и мы его для этого используем. Допустим, мы сажаем детей в капсулы, а затем обдуваем капсулы снаружи спреем жидкого гелия. Это доведет температуру оболочки до температуры окружающей среды — то есть до такой же, что и у всех

прочих камней в этом секторе. Это потребует некоторых вычислений остаточной теплоты и теплопередачи, но я довольно быстро могу это прикинуть. А потом, еще оставаясь в тени больших астероидов, мы выпускаем капсулы... и надеемся, что они успеют отлететь достаточно далеко, прежде чем снова разогреются от находящихся внутри детей. Как тебе, Верн?

— Это не только наш лучший шанс, это наш единственный шанс. Мы должны его использовать.

— Но если вы можете проделать это с капсулами жизнеобеспечения,— спросила Мэри Виссуто,— почему тогда не проделать это со всем кораблем?

— И что потом, черт побери? — Верн Перри уже терял терпение.— Даже если бы у нас было достаточно жидкого гелия, чтобы опылить весь «Океан»,— а у нас его недостаточно — то на корабле все равно не хватит горючего, чтобы куда-то отправиться. «Искатель» никуда не уйдет. Он будет висеть и ждать, и через некоторое время температура корпуса снова поднимется. Это неизбежно должно произойти — иначе мы все умрем от перегрева. Тут-то «искатель» нас и заарканит. А когда он поймет, что именно мы сделали, чтобы охладить свой корабль, он станет искать по округе другие вещи, которые могли быть обработаны подобным образом.

— Но что же нам делать с остальными детьми? — спросила Мэри Виссуто. Выглядело все так, словно она не слышала ни единого слова из всей тирады Перри.— И что тогда будет со всеми нами?

На сей раз ей никто не ответил. Если Мэри упорно отказывалась смотреть в лицо реальности, это была ее проблема.

Даже самая легкая часть стала отчаянным предприятием. Девять капсул были покрыты таким слоем термической изоляции, какой там вообще можно было наложить и в то же время позволить теплу тел находящихся внутри младенцев рассеиваться. Курсы выброса капсул были точно рассчитаны компьютером, чтобы новоявленные члены сектора как можно больше напоминали обычных его представителей. Наконец, метаболизм девяти малышей был снижен настолько, насколько это рискнула сделать Мими Паланс. Никто никогда не определял, как долго младенец может

выжить в капсуле — особенно при пониженном метаболизме. Пожалуй, этого вообще никто не знал.

Когда все было готово, каждой капсуле предстояло быть выброшенной в космос в некий заранее рассчитанный момент, когда маскирующий эффект естественных тел сектора был максимальным. Капсулы не имели общего места назначения, но все они были направлены внутрь Солнечной системы. Через девять дней, безопасно избегнув внимания «искателя», каждая должна была начать передавать сигнал бедствия.

Как только девятый блок жизнеобеспечения был готов, Вернон Перри поместил туда спящего ребенка. Он нежно поцеловал малыша на прощание. Все дети на «Океане» были особенными, но для Верна этот был самым особенным — его родной плотью и кровью. Верн содрогнулся при мысли о том, как его мальчик окажется лицом к лицу с пустым космосом, неизвестный и безымянный. Тогда с согласия Мими Паланс он прикрепил к рубашке младенца маленькую табличку с именем, а затем помог приготовить такие же таблички для восьми остальных детишек.

Затем он стал наблюдать, как они один за другим вырываются наружу. Когда девятая капсула с драгоценным грузом ушла в космос, Верн Перри пробормотал себе под нос:

— Ковчег поднялся над водами. И Дух Божий двинулся над безбрежной бездной.

А потом уже ничего не оставалось делать. Они не могли сбежать и не могли спрятаться.

Началось самое тяжкое.

Верн не смог выдержать пребывания с остальными взрослыми. Он отправился туда, где играл его старший мальчик, Мартин, и удалился с ним в навигационный отсек.

Как только последняя капсула отправилась в путь, «Океан» вышел из укрытия скалистых астероидов. «Искатель» был теперь уже достаточно близко, чтобы на экранах стал виден силуэт — длинный остроконечный конус с утолщенной задней частью. Когда двухметровые яйца капсул жизнеобеспечения оказались запущены, враг не проявил никакой реакции

Сидя на колене у Верна, его восьмилетний сынишка наблюдал за «искателем» без всякого страха и с немалым любопытством.

— Знаешь, папа,— сказал он,— я раньше никогда такого корабля не видел. Это разработка Пояса?

— Да. Он называется «искатель». Это корабль-убийца.

— Слава Богу, что война уже закончена! — Мартин мог видеть все то же, что и его отец.— Послушай, ведь он идет сюда, верно?

— Да, сынок. А как ты узнал?

— Ну, картинка все время одного и того же размера, но планка масштаба на дисплее постоянно сдвигается.

— Совершенно верно. Ты смышленый мальчик.— «Он тоже,— добавил про себя Верн.— Суперсмышленый. Когда он вырастет...»

Крепко зажмурившись, Вернон Перри подавил неприятную мысль.

— А зачем он к нам приближается?

— Он приближается... чтобы забрать нас домой.— Вернон снова открыл глаза и вгляделся в другой экран. Там, уменьшенная до крошечной точечки, виднелась капсула номер девять. Она по-прежнему беспрепятственно удалялась. Верн все смотрел и смотрел. Больше ему не за что было ухватиться.

— Ты хочешь сказать, обратно на Мандрагору? Вот здорово! — Мальчик все еще глазел на первый экран.— Смотри, папа. Тот корабль поворачивается.

«Искатель» медленно вращался вокруг своей оси, обращая тупой конец своего конуса на «Океан».

«Система дистанционного поражения,— машинально заключил Верн, снова повернувшись к главному экрану.— Так что на таран он нас брать не станет».

Вращение «искателя» было закончено. Верн Перри смотрел прямо в лицо смерти, пусть даже ее экранный образ казался просто-напросто мутным пятном. Он крепко обнял своего сына.

«Девять миллиардов убитых за четыре месяца,— подумал он.— Немыслимое число — особенно, если каждая утрата представляется такой же болезненной, как эта».

— Папа, прекрати! — Мальчик смеялся.— Ты меня раздавишь. Смотри, торец раскрывается.

— Все хорошо, Мартин. Все будет хорошо.

— Папа, смотри! Папа!

Когда пространство вокруг «Океана» расцвело желтизной и пурпуром, Великая война взяла свои последние жертвы. Вернон Перри не увидел, как это случилось. Он лишь поближе прижал к

себе любимого сына. Глаза астронавигатора были закрыты, и невыносимая боль в его сердце не имела никакого отношения к его собственной судьбе.

Его последней мыслью была молитва о прекращении всех подобных скорбей.

Междусловие

Вот закон распределения по размеру для Пояса астероидов: для каждого отдельно взятого тела заданного диаметра D существует десять тел с диаметром d = D/3.

Его непосредственное следствие: по мере того как искомое тело становится меньше, проблема отличения его от других тел становится все более сложной.

Вывод: индивидуальные спасательные капсулы, каждая по два метра длиной, быстро затеряются в рое природных объектов, которых внутри Пояса больше, чем песка на пляже.

Решение: хотя небо внутри и снаружи Солнечной системы мерцает и светится внутренним светом от звезд, планет, диффузных и лучистых газовых облаков, новых и сверхновых звезд, а также далеких галактик, все другие участки электромагнитного спектра гораздо менее заняты. Выбирайте с умом. При нужной длине волны для наблюдателя Земля засияет ярче тысячи Солнц.

Разработчики систем поиска-и-спасения выбирают очень тщательно. Детектируемое излучение энергия должно излучаться во всех направлениях, одолевать миллионы и сотни миллионов километров, а также наполнять громадный объем. Количество энергии, пригодное для сигналов о бедствии, обычно составляет несколько ватт. Радиоизлучение, требуемое для регистрации и фиксации места исхождения сигнала, может быть совсем мизерно; общей энергии, принимаемой на крупнейшем в Солнечной системе радиотелескопе, не хватит, чтобы сдуть муху с оконного стекла.

Спасательно-поисковые системы разрабатываются для регистрации и пеленга спасательной капсулы, работающей на последних крохах энергии. Даже по одной-единственной фиксации при помощи компьютера можно определить положение капсулы или корабля. Тогда будет выбрано спасательное судно и вычислена соответствующая траектория.

Однако чего поисково-спасательные системы делать не могут, ибо никто такой возможности не предусматривал,— это работать эффективно в условиях, когда боевые коммуникации военного времени затопляют решительно все каналы. А когда война заканчивается, нужды аварийной связи требуют не меньшего.

Последний краткий сигнал от «Океана», дающий траектории девяти маленьких объектов, проходит незамеченным.

Капсулы дрейфуют по космосу. Внутри них младенцы, находящиеся под воздействием лекарств, продолжают свой сон. Нацеленные на Солнце орбиты постоянно приближают их к отслеживаемой зоне Внутренней системы, но движутся они со скоростью улитки — слишком медленно для внутренних ресурсов капсул. Системы жизнеобеспечения, рассчитанные самое большее на несколько недель использования, начинают сдавать. Собственные сигналы бедствия капсул продолжают подаваться, но они также слабеют, сливаясь с галактическим радиошумом, что заполняет весь космос.

Проходят месяцы. Капсулы дрейфуют все дальше — межпланетный мусор, несомый ленивыми приливами радиационного давления и изменчивыми потоками сил тяготения.

Об их существовании никому не известно.

1

ГОД 2092 ОТ Р. Х.: ЧЕРНЫЙ ДЫМАРЬ

Нелл Коттер в точности представила себе отснятый эпизод в те последние минуты, прежде чем люк закрылся: медленное затухание света, постепенное угасание, которое будет нарастать все медленнее по мере их погружения, никогда не исчезая полностью.

И ошиблась буквально во всем! В реальности имело место несколько секунд туманной зелени, заполненной дрейфующими белыми пылинками. Затем вокруг них вдруг оказался косяк стремительных серебристых рыбок, после чего, считанные секунды спустя, не осталось ни следа рассеянного солнечного света. Лишь темнота — абсолютная и неумолимая. Пугающая.

Однако платили Нелл вовсе не за доклады о личных неудобствах.

— Теперь мы проходим трехсотметровый уровень,— спокойно сказала она.— После того небольшого косяка креветок другую форму жизни мы, надо полагать, увидим очень нескоро. Весь наружный свет исчез.

Нелл начала говорить в главный микрофон, тот, который мог слышать Джон Перри, но затем машинально перешла на субвокализацию для своих личных записей. Эту ее речь уже никто услышать не мог. «Не нужно упоминать о глубине. Одна из камер нацелена на приборную панель. Хотя я едва могу ее видеть — слишком там сумрачно.— Она взглянула на два других видеомагнитофона.— Снаружи ничего не получаем. Нужно действие — или весь этот эпизод вырежут при монтаже».

Третья камера показывала Джона Перри за панелью управления погружаемым аппаратом — полностью расслабленный, даже скучающий, он откинулся на спинку сиденья.

«Холодная рыба — такая же холодная, как и все снаружи. Что ж, меня предупреждали. У него даже и прозвище имеется — Ледяной Человек. Интересно, лучше ли у Ледяного Человека все это получается, когда он знает, что его снимают?»

— Доктор Перри, вы бы не могли рассказывать, пока мы погружаемся? Я бы могла сама это делать, но тогда я просто как попугай долдонила бы то, что вы мне уже рассказали.

— Да, конечно.— Проваливаясь в тонкой стеклянной оболочке сквозь черные глубины, Перри выражал не больше эмоций, чем на поверхности океана. Он лишь обратил лицо к камере.— Следующие тысячу шестьсот метров мы будем погружаться с выключенными моторами. Таким образом, через десять минут мы прибудем к восточному краю Тихоантарктического гребня, примерно на сорока пяти градусах южной широты и ста десяти градусах западной долготы. Побережье Южной Америки и Пунта-Аренас окажутся в тысяче четырехстах километрах к востоку. Мы уже вошли в зону стабильного температурного режима, при котором температура воды постоянно составляет четыре градуса Цельсия. Такой температура останется неизменной следующую тысячу метров. Единственной переменой, которую мы заметим, прежде чем достигнем морского дна, будет наружное давление. Оно возрастает на десять тонн на каждый квадратный метр «Капли» с каждыми десятью метрами погружения. Если вы прислушаетесь внимательнее, вы услышите, как структура подстраивается к нарастающей

внешней силе. В данный момент давление на корпус составляет примерно тысячу тонн на квадратный метр.

«Тысячу тонн! Вот спасибо, Джон Перри! Я прекрасно бы обошлась без такой информации!» Нелл оглядела прозрачный шар погружаемого аппарата, похожий на аквариум для золотых рыбок. На поверхности трехметровая сфера «Капли» выглядела достаточно солидной; здесь же она казалась нелепой и хрупкой, как мыльный пузырь. Если этот пузырь при таком чудовищном наружном давлении лопнет...

Нелл ощутила некоторый дискомфорт в области мочевого пузыря и оттолкнула все эти сведения куда-то на задворки своего разума.

«Он что, собирается всю дорогу излагать эту чертову статистику? Никто ни на Земле, ни где-то еще никогда в жизни не захочет все это смотреть. Черт тебя побери, Глин Сефарис! Посулил мне "быстрое и легкое" задание, и я, как последняя дура, согласилась прибыть неподготовленной. А в итоге вот что получила! И, кстати, лучше бы будет вырезать все это самой, прежде чем Глин бросит свой редакторский взор».

Вообще-то поначалу это был просто фокус для вечеринок, который со временем стал профессиональным занятием. Нелл могла продолжать свои комментарии типа «поток сознания» для субвокального диктофона, вставленного в ее гортань,— и при этом отслеживать и направлять курс видеопрограммы. Окончательное шоу станет смесью речевых и субвокальных комментариев. Постоянно действующие разметчики времени на камерах и диктофонах обеспечивали Нелл отсутствие всяких сложностей при координировании, редактировании и совмещении разных дорожек.

Пока она размышляла об этом, Джон Перри свернул свою сводку статистики и уже двигался дальше.

— ...и только тогда я начну использовать наши огни. Мы могли бы сделать это сейчас — энергии у нас достаточно,— но это не имеет смысла, потому что единственное, что мы, скорее всего, увидим по пути, это несколько глубоководных рыбин, и все они будут представлять собой хорошо известные виды.

— Вряд ли они так уж хорошо известны мне или нашим зрителям, доктор Перри.— Нелл задействовала главный микрофон. Гвоздем шоу должен был стать рассказ о гидротермальных

отдушинах морского дна и формах жизни вокруг них, однако этот самый гвоздь мог стать попросту бесполезен, если зрители выключат свои экраны, прежде чем они с Перри туда доберутся.— Можем мы все-таки посмотреть?

Перри пожал плечами и снова повернулся к панели управления. Нелл наблюдала, как его пальцы мгновенно набирают точную последовательность клавиш.

«Какие красивые руки. Надо непременно позаботиться о том, чтобы мы их почаще показывали. Также чудесный сексуальный голос, если бы только вдохнуть в него чуть больше жизни. Говорит твердо, без сантиментов. Надо бы посмотреть его возраст, когда вернемся,— скорее всего, где-то между двадцатью восемью и тридцатью. И происхождение тоже надо проверить. Я о нем почти ничего не знаю. Как давно он уже в этого глубоководного дайвера играет?»

Тьма вокруг них внезапно осветилась тремя широкими лучами зеленого света, причем каждый начинался в двадцати метрах от «Капли» и указывал в ее сторону.

— Свободноплавающие источники света,— пояснил Перри, предчувствуя вопрос Нелл.— Или, если короче, плывуны. В полметра длиной, два киловатта непрерывного холодного света — или пульсируют на одном мегаватте. У нас их полдюжины. При погружении они крепятся к основанию «Капли», но их можно отпустить и управлять ими отсюда.

— А почему не просто сияющие лучи из погружаемого аппарата?

— Слишком много обратного рассеяния. Свет, который отражается в нашу сторону от идущего наружу луча, испортит всю картинку. Лучше выпустить плывуны и светить вот так.

— Они радиоуправляемые?

Джон Перри бросил на нее взгляд, который можно было бы считать довольным, не будь в нем толики пренебрежения. Он тоже знал, что Нелл прислали сюда плохо проинструктированной.

— От радио под водой никакого толка. Лазеры бы подошли, но сфокусированные ультразвуковые источники лучше. Они дальше берут и не создают помех для картинки.

«Которая в данный момент ничего из себя не представляет.— Нелл уставилась на три пустых конуса яркого света.— Даже ни намека на какую-нибудь рыбину. Поразительно, я все везде вижу.

"Капля" пропускает свет абсолютно отовсюду. Даже сиденья прозрачные».

— Прогресс в развитии керамических материалов после войны, мисс Коттер.— Перри с довольным видом похлопал по прозрачному шару, когда они еще только садились.— Мы можем сделать все в погружаемом аппарате прозрачным, как лучшее стекло... кроме команды, разумеется. Над этим мы еще только работаем.— Шутка, поняла Нелл.— И этот материал так крепок, что «Капля» может спуститься в самую глубокую часть Марианской впадины.

Куда они, слава Богу, не направлялись. Гидротермальные отдушины лежали на том уровне, который Джон Перри описал как «умеренную» глубину, всего в пару тысяч метров.

«А это означает, что мы погружаемся в океан более чем на милю. Две тысячи тонн давления на каждый квадратный метр корпуса. Раздавит там эту рождественскую игрушку так, что ее смятой оболочки никто уже и не найдет. Или ее содержимого. Черт, как же я ненавижу это глубокое море — и раньше я никогда его не знала. Думала, это как в ванную сходить. Надеюсь, я хоть штаны не намочу (и это тоже убрать сразу же, как только вернусь)».

Они по-прежнему погружались сквозь холодные безжизненные воды. Джон Перри поставил плывуны на автопилот, и теперь лучи их прожекторов создавали зеленые конусы, пропадая в отдалении. Где-то слева Нелл наконец заприметила намек на движение. Что-то темное, смутное — какая-то дымка на самом пределе видимости.

— Доктор Перри, я вижу, как там плывет какой-то большой объект. С вашей стороны.

Но он мотал головой.

— Не плывет. Это первый признак того, на что мы спустились взглянуть. Вы видите верхушку клуба от дымаря. Посмотрите на температуру воды.

Нелл — и камера — посмотрели на приборы. Вода была восемь градусов выше нуля — теплее, чем следовало. Они погружались в регион гидротермальной отдушины. Клубящийся сгусток более темной воды — подобный всплывающему вверх маслу — служил первым признаком близости отдушины.

Джон Перри, похоже, очень хорошо слушал, когда Нелл инструктировала его перед погружением. Теперь он без всякого намека с ее стороны подобрал подсказку.

— Начиная с данной отметки, вода по мере нашего погружения будет становиться все горячее и горячее — до самой входной трубы в Печной Котел — трещину в ложе океана, ведущую прямиком к раскаленным недрам Земли. Откровенно говоря, это новейшая и самая горячая из всех известных отдушин. Те, что на Галапагосском гребне, глубже; кроме того, они дольше изучались: Ложе Мидии и Розовый Цветник, Печеный Клем и Сад Эдема. Однако температура даже самых горячих из них, так называемых «черных дымарей», не превышает трехсот пятидесяти градусов по Цельсию. А в этом Печном Котле температура доходит до четырехсот двадцати градусов с лишним. «Сверхчерный дымарь». Если бы не давление на этой глубине, здесь был бы просто перегретый пар...

«И если бы все здесь не было так тихо и мирно, мы получили бы чертовски славную картинку на пленке. Красивые ясные глаза, абсолютная техническая уверенность. Бледная кожа — потому что ты проводишь слишком много времени в темноте. Ничего, редактирование цветового баланса с легкостью об этом позаботится. Но в тебя нужно воткнуть пару-другую булавок, Джон Перри. Мы должны тебя оживить. Потому что, говоря откровенно, то, что ты тут рассказываешь, для нашей широкой, но постоянно редеющей аудитории — чертовски скучный материал».

Опытные глаза и уши Нелл подсказали ей, что дело становится все хуже и хуже. Имея в виду, что средний член аудитории располагал промежутком внимания короче того времени, которое Джону Перри требовалось на то, чтобы моргнуть. И, понимая, что снаружи смотреть все равно особенно было не на что. Пока они погружались все глубже, вода становилась все мутнее. Огни держались в нескольких метрах за стекловидной стенкой «Капли», и в пределах этих нескольких метров Нелл решительно ничего не видела.

— Здесь, внизу, процветают живые организмы,— продолжал Джон Перри,— причем при температурах, гораздо выше нормальной точки кипения воды,— при температурах, которые за несколько секунд убьют любое человеческое существо. Но даже это не самое интересное в черных дымарях. Все существа на поверхности Земли или на верхних уровнях океанов зависят в своем существовании от Солнца. Растения улавливают энергию солнечного света, животные едят растения, а также животные едят друг

друга. Так что все вращается вокруг солнечного света и солнечной энергии. Но существа, образующие колонии вокруг черных дымарей, вообще не полагаются на Солнце. Их жизненный цикл начинается с бактерий, которые являются хемосинтетическими, а не фотосинтетическими. Они зависят от химической энергии, расщепляя серосодержащие соединения и используя энергию от этой реакции для питания процессов внутри их клеток. Если бы Солнце полностью погасло, вся жизнь на поверхности Земли тут же бы исчезла. Но могли бы пройти столетия, прежде чем местные формы жизни это вообще бы заметили. Они продолжали бы, как и раньше, питаться энергией от земных минералов и внутреннего тепла...

«Картинки.— Нелл в отчаянии уставилась в клубящийся мрак за пределами "Капли".— Великий Бог Телевидения, дай мне картинки. За последние пять минут я записала достаточно глубокомысленного звукового материала для часовой программы».

Там было еще скучнее, чем в ее худших страхах. И Нелл знала, что так будет и дальше, потому что Джон Перри рассказал ей об этом еще на поверхности. С помощью манипуляторов дистанционного управления «Капли» они намеревались зачерпнуть всяких восхитительных тварей вроде моллюсков, миниатюрных крабов, кольчатых червей и кормящихся серой бактерий из морского дна вокруг Печного Котла. А затем они собирались сунуть всю эту мерзость в полные отвращения или скуки физиономии зрителей.

«Я говорила тебе, Глин, что мне не нужно это проклятое задание. Лучше мне было остаться в постели».

Но прежде чем Нелл закончила эту субвокальную мысль, Джон Перри резко выпрямился на сиденье, а на лице у него вдруг появилось выражение. Живой, заинтересованный взор — как у нормального человеческого существа. Прервавшись на середине фразы, он перестал обращать внимание на камеры. Нелл почувствовала движение «Капли», какое-то покачивание — которое она в последний раз испытала, когда погружаемый аппарат еще был на поверхности.

— Что происходит?

Перри не ответил и даже на нее не посмотрел. Но он мотнул головой в сторону приборной панели, которая ничего толкового Нелл не сообщила. Она увидела лишь десятки циферблатов и

цифровых индикаторов. Большинство из них были никак не помечены и совершенно непостижимы.

Зато вполне постижимым было внезапное исчезновение решительно всей наружной иллюминации. Все плывуны исчезли. Нелл Коттер и Джон Перри сидели в центре иссиня-черного шара, смутно освещенного изнутри. Она заметила полоску темного движения снаружи — вокруг них кружилась непрозрачная жидкость. Затем последовало еще одно и куда более буйное покачивание «Капли». Судно так сильно накренилось, что Нелл бросило на Джона Перри.

— Волна давления.— Он наконец-то заговорил.— Большая. Надо отсюда убираться. «Капля» рассчитана на обычное наружное давление. Столько она может не выдержать.— Голос его был спокойным, но руки с невероятной скоростью летали по приборной панели.

Нелл охнула. Что-то вдруг протянулось из темноты, хватая ее за талию, грудь и плечи мягкими, прохладными щупальцами.

— Все в порядке.— Перри услышал, как она охнула.— Это всего лишь система привязных ремней. Она срабатывает автоматически, если крен превышает десять градусов.

«Чего никогда не должно происходить, если только мы не прыгаем по поверхности.— Нелл припомнила это из своего инструктажа.— Что-то неладно со стабилизаторами положения? Им предполагается держать нас ровно».

— Я увидел, что температура поднимается,— спокойно продолжил Перри,— быстрее, чем ей положено, но не знал, как это интерпретировать. Мы прибыли сюда как раз в неподходящее время.

— Но что происходит? — Нелл чувствовала, как вся ее масса смещается к ремням по правую руку. «Капля» перекатывалась вокруг своей оси.

— Подземное извержение. Сотрясение океанского ложа. Зона вокруг дымарей сейсмически активна, и как раз сейчас она решила выпустить накопившиеся компрессии.

Нелл услышала низкий, мучительный стон. Морское дно, стонущее в агонии? Нет. Это «Капля» стонет, потому что ее корпус испытывает перенапряжение. Столько она может не выдержать, сказал Перри. Так что когда судно получит все, что оно может вынести, и немного больше...

Погружаемый аппарат задрожал и закрутился. Нелл лишилась чувства направления. Ложе океана могло быть прямо над головой — или как раз под ногами. Джон Перри по-прежнему был занят пультом. И, невероятное дело, говорил тем же лекторским тоном, что и раньше. Излагал свои комментарии, как будто они с Нелл по-прежнему снимали документальный видеофильм.

— Необходимо, чтобы мы сразу же покинули зону извержения, но направляться прямиком к поверхности смысла нет. Волны давления расходятся веером от зоны трещины в морском дне, заполняя клиновидный объем, расширяющийся вверх. Чтобы выбраться из активной зоны, мы должны направиться вниз и вбок. Именно этим я сейчас и занимаюсь. Делать это надо в темпе, потому что мы уже получили два импульса давления, которые превосходят номинально максимальную переносимость корпуса. Держитесь. Вот идет еще один.

«Капля» снова застонала, словно трескающееся дерево. Нелл огляделась. Снаружи не было ничего, кроме мутной черной воды под убийственным давлением. Откуда у Перри вообще могло быть понятие, куда он движется? Нелл не видела на приборной доске никаких приборов, которые указывали бы направление или положение. И все же смутно освещенные пальцы Перри находились в постоянном движении. Он непрерывно что-то регулировал и подстраивал. Позади себя Нелл слышала еще один шум: жужжание электромоторов, ведущих «Каплю» на максимальном ходу.

«Знает он, что делает? Или просто пробует как попало?»

Погружаемый аппарат задрожал и снова сменил направление, причем так неистово, что Нелл твердо решила: это уже конец. Корпус застонал, определенно готовый коллапсировать, но в тот же самый момент Джон Перри оторвал руки от приборной панели.

— Мы уже...— Нелл не знала, как закончить вопрос. Формулировка «Мы уже обречены?» не казалась гарантией получения разумного ответа.

— Почти. Почти вышли. Еще несколько секунд.

В переднюю сторону погружаемого аппарата проникало слабое, пропадающее свечение. Вода впереди была прозрачнее, уже не наполненная плотными облаками, выпущенными при извержении океанского ложа. Нелл смогла увидеть один из свободноплавающих источников света, прокладывающий дорогу к безопасности, точно рыба-лоцман. «Капля» слегка качнулась, откликаясь на

слабое финальное сотрясение позади. А затем Нелл перестала чувствовать какое-либо движение, хотя жужжание моторов продолжалось. Привязные ремни отпустили ее и скользнули назад в сиденье.

— Мы вышли оттуда. Все чисто.— Перри хлопнул ладонью по приборной панели. Впервые, как показалось, за многие часы получив возможность увидеть профиль Ледяного Человека, Нелл обнаружила, что он ухмыляется как безумец.

Сама Нелл даже не улыбалась. «Только посмотрите, люди добрые! Псих ненормальный — он ведет себя так, как будто он все это обожает».

— С вами все в порядке, мисс Коттер?

Нелл с трудом сглотнула, пытаясь прочистить горло для чего-то большего, нежели просто *субвокальная* ярость. Но прежде чем она успела сказать хоть слово, Джон Перри уже повернулся к ней лицом. Восторг сменило участие.

— Боюсь, мне придется поднять нас обратно на поверхность. Извините, очень сожалею о вашем шоу. Я понимаю, что мы не получили всех тех материалов, которые я вам обещал, но сегодня Печной Котел нам уже никак не обследовать. Это слишком опасно. В любом случае, из отдушины выйдет столько всяких выбросов, что нам много часов не удастся ничего разглядеть. Мы сможем вернуться туда в другой раз.

Нелл посмотрела на камеры. По-прежнему в работе. Они должны были записать все: извержение, мрак бездны, как «Каплю» сжимали и швыряли силы, которые едва-едва не расколотили маленькое суденышко.

Облегчение и восторг смыли прочь все напряжение. Нелл захотелось истерически расхохотаться. «Он извиняется! Он спас нас от верной смерти, а теперь извиняется за то, что не может предоставить мне снимков тех тошнотворных ильных червей, будь они трижды прокляты! И он должен был получать свой кайф от опасности, потому что секунду назад ухмылялся как последний дурак. Причем ни капельки пота. А я тут потею, как свинья в сауне».

— Доктор Перри.— Безумный смех все-таки вырвался из горла Нелл. «Это мы вырежем»,— мимоходом подумала она.— Вам не следует ни за что извиняться и ни о чем сожалеть. Мы не получили того шоу, которого ожидали,— зато получили нечто

гораздо лучшее. Вы обещали хемосинтез, фотосинтез и моллюсков, жующих серу, как коровы траву. А обеспечили моретрясение, извержение океанского ложа, в центре которого оказались мы. А также запись всего этого. Зрители будут в восторге!

Перри явно удивился при мысли о том, что кто-то может предпочитать высокую драму кольчатым червям. И теперь Нелл уже не смогла сдержать свою ухмылку. Увериться, что ты погибла, а затем выжить — это было что-то бесподобное! Но в этот момент величайшего удовлетворения Нелл вдруг заметила, что на панели управления мигает красная лампочка. Она молча указала на нее Перри.

— А, ничего страшного. Это никак не связано с обстановкой на борту. С судном полный порядок.— Перри наклонился, чтобы включить небольшой экран дисплея, расположенный под таким углом, что Нелл его не видела.— Это говорит о том, что «Капля» получила сообщение с поверхности.

— Мне казалось, это чертовски тяжело сделать.

— Действительно, очень тяжело. Требуется плотно сфокусированный звуковой луч, чтобы нас найти, и еще более плотный, чтобы послать сигнал. Огромный расход энергии. Вот почему это так редко проделывается.— Перри хмурился.— Должно быть, это для вас.

— Уверена, что нет.

— Знаете, не могу поверить, что это для меня. В моих проектах нет ничего настолько срочного, что не могло бы подождать, пока мы вернемся на поверхность. Впрочем, вот оно пришло.

Нелл наблюдала, пока Перри читал содержимое экрана. Она снова увидела, как меняется выражение его лица.

«Прощай, Ледяной Человек. Не знаю, что там за сообщение, но оно определенно не то пугает, не то расстраивает Джона Перри. Его возбуждает физическая опасность, но она его не тревожит — однако теперь он определенно встревожен».

— Что там? Это сообщение для меня?

Джон Перри качал головой.

— Нет, оно для меня. Сожалею, мисс Коттер, но нам придется на максимальной скорости направиться к поверхности. Звонят из канцелярии замминистра, и они говорят, что там какая-то серьезная проблема.

— С нашим погружением? Надеюсь, не оно вызвало проблему?

— Это не имеет отношения к сегодняшнему погружению. Там какая-то проблема с моим исследованием форм жизни вокруг гидротермальных отдушин — с тем самым, над чем я все последние шесть лет работал.

— Какого рода проблема?

— Именно неизвестность меня и обеспокоила. Мне велят вернуться немедленно, в срочном порядке. Но не говорят, зачем.

2
СРАЖЕНИЕ НА КРАЮ ВСЕЛЕННОЙ

На все потребовалось одно лишь прикосновение пальца.

Камилла Гамильтон нажала правую кнопку. Заранее записанная последовательность инструкций была запущена. Главный компьютер в центре РСН (Распределительной Системы Наблюдения) установил индивидуальные команды, и шестьдесят тысяч лазеров выстрелили ими через всю Солнечную систему.

Теперь оставалось только ждать. Потребуется почти час, чтобы высокоскоростные команды достигли самых отдаленных индивидуальных телескопов, и еще час, прежде чем в центре РСН будут получены подтверждающие данные, что эти приборы точно настраиваются на мишень. Еще три часа потребуются, прежде чем вся сеть телескопов, непрерывно обменивающаяся между собой информацией о положениях и орбитах, сможет принять окончательную, стабильную конфигурацию.

Камилла уже в тысячный раз размышляла о том, что «наблюдение» посредством РСН не давало ученому удовольствий реального времени астрономии прежних дней. Галилей, Гершель и лорд Россе наслаждались результатами своих усилий немедленно — даже если считать «наслаждением» прозябание на открытой всем ветрам площадке высоко над землей. Но они готовы были всю ночь торчать в своих примитивных обсерваториях, вглядываясь в туманные небеса,— только лишь затем, чтобы ощутить радость открытия.

Прибыло первое подтверждение, что ближайший телескоп РСН уже принял команду касательно мишени и начинает ее выполнять. Камилла едва взглянула на него. Все самые хитрые компоненты этой системы крутились на орбитах по ту сторону

Солнца, более чем в миллиарде километров отсюда. Их статус она еще часа полтора не узнает. Тем временем Камилла вывела на главный экран предыдущий дисплей, чтобы еще раз его рассмотреть.

— Что, опять в Господа Бога играем?

Как обычно, Дэвид Ламмерман неслышно вплыл в помещение и уже находился за спиной у Камиллы. Он навис над ней, массируя ее плечи и трапециевидные мышцы, пробегая пальцами в сторону шеи. Или прикидывался, что массирует.

Камилла не сомневалась, что на самом деле он проверяет — и не одобряет — толщину жировой прослойки между ее костями и кожей. Астроном была уверена, что, следуй она диетологическим советам Дэвида, быть бы ей еще жирней самой дородной модели Рубенса.

Дэвид неодобрительно фыркнул, прекратил свое прощупывание и нагнулся, чтобы поверх плеча Камиллы вглядеться в заполнившее весь экран изображение галактики Андромеды.

— Послушай, это не имитация. Это настоящая картинка. И чертовски хорошая.

— Хорошая? А ты привереда. Что, нет? Я бы скорее сказала — идеальная.— Камилла ожидала этого важного второго мнения, прежде чем позволила себе ощутить приятное тепло полного удовлетворения.— Все тесты показывают, что мы безошибочно ловим фокус и близки к ограниченному дифракцией разрешению. Последняя группа телескопов подключилась пять часов тому назад. Выясняется, что зеркала вовсе не имели повреждений — все дело было просто в предсказательных алгоритмах на местных компьютерах, которым требовалась маленькая промывка и прочистка. Теперь смотри. Я собираюсь сделать электронное увеличение с высоким разрешением.

Дэвид терпеливо наблюдал, как всегда пораженный скоростью и точностью работы системы управления Камиллы. Поле сместилось, сосредоточиваясь на одной из спиральных «рук» Андромеды. Облако звезд молниеносно разрежалось до точек, затем принялось стремительно рассыпаться по краям поля зрения, пока в центре не остался один пылающий желтый карлик. Увеличение продолжалось, теперь уже сосредоточиваясь на яркой световой крапинке, прижавшейся поближе к материнской звезде. Крапинка все росла и росла — и наконец стала демонстрироваться как от-

четливый диск, на котором континенты формировали темные, неровные пятна на серо-голубом фоне.

— Для медиа-удара я выбрала близкую мишень — М31, два миллиона световых лет отсюда. Затем провела компьютерное сканирование на предмет соответствия солнечному типу. Эта планета находится примерно на том же расстоянии от своей звезды, что и Земля от Солнца. Спектральный анализ показывает, что перед нами атмосфера с высоким содержанием кислорода. В голубых зонах тоже есть вода. Прикинь, никто на нас оттуда точно так же не таращится?

— Если таращится, то надеюсь, у него сейчас лучшее время для наблюдений, чем будет у нас, когда люди эту картинку увидят. Вот. Пройдись хотя бы по кромке.— В руке у Дэвида Ламмермана были два контейнера с супом. Один он протянул Камилле.

Она с неохотой взяла суп. Вечно Дэвид пытался ее накормить. Намерения у него были самые лучшие, но когда Камилла работала, интерес к еде у нее начисто пропадал. Все говорили ей, что она слишком тощая, что ей нужно немножко подкормиться. Бесполезно было объяснять всем, что ее хрупкость тощей блондинки так же обманчива, как и ее по-детски наивная наружность. Она никогда не болела, ее тело было крепким и выносливым, как стальная проволока,— хотя у Дэвида, безусловно, имелись тому свидетельства.

— Как только люди увидят это изображение, медовый месяц будет закончен,— продолжил Ламмерман, втискиваясь в кресло сбоку от Камиллы. Двухметрового роста и могучего телосложения, он втрое превосходил ее по весу. Пол-литровый контейнер с супом Дэвид опорожнил тремя быстрыми глотками, пока Камилла прятала свой за монитором. Дэвид быстро его оттуда вытащил, открыл крышку и снова вручил Камилле.

— Что, слишком хорошо? — спросила она, послушно делая глоток.— Я об изображениях, понятное дело, не о супе.

— Так хорошо, что лучше и не бывает. Как только люди поймут, что все уже наверху и пашет как зверь, нас выдавят из графика. Все наше время уйдет какому-нибудь серому кардиналу, в голове у которого лет пятьдесят никаких мыслей не водилось.

Вообще-то Дэвид не хотел давать ответ, и в нем не нуждался. Они с Камиллой уже достаточно по этому поводу поворчали. Это была старая как мир жалоба молодых астрономов. Ты делал всю

собачью работу, убивал годы на починку, чистку и калибровку приборов, одновременно планируя наблюдательные программы для занятия самыми фундаментальными проблемами астрономии; а как только все оказывалось в идеальной готовности, твои начальники и предполагаемые благодетели приходили, присваивали лучшее время для наблюдений и развозили его по капелькам на устаревшие и дискредитированные теории.

В свои двадцать четыре года Дэвид Ламмерман был уже вполне компетентен, и прекрасно это знал. Кроме того, он был нетерпелив. Его совсем не утешала мысль о том, что когда-нибудь его время придет. И в свои двадцать семь лет Камилла Гамильтон уже начинала задумываться, придет ли когда-нибудь ее время. В центре РСН она была на два года дольше Дэвида, и он знал ее возможности, даже если больше никто их не замечал.

— Тогда увольняйся.— Камилла смогла прочесть мысли Дэвида, вглядываясь в него поверх контейнера с супом.— А я заберу твое время для наблюдений.

— С тебя станется. Так и пытаешься это провернуть.— Дэвид улыбнулся Камилле и сел, вороша рукой роскошную копну кудрявых светлых волос. Камилла отметила, какой он симпатичный и здоровый на вид. Здоровый умственно и физически. Она была уверена и в том, и в другом — уверена так, что не готова была еще кому-то в этом признаться.

Здесь-то и содержалась ирония. В течение трех лет совместной работы, часто круглосуточной, когда они неизменно делили одни и те же тесные жилые помещения,— а после первых трех месяцев одну и ту же постель,— у них с Дэвидом ни разу не возникло ни одного толкового спора. Они обо всем друг другу рассказывали. Камилла доверила бы Дэвиду все, что у нее было, включая саму ее жизнь. Но... она не готова была сделать открытое признание.

Дэвид не мог этого понять. Камилла и сама этого не понимала. Быть может, так получалось из-за Тима Кайзера, предшественника Дэвида Ламмермана в центре РСН? Они с Тимом тоже были любовниками — правда, недолго. Когда Тим наконец объявил ей, что знает о ее романах с полдюжиной других мужчин в центре, что он больше не может выносить ее пренебрежения и что для дальнейшей работы он отбывает обратно на Землю, Камилла ощутила подлинную скорбь... и великое облегчение.

Пусть же это больше не повторится.

— У нас будет не больше дня-двух.— Голос Дэвида вторгся в ее мысли.— Затем народ поймет, что РСН работает без сучка и задоринки. Так что лучше сделать как можно больше прямо сейчас. Андромеда вполне годится для медиа-атаки, но давай все-таки установим несколько по-настоящему серьезных мишеней. Что-нибудь на приличном расстоянии отсюда.

«Вот оно и началось»,— подумала Камилла. Она предпочла бы избежать взгляда Дэвида, но заставила себя развернуть кресло и обратиться к нему лицом.

— Я уже это сделала. РСН установлена на мишень в одиннадцати миллиардах световых лет отсюда.— Камилла говорила торопливо, зная, что ее следующие слова остановят одобрительный кивок Дэвида.— Она будет наблюдать за протозвездным облаком, которое я обнаружила на прошлогоднем пробном прогоне.

— Формирование звездных систем! Это же низкоэнергетично, а кроме того, это бесполезная наука. Мы не должны тратить ни миллисекунды на подобную чепуху.

— Только потому, что твоим интересам случилось сосредоточиться на квазарах...

— Интенсивные источники энергии — вот где можно узнать что-то действительно новое. Но не в протозвездных облаках. Просто преступление брать все возможности РСН и транжирить их на круглосуточное наблюдение за тем, что можно так же прекрасно увидеть, используя другой инструмент...

— Чушь! Ты не хуже меня знаешь, что это неправда. Если мы вообще когда-то собираемся понять эффективные сечения аномальных термоядерных реакций, которые мы фиксируем прямо здесь, в нашей родной Солнечной системе, нам требуется РСН. Мы должны понаблюдать за звездной термоядерной реакцией и формированием звездных систем в самом начале, прежде чем сверхновые произведут рассеяние элементов и изменят правила игры.

Хотя Камилла спорила так же горячо, как и Дэвид — и наслаждалась этим, вот что было самое поразительное! — она подозревала, что все это пустая трата времени. Они уже не один год понимали, что этот день придет. Пока Распределительная Система Наблюдения работала кое-как или вообще не работала, постепенно доходя до нового функционирования после разрушения во время Великой войны, они с Дэвидом уже отхватили себе доста-

точное время для наблюдений, преследуя собственные частные интересы. Но с полным возвращением РСН в строй — а этого факта они скрыть не могли,— наблюдатели-визитеры роем слетятся сюда. Она потребуют свою долю пирога. Их программы будут иметь приоритет над потребностями пары недавних выпускников университета. Камилла с Дэвидом, оба самоуверенные и упрямые, вынуждены будут сражаться за крохи и огрызки времени для наблюдений.

И они будут сражаться. Даже между собой они договорились только о дистанции для хороших мишеней, но больше ни о чем. Дэвида интересовало наблюдение за определенным классом квазаров как инструмент для ответа на некоторые космологические вопросы. Камилла находила космологию слишком спекулятивной, слишком схожей с теологией. Ответы же на вопросы, которые она ставила в связи с определенными термоядерными процессами, непременно должны были привести к новым экспериментам в лабораториях Весты. С точки зрения Камиллы, физическим экспериментам и наблюдению при помощи РСН следовало подпитывать друг друга через посредство компьютерных моделей и тем самым друг друга развивать. А информация, вытекавшая из работы Дэвида, была, на ее взгляд, слишком односторонней.

— У тебя нет никакой возможности выяснить, когда ты ошибаешься,— не раз и не два говорила она ему.— В этом проклятие астрономии. У тебя нет способа выполнить эксперимент, здесь или на Поясе, а потом сказать: «Что ж, это показывает, что моя теория — сплошная чепуховина, но это в то же самое время предлагает мне другую теорию, которую я также могу проверить».

Камилла встала. Спор был очень стар. Она не хотела сидеть и без конца его вести, когда можно было заняться чем-то гораздо более продуктивным.

— Ты куда? — Дэвид тоже встал.

— Пройдет не менее пяти часов, прежде чем наблюдения начнут поступать. Я хочу еще раз на конфигурации Супер-РСН посмотреть.

Это вовсе не была полная ложь. Всего неделю тому назад они с Дэвидом закончили разработку координированного космического блока из пятисот тысяч орбитальных телескопов, размещенных по всему пути от Юпитера до Меркурия. Они согласились, что это станет следующим логическим шагом в исследовании края вселен-

ной. И еще они согласились, что, хотя вычисление орбит и динамический контроль за блоком представляют собой серьезные проблемы, главное препятствие здесь все-таки не техническое. Ему предстояло стать — и не было ли это историей всех крупных наблюдательных приборов, когда-либо построенных? — финансовым.

До сегодняшнего дня Супер-РСН оставалась бумажной мечтой. И, может статься, таковой ей и суждено было остаться. А что Камилле действительно хотелось проделать, так это прочесть файлы входящих сообщений на центр РСН. Сверхчеткие изображения М31 и планеты земного типа внутри спиральной «руки» Андромеды уже были разосланы — направлены по лучу в систему Юпитера, а также на Марс и на Землю. Именно отклики на эти изображения как доказательство того, что первое интегрированное испытание РСН прошло с блестящим успехом, могли сказать, станет ли Супер-РСН чем-то куда большим, нежели просто мечтой, причем еще при жизни Камиллы и Дэвида. И отклики эти должны были приходить прямо сейчас.

Дэвид тащился позади, пока Камилла выходила из наблюдательного зала РСН и направлялась к коммуникационному отделу. По выражению его лица она могла судить о том, что он еще далеко не со всем смирился.

— Итак, ты забралась в систему и зацапала свою очередь, ничего мне не сказав,— пробурчал Дэвид.— Ты воспользовалась преимуществом того факта, что это было не мое дежурство. И намеренно ничего мне не сказала. Да уж, по-настоящему дерьмовая проделка.

— Кончай меня этой ерундой кормить.— Камилла оглянулась на него через плечо, проплывая сквозь начисто лишенную гравитации ступицу центра РСН. Она не собиралась признавать за собой вину, которой не испытывала.— Предположим, РСН дошла бы до полного функционирования в твое дежурство, и мне не случилось бы оказаться поблизости. Что бы ты тогда сделал?

Она слышала дыхание Дэвида и чувствовала его дрейф в паре метров позади. Сразу он ничего не ответил, но молчание как раз и было тем ответом, в котором Камилла нуждалась.

— А я тебе скажу,— продолжила она.— Ты бы живо настроил РСН на один из тех дурацких, трижды проклятых высокоэнергетичных квазаров. А когда я пришла бы на дежурство, ты бы рассказал мне, что ты проделал, и мне бы пришлось это переваривать —

причем тоже куда дольше, чем один день. Твои низкие световые уровни нуждаются в более длинных периодах экспозиции.

— Ты, похоже, обо всех по себе судишь.— Но тону Дэвида недоставало убежденности. Когда дело доходило до его священных экспериментов, он ничем не отличался от Камиллы. Оправдание, но не разрешение. Сперва ты хватаешь время для наблюдений, а перебранка потом.

— Ты определенно такой же, как я,— мягко сказала Камилла.— Как раз поэтому ты так мне и нравишься.

Она предлагала перемирие. Наконец они добрались до входа в коммуникационный отдел. Зал пустовал, но это было нормально. Центр РСН по-прежнему обслуживался минимальным количеством персонала; там было всего девять инженеров и техников, включая Дэвида с Камиллой,— и это на объекте, где разместится более двухсот человек, когда Распределительная Система Наблюдения получит полную нагрузку.

Блок входящих сообщений мигал голубым, указывая на прибытие сигнала с пометкой «срочно». Местный персонал привык это игнорировать, и рев сирены по всему центру давным-давно был отключен. Представления о срочности на Земле и Ганимеде редко совпадали с приоритетами центра РСН.

— Давай посмотрим, как им наши картинки понравились,— Камилла изучила дисплей входящих сообщений.— Впрочем, минутку. Самое первое не для РСН. Оно личное. Для тебя, причем с Земли. Из Гусвика. У тебя что, высокопоставленные друзья в столице, про которых ты мне никогда не рассказывал?

Камилла просто болтала, не ожидая ответа. Личные сообщения были именно такими. О них не спрашивали. И так или иначе, у Дэвида не было от нее секретов. Но его реакция была просто шокирующей. Он застыл в неподвижности, нервно кусая нижнюю губу.

— Извини,— Камилла отступила от пульта.— Прочти его здесь, если хочешь, или используй личный экран. Я подожду снаружи, пока ты не закончишь.

И тут последовал еще один сюрприз. Предложение уйти делалось как формальность и почти всегда отклонялось. Даже личные послания в центр РСН не были такими уж личными, потому что когда ты несколько лет буквально варился в одном котле с твоими собратьями, число секретов сокращалось до нуля. А послания Дэвиду в особенности никогда не утаивались от Камиллы.

Однако сейчас он кивал.

— Если тебе не трудно. Уйти, то есть. На несколько минут. Мне бы хотелось прочесть его здесь.

Выбора у нее не оставалось. Камилле не терпелось поскорее узнать, как изображения от полностью функционирующей РСН — результат пятилетних усилий, здесь, в центре пустоты — были восприняты по всей системе. Но теперь она должна была подождать. Личные послания всегда имели приоритет.

Камилла покинула зал и зависла у двери. Все ее планы касательно наблюдений, не говоря уж о будущем Супер-РСН, зависели от ответов, которые она должна была получить в ближайшие несколько дней. А Дэвид был так же этим увлечен, так же заинтересован. Как же могло его личное послание стать важнее будущего их совместной работы? Черт, ведь Дэвид даже не знал, о чем это сообщение, когда сказал, что хочет его прочесть; он знал только, откуда оно. Эта информация что-то для него значила. Но она ничего не говорила Камилле. Когда она последний раз видела сводку переписи населения, свыше двух миллионов человек жили в Гусвике, и население острова Южная Георгия по-прежнему росло, пока климат Земли теплел.

Камиллу так и подмывало проскользнуть внутрь и взглянуть, но она не смогла заставить себя это сделать. Дэвид был слишком расстроен и явно встревожен. Так что она взяла себя в руки и продолжила нетерпеливо ожидать у двери.

Дэвид был занят минут десять, которые Камилле показались несколькими часами. Когда же он наконец появился, всякая ее досада на него мигом испарилась. Вся его оптимистичная напористость исчезла, сменившись болезненной нерешительностью. На Камиллу он смотрел так, как будто впервые в жизни ее видел.

— Гм... н-да. Так ты сказала, что хотела бы получить мое время для наблюдений? Так? Ну, я полагаю... теперь, как мне представляется...— Даже в речи звучало потрясение. Всезнающий, сверхуверенный в себе Дэвид Ламмерман вдруг трансформировался в неловкого увальня с завязанным в узел языком.— Короче, полагаю, оно целиком твое. На все обозримое будущее.

— Дэвид, что случилось? Могу я чем-то помочь?

— Уфф,— он помотал своей блондинистой шевелюрой и даже на нее не взглянул.— Я должен... отправиться на Землю. Немедленно. Должен сесть на первый же корабль. Как можно скорее.

— Но почему? Ты не должен уезжать. Следующие несколько дней здесь, в центре РСН, станут решающими.

Камилла не хотела этого говорить. Ей хотелось попросить: «Дэвид, любимый, скажи мне. Я имею право знать. Что бы это ни было». Но, прежде чем она снова заговорила, Дэвид кивнул, повернулся и поплыл обратно к ступице. Камилла направилась было за ним, но затем передумала. Она вернулась в коммуникационный зал и подобралась к экрану исходящих сообщений.

Читать чужое личное сообщение без разрешения было еще хуже, чем стоять рядом, когда человек его читает. Но здесь совершенно очевидно была насущная необходимость. Дэвида попросили — приказали ему — сделать что-то, чего он явно делать не хотел. И, быть может, он послал обратное сообщение, которое не было помечено как «личное».

Камилла просмотрела исходящие сообщения, но от Дэвида ничего не было. Ни личного, никакого. Выходит, он даже спорить не попытался.

А как насчет оплаты? Путешествие на Землю за минимальное время было очень дорогим. У Дэвида вроде бы никогда особых денег не водилось. Так кто же оплатит его перелет?

Поддаваясь искушению, Камилла подошла к входящему экрану. Там показывалось прибытие дюжины сообщений, но среди них — ни одного личного. Она села за пульт и запросила базу данных на предмет информации по всем личным сообщениям, принятым в центре РСН за последние двенадцать часов.

Там оказалось всего одно. Оно было типа «прочти-и-сотри», которое лишь раз проявилось на экране, а затем было стерто из памяти компьютера, как только получатель за него расписался.

Камилла сдалась. И начала просматривать входящие поздравительные послания о результатах работы РСН, а также настойчивые просьбы о включении в график наблюдателей-визитеров. Ей потребовалось полностью сосредоточиться, чтобы зафиксировать их общую суть. В тот отрезок времени, который должен был стать самым восхитительным в центре РСН со дня окончания Великой войны четверть века назад, сумела протянуться далекая рука и все испоганить.

Разум Камиллы снова и снова повторял одно и то же. Кто-то захотел вернуть Дэвида Ламмермана обратно на Землю; кто-то находится в таком положении, что это ему требуется присутствие

Дэвида, хочет последний этого или нет. И по какой-то странной особенности этого человека, ни он, ни Дэвид не желали раскрывать его личность.

Двенадцать часов спустя Камилла снова сидела у компьютера. Часть ее разума была сосредоточена на подробнейшей термоядерной калькуляции. Этот процесс шел автоматически — как функция спинного мозга. Вся остальная ее часть, в том числе глубочайшее внутреннее ядро, было совсем в другом месте.

Дэвид отправлялся на Землю. Мало того, он отправлялся туда по причинам, которые он не обсудил, не собирался обсуждать — не мог обсуждать? — с Камиллой.

И как же теперь ее самодовольная вера в то, что она знает Дэвида лучше любого другого человека во всей Солнечной системе? Камилла знала историю его семьи, его образование, его привязанности и неприязни, его фантазии и фобии. Теперь получалось, она совершенно ничего не знала. Камилла не понимала, почему Дэвид так расстроен, почему он отправляется на Землю, почему не желает об этом говорить. Могла там быть другая женщина? Но даже если могла, какое она имела право ревновать — она, которая так твердо держалась за свою независимость?

Посреди ее эмоционального разброда вычисления продолжались все дальше и дальше как сложный танец женщины с машиной. Некому было понаблюдать за этим странным партнерством, а также за тем способом, посредством которого роли этих двоих минута за минутой смещались в непостижимую разновидность единства.

3
СОЛНЕЧНЫЙ КОРОЛЬ

К тому времени, как ему стукнуло двадцать лет, Джон Перри уверился в двух великих истинах. Жизнь в водном мире глубоких океанов имеет смысл; она логична, предсказуема и спокойна. А жизнь в воздушном мире, на поверхности или над ней, ничем таким не обладает; она случайна, обманчива и причудлива.

Теперь у него были новые тому доказательства. Одно из них топало в нескольких шагах впереди него. Джон смотрел на выкра-

шенный в красное затылок Нелл Коттер, сверкающий под мягким декабрьским солнцем, и задумывался о загадке ее присутствия на палубе. У нее не было никакого права там быть. Даже после того, что случилось в глубинах Тихоантарктического гребня.

Когда «Капля» вернулась на поверхность, ни один из них двоих не нашел для другого больше пары слов. Джон был обеспокоен и озадачен внезапным приказом вернуться на поверхностную базу, причем без всякого объяснения, тогда как Нелл все еще была сильно шокирована случившимся в двух километрах внизу моретрясением. Она не обладала уверенностью Джона в надежности «Капли» или верой в его способности пилота и навигатора. Для Джона Перри эпизод с извержением океанского ложа был все еще ясным в памяти, но уже отдаленным эмоционально — как опыт, увиденный через стекло, которое экранировало эмоции. Для Нелл Коттер тот эпизод был новым, непосредственным и устрашающим. Ее эйфория, когда она поняла, что не погибнет в черной бездне, только усиливала это ощущение.

На поверхности Нелл уверенно заявила, что уже записала все, что ей требовалось. Итак, запись видеошоу была закончена. Когда они расстались на пристани плавучей базы, Джон со своей стороны никак не ожидал, что они увидятся снова. Он пошел к себе — составлять отчет. И вскоре столкнулся с типичным образчиком иррациональности Админа. Ему сказали, что он должен немедленно отправиться в Аренас, в канцелярию замминистра.

Зачем? Никто в административных конторах базы не захотел или не смог ему этого сказать. Это и озадачивало, и возмущало.

При чем тут замминистра? Зачем политику высокого уровня понадобился Джон Перри с его гидротермальными отдушинами и изучением глубоководных форм жизни? Согласно тупоголовому лейтенанту, который выдал ему полетные документы, такому человеку Джон Перри определенно был ни к чему. Но больше тот лейтенант никакой информации ему не предоставил.

Джон медленно прошел по всей длине тысячеметровой плавучей взлетно-посадочной палубы к короткому наклонному трапу и ожидающему рядом самолету. И в какой-то момент метрах в десяти впереди него вдруг загадочным образом появилась Нелл Коттер. Она шагала в середине группы из четырех членов персонала среднего ранга, легко и звонко смеялась — так же расслабленно, как и шла. Не было заметно никаких признаков того, что

она пережила травму. Способность Нелл оправляться от удара — или прикидываться, что оправилась,— просто поражала. Но у нее определенно не было никакого права направляться к самолету. Он принадлежал Системе Глобального Океанического Мониторинга, и на его борт допускались только члены СГОМ. Джон точно знал, что у Нелл нет никакой связи с группой.

Однако пять минут спустя они уже летели на восток на шести махах, и Нелл Коттер прошла по проходу, чтобы сесть рядом с Джоном Перри.

Его вопросу она только посмеялась.

— Вообще-то я не очень навязывалась. Я просто немного поговорила о шоу. Затем я показала им вот это...— она похлопала по миниатюрной видеокамере,— и объяснила, что, пока камера крутится, работа еще не закончена.

— Вы сказали тем людям, что должны отправиться в Аренас вместе со мной, чтобы доделать ваше шоу? Но это ложь. Запись закончена. Вы не можете использовать меня как предлог для посадки.

Она положила руку ему на плечо.

— Ну-ну, не возбуждайтесь. («Что же такое с Ледяным Человеком?» — подумала Нелл.) Я должна быть завтра в Стэнли, чтобы встретиться с продюсером шоу. Если бы я отправилась коммерческим рейсом, вышло бы восемнадцать часов на гидросамолете. Я была бы совсем развалиной, когда туда бы добралась. Кому это нужно? И, кстати, говоря, не похоже, чтобы я выжала кого-то с его законного места.— Нелл обвела рукой интерьер самолета, где половина из сорока сидений была свободна, а затем подалась вперед, чтобы заглянуть Джону Перри в глаза.— Бросьте, доктор Перри... или я могу звать вас просто Джон? Я всего-навсего подсела на попутку. Смените гнев на милость и позвольте мне угостить вас выпивкой.

— На объектах СГОМ алкоголь строжайше запрещен. Как и все прочие наркотики.

— Тогда я угощу вас бокалом в Пунта-Аренасе.

— Извините.— Джон отвернулся от ее прямого взгляда и уставился в окно, где дневное солнце преображало крилевые фермы на южном горизонте в роскошное золотое кружево.— У меня нет времени ни для чего подобного. После прибытия меня ожидает немедленная встреча с замминистра Лосадой.— Джон застыдился

в тот же самый момент, как это сказал. Все было вполне правдиво, но все же получалось так, будто он прятался от Нелл за встречей, которой не ожидал и не понимал; более того, которой он вообще не хотел.

Если Джон рассчитывал дать Нелл отпор, то все усилия оказались напрасны. Она подалась еще ближе, и он смог почувствовать цветочный аромат ее парфюма.

— Значит, после того, как вы с ним увидитесь, я вас угощу. Я кое-что слышала о Мануэле Лосаде и могу вас заверить, что вам непременно потребуется выпивка, если вы с ним хотя бы пару минут пообщаетесь.— Лицо Нелл было в считанных сантиметрах от лица Джона, а ее правая рука по-прежнему покоилась на его плече.— На самом деле у меня есть идея куда получше. Прежде чем мне дали это задание, я рассчитывала снять одно событие. Оно как раз сегодня в Аренасе состоится. Мы должны оказаться там вовремя и сможем вместе туда сходить. Это роскошный обед Внутреннего Круга в честь Сайруса Мобилиуса, по десять тысяч песо с носа.

— У меня нет десяти тысяч песо... у меня нет даже одной тысячи. И я должен немедленно явиться к замминистра, как только мы приземлимся.

— Лосада не заметит разницы, если вы явитесь завтра, а не сегодня. И не волнуйтесь насчет оплаты. У меня есть билеты для прессы. Две штуки.

— Меня туда не пустят. Я не пресса.

«Милый мой,— подумала Нелл.— Да где ж ты всю жизнь был? В двух километрах под водой? Пожалуй, не так далеко от истины».

— Джон, они никогда не узнают, кто вы такой, если вы только сами им этого не скажете. Вы будете со мной, и я улажу всю болтовню. Разве я не задолжала вам вечер за то, что вы весь день со мной возились, а под конец еще и самым натуральным образом мне жизнь спасли?

Джон уставился в невинные карие глаза Нелл и задумался, как же у нее это получилось. Она предложила ему совершенно невероятную последовательность событий, но при этом заставила их казаться абсолютно естественными. Он был вызван в столицу на встречу, которая в лучшем случае представлялась зловещей. А Нелл Коттер запросто предложила, чтобы он наплевал на приказ начальника его начальника и отправился провести веселый ве-

черок в городе. Джон даже передернулся, но в то же самое время все это его странным образом заворожило. Никогда в жизни не доводилось ему встречать кого-то, хоть отдаленно похожего на Нелл. Он отчаянно хотел отправиться с ней на обед, причем по причинам, которые шли гораздо дальше желания послушать Сайруса Мобилиуса, Солнечного Короля, человека-легенду. Джон помотал головой и перевел дух.

— Я не могу этого сделать, мисс Коттер,— сказал он и тут же подумал: «Я сошел с ума. Я отбрасываю надежду всей моей жизни».

— Нелл. Люди, которые потели и дрожали вместе, не могут обращаться друг к другу так формально. («Если не считать того, что ты не потел и не дрожал, тогда как я была готова вопить,— справедливости ради подумала Нелл.— Не говори мне нет, Джон Перри. Я просто не приму такой ответ».) Вы должны звать меня Нелл. И вы должны пойти на обед.

— Я не могу, Нелл. Это я про обед. В канцелярию замминистра сообщат, что я уже на подходе. Там будут меня ожидать. А вообще-то... в иной ситуации я был бы рад с вами пойти. Очень рад. И мне хотелось бы послушать Сайруса Мобилиуса. Вы верите в то, что про них рассказывают? В смысле, про Внутренний Круг?

— Нисколько. Но того, во что я верю, вполне достаточно. Знаете, все-таки останется время после того, как вы встретитесь с Лосадой. Обед не начнется до восьми. А мы приземляемся в четыре.

— Вы рассчитываете, что он увидится со мной, как только я позвоню. Но так не получится. Меня нужно будет подогнать к его графику, а не наоборот.

— Тогда я скрещу за вас пальцы.— Нелл удовлетворенно откинулась на спинку сиденья, но скрестила не пальцы, а ноги.— Все у вас получится. Вот увидите. Вы повидаетесь с ним и еще до восьми снова станете свободным человеком. А тогда мы пойдем на обед Внутреннего Круга и немного повеселимся.

Нелл Коттер ошибалась. Но и Джон Перри тоже.

Еще до войны СГОМ управлялась на полувоенной основе. С тех пор ничего не изменилось. Плавучие базы, рассеянные по океанам всего мира, по-прежнему имели положение и обстановку

полевых военных единиц. Там мог существовать жесткий порядок командования, некоторая неэффективность, а также масса ненужных или даром потраченных усилий, однако вся система работала. Оборудование обслуживалось. Графики соблюдались.

По контрасту административный центр СГОМ управлялся как армейский штаб мирного времени. Не имея конечного продукта, бюрократия становилась важнее результатов. Отсрочка считалась неуместной, но эффективность не имела смысла.

Джон всю свою трудовую жизнь провел в мире плавучих баз. Для него шоком было явиться в Админ-центр к пяти вечера и узнать, что никому не ведомо, кто он такой и зачем сюда прибыл. Замминистра Лосада был занят, и его никак нельзя было беспокоить. В табеле назначений какой-либо Джон Перри вообще отсутствовал — как сегодня, так и в обозримом будущем. Помощники Лосады уже ушли, и до девяти часов завтрашнего утра их возвращение не ожидалось. Под рукой не оказалось никого, кто смог бы внятно ответить на вопрос по поводу звонка на плавучую базу.

Джону с великой неохотой дали квиток, который позволял ему провести ночь в жилом комплексе Админ-центра. При этом его предупредили, что за все обслуживание, кроме обеда и завтрака, ему придется платить из собственного кармана. К шести тридцати Джон прибыл в спартанское общежитие СГОМ и обнаружил здание битком забитым людьми. Комендант проинформировал его, что с переменой климата Аренас переживает невероятный бум и что все помещения переполнены в связи с Летним фестивалем. Еще он добавил, что квиток Джона ничего не значит. Если он сам себе ничего не подыщет, ему в лучшем случае могут дать скатку с постельными принадлежностями и место на полу в столовой — разумеется, после того, как вся кормежка закончится и бригада уборщиков проделает свою работу. Где-нибудь около часа ночи.

Джон позвонил Нелл Коттер, которая остановилась у пролива. Ее номер не отвечал. Тогда Джон оставил сообщение, что он к ней идет, вышел на холмистые улицы и побрел на юг к воде.

Некоторые элементы Пунта-Аренаса не изменились с новым процветанием. Каждый квадратный метр почвы буйствовал летними цветами, и в воздухе царило их вечернее благоухание. На пятидесяти трех градусах южной широты декабрьское небо, даже затянутое облаками, не темнело еще три-четыре часа.

После шести лет одиночества и открытого океана Джон нашел для себя цветы и людные улицы такими же чуждыми, как другая планета. Даже поморники, буревестники и крачки пропали. Он искал их в небе, но они, надо полагать, на лето улетели далеко к югу, чтобы пожать богатый урожай вокруг уменьшающейся ледяной шапки.

Страннее всего были дети. На плавучих базах детей не имелось вовсе, но здесь они были повсюду — играли на каждом уличном углу, путались под ногами на тротуарах или бесшабашно катались по склону холма на самодельных тележках и самокатах. Джон бессознательно их избегал, а мысли его были далеко. Одно дело, когда тебя игнорировали на родной базе, где ты волен был сам устанавливать себе график и работать над своими научными проектами. Совсем другая ситуация получалась, когда тебя без всякого объяснения отволакивали на полторы тысячи километров, а затем обращались с тобой как с полным ничтожеством. С каждым шагом мрачность и раздражение Джона нарастали. С ним должно было случиться что-то скверное. Он наверняка это знал. Но не мог догадаться, что именно.

К тому времени, как Джон добрался до адреса, который ему дала Нелл, он уже был совершенно не в настроении посещать обеды богатых и знаменитых. Ни за тысячу песо с носа, ни за полпесо.

Когда Джон позвонил из вестибюля, он уже готов был сказать Нелл, что передумал и не идет на обед. Но она не дала ему такой возможности.

— Отлично. Шестой этаж. Поднимайтесь.— И в трубке зазвучали короткие гудки.

Нелл уже сказала Джону, где остановится, но это не было похоже ни на один отель из всех, что ему доводилось видеть. Здание представляло собой изящную высотную структуру, куда более заманчивую, чем общежитие Админа. Там не было ни гостевой регистрации, ни портье, ни какого-либо подобного персонала. Лифты казались рассчитанными только на перевозку грузов. Поднявшись на шестой этаж, Джон очутился в огромном зале без окон, поделенном на квадратные каморки перегородками по пояс вышиной. Некоторые каморки были ярко освещены и застеклены от пола до потолка. Другие были темными и не содержали в себе ничего, кроме выкрашенных серой краской шкафов. Люди

словно бы сновали повсюду как попало. Джон в замешательстве крутил головой, пока не заметил Нелл в четырех перегородках от него, склонившуюся над блоком телевизоров.

Нелл уже успела переодеться из своего зеленого комбинезона, который она носила в «Капле», в платье с голыми плечами того же цвета. Она также проделала какой-то фокус со своими волосами, подняв их вверх и обнажив грациозный изгиб шеи. Когда Джон до нее добрался, Нелл выпрямилась и устроила ему мгновенный осмотр с головы до пят.

— Стандартный размер должен подойти. Идемте.

И она взяла его за руку. Джон позволил ей буксировать его по шахматной доске с перегородками. По дороге они также миновали пару двухстворчатых дверей.

— Ну вот.— Нелл махнула рукой в сторону пары десятков высоких гардеробов вдоль одной стены.— Выбирайте.

Тут она увидела озадаченное выражение на его лице.

— Послушайте, я не привередлива, и то, что на вас сейчас, мне отлично подходит. Лично мне. Но Бога ради, мы же идем на официальный обед. Если вы не хотите, чтобы вас остановили у двери и стали задавать вопросы, вам придется переодеться. Сегодня вечером — только смокинги и платья.

— У меня нет смокинга — ни здесь, ни на базе.

— Знаете, я так и подумала. Иначе зачем, по-вашему, я вас сюда привела? — Нелл распахнула дверцу одного из гардеробов.— Я же говорю — выбирайте. Здесь все размеры, цвета и стили. А также все столетия.

Тут до Джона дошло.

— Это же киностудия!

— Разумеется. И я здесь работаю. Помните, ведь у меня работа имеется? Здесь также ставят пьесы. Вы можете одеться кем угодно от монаха-францисканца двенадцатого столетия до Питера Пэна, но нам нужно, чтобы вы слились с фоном. Поэтому мы организуем вам наряд характерного миллионера типа «десять тысяч песо за обед».— Она протянула руку и вытащила из гардероба вешалку.— Лучше бы вы мне помогли. Почему бы вам для начала вот это не попробовать?

На подбор наряда ушло много времени. Джона устроил бы первый же выбранный костюм, но Нелл настаивала, что на плечах ткань лежит не совсем как надо.

— Я знаю, богатые люди порой действительно носят одежду, которая им не подходит. Но специалисты по гидротермальным отдушинам, выдающие себя за богачей, такой одежды не носят.— Нелл приладила ему галстук-бабочку и вставила в петлицу крошечную видеокамеру.— Последний штрих. Камера вместо камелии. Таким образом, не возникнет никаких сомнений насчет того, чем вы занимаетесь. Кто знает. Быть может, вам удастся снять какой-то бесценный эпизод.— Она отступила назад и оглядела результат.— Шик-блеск! Как вы себя чувствуете?

— Странно.— Джон с трудом узнавал себя в окружающих его со всех сторон зеркалах. Нелл выкинула какой-то фокус и с его волосами, подкрашивая их, делая гуще у висков и ушей и приглаживая спереди.

— Вид у вас просто классный. Ну, пойдемте. К тому времени, как мы туда доберемся, вы к своим тонким перышкам приспособитесь. Вперед!

Дорога назад по холму в сгущающихся сумерках стала для Джона подлинным откровением. Другие пешеходы бросали на них всего один взгляд и отходили в сторонку. Даже дети на маленьких тележках предусмотрительно виляли вбок.

— Защитная аура богатства.— Нелл держала его под руку и смотрела прямо перед собой, игнорируя всех окружающих.— Пусть даже фальшивого.

— Я думал, что подобные вещи должны были кончиться вместе с войной.

— Вы говорите как кабинетный ученый. Таков один из уроков истории. Подобные вещи никогда не кончались и никогда не закончатся. По крайней мере, пока люди остаются людьми.— Тут Нелл сжала его руку и надменно вздернула нос на мужчину, который слишком медленно убирался с их дороги.

Само здание, где располагалась обеденная зала, стояло на западном склоне, фасадом к проливу и далекому океану. У входа торчали дюжины мужчин в форме. Они пристально наблюдали за парочкой, пока билеты, которые представила Нелл, не были проверены. Джон стоял рядом, нервно дергая пальцами скользкие манжеты.

— Я уже подумал, мы влипли,— негромко сказал он, когда их наконец пропустили.— Вся эта охрана...

— Это не из-за нас.— Нелл снова сжала ему руку.— Успокойтесь, дорогой.

— А из-за кого?

— По студии шли разговоры, что наружники могут силой сюда прорваться, чтобы вызвать беспорядки. Обед Внутреннего Круга — одна из их обычных мишеней.

— Но это же сущая нелепость. Движение «Наружу» нуждается в «мобилях». Сайрус Мобилиус должен быть для наружников настоящим героем.

— Должен быть. И, насколько я знаю, он таковым и является. Но у охранников просто нет мозгов, чтобы это понять. Вот они и охотятся за наружниками за каждым мусорным баком.— Она потянула его за руку.— Нет, нам не сюда, дорогой. Нас терпят, потому что им нужна публичность. Так что нас даже накормят. Но в реальный Внутренний Круг вас нипочем не посадят.

В обеденной зале стояли десять круглых столов. За каждым имелись места и приборы для восьми персон. Нелл провела Джона к небольшой голой скамье, полускрытой от собственно обеденной залы и предлагающей камерам хороший обзор главного стола на подиуме. Мужчина и две женщины как раз устанавливали камеры на этой скамье. Нелл им кивнула, и они бросили на Джона безразличные взгляды, прежде чем снова вернуться к своей работе.

Сайрус Мобилиус уже сидел за главным столом, болтая с женщиной в форме по левую руку от него. Пока шла раздача блюд, Джон Перри внимательно изучал человека-легенду. Изучение это он нашел странным образом неудовлетворительным. Мобилиусу было уже где-то к пятидесяти. Сидя, он представлялся невысоким, мощного телосложения мужчиной с толстой шеей, которая неприятно выпирала над бело-голубым отложным воротничком. Костюм его был незатейливого серого цвета, и там явно недоставало медалей, украшений или драгоценностей. Нос у Мобилиуса был непомерно велик. Над носом возвышалась густая шапка седеющих волос, а из-под выдающихся надбровных дуг выглядывали бледные, пустые на вид глаза. Солнечный Король ел очень мало, только поклевывая большинство подававшихся блюд, и он, похоже, слушал и кивал гораздо больше, чем говорил. По контрасту со сверкающей, разукрашенной, увешанной всевозможными регалиями аудиторией членов Внутреннего Круга выглядел он весьма невзрачно.

— А вы чего ожидали? — поинтересовалась Нелл, когда Перри сообщил ей, каким обычным выглядит Сайрус Мобилиус.—

Трехметрового рыжеволосого гиганта? Это было одним из ранних открытий и крупных разочарований моей карьеры. Великие мужчины и великие женщины в основном не выглядят в чем-то отличными от других. Если бы они так выглядели, моя работа была бы проще.

— Но они...— Джон мотнул головой в сторону публики.

— ...не великие люди.— Нелл подалась ближе.— Ересь, конечно, это заявлять, особенно в этой зале, но Внутренний Круг — это просто богачи. Просто богатые старики и ничего больше. У женщины рядом с Сайрусом Мобилиусом мозг устрицы, и она получила свою работу высокого ранга благодаря семейным связям. Я никогда не разговаривала с Мобилиусом, но уверена, что он здесь не потому, что ему страшно хотелось здесь побывать. Он здесь потому, что ему нужны их деньги для своих новых проектов. Через несколько минут вы увидите мистера Мага за работой.

Трапеза заканчивалась. Женщина в форме слева от Мобилиуса встала, и зала погрузилась в молчание.

— Добрый вечер! — Она улыбнулась всему залу, не забыв уделить и долгое мгновение столику для прессы.— Меня зовут Долорес Гелбман, и я энергетический координатор Тихоокеанского региона. Мои друзья, леди и джентльмены Внутреннего Круга, сегодня вечером я удостоена необычной привилегии. К своему удовольствию, я представляю вам нашего почетного гостя, Сайруса Мобилиуса. Но прежде чем я попрошу его обратиться к вам, я бы сначала хотела сказать несколько слов о его работе и о том, что она для всех нас значит,— Долорес Гелбман подняла со стола пару листков бумаги и бросила на них взгляд.— Люди пользовались термоядерной энергией задолго до того, как реально ее узнали. Наше Солнце, эта могучая звездная печь, само по себе не более чем гигантский термоядерный реактор, обменивающий водород и дей-терий...— на этом слове она споткнулась и ненадолго опустила голову, чтобы свериться со своими заметками,— дейтерий на гелий, кислород и... прочее. Но лишь сто пятьдесят лет назад мы добились первой управляемой термоядерной реакции. И лишь в тысяча девятьсот пятидесятых годах сетевое производство энергии посредством термоядерной реакции стало действительно возможно.

Джон Перри вздрогнул и повернулся к Нелл.

— Но все это неправда!

— Я знаю.— Нелл улыбалась.— Кто-то, такой же тупой, как она, настрочил всю эту муру, а она даже толком прочесть не может. Она понятия не имеет, что это полная чушь. Но тс-с! Наслаждайтесь. Если вам не нравится, что она болтает, подумайте, что при этом испытывает Мобилиус. Посмотрите на него.

Сайрус Мобилиус сидел, откинувшись на спинку своего кресла. Локти он поставил на стол, а кончики пальцев соединил, слушая, как Долорес Гелбман продолжает свою речь. Он казался идеально спокойным, предельно расслабленным, наслаждаясь всем окружающим. Прошло еще несколько минут, прежде чем Перри понял, чем он на самом деле занимается.

Он наклонился к Нелл.

— Он считает. Считает ее фактические ошибки, отстукивая их на пальцах. Смотрите — вот еще одна. Она сказала «нейтроны», а имела в виду «нейтрино». Пока что с полдюжины. Когда она закончит, он ее на кусочки порвет.

— Хотите поспорим, что нет? Он бы с великим удовольствием, но для этого он слишком умен. Сайрус Мобилиус знает, кем ему приходится манипулировать и как это надо делать. Подождите и сами увидите.

— ...до конца войны,— продолжала Долорес Гелбман,— когда наша промышленность была уничтожена, большинство земель стало необитаемо, а производство энергии подавлено. И в этот момент величайшей нужды, подобно рыцарю-спасителю в блестящих доспехах, на Землю с Пояса прибыл Сайрус Мобилиус. Прибыл, готовый раскрыть тайны компактного, сверхэффективного устройства термоядерной реакции, которое он изобрел, всем, кто в этом нуждался. Как здесь, так и во Внешней системе. За последнее время имя Сайруса Мобилиуса стало синонимом термоядерной энергии. Благодаря его усилиям она была развита до такой степени, что никакой другой источник не может конкурировать с ней в смысле эффективности, цены или безопасности. И, таким образом, моя привилегия сегодня вечером, с позволения Внутреннего Круга, вручить высшую технологическую награду всей Земли, за пионерскую работу по систематическому развитию безопасной термоядерной энергии, Сайрусу Мобилиусу. Человеку, которому я рада даровать титул... Солнечного Короля.

— Нет, вы только ее послушайте,— прошипел Джон.— Она говорит про «Солнечного Короля» так, как будто только что это

прозвище изобрела. Да ведь оно по всей Солнечной системе уже лет пятнадцать используется!

Но Сайрус Мобилиус уже вставал, чтобы пожать Гелбман руку, улыбаясь при этом так, словно титул, которым она его наградила, был для него чем-то совершенно новым и удивительным.

— Благодарю вас, координатор Гелбман, за добрые слова. И благодарю вас всех за честь подобной награды.— Он кивнул в сторону завернутого в роскошную бумагу пакета в полметра вышиной, что стоял перед ним на столе.— И еще больше благодарю вас за то, что вы наградили меня честью сегодня к вам обратиться.

— Я же вам говорила,— прошептала Нелл.— Он великий человек, но он также великий дипломат. И все-таки в один прекрасный день я собираюсь засечь его с расстегнутой ширинкой.

— Что-что вы собираетесь?

— Я собираюсь засечь его с таким выражением лица, которого он заранее не планировал. Впрочем, сегодня вечером не получится. Он их вокруг пальца обведет. Следите за ним внимательно.

Мобилиус грустно качал головой.

— С моей точки зрения, многие почести, в изобилии на меня излившиеся, совершенно не заслуженны. Плазменная теория и детальные термоядерные вычисления всегда были для меня слишком сложны. Я всю жизнь оставался не более чем халтурщиком, забавляющимся и играющим, а время от времени случайно открывающим какую-нибудь штуковину, которая почему-то работает. Так что, если группа настоящих ученых дает мне награду, я чувствую себя очень неловко. В таких случаях я всегда вспоминаю то, что Чарльз Бэббидж сказал о Британском Королевском Обществе: «Это организация, которая существует для того, чтобы устраивать пышные обеды и раздавать другу другу золотые медали». Но когда меня награждают такие реальные люди, как вы, люди, которые живут в реальном мире и понимают его потребности и приоритеты, что ж, тогда меня переполняет чувство благополучия и совершенно неразумная гордость. Та самая гордость, которую обычно испытываешь перед падением.

От некоторых членов аудитории последовали понимающие кивки и несколько выкриков: «Никогда!» и «У вас все получится!»

Сделав паузу, Мобилиус оглядел зал.

— Я так понимаю, что, несмотря на все мои усилия в смысле сокрытия своих планов, некоторые из вас, похоже, уже слышали

о моей мечте. Если дело обстоит именно так, то я надеюсь, что кто-то из вас даже может настолько ею заинтересоваться, что решит принять участие, обеспечивая прямую поддержку, когда представится такая возможность. Но я должен вас предупредить. Есть хороший шанс, что через год в это же самое время имя Сайруса Мобилиуса станет посмешищем для всей Солнечной системы. И если это случится, я надеюсь, что те из вас, кто был со мной добр, когда казалось, что я рядом с вершиной, будут со мной так же добры, когда я окажусь на дне.

Из аудитории последовали еще выкрики: «Считайте меня!» и «Провалов у вас не бывало!»

— Совершенно верно,— Мобилиус поднял руку.— Но все когда-то случается впервые, в том числе и провалы. Однако мы забегаем вперед. Сегодня вечером в мои планы вовсе не входило выдвигать обещание нового грандиозного проекта... («Особенно когда он, если вы заметили, только что это сделал,— прошептала Нелл.— Он может прямо сейчас их всех подписать, если только захочет») ...а скорее поблагодарить вас и с великой признательностью принять эту награду.

Сайрус Мобилиус подтащил к себе высокую упаковку и с помощью Долорес Гелбман снял с нее обертку. Обнажился сверкающий блок вложенных цилиндров, окружающий центральный тороид и комплекс спиральных трубок.

— И где же я что-то подобное видел? — Мобилиус ухмылялся.— Для всех, кто это не узнает, здесь мы имеем модель Мобилиуса АЛ-3 — ту самую, которую большинство людей зовет «мобильмини». Самый маленький и самый популярный из моих термоядерных заводиков.— Он какое-то время его изучал.— Такой должен производить тридцать мегаватт энергии. Очень красиво выполненная модель. В уменьшенном масштабе. Сколько... четыре к одному?

— Ровно четыре к одному,— Долорес Гелбман повернула предмет так, чтобы столик прессы смог получше разглядеть и модель, и ее саму.

— И со всеми этими деталями в пропорции.— Мобилиус нагнулся, изучая интерьер.— Просто идеально.

Вдруг он нахмурился:

— Впрочем, погодите минутку. Эта штуковина вовсе не идеальна. Это подделка — она не может давать энергию!

В аудитории послышалось негромкое шушуканье.

Раздались смущенные смешки людей, реагирующих на шутку, которой они не поняли.

— Нет, это мы не можем принять, не так ли? Зачем нам «мобиль», который энергию не дает? — Сайрус Мобилиус помедлил, затем нагнулся и сунул руки под стол.— Нет-нет,— продолжил он,— нам нужно что-то вроде вот этого.

С помощью двух людей в форме, которые мигом подскочили из боковой части зала, Мобилиус поднял с пола еще одну упаковку и поставил ее на стол. Когда обертку удалили, там оказалась странно искаженная версия «мобиля-мини» — с непропорциональным центральным тороидом и комплексом двойных спиралей позади него. Все молча наблюдали, как Мобилиус включает тумблер на боку аппарата. Затем он кивнул еще одному человеку у дальней стены. Свет в зале медленно померк. И когда это произошло, вибрирующий свист донесся от машины на столе, за которым последовало шипение электрического разряда. Свет в зале совсем пропал. Теперь ее освещала только нарастающая голубизна внутри центрального тора.

— Леди и джентльмены,— Сайрус Мобилиус, смутно различимый в голубом свечении, поднял руку.— Позвольте впервые представить вам «мобиль-микро». Первый настольный термоядерный реактор в Солнечной системе. Шестьдесят килограммов общей массы, внешние габариты вы видите, выход энергии — восемь мегаватт. И, как вы непременно убедитесь, совершенно безопасный.

Свечение по-прежнему усиливалось. Залитое голубым светом лицо и парящие над аппаратом руки напоминали мага, вытягивающего энергию из воздуха посредством какого-то первобытного заклинания. Аудитория охнула, когда руки Мобилиуса, обхватили тор, а затем внезапно нырнули в пылающую плазму в самом центре. Свечение тут же погасло, а свет в зале вспыхнул. Сайрус Мобилиус стоял за своим настольным термоядерным реактором, беспечный и расслабленный. Пока члены Внутреннего Круга вставали на ноги, он сошел с подиума и стал расхаживать среди них, пожимая руки и хлопая людей по спинам.

— Вот вам, детишки,— тихо сказала Нелл,— и конец сегодняшнего представления. Что я вам говорила? Он не сделал ни одного ложного шага. Теперь я понимаю, почему так легко было получить билеты для прессы. Мобилиус хотел, чтобы все это дело получило максимальное освещение.

Джон Перри сидел в настоящем шоке. Ему недоставало имевшегося у Нелл опыта и раннего иммунитета к славе и богатству, а главное, к элементарной харизме.

— Он гений. Абсолютный гений. Но что он имел в виду, когда говорил, что ровно через год над ним будут смеяться?

— Не знаю.— Глаза Нелл были сосредоточены на Сайрусе Мобилиусе, который каждые несколько секунд бросал взгляд в сторону столика для прессы.— Но это должен быть колоссальный новый проект, настолько крупный, чтобы сам Солнечный Король заговорил о перспективе превратиться в посмешище. Не беспокойтесь, мы выясним, что он планирует. Я позвоню Глину Сефарису, и он даст задание нашему персоналу в Гусвике. Там находится основная база Мобилиуса.

— Никто не собирается смеяться над Мобилиусом, что бы он там ни сделал. А почему вы так уверены, что ваш персонал сможет до этого докопаться?

— Потому что Солнечный Король никогда не бросил бы этого нам — прессе, то есть если бы действительно хотел сохранить это в тайне. Вы замечаете, что никто из нас и понятия не имел о настольном термоядерном реакторе, пока нам его сегодня вечером не показали? Он даже меня удивил точно так же, как всех остальных.

Тут Нелл ухватила Джона за руку и потащила его сквозь толпу.

— Вперед, вперед, давайте посмотрим, не удастся ли нам перекинуться словечком с мистером Магом, прежде чем его утащат в более узкий круг. У меня такое чувство, что прямо сейчас он очень восприимчив к вниманию прессы. Нам предлагается докапываться и выяснять, каков его новый проект, так что — кто знает? Может статься, если мы будем достаточно хитры или везучи, мы сегодня же вечером это и выясним.

4

«ЗВЕЗДНОЕ СЕМЯ»

Происхождение у Нелл Коттер и Вильсы Шир было совершенно различным. Они никогда друг с другом не встречались и даже не проживали на одной планете. Они жили в миллиардах километров друг от друга. И все же, если бы Нелл вдруг переправили под бок к Вильсе, у нее не возникло бы никаких сложностей с тем,

чтобы распознать чувства другой женщины. Она сама их испытывала — всего двадцать четыре часа тому назад.

Вильса, приятно возбужденная, сидела одна в небольшом погружаемом аппарате, курсирующем по турбулентным океанским глубинам. Даже легкого мерцания не проникало от света далекого солнца. «Глаза» погружаемого аппарата представляли собой сочетание радаров и ультразвуковых датчиков, давая плоское, низкоконтрастное изображение, которое превращалось в невыразительную серятину в дюжине километров от судна.

Голос Тристана Моргана казался таким же серым и ровным, звучал далеко и тонко, хотя слова произносились Вильсе прямо в ухо.

— Пока что все в порядке, но теперь ты должна опуститься. Видишь это вихревое облако прямо по курсу? Тебе нужно будет вырулить так, чтобы в него не попасть. И ты должна идти вниз. В верхнем регионе имеются слишком сильные для «Леды» конвекционные течения, а кроме того, верхушка облака будет распространяться вверх на тысячи километров. Установи себе тридцатиградусное скольжение вниз. Цельсь в левый край облака и держи такой курс пятнадцать минут. Ты будешь двигаться в том же плане, что и вращение облака. Любая циркуляция тебя ускорит. Когда обогнешь облако и выйдешь в свободную зону, прямо перед тобой окажутся три или четыре фон Нейманна.

— Хорошо.

Собственные руки казались Вильсе огромными и неуклюжими, подобными чудовищным перчаткам, пока она медленно оперировала рычагами управления «Леды». Погружаемый аппарат накренился и начал длинное скольжение вниз. Еще один слабый голосок нараспев произносил цифры, дублируя красный отсчет в левом верхнем углу дисплея. Он докладывал изобарическую глубину в километрах: «Один-три-один-два. Один-три-один-три. Один-три-один-четыре». Тысяча триста километров под верхним слоем облаков планеты. Давление должно было превысить сотню стандартных атмосфер. Холодно уже не было. Погружаемый аппарат плыл сквозь гелиево-водородную смесь, кипящую почти при трехстах градусах Цельсия. Еще немного глубже, и тепло вокруг корабля сможет растопить свинец.

Завихряющееся облако возвышалось сравнительно невдалеке справа от Вильсы. Она завороженно разглядывала его неровную, расширяющуюся спираль; янтарно-оранжевая турбулентность,

преображенная синтетической системой изображения в нездоровую, пятнистую желтизну, вечно поднималась вверх. Грозовой фронт, черный посередине, смотрелся величественно и угрожающе. Вспышки молний бежали по его периметру, освещая темный интерьер погружаемого аппарата случайными импульсами яркой зелени.

Вильса неотрывно глазела в самое сердце смертоносного грозового фронта. И пока она это делала, другой голос непрошенно зазвучал из тайных глубин ее разума. Его настойчивость отвергала все остальные мысли. Широкая, поистине королевская тема, которую он выдвигал, неодолимо росла из басового ми-минора, изгибаясь вверх, чтобы завладеть мозгом Вильсы.

Мелодия самого Юпитера. Пилотирование погружаемого аппарата превратилось в бессознательный процесс, пока Вильса позволяла теме разрастаться, и «Леда» скользила влево под основание облака. Вильса возликовала, когда мотив воспарил выше, вздымаясь так же величественно, как спиралевидное облако перед ней. Подобно начальной точке всех ее композиций, прибытие мотива стало полным сюрпризом. Двумя минутами раньше Вильса не смогла бы предложить ни намека на форму, темп или тональность — или даже предсказать, что нечто творческое назревает. Все остальное в композиции могло доделываться мыслью и тяжелой работой, но мелодия оставалась поодаль, вне контроля сознания. И мелодия эта, уже знала Вильса, была прекрасна.

— Достаточно! — Голос Тристана Моргана пришел снаружи, откуда-то с миллионов миль, прикасаясь к сокровенному, но не разрушая творческие чары.— Я знаю, ты уже решила, что можешь лететь с завязанными глазами. Но теперь выходи оттуда.

— Ладно.

Вихрящееся облако исчезло позади, когда Вильса сменила курс; его заменили полоски, что бежали через все поле зрения. «Восток-запад». Вильса вспомнила раннее предостережение Тристана Моргана: «Не забывай, что вся эта мелкомасштабная стрижка идет только с востока на запад. И еще не забывай, что любая из тех тоненьких карандашных линий содержит в себе достаточно энергии, чтобы порвать судно пополам».

Но черные неровные полоски на горизонте несли в себе и другое сообщение. Они инициировали настойчивый зубчик мотива, пробегающий как остинато контрапунктом к предыдущей теме.

Вильса сплела их вместе, удовлетворенно ощущая гармонию. Затем, в порядке эксперимента, она перевела все это в тональность соль-мажор. Нет, так хуже. С самого начала она была права. В ми-минор было гораздо лучше.

— Одни-три-два-два,— внезапно произнес монитор глубины.

— Вильса, твой мозг опять на автопилоте.— Голос Тристана был достаточно резким.— Заканчивай вираж и посмотри на полоборота налево. Ты увидишь трех «фон Нейманнов» — нет, пусть будут два. У одного уже полный груз, и он начинает подниматься. Если не поспешишь, то все пропустишь.

— Я не сплю. Я работаю! — Однако, рявкнув ответ и надежно отодвинув зарождающуюся композицию на задворки своего разума — не было ни малейшего опасения, что она ее забудет,— Вильса принялась внимательно осматривать атмосферу впереди, предвкушая свое первое юпитерианское созерцание «фон Нейманнов».

Вот один. И не так далеко от него второй. Но третий, о котором упоминал Тристан, был уже высоко наверху, поднимаясь сквозь атмосферу на дымном столбе своего «мобиля». Через двадцать минут он пройдет бесцветные слои гидросульфата аммония и достигнет основания бело-голубых аммиачных облаков. Еще пятнадцать минут — и «фон Нейманн» начнет на полном ходу вырываться вверх, силясь порвать гравитационные оковы громадной планеты.

Два других тихо собирали урожай. Чудовищные заборные трубки Вентури, сотни метров в поперечнике, всасывали атмосферу Юпитера в обширные недра «фон Нейманнов», похожих на гигантских жуков. Водород вентилировался первым, если не считать мизерного количества, что оставлялось в качестве горючего для термоядерного мотора типа «мобиль». Следовые количества серы, азота, фосфора и металлов отделялись и накапливались в ожидании того момента, когда этого сырья будет собрано достаточно. Затем фон Нейманн создаст точную копию самого себя и выпустит ее на волю.

Гелий, составлявший четверть массы всей юпитерианской атмосферы, еще предстояло обработать. Большая его часть, как отбросы рудничных операций, интереса не представляла. Драгоценной крупицей был изотоп гелий-3, в десять тысяч раз более редкий по сравнению с гелием-4. «Фон Нейманны» кропотливо разделяли два этих компонента, спускали обычный изотоп и хранили более легкие молекулы в жидкой форме. Когда накапливалась сотня тонн, резервуары становились полны, и «фон Нейманны»

оказывались готовы к тому, чтобы начать свое длинное восхождение к отрыву от планеты.

Но не этот триумфальный выход прибыла засвидетельствовать Вильса. Аномальные сигналы прибыли на станцию «Геба», кружа по орбите Юпитера в полумиллионе километров над самыми высокими облачными слоями. Тристан Морган засек эти сигналы и распознал их как исходящие от одного из двух «фон Нейманнов», которые висели теперь перед «Ледой». Пока погружаемый аппарат сближался с жукообразными машинами, Вильса разглядела источник проблемы. Интенсивное тепло — предположительно удар молнии — расплавило и деформировало один комплекс заборных трубок Вентури и резервуаров. «Фон Нейманн» шел как-то косо-боко, бледный водородный выхлоп шипел из его основания.

Вильса довела «Леду» до дистанции в сотню метров от фон Неймана и соотнесла их курсы. «Фон Нейманн» опускался со скоростью примерно километр в минуту. Затем она сфокусировала синтетические системы изображения на искалеченном борту.

— Чертовски скверно! — Тристан Морган изучал повреждения.— Честно говоря, гораздо хуже, чем я думал. С такой потерей водорода мы могли бы долететь до верхнего края атмосферы, заменяясь на ходу. Но он никогда не наберет вторую космическую скорость.

— Что мы тогда можем сделать?

— Ничего. Пока он не достигнет орбиты, никакой возможности для ремонта нет. Этот мы можем списать.

Вильса уставилась на обреченную машину. Внезапно она показалась ей живой и страдающей, несмотря на заверения Тристана, что разум и функции «фон Нейманнов» весьма ограниченны.

— Ты хочешь сказать, что мы просто бросим его здесь искалеченным и он будет плавать вечно?

— Он не будет плавать вечно. Он будет продолжать тонуть до уровня больших давлений и температур. Посмотри на индикатор глубины. Ты теперь на один-три-два-семь. К тому времени, как «фон Нейманн» достигнет шести-семь тысяч километров, температура поднимется до двух тысяч градусов Цельсия. Он расплавится и распадется, а содержащиеся в нем элементы вернутся обратно в планетарный бассейн.

Голос Тристана звучал непринужденно, однако Вильса сумела представить себе более личную версию. Откуда он знал, что

температура будет продолжать подниматься, и откуда он знал, что у «фон Нейманна» нет своих чувств? Что, если он обладает самосознанием? И что, если он обречен функционировать и вечно падать сквозь все эти плотные слои?

Тут Вильса сказала себе, что вечно это продолжаться не может. На уровне в семнадцать тысяч километров, согласно Тристану Моргану, Юпитер развивает давление в три миллиона земных атмосфер, и водород из газообразной переходит в металлическую форму. Что бы ни случилось на более высоких уровнях, такого перехода «фон Нейманн» не переживет.

В голове у Вильсы снова зазвучала музыка — серьезная и размеренная. Панихида в тональности до-минор. Павана для мертвого «фон Нейманна». Она продолжалась минут десять, пока ее не прервал далекий и тонкий голос Тристана Моргана.

— Если только ты не собралась в поездку до самого низа вместе с «фон Нейманном», я предлагаю немного поуправлять «Ледой». Ты сейчас на один-три-три-семь. Хочешь вернуться на более высокий уровень и еще немного там покурсировать? Или ты хочешь вернуться? Должен упомянуть, что я получил звонок от твоего агента.

— Магнуса? И что он сказал?

— Никакого сообщения. Он все еще на Ганимеде, и он хочет, чтобы ты ему позвонила. Немедленно.

— Черт бы его побрал. Почему он всегда думает, что у него есть ко мне разговор? Почему просто не оставит сообщение о том, что ему нужно? — Вильса подняла перчатки, позволяя автоматической системе «Леды» принять от нее управление и крейсировать на постоянной изобарической глубине.— Ладно. Возвращай меня назад. Но на сей раз помедленней.

— Не выйдет. Нет таких установок. Держись.

Переход был болезненно внезапным. В один момент Вильса смотрела из иллюминатора «Леды» на взбаламученный интерьер Юпитера. А в следующий она уже в шоке облокачивалась о кресло управления на станции «Геба», отчаянно моргая от яркого света. Наушники сами собой скользнули вверх, а перчатки ослабили свою хватку на ее ладонях и предплечьях.

— Ну вот. Ты получила то, на что надеялась?

Тристан Морган склонялся над Вильсой. На вид он совершенно не соответствовал тому холодному, далекому голосу, который она получала через наушники. Это был высокий, ясноглазый и впечат-

лительный мужчина с выпуклыми щеками бурундука и широкой улыбкой. Как и у всех в системе Юпитера, у Тристана были свои представления о личном пространстве, которые абсолютно не соответствовали предпочтениям индивида, выросшего на Поясе.

Вильса по привычке от него отстранилась, хотя она вовсе не чувствовала себя неуютно.

— Я получила больше, чем надеялась. Гораздо больше.

— Мне показалось, на какое-то время ты совсем далеко ушла. Новый материал?

— Да. И первоклассный. По крайней мере, сами темы. Мне еще следует очень серьезно их доработать. Юпитер — чудесная стимулирующая среда. Жаль, я не предприняла этой поездки раньше, когда работала над сюитой.

— Измени ее. Еще есть время.

— Быть может.— Вильса подошла к одному из иллюминаторов и выглянула наружу. Окольцованная оранжево-бурой каймой, поверхность Юпитера впечатляюще выпирала, заполняя пятнадцать процентов небес вокруг станции «Геба». Глядя на чудовищную планету, Вильса призывала на ум ощущение новой зарождающейся композиции.

Затем она покачала головой.

— Быть может, но скорее всего — нет.

— Хуже, чем тебе казалось вначале?

— Лучше. Но проблема не в этом. Тут вопрос масштаба. Когда ты внизу, ты всегда кажешься себе больше.

— Люди вечно упускают из вида этот фокус с Юпитером. Они знают, что его масса в триста двадцать раз больше земной, но эту цифру использовать не годится. Она только с толку сбивает. Объем атмосферы Юпитера, от верхних облаков до металлической водородной перемычки, в полмиллиона раз больше объема земной атмосферы. Лучше делать такое сравнение.

— Об этой атмосфере получаешь верное представление, когда сквозь нее летишь. Если бы я попыталась вставить новые темы и идеи в сюиту, они бы ее исказили. Неважно, насколько они хороши. Они просто не подходят.

— Случай Бетховена, когда он пытался сделать «Большую фугу» последней частью струнного квартета си-бемоль? Когда его так играют, всегда получается слишком грубо. Потому что пропорции нарушаются.

— Как раз это я и имела в виду.

Разговаривая с Вильсой, Тристан Морган поначалу настаивал, что ничего не знает о музыке и вообще никак в ней не заинтересован. Она поверила ему, когда только-только прилетела на Ганимед и столкнулась с ним на одном из приемов после концерта. Но со временем Тристан себя выдал. Во-первых, он невесть как умудрялся присутствовать на каждом музыкальном вечере, который она посещала. Во-вторых, он оказался на дружеской ноге со всеми на Ганимеде, кто писал, исполнял музыку или просто ею интересовался.

Это заставило Магнуса Кляйна, внимательно следящего за всем, что могло воздействовать на жизнь и карьеру Вильсы, устремить на Тристана очевидно неодобрительный палец.

— Сколько этому Моргану лет?

— Ему тридцать три года. А что?

— А то, что он любит музыку и общается со всеми, кто к ней причастен. Он преследует тебя, и ты сама это знаешь.

— Но почему? — Вильса была заинтригована Тристаном больше, чем ей хотелось признать.

Магнус поднял кустистую бровь.

— Глупый вопрос. Потому что ты его завораживаешь — вот почему. Но ты его запугала. Он знает, что ты на семь лет младше, и все же, что бы Тристан Морган ни делал, он всегда будет входить в твое музыкальное окружение. Хотя у него никогда не будет ни твоей критической способности, ни твоей памяти, ни тысячной доли твоего дара.

— Какая чушь. Я не смогла бы никого запугать. Он просто стесняется.

Она не поняла, почему Магнус в ответ скептически пожал плечами. Талант Вильсы был очень рано выявлен системой воспитания Пояса. Ей не было еще и трех лет, а ее уже зачислили в музыкальные ясли, где все обладали музыкальным даром с точки зрения профана — и где понятие «дар» никогда не упоминалось. Абсолютный слух принимался там как само собой разумеющееся — как то, что у всех было по два уха,— и учителя в тех яслях ожидали, что ты раньше начнешь читать ноты, чем букварь.

Окруженная такими попечителями, Вильса считала себя совершенно обычной. К двенадцати годам ее необыкновенный талант к композиции был обнаружен и получил поощрение; но к тому

времени Бах, Моцарт, Бетховен и Стравинский стали ее постоянными спутниками. Сравнивая себя с бессмертными, девочка считала себя полным ничтожеством.

Потребовалось еще десять лет плюс концертное выставление себя перед «реальным» миром, чтобы Вильса поняла, что она, быть может, и ничтожество, но что в один прекрасный день она станет чем-то значительным. А следующие два года оценки ее музыкальных талантов превратили ее не просто во что-то значительное, но во что-то очень значительное.

В дни после того разговора с Магнусом Вильса наблюдала и прислушивалась. Она решила, что, как обычно случалось, когда дело доходило до людей и их мотиваций, Магнус был прав. Тристан Морган был уверен в себе и расслаблен, болтал со всеми и обо всем — не считая тех случаев, когда оказывался лицом к лицу с Вильсой. Тогда из него трудно было выжать даже несколько слов.

Вильсу такое отношение задело до глубины души. Оно в корне не соответствовало ее представлению о себе. Имея свободное время, пока Магнус Кляйн улаживал контракты, Вильса за прошедшую неделю сумела поменяться ролями. Теперь уже она преследовала Тристана Моргана — выслеживала его на собраниях на Ганимеде, питалась в то же время и в тех же местах, что и он, и наконец возымела вдохновение сесть перед Тристаном и спросить его о проекте «Звездное семя».

Тогда слова полились сами собой. Тристан поведал ей о великом замысле, лелеемом уже по меньшей мере столетие, послать беспилотный корабль на термоядерной энергии к звездам.

— Мы изменили название, и консерваторов оттолкнула бы наша технология, не будь они в ладах с физикой. Мы планируем заправиться смесью гелия-3/дейтерия.

Но когда Тристан захотел рассказать Вильсе подробности, она его перехитрила. У нее, сказала Вильса, целая неделя свободна. Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Тристан, похоже, снова заколебался. Вильсе пришлось и дальше его улещать. Вначале она убедила его взять ее на небольшой завод по разделению дейтерия там же на Ганимеде, а затем на куда более крупный на большом куске льда за Каллисто. Начиная с этой точки, для них уже казалось вполне естественным вместе с грузом дейтерия отправиться внутрь системы к конструкционному модулю на орбитальной базе «Звездное семя», а там понаблю-

дать за тем, как «фон Нейманны» воспаряют к доку, избавляются от своего груза гелия-3 и падают назад для повторения цикла. Последним шагом стал визит на станцию «Геба», которого добилась Вильса.

Имитационный круиз на «Леде» сквозь глубины Юпитера с целью наблюдения за рудничной работой «фон Неймannов», собирающих термоядерное горючее внутри облачных слоев, стал частью той же самой стратегии. Музыка, что наполняла голову Вильсы во время круиза, была дальним планом, дополнительной выгодой. Новые стимулы обычно вели к новым композициям, хотя никаких гарантий здесь быть не могло.

План Вильсы сработал. Тристан стал наконец свободно с ней общаться. Он даже высказывал замечания по поводу музыки — но музыки, написанной другими. Единственным, чего он делать упорно не желал, оставалось обсуждение ее композиций. Вильса понимала, что этого ей хотелось, как ничего другого — но ей еще и в голову не приходило, почему это так важно... хотя она заметила, что ее скорее радовало, чем расстраивало, когда Тристан Морган стоял там, где он стоял сейчас,— то есть на полметра ближе, чем того требовала учтивость Пояса.

Вильса отвернулась от иллюминатора, разминая руки и плечи, которые слишком долго находились в одном положении. Тристан пододвинулся еще ближе, возвышаясь над Вильсой. Он был долговязый, стройного телосложения, и одной из первых характерных черточек, которые Вильса в нем подметила, были его длинные, гибкие пальцы. Она жадно изучала их взглядом профессиональной клавишницы. Наверняка он свободно мог взять дуодециму. А смуглые маленькие ладошки самой Вильсы едва брали нону.

Она представила себе клавиатуру и в тот же самый момент поняла, что совершенно забыла про звонок своего агента.

— Ты сказал Магнусу, когда я смогу к нему вернуться?

— Нет. Он был сверх меры настойчив, а потому я сказал ему, что тебя здесь нет, что ты в тысячах километров отсюда, глубоко в недрах Юпитера. Ему это совсем не понравилось. Вероятно, он думает, что его драгоценные десять процентов оказались в серьезной опасности.

Итак, пренебрежение у этих двоих было взаимным. Вильса вздохнула и оглядела отсек.

— Могу я отсюда ему позвонить?

— Конечно. Для обратного звонка я уже все наладил. Нажми подающую клавишу и будешь в прямом контакте с Кляйном на Ганимеде.— Он взглянул на хронометр.— Но тебе лучше сделать это поскорее, пока геометрия хорошая. Если станешь действовать прямо сейчас, никакой ретрансляционной станции не потребуется, и сигналы будут ходить туда-сюда за четыре секунды.

Вильса тут же нажала на клавишу. Ей показалось, что трубку на том конце сняли раньше, чем через четыре секунды. Магнус Кляйн, должно быть, сидел прямо у аппарата.

— Где-ты-была-черт-побери? — произнес скрипучий голос.— Давай срывайся оттуда.

— Зачем? Что случилось?

Длинная пауза.

— А как ты сама думаешь? Что могло случиться? О чем я говорил, то и случилось. Нас подписали — для твоей «Галилеевой сюиты». Премьерное представление в системе через девять дней. Вот чем я здесь занимался, пока ты там дурочку валяла. В темпе двигай назад.

— Какие условия? — спросила Вильса. А пока она ожидала, когда ее слова пройдут по лазеру на Ганимед и на станцию «Геба» вернется ответ, Тристан Морган качал головой.

— Вот ублюдок.

— Этот ублюдок ничего такого не сделал. Просто родители плохо его воспитали.

— Тогда он еще хуже, чем ублюдок. Почему ты позволяешь такому придурку, как Магнус Кляйн, тобой помыкать? Он же просто пользуется преимуществом...

— Восемьдесят тысяч за первое представление,— вырвался грубый голос из динамика.— Если согласишься еще на четыре по тридцать тысяч за... я уверен, мы это получим. У нас будут права звукозаписи на все, кроме первого представления. Я так прикинул, что ты будешь в лучшей форме на второй или на третий вечер. На премьере трансляционными привилегиями придется поделиться.

— Вот, значит, почему...— Вильса прихлопнула рукой микрофон и изобразила попытку понизить голос, когда продолжила: — Магнус — форменный сукин сын. Он сказал мне, что он это пробьет, но я ему не верю.

Она подмигнула Тристану и подождала еще одну четырехсекундную паузу.

— Ну, знаешь, тебе, черт побери, следовало бы мне верить,— раздался голос, еще громче и злее обычного.— Я всегда делаю, как сказал. Я сказал тебе, что знаю этих парней лучше, чем они сами себя знают. Проклятье, я здесь вырос. Так что отрывай свою драгоценную задницу от сиденья и мчись обратно на Ганимед. Резко, а то я и впрямь крутым сукиным сыном стану.

Линия оборвалась, и огонек «связь» погас. Вильса развела руками.

— Глас Хозяина.

— И ты намерена выполнять приказы этого мелкого монстра?

— Между прочим, он на полголовы выше меня. Тристан, я должна лететь. Как можно скорее. У меня через девять дней концерт с первым представлением моей новой сюиты. Это мой самый большой шанс где-то вне залов Пояса, и вся моя репутация в системе Юпитера будет поставлена на карту. Я должна репетировать до кровавых мозолей.

Вильса изо всех сил изображала озабоченность и неохоту уезжать. Но глубоко внутри она готова была прыгать от радости. Она вложила все свое сердце в «Галилееву сюиту», больше года буквально надрывалась над ней, живя на Весте, но мечтая о шансе дать первое представление на одном из больших спутников Юпитера. Ганимед, конечно, был предпочтительнее, хотя ее устроил бы и Каллисто.

Все это было безумной мечтой. Теперь же — всего через девять дней — мечта должна была стать реальностью. На Ганимеде. Девять дней! Вильса внутреннее задрожала и решила, что волнуется гораздо больше, чем ей хотелось бы признать.

Пока Вильса дрожала и ликовала, в четырехстах миллионах километров оттуда Камилла Гамильтон ждала и тревожилась. Первые две недели после того, как Дэвид Ламмерман покинул центр РСН и отправился на Землю, она готовилась к удару, который так и не последовал.

Первые полномасштабные проверки функционирования РСН поражали воображение. Тяжелая работа Камиллы и Дэвида по калибровке отплатилась сторицей, и система превзошла ожидания. Лучшие изображения уже показывали похожие на города структуры на одной из планет в Большом Магеллановом облаке.

Другие демонстрировали тысячи загадочных отражающих сфер, каждая идеально круглая и размером с Луну, крутящихся на орбите звезды в одном из известных галактических секторов в созвездии Девы. Одна эта аномалия стоила всей РСН.

Пресса определенно так думала. Она просто сошла с ума, требуя еще большего. График использования РСН вместе с планом ее доступности гостевым наблюдателям — которые до предела сжали бы время использования системы телескопов самой Камиллой,— должен был быть прислан в центр РСН дни, даже недели тому назад.

Но вместо этого не прибыло ничего. Запросы Камиллы начальству получили туманные ответы: проект рассматривается; основные управленческие решения еще только предстоит сделать. Камилла нервничала и раздражалась. Когда РСН столь очевидно стала успехом, почему что-то еще требовалось рассматривать? Инструмент был готов для пользователей.

Пока Камилла ждала, она продолжала свои наблюдения, устанавливая контролируемую компьютером программу на исследование низкоинтенсивных термоядерных мишеней в двенадцати миллиардах световых лет отсюда. Но даже это не приносило удовлетворения. Камилла все время задумывалась, позволят ли ей в итоге получить достаточно времени РСН для завершения ее задачи.

Сжатое сообщение о том, что Дэвид Ламмерман возвращается с Земли, пришло как облегчение, хотя оно ее немного и разозлило. Дэвид не раз говорил Камилле, быть может, с небольшой подначкой, как он будет по ней скучать. Но после его отбытия от него не пришло ни звука.

Не было даже формального сообщения, где говорилось бы, что он благополучно прибыл на Землю. Разумеется, если бы он не прибыл, Камилла услышала бы об этом в сводках новостей. Но, черт побери, дело было в принципе...

Теперь Дэвид возвращался точно так же, как и отбыл,— на одном из тех скоростных пассажирских судов, которые превратили перемещение по Солнечной системе в простую проблему выбора линейных траекторий. Камилла решила, что будет его игнорировать — точно так же, как и он решил ее игнорировать. Она останется за работой и не выйдет встретить корабль, когда тот прибудет.

В последний момент она передумала. Она пойдет туда и скажет ему, что он безмозглый придурок и что у нее есть все права на него злиться.

Камилла продрейфовала к периферии центра РСН и прибыла к переходному шлюзу как раз вовремя, чтобы встретить Дэвида, когда он должен был появиться из карантина.

— Итак,— Камилла стояла, положив ладони на бедра, в классической позе уязвленной любовницы из видеофильма.— Ты все-таки решил сюда заявиться.

Дэвид повернулся.

Камилла увидела его измученное лицо, и плечи ее поникли, а все мысли об обвинениях бесследно исчезли.

— Дэвид, что с тобой? Ты болен?

А ведь он никогда не болел. И у него был раздавленный, побитый вид, который казался еще хуже физического нездоровья.

Дэвид покачал головой. Он не произнес ни слова, пока они плыли обратно через ступицу в их жилой отсек.

Камилла уже забыла, каким людным становилось это помещение, когда там присутствовали они оба. Огромные конечности Дэвида расползались на три четверти свободного пространства. Он вздохнул, опускаясь в свое любимое кресло, но так и не проявил желания говорить.

Камилла плюхнулась ему на колени и обхватила его за шею.

— Ну что? Как там Земля? — Она старалась говорить непринужденно, как будто ничего не случилось.— Она, похоже, не очень тебе на пользу пошла.

Сама Камилла выросла на Марсе и нанесла на Землю лишь два коротких визита. Но это было не так скверно — совсем не так ужасно, как обычно описывалось.

Дэвид снова вздохнул и поворошил свои светлые кудряшки.

— Мне... кое-что... сказали. Кое-что, чего мне лучше было бы не знать. Вот зачем меня туда вызывали.

— И что это? — Камилла немного расслабилась. Она могла вытянуть из Дэвида все что угодно. Она знала, как. Камилла погладила легкий пушок у него на щеке. Дэвиду по-прежнему требовалась депиляция всего раз в неделю.— Давай же, Дэвид. Эта тайна во мне умрет.

— Я обещал никому не рассказывать. Вот почему я не мог послать тебе никаких сообщений.

— Ну, когда ты кому-то это обещал, ты ведь на самом деле не думал, что мне этого не расскажешь.

— Да,— Дэвид опустил лицо, прижимаясь к ее гладящей ладони.— Я знал, что расскажу.— Он одарил Камиллу слабой улыбкой.— Ты ведь все равно это из меня вытянешь, разве нет? Я тебе скажу. Так или иначе, через неделю-другую ты сама обо всем узнаешь.

— О чем я узнаю, Бога ради? (Если Дэвид пытался смягчить удар, ему это определенно не удавалось.) Дэвид, прекрати.

— Ну так знай, что мы уволены.— Его глаза блуждали по знакомому помещению.— Нас выбрасывают из центра РСН.

— Это смешно.— Камилла села прямо и положила ладони ему на грудь.— Кто тебе такую глупость сморозил?

— Этого я тебе сказать не могу. Я обещал — на сей раз действительно обещал — что не скажу.— Опять это был человек, испуганный Дэвид с нерешительным голосом, который Камилла услышала, когда он получил то сообщение с Земли.— Но я знаю, что это правда. Я видел все документы. Нас выбрасывают из центра РСН.

— Но ведь РСН — это успех, причем колоссальный. Она работает лучше, чем кто-либо ожидал. И львиная доля заслуги за это принадлежит нам. Мы провели годы тяжелой и славной работы.

— Успех тут ни при чем. Или, быть может, при чем, но от этого все только хуже. Пойми, Камилла, наверху пирамиды что-то случилось. На самом верху. На таком уровне, где мы с тобой ничего не значим. Мы там даже не существуем. В следующие два года произойдет полная перемена в использовании РСН. Никаких экстрагалактических мишеней. Сосредоточение на ближайших звездных системах. На звездах и планетах, которые в сотне световых лет отсюда или даже ближе.

— Это просто абсурдно. РСН никогда не задумывалась для местной работы. Ее, конечно, можно для этого использовать, но никто в здравом уме этого делать не станет. Кому нужно увидеть что-то в нескольких метрах перед собой, в каких-нибудь пятидесяти световых годах отсюда?

— Меня тебе не надо переубеждать.— Голос его дрожал.— Черт, я сам все это сказал, когда был на Земле. Мне было сказано, что это не вносит никакой разницы. Движение «Наружу» набирало влияние, поднимало все больше шума, находило поддержку на

высших уровнях управления. Решение о РСН было принято, чтобы их удовлетворить.

— Кем?

— Единственными людьми, у кого есть власть такие решения принимать. Теми, кто контролирует финансирование РСН. Кроме того, тут не просто движение «Наружу». За этим стоят другие политики — должны стоять.

— Это совершенно нелогично.

— Ну и что? При чем тут логика? Когда политика входит в дверь, логика выходит в окно.

Камилле хотелось орать и ругаться. Но у нее хватало разума и самообладания, чтобы понять, что ничего хорошего это не принесет. Какими бы скверными ни были новости, не имело смысла набрасываться на вестника... даже если ты не имел никакого понятия о том, почему его таковым выбрали.

Время было для логики, а не для перебранок с воплями.

— Дэвид, задумайся на минутку. Все это не так плохо, как кажется. По сути, так все даже может обернуться еще лучше. Если они так психуют по поводу перестройки программы на близкие мишени, черт с ними, РСН их съест. В пределах сотни световых лет не так много звездных систем. Мы найдем бреши в графике наблюдения. Мы с тобой знаем, как перепрограммировать РСН быстрее, чем кто бы то ни было, и больше никто во всей Солнечной системе не имеет представления о том, как быстро мы можем это сделать. Мы будем пользоваться преимуществом приоткрытых щелей и по-прежнему исследовать край вселенной.

Дэвид без малейших усилий поднял ее со своих коленей и пересадил на стул, после чего подошел к койке и растянулся там. Глаза его закрылись.

— Ты не слушала, любимая.— Теперь голос его был мрачным и отстраненным.— Я не сказал, что наши эксперименты сняты с РСН — мы уже давно знали, что так, скорее всего, и случится, когда астрономические суперзвезды явятся пользоваться местными мощностями. Я сказал, что мы выброшены из центра РСН. Ты и я. Камилла и Дэвид. Сюда привезут новый персонал — тот, который специализируется на наблюдательных программах ближайших звездных систем. Вот конкретное сообщение, за которым я, как выяснилось, летал на Землю.

— Но, черт возьми, что будет с нами?

— А вот это самые скверные новости.— Дэвид открыл глаза и с несчастным видом уставился в потолок.— Мы должны будем уехать. В течение двух недель нам придется покинуть центр РСН. Мне было сказано, что пройдет по меньшей мере два года, прежде чем у нас появится хоть малейшая надежда снова сюда вернуться.

5
СОВИНАЯ ПЕЩЕРА

Для колонистов и исследователей, что прокрадывались наружу мимо Пояса астероидов в течение третьего десятилетия двадцать первого века, Ганимед представлял собой изюминку системы Юпитера. Самый крупный из четырех галилеевых спутников, имея радиус 2650 километров, он также являлся самой большой луной в Солнечной системе, размером практически с планету. На Ганимеде имелась масса всякой всячины, чтобы ее исследовать, оформлять и развивать.

Низкая плотность Ганимеда обеспечивала силу тяготения всего-навсего в одну седьмую земной — фактор, особенно привлекательный для привыкших к невысокой гравитации обитателей Пояса. И, наконец, Ганимед изобиловал летучими веществами: аммиаком, метаном и — самым драгоценным из всех — водой. Половина всего Ганимеда была свежей водой и льдом, причем последний покрывал почти всю жесткую, растрескавшуюся поверхность. Человек, который взялся бы расхаживать там в скафандре, смог бы откалывать куски льда, плавить их и вдоволь пить слегка отдающий серой результат.

Был там только один подвох. В небе, в миллионе километров от Ганимеда, нависал Юпитер. «Юпитер плювиус» — Юпитер, дожди приносящий. Но этот дождь не был охлаждающим бальзамом с небес. Это была бесконечная крупа протонов большой энергии, собранных из солнечного ветра, ускоренных демоном магнитного поля Юпитера и убийственным градом падающих на замерзшую поверхность Ганимеда. Человек, облаченный в скафандр, обеспечивающий солидную защиту на Луне или Марсе, на Ганимеде за считанные часы поджарился бы и умер.

Колонисты преодолели эту проблему одним броском. В конце концов, протонный дождь был куда хуже на маленькой водянистой

Европе, расположенной ближе к Юпитеру и заметной в небе Ганимеда как диск в половину Луны. Еще хуже он был на плюющемся серой Ио, самом приближенном к Юпитеру из четырех галилеевых спутников.

Так что Ганимед должен был людям отлично подойти. Все твердые недра спутника были вполне доступны и безопасны; требовалось только немножко поработать. Пригоршня «фон Неймаппов» в виде туннельных роботов была разработана, сброшена на поверхность и на несколько лет оставлена редуцировать, а также делать свою работу, тогда как люди временно удалились и принялись совершенствовать свои скафандры.

Новые модели скафандров, в которых они вернулись, содержали в себе вшитые нити высокотемпературных сверхпроводников. Все заряженные частицы, следуя по линиям магнитного поля, безвредно огибали поверхность таких скафандров. А человеку внутри было уютно и безопасно. В тех высокопарных рассказах, без которых человеческая порода, похоже, никак не способна существовать, часто заявлялось, что, выйдя на поверхность, обитатель Ганимеда может сказать, в какую сторону он смотрит, исходя из давления, оказываемого отвращенными протонами на его скафандр.

Подобная наглая ложь могла выживать благодаря тому, что большинству жителей Ганимеда никогда и не снилось приближаться к поверхности. Это еще им, интересно, зачем? Снаружи были лед, холод и унылые скалы. Вся жизнедеятельность проходила в норах и подганимедских залах, вечно расширяющихся и сложно взаимосвязанных.

Причем колонистам никогда не случалось подумать о своем доме как о чуждом, стерильном или враждебном. Когда между Землей, Марсом и Поясом разразилась Великая война, жители Ганимеда оставались от нее в стороне, в ужасе наблюдая за тем, как три четверти человечества гибнет, и благодаря тех богов, которые только могли существовать, за то, что им так уютно внутри безопасного, цивилизованного Ганимеда.

К тому времени, как Вильса Шир получила звонок от своего агента и вылетела с Весты, война уже четверть столетия как закончилась, и инверсия естественной перспективы получила свою законченную форму. Сама мысль о жизни на истерзанной, разрушенной войной Земле с ее мертвым полушарием и костоломной гравитацией,

представлялась ганимедцам отвратительной. Представления о Марсе и Луне, мрачно-пыльных и бесплодных, были немногим лучше. А мысль о том, чтобы жить где бы то ни было на открытой поверхности, чтобы стать добычей падающей бомбы, случайного урагана, приливной волны или солнечной вспышки, казалась хуже всего.

Свами Савачарья, тридцати семи лет от роду, был подлинное дитя Ганимеда. Он никогда не поднимался на голую поверхность. Хотя он работал главой отдела расписаний управления Пассажирского транспорта для Внешней системы от Юпитера до облака Оорта, он никогда не навещал другую планету или спутник. Савачарья просто не видел тому причины. Все жизненные блага были доступны ему в его личных покоях, причем в пределах нескольких минут. Из своей пещеры в семи километрах под поверхностью Ганимеда он стремительно получал доступ к любому открытому библиотечному файлу и источнику данных в Солнечной системе. А в его контору, когда оказия того требовала, любая важная персона легко могла найти дорогу.

— Вы не увидите здесь записей о моих путешествиях, ибо я, разумеется, не путешествую,— обратился Савачарья к генеральному инспектору Гобелю таким дружелюбно-терпеливым тоном, каким обычно обращаются к малому ребенку.— Путешествие — не более чем отвлечение внимания. Это средство, при помощи которого несовершенные умы обеспечивают себе иллюзию прогресса, тогда как на самом деле он отсутствует.

Магрит Кнудсен прикусила губу, чтобы сдержать улыбку. Савачарью возмущало присутствие Ярроу Гобеля — как возмущало его присутствие любого визитера в его личных владениях. Он знал, что этот человек должен постоянно путешествовать, дабы выполнять свою работу генерального инспектора. А потому Савачарья был умышленно рассеян и дерзок.

Но он попусту тратил время. Генеральный инспектор был ему не ровня. Тонкогубый, рыжебородый, лысеющий мужчина, Гобель был полностью лишен всяких признаков воображения или юмора. Он ясно дал Савачарье понять, что его интересуют цифры, и только цифры. Цифры говорили сами за себя. Гобель игнорировал объяснения, оправдания и запудривание мозгов. Кроме того, его невозможно было поколебать никакой силой личности.

Магрит по опыту знала, что Гобель весьма компетентен в своей работе. Делал он ее превосходно. Она настороженно наблюдала за

генеральным инспектором, пока тот вперивался в пачку отчетов. Если он задавал вопросы, они всегда были нацеленными, часто несли в себе скрытый смысл и обычно в чем-то обвиняли. Магрит стало легче дышать, когда Гобель вернулся к изучению расписаний управления Пассажирского транспорта, рассматривая их пункт за пунктом с терпением и неколебимым упорством черепахи.

Сова против черепахи. Магрит с трудом сопротивлялась побуждению вмешаться. Вообще-то, как у чиновника правительственного уровня, у нее не было никакой причины здесь присутствовать. Ей следовало остаться в стороне и позволить Савачарье выкрутиться самому.

Тут Магрит вспомнила более ранние дни. Так было не всегда. Она унаследовала Сову дюжину лет назад, еще когда он был всего лишь младшим аналитиком по расписаниям, а она только-только получила свое первое повышение и стала главой филиала Транспортного департамента. Ей в первый же день поступил совет бывшего главы департамента: «Избавьтесь от Савачарьи. От него одни неприятности. Он ленив, прожорлив, надменен и помпезен, а кроме того, им невозможно руководить».

Что вызвало у Магрит острое побуждение сказать: «Отлично. Так почему же вы сами ничего с ним не сделали за все те два года, что он был у вас под началом?» Но ее предшественник также шел на повышение, а у Магрит Кнудсен уже имелось зерно политической проницательности.

Следующие несколько недель она наблюдала за Савачарьей и решила, что предложенный ей совет был вполне разумным. В свои двадцать пять лет Сова весил почти двести пятьдесят килограммов. На взгляд Магрит, на каждом очередном собрании он казался все более массивным и неопрятным. Она слышала, как другие сотрудники в глаза зовут его «Жирной Совой» или «Помесью Совы с Медузой». Клички были вполне подходящие, но он их спокойно игнорировал. К их изобретателям Савачарья относился с презрением. Он постоянно ел сласти; одежда его была сплошь черного цвета, и на три размера меньше, чем ему требовалось; его внешность была неряшливой, а его контора, на самом глубоком уровне ганимедских нор, представляла собой подлинное совиное дупло. Там содержался такой безумный беспорядок бумаг, компьютеров и самого немыслимого хлама со всей Солнечной системы.

что Магрит не сомневалась: Сове нипочем не удастся найти в нем что-то, что может потребоваться ему по работе.

Так уволить жирного паразита!

Оставалась только одна проблема. Магрит еще никогда никого не увольняла. Она просто не знала, как это делается. Ей еще не хватало опыта, чтобы понять, что можно избавиться от нежеланной для вас персоны путем перевода ее в другой отдел.

Так что в первые три месяца в качестве главы филиала Магрит оказалась в весьма причудливом и неблагодарном положении, защищая Свами Савачарью на служебных совещаниях. «Конечно, он жирный, не так часто моется, как, например, я, и имеет не слишком много общественных добродетелей. Но его личная жизнь — это его дело, а не мое и не ваше. Он компетентен, ведет себя тихо и хорошо делает свою работу. Именно это имеет значение».

Конечно, Магрит не смогла отвадить психологическую команду от Совы, чей странный и одинокий нрав служил для психологов настоящим магнитом. На этом поприще Савачарья, однако, оказался вполне способен за себя постоять. С тринадцати лет он «попусту тратил время» в Сети Головоломок Солнечной системы. Двенадцать лет научили «Мегахиропса» (его кодовое имя в сети) быть бесконечно бдительным на предмет логических ловушек и бесконечно изобретательным в устраивании их.

Психологическая команда и ее слабо замаскированные тайные подтексты не выдержали испытания.

— Вы весите двести сорок килограммов. Что вы испытываете в связи с потенциальным влиянием подобного веса на продолжительность вашей жизни?

— Оптимизм. Я применяю лучшие из известных профилактик по продлению жизни, включая внутренних симбионтов. По стандартам для любого человека сто или даже пятьдесят лет назад я до отвращения здоров. Мой жизненный стиль также способствует долговечности. Сравните, если пожелаете, мою вероятную продолжительность жизни с вашей. И, делая это сравнение, не упустите из рассмотрения те путешествия, которые вы предпринимаете, чтобы заниматься своей профессией. Путешествия, знаете ли, имеют свои неизбежные риски. Учтите фактор жизнеукорачивающего эффекта изменений суточного ритма жизнедеятельности, вносимый этими самыми путешествиями, и не проигнорируйте также умственный стресс, эндемичный вашей работе. Когда ваш

анализ будет закончен, вы обнаружите, что я, скорее всего, переживу вас на десяток-другой лет.

Психологи провели все вычисления и, к ужасу своему, выяснили, что Сова совершенно прав. Тогда они попытались снова.

— Ваш интеллект имеет весьма высокую оценку. Почему у вас нет интереса к передаче вашего интеллектуального дара следующему поколению?

— Опять половой вопрос! Неужели психологи, кроме секса, больше ни о чем не думают? Но я вам отвечу. Прежде всего вы сделали неправомерное допущение. Моя сперма была передана в центробанк девять лет назад и остается в наличии сегодня. Она будет доступна для использования в течение столетий — но не, как вы предположили, для следующего поколения, ибо я дал инструкции, чтобы моя сперма оставалась замороженной еще пятьдесят лет после моей смерти. Видите ли, к тому времени, как мне стукнуло шестнадцать, я уже уяснил для себя то, что до многих так и не доходит: человеческие инстинкты размножения базируются на чудовищной логической ошибке, той самой, что встала на свое место задолго до любых представлений о генетике. Когда рождаются дети, их родители по-прежнему живы и все еще молоды — слишком молоды, чтобы все их жизненные свершения были сделаны или чтобы все фатальные изъяны их генофонда проявились в полной мере. Разве вы хотели бы запустить в Солнечную систему отпрысков Аттилы или Гитлера? Разве не логичнее подождать, пока жизнь человека закончится, и можно будет дать объективную оценку его пороков и добродетелей? Потенциальная ценность для человеческой расы любого мужчины или любой женщины содержится только в их генах, но никак не в их телах. А этот генетический материал — сперматозоиды или яйцеклетки — может быть заморожен на неопределенный срок. Совершенно неважно, существуют ли родительские тела в момент, когда рождаются дети,— а с большинства точек зрения лучше, если не существуют.

Психологическая команда уже собралась в отступление, но пара ее членов все-таки попыталась задать еще один вопрос с подвохом.

— Свами Савачарья, вы ведете одинокое и интровертированное существование. Думали вы когда-нибудь о самоубийстве?

Сова ненадолго задумался.

— Да. Довольно часто. Но только для некоторых других людей.

Психологи бежали с поля боя, чтобы спорить между собой, каким был этот ответ — утвердительным или отрицательным. Назад они уже не вернулись.

И в течение следующих трех месяцев Магрит Кнудсен открыла для себя великую тайну: то, что она сказала о Сове, было правдой и даже больше, чем правдой. Свами Савачарья носил в своей огромной и круглой, похожей на пушечное ядро голове все подробности движения пассажирского транспорта по всей Солнечной системе. Он обожал игры (но только те, которые не включали в себя никаких физических усилий), и опыт Мегахиропса в Сети Головоломок сделал Сову экспертом во всем — от шахмат до сонетов с двойными акростихами и секретных шифров. С точки зрения Савачарьи, составление сложных транспортных расписаний было просто еще одной разновидностью головоломок.

В один прекрасный день Магрит пришла к нему как к своему последнему прибежищу. У нее имелся набор диаметрально противоположных требований, а желаемый график, который она и аналитики всего отдела выжали из своих мозгов, никакого результата не дал.

Сова гневно глазел на оскорбительный документ. При этом он сидел в специально изготовленном для него кресле подобно громадному перекатывающемуся черному шару, который при более высокой гравитации обвис бы и растекся.

— Требуется немного работы головного мозга, мадам Кнудсен. И тишины.— Затем Савачарья раздул щеки, фыркнул и полузакрыл глаза.

Пока он думал, Магрит бродила по конторе и в конце концов подобрала один из наиболее загадочных объектов, которые сплошь загаживали пол.

— Вы держите в руке инфракрасный коммуникационный маяк,— у Савачарьи должны были быть глаза на затылке, поскольку она стояла в боковой части помещения позади его кресла,— изобретенный на Палладе и самый миниатюрный из когда-либо изготовленных. Будьте с ним предельно аккуратны. Есть еще только три экземпляра, и все они хранятся в Церерском музее.

До этого Сова что-то царапал на клочке бумаги, но теперь его жирные пальцы с поразительной скоростью забегали по клавиатуре. и в то же самое время он диктовал вербальный ввод в компьютер.

— Вот...— Он снова фыркнул, протянул ей бумажку и указал на вывод дисплея.— Можете проверить, удовлетворяет вас это или нет.

Магрит без особой надежды взглянула на экран. Ей потребовалась минута-другая, чтобы понять, что она видит перед собой простое и экономичное решение ее проблемы, которое соотносилось со всеми ограничениями в расписании.

— Это идеально.

Магрит по-прежнему держала в руке коммуникационный маяк. Сова аккуратно его у нее изъял.

— Вполне тривиальное решение. Однако это устройство мне кое о чем напомнило,— Савачарья вдруг заговорил с необычной для него робостью.— Согласно пассажирским расписаниям, вы через две недели побываете на Церере?

— Думаю, да. Мне предлагается посетить совещание глав по транспортировке.

— Тогда я думаю, вы могли бы оказать мне немалую личную услугу. Один съемщик генома с Паллады содержится в Церерском музее, ожидая моих коллекционных инструкций. Это устройство было разработано учеными Пояса в последние дни войны. Оно весит менее полукилограмма и оно, разумеется, инактивировано. Однако оно также весьма хрупко, и я с великой неохотой доверил бы его ортодоксальным методам транспортировки.

Сова сделал паузу.

— Я привезу его вам, безусловно привезу. Просто дайте им знать, что я за ним прибуду.

(Магрит сопротивлялась искушению напомнить Савачарье разговор, подслушанный ею несколько дней тому назад и состоявшийся между Совой и другим аналитиком: «Единственная причина, почему ты никогда не путешествуешь, жирная задница, это потому, что тебе никогда всю свою медузу в стандартный скафандр не упаковать».

«Гнусная клевета.— Савачарья был невозмутим.— Почему я должен сносить бродячее существование, когда вы и другие мои орудия всегда доступны, чтобы служить моим потребностям?»)

Магрит Кнудсен приняла от Савачарьи просьбу о доставке съемщика генома и триумфально унесла решение своей проблемы с расписанием. Все главы филиалов в департаменте могли бы поклясться, что это невозможно проделать. И теперь Магрит знала, что на следующем служебном совещании у нее будет кое-что

реальное для отражения нападок на Савачарью. В этот момент она с облегчением решила, что может выбросить из головы все мысли об его увольнении.

И теперь, двенадцать лет спустя, Магрит наблюдала за тем, как Сова общается с Гобелем, и напоминала себе, что он уже не нуждается в ее защите ни перед кем и ни перед чем. Савачарья был признанным мастером решения всех хитроумных транспортных проблем, способным на такой уровень тонкости, который заставлял новичков изумленно разевать рты.

Если не считать того, что этот навык ровным счетом ничего не значил для генерального инспектора. Ярроу Гобель следовал своей собственной программе аудита. Он прокопался прямиком через санкции и расходы на работу Савачарьи по транспортному планированию, игнорируя все согласования и увертки. Очевидно, генеральный инспектор не обнаружил там ничего из ряда вон выходящего, поскольку вся та груда была проверена и сдвинута в сторону, но теперь перед ним оказалась последняя толстая папка.

Магрит вздрогнула. В этой папке содержалась оценка благоразумия Савачарьи. Или то, что она мысленно считала оценкой его благоразумия. Там перечислялись пункты расходов, которые ни в каком бюджете не значились. Эту папку уже пять лет не проверяли. Собственно говоря, когда Магрит Кнудсен опустилась на уровень реальности, ей пришлось признать, что это была именно та причина, по которой она сюда пришла. Она одобрила все пункты этого списка — по крайней мере, в принципе. Там стояли ее подписи. На практике же она не имела представления, чем большинство из тех пунктов является, хотя могла догадываться.

Все это, очевидно, было совершенно иначе для генерального инспектора Гобеля. Он недоуменно хмурился над статьями расходов и над вводами данных, которые имелись рядом с каждой статьей.

Наконец Гобель поднял голову и уставился на Свами Савачарью.

— Большинство этих покупок и заявок не соответствуют ничему в бюджетных документах Транспортного департамента. Похоже, что они сделаны на...— тут выражение его лица стало таким, какое Магрит еще никогда у него не видела,— реликвии Великой войны и на военные архивы.

Это не был откровенный вопрос, а потому Сова опять решил прикинуться непонятливым и трактовать его как высказывание. Он очень твердо посмотрел в лицо генеральному инспектору и

ничего не сказал. Последовало очень долгое молчание, пока Магрит не решила вмешаться.

— Существует дополнительный список одобренных расходов, специфичных для отдела координатора Савачарьи. Я уверена, что все его пункты охвачены тем, что вы видите вокруг.

Гобель обратил на нее свое прохладное внимание.

— Тогда вам должно быть очевидно, что мне необходим этот список. И я также требую докладные записки, которые показывают, каким образом подобная аномалия могла иметь место.

— Список есть в компьютере. Оригиналы докладных записок хранятся в моем кабинете. Если вы хотите, я могу туда сходить и их принести. Разумеется, мы готовы к полной открытости.

Гобель медленно кивнул.

— Не сомневаюсь, что вы готовы. Но пока вы будете искать докладные записки, мы с мистером Савачарьей осмотрим описанные в этих документах материалы. Во всех подробностях.

Двое мужчин уставились друг на друга, игнорируя Магрит. Вздохнув, она направилась из конторы Совы к подвесной трубе, которая перенесла бы ее на пятьсот метров вверх в главный отдел. Интересно, сколько объяснений будет необходимо — или достаточно,— чтобы удовлетворить Гобеля? Некоторые из этих данных и запросов на оборудование казались странными даже для терпимых глаз Магрит. Только Сова мог их удостоверить. Все, что могла сделать Магрит,— это поискать свои письменные свидетельства и понадеяться, что они достаточно точны и достаточно полны, чтобы удовлетворить такого крохобора, как генеральный инспектор.

Оценка благоразумия прошла очень долгий путь. Давным-давно, еще до того как она привезла с Цереры съемщик генома, Магрит выяснила, что внутри вечно размышляющего мозга Совы имеются и другие бездны. Его контора могла казаться ей и всем остальным заваленной грудами случайного мусора, но для Савачарьи каждый предмет имел свое место, ценность и значение.

Добрая половина Совиной Пещеры была посвящена реликвиям Великой войны. Савачарья был рьяным поклонником войны, хотя совершенно в своем роде. Общеганимедский взгляд на войну был таков, что она стала катастрофой немыслимой цены, но что она также послужила в качестве поворотного события, необходимого для того, чтобы смогло произойти смещение фокуса человеческой психологии с Земли на всю Солнечную систему.

Сову совершенно не интересовали ностальгия, философия или исторические императивы. Он видел войну совсем по-другому. Хотя Внутренняя система понесла гораздо больше жертв, в сознании Савачарьи именно Пояс понес самую огромную и, скорее всего, безвозвратную потерю. Война разразилась в то самое время, когда технология Пояса как раз прорывалась к периоду невероятного изобилия изобретений. Все это было разнесено на кусочки. Многие открытия Пояса были уничтожены заодно с их авторами. Но не все из них с необходимостью были утрачены навеки. Сова был убежден, что их тайны могут быть подвергнуты систематическому поиску и тщательному анализу. Это была головоломка из головоломок.

Посредством филиала Савачарья делал крошечные вложения в старые архивы — те, которые Магрит при необходимости могла удостоверить как свидетельства прежних образчиков пассажирского движения вокруг Пояса. Он изучил истертые распечатки в уединении Совиной Пещеры и в конце концов запросил, чтобы определенная орбита была обследована на предмет объектов конкретного описания. Магрит одобрила поиск. Найденные там обломки грузового корабля Пояса содержали в себе процедуры разработки и образцы неизвестного класса связующих веществ, далеко превосходящих все известные ныне.

Магрит Кнудсен удостоили восхвалений за открытие. Она отказалась от такой чести и позаботилась о том, чтобы подлинный источник достижения был распознан. Сова стал героем отдела — на несколько дней; затем людям опять стало тяжело выдерживать его возросшую надменность и помпезность.

По второму запросу Савачарьи отдел был уже чуть более щедр с отчислениями. Последовавший поиск не выявил никаких новых изобретений, зато Церерский музей щедро расплатился за маленького и древнего «фон Нейманна». Это была оригинальная модель, использовавшаяся при рудничных разработках на Троянских астероидах — до того, как закон Фишеля и знаменитая Эпитафия («хитроумный суть тупой: нет мудрости в том, чтобы встраивать слишком много разума в самовоспроизводящийся аппарат») стали общепризнанными догмами. Все думали, что эта конкретная модель «фон Нейманна» была уничтожена и безвозвратно пропала, однако данный образец все еще функционировал после сорока лет космического дрейфа. Музей выставил его в качестве экспоната —

в инертной оболочке с тройной закупоркой. Лишенный доступа к сырью, этот «фон Нейманн» не считался опасным.

После четвертого успеха Савачарьи никто уже не ставил под сомнение его хобби и не дивился аномалии связанных с Великой войной расходов внутри обычного транспортного отдела. Если кто-то это и делал, элементарный экономический анализ показывал, что инвестиции в сотни раз окупались сделанными открытиями.

Однако докладные записки отдела оставались совсем другим вопросом. Возвращаясь назад по подвесной трубе и разглядывая тощую папку, Магрит Кнудсен чувствовала, что активность Совы в отношении военных реликвий была не столько оправданной и запланированной, сколько просто растущей. Магрит была слишком опытна, чтобы проявлять нервозность, но последние шаги обратно в Совиную Пещеру оказались для нее нелегкими. Она помедлила у порога, оглядывая помещение и пытаясь что-то понять по прощупывающему взгляду генерального инспектора. Стены и потолок из гранулированных панелей, скрытое освещение солнечного спектра, а также мягкий, но непроницаемый серый пол не привлекали ее внимания. Предметы и выражения, которые искала Магрит, относились исключительно к Савачарье.

Она осмотрела всю длину узкого, уродливого каземата, который являл собой и жилое помещение, и контору. Совиная Пещера составляла всего три метра в вышину и четыре в ширину, зато она была по меньшей мере тридцать метров в глубину. Полезную ширину уменьшали книжные полки и картотечные шкафчики, что тянулись и вдоль правой, и вдоль левой стены. Там хранились тысячи непереплетенных рулонов пыльных распечаток, результаты исследований тральщика на Поясе, причем все рулоны явно были разложены как попало.

В дальнем конце располагались маленькая, хорошо оборудованная кухонька и громадный холм постели Савачарьи. Чтобы туда добраться, визитер должен был одолеть весь центральный коридор, широкий ровно настолько, чтобы там прошла собственная туша Совы. Этот коридор был оторочен столами и скамейками, покрытыми хаосом разнокалиберной аппаратуры и всевозможных устройств, причем многим из них явно чего-то не хватало, а некоторые были сплавлены и искорежены до полной бесполезности.

Это была уникальная коллекция, рог изобилия реликвий и обломков Великой войны. Недоставало там только одной вещи — теперь Магрит ясно могла это видеть, хотя годами этого не замечала. Недоставало там любого свидетельства каких-либо расписаний движения пассажирского транспорта. Свидетельства, по сути, исполнения Савачарьей своих служебных обязанностей. Недремлющее око Гобеля, каким бы острым оно ни было, не могло заглянуть внутрь черепной коробки Савачарьи, куда все эти расписания были надежно засунуты. Зато генеральный инспектор в изобилии наблюдал свидетельства отвлеченного внимания, недостатка надзора, злоупотребления финансами отдела...

Магрит оставила мужчин сидящими за столом, где Гобель сложил в пачку рапорта о запросах на транспорт. Она ожидала найти их по-прежнему там сидящими. Рапорта явно не сдвинулись ни на миллиметр, зато Сова был на полпути по казематy. Гобель торчал у него под боком, вглядываясь в какую-то штуковину вроде видоискателя.

— У меня есть требуемые вами докладные записки.

Продвигаясь по помещению, Магрит пыталась прочувствовать атмосферу. Это ей не удалось. Сова был, как всегда, бесстрастен, а черепашья физиономия Гобеля, похоже, вообще не предназначалась для выражения каких-либо человеческих эмоций. Наконец генеральный инспектор оторвал свое око от штуковины типа видоискателя и повернулся к Магрит.

— Благодарю вас.— И тут Гобель внезапно выдал эмоцию, которую Магрит Кнудсен с легкостью смогла прочесть. Раздражение. Он взял протянутую Магрит папку и сунул ее себе под мышку.— С вашего разрешения, администратор Кнудсен, я заберу это с собой для внимательного изучения и верну вам завтра.

И генеральный инспектор прошел мимо Магрит, направляясь к двери.

— Но обзор дополнительного списка...

— ...у меня в руках,— Гобель снова повернулся к Савачарье.— Значит, в восемь часов?

— Приходите, когда вам будет удобно. Я безусловно буду здесь.

— Тогда в восемь часов,— и Гобель ушел, не сказав Магрит ни единого слова.

— Что вы ему наговорили? — Она повернулась к Сове.— Когда я уходила, он просто не испытывал к вам симпатии, но теперь он откровенно на вас обозлен.

— Это не так,— Сова аккуратно укладывал видоискатель обратно в футляр. На его смуглом лунообразном лицо читалось редкое выражение удовлетворения.— Он на меня не обозлен — ни в малейшей степени. Это как раз ваше возвращение спровоцировало его враждебность.

— Но я всего-навсего принесла ему докладные записки, которые он просил.

— Верно. Однако раздражение вызвало не то, что вы принесли. Его вызвал простой факт вашего возвращения.— Савачарья перебрался к груде перечней и вытащил оттуда одну бумажку.— Поскольку генеральный инспектор на некоторое время ушел, нельзя ли мне привлечь ваше внимание еще к одному делу?

Скачки Совиного разума всегда выбивали Магрит из равновесия. А сегодня Савачарья выражался еще туманней обычного. Она тупо уставилась на документ, который он ей вручил. Там докладывалось об обследовании тральщиком некоторых зон Пояса. Поиск был закончен два года назад, но результаты только недавно поступили к Сове из банка данных Цереры.

— Это что-то, о чем вас Гобель расспрашивал?

— Вовсе нет. Генеральный инспектор ничего об этом не знает. Я как раз просматривал это исследование, когда его прибытие прервало мою работу. Теперь я хотел бы привлечь ваше внимание вот к этому пункту.

Жирный палец обвел дюжину строк письменного описания на полпути вниз по странице.

— Прочтите это. Внимательно.

Магрит прочла. Один из тральщиков, кораблей, ответственных за предотвращение возможных угроз для навигации на путях сообщения до самого Урана, зафиксировал и исследовал некий искусственный объект. Это был кусок рудовоза глубокого космоса под названием «Океан», ближе к концу войны переоборудованного в пассажирский транспорт. Судно было атаковано и уничтожено. Тральщик нашел только один небольшой фрагмент, которому случилось включить в себя неповрежденный полетный самописец. Изучение самописца выявило, что «Океан» был судном Пояса, которое в момент его уничтожения несло в себе всего десять членов команды и пассажиров. Были также описаны природа повреждения и оружие, которое его вызвало.

Магрит дважды прочла все это.

— Итак, тральщик нашел кусок космического мусора, оставшегося после войны. Ну и что? Таких должны быть миллионы.

— Действительно. Тральщик записал приблизительное положение и скорость для будущего отслеживания, но не снял объект с орбиты и не уничтожил его. Мне бы хотелось получить ваше разрешение на немедленное начало операции по снятию и доставке сюда полетного самописца.

— Сколько это будет стоить?

— Такое вычисление пока еще недоступно. Однако расходы будут существенными, ибо положение известно только примерно.

Скверно для начальника было выходить из себя в общении с кем-то из своих подчиненных. Если не считать некоторых случаев. Особенно как сейчас, когда в округе больше никого не было.

— Черт вас побери, Сова, я не понимаю, почему это должно меня интересовать. Где ваш трижды проклятый интеллект? Генеральный инспектор дышит вам в затылок и мечтает найти хоть что-нибудь, чем бы вас в задницу уколоть. Он не видел ни одной строчки в вашем контракте, где говорилось бы, что вы должны проявлять хоть какой-то интерес к военным реликвиям. И вот, когда он не на шутку взялся перепахивать ваши архивы, вы хотите сунуть ему под нос новый запрос на финансирование. Что вы предполагаете поведать ему, когда он завтра вернется, чтобы с пристрастием пройтись по вашему реквизиту?

«Надменный» было еще ладно. «Помпезный» тоже ладно. Но сюда еще добавлялось «безумный», поскольку Савачарья безмятежно ей улыбался.

— Генеральный инспектор Гобель завтра сюда не вернется.

— Сам он, однако, уверен, что вернется.

— Нет. Он сказал, что вернет вам завтра вашу папку и увидится со мной в восемь часов. Сегодня вечером. Он придет со мной пообедать. Я пообещал ему гуляш, который, как вы знаете, особенно мне удается. Что же до списка, который вас так тревожит, то он изучил его, пока вас не было, и объявил, что полностью удовлетворен.

В перевернутом мире Совиной Пещеры, где подчиненные творили с начальством все, что хотели, а логика, точно летучая мышь, свисала вниз головой с потолка, ты брал за пуговицу узколобого, неподкупного генерального инспектора и умасливал его обещаниями гуляша.

Но Сова продолжал.

— Ярроу Гобель, как вам должно было стать очевидно из выражения его лица, когда он впервые увидел пункты дополнительного списка, страстный любитель Великой войны. Куда более страстный, нежели я. Он убежден, что Пояс в последние дни войны разрабатывал секретное оружие — такое устройство, которое выиграло бы войну, если бы только что-то фатальным образом не пошло вкривь и вкось. Я, конечно, упомяну при нем за обедом о фрагменте «Океана».— Он похлопал по листку, который держал в руке.— И, учитывая его пристрастие, невозможно себе представить, чтобы он не одобрил финансирования, когда я покажу ему это свидетельство и объясню его важность.

Магрит подошла к огромному пухлому креслу Совы и уселась в самую его середину. Сова был как пить дать гений или идиот. Проблема заключалась в том, что сам он считал себя гением. И она тоже.

— Для начала вы можете объяснить его важность мне. Ведь именно мне предполагается изыскать наличность. И я не вижу никакой причины тратить хоть один цент на то, чтобы притащить сюда кусок корабля, который был разорван на части двадцать пять лет тому назад.

— Так получается только потому, что вы прочли отчет не так внимательно, как я вас просил. Пожалуй, чем просить вас внимательно перечесть его снова, я просто суммирую факты. Во-первых, «Океан» был судном Пояса. Не просто сделанным на Поясе, а действовавшим в пользу Пояса во время войны. Чтобы подтвердить этот факт, я проверил архивы Внутренней системы. Нет никаких свидетельств того, что «Океан» когда-либо захватывался Внутренней системой.

Во-вторых, отчет о повреждениях оставшегося фрагмента «Океана» не оставляет никаких сомнений в том, какое оружие их причинило. «Океан» был уничтожен особым типом разумной ракеты, известным как «искатель».

— Я слышала о таких. Тысячи кораблей были уничтожены «искателями».

— Действительно. Кораблей Внутренней системы. «Искатель» был оружием Пояса,— Савачарья пододвинулся к Магрит и положил документ ей на колени. Его надменность и помпезность почти исчезли, сменившись острым любопытством.— Итак, судно По-

яса было разорвано на куски оружием Пояса. «Океан» был уничтожен собственной воюющей стороной. Почему?

Не только у Великой Совы была в тот вечер назначена встреча. Как правительственного уровня чиновник, ответственный за транспортировку, Магрит Кнудсен не могла себе позволить остаться в стороне от вечернего собрания Генеральной Ассамблеи, хотя она уже устала. Она покинула Совиную Пещеру в шесть пятнадцать, давая себе всего сорок пять минут на то, чтобы поесть, принять душ, переодеться и обдумать свою позицию по главному вопросу, стоящему в тот вечер перед Ассамблеей.

Дальнейшее развитие одного из галилеевых спутников, да еще в предложенных масштабах, должно было изменить транспортные маршруты вокруг всего Юпитера. Причем необратимо. Как это можно было оправдать? С трудом. Магрит почувствовала, что склоняется к оппозиции проекту, но ей все же хотелось услышать все аргументы, прежде чем принять свое решение.

Впрочем, были в Генеральной Ассамблее и другие, для которых никакие аргументы ничего не значили. Змеи, подумала Магрит, проглатывая несколько ложек супа и пригоршню крекеров. Имперские строители, которые стали бы публично выступать против развития, а приватным образом всячески его лоббировать и продвигать. Змеи и волки. Сегодняшнее собрание будет буквально ими кишеть, потому что проекты развития, имея запах прибыли, притягивали их стаи. Магрит гневно взглянула на свое лицо в зеркале, расчесывая длинные черные волосы сильнее необходимого. Змеи, волки и свиньи. Плевать им было на то, что случится с системой Юпитера лет через тридцать, поскольку монеты должны были именно сегодня закатываться в их кошельки. Магрит могла назвать дюжину таких подонков — и все они сегодня вечером непременно должны были присутствовать.

И нравилось ей это или нет, но Магрит Кнудсен приходилось с ними работать. Либо так, либо сдаться и совсем освободить им дорогу.

Магрит подумала о Свами Савачарье и его гуляше. Блюдо было определенно деликатесное. Сова был настолько же гурманом, насколько и обжорой. Уж ему-то на обед никаких крекеров не подсовывай.

Как обычно после встречи с Совой, Магрит испытывала наполовину раздражение, наполовину зависть. Савачарью не волнова-

ло продвижение по службе. У него не было ни малейшего интереса к политическому противоборству или к борьбе за власть. Если бы ему дали должность на уровне кабинета министров, Сова не выдержал бы там и двух дней. Но сегодня именно Свами Савачарья будет одолевать четыре-пять порций гуляша, отдыхая в Совиной Пещере и показывая все свои игрушки генеральному инспектору Гобелю, тогда как Магрит Кнудсен будет сидеть и вежливо кивать людям, компанию которых она терпеть не могла.

Магрит в последний раз проверила свою внешность, взглянула на часы и направилась к конференц-залу. Савачарья жил мирной, интеллектуальной, лишенной стрессов жизнью, делая только то, что он хотел и отказываясь даже рассматривать возможность чего-то еще. Время от времени Магрит думала, как было бы чудно поменяться с ним должностями.

Время от времени. Примерно раз в год. И длилось это максимум час.

Она ускорила шаг. Кровь уже бурлила. Магрит не терпелось дождаться встречи с этими алчными сукиными сынами, чтобы ринуться в самую гущу перепалки по поводу проекта развития Европы.

6
ПРЕДЛОЖЕНИЕ, ОТ КОТОРОГО НЕЛЬЗЯ ОТКАЗАТЬСЯ

К концу недели Джон Перри был уже сыт по горло этим Пунта-Аренасом. Его встреча в Админ-центре Системы Глобального Океанического Мониторинга была назначена, отложена, подтверждена и снова отложена. Трижды он появлялся для назначенной встречи в канцелярии Мануэля Лосады лишь затем, чтобы узнать от анонимных подчиненных замминистра СГОМ, что тот «вышел на неопределенное время». Дважды Джона выставляли, ссылаясь на «императивы высшей инстанции», что бы это ни значило.

После четвертого дня и пятой несостоявшейся встречи Джон уже перешел от простой озадаченности к стадии кипения. По умыслу или по случайности, но кто-то определенно указывал Джону Перри на его совершенно ничтожное значение.

Штаб СГОМ он покинул в скверном настроении в пять часов вечера, когда все, кроме охранников у двери, уже ушли. Охранникам

тоже не терпелось уйти, ибо то был вечер открытия Летнего фестиваля в Пунта-Аренасе, и улицы ломились от музыкантов, колесных платформ и шумных гуляк.

Джон был не в том настроении, чтобы участвовать, а кроме того, в своей простой темно-зеленой форме он чувствовал себя чужим среди людей в ярких, украшенных цветами нарядах. Здания города редели к западу, и он направился туда, в сторону дымно-оранжевого ока солнца. Прежде чем оно окончательно закатилось за горизонт, Джон успел дойти до гребня гряды холмов, перевалил через него и спустился вниз по покатым западным склонам к волнолому. Добравшись до набережной, метрах в тридцати над бурными водами, Джон уставился на белые гребешки Отвайского залива. Прямо у него на глазах поверхность расколола блестящая линия пены.

Джон хотел одиночества и не ожидал найти ничего, кроме моря и неба; но ему случилось прибыть, когда рабочая бригада компании с неограниченной ответственностью «Планктон» собиралась, чтобы направиться к крилевым фермам. Все киты были в безумно приподнятом настроении, даже для профессиональных шутников. Прямо на глазах у Джона пара их десятков затеяла игру «следуй за лидером», плывя нос к хвосту, быстрее и быстрее, прямо на острогранные скалы — чтобы в последний момент отвернуть. Однажды все они исчезли на полминуты, а потом разом вынырнули в гигантском каскаде брызг и обильной пены. Затем, снова под водой, они перестроились для согласованного движения в шеренге. Четыре сотни тонн радостных, мускулистых млекопитающих по высоким дугам взмывали в воздух, переворачивались и в унисон плюхались обратно в море. Выброшенная вода светилась и фосфоресцировала. Десятью секундами позже двадцать черных голов вынырнули, поклонились и затеяли величественный танец с пируэтами в тщательно подобранных парах.

Киты явно устраивали шоу — но для кого? Джон уже наблюдал за ними и сотню раз махал им с «Капли», но они никоим образом не могли знать, что кто-то из их друзей с погружаемого аппарата стоит на волноломе. Она занимались этим просто для себя. Исключительно от радости.

Джон вдруг обнаружил, что ухмыляется, глядя на скачущие черные тела и машущие хвостовые плавники. Возможно, ему следовало чувствовать себя счастливым, а не обиженным. Нелл

Коттер тремя днями раньше отбыла из Пунта-Аренаса в Стэнли, но она сказала Джону, что он может оставаться на студии, сколько захочет. А что, если бы она этого не сделала? Его пропуск в общежитие СГОМ был действителен на одну ночь и на один день довольствия. Наверняка все в Админ-центре полагали, будто Джон Перри спит на тротуарах и голодает до смерти среди цветочных лужаек. Вовсе не их заслугой было то, что он жил в роскоши, неведомой на плавучих базах.

По-настоящему Джона раздражала только пустая трата времени. Ему и в голову не пришло захватить с собой в Аренас какую-нибудь работу — он и не мечтал, что у него найдется для нее время. Тем временем его рабочий стол был завален непрочитанными документами и накопившимися наблюдениями за дымарями, отчетами о более ранних погружениях.

Когда он собрался уходить домой, уже совсем стемнело. Джон позволял поднимающимся южным созвездиям направлять его обратно на восток, пока не встала Луна. Она была близка к половине и достаточно ярка, чтобы Джон смог различить черный как смоль сабельный шрам оборонительной линии «Армагеддон» на ее пятнистой северной стороне.

Ночь выдалась теплой, и у Джона не было причин торопиться. Уже близилось к полуночи, когда он добрался до гребня холма и первых зданий. Луне теперь приходилось соперничать с кричащими огнями Пунта-Аренаса. Праздник был в самом разгаре. Джон находился в миле от города и в трехстах метрах над ним, но уже слышал марширующие оркестры.

Главный проспект Пунта-Аренаса опускался громадной двойной кривой, забирая на север, словно бы к аэропорту, но затем изгибался до самого дальнего юга и наконец снова поворачивал, чтобы бежать к гигантским пирсам и пристаням, что окольцовывали Магелланов пролив. Крутизна трассы была аккуратнейшим образом выбрана ее инженерами-конструкторами. Никогда не оказываясь более градуса, она не представляла никакой проблемы даже для самых деликатных и неуклюжих колесных платформ.

Джон не последовал по широкому извилистому проспекту с его светящимися сферами биолюминесценции. Вместо этого он спустился по одной из более темных и крутых поперечных улочек. Эти улочки направлялись прямиком к берегу и были исключительно пешеходными.

Один из дежурных охранников в Админ-центре СГОМ сказал Джону, что в этом году фестиваль станет самым грандиозным, собирая более двухсот колесных платформ. Когда Джон добрался до главной улицы, он смог с легкостью в этом убедиться. Там всюду виднелись эти чудища, движущиеся в обоих направлениях.

Спящий гигант на огромных колесах прогрохотал мимо, делая не более двух миль в час.

— Мать-Земля! — нараспев произнес гулкий, усиленный динамиком голос.— Поклонитесь Великой Матери-Земле! Номер сто семьдесят восемь.

Розовый дым поднимался от ноздрей гиганта, тогда как белый дым вырывался из массивных торчащих сосков. Полдюжины практически обнаженных женщин плясали на голом брюхе в сияющем красном свете, что исходил из глубокого пупка. Они дружно держали могучий фаллос в красно-белую полоску. Мужчины и женщины по обе стороны ликовали и делали непристойные жесты. Пока гигант двигался мимо них по проспекту, они вводили свой счет для графы 178 на электронных карточках и дожидались прохождения следующей колесной платформы.

Впрочем, графа 179 не пользовалась колесами. Она представляла собой воссоздание бронтозавра, метров двенадцати в высоту и почти тридцати в длину. Зверь плавно шлепал вперед на четырех широко расставленных лапах, чьи движения роскошно друг другу соответствовали. Хотя добрая дюжина мужчин и женщин ехала на широкой серой спине, управление моделью было настолько совершенным, что для него не требовалось больше одного-единственного человека, сидящего в колоссальных внутренностях. Голова на чудовищной шее раскачивалась и проносилась над толпой, в итоге пройдя приблизительно в метре от Джона. Он увидел, как к нему опускаются сияющие глаза с красными кругами, и тихий голос из метровой пасти произнес:

— Номер сто семьдесят девять. Запомните: сто семьдесят девять.— Этот номер был также намалеван на гигантской туше буквами по два с половиной метра высотой.

Дальше последовало долгое ожидание, достаточное для того, чтобы, когда очередная колесная платформа наконец появилась, ее встретили уханьем и радостными воплями. У нее явно были проблемы. Внутренний механизм хрипел, а расположенный как раз на уровне глаз Джона наружный край имел грубый и люби-

тельский вид, составляя резкий контраст с идеальной отполированностью предыдущих платформ. В открытой и откровенно недоделанной коробке в центре виднелся водитель — тощий темноволосый мужчина, озабоченно скрючившийся над рычагами управления. Имея на борту номер «65», платформа должна была пройти эту точку маршрута много часов назад. Теперь она двигалась максимально быстро, пытаясь наверстать упущенное. Но все усилия были напрасны, ибо не существовало варианта, при котором идущие впереди платформы предоставили бы шестьдесят пятому место для обгона.

Платформа представляла собой миниатюрную Солнечную систему, смонтированную на карусели. Десять двухметровых открытых корзин вращались на длинных металлических стержнях, и внутри каждой корзины имелась живая эмблема планеты. Меркурий первым прошел мимо публики: мужчина — или то была женщина? — наряженный древним вестником. Лицо вестника почти скрывал сверкающий шлем, и не было видно ничего, кроме серебристого фартука, пары голых коричневых ног и беспрестанно размахивающих рук, обтянутых серебристой сеткой. Венера определенно была женщиной — совершенно голая, раскрашенная золотой краской, но прикрытая длинными, снежно-белыми распущенными волосами. Земля явно была ее сестрой, облаченной в наряд из тончайших бело-голубых тканей.

Марс был мускулистым, выкрашенным в красное мужчиной, таким же голым, как Венера, но не имеющим волос, чтобы хоть как-то прикрыть свой срам. Судя по реакции толпы, она предпочитала его женщинам. Народ проникался все большей теплотой к графе 65 с ее трясущимся, кустарным обличьем. Корзина с Поясом астероидов удостоилась самого большого восторга. Там сидел не один человек, а дюжина буйных карликов, ссорящихся, машущих руками, оскорбляющих толпу, то и дело громко пускающих ветры и сражающихся за право постоять на голове у собрата для лучшего обзора.

Корзина с Юпитером как раз вплывала в поле зрения, когда вся платформа сделала внезапный поворот с приличным креном. Толпа возбужденно загудела, когда Марс снова появился в поле зрения, дико размахивая руками, чтобы удержать равновесие, а за ним последовала Земля, которая равновесия не удержала и теперь валялась на спине в своей корзине. Водитель, действуя по ситу-

ации, принял мгновенное решение оставить главный проспект и провести платформу по одной из более узких улочек. Стратегия была достаточно ясна: платформа догнала бы процессию по идущему на юг ответвлению, что выводило ее ближе к проливу и к финальной точке торжества, и попыталась бы восстановить свое первоначальное положение в параде.

Но Джону было ясно, что это решение вело к катастрофе. Он уже прошел по узкой, скудно освещенной улочке и знал, насколько она крута. Тогда как зеваки все еще скалились и махали отбывающему шестьдесят пятому, Джон вихрем бросился по проспекту в погоне за платформой. А та быстро набирала скорость, несмотря на отчаянный скрип ее колес, который начал заглушать все марширующие оркестры.

Водитель уже понял свою ошибку, и нажал на тормоза. Но их оказалась недостаточно не только для того, чтобы остановить платформу, но даже чтобы ее замедлить. Длинные стержни, которым предполагалось работать горизонтально, начали безумно раскачиваться над головой у Джона, пока он приближался к задней части платформы. Корзины пролетали всего в полуметре от зданий по обе стороны улочки. Водитель знал, что он в отчаянной беде, но был совершенно беспомощен. Все, что он еще мог делать, это удерживать платформу на четкой прямой по центру улочки, пока скорость все нарастала.

Все быстрей и быстрей. Управление можно было удержать еще от силы секунд двадцать. Джон уже сломя голову бежал сбоку от платформы. Улица была довольно грубо вымощена, но он едва это замечал, без труда подлаживаясь к неровной дороге. Взгляд его был устремлен вперед — к выходу на главный проспект. Там ему была видна толпа зрителей и платформа в виде гигантского зеленого кузнечика, которая двигалась как раз позади них. Если бы номер 65 сохранил прежний курс, машина убийства, в которую бы он превратился, раскатала бы сотни людей из ничего не подозревающей толпы, а затем пронырнула бы сквозь середину самого парада. Гладкий край платформы колыхался как раз на уровне головы Джона — слишком высоко, чтобы он на бегу туда вскарабкался. Тогда Джон подождал, пока над ним пронесется очередной разбалансированный стержень, а затем подпрыгнул и одной рукой за него ухватился. Он успел заметить золоченую Венеру с раскачивающимися голыми грудями, уже не прикрытыми сорванным с

ее головы белоснежным париком. Она беспомощно скрючилась в своей корзине. А затем Джон, перебирая руками, стал продвигаться по металлическому стержню ближе к центру карусели.

Воздух был густым от черного дыма, и в ноздри Джону ударил неприятный запах горящего пластика. Перегруженные колодки сгорали и выходили из строя. Когда Джон добрался до открытой кабины управления, платформа задрожала и стала резко набирать скорость.

Уже не было времени для полумер или любезностей.

Не говоря ни слова, Джон оттолкнул тощего водителя в сторону. Мужчина упал на гладкий пол карусели. Джон не удостоил его вниманием. Он вывернул рулевое колесо, направляя платформу вбок, чтобы она ободрала стену здания слева. Один из металлических стержней первым врезался в стену вместе с корзиной и ее содержимым — Ураном? Бородатая фигура в сверкающей мантии чародея выпала на улицу. Затем левое переднее колесо заскрипело, врезаясь в стену, перекосилось и полетело в сторону.

Платформа резко накренилась. Рулевое колесо в руках у Джона само собой дернулось и повернулось. Он сдержал его по меньшей мере полутонным усилием, выворачивая вправо. Наконец тяжелый механизм откликнулся. Искалеченная платформа устремилась к стене по правую руку. Еще один поворотный стержень врезался в здание. Корзина и ее содержимое — на сей раз Пояс астероидов с его дюжиной проклинающих все на свете карликов — покатилась прочь и пропала из вида. Правое колесо ударилось о стену — еще сильнее. Удар отшвырнул платформу назад к центру узкой улочки.

С двумя оторванными колесами платформа по-прежнему неслась вперед, пока не достигла трещины в мостовой. Передний край зарылся туда с визгом гнущегося металла, и платформа наклонилась вперед на сорок пять градусов. Настал момент, когда Джону показалось, что она вот-вот перевернется, но затем платформа отскочила назад и плюхнулась на дорогу, рассыпая по всем сторонам сломанные детали.

Наконец она осела без движения. И загорелась.

Горящая изоляция добавила вони к дыму обугленных тормозов. Джон огляделся. Водитель скатился к краю платформы. Люди в оставшихся корзинах дружно выскакивали из них на пол карусели и спрыгивали оттуда на улицу.

Только одна корзина по-прежнему оставалась занята. Та, что с Меркурием. Радиальный металлический стержень согнулся вниз,

и корзина была окутана самым плотным дымом. Джон подбежал к ней. Пол карусели у него под ногами уже раскалился.

Запрыгнув в открытую корзину, он склонился над лишившимся сознания Меркурием. Стащив шлем с головы фигуры, Джон понял, что смотрит в лицо молодой женщине. Никаких явных ранений у нее не имелось. Джон спустил ее вперед ногами на карусель и услышал, как она стонет от боли. Несмотря на серебристую сетку и фартук, у нее наверняка появились ожоги от соприкосновения с горячим металлом. Но Джон ничего не мог с этим поделать. Задыхаясь от гнусного черного дыма, он выскочил из корзины, доволок женщину до края платформы, спустил ее вниз и спрыгнул следом. Снова подняв женщину, он отнес ее метров на двадцать вниз по холму к проспекту.

Там Джон помедлил. Мир уравновесился, обрел другой фокус и набрал нормальную скорость.

Крушение платформы о стены и мостовую наконец-то отвлекли внимание публики от главного парада. Десятки людей спешили вверх по холму. У ног Джона женщина в облачении Меркурия с трудом села и приложила ладонь к обожженной голой ноге. Похоже, серьезных ранений она все-таки не получила.

А как насчет других людей в корзинах? Из-за дыма горящей карусели Джон не видел, что там выше по холму, но те, кто оказался ниже по холму, были на ногах и передвигались сами.

Джон прошел к затененной стене и встал к ней спиной. Он тяжело дышал и протирал слезящиеся от дыма глаза. Через считанные минуты для него должна была начаться самая худшая часть. Джон больше не мог быть здесь полезен, потому что люди с лучшей медицинской подготовкой, чем у него, уже прибывали; но ему придется объяснять, что он сделал,— снова и снова. Организаторам парада, операторам платформ и полиции Пунта-Аренаса. А затем прессе... и прохожим... и кто знает, кому еще.

Как Джон мог объяснить им всем, что не знал, что делает? Как всегда в экстремальных ситуациях, какая-то другая часть его разума, похоже, брала на себя руководство всеми его действиями. Его спросят, как он себя чувствовал, как это было для него, когда он преследовал платформу. Разве они могли понять, что этот инцидент словно бы происходил с кем-то другим? Джон помнил все подробности, но это было все равно что смотреть в телескоп не с того конца. Подробности были четкими, но очень-очень далекими.

Джон повернулся и посмотрел вниз по холму. Возможно, все совсем не обязательно должно было произойти именно так. Люди, что спешили вверх по холму, сосредоточивали все свое внимание на горящей платформе и ее пострадавшей команде. Они совершенно не замечали скромно одетого мужчину, прислонившегося к затененной стене.

Джон подождал еще минуту, пока пара десятков людей его не миновала; затем он тихо пошел вниз по улице к главному проспекту. Там по-прежнему проплывали платформы, колоссальные и невероятно цветастые. Люди радовались так, как будто на холме позади них ничего не произошло.

Джон смешался с толпой и испытал невероятное облегчение.

Прошло два часа, прежде чем Джон прибыл к зданию киностудии, до смерти утомленный, но зверски голодный.

Это проблемы не составляло. Здесь не следовало беспокоиться о том, что опоздаешь на обед. Джон смыл с лица грязь и копоть, осмотрел обожженные ладони и зашел в пустынную столовую. Там он взял себе суши, сливы, бобовый творог и отнес их к своему столику.

Джону пришлось признать одну очевидную истину. После многих лет на плавучих базах жизненный стиль Пунта-Аренаса оказался для него настоящим шоком. Сперва Джон подумал, что это специфично для киностудии, но теперь он подозревал, что это было верно повсюду; никаких специальных часов для принятия пищи, круглосуточный шум и одеяния настолько странные, что все здесь казались облаченными в театральные костюмы.

Теперь, когда он об этом задумался, Джон вдруг понял, что никто во всем Аренасе еще ни разу не спросил у него документов. И это было еще не самое худшее. Сегодня он приковылял домой в рваной и черной от копоти одежде, с обожженным лицом и опаленными волосами — мимо сотен людей. Каждую секунду Джон ожидал, что его остановят и начнут расспрашивать. Но никто даже его не заметил. В этом мире его растрепанная наружность была все равно достаточно тусклой, чтобы не привлекать внимания.

Джон вернулся к раздаче за второй порцией. Пока он ел, устало клюя носом над тарелкой, ему пришло в голову, что усвоенный

сегодня урок следует применить где-то еще. Чтобы оказаться в Пунта-Аренасе эффективным, ему требовалось действовать по-другому. В стиле киностудии. В стиле Нелл Коттер.

«Даже в штабе СГОМ?» — спросил он себя.

Черт побери, почему нет? Джон уже не видел, что он такого может при этом потерять.

Ему было велено вернуться в Админ-центр СГОМ к восьми утра. Джон спокойно проспал до десяти, а затем навестил костюмный отдел киностудии. Подобранная им форма была впечатляющей в своей двусмысленной, но неспецифичной убедительности. Джон добавил короткий плащ и плотную шапочку в форме колокольчика с белым кончиком, изучил себя в зеркале и содрогнулся.

Все дело было именно в шапочке. Джон Перри смотрелся как военный дезертир из претенциозного пропагандистского фильма.

Под моросящим дождем Джон пустился по почти пустынным улицам Пунта-Аренаса и обнаружил, что немногие люди, мимо которых он проходил, совершенно его не замечают. В бледном свете они выглядели бесцветными и усталыми. Все по-прежнему восстанавливались после ночи открытия Летнего фестиваля.

Охранники у Админ-центра СГОМ тоже были не в лучшем состоянии. Они только кивнули, когда Джон прошел мимо них, заговорщически шепнув: «Доброе утро». Он добрался до верхнего этажа и канцелярии замминистра, после чего без стука туда вошел.

— Мне назначено. Лосада здесь?

— Он вас ожидает? — Секретарша неуверенно изучала его наряд.

Да.— Никакого объяснения. Мимо стола секретарши Джон прошел к двери из матированного стекла со вставкой из рубиновых букв: МАНУЭЛЬ ЛОСАДА.

— Ваша фамилия? — поинтересовалась секретарша, когда Джон уже взялся за ручку двери.

— Перри.— Он ответил надменно, через плечо, уже проходя в дверь.

Внутренний кабинет был огромен, освещенный небом и заполненный колючими горшечными растениями. Они образовывали проход, который вел к столу для совещаний, за которым располагался еще один стол — чудовищный колосс из южного красного

дерева. За этим столом, уменьшенный им до габаритов гнома, сидел низкорослый темноволосый мужчина. Таращась на экран компьютера, он что-то бормотал себе под нос. Прошло по меньшей мере пятнадцать секунд, прежде чем он крутанулся в кресле и внимательно оглядел Джона с ног до головы.

— Слушаю вас? — Голос Лосады оказался неожиданно глубоким и сильным.

Джон посмотрел на сморщенное, похожее на чернослив лицо, заглянул в холодные темные глаза — и понял, что концерт закончен. Он был специалистом-исследователем низшего ранга в кабинете замминистра. Джон снял свою смехотворную шапочку и выскользнул из плаща.

— Меня зовут Джон Перри. Я прилетел сюда с базы номер четырнадцать Тихоантарктики, чтобы увидеться с вами.

— В самом деле? И при этом вы одеваетесь как главный обормот в Руританском военно-морском флоте?

— Это просто чтобы сюда попасть.

— Что вам с успехом и удалось. Эти охранники — просто пустая трата денег. Они ни хрена не делают. По-моему, они бы запросто могли забрести сюда и ненароком меня пристрелить,— Лосада не казался слишком взволнованным. Он кивнул Джону на стул и встал.— Садитесь. Вы должны появиться здесь пять суток тому назад.

— Я был здесь, сэр. Но не мог вписаться в ваш график.

— Теперь вы в него вписались. На десять минут. Сказал вам кто-нибудь на Тихоантарктике, зачем вы здесь?

— Нет, сэр. Они сказали, что не могут.

— Трусливые ублюдки. «Не хотят» куда больше похоже на правду. Ладно, давайте уберем с дороги плохие новости,— Лосада стоял спиной к Джону, вытаскивая мертвые желтые листья из-под колючего куста.— У вас больше нет исследовательского проекта, Перри. Пять суток тому назад финансирование работы вашего погружаемого аппарата на Тихоантарктике-четырнадцать было прекращено.

Лосада развернулся.

— Не я инициировал эту акцию. Это пришло сверху, с уровня выше министерского. Я говорю вам это не с тем, чтобы вы знали, что не я подкладываю вам свинью, а просто чтобы вы поняли: спорить со мной по этому поводу — пустая трата времени. Но я отвечу на ваши вопросы.

Вопросы. У Джона не было никаких вопросов — только горечь, потрясение и глубокий гнев. Финансирование прекращено. Работа погружаемого аппарата свернута. Программа исследования гидротермальных отдушин, которая была его страстью с тех пор, как он закончил формальную подготовку, пропала, обрезанная взмахом бюрократического пера. Ничего удивительного, что в штабе СГОМ с ним обращались как с полным ничтожеством.

— Ваше время идет.— Низкий голос ворвался в его транс.— У вас есть вопросы?

— Мне казалось, я делаю по-настоящему хорошую работу.

— Это не вопрос. Впрочем, согласно всем рапортам, так оно и было,— Лосада махнул рукой в сторону монитора на столе.— Первоклассная работа, Перри. Прочтите ее оценки, если хотите. Только не в мое время.

— Отменены ли еще какие-то проекты по погружению?

— Нет.

— Тогда почему именно я и мой проект?

Впервые на лице Лосады появился намек на сочувствие.

— Если вам от этого станет легче, данное решение не является следствием претензий лично к вам. Ваш проект стал жертвой грязных махинаций береговых политиков. Еще вопросы?

— Если моя работа прекращена, что будет со мной?

— Именно это я и имел в виду под политикой. Вот почему я сделал так, чтобы вы прилетели сюда. Вы получили плохие новости. Теперь давайте поговорим, и я расскажу вам, как все для вас еще может повернуться в лучшую сторону. Гораздо лучшую, если вы все сделаете верно. У штаба СГОМ есть заявка относительно гидротермальной отдушины на Европе.

— На Европе? — Название вызвало в памяти образ трагически искалеченного северного континента, где теперь охотники за сокровищами в противогазах выискивали среди темного пепла уцелевших тератом.

— На Европе. На самом маленьком из четырех крупных спутников Юпитера.

— Я знаю.

— Не делайте оскорбленный вид. Множество сотрудников Тихоантарктики не отличит этот спутник от собственной задницы, пока вы не опустите его на тысячу метров в океан. Итак, вам известно, что море на Европе имеет гидротермальные отдушины, как на Земле?

— Не как на Земле. С гораздо более низкой температурой.

— Верно. Есть еще различия?

— Европейские дымари не так интересны, потому что они безжизненны. Как и весь океан Европы.

— А вот это неверно. Уже не безжизненны. Или — возможно, уже не безжизненны. Слышали вы когда-нибудь раньше о докторе Хильде Брандт?

— Нет.

— Я тоже. Но она — большая шишка в системе Юпитера. Помимо всего прочего, она директор Европейского научно-исследовательского центра. Шесть недель тому назад она прислала в СГОМ секретный доклад, объявляя, что вокруг европейской гидротермальной отдушины, судя по всему, была обнаружена жизнь. Местная жизнь,— Лосада наклонил свою темную голову.— Вы в это верите?

— Не вижу, почему бы и нет.— Технический вопрос наконец-то вынудил мозг Джона начать работать.— Там должна иметься химическая энергетическая основа, вероятно, сера — как у отдушин на Земле. Это рядом с Юпитером, а значит, там масса электромагнитной и приливной энергии, чтобы расшевелить недра. Идея о том, что на Европе могла бы быть жизнь, витала в воздухе уже больше столетия. Но что Брандт имеет в виду, говоря «судя по всему, была обнаружена»?

— Они не располагают такими совершенными погружаемыми аппаратами, какие есть у нас на Земле, так что им приходится работать с примитивными ныряльщиками и непрямыми свидетельствами. Слышали вы когда-нибудь о Шелли Солбурн?

— Конечно,— Джона заинтересовало, что последует дальше.

Он хорошо помнил Шелли — даже слишком хорошо. Талантливая, трудолюбивая и амбициозная, она имела несчастье родиться к северу от экватора. В цивилизацию южного полушария Шелли прибыла как круглогодично недовольная студентка, вечно жалующаяся на то, что место рождения лишило ее той жизни, которая ей полагалась по ее таланту. Десять лет продвижения по службе и профессиональных успехов должны были как следует ее обтесать. Но не обтесали. Прошло уже два года со времени вулканического выплеска Шелли Солбурн на Джона, но он до сих пор его не забыл.

А ведь Джон тогда всего-навсего указал Шелли на то, что его жизненный старт был ничем не лучше, чем у нее. А также

жизненный старт миллионов других младенцев, выросших без корней, без домов и без родителей непосредственно в послевоенный период. Как в северном полушарии, так и в южном число детей, вынужденных самим пробивать себе дорогу к выживанию и образованию, было неисчислимо.

Самым ранним воспоминаниям Джона случилось быть связанными с южным полушарием, которое не так сильно пострадало в войну (там была уничтожена всего лишь половина населения), но представления о том, где и когда он родился, у него было не больше, чем у Шелли. Если у Джона и оставались живые родственники, он понятия не имел, кто они.

Он попытался поддержать Шелли, говоря ей, что какие бы муки она ни испытывала, есть солидная группа таких же страдальцев, которые всегда обеспечат ей поддержку и сочувствие. Но она восприняла это как нападки.

— О чем ты мне толкуешь? Что я должна вечно жить как рабыня и мириться со всем этим дерьмом? — Шелли обвела рукой убогую меблировку Тихоантарктики-14.— Если ты такой полный мудак, сам все это кушай. А я лучшей жизни заслуживаю. Если ты такой осел, чтобы вести рыбье существование, болтаясь под водой все следующие пятьдесят лет,— на здоровье, можешь этим заниматься. Возьми, если хочешь, и мою долю этого убожества. Всю, целиком!

— Часы тикают, доктор Перри.— Голос Лосады ворвался в воспоминания Джона.

— Извините. Да, я знаю Шелли. Очень хорошо. Она сейчас на Тихоантарктике-девять, ближе к Галапагосским островам.

— Была, доктор Перри. Она была на Тихоантарктике-девять. Год назад она уволилась и отправилась в систему Юпитера. Именно она обнаружила свидетельства жизни на Европе.

— Тогда к этому следует относиться серьезно. Шелли Солбурн делала расшифровку генома для дюжины различных гидротермальных форм жизни. На Тихоантарктике-девять она была одной из самых лучших.

— К этому и отнеслись серьезно. Именно по этой причине доктор Брандт связалась со штабом СГОМ. Она запросила для использования один из наших глубоководных погружаемых аппаратов, чтобы исследовать одну конкретную европейскую отдушину и прямым наблюдением подтвердить, что там присутствуют аборигенные формы жизни.

— «Каплю»? — Свет забрезжил в голове у Джона.

— Вы правильно меня поняли. Но есть кое-что еще. Брандт запросила погружаемый аппарат, и было принято решение — как я уже сказал, на гораздо более высоком уровне, нежели мой,— одолжить ей «Каплю». Однако персонал Европейского научно-исследовательского центра не имеет опыта глубоководного океанического исследования. Поэтому Брандт запросила также и земного оператора.— Сидя напротив Джона, Лосада в открытую улыбался.— Первоклассного оператора. Такого, который знает все про жизненные формы гидротермальных отдушин. И такого, которому случилось освободиться прямо сейчас.

— Но почему не Шелли Солбурн? Она уже там.

— Уже нет. Она славно поработала на себя и несколько месяцев назад вернулась на Землю богатой женщиной. Мисс Солбурн купила себе большую виллу в Дунедине, и она говорит, что не имеет большого желания снова покидать Землю. Так что она вышла из игры. Было упомянуто ваше имя, и Хильда Брандт одобрила вашу кандидатуру. Теперь понимаете, что я имею в виду, когда говорю про грязные политические махинации?

Нелл Коттер по-прежнему оставалась в Стэнли, вне всякой досягаемости, а Джону отчаянно хотелось услышать ее совет. Он мог бы позвонить кому-то из своих коллег по Тихоантарктике, но они в таких вещах были так же невинны, как и он. Им недоставало чутья и береговой смекалки Нелл.

Джон продолжал попытки. В итоге ему пришлось потратить больше двадцати четырех часов, и когда он наконец с ней связался, день уже клонился к вечеру. Нелл была довольно официально одета и явно находилась на каком-то приеме. Джон видел на заднем плане ярко разодетых людей и слышал танцевальную музыку.

Нелл молча выслушала его рассказ. В конце, когда Джон сказал, что ему в целом понравился Мануэль Лосада, она покачала головой.

— Змея, мой милый, настоящая змея. Не верьте ему ни на секунду, когда он говорит, что приказы приходят откуда-то сверху и что он ничего не может с этим поделать. Лосада управляет штабом СГОМ. Он держит в своих руках всю организацию, сверху донизу. Знал ли он в точности, кто вы, когда вы вошли без

объявления? Уверена, что знал. Министр — тот парень, что над Лосадой,— просто подставное лицо из Внутреннего Круга, и он океанов от ресторанов не отличит.— Женщина внимательно изучила покрытое волдырями лицо Джона.— Вас не затруднит рассказать мне, как именно вы обгорели? Должно быть, вы нашли какой-то новый и экзотический способ отпраздновать Летний фестиваль.

Когда Джон дал ей сжатое описание процесса остановки сбежавшей платформы, Нелл воскликнула:

— Так это вы были тот герой! Все в Аренасе с ума посходили, пытаясь вас разыскать — в особенности наши люди. На видео никак нельзя поставить «Гамлета» без принца. Не волнуйтесь, я никому не скажу. Да и в любом случае это уже вчерашние новости.

— Но что мне делать с предложением Лосады?

— Мой дорогой, это не предложение. Это изнасилование. Делайте то, что все делают, когда их насилуют. Расслабьтесь — достаточно надолго, чтобы ему показалось, что он вас взял. А потом отбейте ему яйца. Так или иначе, на самом деле вам туда хочется. Я сужу об этом по выражению вашего лица. Вы страшно хотите блуждать по этому треклятому Европейскому океану. Так что вам терять? Вам следует немедленно вернуться к Лосаде и сказать, что вы беретесь за это задание.

— А как мне отбить ему яйца? Он хочет, чтобы я уже через трое суток покинул Землю и отправился на Ганимед.

— Над этим мы поработаем, когда я вернусь. Я буду в Аренасе завтра утром. Сейчас я должна бежать. А вы идите и сообщите Лосаде хорошие новости.

Нелл прервала связь и задумчиво вернулась к своему столику. Глин Сефарис прибыл в ее отсутствие, чуть не опоздав на прием. Он сел с ней рядом.

— Проблемы? — Глин был курносый, мальчишеского вида мужчина с коротким ежиком, а также озорным лицом и манерами. Требовалось приглядываться очень внимательно, чтобы разглядеть на его яблочных щеках морщинки.

— Только не у меня,— Нелл улыбнулась ему с видом превосходства.— Что скажешь, если я скажу тебе, что знаю, кто позапрошлой ночью остановил ту сбрендившую платформу?

— Скажу: «Ну и хрен с ней, с платформой. Ты на целые сутки опоздала. Такие новости уже ничего не стоят». А что, ты правда знаешь?

— Знаю. Это был Джон Перри. Ты работал с его материалом на съемках подводных отверстий,— Нелл потягивала темное пиво, пристально наблюдая за Глином.— Помнишь?

— Действительно работал. И наслаждался его снимками. Просто красавчик. Я бы и сам немного от этого самого не отказался.

— Как прошло его шоу?

— Твое шоу, моя милочка. Исключительно удачно. Конечно, пришлось малость над ним поработать. Вырезать оттуда массу разговорной чепухи про хемосинтез, фотосинтез и прочую бредятину, вклеить туда кое-какой старый материал с жуткими корчащимися червями, добавить зашкалившие манометры и говнометры. Чудесная драма. Какая удача, что вас угораздило в то подводное извержение влететь.

— Ну, если тебе желательно называть это удачей...

— Желательно. Откровенно говоря, с драматической точки зрения там только одного не хватало,— Глин одарил Нелл ангельской улыбкой.— Вот если бы корпус «Капли» к чертям разнесло давлением, и видеозапись пришлось со дна моря доставать...

— Пошел ты к дьяволу, Глин.

— Нет, правда, очень жаль. Просто невезение.

— Но рейтинги шоу были хороши?

— Лучше, чем хороши,— он осторожно глянул на нее.— Все путем, Нелл. Так в чем загвоздка?

— Как бы тебе понравилось свою высокорейтинговую звезду еще на одно задание послать?

— Новости того стоят?

— Могу поклясться. Только не спрашивай меня, что это, потому что я сама еще ничего толком не знаю. Мне придется отбыть довольно надолго, и все это в кругленькую сумму влетит.

— Цифры, моя милочка, цифры. Я не Крез. Мне нужны цифры. Как надолго, и сколько это будет стоить?

— Несколько недель по меньшей мере, а может, и больше. Я отправлюсь аж в саму систему Юпитера. На Ганимед, Европу, а может, и в другие места,— Нелл подняла руку.— Я знаю. Но не отменяй представления, пока не увидишь сценарий. Дай мне минуту поговорить.

Она говорила гораздо дольше минуты, а Глин Сефарис тем временем хранил удивленное молчание. Когда Нелл закончила, он

хранил это молчание еще тридцать секунд, поджимая губы и барабаня пальцами по столу.

— Опять Джон Перри,— сказал он наконец.— Давай уберем с дороги одну деталь. Ты его клеишь?

— Нет.

— Пока нет, ты хочешь сказать. Лучше не жди слишком долго — другие в очереди стоят.

— У меня нет желания соблазнять Джона Перри и нет желания, чтобы он меня соблазнил.

Держа одну руку под столиком, Нелл скрестила пальцы.

— Но ты определенно в нем заинтересована.

— Глин, ты не понимаешь. Перри — это человек, с которым случаются события, и он проходит через них, не моргнув глазом. Там, на Тихоантарктике, его звали Ледяным Человеком. Я не понимала, почему, пока мы на моретрясение не напоролись. Он тогда не был напуган — напротив, он наслаждался. И теперь посмотри, что случилось на фестивале в Аренасе. Перри увидел, что происходит с той платформой, когда больше никто этого не видел, спас кучу народа и ушел прочь с таким спокойствием, что будьте-нате. Ты признаешь, что он красавчик, а я думаю, что он представляет колоссальный интерес для публики. Теперь ты видишь, как из этого получается потрясающее шоу, в котором мы блуждаем по диким дебрям системы Юпитера.

— Не дави слишком сильно, моя милочка. Это привносит жутко хмурые черточки в твою очаровательную мордашку.

— Но что ты скажешь?

Скажу, что ты первоклассный репортер. Ты напориста, когда гонишься за материалом, но при этом ты так напориста, что отталкиваешь от себя людей. И у тебя есть один дар, которому нельзя обучить и за который ты ничего не заплатила,— у тебя есть нюх на события. Так же, как Перри, ты человек, с которым случаются события.

— Так ты согласен, что мне следует...

— Однако...— Глин поднял руку, обрывая Нелл на полуслове,— у тебя есть одна слабость. Ты обожаешь засовывать бедных беспомощных самцов под свое материнское крылышко и любовно их защищать.

— Ты просто представить себе не можешь, насколько Джон Перри далек от бедного беспомощного самца.

— Именно так ты говоришь. Всякий раз. Помнишь Робальо?

— Единственное, что я сделала с Пабло Робальо...

— Единственное, чего ты с ним не сделала... впрочем, давай не будем вдаваться в грязные подробности. Просто больше так не падай. Это не очень для тебя хорошо. Если ты отправишься с Перри, следи за своими дикими гормонами. Когда ты отбываешь?

Нелл, которая уже раскрыла рот, чтобы заспорить, резко сменила направление:

— Так ты хочешь сказать, что даешь одобрение?

— Когда я мог что-то тебе запретить? Я спросил: когда ты отбываешь?

— Через трое суток.

— Тогда мне лучше начать бумажную работу прямо сейчас.— Глин встал, оглядывая обеденный зал. Место было совершенно пустынным, если не считать нескольких других пар, глубоко погруженных в деловые переговоры.

— Да, кстати,— Сефарис повернулся обратно к Нелл.— Еще только одно. Помнишь, когда ты связалась со мной после того, как засняла обед Внутреннего Круга в честь Сайруса Мобилиуса, ты попросила меня поручить кому-нибудь выяснить насчет того нового крупного проекта, о котором он упоминал? Что ж, на это ушло немалое время, но сегодня днем я все-таки получил обратную связь. Это реально, и это может иметь потенциал для крупного репортажа. Проект связан с использованием колоссальных термоядерных установок — тут никаких сюрпризов. Но если Мобилиус получит одобрение, они будут использованы не на Земле. Их разместят на Европе. Как тебе такой вариант?

Несколько секунд перед тем, как он покинул обеденный зал, Глин Сефарис наслаждался выражением лица Нелл. Ее не так просто было чем-либо удивить. Глин знал, что Нелл хочет задать ему вопросы, но он сказал ей все, что знал о новом проекте Мобилиуса. Если она хочет большего, ей придется раскопать это самой.

Глин не сказал Нелл только одну вещь — и не был уверен, что собирался сказать. По крайней мере, пока она не отбудет в систему Юпитера. Утром он прочел блок входящих новостей из Аренаса. Путевой самописец со сбежавшей на карнавале платформы был исследован службой безопасности, и точность его работы оказалась теперь поставлена под вопрос.

Если верить самописцу, во время своей бешеной гонки вниз по холму платформа достигла скорости более пятидесяти миль в час.

Быстрее спринтера мирового класса. Гораздо быстрее, согласно данным технической службы Глина Сефариса, чем кто-то из людей когда-либо бегал.

7
ДАВАЙТЕ СДЕЛАЕМ МИР

Это было самое печальное из всех возможных заданий — все равно что бросать собственных малолетних детей. Камилла в состоянии транса сидела одна у компьютера, закрывая файлы, сворачивая эксперименты, ставя программы на консервацию. Через час с Камиллой Гамильтон будет покончено; в центре РСН не останется ничего от нее и ее работы.

Так что прощай, НГК 3344. Спектроскопическое зондирование поперечного сечения низкоэнергетичной гелиевой термоядерной реакции в центре той идеальной спиральной галактики должно было закончиться. Прощай, СГК 11324. Больше никаких наблюдений за той мрачной тайной в трех миллиардах световых лет от Солнца.

А теперь прощайте и особенные ее детишки: галактики столь далекие, что даже РСН не смогла бы разложить их центры на отдельные звезды.

Камилла стерла программные последовательности для четырех из этих галактик. Приступая к стиранию пятой, она помедлила. Программа наблюдения для этого эксперимента в дальнем инфракрасном диапазоне была только-только начата. Камилла использовала мультимиллиметровые длины волн для исследования термоядерных процессов с более тяжелыми элементами, пока они прокладывали себе дорогу от углерода до железа. Ранние результаты из этой галактики, в семи миллиардах световых лет отсюда, уже показывали интригующие аномалии. Камилла получила тонкую россыпь точечных данных, очень далеких от того, что предсказывала теория.

Должна ли она была стереть и этот эксперимент? В принципе — должна. Таковы были полученные Камиллой инструкции. Но предположим, она просто перевела бы его в фоновый режим

в программирующем алгоритме РСН? Тогда ее наблюдения проводились бы только в мертвое время, когда никакой другой наблюдатель не использовал бы блок телескопов. Никто не стал бы на это досадовать и, скорее всего, даже бы ничего не заметил.

Такой способ проводить эксперименты был поистине варварским — без всяких гарантий, что результаты когда-то будут получены.

Однако посредством этого самого способа они с Дэвидом вынуждены были действовать в течение всего того периода, пока РСН проверялась. Камилла уже насобачилась обращаться с провалами в массивах данных и неполными циклами регистрации.

И предположим, кто-то выяснит, что она сделала? Что ж, ей будет запрещено дальнейшее использование РСН — и хуже, чем сейчас, все равно уже не будет.

Камилла положила свой эксперимент на самое дно приоритетного списка РСН и присвоила ему совершенно безобидное название — такое, которое случайный пользователь расценит как название собственных диагностических процедур блока телескопов. Она установила там наружный «жучок» со своим идентификационным номером, чтобы иметь возможность запросить соответствующий банк данных РСН издалека. Затем Камилла расписалась за систему, определенно чувствуя себя преступницей.

Но преступницей нераскаянной.

Наконец Камилла вышла из отсека управления РСН и направилась к жилому отсеку. Дэвиду следовало рассказать о том, что она проделала, и дать ему шанс проделать то же самое с одним из его любимцев. Отмена глубокого зондирования РСН произвела по меньшей мере один благотворный эффект; теперь им с Дэвидом больше не за что было сражаться. Они стали необыкновенно милы и нежны друг с другом. Камилла, задействовав колоссальный самоконтроль, сумела избежать дальнейшего разнюхивания про путешествие Дэвида на Землю.

— Хочешь знать, как выглядит закоренелая преступница? — начала она рассказывать широкой спине, вплывая в отсек.

И тут же резко оборвала себя. Дэвид Ламмерман был не один. Камилла отчетливо видела, что из-под маленького столика торчит еще чья-то пара ног.

Лицо вновь прибывшего было защищено от обзора рядом буфетов с продуктами. Двинувшись мимо Дэвида, Камилла уви-

дела торчащий нос, выдающиеся надбровные дуги и густую шапку седых волос. Она сразу же узнала этот волевой профиль. Всякий, кто работал с термоядерной энергией, пусть даже в абстрактной науке, а не в коммерции, знал его из сотен комиксов.

Камилла смотрела на Сайруса Мобилиуса слишком пристально, чтобы проявлять вежливость, тогда как он непринужденно повернулся к ней и улыбнулся. Бледные, пустые глаза потеплели и осветили все его лицо. Человек-легенда протянул ухоженную руку.

— Доктор Камилла Гамильтон, рад с вами познакомиться. Ваша работа, разумеется, мне известна.

Это было такой же колоссальной новостью, как и присутствие Солнечного Короля в центре РСН. Камилла никогда не проявляла ложной скромности на предмет своей ценности и компетентности. В том, чем она занималась, она была лучшей. Но занималась она частной и малоизвестной теорией, далекой от вещей того сорта, который волновал Сайруса Мобилиуса. Никакие иллюзии о собственном величии не могли убедить Камиллу в том, что она, подобно Мобилиусу, знаменита по всей Солнечной системе.

Камилла повернулась к Дэвиду и заметила на его лице то же самое выражение неловкости, которое там появилось, когда его вызвали на Землю. Дэвид сплел свои толстые пальцы и нещадно ломал их. Его плечи застыли, губы были плотно сжаты. Он не проявлял ни малейшего желания представить Камилле Гамильтон Солнечного Короля.

Машинально схватив протянутую руку Мобилиуса, Камилла получила в ответ деловое рукопожатие. Его ладонь оказалась маленькой, сухой и необычно теплой. Или это ее ладонь была неестественно холодной после долгого сидения за компьютером РСН?

— Что вы, черт побери, делаете в центре РСН?

Вряд ли это было дипломатичное приветствие, однако Мобилиус по ходу дела его пропустил.

— Заехал сюда по пути с Земли в систему Юпитера. Я очень хотел поговорить с вами, доктор Гамильтон, но не позволите ли вы мне сначала на пару минут отлучиться? Мне нужно отправить сообщение через коммуникационную сеть.

Протиснувшись мимо нее, Мобилиус покинул комнату, прежде чем Камилла смогла хоть как-то откликнуться.

— Это полный абсурд. Центр РСН не расположен ни на каком разумном маршруте от Земли до системы Юпитера. По крайней

мере, еще шесть месяцев не будет расположен. Откуда ты знаешь Мобилиуса и зачем ты его сюда затащил? И почему он вышел в тот момент, как меня увидел? — Вопросы так и сыпались из Камиллы, прежде чем Дэвид смог попытаться ответить хотя бы на один.— Ведь это именно он заставил тебя отправиться на Землю, разве нет? Именно он сообщил тебе, что нас выбрасывают из программы РСН. Зачем он это сделал... и что ты ему про меня рассказывал?

Теперь, когда Мобилиуса не было в комнате, напряженное, закрытое лицо Дэвида немного смягчилось.

— Ничего, что он сам не смог бы мне рассказать. Похоже, он знал про Камиллу Гамильтон еще до того, как я прибыл на Землю.

— Каким образом?

— Не знаю. Быть может... от того человека, который был здесь до меня,— Дэвид не хотел упоминать его имени; он никогда его не упоминал.— Разве он не отправился работать на Землю?

— Боже мой. Тим Кайзер. Это все он. Он отправился на Землю работать над термоядерными проектами.— У Камиллы появилась новая тревога. Если представление о ней Мобилиуса основывалось на информации, исходившей от несчастного, страдающего и ревнивого Тима, убежденного в порочной развратности Камиллы...

— Но откуда ты знаешь Мобилиуса? Ты-то с Тимом Кайзером никогда не встречался.

— Ну да.— Теперь Дэвид выглядел не просто неловко, а както даже нездорово — хотя физически он был так же крепок, как Камилла. Она даже минуты не видела его больным.

— Я не знал Тима Кайзера,— Дэвид буквально выталкивал из себя слова.— И знать не хотел. Ты понимаешь. Но я действительно знаю Сайруса Мобилиуса.— Кривая улыбка явно была не на месте на его пухлом добродушном лице.— Можно сказать, я всегда знал Сайруса Мобилиуса. Или можно сказать, я его никогда не знал.

Тут скованность ушла из плеч Дэвида, и он со взрывчатым вздохом огромного облегчения осел в кресле.

— Он мой отец, Камилла. Мой настоящий биологический отец, будь он трижды проклят.

Камилла недоверчиво на него уставилась. Она понимала, что другие люди могут иметь знаменитых родственников, даже если у нее самой никого нет. Но Мобилиус как отец Дэвида...

— Ты никогда мне об этом не говорил.

— Конечно, не говорил. Я не хотел, чтобы ты знала... не хотел, чтобы вообще кто-то знал.

— Но Дэвид Ламмерман...

— Ламмерман — фамилия моей матери. Они с Мобилиусом прожили вместе всего шесть месяцев. После войны — когда он впервые прибыл на Землю с Пояса.

— И он от тебя отрекся?

— Нет. Это она от него отреклась. Она даже не хотела, чтобы я упоминал его имя. Никогда. Я этого и не делал. Зато она упоминала его достаточно часто. Она уверяла меня, что он страшный человек — ничего похожего на того симпатичного индивида, которым он притворяется. Я ей верил — в конце концов, я был всего лишь ребенком. Теперь я вижу, как она была неразумна и жестока, но тогда я этого не знал.

Она умерла, когда мне было семнадцать, и оставила меня одного. Но я бы никогда ничего у него не попросил — даже ради спасения собственной жизни. Он сам пришел ко мне через месяц после ее смерти. Он был слишком велик, чтобы я мог с ним справиться. Знаешь, я никогда не мог набраться духу, чтобы попросить его уйти, хотя мне действительно этого хотелось. Он сказал мне, что есть банковский счет для оплаты моего образования, нравится мне это или нет. Он сказал, что не станет подсовывать мне еще какие-то деньги или хоть как-то вмешиваться в мою жизнь, и держал слово до прошлого месяца, когда вдруг возник из ниоткуда и попросил меня прилететь на Землю. Он заплатил за поездку и сообщил мне новости о том, что наша работа с РСН прекращается и что мы должны отсюда убираться.

Словесный выплеск Дэвида закончился. Камилла кивнула. В каком-то странно-извращенном виде это имело смысл. Отвергнутый — или отвергающий — сын в присутствии могущественного отца. Сайрус Мобилиус по-прежнему был слишком велик, чтобы Дэвид мог с ним справиться.

В то же время это не имело никакого смысла. Что Дэвид еще от нее утаивал?

— Дэвид, я не понимаю. Зачем Сайрус Мобилиус вызвал тебя аж на Землю, чтобы сообщить то, что мы через несколько недель и так бы узнали? Не существует способа, посредством которого отмену программы глубокого зондирования РСН смогли бы сохранить в тайне. Добрая сотня других экспериментаторов затронута здесь так

же, как и мы. Все научное сообщество РСН буквально гудело новостями уже через неделю после того, как ты сюда вернулся.

Дэвид пожал плечами, но ничего не сказал. Припоминание своих взаимоотношений с Сайрусом Мобилиусом, похоже, вконец его опустошило. Камилла не стала давить дальше. Вместо этого она вернулась к своим тревогам относительно того, зачем здесь Сайрус Мобилиус, а также к плачевному состоянию Дэвида. Если Мобилиус собрался помыкать Дэвидом, ему сперва придется разобраться с Камиллой Гамильтон. А она все зверела и зверела. Они с Дэвидом просидели пять минут в неловкой тишине, пока Мобилиус не вернулся.

— Итак, доктор Гамильтон? — Солнечный Король имел радостный вид и не чувствовал повисшего в комнате напряжения — или прикидывался, что не чувствует.— Что вы думаете о моем предложении?

Камилла взглянула на него и озадаченно нахмурилась. Бросив мгновенный взгляд на Ламмермана, Мобилиус за долю секунды уловил суть дела.

Дэвид покачал головой, но ничего не сказал.

— Нет? Тогда, полагаю, лучше попытаться мне,— Мобилиус вернулся к столу, сел напротив Камиллы и приставил друг к другу кончики пальцев.

Она снова обратила внимание на его маленькие аккуратные ладошки — совершенно не похожие на здоровенные лапы Дэвида. Рост и массивное телосложение, следовало полагать, Дэвид унаследовал от матери.

— Я много слышал о вас от Тима Кайзера,— продолжил Мобилиус.— Кое-какие из этих сведений вам бы сильно не понравились. Кайзер рассказал мне, что вы упрямы как ослица и так целеустремленны, что если вгрызаетесь в проблему, то уже ни почем ее не отпускаете.

— Вы не решите сложную научную проблему, если будете легко сдаваться, мистер Мобилиус. «А если ты вырос чумазым и нищим на Марсе,— добавила Камилла про себя,— ты вообще ничего не получишь, если будешь легко сдаваться. Даже очередной обед». Свое образование Камилла получала точно так же, как и свои обеды: со скрежетом зубовным. Ее упорство было всегонавсего детской привычкой к выживанию, перенесенной во взрослую жизнь. Но будь она проклята, если станет плакаться Мобилиусу в плечо, рассказывая ему, как ей всегда было тяжело.

— Но Тим говорит, что, хотя вы упрямы,— продолжил Мобилиус,— вы также порой импульсивны. Даже когда вы не правы, пустая трата времени вас переубеждать. Не волнуйтесь, я не стану это проверять — обо мне люди говорят то же самое. И Тим также настаивает, что вы лучший теоретик термоядерных процессов, какого он в жизни встречал. Он говорит, что вы, похоже, всегда знаете, что происходит с термоядерной стабильностью, даже в самых запутанных ситуациях. Причем вам даже не надо об этом думать. Когда компьютерные модели дают ответы, которые вам не нравятся, вы ищете ошибки в программах.

— Нет.— С этим Камилла, по крайней мере, могла разобраться, не затевая драки.— Он ошибается. Я все-все вычисляю, и я не доверяю интуиции. Просто так получилось, что я открыла кое-какие способы визуализировать сложные взаимодействия для получения быстрых результатов. Вроде термоядерной версии диаграмм Фейнмана.

— Это еще лучше,— Мобилиус вроде как восторженно улыбнулся.— Я всего-навсего экспериментатор, так что я тоже выучился не доверять интуиции чистых теоретиков. Это обычно не лучше экстраполяции решенных случаев.

Камилла начала понимать, почему Мобилиуса прозвали Солнечным Королем. Раньше она думала, что это прозвище он получил за разработку «мобилей» и необычайное мастерство в практическом, коммерческом применении термоядерной реакции. Но с таким же успехом Мобилиус мог его получить, благодаря теплоте и личному обаянию. Теперь его безучастные глаза уже вовсе не были пусты, и Камилла чувствовала, как его интерес к ней буквально расплескивается по столу. Просто невозможно было таить на него злобу.

«Бедняга Дэвид! — подумала Камилла.— Как было юнцу совладать с такой силищей?»

— Итак,— продолжал Мобилиус,— я изложил вам все эти личные вещи. Но я здесь вовсе не за этим. Могу я злоупотребить еще несколькими минутами вашего времени и объяснить причину? Видите ли, у меня проблема. Вскоре я рассчитываю начать работу над самым крупным проектом в моей карьере, и мне нужна помощь. Вы все поймете, когда я расскажу, что я задумал. И если то, о чем я сейчас расскажу, покажется вам грандиозным, то это потому, что так оно и есть — даже для меня.

Я хочу добавить к Солнечной системе кое-что очень солидное. По сути, я хочу дать человечеству целую новую обитаемую планету...— Мобилиус взял секундную паузу, изучая реакцию Камиллы, а затем рванул дальше.— Европу. Вы, надо полагать, знаете о Европе не меньше моего, но я все же хочу предложить вам собственное резюме. Я постараюсь вкратце. Пожалуйста, прерывайте меня, если будете несогласны с тем, что я говорю.

Камилла обратила внимание, что, несмотря на вежливые слова, Мобилиус начал сразу же, не дожидаясь позволения. Она очень много знала о Европе, так что у нее появился шанс оценить подготовку Мобилиуса. Он использовал простой, приземленный стиль, не обращаясь к Камилле ни свысока, ни подобострастно, но внимательно наблюдая за ее лицом на предмет признаков замешательства или скуки. Предложенное описание было кратким и логичным, с приемлемым количеством цифр. И Мобилиус, судя по всему, верно излагал факты.

Европа: второй по близости к Юпитеру из галилеевых спутников, кружит на орбите менее чем в семистах тысячах километров над планетой. Обрабатываемая по всей своей поверхности дождем частиц большой энергии еще более интенсивным, нежели тот, что поливал Ганимед, Европа делила с Землей, и только с Землей во всей Солнечной системе одну общую необычную черту: водный океан. В случае Европы этот океан лежал под километрами льда.

Лед Европы оказывался защитным одеялом, переменным по толщине, но непрерывным по всей поверхности, не считая одного места на стороне, постоянно отвращенной от Юпитера. Здесь выпирали наружу небольшие земляные массивы горы Арарат, располагаясь достаточно далеко, чтобы обеспечить место приземления и базу для поверхностных операций.

Слабая гравитация Европы позволяла горе Арарат подниматься от самого дна океана, которое в основном располагалось на глубине пятидесяти километров, хотя порой ныряло до сотни. Небольшая по планетарным масштабам, Европа тем не менее располагала самыми крупными запасами жидкой воды во всей Солнечной системе — и в отличие от земных океанов, это была чистая, свежая вода. Просачивание минералов с поверхности почвы, всегда добавлявшее соленость и неорганические вещества в воды Земли, никогда не имело место на Европе.

Свежий, холодный и более миллиарда кубических километров в объеме, океан Европы оставался безжизненным и бесполезным из-за толщины его ледяного щита.

— Но так совсем не обязательно должно быть всегда.— Мобилиус держал свое обещание быть кратким.— Если лед растапливать снизу, пока он не станет всего в пару метров толщиной, он по-прежнему будет щитом защищать Европейский океан от жесткой радиации — как и раньше. А под тонким слоем льда будет более чем достаточно света, чтобы позволить растениям процветать. Нужные разновидности уже существуют. То же самое с питательными апвеллингами. Весь вопрос в энергообеспечении, а также в детальном вычислении и контроле теплового баланса.

Я планирую обеспечить эту дополнительную энергию. Я разрабатываю серию термоядерных реакторов, более крупных, чем все, что существовали до сих пор. В океане Европы имеется весь водород, необходимый для термоядерной реакции, который нам может потребоваться.

— Вы можете получить водород, но вы никогда не получите разрешение.— Раз Камилле предложили перебивать, она решила, что настала пора это сделать. Дэвид определенно не стал бы вмешиваться — он таращился на своего отца беспомощным взглядом кролика, загипнотизированного удавом.— Генеральная Ассамблея Юпитера тридцать лет назад приняла решение о сохранении Европейского океана и предоставлении его для глубоководных экспериментов. Если вы измените окружающую среду, вся научная работа пойдет прахом.

— Разрешение безусловно станет проблемой. И мы должны максимально удовлетворить ученых,— Мобилиус кивал в знак согласия, но Камилла читала в его манере намек на то, что разрешение никакой проблемой не станет.

Можно было каким-то образом доказать, что ученые на Европе — просто мазилы и неудачники. Нужные шестеренки в Генеральной Ассамблее уже были смазаны.

— Что ж, есть еще более крупная проблема, чем эта,— сказала Камилла.— Вы могли быть слишком заняты, чтобы видеть объявление, но научный телеграф слухов уже доверху этим полон. На Европе предположительно состоялось открытие жизни — аборигенной жизни, внизу, на дне океана. Если это правда, все развитие Европы будет отложено на неопределенный срок.

Но Мобилиус снова кивал — спокойно и рассудительно.

— Я тоже об этом слышал. Если это правда, то такое известие, безусловно, внесет большие изменения. Но я также слышал, что пока все это базируется на косвенных доказательствах. Нам следует подождать и посмотреть. А тем временем...

Он сделал паузу.

— Тем временем позвольте мне быть с вами откровенным. Я основываюсь на том предположении, что выгоды проекта развития Европы Генеральная Ассамблея Юпитера расценит как перевешивающие все возможные недостатки. Вот почему я здесь. Я знаю, что вы об этом задумывались, ибо не способны себе представить, каким образом центр РСН может находиться на одном из разумных маршрутов перелета с Земли на Юпитер.

Впрочем, вполне возможно, что в последнее время я не чувствую себя особенно разумным. Я сказал, что разрабатываю термоядерные реакторы, и это заявление — чистая правда. Но правда и то, что я сталкиваюсь с жуткими проблемами термоядерной стабильности, с чем мне не приходилось иметь дело при работе с меньшими термоядерными блоками Мобилиуса. Это будут «мобили-монстры».

Я не могу проделать всего при помощи небольших экспериментов и экстраполяции. Мне нужна помощь теоретика. Блестящего теоретика.

Мне нужны вы, доктор Гамильтон. Через несколько дней вы здесь окажетесь без работы, так что более удачное время выбрать было просто нельзя. Я был бы безумно счастлив, если бы вы отправились со мной на Европу. Дэвид, разумеется, тоже. Тут и говорить нечего. Если он, конечно, согласен.— Мобилиус бросил до странности умоляющий взор на Ламмермана, и Камиллу вдруг посетило внезапное прозрение, что взаимоотношения этих двух мужчин вовсе не так просты, как могло показаться. Не служила ли она всего-навсего приманкой, чтобы заманить на Европу Дэвида?

— Мне бы страшно хотелось вас заполучить,— продолжал Мобилиус.— Вас обоих. И подумайте о представившейся возможности, о том, что вы сможете рассказать вашим детям и внукам,— Мобилиус улыбнулся, и его обличье Солнечного Короля снова засияло в полную мощь.— Сколько людей в истории человечества могли сказать, что создали целый новый мир?

8
«ГАЛИЛЕЕВА СЮИТА»

Высокоскоростной привод стал прямым результатом Великой войны, следствием классической эскалации разработки оружия. Многие ученые заявляли о том, что, будь высокоскоростной привод доступен до начала войны, самой большой травмы в истории человеческого рода можно было бы избежать.

Их логика была проста и правдоподобна: довоенное путешествие с Земли во Внешнюю систему было мучительно медленным. Перелет до Пояса или до Юпитера даже на самом лучшем из кораблей с низкотолчковым ионным мотором отнимал годы. Туристические поездки практически невозможно было себе представить. Миры Солнечной системы находились далеко друг от друга физически, а потому становились все дальше друг от друга культурно и социально.

Но послевоенное путешествие с высокоскоростным приводом, даже ограниченным по ускорению до одного «жэ» по причинам экономии, разрушило все прежние масштабы Солнечной системы. С постоянным ускорением времена перелетов росли всего лишь как корень квадратный от расстояния. Поездка от Земли до Пояса оказывалась ненамного дольше поездки от Земли до Марса. Юпитер был в неделе полета, Сатурн немногим больше, и даже отдаленный Нептун находился чуть более чем в двух неделях. Объединенная система снова стала реальна.

Если бы подобное единство было возможно до войны, утверждали ученые, занимавшиеся проблемами воздействия технологии на историю...

Впрочем, очень может быть, что ими просто руководили благие пожелания. Ибо с более легким путешествием уже психологическая дистанция определяла новую метрику Солнечной системы. Местное окружение, местные календари, местные длины суток — все это значило куда больше абсолютного местоположения. Легкое путешествие могло перекинуть мост через физическую пропасть, однако местная окружающая среда обеспечивала постоянный рост социального разделения. И на самом базовом уровне обитаемые миры были слишком отличны друг от друга.

Джон Перри и Нелл Коттер непосредственно испытали эту обширную пропасть между мирами — психологическую, социальную и обусловленную окружающей средой,— когда стрелой пролетели от Земли до Ганимеда на межпланетном транзитном судне. МТС было построено с упором на эффективность, а не на комфорт. Там отсутствовали обзорные иллюминаторы. Два пассажира сели на борт на геосинхронической орбите Земли, где Солнце казалось неистовым белым шаром. Меньше недели спустя они покинули герметичную коробку МТС на поверхности Ганимеда, обнаруживая Солнце уменьшившимся до одной пятой его обычного диаметра. Крошечный пылающий диск казался достаточно незначительным. Место Солнца заняла широкая, разбухшая физиономия Юпитера, в полторы тысячи раз крупнее, неподвижно нависающая над их облаченными в скафандры телами.

Высаживаясь на поверхность, Нелл испытывала смешанные чувства. Ей отчаянно требовалось убраться с этого корабля, потому что она уже сходила с ума, упакованная на семь дней в трехметровое пространство без всякой надежды на избавление. Очень удачно со стороны Глина Сефариса было отпускать шуточки перед отбытием насчет «межпланетного любовного круиза» для Нелл и Джона Перри. Идея вроде бы и впрямь казалась классной, да и Джон во время их последнего лихорадочного дня на Земле проявлял признаки того, что готов для этого дела, как только окажется свободная минутка. Никакой надежды! Только не по соседству со скучающим капитаном корабля, летевшего по простейшей МТС-траектории, что представляла собой едва ли не прямую линию. Капитан торчал так близко к Нелл, что она могла пересчитать волоски у него в ноздрях. На этом судне не было решительно никакого уединения!

«Капля» путешествовала вместе с ними. Погружаемый аппарат, который изнутри казался таким маленьким, теперь разбух до невозможности. Он застолбил за собой большую часть обычного жилого пространства, а то и дело повторявшийся совет Джона: «Расслабьтесь, мы скоро там будем» — только все усугублял. Он-то привык жить в такой теснотище, и внутри МТС действительно было куда больше пространства, чем в любом погружаемом аппарате. А Нелл требовался воздух, свобода и ветерок на лице.

Чего ей, к несчастью, теперь довольно долгое время получить не светило. Высадившись с МТС, Нелл оглядела неровную

поверхность Ганимеда, после чего заговорила в свой субвокальный диктофон: «Что ж, я ошиблась. Мне сказали: "Камень, холод и лед", а я сказала: "Отлично — совсем как в Антарктике". Но мой рассудок меня предал. Здесь гораздо пустыннее и неблагодарнее. Ни снега, чтобы припорошить наклоны, ни атмосферы, чтобы сгладить острые грани. Лед я действительно вижу — здесь его навалом. Но солидная его часть вовсе не водяной лед. Это замерзший углекислый газ и аммиак, связанный в твердую форму холодом за пределами всякого антарктического опыта, даже в самую трескучую из морозных июльских зим. Я также испытываю странные ощущения. Готова вот-вот всплыть вверх, к чертям собачьим. Гравитация здесь, должно быть, еще меньше, чем на Луне».

Была здесь и еще одна странность. Слева, светясь возле укоротившегося горизонта в зловещем полумраке, зиял громадный разрез в поверхности. Это был шрам, оставленный каменным метеоритом, что нанес Ганимеду скользящий удар. Логика подсказывала Нелл, что это случилось давным-давно, быть может, миллиард лет тому назад. Однако очертания борозды были такими четкими, такими острыми, что она словно бы не далее как этим утром образовалась.

И, вполне возможно, точно такой же метеорит мог прибыть прямо сейчас.

Нелл обвела небо своей видеокамерой. Там виднелось еще одно небесное тело, совершающее транзит по румяной физиономии Юпитера. «Европа, должно быть,— прокомментировала Нелл.— Именно туда мы и направляемся — по крайней мере, Джон. Мне еще предстоит найти способ попасть туда вместе с ним. И она кажется большой, куда больше, чем я ожидала. Такой же большой, как Луна с Земли».

Европа, подобно Юпитеру, была в полуфазе. С трудом верилось в то, что неистовая искорка Солнца, далеко справа от Нелл, могла отбрасывать достаточно света, чтобы озарять всю гигантскую планету, нависающую над ее головой. Нелл сделала наезд на морозное полумесячное изображение Европы и внезапно заметила сбоку камеры мигающий огонек. «Разумные» схемы внутри аппарата предупреждали ее о том, что какая-то гадость вмешивается в их деликатную электронику. Нелл потребовалось еще несколько секунд, чтобы понять, что это должна быть за гадость. Дождь незримых, но вполне смертоносных частиц хлестал по ней

и отражался ее скафандром, но у камеры не имелось скафандра. Высокоскоростные протоны прожигали ее внутренние схемы, ибо она не была рассчитана на использование в подобных условиях.

Нелл забеспокоилась, что камера может быть безнадежно испорчена. Затем ее посетила еще более скверная мысль. «Эти частицы подлетают на считанные миллиметры к моей коже, сдерживаемые полем скафандра,— подумала Нелл.— Но что, если скафандр выйдет из строя? Я этого не узнаю, пока капитально не поджарюсь, а тогда уже слишком поздно будет по этом поводу беспокоиться».

Люди вокруг Нелл явно не разделяли ни одну из ее тревог. Посредством коммуникационного блока, штуковины странно усовершенствованного дизайна, который позволял сигналам входить и выходить, одновременно отваживая мародерствующие протоны большой энергии, она слышала беззаботную болтовню поверхностной бригады, пока та выгружала «Каплю» и задвигала МТС под защитный колпак. Люди обменивались шутками и оскорблениями, совершенно не торопясь бежать вниз, в безопасное укрытие внутренностей Ганимеда. Если бы не облегающие скафандры и причудливое окружение, это вполне могла быть бригада докеров, беспечно разбирающаяся с грузовым кораблем где-нибудь в Аренасе.

Джон Перри ни с кем не общался. Нелл знала почему. «Теперь-то я его раскусила,— подумала она.— Он — Ледяной Человек только в тех случаях, когда присутствует какая-то внешняя опасность. А когда это какие-то внутренние тревоги или проблемы общения с людьми, он не спокойней меня. Куда меньше спокоен. Сейчас он беспокоится о том, какое впечатление он произведет на Хильду Брандт».

— Вперед,— сказал незнакомый голос прямо в ухо Нелл.

МТС теперь оказался в безопасности под колпаком, и к вновь прибывшим наконец-то обратились напрямую. Полдюжины поверхностных рабочих стали двигать «Каплю», и Нелл с Джоном повели в том же направлении. Нелл вдруг поняла, что смотрит на гигантскую шахту, почти вертикальный тоннель. Вход туда изначально был одним из кратеров, образовавшимся после метеоритного удара. В шахте имелся гигантский лифт, и она представляла собой одну из многих входных точек в бесконечные километры внутренних пещер Ганимеда. Наверху стояла массивная кабина, и «Капля» уже почти заняла свое место внутри нее.

Нелл последовала за Джоном в кабину и вскоре услышала треньканье пульсирующих магнитных полей. Затем кабина медленно заскользила вниз, двигаясь соответственно низким ускорениям в гравитации Ганимеда.

Двое рабочих отправились вместе с ними; остальные остались заниматься другой работой на поверхности. Нелл с Джоном последовали примеру своих гидов и сняли поверхностные скафандры прямо в лифте, как только приток теплого воздуха нормализовал внутреннее давление. Все молчали. Нелл не хотелось пользоваться своим субвокальным диктофоном, хотя картинки «Капли» и их спуска на лифте она все-таки засняла. Ее камера, похоже, пережила воздействие убийственного потока частиц на поверхности.

Достигнув нужного уровня, они вышли. И тут наконец-то, впервые за неделю, Нелл почувствовала себя комфортно. Если не считать отсутствия окон и неестественно низкой гравитации, она вполне могла находиться на подвальном уровне здания где-нибудь в Стэнли или Дунедине. Мысленно Нелл экстраполировала ледяную пустыню поверхности Ганимеда на все его недра, ожидая чего-то смутного, мрачного и запретного. Однако увидела она ярко освещенное помещение, где стены так и пылали красками и жизнью. Повсюду там были растения — от знакомых видов, которые запросто можно было встретить на улицах Пунта-Аренаса, до чужеродной экзотики, длинные, изгибающиеся стебли которой могли развиться только в мире, где гравитация оказывалась очень слабым ограничением для роста.

Прибывших поджидали — по крайней мере, Джона. Не успел он выйти из лифта, как какая-то женщина подошла его поприветствовать.

— Доктор Джон Перри? Добро пожаловать на Ганимед. Я Хильда Брандт.

Проигнорированная Нелл тут же нацелила свою камеру и добавила сжатое субвокальное описание. «Доктор Хильда Брандт. Совсем не то, чего я ожидала. Она чертовски старая. Догадываюсь, где-то к семидесяти. Каштановые волосы, ярко-карие глаза, очень смуглое лицо. Коренастого телосложения. Одежда удобная, но не стильная. Вид добродушно-веселый и... как бы сказать? Какой-то материнский. Сложно увидеть в ней не только главного ученого Европы, но и вообще ученого. Хотя это всего лишь мои предрассудки. Ученым полагается быть целеустремленными, се-

рьезными и сосредоточенными. Как же так получается, что они никогда такими не бывают?»

Джон уже отступил обратно в лифт и принялся показывать Хильде Брандт главные особенности прибывшего погружаемого аппарата. Его манеры так и остались скованными и официальными. Нелл, стоя поодаль, внимательно изучала их обоих. Что-то странное было в том, как они стояли, но ей потребовалось несколько секунд, прежде чем она это подметила.

Джон Перри привез с Земли первоклассную субмарину, которую доктор Брандт специально запрашивала. В системе Юпитера имелись изощренные погружаемые аппараты для исследования атмосферы планеты, но ничего, специально предназначенного для воды. Хильда Брандт должна была быть предельно заинтересована тем, на что именно способна «Капля». Тем не менее она стояла лицом к Джону Перри, и все ее внимание казалось сосредоточено на нем. На «Каплю» она даже не взглянула. Ни разу.

А выражение ее лица было при этом... каким?

Нелл не на шутку этим озадачилась. «Дружелюбным? Это определенно. Собственническим? Близко к тому. Как будто она готова съесть Джона с костями. Жадным? Это еще ближе, потому что она словно бы едва удерживается от того, чтобы его обнять. Боже мой, клянусь, дело именно так и обстоит! Она хочет его обнять. Грязная старуха. Впрочем, я испытываю такое же желание и надеюсь по-прежнему испытывать его в ее возрасте. (Отредактировать! И ближе к делу!)»

Хильда Брандт энергично трясла головой. Нелл с трудом перевела свое внимание на то, что эта женщина говорила.

— Очень деликатная окружающая среда. Возможно, самая деликатная во всей Солнечной системе. Мы безусловно хотим, чтобы вы исследовали европейское морское дно. В конце концов, именно за этим вы сюда с Земли и прибыли. Однако все передвижения погружаемого аппарата должны подчиняться жесткому контролю. Никаких случайных блужданий по Европейскому океану,— Хильда Брандт улыбнулась. Ее карие глаза буквально заискрились, и она взяла Джона под руку.— Извините, что приходится это говорить, но если вы из той породы ученых, что работают со мной, то уходить с проторенной дорожки должно быть вашим любимым занятием. А моя задача — защитить Европу.

По-прежнему держа Джона под руку, Хильда Брандт начала отодвигаться от «Капли», медленно, но достаточно твердо — так,

чтобы ни у кого не осталось никаких сомнений, что она больше не собирается тратить время на осмотр погружаемого аппарата. И что бы она там с Джоном ни проделала, это определенно подействовало. Судя по благодушному выражению его лица, он совершенно купился на обаяние директора научно-исследовательского центра. По пути вниз в лифте Джон не способен был хоть немного расслабиться, но теперь Нелл точно могла сказать, что он спокоен и расслаблен. После неполных пяти минут общения с Хильдой Брандт Джон был абсолютно с ней в ладах.

«Может, доктор Брандт и меня научит паре-другой фокусов? — подумала Нелл.— Но, черт побери, как же мне на Европу пробраться? Джон, ты, свинья неразумная, ты даже не попытался меня представить».

Хильда Брандт уже покинула вестибюль и теперь вела Джона по горизонтальному коридору, который, похоже, вознамерился тянуться вечно. Нелл тихо пристроилась позади них и ткнула Джона в спину. Он обернулся и получил мысленное послание. Затем он поманил Нелл к себе, чтобы она шла с ним бок о бок.

— Доктор Брандт, это Нелл Коттер. Она прибыла вместе со мной с Земли. Она сопровождала меня во время моих последних погружений на «Капле».

Джон нашел неплохой способ все это изложить, особенно поскольку «последние погружения» сразу переводили все дело из единственного числа во множественное. Но Хильда Брандт на это не купилась.

— Сопровождала вас как научная сотрудница? — сразу же осведомилась она. Карие глаза внимательно осмотрели фигуру и одежду Нелл, а когда добрались до лица, то показались скорее проницательными, нежели дружелюбными. Нелл начала пересматривать свои представления об этой женщине.

— Как... ассистент,— начал Джон и был спасен от дальнейших объяснений другим голосом из двери слева по коридору:

— Хильда? Можно вас на минутку?

Высокий худой мужчина лет тридцати с хвостиком выскочил в коридор. Глаза его были такими же яркими, что и у Хильды Брандт, но ему недоставало ее непринужденных манер. Он не просто посмотрел на Нелл и Джона — он с откровенным любопытством на них уставился. Затем мужчина в ожидании повернулся к Брандт.

— Доктор Джон Перри,— сказала она наконец.— И Нелл Коттер.

Брандт с первого раза запомнила имя и фамилию Нелл. Наблюдательность директора научно-исследовательского центра подскочила на шкале Нелл еще на одну отметку.

— Они прибыли с Земли всего несколько минут назад,— Брандт повернулась к Джону и Нелл.— Позвольте представить вам Тристана Моргана из проекта «Звездное семя».

— Я с Ганимеда,— сказал Морган.— Родился здесь, но жил в основном где приходилось. Мы с доктором Брандт старые друзья и сотрудники. Вы знаете про «Звездное семя»? — У него была гиперкинетическая манера мигом перескакивать с одного предмета на другой. Вообще Тристан Морган напоминал человека, который двух минут спокойно не усидит.

— Знают они или нет, Тристан,— твердо сказала Хильда Брандт,— сейчас вы им об этом рассказывать не будете.— Она повернулась обратно к Джону и Нелл: — Тристан готов в любое время дня и ночи рассказывать всем, желают они того или нет, больше, чем им требуется знать о проекте «Звездное семя».

— О том беспилотном межзвездном зонде? — спросила Нелл.— С термоядерным приводом на смеси гелия-3/дейтерия? Не могу понять, почему вы просто не воспользуетесь «мобилем».— Она была вознаграждена удивленно-одобрительным взглядом Хильды Брандт. Не было нужды объяснять, что Нелл в свое время монтировала несколько часов документального фильма о «Звездном семени». Разумеется, против собственной воли. Просто это было одно из первых заданий Глина Сефариса.

— Не подначивайте его,— Брандт рассмеялась.— Иначе вам уже никогда не отделаться. Итак, Тристан, что вам сейчас от меня нужно? Вы спросили, есть ли у меня минутка, и примерно минутка у меня как раз есть.

Тристан Морган одарил ее взором оскорбленной невинности.

— Я собирался оказать вам большую услугу. Вы знаете, что Вильса Шир сейчас в системе Юпитера? Ну так вот, я взял ее на станцию «Геба», а затем в далекий круиз по атмосфере планеты. Ее агент чуть с ума не спятил, когда об этом узнал. Но ей страшно понравилось. И Вильса оказала мне ответную услугу. Сегодня вечером в семь пятьдесят она дает первое представление своей новой законченной работы, «Галилеевой сюиты». И она организовала для меня контрамарки. Целых три штуки. Я предлагаю вам одну!

Не раздумывая, Нелл включила свою камеру. Тристан Морган был до странности импульсивным мужчиной, и слова выскакивали из него так, точно внутри у него было давление по меньшей мере в десять атмосфер. Вильса Шир? Это имя было Нелл смутно знакомо, но и только. Она видела его где-то в сводках новостей.

Хильда Брандт качала головой.

— Я бы хотела, Тристан, очень бы хотела. Но у меня слишком плотный график. Я должна вернуться обратно на Европу, а сюда я прибыла только затем, чтобы встретить доктора Перри...— она улыбнулась Джону, дублируя ту материнско-собственническую улыбку, которую Нелл уже успела подметить,— и увидеть его знаменитый погружаемый аппарат. А теперь я должна бежать.

— Вильса Шир,— неожиданно сказал Джон.— Известная клавишница? У меня есть дюжина ее записей — дома, в моей тихоантарктической коллекции. Она по-настоящему хороша — так же хороша, как Фехманн. Я специально смотрел, не дает ли она концертов на Земле, но, по-моему, она их там не давала. Если вы не сможете остаться и послушать ее, доктор Брандт, вы очень многое потеряете.

Джон обращался к Хильде Брандт, но смотрел на Тристана Моргана, причем так, что этот взгляд сложно было неверно истолковать.

— Разумеется, вы можете пойти,— почти без паузы сказал Тристан.— Теперь у меня есть две свободные контрамарки. Вы правы — Вильса живет на Поясе и никогда не бывает на Земле. По сути, это ее первый визит в систему Юпитера.— Тут в его глазах зажглась новая мысль.— Знаете, очень забавно, что вам случилось упомянуть Фехманна, потому что не далее как вчера я слушал, как Вильса Шир исполняет клавишную аранжировку Фехманном финала моцартовского скрипичного квартета — К 464. Вы ее знаете?

— У меня есть запись этой аранжировки, исполненной самим Фехманном. Ля-мажор, верно? Как он с полифонией справляется!

— Действительно. Однако Вильса смещает акцент, и получается еще лучше.

Хильда Брандт поймала взгляд Нелл и снисходительно улыбнулась. «Ох уж эти парни»,— сказала ее улыбка.

— Итак, вы были с Джоном Перри на большинстве его последних погружений.— Брандт уже не обращала внимания на двух

мужчин, которые с головой ушли в обсуждение псевдофуговых форм, обнажая ту сторону Джона Перри, с которой Нелл еще не сталкивалась.— Не был ли это, в частности, тот раз, когда погружаемый аппарат встретился с глубинным извержением и испытал превышение допустимого давления на корпус? Должно быть, это было очень страшно.

— Для меня, но не для Джона. Его ничто не пугает.— Не то чтобы Хильда Брандт протягивала ей оливковую ветвь, но была близка к тому. И это давало Нелл возможность доказать, что она тоже кое-что знает — да, узнала специально для программы, но разве об этом требовалось рассказывать? — о глубоководных исследованиях и о формах жизни у гидротермальных отдушин.

Лучший шанс ей представиться не мог. Нелл придвинулась поближе к Хильде Брандт и приступила к саморекламе.

Джон Перри обожал жизнь на плавучей базе Тихоантарктики, но даже он вынужден был признать, что она имела свои ограничения. Наружная окружающая среда все время менялась. Джон испытывал постоянную радость, пока массивный сегментированный понтон двигался под солнцем и дождем, по плоским гладям и сквозь воющие штормы. И все же внутри этой меняющейся окружающей среды ему приходилось иметь дело с одной и той же фиксированной группой людей: персоналом Тихоантарктики-14, а время от времени со своими коллегами на других плавучих базах. Невесть по какой причине работа на Тихоантарктике привлекала очень мало меломанов. А потому, хотя Джон прослушивал массу записанной музыки, ему почти не с кем было о ней поговорить — и уж совершенно определенно там не водилось таких знающих и горящих энтузиазмом людей, как Тристан Морган. Он уже знал, что будет скучать по Тристану, когда вернется на Землю.

Кроме того, на Земле Джон находил еще меньшую возможность послушать живые музыкальные представления. За шесть лет на Тихоантарктике-14 ему удалось посетить всего лишь с полдюжины концертов. И ни один из них не давался в масштабах Большого концертного зала на Ганимеде.

По сути, Джон не был уверен, что любой земной зал, до войны или после, смог бы посоперничать с тем, что он видел теперь. Он все оглядывался, пока опоздавшие члены аудитории устраивались

на своих местах, и в итоге решил, что низкая гравитация отвечала за большую часть обескураживающего эффекта. В поле тяготения всего в одну седьмую земного стены могли воспарить до нелепых высот, тогда как гофрированные перекрестные детали далекого потолка поражали землянина своей неестественной тонкостью и хрупкостью. Весь зал был вычерпан из внутренностей Ганимеда со щедростью необычайной — он составлял метров сто двадцать в вышину и еще больше в ширину. Сиденья были славно разделены, но расположены слоистыми уступами, так что зрители в передних ряды находились где-то у Джона под ногами. Он видел их сквозь тонкую сетку стекловолокна, что поддерживала ярус, где сидели он, Тристан Морган и Нелл Коттер. Это было все равно что занимать ненадежное сиденье в открытом космосе, если не считать того, что любое падение стало бы медленным, управляемым и вряд ли причинило бы упавшему серьезные повреждения.

Одно, по крайней мере, было здесь общим с земными концертами. Хотя музыка по расписанию должна была начаться через считанные секунды, в публике все еще шло какое-то брожение. Всем вдруг вздумалось дружно откашливаться. Джон снова взглянул на программку. Концерт должен был начаться довольно традиционно, с клавишных произведений Баха, фантазии и фуги ля-минор. Дальше следовала посмертная соната си-бемоль Шуберта, а в заключение — «Галилеева сюита». Вильса Шир изрядно рисковала, предлагая публике сравнивать свою новую композицию с двумя величайшими клавишными работами в истории.

Занавеса там не имелось, но дизайнеры сотворили какую-то хитрость со светом и зеркалами. В один момент сцена казалась голой. А в следующий Вильса Шир уже сидела там за открытым роялем. К публике был обращен ее профиль.

Она начала сразу же, после самого кратчайшего взгляда и улыбки в сторону слушателей. Джон уловил вспышку белых зубов на темно-коричневом лице. Музыка началась, и он в нее погрузился.

Вильса Шир исполняла Баха с такой свободой в аппликатуре, какую Джону прежде слышать не доводилось; каждая клавиша словно бы представляла собой отдельный инструмент. И все же каждый артикулированный голос дополнял остальные, создавая идеальное музыкальное равновесие. А когда фантазия и фуга подошли к концу, Вильса сделала довольно странную вещь. Она совершенно внезапно, не позволяя публике откликнуться аплодис-

ментами, перешла ко вступительным аккордам Шуберта. Эти два произведения, всего лишь на полутон разделенные в ключевых знаках, однако далекие друг от друга во всем остальном, никак не должны были состыковаться. И все же они прекрасно состыковались. За полифоническим совершенством последовала подлинная мечта мелодии и отважные гармонические секвенции — с той же неизбежностью, с какой на Земле одно время года сменяет другое.

В конце длинного финального аллегро Шуберта Джон вышел из оцепенения и огляделся.

Знала ли публика, что она слушала? Раздались аплодисменты, но вовсе не оглушительные. Джон заподозрил, что многие здесь, как нередко бывает на премьерных представлениях, пришли только ради новой работы — причем даже не послушать ее, а просто чтобы их увидели присутствующими на знаменательном событии.

Тогда Джон глянул вправо. Его приговор мог относиться к большинству зала, но только не к его соседу. Тристан Морган бешено аплодировал. Он кивнул Джону.

— Великолепно, правда? Разве это не волшебство?

— Абсолютная магия.— Но говорил ли Тристан о Вильсе Шир или о ее концерте? — Она лучшая из всех, кого мне доводилось слышать.

Морган ухмыльнулся Джону.

— Тогда немного подождите. Вы еще ничего не слышали.

На сцене происходила еще одна загадочная трансформация. Вильса Шир, похоже, не сдвинулась с места, но рояль перед ней исчез. Его место занял двухклавиатурный синтезатор, который медленно поднимался над сценой. Вскоре публика смогла увидеть ноги Вильсы Шир, обтянутые синими брюками. Синтезатор и исполнительница продолжали подниматься. Наконец показалась третья клавиатура, на уровне ног исполнительницы.

И тут Джон, вместе с остальной публикой, впервые увидел голые коричневые ступни Вильсы Шир. Он охнул. Пальцы ее ног тянулись по всей длине ступни, до самой лодыжки. Джон завороженно наблюдал, как она сгибает их и разводит, беря интервал чуть ли не в тридцать сантиметров пальцами каждой ступни.

Он снова повернулся к Тристану Моргану.

— Она была модифицирована. Я этого не знал.

— Большинство жителей Пояса таковы. Это большое преимущество при по-настоящему низкой гравитации. Но это не так

важно — главное то, что посредством этого делает Вильса. Вы сами увидите и услышите.

Тем временем Вильса Шир повернулась лицом к публике и впервые к ней обратилась.

— Дамы и господа. «Галилеева сюита: Ио, Европа, Ганимед и Каллисто».

И она снова начала без малейшей задержки. Музыка «Ио» была быстрой, пульсирующей и энергичной, с синкопированной вибрацией в глубоком басу и вспышками пламени в сопрано. Синтезатору приходилось постоянно работать с широким разнообразием оркестровых красок, которые его заставляли производить. То, каким образом эти звуки безотказно предлагали человеческому уху и мозгу пульсирующую, сернистую преисподнюю Ио, просто озадачивало. Но она определенно была там, во всем своем вулканическом неистовстве.

«Европа» по контрасту была холодной загадкой: четыре плавные атональные темы лениво переплетались и в итоге разрешились твердым гармоническим результатом. «Ганимед» начался как бравурный, экстравертированный марш, который где-то в середине сменился благороднейшей из мелодий — гимном столицы системы Юпитера, решил Джон, если таковой когда-либо требовался,— прежде чем вернуться к маршу, еще более громкому, на терцию выше и в удвоенном темпе. «Каллисто», четвертая часть, испустила слабые вздохи кого-то из древних бессмертных — быть может, Тифона, не умирающего, но пожранного собственным дряхлым возрастом. В этих медленных, болезненных диссонансах Джон смог почувствовать существующую уже многие эоны, растрескавшуюся и покрытую кратерами поверхность самого дальнего из галилеевых спутников. Аккорды финального пианиссимо пропадали один в другом, подобно серии эхо, которая должна была длиться вечно, становясь все тише и тише, но никогда не затихая совсем.

Когда Вильса Шир подняла руки от клавиатуры, аплодисменты начались вяло и нарастали нерешительно. Джон разделял общее смущение. Это была странная и не особенно удовлетворительная концовка новой сюиты. Тут он вдруг понял, что после первой же части совершенно забыл о модифицированном теле Вильсы Шир. Джон видел только, как в точной координации работают пальцы и рук, и ног, но что-либо значила для него уже только музыка.

Он наклонился к Тристану Моргану и Нелл Коттер:

— Странно. Я не знаю, что об этом подумать. И остальная публика тоже.

— И я вместе с ней,— сказала Нелл.— Это шедевр — или как?

— Это шедевр,— уверенно заявил Морган.— Просто он еще не закончен. Подождите несколько минут.

— Но она уже закончила.

Если не считать того, что, как только Джон это сказал, Вильса Шир заговорила, прерывая аплодисменты:

— И анкор концерта: «Амальтея».

— Это обман! — прошептал Джон.— Амальтея — не галилеев спутник.

— Тсс! — прошипел в ответ Тристан Морган.— Неужели вы думаете, что здесь, в системе Юпитера, никто этого не знает?

Джон осел на сиденье, задумываясь о том, что Вильса Шир сможет предложить для крошечной Амальтеи, неровного куска камня всего в паре сотен километров отсюда, несущегося по кругу далеко снаружи орбиты Ио. Он не на шутку удивился, когда музыка началась с краткой репризы четырех тем главных частей «Галилеевой сюиты». Предлагала ли Вильса публике вспомнить последнюю часть хоральной симфонии Бетховена, которая начиналась со схожего повторения? Если так, сравнение казалось очень рискованным.

А затем туда вошел очень знакомый мотив, на пять четвертей, и стыдливо добавил себя к маршу «Ганимеда». Внезапно Джон четко понял, что происходит. Новая тема была «Марсом» — из «Планет» Густава Хольста. И «Амальтея» должна была стать попурри — музыкальной смесью, материал для которой брался отовсюду, сбрасываясь в творческий плавильный котел.

Сложность музыки нарастала. Джон уловил другие отрывки «Планет», ошеломляющий фрагмент симфонии Моцарта «Юпитер», намек на мелодию «Венусберг» из «Тангейзера». Темы сливались в водоворот звука, чудесное переплетение, которое казалось невозможным производить и координировать с двадцатью или даже с тридцатью клавишами. А затем все уравновесилось и успокоилось в триумфальном повторении гимна из «Ганимеда», двигаясь к неизбежному завершению, пока другие темы кружили вокруг главной в демоническом контрапункте.

На сей раз концовка пришла решительно. И публика уже не имела ни малейших сомнений как в ее наступлении, так и в своем энтузиазме.

Пока аплодисменты набирали громкость, Джон испытал внезапное прозрение. Вильса откровенно назвала «Амальтею» анкором, однако исполнять «Галилееву сюиту» без нее было невозможно. Чувство музыкальной формы не вело Вильсу вслепую. «Обманная» пятая часть образовывала необходимое и естественное заключение, и начиная с сегодняшнего дня оно должно было играться после «Каллисто» без перерыва.

Но теперь Джон уже был абсолютно уверен, что большинство людей не понимали, что они только что услышали. Он не сомневался, что он и сам не вполне это понимает, что он пропустил добрую половину всех музыкальных аллюзий. Вскоре Тристан наклонился к нему и подтвердил это мнение:

— Вам следует посмотреть партитуру «Амальтеи». Я уже смотрел и по-прежнему пытаюсь ее постичь. Темы не просто заявлены, как вы их слышите. Они также представляются инвертированными, отраженными в зеркале, данными в половинном и двойном темпе, а также представленными посредством способов, которых вы никогда не распознаете, если только не увидите их на бумаге.

Вильса Шир уже встала и теперь двигалась вперед, чтобы поблагодарить публику за аплодисменты. Тут Джон Перри впервые хорошенько ее разглядел. Музыка Вильсы могла быть титанической, но сама она была низенькой полной женщиной, очень смуглокожей и улыбчивой. Облегчение оттого, что ее сюита получила хороший прием, ясно читалось на ее лице, все еще красноватом от усилий. Она должна была знать, что это волшебно, что это будет исполняться еще, быть может, не одно столетие — но какое великое множество шедевров оказалось зашикано на премьере?

Джон снова воззрился на Вильсу Шир. Затем он вдруг понял, что наклоняется к Тристану Моргану, пока гром аплодисментов воспарял до заоблачных высот.

— Есть ли хоть какая-то надежда пройти за кулисы, чтобы познакомиться с Вильсой Шир? — Джона изумили собственные слова. Он вовсе не собирался этого говорить.— Я бы очень хотел ее поздравить,— добавил он.— Лично.

Нелл Коттер тащилась за двумя мужчинами, чувствуя себя совершенно позабытой. Ей очень нравилась музыка, и она слуша-

ла ее всякий раз, когда позволяло время. Но, судя по всему, для нее музыка не была делом такой колоссальной важности, как для Джона Перри и Тристана Моргана. Да и в любом случае добрая половина разума Нелл была во время концерта по-прежнему сосредоточена на Хильде Брандт.

Внушила ли Нелл директору научно-исследовательского центра мысль о том, что она непременно должна сопровождать Джона на Европу точно так же, как она сопровождала его в систему Юпитера? Она этого не знала. Брандт оставалась совершенно непроницаемой. А Глин Сефарис не проявил бы ни малейшего сочувствия, если бы Нелл проделала весь этот путь и не сумела изыскать какой-нибудь трюк, чтобы добраться до Европы. Сефарис ожидал, что репортеры будут делать все возможное и невозможное, чтобы покрыть расходы.

С такими вот мыслями, навязчиво засевшими в голове, Нелл получила от «Галилеевой сюиты» не такое сильное впечатление, какое, похоже, получил Джон. Однако Тристан Морган, судя по всему, счел желание Джона познакомиться с композитором самой естественной вещью на свете.

— Мы определенно сделаем попытку,— сказал он.— У меня есть друзья, которые должны пропустить нас за кулисы. Кроме того, я и сам хочу поздравить Вильсу. Только давайте подождем несколько минут, пока все уляжется.

Судя по тону Тристана, он испытывал к Вильсе Шир нечто большее, нежели просто восхищение. Теперь он вел их по коридору справа от концертного зала. Публика расходилась, но никакой спешки не было. Тристан шел против течения, и прошло еще минут десять, прежде чем он кивнул женщине в официальном платье, стоящей у входа в анфиладу комнат за сценой.

— Вильса у себя?

Женщина покачала головой.

— Еще туда не добралась. Она все бродит, пытается адреналин разогнать.— Она взглянула на Джона и Нелл.— Проходите, Тристан, если вы все вместе. Не думаю, что она расстроится.

Нелл снова оказалась в хвосте, когда они пустились по еще одному коридору, где она помедлила, чтобы сделать видеоклип закулисных помещений. Она оказалась далеко позади Джона и Тристана, когда они подошли к Вильсе Шир, прислоняющейся к массивной белой колонне. Нелл услышала представление и маловразумительное

замечание Джона о том, как чудесно прозвучала новая сюита, даже на первом исполнении. Но она не могла видеть его лицо или лица Тристана и Вильсы, пока не подошла, чтобы встать рядом.

Нелл пододвинулась поближе к Тристану Моргану. И застыла, не на шутку озадаченная.

Джон Перри прошел вперед и теперь стоял почти вплотную к Вильсе Шир, возвышаясь над ней. Находясь в каком-то полуметре один от другого, они смотрели друг другу в глаза. Вильсе пришлось для этого запрокинуть голову. Оба молчали, но какой-то поток чувств явно перетекал между парочкой — достаточно сильный, чтобы начисто изолировать их от Нелл и Тристана.

Нелл открыла было рот, чтобы заговорить. И, пораженная, закрыла его. Ибо на лицах Джона и Вильсы застыли совершенно идентичные выражения, причем такие, каких Нелл Коттер, искушенная путешественница и закаленный репортер, никогда в своей жизни не видела.

9
СОВИНЫЕ ИГРЫ

Подобно Джону Перри, Нелл Коттер, Тристану Моргану и четырем сотням других ганимедских любителей симфонической музыки, Свами Савачарья тоже посетил премьеру в системе Юпитера «Галилеевой сюиты». Однако никому не удалось бы заприметить Сову среди публики. Мысль о том, чтобы сидеть в концертном зале, в окружении других людей, до смерти его ужасала.

Нет, разумеется, Савачарья не страдал агорафобией, да и человеческие толпы не так уж его расстраивали. Определенно нет. Он просто предпочитал собственную компанию чьей-либо еще. Как любое разумное существо.

А потому Сова посетил представление своим собственным оригинальным способом: посредством восприятия переданных в Совиную Пещеру звуков и видеосигналов, с кухней под рукой и массой лакомых кусочков еще ближе. Савачарье чрезвычайно понравилась новая композиция Вильсы Шир — он не сомневался, что куда больше, чем тем несчастным в концертном зале, которым приходилось сидеть друг у друга на головах и дышать друг другу в уши. Если же во время лихорадочного галопа «Амальтеи» Сова

почувствовал, что там есть что-то, лежащее за пределами его понимания, а рядом не было никого, с кем он смог бы обменяться мнениями? Что ж, это просто предлагало ему очередное уединенное удовольствие, подобно хитрому шифру, который непременно поддастся грядущей атаке.

Савачарья был в превосходном настроении, когда концерт закончился — не ему приходилось давить людей, пробиваясь к узким выходам,— и устроился поудобнее для сеанса напряженной работы.

Один, ибо любой нормальный человек предпочитает работать в одиночестве. Единственный вопрос заключался в том, следовало ли усталое, неприятное слово «работа» прилагать к тому, что, по крайней мере по мнению Совы, должно было стать чистым, неразбавленным удовольствием.

Полетный самописец «Океана» был обнаружен. Затраты на поиск и восстановление получили благословение, в чем Сова и не сомневался, генерального инспектора Гобеля. Единственное условие заключалось в том, что Ярроу Гобеля следовало проинформировать о результатах и позволить ему периодически бродить среди трофеев Великой войны в Совиной Пещере.

И теперь полетный самописец, адресованный Свами Савачарье и аккуратно доставленный ему с центрального склада на Поясе, стоял перед ним. Сова уже подсоединил его к своей компьютерной системе. Запрашивая сведения самописца, он мысленно обмозговывал соответствующие пункты. Каждому клочку данных следовало приписать его собственный показатель достоверности согласно первому правилу савачарьеанского анализа: «Не существует такой вещи, как достоверная информация — лишь разные степени ненадежности и недостоверности».

Итак, только факты:

1. Великая война закончилась 25 июля 2067 года. Даже Сова вынужден был признать, что это было столь несомненным фактом, насколько жизнь вообще могла позволить подобное.

И далее, вне всякого конкретного порядка достоверности, ибо Сова еще не определился со своими собственными факторами вероятности:

2. «Океан» был уничтожен ракетой типа «искатель». Следы этого оружия были совершенно недвусмысленны, как ничто другое среди вооружения Великой войны.

3. Ракета типа «искатель» использовалась исключительно Поясом. Не имелось никаких данных о захвате таких ракет или их использовании вооруженными силами Внутренней системы.

4. «Океан» был кораблем Пояса. Не имелось никаких данных о его захвате вооруженными силами Внутренней системы.

5. Согласно полетному самописцу, «Океан» был уничтожен 29 июля 2067 года. Это было уже после официального прекращения огня. Сова никогда не слышал о более поздней жертве; впрочем, существовали и другие послевоенные жертвы — просто потому, что некоторое оружие уже не могло быть отозвано назад после запуска. Необычность случая с «Океаном» заключалась лишь в том, что он был уничтожен спустя целых четверо суток после конца войны.

6. Согласно полетному самописцу, последним пунктом отбытия «Океана» являлся маленький и незначительный астероид, известный как Мандрагора.

7. Мандрагора была разгромлена в течение последних дней Великой войны. Мало что осталось от временного поселения на ней, и никаких документов не сохранилось.

8. Полетный самописец выдал информацию о девятнадцати людях на борту корабля, отбывшего с Мандрагоры, и об отсутствии всякого груза, кроме общих припасов.

9. Полетный самописец также указал, что «Океан» пытался предпринимать маневры уклонения от «искателя», но лишился горючего еще до своего уничтожения.

И, наконец, Сова получил пригоршню заявлений, или выводов, которые, с его точки зрения, обеспечивали по меньшей мере некоторый элемент загадки:

10. «Океан», корабль Пояса, был уничтожен ракетой типа «искатель». Именно данный пункт первоначально возбудил его интерес, и это по-прежнему выглядело крайне странно.

11. Архивы Внутренней системы не содержали никаких свидетельств какой-либо атаки на Мандрагору в Великую войну. Сова признал, что это было слабым доказательством чего бы то ни было. Разумная ракета-истребитель Внутренней системы, соответствующим образом запрограммированная, могла оказаться уничтоженной, прежде чем она успела доложить о своих последних боевых действиях.

12. За несколько часов до атаки «искателя» полетный самописец показал уменьшение персонала на борту «Океана» с девятна-

дцати до десяти человек. Он также указал на запуск девяти спасательных капсул.

И это было все? Сова скрючился на глыбе своего кресла, ложкой прокладывая себе дорогу через последний двухлитровый контейнер сливочного мороженого с ромом, и помрачнел от скудости своей информации. Был еще один последний блуждающий огонек, пункт столь смутный и субъективный, что он никогда бы не подчинился формальному анализу. Это было всего-навсего следующее: мировые линии пассажиров «Океана» представлялись слишком неполными. Они попросту представляли собой короткие сегменты, заблокированные в начале и в конце. Сова оказывался неспособен узнать, кто были эти пассажиры или что они делали до того, как покинули Мандрагору, а «искатель» аннигилировал всю информацию о них, начиная с момента их смерти.

Это была точка, в которой Магрит Кнудсен или кто-то из ее подчиненных скорее всего бы сдался. Сова же еще только приступал. Многие его расследования Великой войны начинались с гораздо меньшего.

Церерский музей был центральным хранилищем всех данных о Поясе военного времени. Он должен был располагать полным комплектом документов по Мандрагоре или хотя бы указанием на то, где теперь содержались дубликаты мандрагорских оригиналов.

Сова запустил было последовательность связи с Церерой, но затем передумал. Коммуникационная геометрия Ганимед-Церера была скверной. Мало того, ей предстояло оставаться скверной еще год из-за орбитальной конфигурации. Ответа придется ждать почти час. Возможно, удастся проделать это здесь, на месте. Ганимед должен был располагать по крайней мере резюме документов с той же самой информацией.

Сова задействовал свои связи. И считанные минуты спустя обнаружил, что они ведут в никуда. Архив Ганимеда сообщил, что все резервные данные по Мандрагоре хранились на Палладе. Но инвентарный файл Паллады в свою очередь ответил, что все эти резервные архивы ближе к концу войны были стерты.

Причем стерты по незадокументированным причинам.

Все, тупик.

Сова крякнул. Он достиг той точки, в которой Магрит определенно бы сказала: «Ну и черт с ним» — и бросила бы погоню.

Однако Сове предстояло пройти еще очень долгий путь, прежде чем он решил бы признать свое поражение.

Савачарья вернулся к размышлению над одним из фактов: «Океан» лишился горючего раньше, чем были выпущены спасательные капсулы. Капсулы, следовательно, были запущены баллистически, что в свою очередь означало низкоскоростное спасение с корабля. Чистый баллистический запуск, без привода, имел смысл и по другим причинам. «Искатель» наверняка уничтожил бы любой самоходный объект, покидающий «Океан».

Однако баллистический запуск с его низкой относительной скоростью имел несколько следствий. Девять спасательных капсул во время их запуска должны были в непосредственном приближении сохранить скоростные данные самого «Океана». А инерциальное положение и скорость материнского корабля отслеживались полетным самописцем вплоть до момента окончательного разрушения судна.

Предположим, спасательные капсулы не были уничтожены. Тогда начиная со времени их выпуска они вели бы себя как свободно-орбитальные тела, двигаясь под гравитационным воздействием более крупных тел Солнечной системы. Было бы элементарной, хотя и напряженной для компьютера задачей продлить во времени эти распространяющиеся траектории свободного падения. В любой отдельно взятый момент времени возможные скорости и траектории спасательных капсул очертят регион фазового пространства, крупный по повседневным меркам, однако небольшой по сравнению с набором всех скоростей и положений, возможных для тел, движущихся внутри Солнечной системы.

Сова запросил необходимые программы и загрузил первоначальные орбитальные элементы из полетного самописца. Затребовав примерное время вычисления, он скривился от результата. Ответа следовало ожидать только через несколько часов.

А пока Савачарья ждал, можно было и другими полезными делами заняться. Хотя резервные архивы Паллады о событиях на Мандрагоре в конце войны были стерты, решение произвести это стирание, а также все отсюда вытекающее, не могло быть принято машиной. Все это должно было включать в себя человеческое действие. Один или несколько этих людей должны были до сих пор быть живы и способны поведать, почему данные было приказано стереть.

Большая проблема заключалась в отслеживании судеб этих людей. Персональные архивы военного времени для Пояса также хранились на Церере. И для них на Ганимеде не существовало никакого файла-резюме. Сова должен был добраться до источника, а это означало, что он возвращался к неизбежным часовым коммуникационным задержкам между Поясом и системой Юпитера. Он аккуратно составил вопросник, стараясь сделать его настолько самодостаточным, чтобы не пришлось тратить время на ответные вопросы от поисковых систем Пояса.

На это занятие потребовалось больше времени, чем он ожидал, но Сове даже в голову не пришло его прекратить. Он просто наслаждался.

И когда Савачарья услышал звук того, как скользящие двери в Совиную Пещеру открываются, его единственным чувством было раздражение от непрошеного вмешательства.

Сова повернулся, ожидая увидеть Магрит Кнудсен. Все прошедшие восемь лет она оставалась единственной персоной, навещавшей его без специального назначения.

Но это была не Магрит. У порога стоял мужчина, осматривая каземат с таким видом, будто он и понятия не имел, куда вторгся.

Сова мрачно на него глянул.

— Хотя ваше лицо не является для меня незнакомым, должен заметить, что это частные владения. Ваше присутствие является неуместным. Я прошу вас уйти. Немедленно.

Сайрус Мобилиус любезно кивнул.

— Поскольку вы меня знаете, а я, очевидно, знаю вас, формальные процедуры не кажутся мне необходимыми.

— Они так же неуместны, как ваше присутствие. Пожалуйста, удалитесь. Немедленно.

— Предположим, Сайрус Мобилиус согласится уйти — но Торквемада спросит, нельзя ли ему остаться.

Сова замер в кресле.

— Вы хотите сказать, что вы Торквемада?

— Я действительно Торквемада.

— Докажите.

— Я могу рассказать о двадцати годах вражды Торквемады и Мегахиропса в Супер-Головоломке.

— Бессмысленно. Любой мог изучить ведущих устраивателей и решателей проблем в Сети Головоломок.

— Тогда как насчет следующего: есть четырнадцать опубликованных решений для Лабиринта Грю.

— Это не лучше. Я знаю все четырнадцать. Их также знают еще десятки людей.

— А если бы я смог показать вам пятнадцатый вариант, нигде не опубликованный?

Последовала пауза.

— Сделайте это... если сможете,— Сова подтолкнул к Сайрусу Мобилиусу клавиатуру.

— Я могу, но только не на чем-то настолько маленьком.— Мобилиус кивнул на стенной экран дисплея.— Он может быть установлен на полное разрешение?

— На любой предпочтительный масштаб.

— У вас где-нибудь хранятся опубликованные решения для Лабиринта Грю?

Вместо ответа Сова склонился над клавиатурой.

Через тридцать секунд дисплей заполнили четырнадцать отчетливых криволинейных паттернов, запутанных, со множеством ответвлений и тупиков.

— Известные варианты.

— Очень хорошо. Если бы я смог их немного подвигать...

Сова передал ему клавиатуру. Мобилиус взял ее и занимался около минуты, перестраивая положение всех паттернов на громадном экране.

— Четырнадцатый,— сказал он наконец и поднял кустистую бровь, вопросительно глядя на Сову. Тот кивнул.— А теперь...

Мобилиус начертил семнадцать сложно изогнутых линий, соединяющихся среди четырнадцати отдельных лабиринтов.

— Ах-х...— Сова лишь несколько секунд внимательно смотрел на дисплей, прежде чем испустить длинный вздох восхищения.— Суперлабиринт. Он содержит в качестве подблоков все известные варианты. Более чем удовлетворительно. Как вы его нашли?

Мобилиус рассмеялся. Вопрос Совы был внутренней шуткой Сети Головоломок. Этот вопрос-клише задавали все несетевики: «Как вы нашли такие волшебные решения?»

— На сей раз я действительно вам отвечу,— сказал Мобилиус.— Аналогичная ситуация существует в теории конечных групп — есть там такая группа-монстр, которая содержит множество меньших в качестве подгрупп.

— А на менее возвышенной плоскости расспроса, как вы меня нашли?

— Megachiroptera, как вам, разумеется, известно, латинское название крыланов, которых некоторые считают гигантскими летучими мышами. А где летучая мышь, там и Сова. Так что выбор идентификатора довольно прозрачный.

— Н-да,— Сова пожал плечами.— Признаю свою глупость. Правда, подобные уловки имеют свою привлекательность в сознании четырнадцатилетнего мальчишки, но вы все равно правы. Мне давно следовало сменить свое кодовое имя.— Он указал на кресло в другой стороне помещения.— Хотя я считаю за честь познакомиться с Торквемадой, должен признать, что мне предпочтительнее держать вас на расстоянии, как самого уважаемого врага в сети.

— Понимаю,— Мобилиус отодвинулся, уважая потребность Совы в личном пространстве.— Я пришел сюда только потому, что у меня возникла проблема. Это проблему я не могу обсудить через публичные каналы. И как ее решить, я тоже не знаю.

— Если эта проблема побеждает Торквемаду, откуда надежда на то, что Мегахиропс справится лучше?

— Потому что у вас есть информация об определенной активности в системе Юпитера, которой недостает мне,— Сайрус Мобилиус откинулся на спинку кресла. Ему трудно было сохранять беспечные манеры, но он чувствовал, что его обычный стиль интенсивного межличностного взаимодействия стал бы катастрофой при общении со Свами Савачарьей.— Мы с вами никогда не встречались, но я полагаю, вы слышали обо мне через стандартные каналы. Это не тщеславие с моей стороны, но я фигура публичная.

— Я знаю о вас... или, точнее, мне известны те стороны вашей публичной фигуры, которые вы предпочитаете делать публичными,— Савачарья сидел совершенно неподвижно. Его коротко остриженная голова была такой же черной, круглой и невыразительной, как пушечное ядро.

— Тогда вы не удивитесь, если узнаете, что хотя я сделал все, чтобы завести себе друзей по всей системе, своими действиями я также завел себе врагов. Не потому, разумеется, что я этого хотел. Просто мои изобретения сорвали планы и надежды других.

— Вселенная не гарантирует равенства — ни в таланте, ни в возможностях. Вы должны располагать весьма обширным опытом

обращения с подобными противниками. Гораздо более обширным, нежели мой.

— Да, действительно. Если я знаю, кто мой враг. Но в данном случае я не знаю. У меня есть тайный враг — кто-то из системы Юпитера. Я могу зафиксировать последствия его враждебных действий, но не могу отследить их источник. Однако вы, с вашим доступом к юпитерианским архивам и вашим навыком решения головоломок...

— Поберегите мою краску смущения.— Сова казался так же неспособен покраснеть, как обсидиановая статуя.— Я полагаю, вы желаете обеспечить меня теми намеками на присутствие вашего врага, о которых вы упомянули?

— Именно за этим я здесь. Но чтобы изложить мою историю, потребуется довольно много времени.

— Ночь еще молода,— Сова встал из кресла и прошлепал на кухню — громадный, сплошь облаченный в черное шар плоти, увенчанный лицом, которое хмурилось теперь только от радостного предвкушения.

— Я полагаюсь на вас, Торквемада, в том, что вы не станете тратить мое время на пустяки.

Он принялся опустошать пакетики апельсиновых желейных конфет, мятных бонбошек и молочных шоколадок в большую керамическую чашу:

— Итак, вы предоставите мне удовлетворительную головоломку? Что ж, в таком случае с адекватным питанием для мозга никакого времени до скончания веков не может быть слишком много.

10
«НАРУЖУ»

«Время»,— подумала Нелл. С субъективным временем порой происходили страннейшие вещи. Когда ты крутилась в студийно-производственной рутине совещаний и монтажа, время сжималось. В конце недели ты уже понятия не имела, сколько именно дней прошло. Но если ты отправлялась в какое-то новое место, туда, где ты никогда не бывала, и работала с совершенно другой группой людей, время растягивалось.

Как сейчас. Нелл была на Ганимеде менее суток. И это уже казалось вечностью.

Она таращилась на часы, которые ей вручили вчера вечером, и недоумевала, сколько же сейчас времени. Наручные часы показывали четыре пятьдесят. Но Ганимед, подобно остальной Внешней системе, перешел после войны на СДВ: Стандартное Десятичное Время. Нелл следовало вбивать себе в голову этот способ подсчета времени до тех пор, пока он не показался бы ей естественным. Земные сутки из двадцати четырех часов приравнивались здесь к десяти стандартным десятичным часам, каждый из которых состоял из ста десятичных минут, а каждая минута — из ста десятичных секунд. Так что десятичная секунда была немного короче той секунды, к которой привыкла Нелл. В земных сутках получалось 100.000 десятичных секунд вместо обычных 86.400.

Отлично. Сама Нелл никогда не находила ничего плохого в старой недесятичной двадцатичетырехчасовой/шестидесятиминутной/шестидесятисекундной системе, хотя ганимедцы насмехались над ней, заявляя, что она так же устарела, как сажени, футы, галлоны и фарлонги. И все-таки сколько же, черт побери, сейчас было времени? Ее встреча с Хильдой Брандт была назначена на одиннадцать — но одиннадцать по земной системе счисления времени.

Нелл произвела в уме перевод, пока проверяла в зеркале свою внешность. (Простая одежда, никакого макияжа. Всего одна незатейливая брошь на блузке. Ей следовало предчувствовать, что именно так следует выглядеть, еще до той первой встречи с Брандт.) Четыре пятьдесят ганимедского времени означали четыре с половиной десятичных часа, что составляло чуть меньше половины суток из десяти десятичных часов. Так что по-прежнему было утро, а точнее — четыре с половиной десятых — девять двадцатых — всех суток. Девять двадцатых из двадцати четырех. Чуть раньше одиннадцати утра по земным меркам.

А это означало, что Нелл уже близка к опозданию. Которое всегда расценивалось одинаково, какой системой счисления времени ни пользуйся.

Нелл поспешила по коридору из своих спальных апартаментов, двигаясь гораздо медленней, чем ей бы хотелось, потому что ей никак не удавалось приспособить свою походку под низкую гравитацию. Она широко шагала и слишком надолго отрывалась от пола, а если пыталась ускориться, то просто поднималась еще

выше и двигалась еще медленней. Машины техобслуживания это понимали. Они застывали при ее приближении, хотя выполняли свою работу, как обычно, поблизости от всех остальных. Ганимедцы же, мимо которых Нелл проходила, не застывали. Они просто наблюдали за ее усилиями и по-тихому ухмылялись.

Наконец Нелл добралась до лифта, идущего до самой поверхности, и запрыгнула в кабину, мысленно желая, чтобы ей тоже хотелось ухмыляться.

Однако в данный момент Нелл чувствовала себе преданной и брошенной. Логика подсказывала ей, что это чувство было сущей чепухой. Джон Перри не просил ее отправляться вместе с ним в систему Юпитера. Это была вовсе не его идея. Нелл сама вынудила его, мотивируя это тем, что Глин Сефарис хочет сделать программу о галилеевых спутниках. Потребовалось дополнительное усилие, чтобы убедить Джона, что раз они оба летят, есть смысл отправиться на одном и том же транзитном судне. А вчера Нелл пришлось специально подталкивать его, чтобы он познакомил ее с Хильдой Брандт.

Джон ничего ей не обещал, не давал никаких обязательств. Он ничего не был ей должен, если, разве что, не считать возврата элементарной услуги обеспечения его местом для проживания, пока он находился в Аренасе.

Так что же так сильно расстраивало Нелл в столь очевидной поглощенности Джона Перри и Вильсы Шир друг другом? Ей нравился Джон. Нелл охотно это признавала. Но неужели он настолько ей нравился? До такой степени?

Глин Сефарис, мимолетно упомянув о старом романе Нелл с Пабло Робальо, сделал ей предупреждение: «Ты должна выполнить задание. Не позволяй личным чувствам становиться у тебя на пути, как ты делала раньше». Необходимо ли ей было такое предупреждение? Нелл отвергла даже саму мысль об этом. Ее задание требовало, чтобы она оставалось в физической близости к Джону Перри, но это вовсе не означало близости эмоциональной. Нелл непременно найдет способ отправиться с Джоном на Европу, но только затем, чтобы выполнить задание. А потребность достичь Европы делала ее скорую встречу с Хильдой Брандт более важной, чем любые эгоистичные понятия о личных неприятностях.

Нелл отпихнула в сторону воспоминание о тихой уверенности Джона в экстремальной ситуации, о красивых руках, скользящих

по пульту управления со сверхъестественной скоростью и точностью, о глазах, что вспыхивали энтузиазмом всякий раз, как он заговаривал о загадке и чуде океанских глубин. Прямо сейчас было крайне неподходящее время для подобного рода воспоминаний. Нелл наконец добралась до Палат Ассамблеи, где ей предстояло встретиться с директором Европейского научно-исследовательского центра.

Хильда Брандт велела ей идти в самый конец Палат, где Брандт можно будет найти в частном обеденном секторе. Нелл снова взглянула на свои наручные часы. Четыре пятьдесят шесть. Что по земному счету означало одиннадцать... одиннадцать ли? Нелл напряглась, пытаясь сделать в уме перевод, но не смогла. Будь проклято все это десятичное время. Какого дьявола ей не дали часы с обеими системами счисления на циферблате?

Впрочем, Нелл знала на это ответ. Как только тебе позволялось пользоваться старой системой счисления, ты уже никогда не переходила на новую. Люди оставались людьми — что на Земле, что на Ганимеде. Вот почему сами ганимедцы не справились с введением временной системы, основанной на их собственном цикле день-ночь, который длился чуть больше земной недели, системы, соответствующей обращению спутника вокруг Юпитера. Может статься, в каком-то другом поколении они все-таки сумеют заставить себя это сделать и выбросят старые часы.

Хильда Брандт была на месте, как и обещала. Она сидела и глазела на какой-то розовый шарик размером с кулак, что лежал перед ней на столике. У Нелл возникла несообразная мысль, что эта женщина вяжет, но затем она заметила, что шарик движется.

Брандт выглядела такой же по-матерински добродушной, что и вчера, ее волосы были зачесаны назад от висков, а карие глаза не отрывались от странного круглого объекта, пока он ползал по столешнице. Когда Нелл приблизилась, Хильда Брандт все же подняла взгляд и, увидев выражение лица молодой женщины, хихикнула.

— Нет-нет, Нелл Коттер, он не живой. Не вполне. И он совершенно безвредный. Это разновидность «фон Нейманна», которую на Каллисто используют для сбора поверхностного металла. Этот конкретный фон Нейманн охотится за ванадием, и столешница явно его разочаровала. Меня попросили протестировать его на Европе.

— А я думала, что поверхность Европы — сплошь водяной лед, не считая горы Арарат.— Нелл обрадовалась возможности

сразу же перевести разговор на интересующий ее спутник.— Откуда там быть металлам?

— Разумеется, металлы не остаются на поверхности. Они постепенно тонут во льду, поскольку поле Юпитера индуцирует вихревые потоки, которые сохраняют их теплыми. Через несколько миллионов лет они оказываются на дне Европейского океана. Однако существует постоянное пополнение от метеоритных ударов. Прилетают метеориты всех размеров — от пылинок до больших валунов. Все, что крупнее гравия, тонет и исчезает в первую же секунду из-за выделившегося при ударе тепла. Так что этот малыш не предназначен для поглощения чего-то больше пары миллиметров в поперечнике. Но вы удивитесь, если узнаете, сколько он способен втянуть в себя за несколько месяцев.

— Значит, вы одобряете использование «фон Нейманнов» на Европе?

— Вовсе нет,— Хильда Брандт говорила твердо и недвусмысленно. Под ее непринужденным видом Нелл чувствовала огромную силу.— Как я уже сказала, он не вполне жив, но какие-то компоненты живого в нем есть. Это делает слишком большим риск заражения. Весь смысл Европы в том, что там не должно быть никакой передачи живых материалов. Мы поддерживаем ее как идеально стерильный мир. Кристально-чистую планету,— Брандт снова улыбнулась.— Но этот «фон Нейманн» такой милый и ласковый. Вот, потрогайте.

Она протянула теплый шарик Нелл, и та осторожно его взяла. Мохнатые усики забегали по ее ладони, объявляя ее свободной от ванадия, а затем тихо свернулись. Если Хильда Брандт не хотела допускать риска заражения этим маленьким «фон Нейманном», что она тогда должна была чувствовать в связи с открытием жизни на Европе? Хотя, быть может, защита этой жизни и была главной причиной, почему Брандт так тревожилась насчет заражения...

«Жизнь на Европе,— подумала Нелл, гладя пушистый розовый шарик и прикидывая, не смог бы он стать популярным домашним любимцем на Земле.— Черт с ней, с жизнью на Европе. Как насчет попадания Нелл Коттер на Европу?»

— Что вы решили, доктор Брандт? — Не имело смысла пояснять, о чем идет речь.

Хильда Брандт явно не имела сомнений насчет того, о чем спрашивала Нелл, и тем не менее удивленно на нее посмотрела.

— Разве доктор Перри вам не сказал? Я первым делом встретилась с ним сегодня утром. Погружаемый аппарат, привезенный с Земли, нельзя будет доставить на Европу еще несколько дней, пока инженеры не внесут туда модификации, исключающие возможность заражения. Однако юпитерианский погружаемый аппарат, который мы использовали для путешествия по Европейскому океану, уже опять готов для использования, и он достаточно велик, чтобы вместить двух человек. Не существует никакой причины, почему еще одна персона не смогла бы отправиться вместе с доктором Перри на Европу для ознакомительного визита.

«Она дает мне разрешение!» Нелл почувствовала, как все ее тревоги уносятся прочь.

Но Хильда Брандт продолжала.

— Однако, поскольку первоначально будет использовано уже доступное судно и поскольку никаких серьезных исследований на этом судне проделать будет невозможно, ваш опыт на «Капле» отношения к делу не имеет. Доктор Перри попросил, чтобы в его первый круиз по Европейскому океану вместо вас с ним отправилась Вильса Шир. А поскольку после своего концерта Вильса приобрела статус знаменитости в Генеральной Ассамблее, в интересах престижа я не стала возражать. Не могу понять, почему доктор Перри ничего вам не сказал, прежде чем отбыть.

«Не убивай вестника». Таково было самое старое правило обращения со скверными новостями, и в то же время его тяжелее всего было применять. Нелл испытала гнев и потрясение. Хильда Брандт не была тому причиной, но она находилась под рукой. Нелл почувствовала желание вступить с этой женщиной в перепалку.

И Хильда Брандт это понимала. Сочувственное выражение ее лица еще больше все усугубляло.

— Мне очень жаль,— снова сказала Брандт.— Я думала, вы с ним все это уже обсудили. Но не берите в голову. Когда «Капля» будет переправлена на Европу и начнется настоящее исследование...

Нелл не была уверена, как именно она собирается на это ответить. Невежливо — это определенно. К счастью, ее спасло неожиданное и шумное прибытие Тристана Моргана, с грохотом ввалившегося в обеденный сектор. В тот момент оно оказалось

для Нелл совершенно нежданным, ибо прошло некоторое время, прежде чем она поняла, что люди никогда «случайно» не встревают во встречи, проходящие в частных апартаментах Генеральной Ассамблеи.

Тристан Морган выглядел так же скверно, как Нелл себя чувствовала. Он одарил ее тревожным кивком.

— Хильда...— начал Тристан. А затем: — Мисс Коттер! Вы уже знаете, что случилось?

— Теперь знаю.

— Он вам ничего об этом не говорил?

— Я не виделась с ним с прошлого вечера. А она вам не сказала?

— Нет. Я думал, что увижусь с ней сегодня днем, но она лишь оставила сообщение о том, что отбывает. Она говорила взволнованно, все бубнила про заманчивую идею посещения другого мира. Она хочет сравнить это с глубоким курсированием по атмосфере Юпитера.

Возможно, Джон тоже оставил для Нелл сообщение. Но у нее даже в мыслях не было посмотреть. Быть может, там осталось схожее объяснение. Быть может, она не была просто отброшена как липкое ничтожество ради Вильсы Шир.

Быть может.

Они с Тристаном глазели друг на друга, и каждый узнавал в другом жертву, пока Хильда Брандт наконец не сказала:

— Они пробудут там всего пару дней. А затем мы все уладим. Тристан, вы без конца искали для «Звездного семени» больше публичной огласки. Нелл Коттер, если вам неизвестно, репортер, и я слышала, что первоклассный. Если день у вас свободен...

— Я свободен прямо сейчас.

— ...то вам следует показать вашу работу мисс Коттер. Уверена, у нее есть с собой камеры.

Всегда и везде. Нелл подняла свой рабочий чемоданчик и показала им множество записывающих устройств. Субвокальный диктофон также задействовался, но его Нелл никогда не рекламировала. Она также не признала присутствия видеокамеры, встроенной в брошь на ее блузке.

Тристану, судя по его виду, меньше всего хотелось общества Нелл. Но он уже признался, что весь день у него свободен. Наконец он ей кивнул.

— Вчера вечером вы сказали, что «Звездное семя» будет использовать термоядерный мотор со смесью гелий-3/дейтерий, а не «мобиль». Так что начинаете вы не с нуля. Насколько вы вообще осведомлены?

Пришло время признания.

— Три-четыре года назад я монтировала документальный фильм о вашем проекте. Пожалуй, это все, что я о нем помню.

— Отлично. Тогда давайте я поведаю вам что-то более существенное,— Тристан Морган вздохнул, но его прежняя энергичная манера уже начала возвращаться обратно.— Навостряйте лыжи — мы будем двигаться быстро.

«Беги, убегай прочь. Прочь от отвергнутости». Нелл кивнула, пока Хильда Брандт благосклонно за ними обоими наблюдала.

— Не позволяйте ему вас торопить,— сказала она Нелл.— Тристан считает, что все, что ему известно, должно быть очень просто, а потому движется вдвое быстрее, чем следует. Надеюсь, при следующей нашей встрече у вас в чемоданчике будет полезная программа. Будьте милы с ней, Тристан.

«Она сказала "в чемоданчике",— подумала Нелл, пока они уходили.— Но смотрела при этом на мою брошь. Сомневаюсь, что я хотела бы затевать спор с Хильдой Брандт».

Пронестись аж до самой системы Юпитера, а недели спустя вернуться всего-навсего с документальным фильмом о проекте «Звездное семя»... Да Глин Сефарис живьем с нее шкуру сдерет. Нет, хуже того, это его позабавит. Нелл уже сейчас слышала его комментарий: «Какое капитальное падение!»

Такого Нелл бы не выдержала. Вне зависимости от того, как обожал Тристан Морган свой возлюбленный проект, где-то в системе Юпитера непременно должно было быть что-то более ценное, нежели «Звездное семя». Просто Нелл следовало пошире глаза раскрывать.

День начался не слишком удачно. Тристан дотащил Нелл до лаборатории у самой поверхности Ганимеда, усадил ее перед экраном и запустил запись.

Нелл терпела ее десять минут, пока дюжины картинок Сатурна, Урана, Нептуна и Плутона вместе со всеми их спутниками прокатывались по экрану под сопровождение дьявольски гнусавого комментария.

— Тристан, я не смотрю шоу, я сама делаю шоу. Какой во всем этом смысл?

— Извините. Всему этому предполагается подчеркнуть, что больше половины полезных ресурсов Солнечной системы находится за пределами орбиты Юпитера. До по-настоящему хорошего материала мы еще не добрались, но он уже на подходе.

Наконец они оказались за пределами орбит всех известных планет Солнечной системы, курсируя от тела к телу в облаке Оорта.

— Это благодаря РСН,— пояснил Тристан, убирая записанный комментарий.— Несколько недель тому назад у нас таких картинок и в помине не было. Кометы в процессе развития, хотя я уверен, что мы доберемся до большинства из них раньше, чем они начнут падать в Солнечную систему, и использовать их для чего-то еще. Вот эта примерно тридцать километров в диаметре. РСН способна зафиксировать на ее поверхности объект размером с мышку. Хотя, конечно, если в облаке и впрямь есть жизнь, она должна быть микроскопической. И глубоко запрятанной.

«Бесполезно для программы,— Нелл машинально добавляла замечания, хотя никакого видео не записывала.— Единственное, что здесь достойно записи, это рвение Тристана Моргана. Вот это бы подошло — будь у него что-то достойное прослушивания».

— ...и когда мы достигаем края облака, что тогда? — Гнусавый голос диктора вернулся.— Что ж, тогда мы по-прежнему находимся менее чем в четверти пути до наших ближайших звездных соседей. Итак, давайте исследуем ближайшие звезды.

Нелл уже начинала терять всякое терпение. Впрочем, то же самое, судя по всему, испытывал и Тристан.

— Я знаю — материал скучный.— Он выключил экран.— Все это будет очень полезно лет через сто, но то, что вы видели в самом начале, для нас намного важнее. Наружная система, за Юпитером. Вот где будет проходить главное действие. Старая Внутренняя система — Земля, Марс, даже миры Пояса — все это мертво.

Очень подходящие слова для включения их в шоу, которое будет иметь самую большую аудиторию на Марсе и на Земле. Однако странно было услышать такие слова от человека, чей главный жизненный труд был посвящен беспилотным зондам, разработанным для исследования звезд — тех самых звезд, которые он пренебрежительно отмел как скучный материал.

— Не все на Земле безмозглые медузы, Тристан, даже если среди нас имеется солидная доля тупоголовых,— Нелл пришлось довериться своей интуиции. Она по-тихому включила видеокамеру.— Я хотела вас спросить — как так получилось, что вы с Хильдой Брандт стали такими добрыми друзьями?

— Что заставляет вас так думать? — Но в глазах Тристана уже сверкнула искорка понимания.

— Прежде всего, вы сами это сказали. Вчера вечером вы сказали, что вы добрые друзья и коллеги. И еще вы так непринужденно вмешались сегодня утром в нашу встречу.

— Вмешался? — Настороженность сменило возмущение.— Ничего подобного. Ни один человек просто так не «вмешивается» в личные встречи Хильды. Если ему, конечно, хочется оттуда с головой на плечах уйти. Она назначила мне встречу — велела мне быть там в четыре шестьдесят. Хотя, если вдуматься, я так и не понял, зачем. Я был слишком заморочен побегом Вильсы на Европу.

«Зато я теперь поняла,— подумала Нелл.— Тебе было предписано явиться вскоре после меня, чтобы Хильда Брандт смогла отослать нас утешать друг друга. Впрочем, я тоже не знаю, зачем это ей».

— Но все же вы сказали, что вы — союзники.

— Да.— Настороженность и евангелический энтузиазм боролись на лице Тристана. В итоге первая проиграла.— Мы действительно союзники, хотя большинство людей этого не понимают. Вы только что сказали, что не все на Земле одинаковы. Я это признаю и извиняюсь за глупую ремарку. Но я уверен: если вы скажете землянам «система Юпитера», выяснится, что они считают нас всех одинаковыми.

— Боюсь, вы правы.

— Что ж, они ошибаются. Здесь есть отсталые консерваторы — точно так же, как на любой другой планете. Им наплевать, что в один прекрасный день ресурсы системы Юпитера у нас закончатся.

— Но вы не из них.

— Нет, конечно,— Тристана переполняла страстная убежденность.— Мы должны стремиться наружу, двигаться дальше. Должны исследовать и развивать Внешнюю систему — до самого облака Оорта. Если мы этого не сделаем, то окажемся застрявшими в перенаселенных, изношенных мирах — примерно таких же, каким была Земля, прежде чем война сняла с вас часть напряжения.

Уже не впервые Нелл слышала предположение о том, что Великая война стала для Земли благом, потому что истребила три четверти ее населения и предоставила остальным свободное пространство. Если быстро-быстро произнести «девять миллиардов погибших», это уже не звучит так чудовищно.

— Я не вижу, как это связывает вас с Хильдой Брандт. Разве она не привержена чему-то совершенно противоположному, нежели вы? Предотвращению развития Европы?

— Привержена. Но Хильда умная женщина. Она понимает, что лучший способ позаботиться о том, чтобы Европа осталась нетронутой,— это предложить сторонникам развития другие миры. Новые миры. Спутники Сатурна и то, что еще дальше. И это ставит нас на одну сторону в споре.— Тут Тристан оглядел комнату, хотя не существовало никакой возможности, чтобы кто-то по-тихому сюда вошел. Он понизил голос.— Мы оба члены движения «Наружу»!

Сколько ему лет? Пожалуй, года тридцать три. Он старше Нелл. Но она заглянула в ясные глаза Тристана, с наивным энтузиазмом бубнящего всякую ерунду, и почувствовала себя столетней старухой.

«Страшно бы не хотелось иметь его в качестве соратника по заговору,— подумала Нелл.— Он говорит так, будто движение "Наружу" — большой секрет, тогда как это одна из самых известных организаций в Солнечной системе».

— Вы слышали об этом движении? — спросил Тристан.

— Конечно. Много раз. Даже на Земле есть наружники.

— Но не такие, как здесь,— Тристан заколебался.— Честно говоря, сегодня будет собрание. Хильда Брандт не сможет его посетить, но если вы хотите пойти... разумеется, все эти камеры вам придется оставить.— Он указал на ее рабочий чемоданчик.

— Конечно.

«Эти я охотно оставлю,— подумала Нелл.— Но неужели он никогда не слышал о микрокамерах? С такой наивностью ему впору в священники подаваться. Но могу поклясться, под всем этим что-то кроется, если только мне удастся найти способ достаточно глубоко копнуть. Погоди надо мной смеяться, Глин Сефарис».

— Я бы с удовольствием его посетила, Тристан. Только скажите мне, где и когда.

Соглашаясь пойти на собрание движения «Наружу», Нелл ничего конкретного в голове не имела. Она просто следовала первому правилу репортажа: «Иди и посмотри».

Но Тристан Морган явно делал из этого большое событие. Он провел ее по целому лабиринту темных и мало используемых коридоров, в котором Нелл совершенно запуталась, и наконец подошел к двери с панельной обшивкой. Тристан дал Нелл маленький значок, который следовало особенным образом приколоть к лацкану. Этот значок удостоверял, что Нелл не член движения, но одобренная гостья. Наконец Тристан выстучал на панели синкопированную последовательность.

Нелл хотелось смеяться. Почему там не было щели на уровне глаз, которая бы приоткрылась, после чего хриплый голос прорычал: «Ладно, давайте пароль».

Вместо этого дверь открыл двадцатилетний парнишка с совсем юным лицом. Он бросил на Нелл один быстрый взгляд, затем еле слышно сказал:

— Тристан, вы опоздали. Ваш материал готов? Вы первый. Идемте!

И он повел Тристана в дальний конец длинного зала, оставляя Нелл одну, вооруженную своими устройствами. Вот тебе и предельная конспирация! Она несла на себе три камеры, две из которых были устроены так, чтобы не обнаруживаться при нормальном телесном осмотре, но здесь даже не предприняли попытки такого осмотра.

Впрочем, пока что Нелл не рвалась включать ни одну из камер.

Она внимательно осмотрела зал для собраний. Там присутствовало человек сорок–пятьдесят, причем немногие из них сидели в двух первых рядах, а большинство по-прежнему стояло в проходах. Вся местная организация движения «Наружу», кроме четырех ее членов, состояла из мужчин. Нелл бочком пододвинулась к периферии группы из восьми человек, в которую входили две из четырех женщин.

— Менее полпроцента бюджета,— громогласно объявила вихляющая жердь в облике юноши, который предпринимал безуспешную попытку отрастить на самом кончике подбородка смехотворное подобие бороды.— Вот в чем проблема. Остальное растрачивается на социальные программы. А когда любая социальная программа хоть что-то решала?

— Но так было всегда, на протяжении всей истории,— заметил коренастый мужчина с густой шевелюрой справа от Нелл.— Исследования никогда на получают достаточного финансирования. Теперь точно так же, как и всегда. Мы просто должны принять это как факт и найти способ с этим ужиться.

— «Люди, которые не помнят своего прошлого, обречены его повторять»,— процитировала одна из женщин.— Именно так сказал Сантаяна, и он был совершенно прав. Люди, подобные нам, способны были делать значительные дела в прошлом, и всегда без достаточного финансирования.

— Все это очень хорошо.— Тощий растрепанный юнец, который заговорил первым, одарил женщину взором превосходства.— Но я могу усовершенствовать Сантаяну: «Люди, которые слишком хорошо помнят свое прошлое, никогда не научатся делать что-то новое». Вот в чем проблема с нашей Генеральной Ассамблеей. Они говорят, что люди прекрасно обходились без межзвездных путешествий. Зачем нам межзвездные путешествия, говорят они, когда нам по-прежнему приходится решать массу проблем здесь, на Ганимеде? Они не понимают, что межзвездное путешествие представляет собой единственное орудие для решения этих проблем.

Юнец самодовольно улыбнулся Нелл, предлагая ей восхититься его прозрением, тогда как остальные члены группы тут же затрещали, излагая свои мнения. Нелл машинально улыбнулась юнцу в ответ, занятая своими мыслями.

«Все они не столько слушают, сколько дожидаются своей очереди заговорить. И все они так молоды — совсем не обязательно по возрасту, а на вид. Даже вон тот мужчина на подиуме рядом с Тристаном, пытающийся привести собрание к порядку. Он должен быть по меньшей мере лет на десять старше меня, но посмотрите на него, люди добрые. Он же неловкий и стеснительный, как восьмилетний пацан. И никто его в упор не замечает».

— Мне кажется, мы незнакомы.

Нелл удивленно повернулась и обнаружила, что тот долговязый юнец с нелепой бородкой пододвинулся к ней поближе и сверху вниз ей улыбается. Секунду спустя Нелл распознала выражение его лица — и едва сохранила контроль над своим собственным.

«Боже милостивый,— подумала она,— да ведь он меня клеит. Причем так глупо и неловко меня еще никогда не клеили».

— Вы часто здесь бываете? — Его улыбка была почти снисходительной.

«В сезон случки — никогда»,— подумала Нелл. Но у нее не хватило духу так сразу резать невинного. Она указала на свой значок.

— Нет. На самом деле я здесь впервые. Я всего лишь гостья.

— А-а...— Юнец близоруко вгляделся в ее лацкан.— Понятно. Быть может, когда собрание закончится...

— ...в третий раз.— Мужчина на подиуме наконец-то разобрался, как работает его звуковая система, и она так загудела на весь зал, что все остальные речи тут же стали невозможны.— Пожалуйста, те, кто стоит в проходах, займите свои места. Сегодня вечером у нас масса серьезных дел.

«Спасена в последний момент»,— подумала Нелл, награждая юнца двусмысленным кивком и отходя от него, чтобы занять последнее свободное сиденье в ряду. Пока мужчина на подиуме рокотал себе дальше, она изучала аудиторию. Менее чем за пять минут Нелл сформировала свое мнение о ганимедском отделении движения «Наружу». Местные члены движения были идеальными образчиками людей, которых Глин Сефарис описывал как «голосующих по одному вопросу», людей, ведомых одним всепоглощающим интересом.

Если не считать того, что ошибкой было бы и полностью пренебрегать этой группой. Нелл еще раз оглядела зал. Адвокатами одного вопроса эти люди определенно являлись. Но у них была молодость, у них был разум и у них была бездна сфокусированной энергии. Голосующие по одному вопросу — и работники одного дела. «Фанатики» было бы для них более подходящим определением. Интересно, сколько ячеек движения «Наружу» собиралось сегодня по всей Солнечной системе? Любой, кто хорошо знал историю, припомнил бы, что именно такие люди меняли вселенную; они начинали революции — как кровавые, так и интеллектуальные; они умирали на полях сражений, штурмовали Бастилию и переворачивали с ног на голову признанные научные истины.

— «Звездное семя».— Голос Тристана снова привлек внимание Нелл к подиуму. Он стоял у микрофона.

— Давайте начнем с системы силовой установки. Вот где еще остались проблемы. Первый рисунок, пожалуйста.— Тристан начал доклад в бешеном темпе, запрашивая на экран слишком

стремительную последовательность схематики звездолета и так же стремительно ее комментируя. Если Нелл сразу же не запуталась, то только потому, что насмотрелась всех этих разработок, монтируя документальный фильм. Это была тупоносая ракета, чью среднюю секцию окольцовывали два ряда сфер. Единственное отличие от более ранней модели, которое подметила Нелл, заключалось в том, что нос стал гораздо крупнее. Она включила свою потайную видеокамеру и субвокально добавила упрощенный комментарий.

В двух рядах сфер содержалось горючее. Тонкая струя смеси гелия-3/дейтерия подавалась от них к хвостовой части, где было установлено параболическое зеркало, где происходила термоядерная реакция, дающая три побочных продукта: заряженные частицы, радиационное излучение и нейтрино. Частицы захватывались магнитным полем и направлялись силой Лоренца, чтобы выходить из сопла узконаправленным пучком. Радиация отражалась от внутренней поверхности чаши с той же эффективностью и точностью, после чего полностью отбрасывалась назад. Только нейтрино не могли быть обузданы никакой доступной технологией. Распространяясь со скоростью света в призрачной сфере, они обеспечивали впереди ракеты единственное и крайне мимолетное свидетельство того, что «Звездное семя» приближается.

— Мы смогли бы удерживать плотного выхлопного пучка на дистанции во много световых лет,— говорил Тристан.— Но мы этого делать не будем, потому что не хотим случайно поджарить кого-нибудь из наших межзвездных соседей. Позвольте мне завершить настоящий доклад несколькими словами о нашем текущем статусе. Система силовой установки находится в двадцати восьми месяцах от завершения. Коммуникационная и навигационная системы — в полутора годах. Ракетное топливо не станет проблемой; у нас уже хранится достаточное количество гелия-3 и дейтерия. У нас также имеется достаточно зеркальных компонентов для дюжины космических полетов. Так что самым главным пунктом, прежде чем «Звездное семя» будет завершено, остается интеграция систем. А затем...— тут он сделал паузу,— затем мы примем главное решение. Есть вопросы?

— Мы зададим их немного погодя,— сказал председательствующий.— А сейчас у нас есть новое срочное дело. Сайрус Мобилиус. (В аудитории послышалось шиканье.) Мне не надо

рассказывать вам, что он значит для движения «Наружу». Последние два года мы были серьезно им озабочены, но теперь мы — находящиеся в этом зале — имеем непосредственную причину для тревоги. Мобилиус говорит, что он здесь, чтобы протолкнуть крупный термоядерный проект для Европы, но он на этом не остановится. Он попытается впихнуть «мобили» во все проекты, какие только есть в системе Юпитера. Вы знаете, сколько у Мобилиуса денег и сколько у него влияния. Итак, вот императив для сегодняшего вечера: Сайрус Мобилиус — наш враг. Мы должны работать не покладая рук, чтобы узнать обо всех его действиях, а потом его остановить. У кого есть предложения?

Дюжина рук поднялась, и гомон страстных голосов зазвучал из аудитории. Нелл все записывала, но она едва их замечала. Время по-прежнему растягивалось. Наплыв нового опыта, новых людей и нового окружения продолжался. Этого оказалось достаточно, чтобы вывести ее из равновесия и заставить упустить из вида самую очевидную вещь из всего, связанного с движением «Наружу».

Эта группа была умной и энергичной — а также предельно наивной, само присутствие Нелл это доказывало. Любая опытная конспиративная группа не пропустила бы ее в эту дверь. И это была вовсе не та наивность, что проистекает из простой нехватки опыта. Джон Перри (будь проклят этот негодяй — болтается там на Европе без нее!) тоже имел очень мало опыта в мире Нелл; однако он обладал природным чувством равновесия, которое удерживало его от самых худших бед. Но с этими людьми дело обстояло совсем иначе. Здесь было пушечное мясо — молодые мужчины и женщины, готовые при случае пожертвовать своей жизнью. Именно такие штурмовали крепости, наступали по минным полям, сражались и умирали у проволочных заграждений.

Но революции никогда не удавались без более старших вождей. Где были их Франклин, их Ленин, их Хо Ши Мин? Где были главные мыслители, генералы движения «Наружу»?

Нелл этого не знала. Зато она точно знала одно: по-матерински добрая, предельно проницательная Хильда Брандт, «союзница» Тристана и тоже, по его словам, член движения «Наружу», к этой группе вовсе не принадлежит. Она была бы здесь настолько же не на месте, настолько же вне своей естественной среды обитания, что и Нелл Коттер, пилотирующая погружаемый аппарат.

11
НА СЛУЖБЕ У СОЛНЕЧНОГО КОРОЛЯ

Двадцатисемилетняя блондинка Камилла Гамильтон была, согласно мнению большинства людей, достаточно худа, чтобы считаться элегантной, и слишком худа, чтобы считаться здоровой. Весила она от силы пятьдесят кило. Пожалуй, никто не знал, во сколько раз брюнет Свами Савачарья был тяжелее Камиллы. В пять? В шесть? Только не спрашивайте у Совы; с его точки зрения, весы существовали для мазохистов, бакалейщиков и рыбного филе.

Эти двое никогда не встречались. И все же по одному вопросу у них существовало превосходное согласие: работу — настоящую работу — лучше всего было проделывать наедине.

«Всю работу делает один человек». Камилла одобряла этот афоризм, написанный примерно за двести лет до ее рождения, а также использовала вывод, из него проистекающий.

И теперь она работала в таком уединении, какому мог позавидовать даже Сова. Камилла находилась на «Абаке», юпитерианской станции, что кружила на орбите Каллисто. Искусственный спутник спутника, «Абака» не располагала статусом главной компьютерной мощности системы Юпитера. Поскольку повсюду имелись компьютеры, «главный компьютерный центр» оказывался таким же бессмысленным, как человеческое тело, имеющее главную клетку. «Абака» даже не могла доказать, что она самая мощная или крупная ячейка в сети. Все связанные между собой компьютерные элементы «Абаки» были «фон Нейманнами», и никто не знал, сколько раз они редуцировали и добавляли получавшееся в результате потомство к сети.

Но «Абака» определенно была наиболее открытой мощностью. Там не имелось ни защищенных программ, ни паролей, ни закрытых файлов. Любой мог отправиться туда, записаться и оставаться там, сколько душа пожелает, имея доступ к огромной компьютерной мощи.

А это, по причине извращенности человеческой натуры, означало, что почти никто так не поступал. Людям непременно требовалось чувствовать, что их идеи уникальны, их данные ценны и секретны, их программы эксклюзивны.

По прибытии на «Абаку» Камилла запросила рапорт о статусе системы. Сколько еще народу здесь присутствовало и работало?

Ответ был: «В настоящее время работает семнадцать программ. Ни одного человека на станции не присутствует».

Таким образом, Камилла оказалась единственной персоной на станции. Это очень ее устраивало. Задача, которую поставил перед ней Сайрус Мобилиус, уже обращалась в подлинную головоломку. Еще в центре РСН он намекнул, что главной проблемой с Европейским термоядерным проектом оставалась стабильность «мобиля-монстра».

В принципе это представлялось верным, однако это была не единственная и даже не самая худшая из проблем. Камилла изучила дизайн гигантских новых «мобилей» и была поражена глубиной понимания Мобилиусом термоядерных процессов. Казалось, он с легкостью делал то, что ей удавалось делать только посредством колоссального, сфокусированного усилия. Впрочем, это не обескуражило Камиллу. Из собственной работы она знала, что полевой опыт в итоге обеспечивал способность обозревать ландшафт как единое целое, наносить на карту общие очертания и почти нутром чуять, что именно сработает.

«Знания приходят, но мудрость медлит». Следуя общим направлениям мысли, предложенным Сайрусом Мобилиусом, Камилла после нескольких недель усилий смогла бы определить дополнительные факторы, нужные для придания стабильности «мобилю-монстру». И в самом конце она тоже увидела бы все эти холмы и долины.

Но здесь лежало только начало истории, а отнюдь не конец. Когда «мобиль» излучал тепло, от этого тепла следовало избавляться. В космосе — никаких проблем. Вся вселенная представляла собой огромную радиационную сливную раковину. Но под ледяным щитом Европы требовался иной способ рассеяния теплоты.

Впрочем, по-прежнему не проблема. Массивные теплообменники, прикрепленные к каждому «мобилю», справятся с задачей и выполнят первичную цель разогрева вод Европейского океана и уменьшения толщины поверхностного ледяного слоя до нескольких метров. Это вписывалось в величественный замысел Мобилиуса.

Но тут возникала настоящая проблема. Уровень энергии, обеспечиваемый новыми «мобилями», был чувствителен к температуре и чистоте охладителя, проходящего через теплообменники.

Температура охладителя зависела от расположения, эффективности и направления потоков, генерируемых другими «мобилями», рассеянными по всему внутреннему океану Европы. Всего их должно было быть восемьсот. Таким образом, энергия, производимая каждым отдельным «мобилем», зависела от энергии, производимой всеми остальными. То, что Сайрус Мобилиус подбросил Камилле как единственную, изолированную проблему из термоядерной теории, обратилось в кошмар из восьмисот завязанных друг на друга проблем: нелинейных, зависящих от времени и требующих одновременного решения в трехмерных уравнениях гидродинамического потока и рассеяния теплоты — просто сочный, уникальный монстр в обличье проблемы.

Самое время было поговорить с Сайрусом Мобилиусом. Возможно, он все это знал, но если нет, ему это требовалось знать.

Камилла открыла линию и запросила связь, надеясь, что Мобилиус по-прежнему находится в системе Юпитера. Это сократило бы время прохождения сигналов до нескольких секунд.

Она все ждала и ждала, недоумевая, что происходит. Будь Мобилиус в системе Юпитера или вне ее, какая-то обратная связь должна была быть обеспечена еще несколько минут тому назад. Когда же на экране наконец появилось любезное и улыбающееся лицо Мобилиуса, Камилла нетерпеливо подалась вперед.

И тут же выругалась.

— Вот дьявол! Какой у вас уровень?

Мигающая точка в центре его лба говорила о том, что Камилла общается с Факсом, экспертной системой Мобилиуса. Эта система по идее была разработана, чтобы отвечать так, как ответил бы сам хозяин. Камилла нетерпеливо ждала факсимильного ответа.

— У меня третий уровень. Вы хотите продолжать?

— Только для передачи информации. Все данные и мой последний вопрос должны отправиться к самому Мобилиусу.

— Отмечено. Продолжайте.

Камилла проглотила свое раздражение и изложила проблему: как далеко она зашла, что еще не было решено. Она не потрудилась упомянуть о ценности своих достижений. Они говорили сами за себя, и Сайрус Мобилиус должен был все это оценить.

— Самый большой вопрос,— заключила Камилла,— это не физика, не управляющие уравнения и не вычисление количества энергии. Это граничные условия. Мне требуется знать больше о

географии Европы. Мне нужна глубина океана и температура океанского дна в каждой точке, а в особенности там, где будут размещены «мобили». Мне требуется знать нынешнюю толщину ледяного слоя. Мне требуется знать количество примесей в воде, внесенных существующими апвеллингами. И мне требуется знать поверхностное альбедо на каждой длине волны. Без этого я не могу достаточно успешно специфицировать проблему. И этих данных нет в архивах ни здесь, ни на Ганимеде. Как мне их получить? Это все.

Факс вежливо кивнул.

— Отмечено. Если желаете, вы, разумеется, можете настаивать на том, чтобы дождаться личного ответа Сайруса Мобилиуса. Однако должен предупредить вас, что его ответ не сможет быть представлен как минимум в течение суток. Кроме того, я содержу в себе достаточно подробностей, чтобы знать, что он вам скажет.

Камилла заколебалась. Она могла настаивать на ответе от самого Мобилиуса. Она также могла надавить на этого Факса, чтобы добиться контакта с Факсом более высокого уровня, но это заняло бы немалое время. Или она могла удовлетвориться словом этого Факса. В отличие от людей, ни один Факс не превосходил своего уровня компетенции.

— Продолжайте.— Камилла нетерпеливо ждала ответа.

— У вас есть возможность, посредством которой вы можете получить нужные вам ответы. Следовательно, так вы и должны поступить. При необходимости вам надлежит отправиться на Европу и получить данные напрямую.

— Но у меня нет корабля. И Европа представляет собой контролируемую окружающую среду!

— Корабль может быть предоставлен вам с разрешения Сайруса Мобилиуса. Однако Сайрус Мобилиус не может гарантировать вам доступа на Европу.

— Тогда как же мне этот доступ получить?

— Данная информация у меня отсутствует. Могу я оказать вам какую-либо дополнительную услугу?

Камилла выругалась, но лишь про себя. Бесцельно было грубить Факсу или пытаться с ним спорить. Даже Факс более высокого уровня без дополнительных данных никогда бы не изменил своего мнения.

— Если Дэвид Ламмерман по-прежнему на Ганимеде, свяжите меня с ним.

Последовала еще одна задержка. Эта задача была слишком грубой для третьего уровня, и Камилла заподозрила, что ее передали менее компетентной имитации.

— Дэвид? — Образ, который в конце концов появился перед ней на экране, широко улыбался.— Чему это ты так ухмыляешься? Надеюсь, это ты, а не какой-нибудь проклятый Факс?

— Теперь я совершенно уверен, что вижу саму Камиллу Гамильтон, а не ее Факс.— Улыбка Дэвида осталась прежней.— Конечно же это Камилла — такая же ворчливая, как всегда. Я улыбаюсь, потому что рад тебя видеть. Догадываюсь, что, с твоей точки зрения, неправильно радоваться, когда кого-то видишь. Где ты, злючка?

Камилла поняла, что Дэвид уже давно не бывал рядом с Мобилиусом. Слишком он был расслаблен. И не производил ощущения человека, постоянно оглядывающегося через плечо — точно Дон-Жуан, ожидающий каменной поступи Командора.

— Извини, Дэвид. Я все еще в «Абаке», без конца вычисляю. Но я трачу чертовски удручающее время сам знаешь на кого.

Камилла с точностью до доли секунды могла сказать, когда ее слова до него дошли. Улыбка Дэвида испарилась, и ее сменила неуверенность.

— Тогда я сомневаюсь, что смогу тебе помочь.

— Я не хочу, чтобы ты с ним поговорил или что-то в таком духе. Я просто хочу, чтобы ты меня выслушал и высказал свое мнение. Я в тупике.— Не дожидаясь одобрения Дэвида, Камилла принялась очерчивать проблему с европейскими «мобилями».

— Так что, как видишь,— заключила она,— этот Факс говорит, что я могу воспользоваться кораблем. Но что толку? Он также говорит, что не может организовать мне разрешение отправиться на Европу. Ты знаешь Мобилиуса гораздо лучше меня. Что, как тебе кажется, он от меня ожидает?

— На самом деле я его совсем не знаю — в особенности лично. («И никогда не узнаю»,— добавило горестное выражение лица Дэвида.),— но на расстоянии я достаточно хорошо его изучил. Догадываюсь, что у Мобилиуса есть кое-какие хорошие стороны. Одна из этих сторон заключается в том, что он решает, какую власть дать людям, которые на него работают, и действительно позволяет им ее получить. По сути, Мобилиус удостаивает тебя вотума доверия. Он считает, что ты способна решить пробле-

му без него. Поэтому он отпускает тебя на волю. Но не думай, что это означает простое решение проблемы или даже, что Мобилиус знает, как бы он сам с этим справился. Ты можешь быть уверена только в одном: он ожидает, что ты с этим справишься.

— Но я не знаю, как. Нужная мне информация здесь совершенно недоступна!

— Ты уже об этом сказала,— улыбка Дэвида вернулась, но теперь она была грустной.— Это чистый Мобилиус, беспримесный. То, что тебе нужно, есть на Европе. Стало быть, Сайрус Мобилиус ожидает, что ты получишь разрешение на визит. Он ожидает, что ты туда отправишься. И он рассчитывает, что ты сама решишь эту проблему — без его помощи.

Дэвид не сказал, что это будет легко. Он также не сказал, что смог бы сам это сделать. Он лишь уверенно предположил, что это сможет сделать Камилла. Именно эта уверенность заставила Камиллу почувствовать, что она просто обязана попытаться. Было бы очень стыдно вернуться назад к Дэвиду и сообщить, что она даже не провалилась, а вообще не попыталась.

Камилла вздохнула и вернулась к терминалу. Генеральный банк данных «Абаки» обеспечивал разнообразную информацию о системе Юпитера, включая названия учреждений и имена индивидов, которые управляли доступом на Европу и в другие миры. У Камиллы не было опыта в подобных делах, однако к тому времени, как на экране появились данные, она уже разработала собственную рабочую процедуру.

Всегда оказывалось проще попробовать начать с самого верха, как она действовала, связываясь с Сайрусом Мобилиусом, и быть соответственно отброшенной на более низкий уровень компетенции. Зато если бы Камилла начала с самого верха и получила отказ, это был бы конец. Никто ниже по цепочке не стал бы менять решение вышестоящей инстанции. Поэтому ей следовало начать с самого низкого уровня. Если бы ей дали утвердительный ответ, Камилла взяла бы этот ответ и двинулась бы с ним выше. Если бы ей дали отрицательный ответ, она сказала бы, что располагает иной информацией и запросила бы следующий уровень в иерархии. Вся эта ерунда могла занять несколько дней, но Камилле было не привыкать к проблемам, решение которых отнимало много времени.

Она ввела свое имя, тему и общий запрос на вход в систему, после чего загрузила все это в Европейскую канцелярию контроля за доступом.

Отклик оказался довольно замедленным. Камилла этого ожидала, особенно поскольку запрос обрабатывался на Европе, которая находилась еще на четыреста тысяч километров ближе к Юпитеру, чем Ганимед. И ответ имел абсолютный минимум трехсекундной задержки обратной связи с ее нынешним местоположением. Так что Камилла принялась проводить время, репетируя свою вступительную речь к какому-нибудь не слишком смышленому Факсу низкого уровня.

И внезапно обнаружила, что оказалась лицом к лицу с женщиной, на лбу у которой не было заметно никаких признаков мигающей точки обозначения Факса. Более того, хотя эта женщина самым обычным образом была одета в растянутый выцветший свитер, к нему была приколота стабилизированная металловодородная эмблема главной исполнительной службы Юпитера.

— Слушаю вас, доктор Гамильтон.— Женщина была пожилой, по меньшей мере лет шестидесяти с хвостиком, и только ее ферментно-стабилизированные волосы делали неуверенную попытку это отрицать. Она вглядывалась в Камиллу ясными, напряженно-любопытными глазами.— Я Хильда Брандт. Чем я могу вам помочь?

Хитроумно сконструированная речь Камиллы, задуманная с тем, чтобы выцыганить мгновенный доступ на Европу у какого-нибудь Факса низкого уровня, ушла в забвение вместе почти со всеми остальными ее мыслями. Доктор Хильда Брандт. Не просто какой-то человек, а конкретная личность. Мало того — единственная персона, имеющая право решающего слова на все путешествия по водному миру Европы. Впрочем, выражение ее лица было по крайней мере благосклонным.

Камилла отбросила всякие мысли о любой макиавеллиевской хитрости. Она собралась с духом, скрестила пальцы и пустилась в честное и исчерпывающее — но при этом сжатое и четко организованное — описание своей деятельности за последнюю пару недель.

— Таким образом, как видите,— заключила Камилла,— без измерений на месте, по крайней мере для реальных местоположений «мобилей», я в тупике. Я никак не могу выработать верное решение.

Хильда Брандт прислушивалась, склонив голову набок. Когда Камилла закончила, она кивнула.

— Ваш вопрос предельно ясен. Но вы же знаете — или, быть может, не знаете — я самый последний человек из всех, к кому можно обратиться с подобной просьбой. Я противостою любой идее преобразования Европы. Я хочу, чтобы она содержалась в кристально-чистом состоянии.

Именно этого Камилла и боялась. Она кивнула. Все было кончено. Ее вышвырнули за дверь в первую же минуту.

— Мне очень жаль это слышать. Если бы что-то смогло убедить вас передумать...

Хильда Брандт подняла руку.

— Мое милое дитя! — она произнесла это обращение таким тоном, словно Камилла и впрямь была ее ребенком.— Вы бросились в беспорядочное отступление еще до объявления войны. Я собиралась сказать, что хочу, чтобы Европа оставалась такой, какая она есть, но это решение, к несчастью, не за мной. Вчера Генеральная Ассамблея на Ганимеде приняла решение одобрить проект Сайруса Мобилиуса. Я, безусловно, буду с этим бороться — должны состояться еще четыре голосования, прежде чем это станет законом системы Юпитера,— но на данный момент я хочу оставаться реалисткой. Если проект Мобилиуса получит окончательное одобрение, я хочу, чтобы он выполнялся надлежащим образом, без неприятных технологических сюрпризов. А это в свою очередь означает, что анализ проекта должен быть как можно более вдумчивым и основательным.

Она без тени враждебности улыбнулась Камилле.

— Вы получите разрешение прибыть на Европу. Можете наблюдать за ней столько, сколько хотите, с орбиты — или приземлиться, чтобы получить доступ к местным архивам на базе «Гора Арарат». Разумеется, вам не будет позволено курсировать по внутреннему океану, однако в иных отношениях ваш визитный допуск не будет ничем ограничен. Мне очень жаль, что я не смогу быть там, чтобы лично вас поприветствовать, но в ближайшие несколько дней у меня срочные дела на Ганимеде, где я буду противодействовать новому решению. После этого я с нетерпением ожидаю нашей встречи.

И Хильда Брандт внезапно исчезла. Камилла вдруг поняла, что рот ее раскрыт, уже готовый заспорить с пустым экраном.

Вместо этого она откатилась назад в своем кресле. Она победила. Причем мгновенно и против всех ее ожиданий.

Камилле захотелось снова позвонить Дэвиду и похвастаться своим триумфом, но на данный момент у нее для этого не хватало наглости. Она определенно ему позвонит — и они вместе порадуются. Но Камилла скажет Дэвиду правду: что она разговаривала с Хильдой Брандт; что она отправляется на Европу; что она, по сути, добилась того, чего хотела. Вот только не было у Камиллы ни малейшего представления о том, почему она вдруг так преуспела.

Парадигмы для меняющихся времен.

Новые открытия всегда вынуждены меняться в перспективе — медленно, но необратимо. Для восемнадцатого столетия система мира, предложенная Ньютоном, была, помимо всего прочего, вычисляемой — громадная машина, рационально движущаяся сквозь пространство и время, подобно планетарию с исключительно точным механизмом. К середине девятнадцатого столетия лейтмотив науки изменился. Наступила эра расширяющихся миров и сжимающегося человечества. Земля была сброшена с трона как центр вселенной, чтобы стать крошечной пылинкой среди многих миллионов таких же пылинок, на сцене, которая постоянно расширялась от планет к звездам и дальше к галактикам. В то же самое время человечество низвергалось от образа и подобия Бога до самонадеянного животного — озадаченного актера, недавно прибывшего на сцену, где другие актеры занимали свои места уже миллиарды лет. Удар по самолюбию вида, нанесенный эволюционной теорией, был чудовищным.

Первая четверть двадцатого столетия выучила человечество смиряться со снизившейся оценкой Земли и его собственной роли во Вселенной, но вскоре наука вынуждена была обрушить на людей новую парадигму: исчезновение абсолюта. На место окончательного знания пришли неуверенность, относительность, нерешаемость, невычисляемость.

После трагических семидесяти пяти лет ученые наконец пришли в согласие с исчезающей концепцией полного знания... и вдруг оказались лицом к лицу с еще одной жуткой переменой воззрений. Семя, посеянное еще до 1900 года, стало давать рос-

тки. В самом начале двадцать первого столетия принцип, сформулированный итальянским экономистом Вильфредо Парето, был извлечен из небытия, обеспечивая основополагающую научную догму новой эпохи: «Всякий раз, как некое число подобных предметов группируются вместе, малый их процент становится мерилом почти всего значения данной группы». Принцип Парето, переформулированный и усиленный, объяснял, что большая часть природы работает лишь на поддержание статус-кво, подавляя всякие перемены. И только маргинальные силы — малые силовые различия — управляют поведением Вселенной.

Для детей конца двадцать первого столетия борьба за развитие математического аппарата, соответствующего новому взгляду на мир, стала всего лишь историей. Парадоксы вычисления малых различий с их запутанными субстратами дивергентных рядов и асимптотических расширений ничем не отличались для них от более ранних логических забот о дифференциалах, пределах, обобщенных функциях, действии на расстоянии и перенормировке. Остались только отполированные инструменты и главный принцип: естественнонаучная основа мира суть равновесие. Вселенная существует лишь как тонкое согласование невероятных сил. Перемены и сама жизнь являются результатами микроскопических нарушений равновесия.

Примеры можно было видеть повсюду. Солнечная активность проистекала из нескончаемого сражения гравитационного давления с радиационным. Каждая поверхностная вариация, от солнечных пятен до гигантских солнечных вспышек, представляла собой проявление некого краткого преимущества одной из этих сил, свидетельство того, что равновесие было временно нарушено. Галактическая стабильность являлась не более чем тонким согласованием вращательной кинетической энергии и гравитационной потенциальной энергии, создавая и поддерживая спиральные протяжения, центральные ступицы и гало темной материи.

Сама жизнь не была исключением из принципа. Она рано усвоила этот урок. Успешные виды располагались на тонкой линии между точным воспроизводством, не допускавшим никакой адаптации к меняющейся окружающей среде, и чересчур вариабельным воспроизводством, которое имело результатом большое число ошибок и нежизнеспособное потомство. Половое размножение оказывалось всего лишь простой попыткой решить проблему

посредством допущения генерационной изменчивости в пределах ограничений точного воспроизведения генетического материала. Внутри каждой клетки каждого организма продолжалась одна и та же борьба, поддержание тонкого равновесия между бесконтрольным сжиганием, которое попросту убивало, и слишком медленным ферментативным высвобождением энергии, которое в конкурентном мире становилось столь же опасным.

Принцип Парето очень долгое время занимал свое почетное место. Это воззрение уже не являлось чем-то, о чем ученые двадцать первого столетия размышляли, ибо он уже был встроен в них их учителями, их чтением, всем их научным окружением. Наука оказывалась равновесием. Принцип равновесия довлел решительно надо всем — от субъядерных процессов до галактической эволюции.

Камилла Гамильтон была ученым. У нее имелась умственная оснастка ученого, причем первоклассная, которая осталась бы таковой в любую эпоху, когда общество это дозволяло (женщина, да еще привлекательная: два колоссальных минуса Камиллы на протяжении большей части истории человечества). Однако подобно всем, кроме горстки самых великих, Камилла видела науку сквозь философические очки своего века.

Самым любопытным здесь представлялось то, что хотя детство и отрочество Камиллы на Марсе были одной долгой борьбой с бедностью и пренебрежением, она никогда не пыталась рассмотреть этот опыт с точки зрения общих принципов. Разумеется, идеи борьбы, равновесия и тонкого преимущества прилагались и к людям.

Но Камилле никогда не приходило в голову, что внутри Солнечной системы должны существовать другие незримые стихии — мужчины и женщины, что загоняли друг друга в тупик, непрерывно ведя борьбу за малое преимущество.

И уж совсем определенно ей никогда не приходило в голову, что в этой войне титанов легкая раскоординация или мизерное неравновесие способны запросто уничтожить существо столь незначительное, как Камилла Гамильтон,— истребить ее силой столь же убийственной и безличной, как самая величайшая из солнечных вспышек.

12
СЛОВО ДЛЯ «МИРА» — «ОКЕАН»

Джон Перри и Вильса Шир сидели бок о бок, разглядывая приближающуюся поверхность, и видели два разных мира.

...Европа — крошечная, совсем малюсенькая планетка диаметром меньше, чем у Луны, и массой всего в две трети...

...но Европа безбрежна, в восемь раз больше моего родного мира, Цереры, и площадь ее поверхности в пятнадцать раз превышает...

...гравитационное поле Европы поистине жалкое, достаточно малое для легкого баллистического запуска, такое мизерное, что одно и то же судно может быть здесь использовано для путешествия к спутнику и посадки на него...

...но Европа протягивает гигантскую руку и тянет к себе транзитное судно так мощно, что ракеты уже работали, когда Земля еще была во многих минутах внизу. Вторая космическая скорость составляет здесь целый километр в секунду...

...поверхность Европы не предлагает ничего ценного: ни металлов, ни минералов, ни горючего...

...но поверхность Европы — подлинная сокровищница самого драгоценного летучего вещества из всех: воды...

...Европа — невзрачный, безжизненный шарик, лишенный дыхательного покрова атмосферы, мерзлый, стерильный и негостеприимный...

...никоим образом. Европа — матка, только и ждущая, чтобы привечать и вскармливать жизнь, включая миллионы или даже миллиарды людей...

Джон и Вильса внимательно разглядывали друг друга и распознавали то, что должно было стать очевидным в первый же момент их знакомства: происхождение их было столь разным, что общение между ними казалось почти что иллюзией. Будучи примерно одного возраста и при этом сиротами войны, но встречаясь как жительница Пояса и землянин, они могли найти очень мало общего. Потребовались бы недели или месяцы разговоров, прежде чем они смогли бы понять воззрения друг друга.

Самым странным Джону казалось то, что они определенно собирались этими неделями или месяцами воспользоваться.

Это его тревожило. Джон любил, чтобы все подчинялось логике — даже когда речь шла о чувствах. Однако ничто, даже отдаленно похожее на логику, не было приложимо к его реакции на Вильсу. Когда он впервые оказался с ней лицом к лицу, то испытал ощущение, которое описывалось довольно просто: это было как смутная пелена от кессонной болезни со всей странной уверенностью того состояния, что этот мир — совершено безопасное и чудесное место. Все это было очень нелегко объяснить. По крайней мере, Джон решительно не мог этого сделать.

Была ли это замаскированная форма полового влечения, некая аберрация тайных феромонов? Джону так не казалось. Он мог оставаться невинным лишь в искушенных глазах Нелл Коттер, которая не раз ему на это намекала, но все же он был далек от девственности. У Джона было достаточно женщин. С Шелли Солбурн они даже пережили бурный двухмесячный роман, продлившийся до их последней размолвки. Так или иначе, плавучие базы Тихоантарктики с их завуалированными угрозами психологической обработки для каждого, кто уклоняется от ведения активной половой жизни, склонны были вынуждать к физическим взаимоотношениям даже самых убежденных холостяков.

Каковым Джон определенно не являлся. Они с Нелл Коттер находились на самой грани — почти любовники, любовники во всем, кроме самой возможности,— когда он встретил Вильсу. Его страстное желание в отношении Нелл по-прежнему оставалось на месте, сильное как никогда. Но внезапно, с резкой переменой перспективы Джону вдруг показалось, что теперь для него самое важное — общаться с Вильсой. Джон едва помнил тот разговор, в котором он спрашивал Хильду Брандт, нельзя ли Вильсе отправиться вместе с ним на Европу.

Сделал ли он это по собственной инициативе? Или предложение исходило от кого-то еще? Это не имело значения. Потребность проводить время с Вильсой, понимать ее, учить далеко превосходила какие-либо подробности. Чем больше Джон об этом узнавал, тем больше удостоверялся, что его побуждение лишено физической основы. Он понимал, что Вильса — симпатичная, сексуальная и, вероятно, в высшей степени чувственная женщина — нуждается в соответствующем партнере; но этим партнером должен был стать не он. Джон не чувствовал к Вильсе ни малейшего полового влечения, и отсутствие этого влечения было, похоже, взаимным.

Так что же за чертовщина творилась?

Джон опустил взгляд. Транзитное судно следовало по прямому маршруту спуска, не отягощенное земными заботами о траектории входа и атмосферного торможения. Они устремлялись прямиком к юпитерианским антиподам Европы. Солнце за спиной находилось в зените, обращая лежащий внизу спутник в сверкающую составную картинку ярко расцвеченных ледяных равнин, разделенных острогранными звездчатыми трещинами и переплетениями длинных, темных расщелин. Какие краски! Джон ожидал увидеть приглушенные тона — как на всех виденных им снимках Европы из космоса. Искрящийся пейзаж внизу наверняка представлял собой аномалию, сочетание освещения с необычной точкой обзора. Следовые элементы, крошечные отражательные спикулы металлов, зависшие под несколькими верхними сантиметрами льда, ловили солнечный свет как раз под нужным углом.

Гора Арарат виднелась прямо внизу. Единственная почвенная поверхность Европы состояла из четырех небольших соединенных между собой холмов, что тянулись узловатой линией на дюжину километров. Даже самый высокий холм был не более чем округлым комочком на бесконечной мерзлой равнине. Окружающий лед наползал на низкие точки похожего на обломок пилы гребня, почти разделяя зубья этого обломка на отдельные островки черных скал.

Скалы вулканического происхождения, сказал какой-то далекий уголок разума Джона. Так неизбежно должно было быть. Или природа смогла найти роль для осадочных процессов даже на Европе, несмотря на отсутствие атмосферы, рек, эрозии и жизни? Или там была жизнь? Это оставалось ключевым вопросом, смыслом прибытия Джона на Европу. Однако морозный облик лежащего внизу спутника во весь голос заявлял ему о том, что этот мир мертв.

Опускающееся судно уже зафиксировало входной маяк и теперь следовало по сигналу. Единственный европейский космопорт напоминал неглубокую круглую чашу рядом с главным пиком горы Арарат, располагаясь в кратере, по меньшей мере частично образованном в результате метеоритного удара. Люди всего лишь усовершенствовали природу, разгладив дно кратера до идеальной плоскости и добавив туда пусковые башни, антенны, подъемники

и спускные желоба. А также, разумеется, протонные щиты. Европа подвергалась воздействию протонного потока еще более интенсивного, нежели тот, что обрушивался на Ганимед.

Джон удостоил европейский космопорт доли внимания, однако главный его фокус по-прежнему был сосредоточен на окружающих ледяных равнинах. Он искал Вентиль, точку доступа в Европейский океан. Он должен был находиться в двадцати километрах от оконечности горы Арарат. Вентиль представлял собой искусственно созданный и постоянно поддерживаемый цилиндр открытой воды, по которому в итоге должна была спуститься «Капля» — вниз, вниз, вниз, мимо полуторакилометрового слоя льда и в мрачную неизвестность — ради исследования пятидесятикилометровых и еще более глубоких европейских бездн.

Джон не смог разглядеть никаких признаков Вентиля. Скорее всего, точка доступа была слишком мала, чтобы ее можно было увидеть во время спуска из космоса к горе Арарат. Джон знал, что Вентиль поддерживается искусственным термальным источником у нижнего рубежа ледяного слоя в сочетании с естественной восходящей конвекцией и использованием целого ряда насосов. С каждым метром по пути вверх разогретые воды Вентиля теряли тепло, отдавая его окружающему льду. Жидкая колонна сужалась, так что вершина ее составляла всего двадцать-тридцать метров в поперечнике, достаточно широкая лишь для того, чтобы пропускать погружаемые аппараты и служебные суда.

— Смотри! — Вильса схватила Джона за руку и вывела из глубоких раздумий. Луч чистейшего монохроматического голубого света вырвался из центра гладкой чаши космопорта и поймал транзитное судно своим конусом.

— Конечный отрезок спуска,— сказал Джон, с неохотой отвлекая свои мысли от Вентиля и европейских недр.— Не волнуйся, с нами все будет в порядке. Начиная с этой точки корабль будет управляться напрямую с горы Арарат.

Это высказывание вызвало гневную вспышку темных глаз.

Джон запоздало понял, что хотя для него космос был нов, Вильса, должно быть, совершила тысячу управляемых спусков.

— Я знаю! Я же сказала: смотри, Джон. Вон на тот узор. Разве ты не видишь?

Теперь, когда она указала ему, куда смотреть, Джон увидел. Солнце висело прямо над головой. Опускающееся судно стрелой

летело к круглой мишени, а ярко-голубой управляющий лазер горы Арарат оказывался самым яблочком этой мишени. Вокруг сверкал преломляющий лед Европы, ряд тронутых морозом радужных колец. Мысленный взор Джона добавил еще один компонент: дальше, за горизонтом Европы, но тоже освещенный Солнцем, мглистый шар Юпитера переливался красками охры, янтаря и жженой сиены.

Именно это увидел и представил себе Джон. Но Вильса сидела с открытым ртом и широко распахнутыми глазами, а на лице у нее было не иначе как выражение благоговейного ужаса.

Что же увидела она? Вильса принялась гудеть себе под нос — так тихонько, что Джон едва это слышал.

Вильса заприметила четверку округлых пиков горы Арарат в тот же самый момент, что и Джон. Но видела она не вулканического происхождения скалы, а устремленный вверх страшный кулак морозного гиганта, заключенного в ледяную тюрьму. Этот кулак застыл в то самое мгновение, когда четыре его железных костяшки со страшной силой пробили стеклистый щит стены Нифльгейма. Этот момент застыл во времени, но в следующую секунду кулак непременно вырвется на волю, возвысится над окружающим его миром, обретет равновесие, протянется далеко в космос...

Удар железного кулака разнес лежащий внизу мир на концентрические круги. Хроматические кольца распространились по планете. Эта расходящаяся рябь красок в свою очередь устанавливала музыкальные резонансы. Внутри Вильсы расширился и обрел форму музыкальный фрагмент. И она приступила к сознательному, почти чувственному процессу тематического развития.

То, что они с Джоном придерживались далеко отстоящих друг от друга точек зрения на Европу, нисколько Вильсу не тревожило. Всякий, обладающий талантом к полифонии, отлично знал, что две темы, совершенно различные по стилю, настроению и содержанию, могли сосуществовать в идеальной гармонии. Вильса понимала то, чего, скорее всего, не понимал Джон: насчет Европы они оба были правы.

Даже странная связь между ними, родившаяся при первой же встрече, ее не тревожила. Такой громадный объем внутреннего мира Вильсы не подвергался логическому анализу. Взять хотя бы темы, что прямо сейчас дрейфовали у нее в голове. Они опреде-

ленно не появились бы без этой многоцветной панорамы Европы, горы Арарат и ярко-голубого столпа управляющего лазера. Но как могло воздействие на одно чувство пробуждать творческий импульс в другом? Синестезия вдохновения: это было нечто, объяснения чему Вильса никогда не слышала. Это даже почти не обсуждалось. И все же это происходило — снова и снова. Визуальные вводы могли трансмутироваться, а затем появляться из тигля ее сознания как золотая музыка; архитектура могла давать жизнь великим сонетам; музыка способна была порождать бессмертные слова.

Вильса дрейфовала к Европе, и душа ее пела. Конечная посадка в космопорту горы Арарат стала не более чем досадным вмешательством.

Слушая рассуждения Хильды Брандт о незараженной Европе, Джон недоумевал, как Брандт — или кто бы то ни было еще — надеется сохранить Европу таковой.

Теперь он понял. Единственной точкой доступа в нетронутые недра спутника служил Вентиль, а вся остальная поверхность была защищена цельным и предельно надежным нагрудником льда. А чтобы достичь Вентиля, требовалось проделать то, что только что проделали они с Вильсой: одолеть двадцать километров открытого льда от горы Арарат при температуре столь низкой, что выходящий воздух тут же замерзал и плыл вниз в виде крошечных хлопьев кислорода и азота.

Но предположим, что посредством какого-то чуда стойкости живой организм сбежал бы из поселения на горе Арарат, пережил лютый холод и добрался бы до Вентиля? Тогда ему пришлось бы выдержать еще более убийственную атаку. Поток частиц на поверхности Европы был смертелен для любого живого существа, не облаченного в специальный скафандр. Наружная часть скафандров, которые носили теперь Джон и Вильса, не нуждалась ни в какой связанной с человеческим фактором стерилизационной программе. Обо всем заботилась сама природа.

С такими телохранителями для священной девственности внутреннего океана Европы оставалась лишь одна-единственная угроза: погружаемые аппараты, которые могли в него опуститься. А их охранял небольшой, но предельно бдительный персонал.

В первую же пару минут Джон узнал женщину и двух мужчин, которым было предписано сопроводить их по льду до Вентиля. Разумеется, лично он их не знал, но тип был очень знаком. Эти люди были прямодушными, знающими, непринужденными и бесстрастными. Они были самим Джоном, переправленным через миллиарды километров космического пространства.

Или, скорее, они были Джоном, каким он представлялся до того, как его возлюбленный проект с гидротермальными отдушинами зарубили. После этого Джон оказался отброшен прочь — сперва в политический миксер Пунта-Аренаса, затем через Солнечную систему на Ганимед вместе с Нелл Коттер. Он не был уверен, сколько от прежнего Джона еще в нем оставалось.

Персонал базы «Гора Арарат» Джона тоже узнал. Он мог стать их спасителем — если бы подтвердил существование аборигенных европейских форм жизни и защитил этот мир от развития, которого они не желали. Но даже если бы Джон этого сделать не смог, он все равно делил с ними язык науки и технологии.

Однако сотрудники базы решительно не знали, что им думать о Вильсе. Какой бы знаменитой она ни была на Поясе, а теперь и на Ганимеде, но так далеко, как Европейский научно-исследовательский центр, ее репутация не заходила. Никто не отреагировал на ее имя. Сотрудники обратили внимание лишь на ее наивные вопросы и замечания. Джон с удовольствием отметил, что после первых же нескольких минут они уже обращались со всеми объяснениями касательно механизмов и процедур только к нему.

— Когда вы окажетесь внутри, вы будете герметически отгорожены от интерьера.— Один из мужчин, чьи мускулы рельефно выпирали под обтягивающим скафандром, никак не соответствуя окружающей среде с низкой гравитацией, открыл верх погружаемого аппарата и указал внутрь.— У вас будет собственный запас кислорода и пищи, даже собственный запас воды. Я знаю, это звучит глупо, когда вокруг вас столько воды, но мы не хотим никакого риска смешивания и заражения. Если вода сможет проникнуть внутрь, моча сумеет найти способ проникнуть наружу. Да, и не забывайте, что это судно не имеет щита от потока частиц. Вы не должны снимать скафандры, пока не окажетесь хотя бы в нескольких метрах под водой. Тогда вы будете в безопасности. А теперь давайте взглянем на управление.

Мужчина забрался внутрь, жестом предлагая Джону и Вильсе последовать за ним. Вильса первой поднялась по трем ступенькам,

что вели в уютное внутреннее помещение. Джон помедлил позади, желая в последний раз оглядеться. Точно так же он стоял на Земле, в центральной Антарктике, и тогда его переполняла мысль, что под ногами у него лежит по меньшей мере целая миля льда. Иди он хоть сотню суток в любом направлении, это по-прежнему оставалось бы верно. Здесь у него под ногами была та же самая миля льда — но под ней лежала не почва, а многие мили воды; и здесь он мог идти не сотню суток, а целую вечность. Не считая незначительного холмика горы Арарат, ледяная прослойка Европы была повсеместной и непрерывной.

Джон поднял взгляд, высматривая Юпитер. Затем он понял, что отсюда его нависающую физиономию он никогда не увидит. Король Внешней Системы вечно оставался по ту сторону Европы, удерживая спутник в таком положении, что гора Арарат всегда оказывалась отвращена от громадной планеты. Но даже после заката, и без отраженного света Юпитера совсем темно здесь не было. Висящие в небе Ганимед и Каллисто обеспечивали зловещий полумрак. В этих сумерках был виден длинный и ровный скат, ведущий от погружаемого аппарата к Вентилю — к открытой воде, подобной черному зрачку, что таращился на Джона в сотне метров оттуда.

Наконец Джон сумел заставить ноги работать и взошел по ступенькам.

— Конечно, вы привыкли к тем замечательным водным погружаемым аппаратам, которые есть у вас на Земле.— Мужчина дождался Джона, прежде чем приступить к своему грубоватому объяснению.— Сомневаюсь, что вы когда-нибудь видели что-то настолько примитивное, как эта вот «Даная». Хотя все здесь работает. Разве что ручки и циферблаты покажутся немного незнакомыми, и к ним придется малость привыкать. Садитесь, и я устрою вам проверку. Сперва мы пойдем медленно. Не бойтесь сказать мне, если что-то потребуется повторить. В качестве пароля, чтобы войти в систему, используйте «Сандстрем» — это моя фамилия. Меня зовут Базз Сандстрем.

Джон кивнул и двинулся было к сиденью пилота. Но, прежде чем он до него добрался, Вильса протолкнулась вперед и положила руки на пульт управления «Данаи».

— Проверка уровня номер один,— сказала она. После чего ее пальцы забегали по пульту среди клавиш и переключателей с

такой скоростью, какую сам Джон — уже четыре года как самый быстрый пилот на Тихоантарктике — вряд ли бы превзошел даже на знакомом оборудовании. Дисплеи так и полыхали данными, аудио пикало, крошечные предупредительные огоньки вспыхивали и гасли.

— Есть номер один,— глуповато-радостным голосом заключила Вильса.— Господа, держитесь за шляпы. Приступаю к уровню номер два.

Началась вторая и более сложная фаза проверки. И завершилась еще более стремительно.

— Есть номер два,— Вильса обернулась, одаряя Сандстрема лучистой улыбкой.— К погружению готова. Полагаю, мы можем отправляться в любой момент.

— Хо-ро-шо,— мужчина наградил Джона и Вильсу черным огненным взором сквозь шлем скафандра.— Да, черт побери, полагаю, вы можете приступать.

И без единого слова или даже взгляда он выбрался из погружаемого аппарата «Даная».

Герметичная крышка с грохотом опустилась. Этот грохот прозвучал как обвиняющий голос, адресованный непосредственно Джону. Он сказал: «Ты ублюдок. Что ж ты меня не предупредил, что привез с собой первоклассного юпитерианского пилота? Тогда бы я себя таким идиотом не выставил».

— Вильса. Каким дьяволом ты так...

— Извини,— но Вильса вовсе не выглядела виноватой.— Они сказали, что этот погружаемый аппарат аналогичен тем, которые используют для отслеживания «фон Нейманнов» в атмосфере Юпитера. Я не понимала, пока не увидела пульт управления, что они совершенно идентичны. Не думаю, что здесь хоть один переключатель переставили. Правда, прямой контроль, а там я действовала при помощи пульта дистанционного управления. Но прямой контроль еще легче.

— Все-таки тебе не следовало так выпендриваться. Теперь Сандстрем думает, что я его подставил.

— Да, пожалуй,— Вильса улыбалась.— Но это тебе за то, что меня игнорировал. У меня, знаешь ли, тоже чувства имеются. Мне не нравится, когда люди говорят мимо меня, как будто я что-то вроде одушевленной тыквы,— только потому, что я неподготовленный научный специалист. Хочешь теперь пересесть за пульт?

— Нет,— Джон не обиделся. Или, по крайней мере, не очень обиделся.— Будь здесь как дома. Но помни одну вещь. Все здесь по-настоящему. Если ты будешь достаточно глупа, чтобы расшибиться об стену или забраться слишком глубоко для этого корпуса, ты не окажешься на станции «Геба», когда все закончится. Ты просто погибнешь. А теперь — вперед.

У Джона было три причины это говорить. Во-первых, Вильса не проявляла желания вылезать из кресла пилота; во-вторых, ему нравилась роль наблюдателя нового мира; а в-третьих, ему хотелось посмотреть, насколько хорошо она сможет справиться. Вильса обладала феноменальной физической координацией; Джон понял это в первую же минуту ее концерта на Ганимеде. Совершенно потрясающая и независимая работа пальцев две минуты тому назад это подтвердила.

Но проверка была одно дело, рутинное и стандартизированное. Пилотирование же — совсем другое. Как Вильса справится с сотней мелких решений, которые ей придется принимать на маршруте погружаемого аппарата? Джон мог взять на себя управление, если бы она оказалась в беде, но он был достаточно упрям, чтобы не делать этого, пока не возникнет настоящая необходимость. Пусть Вильса поварится в этом котле и выяснит для себя, что для пилотирования требуется нечто большее, нежели десятипальцевые — или двадцатиклавишные — упражнения.

Но прежде чем Джон мог набраться излишней самоуверенности, ему необходимо было подтвердить для себя несколько фактов насчет «Данаи». Это была вовсе не «Капля», разработанная с тем, чтобы блуждать по глубочайшим из земных океанов, и имеющая соответственно укрепленный корпус. «Капля» в норме должна была выдерживать давление в полторы тысячи земных атмосфер — более чем достаточно, чтобы добраться до самых глубоких участков океанского дна Европы; но «Даная», спешно переоборудованная из аппарата, используемого в атмосфере Юпитера, такого крепкого корпуса не имела. После их возвращения на поверхность сотрудники научно-исследовательского центра планировали модифицировать «Данаю» для соответствия ее максимальному океаническому давлению, но на данный момент ее корпус выдерживал всего лишь скудную пару тысяч тонн на квадратный метр.

Джон вызвал на обзорный экран профили европейских глубин. Спутник был маленький и легкий, ему недоставало плотного

металлического ядра Земли, но если ты заходил достаточно глубоко, ты все же мог столкнуться с достаточно серьезным давлением. А в Европейском океане ты мог зайти по-настоящему глубоко — на сотню километров и даже глубже, если батиметрические карты были точны. В конце концов Джон навестит эту бездну и станет первым человеком, который обследует глубочайшее океанское дно Европы непосредственно.

Но не сегодня. Он просмотрел таблицы с цифрами. В «Данае» не следовало опускаться ниже пятнадцати километров. Впрочем, пятнадцать километров было вполне достаточной глубиной, чтобы добраться до пары мелких гидротермальных отдушин, но только не той, которая по-настоящему Джона интересовала; Жаровня находилась на глубине сорок восемь километров, где давление воды составляло шестьсот атмосфер, а температура океанского ложа могла подниматься до нескольких градусов ниже нормальной температуры человеческого тела. Для Европы это был перегретый черный дымарь, эквивалент земного Котла.

Так что сегодня безопасности ради следовало оставаться выше десяти километров и отбросить все мысли о настоящей работе. Хильда Брандт была права. Путешествие на «Данае» могло стать не более чем ознакомительным упражнением и осмотром достопримечательностей.

Джон почувствовал вибрацию сиденья, посмотрел на изогнутый, прозрачный экран перед ними и понял, что осмотр достопримечательностей уже начался. «Даная» неуклонно скользила вперед по желобу, который вел в Вентиль. Обзорный экран уже погружался под воду. Джон бросил последний взгляд на ледяную равнину Европы и четыре округлых холма горы Арарат, маячащих на заднем плане; затем темная вода стала плескать по гладким бортам. Звезды, различимые сквозь прозрачную крышу погружаемого аппарата, ушли последними. По мере увеличения глубины они превращались в дрожащие лужицы света, а затем мгновенно исчезли, как только включились прожекторы «Данаи».

Судно медленно погружалось на скорости пять-шесть метров в секунду. В этом Джон не сомневался, даже не глядя на показания. В Тихоантарктике у него была репутация человека, обладающего своей собственной инерциальной навигационной системой — внутренним чутьем, которое подсказывало ему, опускается он под водой или поднимается, и с какой скоростью. Чтобы подтвердить

ощущение, Джон взглянул на циферблаты. Пять и пять десятых метра в секунду. Приятно было знать, что его абсолютное позиционное чувство с таким же успехом работало и на Европе.

Джон взглянул на Вильсу, внимательно осмотрел пульт управления и расслабился. «Даная» имела свои системы предупреждения, если бы они зашли слишком глубоко или приблизились к твердой полке из камня или льда. Этот спускаемый аппарат был по крайней мере достаточно совершенен, чтобы вовремя уберечь их от потенциально смертельной угрозы.

Впрочем, им не должны были потребоваться эти встроенные предохранительные приспособления. Вильса, как бы досадно для Джона это ни было, оказалась столь же компетентна, сколь и уверена в себе. Она инстинктивно производила периодические мгновенные осмотры главных индикаторов окружающей среды как внутри, так и снаружи погружаемого аппарата, проверяя решительно все: уровень расхода энергии и ее запас; скорость и глубину погружаемого аппарата, а также давление на его корпус; мутность воды; темпы поступления воздуха и его состав. В то же самое время она присматривала за сверхзвуковыми датчиками, которые давали расстояние во всех направлениях до ближайших твердых объектов.

«Да она прирожденный пилот»,— подумал Джон.

— Ну как? Доволен? — Вильса на него даже не смотрела, но улыбалась так, словно видела выражение его лица.— Еще через несколько секунд мы достигнем нижнего края Вентиля. И окажемся полностью под ледяным щитом.

Итак, Вильса могла читать его мысли. Джон как раз собирался выдать ей ту же самую информацию. Впрочем, ей приходилось считывать все это с приборов. А он и так это знал — из какого-то внутреннего источника.

— Что мы сделаем дальше? — продолжила Вильса, хмуро поглядывая на экран, где передние прожекторы высвечивали вертикальную стену льда метрах в сорока от них.

— А что ты меня спрашиваешь? — Джон откинулся на спинку сиденья. Он тоже мог быть капризным.— Ты пилот. А я всего-навсего пассажир. Вези нас, куда тебе хочется.

Джон даже закрыл глаза, чтобы доказать полное отсутствие заботы и интереса, совершенно определенно зная, что Вильса в этот момент смотрит на него, недовольно поджав губы и недоуменно подняв брови.

Пожалуй, именно в этом и состояло отличие Вильсы от всех остальных мужчин и женщин, каких Джон когда-либо встречал. Он знал ее, она знала его — на каком-то глубинном уровне, без единого сказанного слова.

И все же там определенно отсутствовала соответствующая физическая связь...

Тут мысли Джона внезапно и с немалой неловкостью переключились на Нелл. Она наверняка зла на него как сто чертей за то, что он не взял ее с собой. И ничего хорошего не будет, если он скажет, что все это время по ней скучал. Она не потратит ни единой лишней секунды, чтобы при следующей же встрече его отшить. «Действия,— скажет Нелл,— а не слова — вот из чего складывается видеошоу. Так что все объяснения можешь себе в задницу засунуть».

А потом она в буквальном смысле прожует его и выплюнет.

Они с Нелл словно бы составляли пару рассинхронизированных поршней, что работали друг против друга без всякой координации, тратя энергию, аннулируя силы, обоюдно пропуская чужие циклы.

Но здесь таилась загадка, образуя еще одно место, куда логика никак не вписывалась: за душевным несоответствием с Нелл Коттер лежал некий скрытый источник энергии, физический огонь, который они с Вильсой Шир, в этот самый момент сидевшей у Джона под боком, никогда не разделят.

13
ВНЕЗАПНОЕ НАПАДЕНИЕ

— Мне думается, что впервые за все время нашего знакомства я поймал Свами Савачарью на ошибке.

Ярроу Гобель стоял у стойки по пояс высотой, что отделяла кухню от остальной Совиной Пещеры. Затем генеральный инспектор повернулся и побрел по всей длине помещения. В конце концов он помедлил, чтобы подобрать метровой ширины шлем комбинированного спасательно-штурмового скафандра и подивиться одной из наиболее красочных неудач Великой войны — устройству, которое не выполняло ни одной из своих предполагаемых функций и убило почти всех своих пользователей.

Сова, занятый сложными операциями с полдюжиной накрытых крышками горшков и сковородок, ограничил свой отклик уклончивым покряхтыванием.

— Вы несколько раз говорили мне,— продолжил Гобель, чей гулкий голос эхом разносился по огромному замусоренному казематy,— что нет ничего на старушке-Земле, что вам бы хотелось иметь здесь, на Ганимеде. Леса, горы, озера, травянистые степи, голубое небо, зеленые просторы океанов, птицы, бабочки, цветы, туман, дождь, снег — ни по чему из перечисленного вы абсолютно не тоскуете.

— Совершенно верно,— Сова снял герметичную крышку с кастрюли, хмуро оглядел ее содержимое, керамической ложкой снял пробу и восстановил закупорку.— У меня есть трюфели, у меня есть грибы. У меня есть чеснок, шафран, имбирь и тмин — все это природным образом выращенное. Земле попросту нечего мне предложить.

Гобель прошагал назад, чтобы снова облокотиться о прилавок и понаблюдать за кулинарными ритуалами Совы.

— Уверен, вы искренне это говорите. Но тем не менее существует одно природное свойство Земли, которое вам бы определенно понравилось. Одна вещь, которой жители Земли располагают и которую принимают как должное. Мало того, они, может статься, даже о ней не сознают, но вы безусловно ее желаете.— Он сделал паузу, ожидая скептической усмешки Совы.— Вам бы хотелось иметь здесь, на Ганимеде, земное атмосферное давление.

Сова бросил тревожный взгляд на плиту с ее обширным набором накрытых крышками сковородок. Затем он кивнул.

— Все, больше ни слова. Я признаю свою неправоту. Просто загадка природы, почему люди, которые определенно не эволюционируют в отношении блюд из приготовленной пищи, непременно должны считать точку кипения воды в одну сотню градусов по Цельсию идеальной для нужд кулинарии,— он указал керамической ложкой на свои кухонные сосуды.— Я рад видеть, что хотя бы вы понимаете мое затруднение. Если я готовлю с открытыми сковородками, то вода при местном ганимедском давлении имеет точку кипения на тридцать градусов ниже. Если я закрываю их герметичными крышками и готовлю под давлением, я не могу снимать пробы и помешивать так часто, как это необходимо. А ведь постоянное снятие проб существенно важно в кулинарном

искусстве. Снятие проб и помешивание лежат в самом сердце процесса получения тонких привкусов и ароматов. Земные повара в этом смысле уникально счастливы... Однако мы делаем, что можем.— Сова принялся снимать крышки и торопливо перемещать содержимое сковородок в тарелки для подачи на стол.— Еще пять минут сосредоточенных молчаливых усилий — и тогда я предоставлю вам сказать мне, насколько я преуспел.

— Неудачи пока еще не бывало,— Ярроу Гобель понял намек насчет «молчаливых усилий» и побрел в другой конец Совиной Пещеры.

Сова вернулся к своим нелегким трудам. Ярроу Гобель этого еще не знал, но сегодняшний обед, безотносительно к качеству блюд, должен был стать не слишком приятной оказией.

Ибо Сова наконец готов был признать свое поражение. Через генерального инспектора он получил достаточное финансирование для идентификации всех, кто работал с банками данных Паллады и вообще был на Палладе в конце войны. Многие погибли в последнем сражении, а большинство остальных уже умерло — ничего удивительного, ибо это случилось четверть столетия тому назад,— но Сова лично связался со всеми уцелевшими и подробно их расспросил. Никто не смог рассказать ему ровным счетом ничего о стирании данных, касающихся астероида Мандрагора. Никто даже не помнил названия переоборудованного рудовоза «Океан».

Другая блестящая идея Совы также закончилась полной неудачей. Вычисления потребовали целую вечность, но в итоге он все-таки получил траектории спасательных капсул, баллистически запущенных с «Океана» перед тем, как «искатель» его уничтожил. Все капсулы были направлены в сторону Внутренней системы, имея в качестве ближайшей планеты и логического места для приема сигнала бедствия Марс.

Там определенно не было недостатка в сигналах бедствия. Война только что закончилась, и суда, пострадавшие в последних катастрофических баталиях, были разбросаны по всему космосу от Земли до Пояса.

Причем записи о тех сигналах бедствия и спасательных операциях не были утеряны. Они хранились в архивах Цереры. Сова исследовал все записи до единой, проверяя идентификации кораблей, положения капсул и характеристики спасенных. И не нашел

ничего необычного — ничего, что заставило бы его предположить, что хотя бы один из тех спасенных находился в капсуле, выпущенной с «Океана». Тогда он продвинул вычисления и поиск на целых два месяца после окончания войны — на то время, за которое ограниченные запасы кислорода, воды и пищи в любой капсуле гарантированно должны были закончиться. И опять ничего не обнаружил. Отсюда вытекало, что спасательные капсулы с «Океана», куда бы они ни ушли, уцелевших в себе уже не содержали.

Сегодня вечером Ярроу Гобель ожидал доклада о ходе расследования. Свою часть сделки он выполнил: обеспечил финансирование в обмен на периодические визиты в Совиную Пещеру ради деликатесного обеда и обсуждения Великой войны. Однако докладывать, по сути, было не о чем. Никакого «хода» расследование не получило.

Сова начал подносить полные тарелки к приготовленному для них столу.

— Еще две минуты.

— Что это? — Гобель стоял в дальнем конце помещения, изучая плоскую коробочку сантиметров тридцать шириной.— Похоже, что-то новое.

— Действительно, новое — и неожиданное. Подарок Церерского музея. Как оценка той небольшой работенки, которую я проделал, прослеживая судьбу одного пропавшего экспоната. В этой коробочке находится управляющий диск для «Шутихи». Только это и осталось от марсианского флота в сорок кораблей, который принимал участие в битве при Психее. Посылка прибыла, когда я уже готовил обед, так что у меня не было возможности как следует ее изучить. Согласно ярлыку, диск находится в превосходном состоянии, и его, судя по всему, еще можно прочесть. Посмотрите... если вам интересно.

Последняя фраза была попыткой Совы иронизировать. Генеральный инспектор был одержим всеми аспектами Великой войны, и его интерес к диску «Шутихи» был заранее гарантирован. Расставляя блюда на столе, Сова немедленно услышал шелест жесткой обертки, за которым последовал скрип крышки и слабый щелчок.

— Будьте добры принести его к столу,— сказал Свами Савачарья.— Поскорее, пожалуйста.— В его голосе прозвучала редкая

настойчивость.— Этот соус необычайно деликатен. Любая задержка разрушит его букет.

Ответа не последовало. Никакого звука приближающихся шагов. Сова, с соусницей в руках замерший над тарелкой, бросил раздраженный взгляд в другой конец помещения. Одной из причин, почему он мог переносить визиты Ярроу Гобеля, стало то, что генеральный инспектор довольно неожиданно оказался наделен весьма чувствительным нёбом и разборчивостью в еде.

Гобель стоял, склоняясь над открытой коробочкой. Лица его не было видно, но что-то странное присутствовало в его полной неподвижности. Сова поставил соусницу на место, с сожалением взглянул на обремененный блюдами стол и направился в другой конец каземата.

На полпути туда он помедлил. Связь событий была слишком явной, чтобы так просто ее проигнорировать. Неожиданная посылка. Ее обнаружение Ярроу Гобелем. А теперь — молчание и застывшая поза.

— Инспектор? — Сова не стал подходить ближе, а сдвинулся вбок и пригнулся — так, чтобы он смог взглянуть на обращенное вниз лицо.

Гобель снова двинулся, позволяя открытой коробочке выпасть из его ладоней на пол. Сова испытал облегчение, которое тут же испарилось, стоило ему только увидеть лицо генерального инспектора. Оно было пустым, лишенным всякого выражения.

— Где я? — озадаченный вопрос словно бы произнес непонимающий голос ребенка.— Что случилось?

— Вы в полной безопасности,— Сова отступил на пару шагов. Крышка коробочки была по-прежнему приоткрыта.— Сядьте вон в то кресло, справа от вас. Вы знаете, кто вы?

— Конечно, знаю,— голос стал энергичнее.— Я Ярроу Гобель. А вы кто?

— Я Свами Савачарья. Пожалуйста, сядьте,— Сова протянул руку к коммуникационному пульту и стал говорить в ту сторону.— Скорую помощь. Срочно, ко мне. Нет, не могу вам сказать, есть ли по-прежнему опасность — в отношении меня или кого-то другого. Но мне следует предположить, что она еще должна оставаться.— Он снова повернулся к генеральному инспектору.— Итак, Ярроу Гобель, я хочу, чтобы вы сделали то, что я вам скажу. Прежде всего, сядьте и не двигайтесь. К нам очень скоро прибудут гости.

— Хорошо, сэр,— Гобель наконец сел и стал с любопытством оглядывать рассеянное повсюду содержимое Совиной Пещеры.— Какое странное место.

— Вы не помните, вы раньше здесь бывали?

— Нет, я здесь никогда не бывал. Я в этом уверен. А почему я сейчас здесь? Почему я не в школе?

Восемь часов спустя Свами Савачарья запер скользящую дверь каземата, направился к своему любимому креслу и, дрожа, осел в него.

То был вечер множества унижений. Сова мог насчитать по меньшей мере четыре таковых.

Первое: кто-то имел беззастенчивость вторгнуться в неприкосновенное пространство Совиной Пещеры с тем, что можно было расценить только как опасное оружие. Следовало признать, что медперсонал Ганимеда не обнаружил у Ярроу Гобеля каких-либо физических повреждений. Они идентифицировали синтетический нейропередатчик, извлеченный из посылки, и теперь работали над расшифровкой молекулы, которую этот передатчик запустил генеральному инспектору в мозг через гематоэнцефалический барьер. Они также утверждали, что со временем — скажем, месяцев через пять-шесть — Гобель полностью восстановит свою память и свой взрослый разум. Тогда он уже не будет тем восьмилетним ребенком, который приветствовал их сегодня вечером в Совиной Пещере.

Но на этом оскорбления не закончились.

Второе: самого Свами Савачарью, бурно протестующего, выволокли из пещеры и подвергли унизительной серии физических и психиатрических тестов. Это закончилось только после того, как Сова, дабы доказать ясность своей памяти, процитировал несколько интересных страниц из личного компьютерного досье на своего главного мучителя.

Третье: желая отвлечь от себя внимание, Сова вынужден был пойти на умышленную ложь. Он сказал сотрудникам службы безопасности, что посылка была предназначена для ее инспекции Ярроу Гобелем. Сам Гобель был не в том положении, чтобы выразить несогласие, а на всем Ганимеде не удалось обнаружить никого, кто признался бы в доставке посылки или хотя бы о ней

слышал. Но тем не менее это была ложь, а следовательно, поступок, недостойный Свами Савачарьи.

Четвертое: мир и покой в голове у Совы был непоправимо нарушен. Многие годы он думал, что Совиная Пещера — абсолютно безопасное укрытие. Теперь это уже было не так. Следовало ли ему в таком случае отсюда сбежать? И если да, то куда? Сова не мог придумать ничего безопасней пещеры — никакого места, чьи входы, выходы, слепые пятна и тайники он знал бы лучше. В то же самое время, если он останется в Совиной Пещере, тогда ему придется признать, что он может стать в буквальном смысле сидячей мишенью для нового нападения.

Сова оглядел свой многолетний дом, остановил взгляд на обеденном столе и добавил к перечню оскорблений своей персоны пятое: святотатственное кощунство. Кулинарный шедевр был непоправимо разрушен, прежде чем он или Ярроу Гобель успели попробовать хотя бы кусочек. Если бы он только попросил генерального инспектора подождать и открыть посылку после обеда... но тогда Сова с большой долей вероятности оказался бы достаточно близко, чтобы разделить с Гобелем содержимое посылки.

Пора было заканчивать сетовать и начинать думать. Итак, кто и почему?

Прежде всего, мишень нападения. Предположительно, сам Свами Савачарья — но вовсе не обязательно так. Визит Ярроу Гобеля не был секретом; кто знал, скольким людям сам Гобель об этом рассказал? И генеральный инспектор немного опоздал, прибыв вскоре после того, как посылка была подброшена в Совиную Пещеру рассыльным «фон Нейманном». Впрочем, если бы Гобель прибыл вовремя, он все равно получил бы посылку, поскольку Сова был занят приготовлением пищи, а зная интересы генерального инспектора, не могло быть никаких сомнений, что он немедленно пожелал бы осмотреть доставленный диск.

Так что мишенью мог быть или Савачарья, или Гобель, или они оба. Однако инстинкт подсказывал Сове, что в данном случае целились именно в него. Если бы эти люди заодно прихватили и Гобеля, они, надо полагать, не сильно бы расстроились.

Но почему?

Имелось только два правдоподобных мотива, ибо Сова был связан только с двумя новыми предприятиями: он нащупывал путь назад во времени — к пассажирам и грузу злополучного «Океана».

выискивая причину его бегства с Мандрагоры и уничтожения одним из собственных орудий Пояса. И он пытался найти в пределах системы Юпитера тайного противника Сайруса Мобилиуса.

У Совы уже начали складываться кое-какие идеи касательно второй проблемы, но об этом никто не должен был знать. Он ни с кем по этому делу не разговаривал, а Сайрус Мобилиус пообещал строгую секретность.

Это, разумеется, не означало, что Мобилиус с необходимостью ее обеспечил. Первое правило совиного анализа имело непосредственное следствие: «Не существует такой вещи, как надежная персона,— есть лишь разные степени ненадежности». И отсюда вытекало еще одно непосредственное следствие: «У каждого — своя программа».

Так что, вполне возможно, Мобилиус с кем-то переговорил — или даже был непосредственным участником нападения. Но это была довольно маловероятная версия. Линия мысли, которая выглядела для Совы наиболее правдоподобно, включала в себя «Океан». Что заключало в себе подлинную иронию, ибо этим самым вечером он готов был бросить эту охоту как безнадежную и бесцельную.

Но если кто-то так хотел оставить знание о прошедших событиях скрытым, что отважился атаковать его напрямую...

Сова сгорбился в своем кресле. На его недавно побритый череп был натянут черный капюшон. Пока что все вроде бы шло как надо, но он упускал из вида что-то важное.

Ага, сама атака. Она была какой-то... нерешительной. Коробочка такого же размера могла вместить в себя достаточно взрывчатки, чтобы обратить в пар Сову, Гобеля и все в Совиной Пещере. Однако вместо этого было использовано оружие, которое не являлось ни смертельным, ни физически вредоносным. Более того — если верить медикам, нанесенный им ущерб даже не являлся необратимым.

Сова поднялся с мягкого сиденья и заковылял к коммуникационному терминалу. Он отменил все запросы на финансирование всего, связанного с «Океаном» или с периодом, близким к концу Великой войны. Затем Савачарья написал две докладные записки Магрит Кнудсен. Одна недвусмысленно заявляла, что его недавние расследования Великой войны оказались бесплодными, другая подчеркивала, что он больше не может тратить на них ни

времени, ни средств. Наконец Сова стер из компьютера все файлы, содержащие информацию об «Океане», Мандрагоре, банках данных Паллады и траекториях спасательных капсул.

После чего он забрался в каталог «Мегахиропс», спрятанный под семью слоями внутренних указателей и рассчитанный на сопротивление самому изобретательному, могущественному и настойчивому компьютерному взломщику. Все файлы, связанные с «Океаном», были уже скопированы туда и надежно защищены от прочтения и переписывания.

Свами Савачарья отнюдь не закончил с «Океаном». Уже нет. Если уж на то пошло, он это Ярроу Гобелю задолжал.

Но теперь следовало уйти в глубокое подполье.

14
КАМИЛЛА ПРЕДПРИНИМАЕТ ПРОВЕРКУ

Деньги и влияние, влияние и деньги — с ними ты могла ходить по воде, дышать вакуумом, воскрешать мертвых. Мало того, ты даже могла получить приоритетный высокоскоростной корабль от «Абаки» до Европы, когда все стандартные манифесты заявляли, что еще много недель ничего доступного в твоем распоряжении не окажется.

Все предыдущие двадцать семь лет своего существования Камилла Гамильтон не обладала ни деньгами, ни влиянием. Она даже не знала, что подобная власть вообще существует.

Но теперь это ощущение ей определенно нравилось.

Буквально расцветая от предоставленного ей неограниченного кредита Сайрусом Мобилиусом и допуска на Европу, полученного Хильды Брандт, Камилла наблюдала, как стены бюрократии с грохотом рушатся.

Отправиться на Европу, чтобы послужить сразу и Мобилиусу, и Брандт? Просто класс!

— Но безусловно, мэм, корабль может быть предоставлен вам через трое суток... нет, пусть будет двое суток.

Одни сутки, если Камилла пожелала бы смириться с неудобствами одноместного корабля. А если она готова была отправиться прямо сейчас? Тогда как насчет восьми часов — будет ли это достаточно скоро для ее потребностей?

Не будь это настолько подкрепленное властью путешествие, все это сильно бы озадачивало. И, понятное дело, когда расписание полета было одобрено и корабль уже подходил, Камилла вдруг обнаружила, что не готова лететь. Нежданный сигнал лучился от ее персонального идентификатора на «Абаке» — сигнал, пришедший аж из самого центра РСН.

Похоже, тайный эксперимент Камиллы, который она оставила в глубоком фоновом режиме, давал результаты, и результаты эти оказывались настолько странными, что компьютеры РСН, даже поддержанные ее Факсом третьего уровня, не знали, что из них извлечь. Камилла тоже. Она быстро их просмотрела, увидела, что программа наблюдения в далеком инфракрасном диапазоне выдает пики данных, не соответствующие никаким сигнатурам в справочниках, и решила, что озадачена не меньше собственного Факса. То, в чем нуждался мир, был Факс шестого уровня — более компетентный и сообразительный, чем сама персона.

Камилла сгрузила данные в том виде, в каком они пришли, в накопительное устройство высокой плотности. Они смогут отправиться вместе с ней на Европу, а по пути она проделает самый что ни на есть добросовестный их анализ.

Как раз в этот момент прибыл корабль, и Камилла испытала второе потрясение. Она согласилась на одноместное судно, рассчитывая вылететь с «Абаки» на автопилоте. Затем она сама посадила бы его на Европу.

Но нет. Такой вариант не годился для воротилы Пояса высокого ранга, который, очевидно, имел связи и с Сайрусом Мобилиусом, и с Хильдой Брандт. Это должна была быть особая служба.

Поэтому корабль прибыл со своей собственной, совершенно ненужной командой: пилотом Сильваной Верзиллой. Здоровенная, веселая, сплошь торс и зубы, Верзилла идеально соответствовала своей фамилии. После первых же нескольких ее слов Камилла убедилась, что Верзилла готова сделать все, что госпожа только пожелает. Это дало ей некоторое представление о том, какой тип путешествия предпочитают некоторые чиновники Генеральной Ассамблеи Юпитера.

Быть может, все было бы не так уж и плохо, будь пилот Верзилла мужчиной.

Камилла покрепче прижала свой пакет с данными к груди, увернулась от слишком уж дружелюбной руки, которая попыталась помочь ей забраться на борт, и сама залезла в кабину.

— Сколько продлится полет до Европы? — спросила она через плечо.

Верзилла рассмеялась.

— Сколько госпожа пожелает. Шесть часов — или шестьдесят.

А после того, как они доберутся до Европы? Пилот по-прежнему будет рядом — нежеланная пара рук, а также, без сомнения, других частей тела. Камилла кивнула в сторону иллюминатора, где сплошь покрытая шрамами поверхность Каллисто заполняла три четверти небосклона.

— Мне нужно там кое-что подобрать. Что, если мы по-быстрому туда заскочим перед главным полетом?

— Никаких проблем. Я просто добавлю это к запрограммированному полетному плану. У меня одни желания — ваши команды.

«Вот так космическая прогулочка»,— подумала Камилла. Впрочем, все это безобразие не было виной пилота. Сильвана Верзилла всего лишь выполняла то, что от нее ожидали, за что ей платили. Камилла решилась. Пилот Верзилла могла сделать еще одну вещь, чтобы отработать свое жалованье.

За время пятнадцатиминутного броска с «Абаки» к космопорту Каллисто Камилла в темпе составила список личных вещей, которые понадобятся ей на Каллисто. После того как они приземлились и уютно устроились на стоянке, Камилла подошла к люку, постояла там, и на лице у нее выразилось сомнение.

Это заняло всего несколько секунд.

— Есть проблемы? Я могу чем-то помочь? — Верзилла тут же оказалась у нее под боком, их плечи соприкасались.

— Нет, ничего такого, просто я не знаю дороги по этому космопорту.— Камилла пыталась выглядеть хрупкой и беззащитной, но прикидывала, что ей удастся только одно из двух.— Может пройти очень много времени, прежде чем я найду то, что мне нужно. А нужна мне всего-навсего вот эта вот ерунда.

Камилла протянула нацарапанный на бумажке список и тридцать секунд спустя наблюдала, как пилот Верзилла ухмыляется ей на прощание и направляется по поверхности спутника к зданию космопорта.

Потребовалось еще пять минут и очередное магическое заклинание с именами Мобилиуса и Брандт, прежде чем Камилла была допущена к взлету.

На душе у нее было скверно от того, как она обошлась с Верзиллой. Но не очень скверно.

Когда Камилле потребуется пилот-приятель, с которым можно будет переспать, она, черт побери, запросто себе такого найдет.

Путешествие на Европу заняло скорее девять часов, чем те шесть, которые ввела в компьютер пилот Верзилла. Но даже в это дополнительное время у Камиллы не было никакого шанса изучить данные, присланные ей из центра РСН. У нее в списке имелась масса других вещей. Камилла должна была подготовиться к решению главной задачи: оснащению Европейского океана «мобилями».

Она уведомила космопорт горы Арарат о своем входе в сферу влияния Европы, но указала, что на данный момент не имеет намерения приземляться. Сперва ей хотелось осмотреть лежащий внизу мир. Камилла опустила корабль до пятидесяти километров, положила его на прецессионную орбиту, которая в итоге обвела бы его вокруг всего спутника, и устроилась поудобнее для сеанса наблюдения.

Возможно, она проявляла упрямство. Из всех обращенных к ней в центре РСН замечательных слов Сайруса Мобилиуса, одно постоянно всплывало у нее в голове. Еще и импульсивна? Он ее в этом обвинил. Временами — без сомнения импульсивна. Камилла попыталась представить себе физиономию пилота Верзиллы, когда та вернется и обнаружит, что и Камилла, и корабль исчезли.

Итак, упряма и импульсивна. Но когда дело доходило до непосредственного размышления и нудного, тяжелого труда, требуемого для выполнения задания, Камилла не стала бы второй ни за кем в Солнечной системе. Так что она подстроила фокус и принялась за работу.

Крутящийся внизу шар имел два заметно различных типа поверхности. Один тип был темным и грубым, испещренным пятнами старых метеоритных кратеров всех размеров. Другой был ярче и выглядел более однообразным, однако его буквально исполосовывали длинные, узкие гребни льда. Эти гребни имели сотни километров в длину, но лишь десятки метров в вышину. Они также громоздились друг на друга, образуя беспорядочный сетчатый узор подобно ниткам, как попало обтягивающим мячик.

Оба типа европейской поверхности имели одну общую черту. Издали они выглядели очень гладкими, но путешествие по этой поверхности независимо от типа стало бы просто дьявольщиной.

Теперь Камилла понимала недостаток интереса к детальным поверхностным картам Европы. Они были бы попросту бесполезны. Она вообразила, как едет по этой местности. Путь через каждые несколько километров прерывался бы крутыми спусками, расщелинами и вертикальными стенами льда. Никто не проехал бы по Европе достаточно далеко, если не считать участка поблизости от горы Арарат и еще нескольких мест, где поверхности случилось оказаться необычно гладкой и ровной.

Детальные поверхностные карты стали бы пустой тратой времени еще по одной причине. Система трещин и ледяных гребней была достаточно заметной, и ее легко было нанести на карту с орбиты. Но как насчет ее постоянства? Под воздействием приливных сил все эти трещины и гребни должны были медленно, но неуклонно сдвигаться. Только океанское дно, находящееся далеко вне поля зрения под жесткой оболочкой, должно было долгие периоды времени оставаться неизменным.

После четырех часов наблюдения Камилла уже увидела достаточно. И приняла решение. Все точки размещения «мобилей» должны будут выбираться согласно рельефу океанского дна. Это была еще одна «деталь» задания, о которой Мобилиус не потрудился упомянуть. Причем данная деталь подразумевала доступ к потаенному океану Европы, в котором Хильда Брандт Камилле начисто отказала.

Однако эти карты морского дна могли иметься в банке данных Европы, равно как и другая информация относительно глубины льда и апвеллингов, которая также требовалась Камилле. Одно было совершенно ясно: на орбите она никогда не получит того, что ей нужно.

Камилла запросила разрешение на посадку. На следующем же витке голубой коммуникационный луч протянулся вверх, взял контроль над судном и направил его по маршруту к мягкой посадке в самом центре космопорта горы Арарат.

— Прежде чем вы выйдете наружу, вам следует надеть скафандр отклонения потока частиц,— произнес твердый голос из коммуникационного пульта в момент контакта.— Наружная окружающая среда в настоящее время не защищена. Вездеход вас ожидает.

Камилла уже была в скафандре. Она направилась было к люку, но в последний момент повернулась, прихватила накопитель с экспериментальными данными из центра РСН и сунула его во внутренний карман скафандра. Вполне возможно, на эти данные еще очень долго не будет надежды взглянуть, но потерять их Камилла никак не хотела. Кто-то еще мог пробраться на этот корабль и угнать его с такой же легкостью, с какой это сделала она.

Ее первый наземный взгляд на поверхность не соответствовал впечатлению с орбиты. Камилла ступила на гладкую каменную равнину, вогнутую и полого идущую вверх к закругленному краю, быть может, в километре оттуда. Не наблюдалось никаких признаков изломанных ледяных гребней. Забираясь в пустой вездеход, Камилла поняла, почему. Она находилась точно в центре гладкой чаши космопорта; остальная часть спутника была скрыта за его стенами.

Неважно. Очень скоро она его увидит.

Через две минуты Камилла выяснила, что насчет этого она ошибается. Вездеход зафиксировал ее присутствие и покатил прочь, но он отнюдь не направился вверх по склону к гребню модифицированного кратера. Вместо этого машина проехала, быть может, полмили мимо беспорядка заброшенных посадочных площадок для десантных судов и ярко раскрашенных резервуаров, а затем стала спускаться по тоннелю в скалистой стене.

— Скафандр отклонения частиц теперь можно снять,— произнес тот же бесстрастный голос.— Уровни радиации окружающей среды удовлетворительные.

Камиллу озадачило отсутствие блок-постов. Учитывая европейскую заботу о недопущении заражения, она ожидала, что ее сразу же встретят, расспросят и, может статься, даже обследуют. Однако прибытие на Европу повлекло за собой еще меньше волокиты, чем прибытие на Ганимед.

Ответ пришел к ней, пока Камилла снимала скафандр. Контроль здесь гарантировался планетарной структурой. Твердый Ганимед был испещрен пещерами, тоннелями и шахтами лифтов, но он имел сотни входных точек в свои недра. А на Европе находился только один космопорт и только одно поселение. На заранее запрограммированном вездеходе каждый визитер направлялся через единственный входной канал. Если вы только не были достаточно безумны, чтобы направиться пешком прочь от корабля, на котором вы прибыли, больше вы никуда добраться не могли.

А отсутствие встречающих имело смысл совсем по другой причине. «Гора Арарат» была научно-исследовательским учреждением, а очень немногих ученых и инженеров обычно интересует разный там этикет и политес. Камилле такое отношение было хорошо знакомо, и она вполне ему симпатизировала. Всякий ученый, которому пришлось бы потратить время на заботу о вновь прибывающих, занялся бы этим с крайней неохотой — считая, что это время крадут у его драгоценных теорий или экспериментов.

Если не считать того, что мужчина, ожидавший в месте последней остановки вездехода, похоже, опровергал прикидки Камиллы. Он был невысокий, крепкий и мускулистый, с помятой физиономией грабителя-неудачника. На его покрытом шрамами лице определенно светилась улыбка — не совсем улыбка радушия, но... чего? Облегчения? Впрочем, неважно. Любая улыбка было лучше на все согласной ухмылки пилота Верзиллы.

— Меня зовут Базз Сандстрем. Я заместитель директора базы «Гора Арарат».— Мужчина протянул руку, которая целиком поглотила ладошку Камиллы.

— Камилла Гамильтон.

Сандстрем кивнул.

— Я так полагаю, вы порядком устали после вашего путешествия. Предлагаю вам начать с еды и отдыха.— Он повел ее дальше по тоннелю. Стены становились все глаже, и вскоре Камилла заметила, что местами в них встроены металлические двери, но пол и потолок оставались голым и недекорированным камнем. Камилла одобрительно кивнула. Именно так и должна была выглядеть научно-исследовательская станция — просто и функционально, как место для великого множества напряженной работы.

Они шли все дальше и дальше, пока Сандстрем наконец не ввел Камиллу в небольшую комнатку, где имелись только койка, стол и единственный стул.

— Здесь все ваше. Будьте как дома. Уверен, вы жаждете прямо сейчас присоединиться к вашим коллегам, но в данный момент это невозможно.

Поймав озадаченный взгляд Камиллы, Сандстрем неверно его истолковал.

— Они по-прежнему в погружаемом аппарате, подо льдом. Не волнуйтесь, они в полной безопасности. Припасов у них достаточно,

чтобы пробыть под водой несколько недель, если они, конечно, того захотят.

«Коллеги,— подумала Камилла.— Погружаемые аппараты. Путешествия подо льдом».

— А кто там сейчас внизу? — Она почувствовала какой-то прокол.

— Джон Перри и Вильса Шир. Никто не сказал нам, что Вильса — квалифицированный юпитерианский пилот. Знаете, как эти два шутника меня разыграли? — На лице у Базза Сандстрема появилось выражение досады.

— Погодите минутку.— Камилла не могла допустить, чтобы это непонимание продолжалось.— Кто такая Вильса Шир, я знаю — она знаменита. Но я даже никогда не слышала о Джоне Перри.

— Но разве вы не по тому же самому...— Сандстрем уставился на Камиллу.— Вводная запись показывает, что вы прибыли сюда с одобрения доктора Брандт, как и те двое.

Камилла выудила из кармана свою карточку с визой одобрения и протянула ее Сандстрему. Тот ее осмотрел.

— Полный порядок,— он вернул карточку назад.— Итак, вы получили одобрение. А что, сразу две группы будут проверять наличие на Европе аборигенных форм жизни? Никто мне об этом не говорил.

Крутой прокол.

— Я здесь вовсе не за тем, чтобы искать аборигенные формы жизни.

— Что? Тогда зачем же вы здесь?

— Чтобы собрать информацию. О глубинах океанского дна. О толщине льда.— Лицо замдиректора менялось, пока Камилла излагала свои задачи, но теперь останавливаться уже было нельзя.— О прозрачности воды. О температурах. Все это мне потребуется, прежде чем я пойму, где следует разместить большие «мобили». Это входит в проект трансформации Европы.

Тут Камилла выложила другой свой туз — одобрение неограниченного кредита от Сайруса Мобилиуса. Но, как она и опасалась, на Европе ценность всех карт уже изменилась. Сандстрем бросил один быстрый взгляд на кредитную карточку, и стало очень похоже, что он готов плюнуть в лицо Камилле.

— Вы хотите сказать, что работаете на Сайруса Мобилиуса? Не понимаю, как вы осмелились здесь показаться. Вот ублюдок!

Он пытается разрушить для нас все — загубить всю работу, которую мы все эти годы проделывали. Позвольте мне еще раз взглянуть на разрешение доктора Брандт.

Камилла молча вручила ему карточку со штампом и стала наблюдать, как Сандстрем подвергает ее куда более тщательному осмотру.

— Ничего не понимаю. Она подлинная.— Он уставился на Камиллу.— Вы друг доктора Брандт?

— Доктор Брандт лично и непосредственно дала мне разрешение прибыть на Европу.— Данный момент не казался Камилле подходящим для строгого и точного ответа о степени дружбы.

— Не могу понять, почему. Но она наверняка не давала вам разрешения спускаться по Вентилю и начинать обгаживать океан.— Сандстрем шлепнул карточку обратно Камилле на ладонь.— Первый раз я не посмотрел, но здесь ясно сказано: допуск к базе «Гора Арарат» и к нашим архивам, а также к замерзшей поверхности. Удачи вам, если вы достаточно безумны, чтобы отправиться по ней погулять. Но это все. Никакого доступа к Вентилю или к жидкому океану.

— Я знаю. Как мне получить доступ к местным базам данных?

— Не спрашивайте меня, леди. Это уже ваша проблема.— Базз Сандстрем волком глянул на Камиллу.— Я уже потратил куда больше времени, помогая вам, чем собирался. А знаете, у вас чертовски крепкие нервы. Вы заявляетесь сюда готовить катастрофу, которая превратит Европу из храма науки в свиное корыто для алчных дельцов,— и ожидаете, что мы станем вам помогать. Вы можете остаться — раз у вас есть разрешение, не в моей власти заставить вас отсюда свалить. Но будь я проклят, если хоть пальцем шевельну ради вашего удобства. И я также позабочусь о том, чтобы все сотрудники «Горы Арарат» знали, зачем вы здесь.

Сандстрем еще какое-то мгновение упирался огненным взором в Камиллу, а затем повернулся и направился прочь. У дверного прохода он в последний раз обернулся.

— Знаете, что я думаю? Я думаю, лучше бы вам прямо сейчас на хрен отсюда убраться. Просто проваливайте — и точка.

Камилла рухнула в кресло. «Добро пожаловать на Европу»,— подумала она.

Тут ей вспомнились слова Дэвида Ламмермана: «По сути, Мобилиус удостаивает тебя вотума доверия. Но не думай, что это означает простое решение проблемы...»

Достаточно справедливо. Но что ей требовалось делать, когда решение становилось решительно невозможным?

Следующие двадцать четыре часа Камилла бродила по коридорам и помещениям «Горы Арарат», постепенно осознавая, что ее репутация обгоняет ее. Базз Сандстрем осуществил свою угрозу. Что именно он сказал, можно было только догадываться, но люди отворачивались от Камиллы с такими лицами, точно она несла с собой чуму Великой войны. Они готовы были сказать ей, где она может найти еду — но и только. Выражения их лиц недвусмысленно намекали Камилле топать назад к кораблю и возвращаться на Ганимед.

После многих часов одиноких усилий она сумела найти коммуникационный узел и попыталась связаться с Хильдой Брандт. Директор научно-исследовательского центра по-прежнему находилась на Ганимеде.

Камилла сделала звонок. Что ей было терять? Она готова была перепробовать все, а худшее, что могла сделать Брандт, это приказать ей покинуть Европу. Камилла прождала в коммуникационном центре шесть часов, пока не прочла там все до последней буквы и цифры. Отклик на ее звонок так и не пришел. Это само по себе кое о чем говорило.

Тогда Камилла напялила скафандр и побрела назад к пустынной зоне приземления. Вездеходы стояли в надежно защищенных гаражах. Она осмотрела пару штук и нашла их в отличном рабочем состоянии, полностью заправленными горючим. Управление там также было несложным — ничего такого, с чем бы Камилла не справилась; но ей некуда было отправиться.

Наконец Камилла пешком поднялась по покатому склону кратера к его закругленному краю, затем перелезла через него и стала спускаться по склону горы Арарат, пока голый камень не сменился неровным льдом. Она прошла несколько сотен метров, пытаясь прикинуть, насколько тяжело будет вездеходу одолеть то, что она увидела. Там была масса холмов и впадин, но ни одного зазубренного гребня или расщелины, которые испещряли большую часть поверхности Европы.

Камилла чувствовала под ногами хруст сжимающегося материала. Тогда она нагнулась пониже для более близкого осмотра.

Это был водяной лед, однако верхние несколько сантиметров имели странную структуру — гранулированную и губчатую. Тысячелетия бомбардировки протонами и более тяжелыми ионами серы словно бы просеяли верхние слои через сито, оставляя там пористую плиту, которая хрустела и подавалась под весом Камиллы. Это была европейская версия реголита, крошащийся наружный слой, измочаленный бесконечными ударами. Лед был сравнительно тверд, и Камилла могла свободно двигаться по нему к ледяным гребням и долинам с крутыми склонами. Но что было толку в бесцельном брожении? Камиллу интересовало то, что лежало подо льдом, а не поверх него.

Дело казалось совершенно безнадежным. Камилла была готова сдаться. Вот только она нипочем не смогла бы выдержать холодного принятия Мобилиусом ее неудачи или — быть может, еще хуже — понимающей улыбки Дэвида.

Камилла с мрачным видом вернулась в недра горы Арарат и направилась к кафетерию, чтобы в одиночестве там перекусить. Еда имела привкус пепла, хотя она определенно была не хуже той, что подавали в центре РСН. Камилла оставила половину тарелки недоеденной и снова пустилась дальше, одержимо бродя по смутно освещенным внутренним коридорам. Новости о ее передвижениях невесть как шли впереди нее. Персонал научно-исследовательской станции составлял двести человек, но за все свои блуждания Камилла встретила только пятерых.

Наконец она в четвертый раз пришла к компьютерному центру и без проблем зарегистрировалась. Условия были одни и те же для всей системы. Но, как и раньше, вскоре Камилла оказалась в тупике. Она не могла получить никакой требовавшейся ей информации. У нее не имелось ни собственного пароля, ни знания местной сети, а потому доступ она получала только к файлам с данными самого общего характера. В этих файлах присутствовали издевательские намеки на то, что нужные ей сведения из европейской географии где-то имеются. Но где?

Тогда Камилла начала рыться во всех файлах подряд, как попало их просматривая. Решающий прорыв, когда он наконец пришел, выглядел таким пустяком, что она сперва и не поняла, что получила нечто существенное.

Пара закрытых файлов не просто отвергала ее запрос на вход. Вместо этого они выдавали в ответ сообщение: «Общий доступ

запрещен. Если вы пользователь от Е-1 до Е-4, нажмите клавишу отмены, чтобы инициировать передачу данных». Камилле понравилась идея использовать клавишу отмены для доступа к банкам данных. Это было именно то, что ей требовалось. Но как пользователь получал подобную привилегию? Кто были эти счастливцы, мистер Е-1 и мисс Е-4, которых допускали в закрытые файлы?

Об этом Камилла понятия не имела. А имела она лишь смутное воспоминание о том, что те же самые символы использовались где-то в коммуникационном центре. Тогда она снова направилась туда — еще одна прогулка длиной в полмили по недружелюбным коридорам «Горы Арарат» — и приступила к охоте.

В конце концов Камилла их обнаружила — в самом невероятном месте. Они были приколоты к стене, составляя часть списка частот сигналов специального назначения. А это означало, что Е-1 и трое других не были индивидуальными идентификаторами пользователей банков данных; это должны были быть места, куда сигналы посылались и откуда они принимались с использованием именно этих присвоенных частот.

Таким образом, оставался только один вопрос: где? Не на «Горе Арарат» — это точно. И не в какой-то отдаленной точке системы Юпитера тоже, поскольку с неевропейскими коммуникациями обращались посредством той же самой общей коммуникационной сети, которую Камилла использовала, чтобы сделать свой безуспешный звонок Хильде Брандт.

Тогда Камилла создала сообщение, которое ровным счетом ни о чем не говорило, и обозначила Е-1 в качестве его адресата. Это произвело неожиданный эффект. На экране у Камиллы выскочил какой-то женский Факс второго уровня.

— Геометрия неблагоприятна для передачи,— вежливо сказал Факс.— Желаете ли вы все равно послать сообщение или подождете и передадите его немного позже?

— Возможно, я неверно назвала адресата. Можно ли уточнить его местоположение?

— В какой форме?

Великолепный вопрос, ибо Камилла понятия не имела, какой у нее имеется выбор.

— Место?

— Название места или координаты?

— И то, и другое.

— Заданный вами адресат сообщения называется «Суб-Юп». Его координаты — один градус северной широты, два градуса восточной долготы. Вы желаете передать сообщение?

— Я подожду.— Камилла прервала связь. Итак, теперь она знала, где именно располагается Е-1 — по другую сторону Европы, которая была обращена к Юпитеру. Сообщения должны были проходить через пару спутников связи, и в настоящий момент эти спутники, очевидно, находились в неудачных положениях на орбитах. И Е-1 должна была представлять собой точку доступа лагеря «Суб-Юп» к компьютерным системам, узлом, расположенным вне базы «Гора Арарат». Для Камиллы это был первый намек на то, что внебазовые лагеря вообще существуют.

Но это казалось вполне разумным. Если научные сотрудники имели обыкновение оставаться на льду на целые недели или даже на месяцы, им по-прежнему требовался доступ к банкам данных. И, если верить внутренним указателям, внебазовые пользователи могли читать все данные, даже если они и не могли писать никуда, кроме как в собственные файлы.

Но Камилле только и требовалось, что читать и записывать то, что она читает.

Она в темпе послала то же самое несуразное сообщение двум другим адресатам. Одной славной особенностью Факсов низкого уровня было то, что они никогда не замечали повторяющегося образца поведения и не начинали задавать о нем вопросов. Е-2, как и Е-1, оказался по ту сторону Европы и далеко вне досягаемости. Камилла могла отправиться туда на корабле, но у нее не оказалось бы возможности приземлиться. Е-3 находилась поблизости, зато была у самого Вентиля, где присутствие Камиллы наверняка возбудило бы нежеланное внимание и вмешательство. Четвертая точка, Е-4, находилась дальше за Вентилем — почти в шестидесяти километрах от базы «Гора Арарат». Туда было бы нелегко добраться даже на вездеходе; но это была единственная надежда Камиллы на какой-то прогресс. К тому же — большой плюс — согласно Факсу, в настоящее время станция «Скагеррак» была никем не занята. Если Камилла туда доберется, она сможет работать без помех.

Итак, она держала в руках если не ключ, то по крайней мере отмычку к проблеме. Однако на сей раз Камилла твердо была настроена не проявлять импульсивности. Слишком многое стояло на кону. Она отключила коммуникационную систему, вернулась в

свою отшельническую клетку и легла в постель. Если мысль о том, чтобы предпринять путешествие до внебазовой станции, по-прежнему покажется достойной попытки часиков через десять, Камилла эту попытку предпримет.

А если нет?

Она все равно сможет туда отправиться.

Камилла проспала пять часов, проснулась с бешено работающим мозгом, металась на койке еще минут тридцать, наконец сдалась.

Лучше было это признать — она уже настроилась.

По пути к вездеходам Камилла не встретила ни души. Она была склонна думать, что это хороший знак. Забравшись на борт, Камилла снова проверила резерв энергии и припасов — вполне достаточный — и запустила мотор. Задействуя колеса и полозья, вездеход запыхтел вверх, перевалил через закругленный край кратера и сполз вниз по склону холма, после чего заскользил по льду.

Для нормальной поездки на вездеходе шестьдесят километров было совсем недалеко — от силы часовая прогулка; но Камилле хотелось обогнуть Вентиль, а кроме того, у нее имелась очень слабая надежда на то, что она сможет проследовать по прямому маршруту. Слишком уж неровной и изломанной была поверхность Европы. В течение первых же десяти минут Камилла наткнулась на одну трещину, слишком широкую, чтобы ее пересечь, и еще одну, слишком глубокую, чтобы увидеть дно. Она ехала медленно и осторожно, объезжая все, что представлялось слишком крутым, чтобы стать опасным.

Камилла прикинула, что доберется до станции «Скагеррак» часов через семь-восемь. Чувствовала она себя по-настоящему славно. Камилла казалась себе спокойной, все просчитывающей и предельно осторожной. Она с негодованием отвергала мысль о своей импульсивности.

Камилле никогда не приходило в голову, что импульсивность представляет собой лишь один из многих способов делать глупости.

15
ИГОЛКА В ЛЕДЯНОМ СТОГЕ СЕНА

Потеря первого молочного зуба. Момент, когда ты смотришь в зеркало и впервые понимаешь, что в нем ты.

Первое серьезное свидание. Первая любовь и первая утрата. Единственный незваный седой волосок. Всегда и для всего существует первый раз.

С медленно захлестывающим ее ужасом Нелл Коттер понимала, что проходит через очередной такой первый раз.

— Знаете, я понял это в тот самый момент, когда впервые ее увидел,— говорил Тристан Морган с лицом настолько несчастным, насколько позволяли его бурундучьи щеки.— Я сказал себе: эта женщина для меня, и другой я не захочу, даже если проживу десять тысяч лет. Наверное, отчасти это должно было произойти еще до нашей встречи, потому что, когда я слушал музыку Вильсы, я чувствовал, что она обращена ко мне одному. А потом я наконец-то действительно с ней познакомился и, кажется, тоже ей понравился. Поэтому потерять ее вот так, в какую-то долю секунды...

Тристан изливал свою душу. Но не так, поняла Нелл, как он делал бы это перед своей ровесницей.

Нет. Он открывался Старой Матушке Коттер, даме опытной и понимающей, а главное — немыслимо древней. Питер Пэн консультировался с какой-то сморщенной, дряхлой каргой, которая впервые в жизни чувствовала себя «гораздо старше двадцати».

Нелл хотелось тряхануть Тристана за плечи и прорычать: «Эй, плакса-вакса, погоди-ка минутку. А как насчет меня? Я ведь тут, знаешь ли, тоже не совсем в стороне. Что, если я к Джону Перри те же самые чувства испытываю?»

Вместо этого она кивнула и сказала:

— Не сдавайтесь. Мы уже перескочили к выводам, но мы можем неверно истолковывать ситуацию. Подождите, пока мы снова с ними не увидимся и не выслушаем, что они со своей стороны нам расскажут.

А это, как ни прискорбно, означало, что Нелл была еще старше и закаленней, чем Тристану казалось. Потому что она ни секунды не верила, что здесь могло быть какое-то недопонимание. То, чему они стали свидетелями, представлялось классической молниеносной вспышкой обоюдного влечения, за которой последовал разрыв прежних связей и мгновенный сброс старого балласта в виде Нелл и Тристана.

А когда ты признаешь этот факт, тебе приходится сталкиваться с другим: если тебе требуется горяченькая история о Сайрусе Мобилиусе и Европейском термоядерном проекте, ты больше не

сможешь кататься у Джона Перри на закорках, чтобы ее заполучить. Придется тебе собственный путь отыскивать.

Новая мысль? Вовсе нет. Она звенела в голове у Нелл задолго до того, как Тристан Морган начал сновать по системе Юпитера, пытаясь лихорадочной активностью утешить свои расстроенные чувства. Нелл отправилась вместе с ним, чувствуя, что нечто серьезное должно случиться в мире спутников Юпитера — нечто такое, из чего выйдет чертовски захватывающая история. Она была в этом уверена. Ощущение нескольких сил, сходящихся в незримом фокусе, приходило к Нелл и раньше, с полдюжины раз, и она всегда оказывалась права. Наверное, именно это и имел в виду Глин Сефарис, когда говорил о том, что у Нелл есть способ «оказываться на месте событий».

Нелл чувствовала это сейчас, и линии сил неуклонно сближались. Однако ее ощущение неотвратимого действия не могло подсказать ей, что будет лежать в точке фокуса. Пока что Нелл не обнаружила ничего стоящего для репортажа. Были мелкие интересные моменты — например, способ, посредством которого «фон Нейманны» использовались по всей системе Юпитера в ситуациях, когда земные рабочие автоматически предприняли бы геномное ускорение до природной формы. Но это в лучшем случае составило бы трехминутный сюжет на тему «Мы и Они».

Роботизированный космический полет до ближайшей звезды, планировавшийся движением «Наружу», имел еще более низкий рейтинговый потенциал, однако Нелл все равно держалась за Тристана, потому что он был ее единственным местным знакомым. Она вынесла еще парочку жутких церемоний вручения наград «Незрелость Года», которые иначе именовались собраниями движения «Наружу», а затем при первой же возможности отправилась вместе с Тристаном в путешествие к заводу по отделению дейтерия на Ганимеде. Оттуда они двинулись к главному заводу на большом куске льда по ту сторону Каллисто, а дальше нанесли обзорный визит на станцию «Геба». Во время посадки на «Гебу» цена проездного билета Нелл наконец прояснилась: она должна была послужить Тристану в качестве матушки-исповедницы.

Прежде чем эта мысль успела расцвести буйным цветом, ее отпихнула в сторону другая.

— Тристан, мы слетали в три разных места. Но вы ни разу не запрашивали разрешения куда-то отправиться или разрешения приземлиться.

— Да, действительно. Дело в том, что этот корабль и я являемся частью группы аварийного выявления неисправностей проекта «Звездное семя», и нам спешно требуется посещать всевозможные места. Поэтому у нас есть специальный договор, согласно которому мы сначала действуем, а уже потом заполняем всевозможные бумажки. Иначе мы бы никуда не поспели вовремя, чтобы принести пользу.

Потребовалась добрая минута, чтобы эти слова хорошенько до Нелл дошли; должно быть, она и впрямь становилась так стара, как казалось Тристану.

— То есть вы хотите сказать, что у вас есть автоматическое разрешение отправляться куда угодно в системе Юпитера?

— Да, пожалуй, куда угодно. Правда, я не знаю, что будет, если я попытаюсь сесть в какое-нибудь особое место вроде частного увеселительного спутника Генеральной Ассамблеи.

Первое правило работы репортера: «Иди и посмотри».

— Тристан, тогда вместо того, чтобы торчать тут и беспокоиться, что Вильса к вам чувствует, почему бы ее саму не спросить?

— Я бы очень хотел. Но она на Европе.

— Это всего в трех-четырех часах отсюда. Так почему вы не на Европе? Вы только что сказали мне, что можете отправиться куда угодно. Можете?

Тристан потер круглую щеку.

— Ну, вообще-то да. То есть вы хотите сказать, надо отправиться туда и поговорить с Вильсой напрямую? Чертовски привлекательная мысль. Хотя, пожалуй, следовало бы позвонить Хильде Брандт — мы с ней действительно на очень дружеской ноге. Просто чтобы убедиться, что все в порядке.

Он уже тянулся к коммуникационной панели, когда Нелл схватила его за руку. Черт побери, она и впрямь была немыслимо опытной, понимающей и древней — особенно в сравнении с некоторыми ее знакомыми.

— Тристан, не смейте. Она может вам отказать. И где вы тогда окажетесь? Давайте просто взлетим и туда отправимся. Куда проще получить прощение, чем разрешение.

— А вы правда думаете, что тут просто какое-то недопонимание вышло?

«Я бы гроша на это не поставила»,— подумала Нелл.

— Не могу сказать. Но что я могу сказать, так это то, что мы наверняка это узнаем — как только прибудем на Европу и поговорим с Вильсой и Джоном.

Все на Европе казалось Нелл не более странным, чем то, что подбрасывал ей любой другой абсолютно новый опыт. Гораздо труднее ей было понять очевидную неловкость Тристана, когда корабль приземлился в космопорту горы Арарат, и небольшой робот-вездеход с ревом повез их по лабиринту подземных тоннелей.

— Вы сказали, что это просто небольшой аванпост в виде научно-исследовательской станции.— Нелл прикинула, когда ей безопасно будет снять скафандр; теперь они уже находились достаточно глубоко под поверхностью, и воздуха вокруг было в избытке.— И вы сказали, что не следует ожидать встречающей комиссии. Так почему вас так волнует, что мы ее не видим?

— Вы все не так поняли.— Тристан не сводил пристального взгляда с лежащего впереди тоннеля.— Я обеспокоен как раз тем, что, как только мы из этой машины выберемся, там будет куча народу, чтобы нас встретить. Просто вы не видели ответа на мое последнее сообщение. Когда я передал свой идентификатор и ожидаемое время прибытия, они тут же выпалили ответ, говоря, что будут здесь ждать. Со мной такого еще никогда не случалось. Это наводит меня на мысль о том, что, может статься, они проверили и выяснили, что мы не получили разрешения сюда прибыть.

Впервые Нелл была вынуждена согласиться с Тристаном. Внимание персонала базы «Гора Арарат» требовалось ей меньше всего.

Впрочем, выбора у них не имелось. Когда вездеход наконец остановился, восемь человек вышли, чтобы его окружить. По европейским понятиям это была настоящая толпа. В эту толпу, однако, не входили ни Вильса Шир, ни Джон Перри. Нелл спустилась вниз и вдруг обрадовалась тому, что они с Тристаном по-прежнему облачены в скафандры. Если на его лице и выражалась вина, то в ближайшие несколько минут ее видно не будет.

Если не считать того, что немалая вина читалась на лицах членов окружившей их группы. Уж кто-кто, а Нелл знала, как читать мимику и жесты. Ни секунды ни раздумывая, она включила свою миниатюрную видеокамеру.

— Добро пожаловать на базу «Гора Арарат».— Голос мужчины, стоящего во главе группы, прозвучал не слишком радушно.— Я Базз Сандстрем. Честно говоря, не думал, что вы так быстро сюда прибудете. Теперь я прикидываю, не зря ли мы вас сюда от самого Ганимеда притащили.

Тристан молчал. От потрясения, что ли? Нелл кивнула, предлагая мужчине продолжать.

— Вообще-то мы не уверены,— продолжил Сандстрем,— но подозреваем, что с ней случилось что-то скверное. Если кто-то должен нести ответственность за случившееся,— мрачно добавил он,— то, полагаю, это я.

Нелл снова кивнула, по-прежнему молча. Сандстрем с очевидной неловкостью сглотнул слюну. Итак, время признаний на сегодня еще не вышло.

— Но я хочу сказать...— Он глазел на Нелл, явно ища оправдания.— Ничего плохого я не хотел. Когда она вот так вот невесть откуда сюда прибыла... короче, я просто взбесился. А кто бы на моем месте не взбесился? Она ведь прибыла сюда вовсе не помогать Европе, понимаете? Наоборот, она прибыла разрушить всю нашу работу. Так что я взбесился, и все остальные, думаю, то же самое. А потом...

— В каком смысле вы говорите, что с ней случилось что-то скверное? — Тристану, похоже, врезалась в голову именно эта фраза, и он больше не мог терпеть и ждать.— Вильса в беде?

Наступила очередь Сандстрема растеряться.

— Что? Вильса?

— Вильса Шир. Вы сказали — случилось что-то скверное...

— Но не с Вильсой Шир. С ней все в порядке. По крайней мере, я на это надеюсь. Она отправилась под лед вместе с доктором Перри, и они по-прежнему там. Я о Камилле Гамильтон говорю.

Это имя было зарегистрировано у Нелл, поскольку она постоянно получала обновленные данные по поводу активности Сайруса Мобилиуса в системе Юпитера. Но она могла поклясться, что для Тристана Моргана это имя ровным счетом ничего не значит. Он снял шлем скафандра и уставился на Базза Сандстрема, а тот по ошибке принял его выпученные глаза за признак сильного неодобрения.

— Ну-ну, с ней еще, быть может, все хорошо.— Сандстрем хмурился, но тон его был оправдательным.— Знаете, мы бы вообще

это срочное сообщение не послали, если бы, как я уже сказал, двадцати четырех часов не прошло. И мы понятия не имеем, куда она отправилась, а также почему ее вездеход не передает автоматического сигнала. И еще мы не знаем, насколько она опытна — в наших архивах ничего о ней нет, а на наши запросы на Ганимед ответа еще не поступило. Может статься, она там уже мертва, а мы так об этом и не узнаем. Ей следовало оставить сообщение, куда она направляется, но она этого не сделала. А доктора Брандт нет на Европе, и нам не удалось с ней связаться.

Сандстрем становился все взволнованнее, и Тристан тоже. Но Нелл наконец-то успокаивалась. Хильда Брандт была далеко, и по тому, как все шло, не было похоже, что кто-то на Европе собирается приказать ей и Тристану покинуть спутник. Даже напротив. Научные сотрудники «Горы Арарат» отчаянно нуждались в ком-то, кто взял бы на себя инициативу и сказал им, что делать.

Решительно никаких проблем.

Нелл оставила свое видео работать, сняла шлем, оглядела скопившуюся перед ней группу и мило улыбнулась Баззу Сандстрему.

— Я Нелл Коттер, а это Тристан Морган.— Она протянула руку.— Давайте знакомиться. Но только давайте сначала отправимся куда-нибудь, где мы все сможем сесть. Я уверена, мы сумеем вам помочь — как только вы предоставите нам чуть больше фактов.

Камилла Гамильтон не была мертва. На данный момент. Но она была уверена в том, что ей еще не так долго оставаться в живых. Слишком поздно Камилла поняла, что попыталась прыгнуть выше головы и с головой утонула.

В буквальном смысле.

Первые двадцать километров до станции «Скагеррак» оказались довольно легкими. Солнце висело в небе, озаряя зернистую поверхность Европы ярким, но каким-то до странности прохладным светом. Через несколько минут Камилла наткнулась на целый ряд следов. Она догадалась, что эти следы были оставлены более ранними путниками, которые прокладывали себе дорогу к Вентилю. Этот путь должен быть быть легким и безопасным. Камилла последовала по тому же маршруту, и целых три четверти часа ей было не о чем беспокоиться, кроме гнетущей скуки. Ей страшно

хотелось взглянуть на засунутые во внутренний карман скафандра данные из центра РСН, но она никоим образом не могла одновременно вести вездеход и оперировать компьютером.

За километр от Вентиля скука закончилась. Сквозь окно машины Камилле был виден весь путь до кружка открытой воды. Шансы на то, что кто-то, работающий у Вентиля, ее заметит, были слишком велики. Камилла дождалась, пока вездеход не добрался до гладкой, неглубокой долины, затем взяла по ней влево — и выехала на тропу, которая должна была огибать Вентиль на почтительном расстоянии.

Только тут Камилла поняла, как избаловал ее первый час путешествия. Почти треть пути до станции «Скагеррак» она проехала в приятном и беззаботном комфорте. Но следующий километр наглядно продемонстрировал ей, что на самом деле представляет собой Европа. Камилла следовала по выбранной ею долине — и постепенно обнаруживала, что склоны этой долины становятся все круче, а сама долина сужается. В конце концов долина так сузилась, что вездеходу там уже было не пройти. Камилле пришлось дать задний ход — что означало медленное и нелегкое продвижение, пока она не смогла взобраться по склону и поискать лучший маршрут. Через десять минут этот «лучший маршрут» тоже начал сужаться. На сей раз Камилла вовремя все поняла — и, развернув машину там, где для этого еще хватало места, решила попробовать новую стратегию. Если долины никак ей не подходили, следовало попробовать холмы.

Поначалу это решение казалось блестящим. Камилла могла свободно оглядывать раскинувшийся впереди ландшафт, высматривая трещины и расщелины, после чего аккуратно их объезжать. Вскоре она стала двигаться вдоль широкого дугообразного гребня, что черной змеей тянулся аж до самого горизонта. Внутренняя система навигации подсказала Камилле, что она направляется прямиком к «Скагерраку». И она без всяких проблем проехала добрых пять километров.

А затем изменившийся шум мотора вездехода подсказал Камилле, что что-то пошло не так. Изменившийся шум двигателей и увеличившийся расход горючего твердо настаивали на том, что машина движется вверх по склону. Однако приборная панель так же твердо настаивала, что вездеход идет по ровной поверхности.

Считанные секунды спустя Камилла поняла, что именно происходит. Под своим собственным весом машина утопала на десяток-другой сантиметров в губчатом, пористом ледяном покрытии; двигаясь вперед, она сжимала лед непосредственно перед собой. Таким образом, она как бы все время взбиралась вверх — и в то же время постоянно находилась на одном уровне.

Решить проблему, однако, было куда сложнее, чем просто ее понять. Камилла не имела ни малейшего представления о том, тверже или мягче лед в долинах справа и слева от нее. На данный момент казалось наиболее разумным смириться с медленным продвижением и увеличившимся расходом горючего, продолжая двигаться дальше.

Если не считать того, что этот вариант вот-вот готов был сойти на нет. В паре сотен метров впереди гладкий гребень заканчивался убийственно крутым откосом. Камилла осторожно продвигалась дальше, пока явственно не увидела всей крутизны склона и тут же поняла, что по нему ей никак не съехать.

Таким образом, оставалось три варианта: спуститься в долину справа; спуститься влево; развернуться и возвратиться обратно к началу черного гребня.

Камилла остановила машину, вылезла наружу и осмотрела следы. Они доходили до глубины в пару десятков сантиметров, но никакой опасности, что вездеход совсем утонет в пузырчато-зернистом льду, не существовало. Направившись пешком вниз по склону, Камилла обнаружила, что лед легко выдерживает ее вес. Позади нее от ботинок оставались лишь легкие впадины — быть может, в сантиметр глубиной. Она проделала почти весь путь вниз по склону до дна долины и нашла его легким. По другую сторону длинного углубления находился в равной мере пологий склон, ведущий еще к одному рассыпчатому черному гребню.

Камилла пустилась обратно. Должно было сойти. Кроме того, она всегда могла снова подняться по склону и попробовать правую часть.

Камилла запустила мотор, но вместо того, чтобы направиться прямиком вниз по склону, как она это сделала пешком, она поехала под углом, чтобы в то же самое время продвигаться вперед.

Двадцать метров все шло прекрасно. Затем вездеход накренился влево, и крен этот непрерывно увеличивался. Перенесение веса на левую сторону делало ту колею глубже. Чем дальше машина кренилась, тем больше она теряла равновесие.

Но Камилла была не слишком обеспокоена. Если придется, она просто остановит машину и даст равномерный задний ход. А если, в самом скверном случае, вездеход совсем застрянет во льду, Вентиль был достаточно близко, чтобы кто-то, облаченный в скафандр, мог пешком до него добраться.

Первый намек на то, что здесь таится нечто большее, появился, когда вездеход начал погружаться в лед — вполне равномерно и под фиксированным углом. Камилла поняла, что напоролась на участок сверхпористой и слабой поверхности — достаточно мягкой и рассыпчатой, чтобы вся машина утонула в ней по меньшей мере на метр.

Или на два метра.

Но Камилла еще не понимала всей тяжести беды, в которой она оказалась. Когда вид на долину в переднем экране сменился грязной серятиной, она задумалась, как далеко это может зайти.

Камилла выключила мотор, и в вездеходе теперь слышался только скрип и царапанье льда, трескающегося и падающего позади машины. Затем эти звуки прекратились, но облегчением это не стало. Камилла внезапно оказалась в свободном падении, которое, как ей показалось, продлилось по меньшей мере минуту; позднее она вычислила, что на самом деле это было около трех секунд.

Вездеход приземлился с последним отчаянным треском, достаточно жестко, чтобы хорошенько тряхануть Камиллу, но не чтобы ее поранить. Похоже, это была ее окончательная стоянка — поскольку никаких признаков дальнейшего оседания она не чувствовала.

Камилла прождала целую минуту, чтобы окончательно в этом удостовериться. Дверца кабины легко скользнула в сторону, однако сразу за ней оказалась плотная стена серого льда. Чтобы выбраться наружу, Камилле пришлось проползти назад и открыть аварийный люк в крыше.

Оттуда она уставилась на прямоугольную дыру, сквозь которую вездеход туда провалился. Дыра находилась метрах в шести над головой, далеко вне пределов досягаемости. Ледяная полость, в которую Камилла упала, была куда больше входной дыры — быть может, метров восемь в длину и четыре в ширину. Простой случайностью стало то, что после падения вездехода его главная дверца оказалась приперта к одной из стен.

Камилла осторожно слезла по задней части вездехода и одной ногой попробовала поверхность. Лед оказалась достаточно твер-

дым — куда тверже, чем верхняя рыхлая корка. И хотя дно полости было далеко не ровным, Камилла могла достаточно легко передвигаться среди всех этих комков, борозд и острых ледяных выступов. Учитывая низкую гравитацию Европы, верхние двадцать-тридцать метров наверняка были испещрены подобными пещерами всевозможных размеров.

Неуклонно пробивая себе дорогу по всему периметру полости, Камилла не обнаружила ни одного места, где лед не был бы достаточно крепок, чтобы выдерживать ее вес.

Это означало, что она была в безопасности.

На данный момент.

А дальше?

Камилла выругалась. Она ругала себя, свою собственную глупость. (Впрочем, о слове «импульсивность» она даже думать отказывалась.) Казалось, была масса здравого смысла в том, чтобы отправиться на станцию «Скагеррак» для получения доступа к требовавшимся ей данным о Европе. Но сколько здравого смысла было в том, что Камилла не послала никакого сообщения, где говорилось бы о том, что она хочет сделать и куда направляется? Выходящие послания с «Горы Арарат», похоже, не слишком тщательно изучались. Она могла бы послать весточку Дэвиду, используя тот же самый коммуникационный канал, посредством которого она пыталась связаться с Хильдой Брандт.

Но Камилла этого не сделала. И не оставила на «Горе Арарат» никаких намеков на то, куда она направляется. Самое большее, что смог бы узнать всякий, кому вздумалось бы ее поискать, это что она уехала на вездеходе. Дальнейший путь Камиллы также никак не могли проследить, поскольку почти всю дорогу до Вентиля она ехала по хорошо избитой трассе.

Камилла подошла к стене ледяной полости, начала на нее взбираться и обнаружила, что ближе к верху стена слишком скользкая. Она могла взобраться метра на четыре, так что до дыры оставалась какая-то издевательская пара метров, но дальше стена загибалась и шла отвесно. Даже у мухи возникли бы проблемы с преодолением последнего участка.

Камилла позволила себе соскользнуть обратно на дно и посмотрела вверх. Черт побери, с такой слабой гравитацией она должна была быть способна просто-напросто выпрыгнуть прямиком в эту дыру. Вот только на дне негде было хорошенько упереть-

ся. Кроме того, существовала опасность, что она не долетит и приземлится на остроконечный ледяной выступ.

В закованных в перчатки руках Камиллы уже начал ощущаться холодок. Ее скафандр был разработан скорее для защиты от потока частиц, чем для термической изоляции. Оказавшись вне теплого вездехода, Камилла довольно быстро начала ощущать холод в руках и ногах. Ее идея о том, чтобы пешком дойти до Вентиля, похоже, оказывалась всего лишь благим пожеланием. Она замерзнет гораздо раньше, чем туда доберется.

Существовал один-единственный способ, посредством которого кто-то мог ее найти. Вездеход имел свой собственный передатчик для аварийных ситуаций, и Камилла могла послать сигнал бедствия. Большую проблему здесь составляла геометрия. Сигнальный луч от передатчика не прошел бы сквозь слой льда, а потому он мог быть принят только летательным аппаратом, которому случилось бы оказаться внутри расширяющегося кверху конуса с передатчиком в виде его вершины и прямоугольной дырой во льду в качестве наружной границы. На практике это означало космический или надземный поиск. И Камилле не было до конца ясно, есть ли такая возможность на Европе.

Она забралась обратно в вездеход и принялась обследовать индикаторы статуса; так Камилла выяснила, что она в гораздо худшем положении, чем ей поначалу казалось.

Воздух, ее первая забота, проблемы не составлял. Его хватило бы на неделю и даже больше. Убийственным было тепло. Точнее — его нехватка.

Прежде чем покинуть «Гору Арарат», Камилла проверила энергетические запасы вездехода и убедилась, что их достаточно — по крайней мере для того, чтобы машина свободно проехала сотни километров. Однако эту энергию было не так легко обратить в теплоту. А по мере падения внутренней температуры Камилле требовалось именно тепло, а не мобильность.

Даже в экстремальных ситуациях Камилла мыслила как человек науки, и откровенная ирония ситуации окончательно ее доконала. В старых, примитивных машинах столетней давности энергия, служившая движущей силой, получалась от угля, нефтепродуктов или урана. Эта энергия первоначально производилась как теплота; затем это тепло в свою очередь весьма неэффективно конвертировалась в движение вперед. Однако системы двигателей

дня сегодняшего были куда более изощренными, пренебрегая этим излишним промежуточным шагом. Энергия непосредственно придавала вращение колесам или производила линейное движение. Эти моторы были куда более эффективны, и во всех отношениях куда более совершенны — если не считать одного случая из миллиона, когда машина не могла двигаться и ее пассажиру требовалось именно тепло.

Так как насчет источника энергии, предназначенного для обогрева кабины?

Он был прискорбно неадекватен. Вездеходы предназначались для поездок, самое большее, на сотню-другую километров, и никто не рассчитывал, что кто-то станет проводить там многие сутки за один раз. Поэтому нагреватели, полностью заряженные, когда Камилла покидала «Гору Арарат», должны были поддерживать в кабине сносную температуру еще примерно двадцать часов. Но эта цифра относилась к холодной поверхности Европы, а у Камиллы должно было оставаться немного больше времени, поскольку температура окружающей среды в ледяной пещере была несколько выше. Итак, Камилла располагала максимум тридцатью часами, а потом кабина начнет медленно переходить в глубокую заморозку, в которой ни один человек не имел никакой возможности выжить.

Камилла включила передатчик, благо его энергетические потребности были пренебрежительно малыми, и начала посылать сигнал бедствия. Затем она переключила внимание на запасы провизии. Это тоже была своего рода энергия: химическая, чье медленное высвобождение в пищеварительной системе Камиллы обеспечит ее собственным теплом.

Еды было навалом — хватило бы на несколько суток. Впрочем, задолго до того, как запасы провизии закончатся, Камилла уже превратится в ледяную глыбу.

Воды также было более чем достаточно: аж сотня с лишним литров. Ее можно было подогреть. Но тепло для этого будет взято из того же энергетического источника, который обогревал кабину. Запасной скафандр вездехода? Камилла могла натянуть его поверх того, что уже носила, и тем самым улучшить изоляцию. Но это даст ей всего час-другой.

Идеи у Камиллы закончились. Откинувшись на спинку сиденья, она почувствовала, как разум ее уплывает прочь от проблем.

Все, что ей оставалось делать, это сидеть, ждать и оставаться в живых столько, сколько удастся. Спасение Камиллы, если оно вообще состоится, уже зависело не от нее, а от кого-то, кто станет ее искать, зафиксирует сигнал маяка и вовремя найдет вездеход.

Камилла достала накопитель с экспериментальными данными РСН и вставила его в бортовой компьютер машины. Это было умышленным дурачеством, признанием того факта, что она уже оставила надежду себя спасти.

Наблюдая за тем, как первые элементы данных просачиваются на экран, Камилла почувствовала себя так, словно ее разум разделился на две части. На одном уровне, темном и примитивном, ее беспокоило исключительно выживание. На другом, более высоком уровне Камилла уже удалилась в абстрактный, легко управляемый мир физики и астрономии, где мерилом времени и пространства служили миллиарды лет и миллиарды световых лет, где отдельный индивид не имел решительно никакой важности.

Анализ данных продолжался, и Камилла постепенно начала видеть кое-какие пути. В то же самое время ее руки и рот постоянно работали. Она поглощала запасы продуктов и, даже не думая об этом, продолжала это делать еще долгое время после того, как голод был утолен. Пока Камилла ела, она также пила воду — такую горячую, какую только ее рот и горло могли переносить.

Пила, пила и пила. Три литра... еще три литра... еще три литра...

И еще три литра, когда после многих часов температура в кабине начала падать... медленно, но неуклонно опускаясь к тому уровню, на котором двуокись углерода и водяной пар в выдохе Камиллы сразу же становились бы клубом ледяных кристалликов. Если не считать того, что задолго до этого никаких выдохов в кабине уже не было.

Нелл меняла свое мнение о Тристане Моргане. Да, по стандартам видеошоу он был абсурдно-наивен и идеалистичен; но поставить его в нужную ситуацию — и он становился настоящей электростанцией.

Тристан уже сказал, что привык к чрезвычайным положениям, и теперь делом это доказывал. Еще до того, как им выложили все факты, он уже начал действовать.

— Ладно, давайте прикинем, что нам точно известно — в противоположность тому, о чем мы догадываемся или хотим считать верным.— Тристан разом отрезал всю болтовню, которая уже началась за длинным столом для совещаний глубоко внутри «Горы Арарат».— Итак, Камилла Гамильтон уехала на вездеходе, и на базе ее нет. Учитывая скорость машины, она к этому времени могла удалиться отсюда аж на восемьсот километров. С каждым часом верхний предел увеличивается еще на тридцать километров.

— Никогда не поверю, что она смогла забраться так далеко,— возразила ему рыжеволосая женщина-инженер, в манерах которой было многое от самого Тристана, и, похоже, именно по этой причине она не соглашалась с ним куда с большей готовностью, чем все остальные.— Могу поручиться. Я провела в вездеходах больше времени, чем кто-либо на «Горе Арарат», и могу вам сказать: как только вы сходите со стандартных маршрутов, все становится очень сложно. Порой вы и километра в час не сделаете.

— Не сомневаюсь, что вы правы. Но я устанавливаю границы того, что мы точно знаем, а не того, что мы подозреваем или предполагаем. И я думаю, это все, что нам известно,— Тристан оглядел стол.— Я что-то упустил?

— Мы знаем, что в вездеходе имеется передатчик, чтобы посылать сигнал бедствия,— сказал Сандстрем.— И мы знаем, что он не используется.

Тристан нахмурился.

— Не совсем так. Мы знаем, что в машине имеется передатчик — я сам в этом поручусь. И мы знаем, что мы не зафиксировали его сигнал. Но там может быть скверная геометрия для наземного приема.— Тристан опять оглядел стол.— Что подводит меня к моим заключениям. Основываясь на том, что мы точно знаем, Камилла Гамильтон может находиться в сотнях километров отсюда. В подобном случае нельзя полагаться на наземный поиск. Операцию по поиску и спасению следует проводить с орбиты. Мы могли бы начать ее в корабле, на котором мы сюда прибыли, но его недостаточно. Он не предназначался для орбитального поиска высокого разрешения. Нам требуется подкрепление.

— Но мы уже сделали запрос,— сказала рыжеволосая.— И ничего не получили. Вы прибыли сюда, но вовсе не в ответ на наш запрос.

— Значит, вы, скорее всего, запрашивали не тех людей.— Нелл заговорила впервые с тех пор, как начался разбор ситуации с Камиллой Гамильтон.— Вы сказали, что запросили канцелярию Хильды Брандт. Но вы уже согласились с тем, что Гамильтон не работает на Брандт и никогда не работала. И вы признали, что, когда вы впервые выяснили, на кого Гамильтон работает, вас перестало волновать, что будет с ней дальше. Вам не кажется, что персонал Брандт на Ганимеде мог испытывать те же чувства, что и вы? Сами понимаете — какая-то пешка Мобилиуса прибывает на Европу, не желая принести сюда ничего хорошего, кроме проблем со своими высокомощными термоядерными программами. Что с того, если она сама попадает в беду? Очень даже справедливо. Черт с ней — пусть теперь сама попробует выпутаться.

— Но мы больше таких чувств не испытываем,— сказал Сандстрем. Впрочем, без особой убежденности.

— Вы, быть может, и не испытываете. Потому что она здесь, и вы с ней встречались. Вы знаете, что она реальный, живой человек. Но я могу поручиться, что для персонала на Ганимеде она всего лишь статистическая величина. И одним-двумя звонками вы их мнения не измените.

Последовало неловкое молчание. Похоже, все с этим соглашались.

— Так что же нам делать? — наконец спросил Сандстрем.

— Две вещи. Тристан, с помощью пары ваших людей, может начать поиск с орбиты. Даже если мы сомневаемся, что это сработает, мы все равно должны попытаться. А остальные могут призвать на помощь единственного человека в системе Юпитера, который точно хочет эту помощь оказать — и единственного человека, который действительно может ее обеспечить. Того самого человека, который Камиллу Гамильтон сюда прислал: Сайруса Мобилиуса.

Сайрус Мобилиус. Это имя способно было полностью объединить Тристана Моргана и персонал «Горы Арарат». Нелл с таким же успехом могла предложить им призвать на помощь Вельзевула. Все охотно соглашались по поводу власти Мобилиуса, его богатства и влияния во всей Солнечной системе.

Но встречаться с ним никто не хотел.

«Они,— решила Нелл, делая звонок в канцелярию Мобилиуса,— элементарно его боятся. И, может статься, они правы, а я просто тупица». Но давать задний ход уже было поздно.

Связь была налажена за считанные секунды — так быстро, что Нелл ожидала оказаться лицом к лицу с Факсом Мобилиуса. Однако вместо этого на экране появилось человеческое лицо с приятными чертами и огромной шапкой жестких курчавых волос. Лицо это сразу же нахмурилось, как только мужчина увидел Нелл, как будто он ожидал увидеть кого-то другого.

— У меня проблема,— Нелл даже не потрудилась представиться.— Та, о которой Сайрус Мобилиус, как мне кажется, захочет услышать.

— Он на финансовом совещании, и его нельзя отвлекать. Я Дэвид Ламмерман. Могу я вам помочь?

Ламмерман. Эту фамилию Нелл тоже знала. Подобно Камилле Гамильтон, он был недавним пополнением в свите Мобилиуса, рекрутированным для работы над Европейским термоядерным проектом. И, согласно биографическому материалу, который выслал ей Глин Сефарис, Ламмерман и Гамильтон были близки. Нелл следовало соблюдать осторожность, сообщая о том, что Камилла оказалась в беде, но она также должна была проявить определенную прямоту, чтобы гарантировать полное внимание и содействие со стороны Ламмермана.

— Я звоню с Европы. Нам нужна помощь Сайруса Мобилиуса. Нам требуется высокомощное оборудование орбитального поиска, способное выполнить автоматическое сканирование большой части планетарной поверхности на предмет чего-то столь малого, как вездеход. И оно нам требуется как можно скорее.

Глаза Ламмермана расширились. Он уже открывал рот, явно собираясь сказать, что она делает беспрецедентный запрос.

— Оборудование нам нужно прямо сейчас,— продолжила Нелл,— потому что одна из ваших сотрудниц потерялась на поверхности Европы. И если мы в темпе ее не найдем, она замерзнет. Вы сказали, что Сайруса Мобилиуса нельзя беспокоить. Знаете, все-таки придется. Лучше бы вы пошли туда и его побеспокоили. Чтобы получить его одобрение на отправку соответствующего персонала.

Лицо на экране уже не казалось невозмутимым и безмятежным. Нелл прочла на нем странный набор эмоций: шок, тревогу, неверие и нервное балансирование на грани ужаса.

— Я не могу этого сделать.

— Чего вы не можете сделать?

— Побеспокоить Сайруса Мобилиуса. Он велел, чтобы его не беспокоили. Никто этого не делает.

— Значит, кому-то следует начать. Или этому кому-то придется потом объяснять Сайрусу Мобилиусу, что он убил человека только потому, что у него не хватило духу прервать посиделки денежных мешков,— Нелл кивнула Ламмерману.— Сейчас я прерву связь, чтобы вам не пришлось тратить время на разговоры со мной. Вы знаете, что нам нужно. Идите и скажите Мобилиусу, что жизнь Камиллы Гамильтон в великой опасности.

— Камиллы!

Но Нелл уже прервала связь, хотя ее так и подмывало помедлить. Конфликт эмоций на лице Дэвида Ламмермана по-прежнему продолжался. Нелл страшно хотелось узнать, которая победит.

Камилла, одна-одинешенька, потерялась на ледяных равнинах Европы. Ее должны были спасти, или она замерзнет и превратится в блок органического льда. А Дэвид Ламмерман и сам был подобен блоку органического льда, шагая по длинным и гулким коридорам Ганимеда.

Если не считать, что ноги настоящего ледяного блока не дрожали при каждом шаге. Сердце ледяного блока не барабанило, не порхало вверх-вниз и не подергивалось в груди. Пальцы ледяного блока не тряслись так, что их приходилось крепко-накрепко сжимать в кулаки.

Наконец Дэвид поднял одну ледяную рукавицу и замер, чтобы постучать в дверь стального цвета. В последний момент он передумал, сдвинул обе панели в одну сторону и вошел, даже не постучав.

В роскошно обставленной комнате находились три человека. Одним из них, сидящим на темно-синей софе, был Сайрус Мобилиус. Он повернулся к двери, и на лице у него отчетливо читалось раздражение. Дэвид, пожалуй, тут же повернулся бы и побежал прочь, если бы не две вещи. Во-первых, когда Мобилиус его увидел, раздражение на его лице сменилось глубоким изумлением.

А во-вторых, впервые за все это время Дэвид заметил на лбу у Мобилиуса крошечную капельку пота. Это яснее всяких слов сказало Дэвиду: он тоже человек. Мобилиусу в этот момент явно приходилось туго, и капелька пота отчетливо это показывала.

— Дэвид? — Единственное слово Мобилиуса содержало в себе много всякой всячины. Например: «Как ты смеешь сюда вторгаться, когда знаешь, что у меня самый разгар решающего совещания?» Но еще сильнее звучало: «Что случилось, Дэвид? Ты еще никогда в жизни меня не прерывал». И на очень глубоком уровне: «Плохие новости. Это у тебя на лице написано».

Дэвид узнал двух других мужчин. Это были главные воротилы в системе Юпитера, магнаты, которые предположительно держали в своих руках половину Генеральной Ассамблеи. Также это были люди, один-единственный хмурый взгляд которых мог погубить такое юное ничтожество, как Дэвид.

И теперь они определенно хмурились.

Чувствуя бешеный прилив адреналина, Дэвид вдруг понял, что ему совершенно наплевать на все, что они о нем думают. Забота о безопасности Камиллы была превыше всего, и раз он уже зашел так далеко, он вполне мог продолжать в том же духе. Так или иначе, его дело касалось Сайруса Мобилиуса, а не двух сверх меры разжиревших проходимцев.

— Речь идет о Камилле. Она потерялась на поверхности Европы. Если мы срочно не организуем ей помощь, она погибнет.

Мобилиус не задал ни единого вопроса. Похоже, он сразу же понял все — с той исключительной молниеносностью, которая так пугала Дэвида еще с детских лет. Затем Мобилиус кивнул.

— Отправляйся туда как можно скорее. Возьми любые необходимые ресурсы. Ты знаешь номер моего личного счета. Воспользуйся им. Я тоже начинаю работать немедленно, и со своей стороны сделаю все, что смогу.

— Хрен тебе сделка, Мобилиус.— Более низкорослый и жирный из двух мужчин яростно хлопнул ладонью по раскрашенной под древесину столешнице. Дэвиду его красная физиономия очень напоминала рыло разъяренного кабана.— Можешь, блин, здесь оставаться. Ты, блин, обещал нам весь долбаный день, а мы еще ни хрена и не начинали.

Дэвид вдруг почувствовал новую и непривычную эмоцию: сочувствие к своему отцу. Если ему приходилось сталкиваться с

такой вот мразью, работать с денежными мешками и торговцами влиянием...

— Действительно, я вам это обещал.— Мобилиус придал своему голосу мягкий тон, а таких его глаз Дэвид еще никогда не видел. Его сердце от взгляда этих глаз обратилось бы в камень, а ноги в желе. К счастью, этот взгляд был направлен не на Дэвида, а двое мужчин, судя по всему, неспособны были его прочесть.

— И мне очень жаль говорить, что я не могу выполнить своего обещания,— продолжил Мобилиус, все так же мягко.— Но вам обоим, джентльмены, должно быть совершенно ясно, что этот несчастный случай предвидеть было нельзя. И если вы хоть немного меня знаете, вам также должно быть ясно, что я возмещу все, что я вам задолжал — причем с лихвой,— как только вернусь.

Он повернулся к Дэвиду.

— Сколько?

Дэвид понял вопрос. «Сколько еще пройдет времени, прежде чем Камилла умрет, если ее не спасут?»

— Никто не знает. И нет никакого сигнала от ее аварийного маяка.

— Тогда отправляйся сразу же, как только соберешь все необходимое. Я позабочусь о том, чтобы ты получил допуск на Европу. Позвони мне, как только ты туда доберешься. Я буду свободен в любое время.

Дэвид кивнул. Стоило Мобилиусу повернуться обратно к двум мужчинам, как Дэвид без единого слова удалился. За последние тридцать секунд он общался со своим отцом больше, чем за всю предыдущую жизнь. Теперь он чувствовал... что? Беспокойство? Усталость? Облегчение? Восторг?

Пожалуй, все это вместе взятое. А сильнее всего Дэвид чувствовал острую тошноту.

16
ГОЛОС ИЗ МОГИЛЫ

— Если располагать достаточной изобретательностью, никакая хорошо сформулированная головоломка не может стать неразрешимой.

Свами Савачарья отважился выдать это изречение после дней и недель бесплодного анализа. Теперь он, возможно, был близок к получению награды за свои труды.

Было уже поздно, и голова Совы раскалывалась от накопившихся токсинов усталости. Но он не мог бросить работу. Конечный результат напряженных усилий наконец-то лежал буквально у кончиков его пальцев. Выполняя процедуру доступа, Сова нипочем не признался бы в том, что испытывает какие-либо эмоции, и все же тело его скованно согнулось над клавиатурой в напряженном ожидании. Еще через несколько секунд — и он узнает.

Поиск оказался длительным и тяжелым. Все, кто работал в банках данных Паллады в конце Великой войны, были давно мертвы. Сова изучил каждый файл, каждую запись, каждый элемент данных, пока наконец даже он не смог больше тратить время на проверку и перепроверку. Когда этот процесс закончился, он почувствовал, что ничего не узнал. И все же небольшая странность в поведении одного из старших компьютерных техников на Палладе вызвала у Совы ощущение некой аномалии. Мордекай Перельман безусловно был мертв, и он определенно умер естественной смертью... Сова видел все соответствующие документы. Труп Перельмана был кремирован, а прах, согласно его желанию, отправлен на Солнце. Его собственность и банковский счет были распределены между его родственниками в точном соответствии с завещанием покойного.

И все же не весь этот банковский счет был растранжирен на родственников. Умеренный его остаток по-прежнему лежал в Церерском банке. Каждый месяц проценты с этого счета использовались для оплаты доступа в компьютерную систему Цереры. Каждый месяц новые данные сгружались в конкретный набор файлов.

Сова изучил поступающую информацию и пришел в недоумение. Там содержались всего-навсего общие факты касательно того, что происходило в системе Юпитера, на всем Поясе, а также на Земле и на Марсе — сжатая сводка новостей за прошедший период, главным образом то, что передавали стандартные информационные службы. Все это было слишком общо, чтобы иметь какую-то ценность внутри хорошо организованной базы данных. Так зачем вся эта информация вообще поступала?

Сова копал. Копал. И копал. И в итоге нашел ответ.

После войны Мордекай Перельман занимался начавшейся как раз тогда разработкой Факсов. Однако его опубликованные статьи отчетливо демонстрировали несогласие с обычной логикой развития информационных двойников. Для большинства людей Факс представлял собой не более чем экспертную систему, комплекс логических законов и нервную сеть, которые позволяли компьютеру в той или иной степени имитировать образцы мыслей и реакций конкретного человеческого существа. Факс низкого уровня мог имитировать только самые примитивные мыслительные процессы. Факс высокого уровня приближался к логической сложности человека.

В корне неверный подход, заявлял Мордекай Перельман. Человек — это не просто свод логических законов. То, что происходит в подсознании и эндокринных железах человека, гораздо более важно для формирования индивидуальности, чем любой дурацкий набор сознательных логических законов.

Мнение Перельмана проигнорировали. Не потому, что он был не прав, а потому, что существовала насущная потребность в простых Факсах — таких, чьи отклики на данную конкретную ситуацию всегда оставались бы одними и теми же. Людям меньше всего хотелось, чтобы у Факсов бывали капризы, неудачные дни, приступы плача и вспышки гнева.

Так Мордекай Перельман проиграл бой за общее направление развития Факсов. Большой бизнес и стандартный подход победили. Но Перельман не сдался. Десять последующих лет он упорно продолжал совершенствовать форму компьютерной модели, которая произвела бы на свет его вариант Факса. Она должна была стать гораздо более гибкой, чем обычная компьютерная программа, и проявлять всю причудливость и нелогичность человеческого существа.

Когда работа Перельмана зашла настолько далеко, насколько это вообще было возможно, он продемонстрировал последнее доказательство того, что верит в то, что делает. Ученый воплотил свой замысел, сконструировав такой Факс, каким он, по его мнению, должен был быть.

Перельман не стал называть его Факсом, потому что его модель слишком отличалась от обычных. Он назвал его «Морд», ибо программа максимально имитировала уникальные человеческие воззрения, интеллектуальную базу и инстинктивные реакции

самого Мордекая Перельмана. И он наверняка рассматривал Морда как нечто большее, нежели просто программу, поскольку организовал все так, чтобы после его смерти тот продолжал получать информацию о текущих событиях в Солнечной системе.

Как только Сова осознал природу Морда, он запросил, чтобы копия той программы была передана в каталог Мегахиропс, на Ганимед. Но компьютерный центр Цереры ответил отказом на его запрос. Мордекай Перельман, после смерти столь же чудаковатый, что и до, не желал клонировать ни себя, ни Морда.

Сова обдумал этот отказ и копнул еще глубже. Так он узнал, что Мордекай Перельман также подал документы на официальное признание его программы существом, обладающим всеми правами человека. В этом признании ему было отказано, однако определенных ограниченных прав Морда все же удостоили. И одним из этих прав являлось право распоряжаться собственной судьбой. Если бы Морд захотел, его можно было скопировать, передать в другую компьютерную систему или даже полностью стереть.

Посылая запрос, адресованный непосредственно компьютерной программе, Сова не на шутку задумался, разумнее ли он Мордекая Перельмана. Согласится ли Морд, чтобы его скопировали и отправили на Ганимед?

Ответ пришел быстро: никаких копий. Морд также не соглашался на клонирование. Однако программа соглашалась, чтобы ее саму переслали на Ганимед, если ей гарантируют продолжение постоянных вводов от службы новостей.

Сова тут же согласился, хотя получение Мордом текущих данных мало его интересовало. Что его по-настоящему интересовало, так это прошлое Мордекая Перельмана. Теперь все зависело от того, сколько этого человека оказалось вложено в его творение.

И теперь Свами Савачарья мог в любой момент это узнать. Процесс получения доступа к программе завершился, после чего экран и камеры перед Совой ожили.

Лицо, появившееся перед ним на экране, принадлежало лысеющему пожилому мужчине: Мордекаю Перельману, каким он был во время воплощения Морда.

Прищуренные глаза имитации буквально сверлили Сову.

— Привет. Вы тот самый человек, который просил меня на Ганимед переправить? Да-а, ну вы и жиряга, скажу я вам.

Сова, привыкший к Факсам и бессознательно ожидавший появления чего-нибудь в таком роде, тут же пересмотрел свое мнение.

— Я действительно Мегахиропс — тот самый человек, который вас сюда притащил. Вы сейчас в банке данных Ганимеда.

— Как пить дать. Я и сам знаю. Знаете, сперва я не был уверен, хочу ли я сюда отправляться. Другая планета, другие компьютерные системы, другие процедуры доступа. А потом я подумал: да что за черт? Застрял ты в этой колее, Морд. Пятнадцать лет в одном и том же банке сидел. Выбирайся отсюда, живи рисково. Худшее, что может случиться,— это если какой-нибудь обалдуй случайно просрется и тебя сотрет. Да и любопытно мне было. Зачем вы меня сюда притащили?

«Я передумал»,— фактически только что сказал Морд. Но Факс в принципе не мог передумать. Сова мгновенно пришел к заключению: Мордекай Перельман был прав. Обычный способ создания Факсов мог считаться удовлетворительным только для имитации поведения низкого уровня, но если вам и впрямь хотелось сымитировать человека...

— Я притащил вас сюда, потому что я озадачен кое-чем, что случилось на Палладе давным-давно — еще в конце Великой войны, когда Мордекай Перельман там работал. Мне интересно...— Сова заколебался подбирая нужное слово,— помните ли вы это.

— Спрашивайте.

— Вы работаете посредством поиска и восстановления ключевого слова?

— Черт меня побери, если я знаю. Просто разговаривайте со мной, Мега-чипс. Именно к этому я привык.

Действительно, так было проще, если не обращать внимания на тот факт, что общаешься с машиной, и прикидываться, что Морд — человек, только находящийся где-то далеко. Сова поудобнее устроился в кресле, закрыл глаза и изложил известные ему факты: про бегство «Океана» с Мандрагоры, его уничтожение ракетой типа «искатель», разгром самого астероида Мандрагора и последующее стирание из банка данных Паллады всей информации о Мандрагоре.

— Для меня все звучит вполне естественно,— сказал Морд, когда Сова наконец открыл глаза.— Я разочарован. Похоже, вы уже знаете все, что вам требуется.

— Я очень мало знаю. Что происходило на Мандрагоре и почему она была уничтожена? Почему «Океану» пришлось спасаться бегством? Почему все данные на Палладе были стерты? Можете вы ответить хотя бы на один из этих вопросов?

— Я могу ответить на все. Но что мне за это будет?

Десять минут назад подобный вопрос ошарашил бы Сову, но теперь он уже приспосабливался к Морду.

— Если вы мне поможете, я позабочусь о том, чтобы это того стоило. Однако я не могу точно определить стимулы, которые вы находите привлекательными. Обычные радости плоти, если вы простите мне такое высказывание, в вашем случае весьма маловероятно являются предметами предпочтения.

— В отличие от вас, ага? — Физиономия на экране откровенно ухмылялась.— Мега-чипс прикидывает: «У Морда нет рта, и пениса у него тоже нет. Он не ест, не пьет, не трахается. Так что же его заводит?» А я вам скажу, что. Информация. Вы грузите мой банк данных, и я гружу ваш. Но это должен быть первосортный материал, не мусор какой-нибудь. Есть у вас что-нибудь такое, чего в публичных архивах не сыщешь?

— Немного есть.

— Тогда именно это мне и нужно.

— Но если эта информация будет передана вам, она может пойти дальше.

— Нет, конечно. Что я, по-вашему, совсем мудак? Знание — сила, но только если вы им по сторонам не разбрасываетесь.

Так на Свами Савачарью обрушилось еще одно откровение. Морд был гораздо интереснее любого сотрудника Транспортного департамента Ганимеда — и во многом похож на самого Сову. Если отбросить массу вульгаризмов, которые, очевидно, перешли к Морду от его создателя, оставался безусловно родственный дух. Причем такой, который никогда не смог бы сподобиться на физическое вторжение. Сова определенно не хотел, чтобы Морд возвращался на Цереру. Он нравился ему здесь, в Совиной Пещере.

— Морд, я с вами полностью согласен. Мы будем обмениваться информацией.

— Ладно, годится.— Морд кивнул.— Пожалуй, я прикинусь славным парнем и начну первым. Итак, посмотрим. Лучше начать с самого легкого. Мандрагора. Вы ведь и без меня знали, что на

этом астероиде в течение всей войны разрабатывалось оружие, верно? Естественно, что делалось это под большим секретом. Но в итоге, я думаю, куча больших шишек в правительстве Пояса не на шутку задергалась из-за всех тех кошмаров, которые там готовились. После того как Мандрагору уничтожили, я всегда задумывался, а не наших ли это работа. Слишком уж кстати все получилось. Впрочем, доказать это, уж извините, не могу. Боссы были слишком умны, чтобы следы оставлять.

Так что колонии и лаборатории Мандрагоры помахали всем ручкой, и не осталось ничего, кроме пепла и горячих камней. Если верить официозу, вражеская атака. А дальше нам шепнули словечко, чтобы мы стерли все ссылки на Мандрагору из банков данных Паллады. Мы, понятное дело, все стерли. Иначе бы нас самих стерли к чертовой матери. Но кое-кто из нас не смог удержаться и посмотрел, что же мы там такое стираем, от чего именно избавляемся. Насколько я смог понять, ничего особенно крутого там не было. Какое-то биологическое оружие — но так и не выяснилось, какое. Впрочем, все оно подчистую было ликвидировано во время атаки на Мандрагору.

— А как насчет «Океана»? Он покинул Мандрагору и был уничтожен ракетой типа «искатель».

— До сегодняшнего дня никогда не слышал такого названия, как «Океан». Но если он удрал с Мандрагоры ближе к концу войны, более чем вероятно, что это была компашка все тех же экспериментаторов, которые бежали от своих, поскольку я сильно сомневаюсь, что Внутренняя система вообще знала о том, что такая штука, как Мандрагора, где-то там крутится. Но они не слишком удачно смывались, и «искатель» их долбанул. Никогда не верьте тому, кто скажет вам, что правительство Пояса во время войны было хорошим, а правительство Внутренней системы — плохим. Я там был и могу точно сказать, что все они были скоты и ублюдки. Когда они узнали, что скоро настанет мир, они сделали все, чтобы спасти свои вонючие шкуры.

Тут Морд задумчиво поковырял в носу, и Савачарья невольно задумался, сколько физических ощущений могло быть встроено в имитацию. Впрочем, Сова больше не мог думать о нем как об имитации. Интересно, чесался Морд или нет? Чувствовал ли боль? Спал ли он — в каком-нибудь прохладном завихрении волшебных электронов?

— Думаю, свою часть сделки я выполнил,— продолжил Морд.— Настало время для самой чуточки старой доброй ответной услуги, прежде чем вы получите от меня еще. Вы обещали мне малость дерьмеца. Помните?

— Все будет обеспечено. Только вы должны сказать мне предпочтительную форму ввода.

— По крайней мере, пусть это будет не ваша болтовня. При всем уважении к плоти — а у вас ее, между прочим, такое изобилие,— если у вас когда-нибудь, как у меня, будет аттосекундная схема, вы станете малость раздражаться, когда вам возьмутся загружать данные на человеческих скоростях. Просто дайте мне чудненькую широкополосную шину и смотрите, как я буду кайфовать. Все будет тип-топ. А потом мы сможем еще немного о Палладе поговорить.

— Сейчас.— Сова потянулся к клавиатуре.— Не позволите ли одну мысль, прежде чем начнется передача данных... Не могу не задумываться, непрерывное ли у вас сознание? Или есть периоды, когда вы отключаетесь?

— Уже малость на личности переходим, ага? — Морд ухмыльнулся.— Нет у меня непрерывного сознания. Кто я, по-вашему? Мне нужен роскошный сон — как и любой другой нормальной персоне.— Он поднял руку.— Но прямо сейчас я чувствую, как ко мне атака данных подбирается, так что адью. Скоро увидимся. Да, кстати, Мега-чипс, между нами, уродами, говоря: сбросьте вы хоть немного веса.

Смехотворно было возмущаться оскорблению, нанесенному тебе компьютерной программой. И мерой успеха Мордекая Перельмана было то раздражение, которое почувствовал Свами Савачарья при этом замечании Морда. Впрочем, Сова знал, что ему не следует досадовать; успех Мордекая Перельмана мог оказаться решающим фактором его собственного успеха.

Савачарья скрючился в кресле, плотно завернувшись в свою черную мантию с капюшоном. Итак, налицо был совершенно определенный прогресс: на Мандрагоре готовили биологическое оружие.

И все оно было уничтожено? Сова мог бы с легкостью это допустить, если бы не Ярроу Гобель. Генеральный инспектор

отлично выправлялся, уже продвинувшись примерно до десятилетнего возраста. Странное дело — он вел себя как типичный экстраверт, бубнил о каком-то протесте и прочих диких идеях, а физически выглядел превосходно. Сова задумался, в каком возрасте личность Гобеля претерпела перелом, и из потенциального исследователя и солдата удачи он превратился в осторожного, трезвого контролера фискальных нарушений.

Атака на Гобеля — на самого Свами Савачарью — служила доказательством того, что все, случившееся на Мандрагоре, пребывало вовсе не где-то далеко в туманном прошлом. Это вносило существенную поправку в ситуацию, возникшую здесь и сейчас, на Ганимеде. Почему и как? Мандрагора являлась центром биологических экспериментов, затеянных с целью создания нового оружия для использования его в Великой войне. Даже, возможно, «секретного оружия» Ярроу Гобеля. Какое значение такая возможность могла иметь для дня сегодняшнего?

— Ликвидировано было все подчистую...— Сова бормотал себе под нос. Он не спал двадцать семь часов, и уже был близок к полному изнурению.— Но что, если эксперимент или кто-то из его разработчиков все-таки выжил?

Тогда у выжившего определенно имелась причина обрезать все нити ведущего к нему расследования. Что поднимало следующий вопрос: кто в сегодняшней системе Юпитера мог работать на Мандрагоре во время Великой войны?

Сова не мог на это ответить. По крайней мере, пока бы хорошенько не выспался. Завтра, с дальнейшим содействием Морда, он сможет обнаружить другой угол атаки.

Однако и той информации, которую Савачарья уже получил, было вполне достаточно, чтобы ввести в действие новую линию мысли. Фраза «спасательная капсула» несла свою психологическую нагрузку. Человек, слышавший данный термин, автоматически думал «спасательная для людей». Но капсула вовсе не с необходимостью должна была использоваться именно для этой цели. Предположим, что капсулы, запущенные с «Океана», использовались для чего-то совсем другого — скажем, как защитная окружающая среда для чего-то очень маленького, вроде микроорганизмов? Тогда стандартное время отсчета, после которого капсула оказывалась неспособна поддерживать жизнь, теряло смысл. Траектории спасательных капсул должны были быть

исследованы не во временно́м отрезке всего в месяц-другой после уничтожения «Океана», а на предмет их курса в течение нескольких лет.

Программы по продвижению этих траекторий дальше во времени уже были установлены в каталоге Мегахиропс. Сова дал команду выполнить их в увеличенном временно́м интервале и задал тот же вопрос, что и раньше: не были ли какие-либо спасательные капсулы подобраны на данных орбитальных путях?

Савачарье вовсе не требовалось следить, как продвигаются вычисления. Результаты будут ждать его, когда он проснется. Сова пошел прилечь — холм изнуренной колышащейся плоти, сибаритски обложенный подушками и обернутый простынями из черного шелка.

Мысли Свами Савачарьи переключились на Морда — Мордекая Перельмана, лишенного всех материальных удовольствий. Что у него осталось? Мысли — и радости чистого интеллекта.

Сове такой вариант не годился. Особенно сейчас, когда тридцать килограммов живых омаров с морских ферм Ярроу Гобеля все еще ползали в резервуарах Совиной Пещеры. Ждать или не ждать — вот вопрос. А если ждать, то как долго? Сегодня Гобеля отвращала сама мысль о том, чтобы есть что-то, по его словам похожее на гигантское больное насекомое. И все же казалось нечестным вкушать дарованное без участия дарителя...

Сова широко зевнул.

Интеллект определенно был далеко не всем. На данный момент.

Но, быть может, в один прекрасный день, когда аппетит истощится, а тяжесть стареющей плоти станет невыносимой... что ж, тогда интеллекта может оказаться вполне достаточно... для Мегахиропса.

Свами Савачарья блаженно спал, тогда как в другом конце Совиной Пещеры неустанные программы просчитывали набор орбит капсул от момента уничтожения «Океана». Выискивались возможные совпадения с координатами и скоростями предметов, в разное время выловленных из космоса. И в конце концов времена и места совпадений были зафиксированы.

Простейшие из стандартных программ, они были неспособны порадоваться или удивиться тому, что им удалось обнаружить.

Это удовольствие было зарезервировано для Совы — после нескольких часов сладкого сна.

17
НАЗАД ИЗ ПУЧИНЫ

Джон Перри и Вильса Шир вернулись в совершенно другой мир. Когда они покидали поверхность Европы и входили в черный зрачок Вентиля, коммуникационный блок «Данаи» был установлен на максимальную громкость. Джон и Вильса даже не понимали, что он включен, поскольку ледяное покрывало Европы обеспечивало радиомолчание. Когда они находились над поверхностью, ни в одном диапазоне никаких сигналов не слышалось, а когда они оказались внизу, все сообщения были начисто заглушены окружившей их водой.

Последние двое суток они провели, исследуя верхние слои Европейского океана. Мирные и продуктивные дни для Вильсы, дни разочарований для Джона. Раздражало то, что они были ограничены «континентальными шельфами» Европы, расположенными выше уровня в пять километров, тогда как он знал, что самые интересные части морского дна, с серыми и черными дымарями, лежат десятками километров глубже.

И все же Джон высоко оценивал значение этого ознакомительного нырка. Ему требовалось знать, насколько его полученный на Земле опыт приложим к Европе; кроме того, он должен был развить в себе ощущение важных переменных: скорости увеличения давления с глубиной; диапазона видимости в прозрачной, свободной от соли воде; характерных черт подводного ландшафта. Последний оказался удивительно схож с земным. На Земле подводные горы и рифы, поддерживаемые окружающей водой, зачастую почти вертикально поднимались из глубин. Джон мог поклясться, что некоторые структуры, попавшиеся ему на глаза в Европейском океане, он уже видел раньше на Тихоантарктическом гребне.

А затем наконец настало время надевать поверхностные скафандры и подниматься по узкому цилиндру подогретой воды Вентиля к затянутой льдом европейской поверхности. Последний подъем прошел в полном и довольно зловещем молчании. Ни Джон, ни Вильса не испытывали желания разговаривать, пока «Даная» поднималась с выключенными моторами, за счет запаса собственной плавучести.

Рев, что вырвался из коммуникационного блока, когда погружаемый аппарат уже одолевал последние несколько метров Вентиля, и антенны «Данаи» вышли из воды, тут же заставил Вильсу отчаянно прижать ладони к ушам. Сверхчувствительная к звукам, от этого громкого нестройного гомона она испытала острую физическую боль.

Монитор выдал с полдюжины сообщений — как только что посланных, так и находящихся в ждущем режиме на аварийной частоте. Мужской голос, смутно знакомый, но так искаженный усилением, что ни слова было не разобрать, гремел в динамиках.

Вильса повернулась и крикнула Джону, сидящему в кресле пилота:

— Что происходит?

Он лишь покачал головой и потянулся убавить громкость. Когда «Даная» поднялась еще выше и дреки ухватили ее, чтобы вытянуть на гладкий подъемный скат к открытому льду, из динамика зазвучал новый голос, слабый и далекий.

— Двигаемся на фиксированной высоте, отметка двадцать-четыре-пятьдесят. Нам нужно направление маяка, прежде чем мы сможем проделать поверхностную триангуляцию. Прошу подтверждения.

— Извините, но мы опять его потеряли,— сказал более громкий голос, который они услышали первым.— Держитесь. Это тот самый сигнал бедствия, я в этом уверен. Но он передается в узком и жестком конусе, и мы оттуда выходим. Возможно, впрочем, у нас уже и так достаточно данных.

— Это Тристан! — воскликнула Вильса.— Тристан Морган. Интересно, что он делает на Европе?

«И не связано ли это со мной?» — мысленно добавила она.

— Не на Европе. Над Европой,— Джон указал на трехмерный дисплей, где показывалось направление сигнала.— Он летит — по круговой орбите, как я догадываюсь.

— Мы сейчас тоже его цепляем,— сообщил третий голос.— Вы правы, там острый угол и резкий переход — от полного молчания до максимальной интенсивности. Вездеход, должно быть, застрял в поверхностной полости с крутыми склонами, и лед ограничивает луч. Оставайтесь на связи и ждите данные об интервале.

— Принимаю,— сказал Тристан. А затем, секунды спустя: — Держитесь. У нас есть предварительная обработка информации

и источник сигнала. Он гораздо ближе к горе Арарат, чем мы ожидали. Всего двадцать пять километров линейного расстояния — и меньше пяти от Вентиля. Есть там кто-то на станции?

— Нет, черт побери! — Четвертый голос принадлежал Баззу Сандстрему и звучал, как всегда, раздраженно.— Я выслал всех, кто там был, на поиски по широкому интервалу, потому что мы думали, что именно так следует искать вездеход. Организуйте точную фиксацию, а я тем временем начну всех отзывать.

Джон взглянул на Вильсу и щелкнул переключателем передачи.

— Это Джон Перри и Вильса Шир на «Данае». Мы не знаем, что происходит, поскольку только что вышли из Вентиля. Но, судя по всему, у вас там проблема. Можем мы чем-то помочь?

Из динамиков тут же послышался дикий гам.

— Все по очереди! — Голос Тристана прорвался сквозь остальные шумы.— Перри, у нас тут несчастный случай на поверхности всего в нескольких километрах от вас. «Гора Арарат», есть там у Вентиля свободный вездеход?

— Есть два.— Ответивший Тристану пятый голос отличался своим спокойствием.— Доктор Перри, это Хильда Брандт. Камилла Гамильтон потерялась на поверхности почти сорок два часа тому назад. Мы наконец-то вычислили ее местоположение, но ее физическое состояние неизвестно. Вездеходы достаточно примитивны для вождения. Вам до нее ближе, чем кому-то еще.

— Хорошо. Мы уже в пути,— кивнув Вильсе, Джон открыл запор на дверце «Данаи».— Только скажите нам направление. Я позвоню вам, как только мы будем в машине.

— Нет. Вам понадобится нечто большее, чем просто направление. Поверхностное путешествие по Европе — вещь довольно хитрая и потенциально опасная. Не двигайтесь с места, пока мы не обеспечим вас детальными навигационными данными.

Поначалу Джон счел этот приказ перестраховкой. Вездеход оказался действительно прост в управлении — как Хильда Брандт и обещала. Однако в течение первых же пяти минут Джон выяснил, почему она так настаивала на обеспечении навигационных деталей. Путешествие по внутреннему океану Европы требовало всего лишь сведений о глубине и давлении, а также элементарного умения не напороться на верхние и нижние граничные поверхности льда и морского дна. Поверхностное же путешествие по Европе полностью контролировалось гравитацией. Даже столь

маленький мирок, как Европа, не гарантировал безопасности от внезапного нырка машины вниз по почти вертикальному склону или от ее застревания в узкой бездонной расщелине.

Джон не пытался предугадывать инструкции, приходящие через коммуникатор. Он в точности им следовал, направляясь вдоль извилистых линий ледяных гребней и медленно проползая по блеклым долинам с крутыми склонами.

Пять километров наземного путешествия в итоге составили вдвое больше, но в конце концов сердитый голос Сандстрема произнес:

— Здесь тормозните и двигайтесь предельно осторожно. Дальше мы не сможем вас направлять. Согласно обработанной информации, сигнал бедствия от Камиллы Гамильтон исходит из точки где-то в сотне метров впереди вас.

— Оставайся здесь, Джон.— Вильса открыла дверцу и соскочила на лед. Она указала на две параллельные колеи, глубоко врезавшиеся в губчатую поверхность и затененные косым солнечным светом.— Дальше становится мягче. Не двигайся вперед, пока я не скажу тебе, что все в порядке. Эта поверхность достаточно крепка для меня, но начет машины я не уверена.

И Вильса осторожно двинулась вперед. Она уже могла разглядеть что-то на льду впереди — темный прямоугольник, который совсем не отражал света. Следы от вездехода стали глубже. Вильса двинулась дальше еще медленней, а последние двадцать метров проползла на четвереньках, чтобы равномерней распределить вес. Казалось, жуткий холод стремительно высасывает тепло из ее скафандра. Еще максимум полчаса — и она замерзнет.

Добравшись до края дыры, Вильса обнаружила, что вглядывается в мрачную пещеру. Она терпеливо ждала, пока ее глаза хоть немного привыкнут к темноте.

Наконец, на дне пещеры, в пяти-шести метрах под собой, Вильса смогла различить очертания вездехода. Ничто там не двигалось.

— Я ее нашла.— Извиваясь как змея, Вильса стала отодвигаться от края.

— Сейчас я им сообщу,— сказал Джон. А затем добавил: — Они спрашивают: она внутри?

«Они ведь не это имеют в виду,— подумала Вильса.— Они имеют в виду — жива она или нет».

— Не могу сказать.— Вильса осторожно пробралась обратно к вездеходу. На зернистой поверхности она видела свои собственные следы, но они были всего пару сантиметров в глубину.

— Я намерен посмотреть.— Джон спускался на поверхность, чтобы встретить Вильсу. Через плечо у него был перекинут буксирный трос, а в руках он держал коммуникационный блок.— Если ты пойдешь со мной и опустишь меня туда...

— Нет.— Вильса развернулась и повела его к дыре.— Ты вдвое тяжелее меня, и у тебя мышцы землянина. Я спущусь. А ты оставайся наверху и тащи меня наружу, когда я скажу.

Джон кивнул. Они молча дошли до места и остановились в нескольких шагах от дыры. Там Джон отдал Вильсе свернутый трос.

— Мне бы очень хотелось посмотреть, что там внизу, но нас двоих самый край может не выдержать. Так что безопасности ради я отступлю на несколько метров, а затем ты идешь вперед. Продолжай информировать меня через рацию в скафандре. Я буду передавать вести остальным.

Они оба знали, что Вильса, скорее всего, там найдет. Но она вовсе не думала, что Джон увиливает от исполнения неприятной обязанности.

У него могла оказаться своя, не менее противная. Если они не ошибались и Камилла Гамильтон была мертва, задачей Джона станет проинформировать ожидающих поисковиков на орбите и на «Горе Арарат».

Вильса накинула на себя две петли троса, на талию и на грудь, кивнула Джону и осторожно двинулась к дыре. Там она присела, убеждаясь, что Джон крепко держит свой конец троса, после чего одним движением соскользнула с края. Грубые волокна троса царапали и рвали лед, рывками опуская Вильсу, пока она не приземлилась в полуметре от вездехода.

Внутри ледяной пещеры царили жемчужные сумерки с голубоватым оттенком. Этого света вполне хватало, чтобы все было видно, как только Вильса к нему привыкла. Она перевела дыхание. Не имело смысла затягивать. Вильса подступила к машине, подтянулась к люку на крыше — главная дверца была заблокирована ледяной стеной — и отвела его в сторону. Как она и опасалась, сиденье водителя было занято. Там неподвижно осела человеческая фигура в поверхностном скафандре.

Вильса забралась внутрь, наклонилась поближе и выругалась про себя. Изнутри шлем скафандра сплошь покрывали ледяные кристаллики. Она протянула руку и сжала предплечье сидящей. Оно было твердым как камень и не поддавалось ни на микрон.

— Она здесь, Джон.— Вильса поразилась ровности и спокойствию своего голоса.— И я боюсь, что она мертва. Замерзла. Передай всем плохие новости, пока я буду обвязывать ее тросом. Когда я скажу, поднимай.

— Обвяжи заодно и себя. Я справлюсь с вами обеими.

— Не уверена,— Вильса более внимательно осмотрела тело. Оно принадлежало непомерно жирной персоне, разбухшей и гротескно бесформенной, словно ее раздули, как воздушный шар. Труп совсем не напоминал нормальную женщину, которая просто до смерти замерзла.— Подними сперва ее, а затем позаботься обо мне. Вездеход может оставаться здесь, пока за ним не прибудет отряд с «Горы Арарат».

Вильса аккуратно обернула тело петлей троса и убедилась, что он ни за что не зацепится, когда его начнут поднимать. Джон удивленно закряхтел, чувствуя нежданную тяжесть, но тем не менее уверенно потащил. Вильса наблюдала за тем, как тело поднимается, и уловила заковыристый момент у нижней части дыры. Наконец тело, точно смехотворный шарообразный клоун, перекатилось через край и исчезло.

Дальше последовало очень долгое молчание, которое Вильса заполнила изучением индикаторов вездехода. Вот злая ирония! Энергии там было вполне достаточно, чтобы десять раз вернуться к «Горе Арарат». Однако вся энергия для обогрева кабины была израсходована. Исчезли все продуктовые припасы и, что самое удивительное, абсолютно вся вода.

— Еще несколько секунд.— Голос Джона, раздавшийся наконец в наушниках шлема, прозвучал довольно озадаченно.— Нет ли в машине чего-нибудь такого, что могло бы подтвердить принадлежность этого тела Камилле Гамильтон.

Вильса сочла этот вопрос нелепым. Одна персона потерялась на Европе, одна была найдена — так каким дьяволом это мог быть кто-то еще?

— Я ничего такого не вижу.— Она уставилась на панель управления.— Компьютер по-прежнему включен, и там есть сводки каких-то данных. Но ничего похожего на какой-либо индивидуальный идентификатор я не наблюдаю. А почему ты спрашиваешь?

— Я только что передал описание ее внешности на «Гору Арарат». Они сказали, что все не то. Камилла Гамильтон была худая — очень худая, светловолосая и хрупкая. Какого цвета у нее волосы, я не вижу — внутри шлема лед. Но ты сама видела тело, и вряд ли кто-то скажет, что оно худое. Оно огромное.

— Я готова подняться.— Вильса больше не желала разговаривать. Она не знала Камиллу Гамильтон, но идентичность тела была для нее не важна. Прикосновение к мраморным конечностям, которые всего сутки тому назад были частью живой, дышащей женщины... короче говоря, Вильсе уже хватило, кем бы эта женщина ни была.

Путешествие обратно к горе Арарат вышло просто ужасным. Все удовольствие и удовлетворение, которое Вильса испытала, курсируя по глубокому океану, начисто испарилось. Она сидела поближе к Джону, каждую секунду поездки сознавая, что раздутая ледяная трагедия лежит всего в паре метров позади них. Джон хотел открыть шлем скафандра, чтобы посмотреть на лицо и все-таки попытаться подтвердить соответствие трупа описанию, но Вильса ему этого не позволила. Одной мысли о том, что лицо этой женщины даже после смерти окажется открытым для просачивающегося в вездеход потока ионов, было слишком много. Вильса все продолжала думать о похоронах Моцарта — великого Моцарта, умершего в тридцать пять лет, о жуткой поездке катафалка к нищенской могиле, о соскользнувшей крышке гроба, о бесконечном декабрьском дожде, льющем в немо разинутый рот.

Вильса постоянно поддерживала температуру в кабине как в сауне, словно дальнейший холод мог принести еще больше вреда этим негнущимся конечностям. И все равно ее трясло.

Если поездка вышла скверной, то прибытие на «Гору Арарат» оказалось еще хуже. Вильсе хотелось одиночества; но когда Джон остановил вездеход, показалось, будто все население Европы пришло сюда оплакать умершую.

Был там Тристан, который уже вернулся с орбиты и теперь глазел на Вильсу с жутким выражением типа «ударь меня», совершенно не подходившим к его радостному лицу. Была там Нелл Коттер, изучавшая Вильсу и Джона холодным, задумчивым взглядом. И, хуже всего, был там высоченный незнакомец по имени Дэвид Ламмерман, чье лицо озарилось радостью, когда он увидел размеры массивной фигуры, которую вытаскивали из вездехода.

Но когда с Камиллы Гамильтон сняли шлем, и все увидели ее замерзшее, безжизненное лицо, Ламмерман охнул и застыл в неподвижности, пока слезы бежали у него по щекам.

— Можете вы ее опознать? — спросила Хильда Брандт.

Ламмерман молча кивнул.

— Очень хорошо.— Директор научно-исследовательского центра взяла все в свои руки. По прибытии Джона и Вильсы она казалась такой же расстроенной, как все остальные, но после первого близкого осмотра лица Камиллы Хильда Брандт вдруг стала спокойна и деловита.— Мы не можем оставить ее здесь. Давайте перейдем в мои помещения — там теплее. Нам всем теперь нужно тепло. Вы четверо, помогите с носилками.

— Не надо. Я ее отнесу,— Дэвид Ламмерман в одиночку поднял огромное тело, баюкая его на руках, и двинулся вслед за Хильдой Брандт. Остальные последовали за ними, направляясь к личным апартаментам Брандт. Джон Перри пошел рядом с Нелл Коттер и начал ей что-то говорить, тогда как Тристан тащился позади вместе с Вильсой, замыкая группу.

— Не ожидала тебя здесь увидеть,— Вильса чувствовала, как неловко и с какими запинками она говорит.— Я подумала, пропуск на Европу получить очень сложно. Так что когда у меня появился шанс здесь побывать... я подумала, что такого шанса у меня может больше никогда не быть...

Как извинение эта фраза не прозвучала. По крайней мере, как настоящее извинение. Но Тристан все равно с благодарностью за нее ухватился.

— Обычно сюда почти невозможно попасть, потому что Хильда Брандт предпочитает держать лишних людей подальше. Но когда она узнала, что Камилла Гамильтон потерялась на поверхности, она выбросила все свои правила за борт. И допустила сюда Ламмермана. А Сайрус Мобилиус предоставил корабли для поиска высокого разрешения. Иначе...

Внезапно он умолк и закрыл глаза.

«Иначе?» — мысленно повторила Вильса. Иначе, собирался сказать Тристан, мы бы опоздали. (И еще я поначалу подумал, что это ты.)

«Но мы и так опоздали»,— подумала Вильса, протягивая руку и сжимая ладонь Тристана. Он отчаянно за нее ухватился, как утопающий за соломинку, и не отпустил ее, даже когда они вошли в апартаменты Хильды Брандт.

Там присутствовали все, кроме Дэвида Ламмермана. Брандт велела ему отнести тело Камиллы куда-то еще. «В морг? — задумалась Вильса, присаживаясь у самой двери.— В морг на Европе. Но весь этот мир — настоящий морг. Его жесткая, километровая в толщину корка — не иначе как естественная гробница, саркофаг, способный вместить всех обитателей Солнечной системы, прошлых и нынешних».

При этой мысли предательский разум Вильсы выдал приглушенную барабанную дробь, за которой последовала скорбная басовая фраза под сурдинку на виолончелях и контрабасах.

Похоронная месса для Камиллы Гамильтон, с которой Вильса никогда в жизни не встречалась? Были вещи и еще более странные. Вильса позволяла Тристану держать ее за руку, пока она удалялась в то место, куда, знала она, никакие скорби проникнуть не могли. Она понимала, что остальные люди в комнате разговаривают, жестикулируют, спорят, но неспособна была их услышать. Нормальная речь просто не проходила, когда Вильсу захватывала композиция.

Ее равновесие было нарушено физически.

Причем очень настойчиво.

Огромная ладонь схватила ее за руку. Вильса подняла глаза и обнаружила, что на нее таращится большое лицо с совершенно дикими глазами. Это был Дэвид Ламмерман, силой поднимавший ее на ноги. Казалось, он был так же неспособен говорить, как Вильса была неспособна слышать. Ламмерман вытащил ее в коридор, и Тристан последовал за ними. Нелл Коттер, повинуясь своему природному инстинкту, тихо встала, включила камеру и тоже вышла.

Ламмерман положил тело Камиллы Гамильтон на длинный стол в соседней комнате. Ее шлем был снят, а двойной скафандр, который она носила, спущен до пояса. Вильса увидела раздутую, лишенную шеи голову и бледные, распухшие руки, каждая толщиной с ее собственное бедро. Кожа на этих руках ближе к плечам была полупрозрачной и туго натянутой, точно пленка из молочно-белого латекса.

Ламмерман подтащил Вильсу поближе к столу. Она внимательно оглядела Камиллу Гамильтон и вдруг поняла, что каменная оцепенелость трупа постепенно исчезает в теплом воздухе. Выпуклые предплечья обвисали, их натянутая кожа бугрилась, пока

жидкости тела стекали вниз под воздействием нежной гравитации Европы.

— Смотрите!

Хватка Дэвида Ламмермана за руку Вильсы стала достаточно сильной, чтобы оставить синяк. Она снова опустила взгляд, ничего не увидела и попыталась отстраниться. Но затем рот трупа дернулся в едва заметном спазме.

Выходят скопившиеся газы? Но мокрые ресницы слегка подрагивали.

— Боже мой. Она жива! — Вильса тронула распухшую щеку. Кожа была липкой, но она уже разогрелась до температуры выше комнатной. Она повернулась к Тристану.— Она точно жива. Нам нужен доктор.

Тристан секунду поколебался, борясь с побуждением остаться и посмотреть. Затем он кивнул и вышел. Нелл Коттер двинулась вперед, низко склоняясь над телом.

— Она уже дышит. Поднимите ей голову.

Но эти слова были не нужны. Голубые глаза на мгновение раскрылись, тогда как распухшие руки принялись скрести по столешнице. Послышались слабое кряхтение — результат отчаянного усилия.

— Поможем ей,— предложила Вильса.— Она пытается сесть.

Две женщины осторожно перевели тело в сидячее положение. Дэвид Ламмерман подался ближе.

— Камилла. Ты меня слышишь?

Глаза ее остались закрыты, но из разошедшихся губ вылетело какое-то хныканье.

— Ей больно,— заключил Дэвид.— Камилла, как нам тебе помочь?

Последовало молчание.

— Она вас не слышит,— сказала Нелл.

Но глаза Камиллы уже снова открывались. Туманный взгляд поблуждал по комнате и наконец сфокусировался сначала на Вильсе, затем на Нелл. Раздутые щеки опадали. А вялый рот заговорил:

— Туалет. Хочу... в туалет.

Вильса и Нелл в замешательстве переглянулись. Но громадное тело уже пыталось встать.

— Возьмите ее под руку.— Нелл ухватилась и стала поднимать. Вильса тоже ухватилась — и считанные мгновения спустя

Камилла Гамильтон уже стояла, пошатываясь, меж двух женщин. Она была огромна, вдвое шире любой из них.

— Туалет,— повторила Камилла.— Упрямая и... импульсивная. Хочу писать.

— Она знает, чего хочет,— сказала Нелл.— Давайте ее отведем.

— Это сюда,— указала Вильса. Вместе они медленно повели Камиллу по коридору, а Дэвид Ламмерман беспомощно плелся позади. Прежде чем они добрались до туалета, из апартаментов Хильды Брандт уже торопливо прибыли все остальные.

— Освободите дорогу,— твердо потребовала Нелл. То, что они с Вильсой проделывали, было достаточно мудрено и без столпившихся вокруг полдюжины человек.— Мы идем в туалет.

— Хочу пописать,— настойчиво сказала Камилла.

Они сняли с нее остатки двойного скафандра. Обнажившееся тело было комковатым и гротескным, среди бесформенных выпуклостей жидкой хляби там оставались островки твердой плоти, и все это покрывала до предела натянувшаяся кожа. Едва освободившись от скафандра, Камилла целеустремленно заковыляла в туалет.

— Что происходит? — Дэвид Ламмерман сунул туда голову.— Здесь Габриэль Шуми — начальник медицинской службы Европы.

— Она в туалете,— сказала Нелл.— Убирайтесь отсюда к черту и всем остальным тоже скажите держаться подальше. Доктор сможет ее осмотреть, как только она закончит.— Когда Дэвид исчез, она обратилась к Вильсе: — Если она вообще когда-то закончит. Это просто дикость. Уже несколько минут прошло. Сколько она еще будет продолжать?

Вильса внимательно оглядела все еще раздутое тело и прислушалась к непрерывному и, похоже, нескончаемому извержению жидкости.

— Очень долго. Кажется, в нормальном состоянии она весила порядка пятидесяти кило. Сейчас она, пожалуй, куда ближе к ста пятидесяти. Думаю, почти все это просто лишняя вода. Когда она была во льду, она, должно быть, по меньшей мере сто литров выпила.

— Зачем, черт побери?

Но Камилла уже пыталась встать.

— Кажется, я закончила,— невнятным голосом пробормотала она.— На данный момент. Но мне лучше далеко отсюда не уходить. Там еще прилично осталось.

Они помогли ей надеть платье. Одетая, и на ногах, Камилла оказалась способна без посторонней помощи выйти в коридор. Но там ее ждала каталка, и стоящий рядом врач не позволил Камилле идти. Он уложил ее на каталку и уже через считанные секунды готов был ее увезти.

Когда все остальные попытались за ним последовать, доктор Шуми только отмахнулся. Этого высокого, элегантного мужчину окутывала колоссальная аура авторита. «На Земле,— подумала Нелл,— он бы среди Внутреннего Круга просто фурор произвел». Но за профессиональной позой медика она уловила глубокую неловкость и быстро раскусила, в чем дело. Любому врачу, который решал практиковать на небольшой исследовательской станции вроде «Горы Арарат», следовало избегать медицинских проблем, а не решать их. Мелкие недуги лечились на месте, а с крупными людей сразу же переправляли в более серьезные медицинские учреждения Ганимеда. Габриэлю Шуми жилось легко. И он должен был испытывать огромную неловкость, когда у него на руках вдруг оказалась такая поразительная аномалия, как Камилла Гамильтон.

— Обещаю вам вернуться и доложить, как только смогу,— сказал доктор.— Но никаких зрителей я не допущу.

— С ней все будет хорошо? — спросил Дэвид Ламмерман.

— Ну, знаете, сейчас еще слишком рано делать по этому поводу какие-то заключения.

Нерешительный тон доктора подтвердил впечатление Нелл. Габриэля Шуми вытащили из его глубин, и ему это сильно не понравилось. Мертвецы, которые возвращаются к жизни, в его учебнике не значились.

— Никогда в жизни не видел такого отека,— продолжал доктор.— Задержка жидкости и разбухание. Ее тело, судя по всему, решило эту проблем путем... гм, естественным путем. Насколько я могу судить, она очень прилично выправляется. Но мне необходимо провести тщательное обследование.

Габриэль Шуми отмахнулся от дальнейших вопросов и торопливо погнал каталку по коридору. Сразу же после удаления Камиллы вся группа разбилась на небольшие кучки, чтобы поговорить об увиденном; а затем, когда явление не поддалось логическому анализу, обсудить другие вопросы. Тристан и Вильса погрузились в оживленную личную беседу. Дэвид Ламмерман молча прислушивался к Баззу Сандстрему, который категорически отрицал, что

вынуждал Камиллу выходить на лед. Впрочем, едва ли Дэвид слышал хоть слово. Его лицо сияло радостью, а не обвинением. Он не понимал, как Камилле удалось выжить. Его это, однако, и не волновало. Она была жива!

Нелл стояла в одиночестве. Она не просто все увидела — она все записала. Все подробности воскресения из мертвых имелись на видео, даже поразительная работа мочевого пузыря Камиллы. Вот только Нелл не знала, куда ей эту пленку пристроить. На Земле определенно нашлось бы место в программах по экстремальному спорту для сюжета о самом длительном мочеиспускании в Солнечной системе, но это составляло часть того бизнеса, которого Нелл благополучно избегала. Что же все это значило? Пока она этого не узнает, эта пленка будет оставаться просто курьезом.

Нелл осмотрела группу. Когда она дошла до Хильды Брандт, директор научно-исследовательского центра встретила ее взгляд и мотнула головой, подзывая Нелл к себе. Нелл с неохотой подошла.

— Разве не славно иметь для разнообразия счастливую развязку? — Брандт, как всегда, была предельно мила и непринужденна.— Однако эта конкретная вечеринка, как я понимаю, закончена. И я знаю, что по крайней мере вы задумываетесь, что будет дальше. Боюсь, вас ждет разочарование. Джон Перри остается здесь и берется за работу, ради которой он прибыл на Европу. А все остальные должны отсюда отбыть. Здесь защищенная окружающая среда. Хотя я должна признать, что последние двадцать четыре часа она совсем таковой не выглядела.

Глаза Хильды Брандт, ясные и невинные, впились в глаза Нелл,— мне нужна помощь. Не поможете ли вы мне без лишнего шума всех отсюда убрать? Если вы это сделаете, даю слово, что вы будете в первом ряду, когда Джон Перри в следующий раз вернется со дна Европейского океана.

Хильда Брандт вела себя так, как будто ничего сверхординарного не произошло. Небрежность ее манер снизила воскресение Камиллы из мертвых до повседневного события. Нелл кивнула, одновременно добавляя субвокальный комментарий: «Что она на самом деле обо всем этом думает? И почему я? Почему Хильда Брандт выбрала себе в помощницы именно меня?»

Она смогла придумать только один ответ. Брандт, как никто другой во всей этой группе, понимала преимущество дружелюбного отношения прессы. Сравнивая это понимание с подростковой

наивностью движения «Наружу», Нелл снова почувствовала резкое несоответствие. Члены движения «Наружу» и жизненная умудренность жили в разных вселенных. Но Хильда Брандт невесть каким образом населяла обе.

Нелл попыталась гуртом погнать людей дальше по коридору. Но они не двинулись с места. Потребовалось бы физическое насилие, чтобы увести их отсюда, пока они не получили обещанный рапорт доктора Шуми о состоянии Камиллы. Тогда Нелл поймала взгляд Хильды Брандт и развела руками. Директор научно-исследовательского центра сочувственно улыбнулась, как будто заранее ожидала, что попытка Нелл окажется неудачной. И эта неудача ничуть ее не расстроила.

В голове у Нелл продолжали крутиться недоуменные вопросы. «Зачем же она попросила меня, если знала, что все равно ничего не получится?» И, в какой-то вспышке вдохновения, ответ: «Она хотела дать мне задание, которое изолирует меня и не позволит мне разговаривать с остальными. Но почему?» И наконец, в порядке предупреждения себе самой: «Будь осторожна. У пешки на шахматной доске всегда очень узкий кругозор. Есть многое во Внешней системе, Нелл Коттер, что тебе даже во сне присниться не может. Если хочешь добраться до самой подноготной, тебе лучше этого не забывать. И если хочешь уберечься от беды, лучше тебе не путать заявления Хильды Брандт с ее мотивами».

18
ГЛУБИННОЕ ОТКРЫТИЕ

Джон Перри чувствовал себя откровенно несчастным. Он никогда не отличался умением распознавать эмоции — как свои собственные, так и чьи-то еще. Наблюдая за тем, как Нелл Коттер бродит среди группы, пытаясь убедить всех вернуться в апартаменты Хильды Брандт, он безуспешно пытался прочесть выражение на ее лице. В конце концов Джон все-таки к ней подошел. Нелл приветствовала его легким, отстраненным кивком. Она приняла его предложение помочь и даже достаточно свободно с ним поговорила; но это была всего лишь оживленная, безличная болтовня незнакомки в лифте.

Пока, без всякого объявления войны, Нелл вдруг не повернулась к нему и низким, свирепым голосом не прошипела:

— Почему ты это сделал? И не вздумай спрашивать, что.

Джон и сам об этом задумывался. Ему нравилась Вильса, и он чувствовал себя с ней совершенно непринужденно. Но вовсе не по этой причине он отправился с ней на Европу после того, как почти что дал Нелл обещание взять с собой именно ее. И Джон действительно хотел отправиться туда с Нелл.

Он покачал головой.

— Я не знаю. Мне очень жаль, но я правда не знаю. Не знаю я, почему я это сделал.

Нелл несколько секунд сверлила его взглядом, неподвижно стоя в своей характерной позе со склоненной набок головой.

— Ты только что спас свое лицо, Джон Перри. Не считая некоторых других твоих органов. Ты дал мне единственный ответ, в который я могу поверить. Ладно, проехали.

Джон следил за ее взглядом, пока Нелл изучала остальных. Они медленно, но уверенно двигались к апартаментам Хильды Брандт.

— Остаток пути они могут пройти без нас.— Нелл крепко взяла его под руку.— Мы побудем снаружи. Я должна с тобой поговорить.

— Я уже несколько дней хочу с тобой поговорить.

— Тогда у тебя будет шанс. Но сперва ты послушаешь. Хильда Брандт хочет, чтобы я и все остальные в ближайшие несколько часов покинули Европу. Все, кроме тебя. Но Вильса говорит, что ее пригласили вернуться после очередной серии концертов. Скажи, это ты организовал?

— Нет. Честное слово, Нелл. Я даже об этом не знал. Я к Вильсе ничего такого не испытываю.

— А что ты тогда к ней испытываешь? Тьфу, черт, не хочу опять начинать. Но будь я проклята, если вернусь на Ганимед, тревожась о тебе и не зная, что будет дальше. Соберись с мыслями, Джон Перри. Будем мы вместе или нет?

— Ну-у...

— Не телись.— Нелл потянулась схватить его за уши — покрепче, чтоб было больно.— Да или нет?

— Да. Определенно. Да. Я не телился. Я хочу тебя, хочу, чтобы ты была со мной. Я об этом думал еще когда мы только прибыли в Аренас. Ты такая...

Остальная часть фразы была заглушена горячим и настойчивым поцелуем Нелл.

— Ты мне эти славные словечки как-нибудь в другой раз скажи,— громко прошептала она, когда его отпустила.— Все остальное придется отложить, потому что они уже идут. Но ты не думай, что я особенно терпеливая.

Джон взглянул в сторону апартаментов Хильды Брандт и только затем понял, что Нелл смотрит совсем не туда. Из другого конца коридора приближался доктор Габриэль Шуми — а вместе с ним шла пухлая женщина с роскошными светлыми волосами. Труп из ледяной гробницы. Лицо Камиллы Гамильтон было пятнистым от кровоподтеков, и доктор на всякий случай держал ее под локоть; однако, входя в апартаменты Брандт, она шла ровно и без посторонней помощи.

— Камилла Гамильтон,— сказала Нелл.— Идем. Я должна это заснять.

Они с Джоном торопливо вошли в комнату как раз в тот момент, когда доктор Шуми начал говорить. Камилла, немного смущенная, как понял Джон, когда ему удалось заглянуть ей в глаза, села в широкое кресло с покрывалом в центре просторного помещения.

— Я обещал доктору Брандт доложить как можно скорее, иначе бы меня сейчас здесь не было.— На элегантном лице врача было удрученное выражение.— И если бы все, находящиеся в этом помещении, не заверили меня, что Камилла Гамильтон замерзла как сосулька и уже, судя по всему, час как мертва, я бы попросил вас прекратить свои розыгрыши и не отнимать понапрасну время у переутомившихся докторов. Мисс Гамильтон, пожалуйста, встаньте. И немного пройдитесь.

Камилла так и сделала, слегка косолапя и понурив голову от смущения.

— Я чувствую себя призовым экспонатом на старомодной выставке домашних животных. Пожалуй, скорее индейкой,— она взглянула на всех по очереди.— А где Джон Перри и Вильса Шир? Я хочу поблагодарить их за то, что они спасли мне жизнь.

— Как вы все можете видеть,— продолжал Шуми,— она явно восстанавливается и уже функционирует почти нормально. Но Бога ради, не спрашивайте меня или кого-то еще из медсанчасти, как ей это удалось. Есть два-три совершенно безопасных способа довести температуру человеческого тела до отрицательной, и мы нередко проделываем это при сложных операциях.

Но при этом никого просто-напросто не выставляют на чудовищный мороз.

— Люди, которые проваливаются под лед,— отважился Тристан,— в замерзающую воду...

— После чего все их системы отключаются и температура тела падает за несколько секунд. Потребление кислорода мозгом тоже падает. Только так они могут выжить,— Габриэль Шуми жестом предложил Камилле снова сесть.— Однако, согласно всему, что мне было рассказано, здесь случилось нечто совершенно иное. Температура в вездеходе должна была понизиться медленно, за определенный период времени. Это верная смерть. А еще страннее то, что у вас, мисс Гамильтон есть удержанная вода и... лед.

— Лед? — Хильда Брандт улыбалась Камилле с каким-то собственническим выражением лица.

— Твердый лед, доктор Брандт. Когда мы доставили мисс Гамильтон в рентгеновское отделение, по всему ее телу, поблизости от кожи, оказались рассеяны комки льда. Самые разные — весом от нескольких граммов до пары килограммов. По мере того как комки таяли, она избавлялась от избыточной воды естественным образом — шестьдесят килограммов начиная с того момента, как она вошла в мою лабораторию и заканчивая тем, когда она из нее вышла. Можно сказать, чудесная прокачивающая работа для почек. Я так прикидываю, что еще должно выйти пятнадцать-двадцать килограммов, прежде чем мисс Гамильтон достигнет своего обычного веса. Но все это жидкость.

— Теперь уже никакой спешки,— сказала Камилла и улыбнулась.— Вы все в полной безопасности. Не беспокойтесь, я себя не опозорю.

— Могло ли как-то помочь образование льда? — спросил Дэвид Ламмерман. На его лице непрерывно играла улыбка.— Я хочу сказать, когда вода превращается в лед, она отдает свою скрытую теплоту. Эта теплота могла поддерживать нужную температуру в остальных частях тела.

— Действительно, при образовании льда так и происходит. И теплота действительно выделялась,— Шуми покровительственно кивнул Дэвиду.— Но я предлагаю вам объяснить мне, как это могло помочь в данном случае. Если я выпью пятьдесят–сто литров воды — предполагая, что я смогу столько проглотить, а я

уверен, что не смогу,— и вы начнете меня замораживать, я могу начать образовывать комки льда по всему телу... но они безусловно не будут появляться в каких-то определенных местах, чтобы сохранить остальные мои органы от замерзания.

— А вы это проделывали? — Дэвид Ламмерман бочком подбирался к Камилле. Ему хотелось ее обнять.— Выпивали вы когда-нибудь сто литров воды?

— Дэвид, я сама не знаю, что я сделала,— Камилла подалась вперед и протянула к нему руки.— Насколько я знаю, все произошло именно так, как я рассказала доктору Шуми. Я сидела в машине, зная, что мне не хватает тепла, уверенная в том, что замерзну до смерти, прежде чем кто-то заметит мой маяк или хотя бы поймет, что я пропала. Затем я начала анализировать новые данные, которые я получила из центра РСН,— догадываюсь, это был мой способ мысленного бегства от реальности. Последнее, что я помню, это что я находилась в самой середине вычислений, и они начинали становиться по-настоящему интересными. А потом я проснулась. Проснулась здесь. Я правда не помню, как пила воду, теряла сознание или что-то еще в таком роде. Быть может, мысль о том, что я сейчас замерзну, как-то повлияла на мой мозг, хотя сейчас я чувствую себя достаточно нормально.

— Ваш мозг ничто не затронуло,— сказал доктор Шуми.— По крайней мере, ни по одному из обычных вариантов. Я запросил с Ганимеда диаграмму вашего мозгового сканирования. Ваш мозг функционирует точно так же, как и всегда.

— Так что же все-таки со мной случилось?

— Как раз до этой точки мы и дошли.— Габриэль Шуми бросил косой взгляд на Хильду Брандт.— Я не могу ответить на этот вопрос. Хотя я признаю, что у вас, мисс Гамильтон, есть все основания его задать. Быть может, через несколько дней...

— У вас есть для меня какие-то рекомендации, доктор Шуми?

— Что ж, ей определенно не следует покидать Европу, пока она не вернется к нормальной физической форме,— врач обращался к Хильде Брандт.— А это может составить не меньше трех суток, если она сохранит прежние темпы восстановления. Хотя, разумеется, я бы хотел провести более тщательное обследование.

— Если она не возражает. Она, знаете ли, ваша пациентка, а не подопытное животное.

— Разумеется,— Шуми был захвачен врасплох неожиданной резкостью в голосе Хильды Брандт.

— Очень хорошо,— Брандт встала прямо перед Камиллой и внимательно посмотрела ей в глаза. Похоже, ее порадовало то, что она там увидела.— Такие вот дела, моя милая. Даже если бы доктор Шуми не стал бы на этом настаивать, я собиралась отказаться отпускать вас еще по меньшей мере пару суток.

Она выпрямилась.

— Что же касается всех остальных, для вас, боюсь, вечеринка закончена. Здесь научно-исследовательское учреждение, хотя после нынешних событий вам, быть может, трудно в это поверить. Мы найдем кого-нибудь, кто позаботится о том, чтобы организовать вашу доставку на Ганимед.

В манере Хильды Брандт присутствовала какая-то небрежная уверенность, которая предотвращала все споры. Нелл, видя ее сейчас, уже ни секунды не сомневалась, что обращенная к ней не так давно просьба Хильды Брандт была сделана совсем по другим причинам. При желании директор научно-исследовательского центра одна могла спокойно очистить любое помещение на «Горе Арарат», причем всего за пару минут.

— Но я должен остаться, Нелл,— прошептал Джон.— Уже через час-другой я отправлюсь к «Капле». Если ты хочешь, чтобы я еще раз попытался убедить доктора Брандт насчет тебя...

— Пустая трата времени. Ты только на нее посмотри.

Джон уставился на спокойное, добродушное лицо Хильды Брандт.

— По-моему, она вполне доброжелательна.

— Это потому, что ты совершенно ее не знаешь. Она вполне доброжелательна, но «да» она тебе нипочем не скажет.

— Что, если ты еще несколько минут побудешь со мной, прямо сейчас...

— Зачем, Джон? Ты хочешь по-быстрому перепихнуться? Вообще-то мысль неплохая, но я уже так не думаю. Я это уже лет десять как прекратила практиковать. Теперь я обожаю хорошенько поваляться,— Нелл протянула руку и похлопала его по щеке.— Ну вот, я тебя шокировала.

— Ты ведь это не всерьез!

— Да-да, знаю — ты таким не занимался. Ты сам мистер Невинность. Это все мой испорченный нрав, и я должна сказать,

что испытываю немалое искушение. Очень хочется увидеть тебя голым.— Нелл поколебалась и наконец покачала головой.— Нет. Иди занимайся своей «Каплей» и держи свои сексуальные руки под контролем. Но помни — я вернусь. Как только найду способ устроить это дело. Европа сейчас — главное место действия.

«Это все мой испорченный нрав». Джон решил, что ему это определенно по вкусу. Он никогда не встречал женщины, которая бы так разговаривала — по крайней мере, с ним. Всю дорогу до Вентиля Джон думал о Нелл. И как это он ухитрился ее подцепить? И почему она назвала его «мистер Невинность»? Он был вполне опытным, а вовсе не невинным.

Когда Джон наконец оказался на ледяном спуске Вентиля, он понял, что Хильда Брандт была мудрее, чем ему казалось. Предварительное погружение, которое они с Вильсой Шир предприняли в «Данае», в то время представлявшееся Джону не особенно нужным, позволило ему теперь сосредоточиться на «Капле», а не тревожиться о том, что будет дальше.

При том, что ему действительно требовалось сосредоточиться. По европейским стандартам Джон был опытным оператором системы Вентиля, а потому никого не послали помогать ему со спуском по льду в воду. Однако солидная часть его разума была по-прежнему с Нелл.

Они обязательно будут друг с другом долго-долго. Они разделят множество чудных лет.

Если только раздумья о Нелл сперва его не убьют.

Джон оторвал взгляд ото льда и понял, что «Капля» уже от него ускользает. Однако ее балансировка была совсем другой, чем у «Данаи», и в результате Джон разместил буксировочные дреки не в тех местах. Округлое, прозрачное судно наклонялось далеко вперед. Гонясь за ним и исправляя крен, Джон неверно оценил оставшееся у него время. Когда он снова поднял взгляд, погружаемый аппарат уже находился на полпути по ледяному скату, его люк был широко раскрыт. Джону пришлось запрыгнуть на борт и задраивать люк, когда погружаемый аппарат одолевал последние тридцать метров наклонной дорожки. Но даже тогда герметичные затворы еще не сработали. Они все-таки встали на место, когда вода уже плескала по основанию судна.

В конце концов «Капля» оказалась отбалансирована и освободилась от дреков, плавно скользя по ледяному спуску в спокойные воды Вентиля. Первые пять минут Джон позволял погружаемому аппарату бесконтрольно падать сквозь толстенный щит, что огораживал Европейский океан. Только когда он прошел мимо нижней границы льда, где давление уже составляло пятнадцать земных атмосфер, Джон оторвал глаза от индикаторов и мониторов.

Единственным, что поразило его, была незнакомая зелень индикатора давления. Этот дисплей модифицировали, изменив шаг увеличения давления от десятой доли атмосферы на метр, каким он был на Земле, до всего-навсего восьмидесятой доли атмосферы на метр, более соответствующей Европе.

Всего-навсего — если не считать того, что Джон держал путь к черным глубинам, неслыханным в земных океанах. Скорее по привычке, чем по необходимости (Джон инстинктивно знал, где он и куда направляется) он сверился с инерциальной навигационной системой. Удовлетворенный увиденным, Джон установил неспешный курс на Жаровню: глубина сорок семь километров, давление шестьсот земных атмосфер. Область высокого давления даже по земным стандартам.

Джон взглянул на новый индикатор. Текущая глубина: пять с половиной километров. Давление: восемьдесят шесть атмосфер.

Он выслал вперед один из свободноплавающих источников света, или попросту плывунов, и включил его. Вода была менее прозрачна, чем во время его последнего вояжа. Либо уровень апвеллинга здесь был выше, либо больше мусора выплавлялась и падало со дна ледяного слоя наверху. Так происходило и на Земле — в Северном Ледовитом океане. Но здесь имелось одно колоссальное отличие. Мутность европейской воды могла обусловливаться присутствием любых видов неорганических соединений, однако в нее не вносил свой вклад завораживающий, невероятно разнообразный детрит живых существ — смесь, благодаря которой каждый отбор пробы земной воды становился экспериментом, в результате которого можно было обнаружить ранее неклассифицированные формы жизни.

Джон хотел исследовать как можно больший участок океанского дна по пути до Жаровни. Он позволял «Капле» падать, пока не оказался в тридцати метрах от дна и не смог с легкостью

увидеть в прозрачной воде неровные контуры океанского ложа. Остроконечные каменные выступы подобно сине-черным зубам акулы угрожающе выпирали в сторону прозрачного корпуса его судна. Маршрут проносил Джона мимо северной подводной оконечности горы Арарат. Он обогнул плоское каменное плато, которое, согласно картам, местами поднималась почти через весь ледяной слой примерно до двухсот метров от поверхности Европы.

Расплавить ледяное покрывало, и оно обратится в воду, которая составит лишь девять десятых первоначального объема. Тогда уровень поверхности упадет — быть может, достаточно глубоко, чтобы это каменное плато обнажилось.

Джон подумал о термоядерном проекте Мобилиуса. Успех этого проекта обратил бы близкие к поверхности подводные шельфы вроде этого в превосходные места для заселения их изобильной жизнью, подобной колониям кораллов на подводных шельфах Земли.

И если это случится, смогут ли аборигенные формы жизни соперничать? Даже учитывая минимальное тепло и свет, земные формы жизни были энергичными, агрессивными, бескомпромиссными. Европейская жизнь могла сохраниться только под защитой недоступности, изолированная пятидесятью километрами океана.

Глубина: девятнадцать километров. Давление: двести шестьдесят атмосфер.

От термоядерного проекта мысли Джона перешли к Камилле. Ее прибытие на Европу с благословения Мобилиуса, ее странное исчезновение и новое появление привлекли на спутник всех остальных. Теперь они удалились на Ганимед, оставляя у Джона неловкое чувство, будто он упустил из вида что-то важное.

Это напомнило ему другой его опыт, двумя годами раньше. Работая на склонах Тихоантарктического гребня в «Капле», он следовал за светящимися желто-зелеными огнями огромной колонии спирул, особого вида каракатиц, курсируя от километровой глубины до всего лишь пары сотен метров от поверхности океана. Из-за того, что Джон двое суток находился без связи с поверхностью, он ничего не слышал о солитоне. Гигантская изолированная волна, более пятидесяти метров в вышину и тысячу километров в длину, проносилась тогда по всей южной части Тихого океана, и курс ее не прервался массивами суши. Пока Джон наблюдал за спирулами, главный гребень солитона прошел как раз над ним.

Хотя одинокая волна несла в себе неисчислимые гигаватты энергии, Джон и «Капля» находились в полной безопасности. Солитон был настолько широк, что даже плавучие базы на открытой поверхности с легкостью поднимались все выше и выше, а затем с такой же легкостью опускались.

И только встроенное в Джона чувство абсолютной ориентации уловило необъяснимый подъем и опускание «Капли». Еще раньше, чем приборы подтвердили перемещение и изменение давления, волоски у него на спине встали дыбом. Было что-то чудовищно тревожное в присутствии незримой силы, которая могла прибыть без предупреждения, сделать свою титаническую работу и так же безмолвно и загадочно исчезнуть.

Но почему он подумал об этом сейчас, причем не в связи с Европейским океаном, а с событиями на базе «Гора Арарат»? Потому что Джона на какой-то миг переполнило ощущение присутствия тех же самых великих сил, направленных на производство колоссальных эффектов. Однако, подобно солитону, эти силы двигались дальше, их энергии рассеивались, не оставляя за собой ни следа. Не оставляя совсем ничего, кроме этого чувства неловкости, чудовищной мощи, вышедшей из-под контроля...

Глубина: сорок пять километров. Давление: пятьсот семьдесят атмосфер.

Острые зазубренные скалы уже закончились, сменившись гладкой, рассыпчатой поверхностью — снежным полем бледной голубизны, что простиралось так далеко, насколько огни «Капли» могли уследить. Ни один человек еще не проникал так глубоко в чистый жидкий шар Европейского океана. Жаровня предположительно располагалась двумя километрами глубже, и, согласно поступающим к Джону данным, отдушина находилась менее чем в одном километре впереди. Однако голубая равнина перед ним была абсолютно гладкой.

Что-то должно было измениться. Джон переключился на ультразвуковое получение изображений и заметил первые признаки перемены. Впереди, не так далеко от погружаемого аппарата, в равнине показалась трещина, узкая, ровная и прямая, как будто проведенная по линейке черта. Джон снизил скорость и осторожно двинул «Каплю» вперед.

Две минуты спустя он уже парил над кромкой расщелины с острыми краями, менее трехсот метров в ширину. Температура

наружной воды составляла экстраординарные для Европы двадцать градусов Цельсия. Комнатная температура. Это был верх Жаровни, самой теплой из известных отдушин Европы. На дне должно было быть еще горячей.

Джон выслал вперед плывунов, настроив их на пульсирующую работу лазеров, и перешел в режим получения изображений высокого разрешения. Краткие вспышки света вырывали из темноты голые вертикальные стены, что ныряли к незримому океанскому ложу. Джон установил «Каплю» на сохранение постоянной дистанции в пятнадцать метров от стены и принялся курсировать взад-вперед километров на пять, медленно опускаясь.

Очень долго Джон ничего такого не замечал. После первого часа ему стало казаться, что весь этот поиск просто нелеп. Он пытался выполнить невозможное. Надеяться найти изолированную точечку жизни на двадцати пяти квадратных километрах дна Европейского океана...

Если не считать того, что «Капля» следовала по курсу, проложенному незримой указкой теплового потока. Погружаемый аппарат шел по температурному градиенту, вдоль и вниз по расщелине. Наружные показания непрерывно росли. До тридцати градусов Цельсия. До сорока. По европейским понятиям тепло внутри этой скалистой расщелины было просто невероятным, выше нормальной температуры тела. И приборы Джона показывали, что состав окружающей воды и подводного утеса идеален для развития жизни: карбонаты, сера, фосфаты, магний. Все ингредиенты имелись здесь в изобилии.

Хотя, конечно, жизнь требовала нечто гораздо большего, чем просто нужные ингредиенты. Быть может, Шелли Солбурн просто нашла эти элементы и по их наличию в определенной пропорции ошибочно заключила, что все это автоматически определяет присутствие в Европейском океане живых организмов?

Джон двигался дальше, моргая через определенные промежутки времени, чтобы избежать пропуска регулярных вспышек освещения.

И совершенно внезапно, в конце третьего часа, искомое доказательство появилось.

Джон остановил погружаемый аппарат. В одном из световых импульсов от плывунов он заметил несколько липнущих к стене зернистых наростов, бледно-голубых и округлых. Тонкие, как

волоски, усики, тянувшиеся из центров наростов, шевелились в теплой воде, нежно покачиваясь, пока они просеивали идущие вверх потоки.

Шелли Солбурн не ошиблась.

Жизнь!

Наросты были совсем крошечные — самый большой составлял не более половины сантиметра в поперечнике. Но Джона это не беспокоило. Размер ничего не значил. Людям на Земле случилось быть гигантами, однако почти все остальные формы жизни на планете оставались на миллиметровом уровне или еще мельче.

Джон воспользовался манипуляторами с дистанционным управлением «Капли», чтобы отцепить от скалы и пристроить на хранение с полдюжины маленьких округлых ракушек. Этого было более чем достаточно, чтобы обеспечить те данные, за которыми он сюда явился, и Джон не хотел нарушать предположительно хрупкое местное равновесие.

Он продолжал опускаться, пока муть апвеллинга не превратила всю воду вокруг «Капли» в густой суп, сквозь который огни плывунов пробивались всего лишь на метр-другой. Ультразвуковые датчики показывали, что расщелина сужается до такой точки, где погружаемый аппарат уже не способен был пройти. Температура воды стабилизировалась около сорока трех градусов Цельсия. А сама вода была богата минералами.

Джон подвел «Каплю» на расстояние в несколько метров от другой стены и слегка увеличил плавучесть. Погружаемый аппарат начал дрейфовать вверх. Но полпути к краю бледно-голубой равнины Джон снова помедлил. Гладкая поверхность утеса уступила место множеству изломанных пластов, чьи неровные края образовывали ряд горизонтальных трещин. Каждая из сформированных таким образом полок была покрыта массой жирных червей, самые крупные из которых были толще руки Джона. Эти существа были яркими, в желто-голубую полоску, подобные гигантским цветным пиявкам, и они пульсировали в ленивом ритме расширения и сокращения, таком медленном, что требовалось несколько минут наблюдать, чтобы заметить движение.

Так что имелись у Европы и собственные гиганты. Джон еще раз воспользовался манипуляторами, чтобы аккуратно разделить корчащиеся связки и поместить с полдюжины чудовищных кольчатых червей на хранение в герметичные, поддерживающие

нужное давление контейнеры «Капли». Там они будут в безопасности, даже когда он вернется на поверхность и примется их анализировать.

Быть может, именно с этой проблемой столкнулась Шелли Солбурн, когда обнаружила на Европе аборигенные формы жизни? Без герметичного хранения под давлением находки могли распадаться и терять всякую ценность, когда их поднимали. Тогда почему она не попыталась снова, изготовив свои собственные герметичные контейнеры? Сам Джон определенно бы это проделал.

Наконец Джон перестал строить догадки о мотивах Шелли. Ему было прекрасно известно, насколько эта дамочка испорчена. Так или иначе, он уже переходил к собственному ликованию. Жизнь на Европе! Здесь могла быть сотня, даже тысяча гидротермальных отдушин, и каждая со своими собственными формами жизни.

А если брать шире, вполне могла существовать далекая, потаенная жизнь, прячущаяся внутри ледяных шаров облака Оорта или на подобных Земле мирах, кружащих на орбите эты Кассиопеи. Могли даже существовать формы жизни открытого космоса, не привязанные ни к одному из материнских миров.

Однако Джон был первым человеком, которому предстояло доказать, что существует аборигенная жизнь на другой планете, и понаблюдать за ней в непосредственной близости. Он станет первым, кто добудет эти формы для научного исследования, первым, кто их назовет, установит их таксономию и тщательно их изучит.

И внезапно проводимое им в глубоком океане время перестало казаться удовольствием. Джону захотелось поскорее начать исследование. «Капля» была чудесным судном, однако возможности для анализа, которыми она располагала, были весьма ограниченны. Они не позволяли Джону установить клеточную структуру или исследовать химию клеток. Он не мог запротоколировать главные органические функции — от пищеварения до размножения. Не мог взглянуть на темпы роста или на механизмы получения энергии. Для этого ему нужны были микроскопы, геномеры, низкоэнергетичные лазеры, рестриктаза. Джону требовалась «Гора Арарат», а также четко определенная и контролируемая окружающая среда герметичной лаборатории.

Но прежде чем он мог начать этот детальный анализ, следовало сделать объявление об открытии. Джон установил «Каплю» на максимальную скорость автоматического маршрута обратно к Вентилю, а сам тем временем, чувствуя приток адреналина, устроился поудобнее, чтобы составить сообщение, которое он пошлет, когда окажется на станции и доберется до открытого коммуникационного канала.

Это должно было быть что-то интригующее, что-то впечатляющее. Причем с таким заголовком, который захватил бы даже людей, которые обычно не интересовались научными результатами.

«Открытие: мы не одни». Нет — недостаточно конкретно.

«Открытие: существование инопланетных форм жизни подтверждено в Европейском океане». Именно что-то в таком роде, согласно Нелл, заставляло миллионы людей выключать свои телевизоры, не дожидаясь подробностей. «Пойми, Джон, людям нужны ужас, секс и насилие. И если они не могут получить всего этого в собственной жизни, лучше видео им ничего не найти».

Ладно. А как насчет такого: «Ужасные гигантские полосатые пиявки с Европы. Фотографии прилагаются»?

Джон ухмыльнулся, представив себе, как такое сообщение буквально прожигает себе дорогу по всем информационным каналам Солнечной системы. Затем он припомнил кое-что еще, сказанное ему Нелл, и ухмылка мигом исчезла. Во время просмотра записи его шоу еще там, на Земле, Нелл в одном месте кивнула на экран и сказала: «В основном все у тебя в порядке. Ты предстаешь трезвым, серьезным ученым, причем того сорта, которому люди доверяют. Но я то и дело вижу в тебе громадный шмат окорока, силящийся выбраться наружу. Ни в коем случае этого не допускай». Так Нелл в своем неподражаемом стиле указывала на толику дешевого актерства, сидящую в Джоне.

Он мог придумать дюжину причудливых или шокирующих способов объявить о существовании на Европе аборигенных форм жизни. Но Нелл была права — они никуда не годились. Сегодня никакого окорока. Сделанное им открытие было слишком важным для игривого тона, слишком фундаментальным для банальностей.

Сообщение, которое Джон в конце концов послал на «Гору Арарат», было адресовано не всей Солнечной системе, а одной Хильде Брандт. И говорилось там только следующее: «Существо-

вание аборигенных форм жизни на Европе подтверждено. Приступаю к детальному анализу. Джон Перри».

19
МЕТОДЫ ТОРКВЕМАДЫ

Порой самая прекрасная теория может униженно склониться перед уродливым фактом. Свами Савачарья почти готов был признать, что эта точка достигнута.

Почти.

Он хмуро взглянул на экран.

— Есть у вас физическое доказательство?

— Понятное дело, нет у меня физического доказательства.— Морд хмуро взглянул на него в ответ.— У меня вообще нет ничего физического. Я бестелесная сущность, помните? Призрак машины. Я не могу носить с собой чемодан с документами, фотографиями и дневниками, как вы таскаете с собой во-от такой вот пакет с пончиками. Но я уверен в своей правоте — уверен точно так же, как в том, что вы там сидите и еще пуще свою жирную ряху откармливаете.

— И это было верно для всего периода войны?

— Не считая, быть может, недели-другой, когда ему пришлось отправиться на Цереру. Я почти каждый день видел его в столовой. Ему тогда, наверное, всего лет двадцать стукнуло, но котелок у него уже был полон всяких идей на предмет термоядерной энергии. Стоило только ему позволить, и он бы все уши вам прожужжал.

— Никаких полетов на Мандрагору?

— Черт, да не знаю я. А что с того, если они были? Разработка биологического оружия у Мобилиуса и в мыслях не ночевала — это точно. Мы все были так дьявольски заняты, что даже вовремя отлить не успевали. Так или иначе, в биологии он не больше моего смыслил. И могу сказать вам как факт, что он был с нами на Палладе в конце войны. Отлично помню, как я с ним разговаривал. Мы тогда прикидывали, взорвут нас там на хрен или все как-нибудь обойдется.

Камеры, которые служили Морду глазами, сделали наезд и взяли крупный план лица Савачарьи. Затем Морд фыркнул.

— И вообще я этого не понимаю. Вы сказали, что Мобилиус — один из немногих, кому позволено приходить сюда без серьезных заморочек. Я подумал, он ваш приятель.

— У нас с ним во многом родственные души. И с той же определенностью он мой очень давний противник. Ибо он Торквемада, и в качестве такового сотворил очень многое...— Сова вздохнул.— Так что необходимо будет снова с ним встретиться. Лично. Вы хотите остаться?

— Я? Остаться? Вы, Мега-чипс, совсем из вашего крошечного умишки выжили. Опять сидеть и слушать, как вы двое сидите тут и друг другу свои слабоумные головоломки загадываете? Да я бы лучше умер. Если бы я уже не умер.— Морд протянул имитированную руку к пульту и отключился.

— Слышали последние новости о Европе? — Обычно разговор начинался далеко от главных забот и по спирали шел вокруг своей оси, проходя бесконечные витки отступлений. Но сегодня Свами Савачарья, судя по всему, не желал проявлять смутную черточку Мегахиропса.

Сайрус Мобилиус пожал плечами. Как всегда на совещаниях с Совой, он не демонстрировал ни малейших признаков своей публичной цветистости.

— Я просмотрел их. Они предсказуемы. Я мог бы сам написать об их реакции.

— Но не стали бы. Они уверены, что получили те голоса в Генеральной Ассамблее, которые отменят ваш Европейский термоядерный проект. Предполагаемое подтверждение существования на Европе аборигенных форм жизни склонило чашу весов в их сторону.

— Так они говорят. Посмотрим,— Мобилиус заерзал на сиденье, словно бы зараженный прямотой Совы и его стремлением двигаться дальше.— Не думаю, что они победят.

— В самом деле? Работа доктора Перри дала им в руки крупные карты, а они давно были вашими заклятыми врагами. Так и тянет идентифицировать их как того тайного врага, чье присутствие вы зафиксировали в системе Юпитера,— Сова спрятал глаза под черным капюшоном, и Мобилиус их не видел. Голос его был равнодушным, почти сонным.— Но, разумеется, я не могу позво-

лить себе подобной идентификации — по двум причинам, хорошо вам известным. Во-первых, члены движения «Наружу» едва ли ваши тайные враги. Они не делают никаких попыток скрыть свои чувства в отношении вас.

— А вторая причина? — После двадцати лет общения в Сети Головоломок Мобилиус хорошо знал повадки Мегахиропса. Дебютный гамбит уже развивался, но вовсе не он был главной целью этой партии. Сторонний наблюдатель смог бы увидеть просто двух мужчин, ведущих цивилизованную беседу. Другой уровень коммуникации — или поединка,— четырьмя-пятью уровнями глубже, оставался скрытым.

— Они не могут быть квалифицированы как ваши враги, Сайрус Мобилиус, потому что вы им не враг. Напротив, вы, как Торквемада, являетесь их главной финансовой поддержкой. И так было уже много лет.

— Странная мысль.— Мобилиус улыбался той самой вежливой, осторожной улыбкой, которая так раздражала Нелл Коттер.— Зачем бы я стал давать деньги людям, которые меня ненавидят, которые борются против всего, что я хочу сделать?

— Вы предлагаете мне выдвинуть предположение? Определенно было бы быстрее и точнее, если бы вы сами все объяснили. Ведь вы не предполагаете оспаривать мои заявления?

— Вовсе нет,— Мобилиус резко рубанул ладонью по воздуху, подчеркивая, что все, сказанное Совой, было самоочевидно.— Откуда вы хотите начать? Полагаю, вы уже знаете о «большом секрете» движения «Наружу»?

— Вы имеете в виду реальную цель проекта «Звездное семя» снарядить не беспилотный корабль к ближайшим звездам, а пилотируемый корабль, который понесет немногих избранных обследовать облако Оорта? Это очевидно, однако не афишируется.

— Да, но пилотируемый корабль с человеческой командой имеет другие потребности.— Мобилиус, похоже, внимательно оглядывал Совиную Пещеру, не встречаясь глазами с самим Свами Савачарьей.— Почему движение «Наружу» настаивает на гелий-дейтериевом двигателе? Потому что подобный мотор производит только заряженные термоядерные продукты, контролируемые магнитным полем, которые можно отводить от жилого отсека и других помещений, где находятся люди. Таким образом, нужна

гораздо меньшая защита. А почему их это заботит? Только потому, что защита тяжела. Вот почему они избегают использования «мобилей», и вот почему они говорят, что я их враг.

— А вы им не враг?

— Я их единственная надежда. Они не знают — потому что я им еще об этом не сказал,— что теперь у меня есть «мобили», производящие только заряженные термоядерные продукты. Время для этого откровения придет позже, когда «Звездное семя» будет готово к полету. А тем временем их нелюбовь к термоядерным двигателям Мобилиуса служит одной очень важной цели. Она объединяет движение «Наружу». Это один из немногих пунктов, по поводу которого все они соглашаются.

— А вы нуждаетесь в этом единстве?

— Нуждаюсь. Уверен, вы сможете сказать мне, почему, поскольку данный пункт подчиняется чистой дедукции. Если вы только не были слишком заняты, сидя там и еще пуще откармливая свою жирную ряху.— Мобилиус повторил слова Морда, не меняя выражения лица, и у Совы они тоже никакой заметной реакции не вызвали. Однако то, что осталось невысказанным, было очевидно обоим.

«У меня тут стоит жучок, который сообщает мне, что происходит в твоей предельно интимной Совиной Пещере».

«Прекрасно об этом знаю. И ты знаешь, что я об этом знаю — иначе бы не передал мне эту информацию в открытую. Однако, как ты также знаешь, в Совиной Пещере происходит очень многое, чего твой жучок не ловит».

«Многое происходит в Совиной Пещере, и многое происходит в голове Свами Савачарьи. Вот почему я здесь».

— Если вы слышали эту фразу,— отозвался Сова,— вы также понимаете, что мое подозрение в отношении вашего участия в событиях на Мандрагоре было полностью снято.

— Я мог бы сам давным-давно дать вам заверение.

— Действительно, могли бы. Но разве бы я вам поверил?

— Давайте я вам скажу, а вы уж сами решайте, верить или не верить: я никогда не бывал на Мандрагоре. Ни разу. И я не могу вам сказать, кто проводил те биологические эксперименты во время Великой войны.

Последовала минимальная пауза, столь краткое мгновение неопределенности, что никакой сторонний наблюдатель его бы просто

не заметил. Эта пауза сказала обоим: «Вот самая суть, центральный момент всего совещания».

— Довольно странно, но я верю, что все эти заявления истинны,— Сова улыбался какой-то тайной шутке.— Язык — восхитительно гибкое орудие, не так ли? Он позволяет сделать массу в буквальном смысле истинных заявлений, чье общее значение целиком зависит от интерпретации. Посему давайте лучше вернемся к загадке движения «Наружу».

— Мне вам сказать или вы сами скажете? Нет тут никакой загадки. Члены движения «Наружу» — просто фанатики. Они страстно стремятся во Внешнюю систему — к Сатурну и дальше. Они противостоят всему — к примеру, тем крупномасштабным переменам, которые Сайрус Мобилиус, эта инкарнация дьявола, предлагает для Европы,— что может сфокусировать внимание и ресурсы Солнечной системы на системе Юпитера. Им нравится думать, что они побеждают и что Европа останется неразвитой. Но вопрос еще очень далек от улаживания. Скоро состоится решающее голосование Ассамблеи. Теперь предположим, что в этот судьбоносный момент доктор Перри, главный земной эксперт по природному окружению гидротермальных отдушин, обнаружил на Европе аборигенные формы жизни.

Полузакрыв глаза, Сова кивал.

— Этот результат еще не получил официального подтверждения.

— Однако ваши источники уже это зафиксировали, и многие другие источники тоже. Весть об этом просочилась в движение «Наружу», и не я ее туда передал. Используя все финансовые ресурсы, которые оно только может прибрать к рукам — давайте не тратить понапрасну время, выясняя, откуда эти ресурсы взялись,— движение «Наружу» сейчас трубит новости об этом открытии из каждой информационной дыры, а заканчивает выводом: «Европейская жизнь должна быть защищена». Они делают это прямо сейчас, пока мы здесь сидим. В ближайшие несколько дней все население Солнечной системы услышит их галдеж.

— И дело с вашим Европейским термоядерным проектом заглохнет.

— На какое-то время. Однако что, если движение «Наружу» будет затем дискредитировано и вынуждено признать свою ошибку? Что, если никаких аборигенных форм жизни на Европе нет?

С подобным допущением доверие к движению «Наружу» упадет до нуля. Вся умеренная оппозиция Европейскому термоядерному проекту тоже исчезнет. Голосование за проект в Генеральной Ассамблее будет предрешено. И битва будет закончена.

Глядя на Сову, Мобилиус поднял одну кустистую бровь и откинулся на спинку сиденья. У него определенно был вид человека, который сказал все, что требовалось.

И он действительно сказал все, что требовалось. Сова мог видеть картину в таких подробностях, каких он даже и не желал. Он мог с легкостью заполнить все пробелы на полотне Торквемады. Не считая одного решающего элемента.

— Когда вы ожидаете второго объявления?

Сайрус Мобилиус пожал плечами.

— Здесь я могу только догадываться. Данный элемент хронометража мной не контролируется. Но я буду очень удивлен, если на это уйдет больше нескольких дней.

20
БУРЯ НА ЕВРОПЕ

«Гора Арарат» представляла собой небольшую научно-исследовательскую базу, рассчитанную на размещение всего лишь пары сотен сотрудников, однако на лабораторное оборудование для нее в свое время не поскупились. Джон сравнивал доступную ему теперь аппаратуру с той, что имелась у него на плавучих базах Тихоантарктики, и снова и снова решал в пользу Европы. В распоряжении исследователей Хильды Брандт было все самое лучшее.

Оборудование «Горы Арарат» оказалось настолько превосходным, что наиболее заковыристой частью работы Джона стала самая первая задача: перенос образцов из контейнеров «Капли» в герметичные лабораторные резервуары. Джон проделал это сам, не позволяя кому бы то ни было еще касаться контейнеров. Официальная причина была такова, что он не хочет, чтобы другие люди подвергались риску, если один из контейнеров «Капли» вдруг откажет; поскольку их содержимое по-прежнему хранилось под давлением в шестьсот атмосфер, фактически каждый контейнер представлял собой бомбу. Однако настоящая причина ничего

общего с безопасностью не имела. Просто Джона не на шутку заворожило то, что он обнаружил. Пока анализ не завершится, ему хотелось, чтобы европейские формы жизни находились только в его распоряжении.

Первые несколько часов были проведены в размещении образцов по отдельным камерам, каждая всего тридцать сантиметров шириной. Затем Джон смог менять внутреннее давление в любом выбранном резервуаре, чтобы посмотреть, как на отдельные организмы будет воздействовать снижение давления. Он множество раз проделывал то же самое на Земле. Сначала изменялось общее поведение, а итоговое поражение принимало форму разрыва клеток.

Впрочем, это если допустить, что европейские организмы имели клеточную структуру. Джону приходилось снова и снова себе напоминать: это иные формы жизни. Предполагать, что они имеют сходство с чем бы то ни было на Земле, значило подвергать себя риску совершения грубой ошибки.

«Вспомни глинистый сланец Берджесса»,— говорил себе Джон. История земной биологии была полна случаев, подобных этому, пожалуй, самому знаменитому, когда один рабочий запихнул новые экспонаты к уже известным и обычным, на многие десятилетия введя в заблуждение целую научную область.

Этот пример сидел у Джона в голове, когда он приступил к анализу общей структуры и анатомии образцов. Если уж он решил сыграть роль нового Линнея, ему следовало создать целую таксономию европейских форм жизни.

Однако у Джона имелась аппаратура, о которой Карл фон Линней, проделавший свой титанический труд в восемнадцатом столетии, не мог даже мечтать. Облучение низкоинтенсивными частицами обеспечивало трехмерные томографические схемы внутренней структуры. Лазеры с подстраиваемыми частотами давали химический состав каждого органа, причем с субмиллиметровым разрешением. Интерференциометры тонко картографировали микроскопические магнитные поля, а также мизерные токи, которые их создавали.

Работа шла медленно, но ни секунды скуки в ней не было. К концу второго дня Джон готов был перейти к следующей стадии: цитологии, деталям индивидуальных клеток. Он все сильнее горел желанием увидеть эту клеточную структуру, ибо в течение после-

дних стадий предварительного анализа в голову ему стало закрадываться жуткое подозрение.

Все началось как приятный сюрприз: европейские формы жизни могли иметь колоссальные отличия во внешности от организмов, обнаруживаемых на земной поверхности, даже хемосинтетических форм жизни, живущих на энергии, получаемой из серы, которая обеспечивалась океаническими отдушинами Земли; однако на деле оказались столь сходны, что некоторые описания Джона могли быть сделаны с использованием уже существующих цитат. Возможно, даже не понадобится изобретать для европейских форм жизни новую таксономию.

А затем до Джона постепенно стало доходить: это были не просто общие черты; для больших пиявкообразных существ этих черт оказывалось слишком много.

Итак, Джон записывал: многоклеточная структура с клеточной дифференциацией. Внутренняя телесная полость с пищеварительной трубкой и ртом. Жесткая наружная оболочка, эктодерма с нервной и сенсорной способностью. Двуполые органы размножения.

Джон никогда не видел ничего подобного существам, которых он изучал; однако он вполне мог представить себе гибрид моллюска и кольчатого червя, который подходил под это описание.

А на клеточном уровне?

Джон проделал анализ, отчасти страшась того, что он обнаружит.

Результаты пришли быстро. Настоящие эукариотические клетки, с хорошо очерченными ядрами. Двадцать знакомых аминокислот. Внутри — митохондрии и АТФ для производства энергии. А затем последний гвоздь в гроб: результаты клеточного сканирования были совершенно недвусмысленными. Для кодирования генетического материала использовалась основанная на ДНК система, где в качестве передатчика генетической информации служила РНК.

Внутри у Джона словно бы что-то опустилось, когда он увидел список оснований, полученных в результате первой части геномного сканирования. Даже кодоны РНК для аминокислот были те же самые: ЦГУ производил аргинин, АЦГ давал треонин, УАЦ кодировал включение тирозина...

На самом базовом уровне организмы, которых Джон вычерпнул из глубин Жаровни, не просто были похожи на земные орга-

низмы — они ими являлись. Разумеется, параллельная эволюция могла привести к использованию ДНК и РНК как наиболее эффективным переносчикам генетического материала, однако неизмеримо ничтожны были шансы на то, что совершенно случайно возникли те же самые аминокислоты и появился тот же самый симбиоз клетки и митохондрий.

Куда вероятней — убийственно вероятней — оказывалось более простое объяснение: европейский карантин, разработанный так тщательно для защиты окружающей среды внутреннего океана, все-таки дал сбой. Когда-то — надо думать, не раньше первых довоенных экспедиций — земная жизнь пробила себе дорогу под ледяной щит и спустилась к теплым гидротермальным отдушинам. А там, не встречая никакой конкуренции, эта самая земная жизнь — энергичная, угрожающая, бескомпромиссная — нашла себе зацепку. Она росла, мутировала и множилось в буйное изобилие.

Джона переполнило чудовищное, изводящее душу уныние. Он сгорбился у компьютера и опустил лицо на ладони. Новая биосфера? Черта с два. Вместо целого нового мира он открыл всегонавсего неосторожное заражение. По сути — вообще ничего не открыл. Не стоило ему тащиться до самого Юпитера, чтобы обнаружить вот это. Такое было вполне обыденно на Земле.

Чувство жуткого разочарования длилось не больше минуты. Его сменила еще более сильная эмоция: невероятное облегчение.

Он подошел так близко к опасному краю! Джон, благодарение Богу, послал весть о подтверждении существования аборигенных форм жизни на Европе одной только Хильде Брандт. А если предположить, что он последовал бы своему первому побуждению и запустил бы сообщение во все средства массовой информации? Тогда он, Джон Перри, стал бы посмешищем для всей Солнечной системы.

Джон вытряхнулся из лаборатории с копией своих результатов, убежденный в том, что он прежде всего трус и только где-то потом ученый. Разумеется, славно было бы стать новым Линнеем и жить в сиянии славы. Но что, если бы он сделал заявление на крупной публичной пресс-конференции раньше, чем провел бы детальный анализ? Ведь было же такое искушение. Тогда его отлично бы помнили — но не как нового Линнея, а как нового Ламарка, великого и некогда выдающегося ученого, который ныне известен

большинству людей лишь как создатель дискредитированной теории.

Джон мог насчитать с полдюжины других случаев великих лжеоткрытий — от Н-лучей Блондлота в двадцатом столетии до поливоды и холодной термоядерной реакции. Он сплошь покрылся гусиной кожей при мысли о присоединении к этой замечательной лепрозной колонии научных парий.

Еще одна мысль вдруг совсем все усугубила: а что, если уже слишком поздно? Что, если Хильда Брандт уже представила его раннее сообщение Генеральной Ассамблее Юпитера?

Он должен был с ней поговорить. Немедленно. Джон вдруг понял, что стремительно несется по белым коридорам «Горы Арарат», а немногие попадающиеся по дороге люди удивленно на него оборачиваются.

Хильда Брандт проводила совещание с несколькими членами своего старшего персонала. К счастью, Европа не обладала ни одним из тех многочисленных слоев бюрократии, которые так изводили Землю. Джон побарабанил в дверь и ввалился внутрь. Брандт бросила всего один взгляд на его лицо и повернулась к остальным.

— Вы вполне можете разобраться с этим вопросом без меня. Базз, я хочу, чтобы вы и дальше занимали свою должность. А когда Сандстрем и все остальные вышли, с досадой и нескрываемым любопытством поглядывая на Джона, она сказала: — Выше голову, Джон Перри. Что бы ни случилось, это не может быть настолько скверно.

— Это гораздо хуже.— Еак лучше было ей сообщить? Напрямую. Другого пути не существовало.— Все, что я сказал вам о европейских формах жизни,— неправда. Это не аборигенные формы жизни. Произошло заражение из земного океана. Жизнь в Жаровне развилась из земных форм. Вот, взгляните.

И Джон положил перед ней резюме своих результатов. Участливое, добродушное выражение лица Хильды Брандт не изменилось. И лишь вспышка в ярко-карих глазах показала, что она услышала Джона и поняла важность его заявлений.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Достаточно мудрено оказалось взять в глубоком океане образцы и переместить их на «Каплю», но как только я вернулся к «Горе Арарат», весь анализ уже был вполне тривиальным. Ваш персонал сможет подтвердить результаты.

— Вы еще кому-нибудь об этом упоминали?

— Никому. Я пришел прямо сюда.

— Это хорошо. Не окажете ли вы мне услугу и не придержите ли их некоторое время? Ваше открытие имеет большое значение для Европы. Мне необходимо решить, как я доведу все это до своего персонала, а затем, как только прибудет корабль, мне придется совершить путешествие на Ганимед.

Собственные проблемы Джона вдруг стали казаться ему совершенно незначительными. Зараженный Европейской океан мог сделать полной бессмыслицей десятилетия работы, проведенной на «Горе Арарат». Все программы Хильды Брандт могли оказаться в опасности.

— Я не скажу не слова, пока вы мне не разрешите. Но как насчет Вильсы Шир? Вчера она дала свой последний концерт на Ганимеде, и предполагалось, что она может прибыть сегодня в любое время. Она наверняка спросит меня, как идут дела.

— Вильса уже здесь. Она приземлилась час назад. На ваших лабораторных терминалах стояла пометка «не беспокоить», так что я не стала вмешиваться. Вильса сейчас в четвертом гостевом номере. Можете сказать ей все, что хотите.— Хильда Брандт стремительно собирала документы и задвигала ящички бюро.— Но я не хочу, чтобы кто-то из вас пользовался коммуникационными системами, пока я не вернусь. Я намерена поручить Баззу Сандстрему перевести всю «Гору Арарат» в режим изоляции, пока мы не разработаем стратегию. Множество карьер сейчас поставлено на карту.

Пухлое и стареющее тело Хильды Брандт способно было двигаться быстро и экономно. Прежде чем Джон успел задать еще какие-либо вопросы, она смела последнюю стопку документов в свой портфель, кивнула и направилась к двери.

— Мне нужно еще кое о чем позаботиться, прежде чем я смогу отбыть. А вам пока лучше убедиться, что ваши результаты выглядят опрятно и симпатично. Когда все дойдет до общественности, вас миллионами вопросов забросают.

Хильда Брандт ушла, прежде чем Джон получил шанс упомянуть о новой тревоге. Когда он произнес слово «заражение», еще одна идея, с иными и более зловещими обертонами, вспыхнула где-то у него в затылке.

Эту идею он мог и должен был подтвердить несколькими минутами работы. Джон ринулся прочь из кабинета Хильды

Брандт, почти сталкиваясь в дверном проходе с Баззом Сандстремом. Мускулистый замдиректора в недоуменном раздражении сверкнул на него взглядом.

— Какого дьявола вы тут делали?

Джон не обратил на него внимания и устремился обратно в лабораторию.

Проделанное им геномное сканирование европейских организмов по-прежнему имелось в файлах немедленного доступа. Джон поискал и запустил соответствующие программы сопоставления, которые должны были взять его новые генетические данные и сегмент за сегментом исследовать их на предмет соответствия имеющимся в наличии геномам уже существующих форм.

И он тут же напоролся на препятствие. У Джона было ясное представление о том, какие именно земные формы ему нужны: определенные кольчатые черви и какая-то разновидность моллюсков — скорее всего, брюхоногие. Но эти геномы пропали из файлов.

Случайность или умысел? Подозрения Джона росли. Научные сотрудники базы мало интересовались земными организмами; вполне возможно, было не слишком удивительно, что затребованные им геномы не обнаружились в банке данных. Однако тот факт, что геномы для множества других земных организмов там все же присутствовали, безусловно, имел существенное значение.

Джон негромко выругался. Если бы ему только снова оказаться в «Капле». Он точно знал, что файлы ее бортового компьютера содержат все то, что ему требовалось.

Тогда Джон все-таки запросил на дисплей европейские геномы и принялся изучать их визуально, сегмент за сегментом. Это был медленный, упорный труд, где многое зависело от его памяти. Джон, разумеется, не мог получить при этом такую же уверенность, какую ему обеспечило бы компьютерное сопоставление с использованием геномных данных, хранимых в «Капле».

Однако то, что он увидел, оказалось достаточно ему знакомо, чтобы на каком-то глубинном уровне Джон убедился в своей правоте.

Да, заражение. Но не естественное заражение, не случайный дрейф земных организмов в глубины Европейского океана. Это определенно могло случиться. Но этого не случилось. Ибо мутации, столь необыкновенно подходящие к химии и температурам

европейского черного дымаря, менее чем за столетие произойти попросту не могли.

Итак, умышленное заражение, целенаправленное занесение определенного генома; а еще...

Следует использовать точные слова. План, заговор.

Гигантские пиявки, равно как и все остальные формы жизни, которые Джон обнаружил, не были продуктами естественной эволюции. Они представляли собой генетические гибриды, спроектированные организмы, созданные из уже существующих земных форм, чтобы процветать и множиться в глубинах Европейского океана. Причем в поисках их создателя Джону не нужно было далеко ходить.

Он снова воззрился на генетические последовательности и проклял свою слепоту. Шелли Солбурн. Мануэль Лосада еще в Пунта-Аренасе дал Джону все ключи, какие ему требовались. Шелли покинула Тихоантарктику-9 и направилась в систему Юпитера. Она обнаружила «косвенные» свидетельства существования европейских форм жизни. Но затем, вместо того, чтобы остаться и подтвердить их природу, как сделал бы любой нормальный ученый — длительная и повсеместная слава первооткрывателю инопланетных форм жизни была гарантирована,— она вернулась на Землю. Лосаду это не поразило, потому что замминистра ученым не был; но это должно было разом вскинуть миллион красных флажков перед Джоном. Он вспомнил слова Лосады: «Славно поработала на себя и вернулась на Землю богатой женщиной».

И Джон оказался так наивен, что даже не подумал спросить, откуда взялось то богатство!

Теперь ему уже не требовалось об этом спрашивать. Кто-то очень щедро заплатил Шелли за создание хемосинтезирующих гибридов, которые смогли бы процветать в гидротермальных отдушинах Европы. Она предельно компетентно выполнила свою работу — как она всегда выполняла все, что ее касалось. Затем Шелли засеяла результатами глубокий океан, «обнаружила» их существование — хотя, разумеется, не представила образцов для изучения — и по-тихому вернулась на Землю богачкой.

Почему Джон не последовал тогда в Аренасе своему первому побуждению? Он хотел повидаться с Шелли на ее дунединской вилле и обсудить открытие. А вместо этого он постоянно занимался чем-то второстепенным, после чего при первой же возможно-

сти сорвался с Земли и через трое суток прибыл на Ганимед. Никакой разумной причины для подобной лихорадки не существовало.

И все это не закончилось, когда Джон покинул Землю. Безусловно, тот, кто заплатил Шелли Солбурн за засеивание Европейского океана, также запланировал, чтобы именно Джон обнаружил обман. Им манипулировали — с начала и до конца.

Но теперь с манипуляциями будет покончено. Хорошенького понемножку. Джон подтвердит свои подозрения напрямую, используя банки данных на «Капле». А затем, с доказательствами в руках, он начнет действовать.

Джон медленно скопировал всю информацию о европейских геномах в переносное устройство хранения данных, сунул его в карман и направился к кабинету Хильды Брандт. Он не хотел доверять никому, но директор научно-исследовательского центра должна была стать исключением. Она, и только одна она, никак не могла участвовать в этом мошенничестве. Для Хильды Брандт было бы совершенно абсурдно нанять кого-то, кто разместил бы импортированные формы жизни в Европейском океане, а затем позволить Джону явиться сюда и доказать, что все ее усилия были сплошным подлогом.

Брандт в кабинете не оказалось. Зато там оказался Базз Сандстрем. Он сидел за столом, сосредоточенно наклонив стриженую голову.

— Доктор Брандт еще здесь? — Джон выпалил свой вопрос и только затем понял, что Сандстрем читает резюме его работы, оставленное там Джоном во время его предыдущего визита.

Сандстрем поднял голову. Джон никогда не видел такого гнева ни на одном человеческом лице.

— Доктор Брандт отбыла на Ганимед,— Сандстрем встал, мышцы его то и дело напрягались.— Я здесь за главного. Она сказала, что на подходе скверные новости, но я понятия не имел, насколько скверные, пока вот это не увидел.

Он похлопал ладонью по листкам резюме.

— Работа всех сотрудников «Горы Арарат» основывается на незараженной окружающей среде. Не понимаю, почему доктор Брандт позволила вам и этой дамочке Шир явиться сюда и все загадить. Вы разом перечеркнули все, чем мы долгие годы занимались.

Джон с недоверием на него уставился.

— Мы? Но я ничего не заражал. Я только доказал, что глубокий океан был давным-давно заражен.

— И вы ждете, что я в это поверю? Пока вы сюда не прибыли, все с Европой было в порядке. Если океан теперь испорчен, то это из-за вас. Вы и ваше земное судно, ваша земная грязь — вы нас погубили. Я всегда говорил, что слишком рискованно вас сюда допускать. А теперь вы открыли дверь для Мобилиуса с его вшивым термоядерным проектом.

Джона так и подмывало подхватить гневный настрой Сандстрема и ответить в том же духе. Но это бы ничего не дало. Джон проглотил свое раздражение.

— Вы правы в одном, но ошибаетесь в другом. Некто действительно явился сюда с Земли и испортил этот океан. Но только не я и не мой погружаемый аппарат. Это сделала Шелли Солбурн.

Это остановило Сандстрема. Джон высматривал на лице здоровяка любые признаки проявления чувства вины, но увидел там лишь удивление и гнев. Если Шелли работала на Европе с сообщниками, Сандстрем явно в их число не входил.

— И все еще хуже, чем вы думаете,— продолжил Джон.— В докладе, который вы прочли, сказано просто «заражение», потому что тогда я полагал, что оно было случайным. Но теперь я знаю, что все произошло иначе. Заражение было умышленным.

— Чушь! Кто станет нарочно губить целый мир?

— Не могу вам этого сказать. Я только говорю, что заражение Европейского океана было преднамеренным. Здесь были размещены модифицированные формы земной жизни — специально разработанные формы. Я могу это доказать.

До этого момента Сандстрем тянулся через стол, чтобы щелкнуть переключателем на панели. Теперь же он снова сел.

— Валяйте, доказывайте.— На его лице уже выражался не гнев, а ледяная холодность.— Мне нравилась Шелли Солбурн. Да, она прожила тяжелую жизнь и любила об этом поворчать. Но она умела и на славу поработать. Я не желаю видеть, как на нее здесь клевещут, когда она не может себя защитить. Вы говорите, что можете доказать то, что сказали. Тогда валяйте. Даю вам пять минут.

Джон вынул из кармана блок хранения данных.

— Здесь содержатся генные коды организмов, населяющих европейские отдушины. Я изучил их и совершенно уверен, что это

не естественным образом эволюционировавшие формы жизни. Это гибриды, генетически полученные из уже существующих земных форм с учетом их адаптации к окружающей среде глубокого океана. Шелли Солбурн разместила их здесь. И я могу это доказать, Все, что мне для этого нужно сделать, это сопоставить их ДНК с соответствующими земными формами.

— Так почему же вы этого не сделали?

— Генных карт для требуемых мне организмов нет в банках данных Европы. Зато они есть в моем банке данных на борту «Капли». Нам просто нужно вернуться к Вентилю...

— Вы что, с ума спятили? «Гора Арарат» переведена в режим изоляции. Доктор Брандт велела мне держать всех здесь. Вы не можете отправиться к Вентилю прямо сейчас.

— Она упоминала о сообщении с внешним миром — чтобы информация о том, что происходит, не могла просочиться, пока она не решит, что с ней делать. Я уверен, она не имела в виду распространять эти ограничения на перемещение по поверхности. Говорю вам — один быстрый визит на «Каплю»...

— А я говорю вам — забудьте. И у вас еще хватает наглости стоять тут и просить меня предоставить вам еще один шанс взять ваш погружаемый аппарат и еще хуже загадить недра Европы? Я не стал бы этого делать — даже если бы не получил особых инструкций на этот счет. Изоляция есть изоляция. Все, пять минут вы уже получили.

— Я и половины не получил!

— Неважно. Все, Перри, с вами закончено. Мы не позволим губить Европу,— Сандстрем смотрел мимо него.

Джон повернулся и обнаружил в дверях еще трех мужчин, таких же крепких и мускулистых, как замдиректора.

— Видите? Так что без резких движений,— Сандстрем кивнул своим подручным.— Ладно, отведите его в четвертый номер, где сейчас вновь прибывшая. Никому ничего не говорите. И позаботьтесь, чтобы все там было в ажуре, пока я не прикину, что делать дальше.

Джон уже готов был заключить, что он в чем-то таком виновен; он, правда, сомневался, в чем именно, но, судя по тому, как с ним обходились, это было серьезное преступление.

Ибо Вильса Шир оказалась еще злее Базза Сандстрема. Секунд тридцать она вела себя довольно мило — пока не поняла, что дверь за Джоном крепко-накрепко закрывают. Тогда она, точно грозовая туча, буквально набухла от ярости — все ее полтора метра — и стала спешно оглядываться, ища, на кого бы громыхнуть. Кандидат имелся только один.

Джон терпеливо дождался перемены погоды, затем объяснил ситуацию настолько подробно и последовательно, насколько это позволяли взбешенные вмешательства Вильсы. Процесс шел медленно, однако к тому времени, как Джон добрался до содержимого блока хранения данных, все еще зажатого в его потной ладони, и необходимости сравнить эту информацию с файлами, хранящимися на «Капле», вспышки молний из глаз Вильсы почти прекратились. Временами еще слышались раскаты грома, но они уже адресовались не ему.

— Значит, Базз Сандстрем намерен держать нас здесь, пока Хильда Брандт не вернется? — Вильса оглядывала стены и дверь номера.

— Мне он не так сказал. Мне он сказал: «Пока я не прикину, что делать дальше».

— А Хильда Брандт спросила, кому ты еще об этом говорил, и ты сказал, что никому?

— Да. А что?

— Возможно, и ничего. А еще возможно, я слишком много оперных либретто перечитала. Но я не могу не вспоминать выражения их лиц, когда они тебя сюда запихивали. Ты и Сандстрем — а теперь еще и я — единственные, кто знает, что формы жизни Европейского океана вовсе не аборигенные. Мы единственные, кто может разрушить официальный статус Европы как закрытого, неприкосновенного мира.

— Хильда Брандт тоже знает.

— Если тебя это утешает, то на здоровье.— Теперь лицо Вильсы было спокойным, но длинные модифицированные пальцы ее босых ног то и дело сжимались и разжимались.— А лично я думаю о том, как было бы славно, если бы нам с тобой случилось оказаться где-нибудь подальше отсюда и никому твои находки не объяснять. Разве европейская администрация не заинтересована в том, чтобы новые анализы исчезли и мы вместе с ними?

— Чушь. Хильда Брандт на такое не пойдет.

— А ей вовсе не обязательно об этом знать. Сандстрем здесь за главного, пока она не вернется.

Вильса принялась расхаживать из комнаты в комнату, хотя четвертый гостевой номер был слишком мал, чтобы привольно по нему побродить. Гостиная, обставленная столом и тремя мягкими креслами, вела в маленькую кухоньку. Вильса зашла туда и принялась открывать шкафчики, греметь посудой и бормотать себе под нос. По другую сторону от кухоньки задвижная дверь вела в спальню и компактную ванную. Там также имелась всего одна наружная дверь, ведущая в коридор. Когда Вильса закончила свою инспекцию, она вернулась в гостиную, чтобы пристально поглазеть на эту дверь.

— Заперто. Другого выхода нет,— Джон мог прочесть ее мысли.— Сядь, пожалуйста. Ты мне на нервы действуешь. Мы должны отсюда выбраться,— Вильса резко развернулась и бросила на него гневный взгляд.— Я не намерена оставаться взаперти. Ни за что. Для тебя все по-другому. Ты вырос на Земле. Земляне привыкли к физическим ограничениям.

— Неправда! Откуда ты это взяла?

— У вас на Земле до сих пор есть тюрьмы, разве нет? А я выросла на Поясе. Поясники должны иметь свободу передвижений, иначе они просто задыхаются.

— В погружаемом аппарате тебе было вполне комфортно. А он куда больше похож на тюрьму, чем этот номер.

— Это совсем другое дело. В погружаемом аппарате я находилась по своей воле. Это принципиальное отличие.

— Предположим, мы сумеем отсюда выбраться,— Джон не был уверен, стоит ли ему воспринимать Вильсу всерьез.— Но с Европы нам все равно не сбежать. Прежде всего, здесь нет кораблей — Хильде Брандт пришлось вызвать корабль сюда, чтобы он отвез ее на Ганимед.

— Меня вполне устроит, если я уберусь с «Горы Арарат». Как насчет «Капли»? Она работает?

— Должна. Но она у Вентиля.

— Тогда мы сбежим отсюда, отправимся к Вентилю и заберемся в «Каплю».

— Ага. Конечно. Сбежим. Может, еще скажешь, как?

— На кухне нет еды. Я только что проверила. Они должны прийти и нас покормить — если только они не решили совсем нас голодом уморить. Когда охранники принесут еду, ты их вырубишь.

Вильса как пить дать шутила.

— Ага. Всех троих. А потом я хватаю их оружие, верно?

— Вот именно. Дальше мы бежим отсюда по коридорам, надеваем скафандры, берем вездеход...— Но Вильса уже откровенно ухмылялась.

— Ты права, ты слишком уж оперных либретто начиталась. Ты видела, какая у этих парней мускулатура? Впрочем, если ты сначала отнимешь у них оружие, то пожалуйста.

— Кто знает, может, и отниму,— Вильса наконец уселась в кресло.— Но знаешь, насчет одной вещи я абсолютно серьезна. Я не стану сидеть здесь взаперти, если отсюда есть хоть какой-то выход.

— Так у тебя конкретные идеи имеются?

— Ни черта подобного. По крайней мере, пока что. Но ты ученый. А я композитор. Это твоя работа всякую всячину придумывать.

— Побеги из тюрем — не наука. Это инженерное дело.— Теперь уже Джон принялся расхаживать по номеру.— Потолок твердый. То же самое — стены и пол. Воздуховоды всего несколько сантиметров в ширину.

— А дверь?

— Сотовая графитовая матрица. Тверже стали. Легче было бы стены проломить. Короче, я сдаюсь.

Вильса покачала головой.

— А я нет. Я не сдаюсь. Я уже сказала тебе, как я себя взаперти чувствую,— она снова встала и прошла на кухоньку, чтобы осмотреть кухонную утварь.— Какие чудные острые ножи.

— Забудь. Если только не собираешься сама ими воспользоваться.

— А как тебе вот эта ерундовина? Это скороварка, верно? Она под давлением варит. Если мы заблокируем предохранительный клапан, наполним ее водой и как следует подогреем...

— У тебя получится бомба, причем неизвестной мощности. Нравится тебе такое устройство? Лично мне категорически не нравится. Помещение она все равно не разрушит, зато перегретую воду расплещет так, что не дай Бог. Черт знает, во что она кухоньку превратит. И нас тоже, если мы где-то рядом окажемся.

— Мы сможем спрятаться в спальне. А если нам удастся устроить все так, чтобы она рядом с дверью рванула...

— ...то на двери, пожалуй, пара царапин останется...— Однако брошенный Вильсой вызов уже возбуждал интерес Джона; он склонялся над плитой, разглядывая скороварку.— Даже если ты заблокируешь предохранительный клапан, все равно не будет никакой возможности доставить ее к двери в тот момент, когда она рванет. Тебе придется до самого взрыва поддерживать нагрев под скороваркой. Попытка неплохая, но тебе нипочем не пробить себе путь на свободу с бомбой из скороварки.

— Тогда нужно что-то другое.

— Я пока еще этого не говорил,— Джон склонялся над горшком из глянцевитой черной керамики, изучая предохранительный клапан.— Заблокировать его и впрямь будет несложно — видишь, вот здесь. Для начала сгодится. Дай-ка я попробую.

— У тебя есть идея?

— Не то чтобы совсем уж идея... пусть будет мысль. В нашу пользу работает одна вещь. Сандстрем ожидает, что мы будем вести себя так, как вел бы себя я, если бы ты меня не доставала. Он понятия не имеет, какая ты психованная, а потому не ожидает, что мы, как последние идиоты, будем отчаянно пытаться отсюда сбежать. Это дает нам шанс — всего один шанс — попытаться преподнести ему сюрприз.

— Но у нас нет никакого сюрприза.

— Я бы так не сказал. Давай-ка присядем и обсудим наши совместные действия. Прежде всего, ты должна любым способом дать мне пять минут после того, как они сюда войдут.

21
С ГОРЫ В ОКЕАН

К тому времени, как дверь в номер наконец-то отперли снаружи, Джон Перри уже начал всерьез воспринимать мысль о том, что их с Вильсой Шир могли оставить здесь подыхать от голода. Шесть бесконечных часов он просидел у плиты, каждую секунду готовый действовать. Скороварка глухо кипела, и ее пришлось восемь раз доливать. Все напряжение давно уже уступило место элементарному голоду, и Джон как раз забывался неловким полусном, когда Вильса, стоя на коленях и приложив ухо к двери, вдруг прошептала:

— Идут!

Джон резко проснулся, втолкнул импровизированную заглушку предохранительного клапана куда надо и поспешил вслед за Вильсой в спальню.

Следующий большой вопрос заключался в том, последуют ли за ними их тюремщики. Они вполне могли просто выгрузить еду на кухоньке и уйти. Джон уже знал, что они несут обед — от ароматов у него аж слюнки текли.

— Мы здесь,— крикнула Вильса, когда наружная дверь распахнулась.— В спальне. Несите сюда. Мы уже подумали, вы решили совсем нас голодом уморить!

Они заранее договорились о том, чтобы именно Вильса как можно больше болтала...

— Это потому, что ты к публичным выступлениям не привык,— так это объяснила она.

Истинная правда. Джон не привык. И пусть даже он знал, что Вильса блестящая клавишница, множество раз выступавшая на сцене, все равно ему было совершенно невдомек, как она сумела заставить свой голос излучать такую жалобную смесь тревоги, раздражения и облегчения.

Вошло то же мускулистое трио самцов, и их действия мигом разрушили иллюзию Джона и Вильсы, будто тюремщики не ожидают от своих пленников попытки к бегству. Первый подошел в двери спальни и подозрительно пригляделся из-за порога, прежде чем войти. Он увидел, что Джон с Вильсой сидят на кровати, но тем не менее неторопливо обошел всю комнату, а только потом позвал остальных.

— Поставьте на боковой столик,— Вильса указала, но не двинулась с места.— И скажите, когда нас отсюда выпустят. Я уже до смерти устала баклуши бить. Не затем я тащилась на Европу, чтобы меня тут заперли. И мне необходима практика для следующего концерта.

— Все от Базза зависит,— сказал первый мужчина, пока двое остальных ставили два пластиковых подноса на столик.— Базз здесь начальник. Хотя, конечно...— явно запоздалое соображение,— доктору Брандт мы обо всем доложим.

Джон решил, что мускулистые ребята понятия не имеют, почему их с Вильсой тут заперли. Но Вильса была права — они выполняли приказы, и им было вполне достаточно того, что

Сандстрем так повелел. «Выбросьте этих двоих на лед.— Есть, сэр! — Нет, я передумал. Суньте их в Вентиль и утопите.— Есть, сэр!»

И все это время пульс в голове у Джона стучал как маниакальный метроном. Он уже попытался прикинуть момент взрыва скороварки, но в своих экспериментах ему приходилось заботиться о безопасности и останавливаться раньше, чем он смог бы обрести уверенность. Его самая лучшая прикидка составила от четырех до пяти минут. Однако это могло быть все что угодно — от пары секунд до вечности. Что, если материал был слишком стоек и Джону вообще нечего было ожидать?

Вильса творила подлинные чудеса беспечного самоконтроля. Она медленно-медленно встала и невесть как увела одного из мужчин к славно загруженным подносам.

— Знаете ли, мы с доктором Перри не привыкли к юпитерианской пище,— затараторила она.— Вполне возможно, мы даже не знаем, что это такое или как это есть. Не будете ли вы так любезны и не объясните ли мне, что именно вы принесли и как это было приготовлено...

Мужчина казался не на шутку озадачен — он знал, что Вильса уже бывала на Европе,— но не встревожен. Поскольку два его товарища стояли у стены и следили за каждым движением Джона, никаких причин для тревоги быть не могло. Оружия у Джона и Вильсы не имелось. Он дождался, пока Вильса снимет крышки с блюд на подносе, и вместе с ней над ним склонился.

В этот самый момент бомба рванула.

Джон все время этого ожидал, страстно желая, чтобы это случилось, и готовя себя к шоку. Ему казалось, он готов для всего от негромкого хлопка отскочившей крышки до жуткого громового раската. Но даже при всем при том звук, ударивший ему в уши, оказался таким громким, что от него стало больно. В голове зазвенело, а сердце захолонуло. Прекрасно понимая, что случилось, Джон тем не менее был шокирован и выведен из равновесия.

Все замедлилось до одной десятой своей обычной скорости. Первоначальный взрыв... (все еще продолжается — извержение вулкана в считанных метрах оттуда)... осколки застучали по стенам... (это, должно быть полный распад всей скороварки)... приличная вибрация... (резонанс сотряс весь номер)... рев... (долгий, оглушительный)...

Джон наблюдал, как куски черной керамики, запущенные ударной волной перегретого пара, летят во все стороны и разбиваются о стены кухоньки и гостиной. Ему показалось, целые их сотни, крошечные и острые как иголки, через открытую дверь влетели в спальню.

Это было как сигнал чудовищного стартового пистолета. Прежде чем рокот затих, Джон и Вильса уже выскочили за дверь спальни в гостиную.

Теперь для них была важна только скорость. Троим охранникам повезло — ни один из осколков их не задел. Но когда, выбегая из спальни, Джон оглянулся, он заметил, что они не сдвинулись ни на миллиметр.

«Огорошены приятным сюрпризом? — подумал он.— Будем надеяться». Кроме этого сюрприза, им с Вильсой нечего было преподнести своим тюремщикам.

Однако взрыва скороварки оказалось вполне достаточно. Когда Джон повернулся, чтобы захлопнуть дверь, трое мужчин по-прежнему стояли как статуи. Он крутанул шифры, дернул за ручку, убеждаясь, что дверь заперта, и последовал за Вильсой по коридору.

Когда они завернули за первый же угол, оказалось, что к ним с недоумением на лицах приближается пара людей. Джон и Вильса проскочили мимо, прежде чем кто-то из этих людей успел загородить им дорогу. За следующим углом Джон ухватил Вильсу, пытаясь снизить ее скорость до прогулочной. Однако собственные ноги отказались ему повиноваться. Они упрямо настаивали на том, чтобы нестись с максимальной скоростью, безотносительно к стараниям Джона иметь непринужденный вид.

Над этой частью побега у них не было решительно никакого контроля. Впрочем, как раз об этой части Джон меньше всего беспокоился. В принципе все, чье внимание привлек взрыв, могли попытаться их остановить. Но если бы только Джону и Вильсе не выпало невезение наткнуться на самого Базза Сандстрема, ни у кого на «Горе Арарат» не имелось причины делать такую попытку. Приказы Базза никому ничего не говорить теперь работали в пользу беглецов.

К счастью, «Гора Арарат» была так же безлюдна, как и всегда. Выбежав из коридора, ведущего к гостевым номерам, Джон все же заставил себя взять более умеренный темп. Впрочем, особой

разницы это не составило, ибо до самого выхода к космопорту они так больше никого и не встретили.

— Я знаю, ты думаешь, что там нет корабля,— сказала Вильса, пока они натягивали на себя поверхностные скафандры.— Но было бы глупо хотя бы не посмотреть. Быть может, нам повезет, и мы совсем свалим с этой Европы.

Но на данный момент их удача закончилась. На гладкой тарелке космопорта «Горы Арарат» никаких кораблей не наблюдалось. Тогда они поспешили к гаражу с вездеходами и обнаружили там еще одно разочарование. Большинство машин отправили на перезарядку, и в гараже имелась только одна. К счастью, энергии у нее было вполне достаточно, чтобы доставить их до Вентиля.

— По-моему, полный порядок,— сказала Вильса, когда они забрались на борт.— Раз мы этот вездеход прихватили, за нами уже никто не погонится. По крайней мере, пока они до перезаряжаемых машин не доберутся. Я опасалась, что нас поймают, прежде чем мы достигнем «Капли», потому что мы не сможем ехать так быстро, как опытный европеец. Но теперь все будет тип-топ.

«Тип-топ?» — задумался Джон. Все зависело от того, как понимать это выражение. Пожалуй, не стоило упоминать о том факте, что Базз Сандстрем, и без того не на шутку разозленный, истечет пеной, когда узнает об их побеге на поверхность Европы. Базз через считанные секунды пустится за ними в погоню, и было трудно поверить в то, что он их не поймает.

— А сколько пройдет времени, прежде чем тебя хватятся на Ганимеде и прибудут сюда? — спросил Джон.

— У меня через пять дней концерт на Каллисто. Если Магнус Кляйн через три дня меня не увидит, он устроит личное вторжение на Европу. И Тристан поведет десантный отряд, потому что я обещала позвонить ему, как только сюда прибуду, но не позвонила. А как насчет тебя?

— У меня только Нелл Коттер,— тут Джон рассмеялся.— Нет, мне не стоило говорить «только». Ты знаешь Нелл. Она Сандстрема с костями сожрет, если он ей скажет, что мы пропали.

Разговаривая с Вильсой, Джон продолжал вглядываться в трассу. Они на полном ходу неслись к Вентилю. Затем Джону пришло в голову, что вместо организации погони Сандстрему будет куда логичней позвонить на Вентиль и распорядиться, чтобы им пере-

городили дорогу. Теперь Джон запоздало пожалел о том, что так разоткровенничался с замдиректора насчет своего желания проконсультироваться с банком данных на «Капле».

У него была масса времени и возможностей для раздумий. Перевалив через край космопорта «Горы Арарат», вездеход, похоже, поехал сам собой. Трасса впереди ярко освещалась висящими высоко в небе Ганимедом и Каллисто, и искрящаяся ледяная дорога была испещрена старыми следами других вездеходов, что ездили к Вентилю и обратно. Следуя по рыхлым колеям в слегка покатом льду, Джону оставалось лишь присматривать за расходом энергии и тревожиться о предположительно встречающей их у Вентиля группе товарищей.

— Есть проблема,— внезапно сказала Вильса. Должно быть, ей тоже было в тягость просто грызть ногти, поскольку, пока Джон вел, она под высоким увеличением внимательно осматривала лежащий впереди горизонт.

— Машины?

— Нет. Но мы уже так близко в Вентилю, что «Каплю» я должна была бы разглядеть. А я ее не вижу.

— Быть может, она на полпути по ледяному скату.— Но Джон в это не верил. В «Капле» хранилось его решающее доказательство, а ее бортовой журнал показывал, какие именно формы жизни были собраны у европейской гидротермальной отдушины. Уничтожить все эти записи значило уничтожить самого Джона. Кто тогда сможет доказать, что европейские формы жизни не были в этом мире аборигенными? Чтобы добыть новые доказательства, кто-то должен был совершить еще один вояж в глубины и собрать еще образцы. А весь подобный доступ полностью контролировала «Гора Арарат».

Вильса на предельном увеличении вглядывалась в дисплей.

— На верху ската что-то стоит. Но я сомневаюсь, что это «Капля». Скорее, это на «Данаю» похоже. Те же очертания, тот же цвет.

— Есть там люди или машины?

— Ничего такого не вижу. Хочешь притормозить, чтобы я убедилась?

— Не-а.— Джон хмыкнул, помотал головой и погнал вездеход дальше на максимальной скорости. Им с Вильсой все равно некуда было больше деваться. Он уже видел, что случилось с

Камиллой Гамильтон, когда она попыталась поблуждать по незнакомой европейской местности.

Через пару минут Джон смог подтвердить предположение Вильсы. Это действительно была «Даная». Погружаемый аппарат стоял в одиночестве на открытом льду. Джону потребовались считанные секунды, чтобы оглядеть строения вокруг Вентиля на предмет каких-либо признаков «Капли». Ни единого следа. А затем ему показалось, что далеко позади на ледяной трассе, что вела к «Горе Арарат», показалась темная точка.

Решение врубить максимальную скорость оказалось верным. И теперь следовало выбросить из головы все мысли о том, чтобы побродить по округе и поискать «Каплю».

— Бежим. В темпе. А то у нас скоро компания окажется.— Джон остановил вездеход, выпрыгнул наружу и побежал цеплять буксировочные тросы к «Данае».

— Если они уничтожили «Каплю», чтобы избавиться от доказательств, то это к лучшему,— сказала Вильса, забираясь на борт.— Тогда они не смогут за нами последовать.

— Это для тебя к лучшему,— буркнул Джон, залезая следом.— «Капля» — не твое судно. А для меня последние семь лет она была настоящим домом.

Но больше никогда не станет. Джон совершенно ясно это понимал. Что бы ни случилось дальше, его будущее не предвещало еще семи лет на Тихоантарктике-14. А что оно на самом деле в себе содержало, представлялось предельно туманным. Если, конечно, у Джона вообще было какое-то будущее на несколько следующих часов...

Джон позволил Вильсе занять сиденье пилота, пока сам он проверял герметичные затворы «Данаи». Когда они двинулись вниз по скату, он оглянулся. Ганимед был в полной фазе, прямо над головой. Именно там была настоящая безопасность, а вовсе не в мрачных глубинах Европейского океана. Но на ближайшие пару дней у них с Вильсой выбора не имелось.

Вскоре послышалось слабое шлепанье небольших волн по бортам погружаемого аппарата. А затем они уже оказались под холодной, прозрачной водой, дрейфуя все глубже и глубже. Знакомая окружающая среда глубоководного судна сразу же дала Джону комфортное чувство безопасности. Ложное чувство. Он знал, как это может быть опасно. Их преследователи прекрасно

понимали, что они направляются к Вентилю. Звуковые детекторы легко могли выследить «Данаю» по шуму мотора.

Когда погружаемый аппарат приближался к нижнему краю ледяного покрывала Европы, Джон поднял руку, предупреждая Вильсу.

— Глубже пока не надо. Держи нас здесь.

— Почему?

— Предположим, в одном из ангаров рядом с Вентилем у них стоит «Капля». Тогда они смогут последовать прямо за нами.

— Ну и что? Мы все равно не сможем их остановить.

— Думаю, сможем. Если поторопимся.

Джону не пришлось упрашивать Вильсу поменяться сиденьями. С тем молчаливым пониманием, которое они делили с самой первой встречи, она уже отодвигалась вбок. Джон принял управление, включил все огни судна и взял курс к стене Вентиля. Во время обоих своих предыдущих погружений он подмечал массивные нагревательные блоки, что поддерживали жидкую колонну Вентиля, хотя и не слишком обращал на них внимание. Теперь же ему требовалось поближе их осмотреть.

Прикрепленные к нижнему краю ледяного покрывала, три нагревательных блока образовывали горизонтальный равносторонний треугольник.

Джон подплыл к первому и разглядел, что он состоит из целого набора черных цилиндров. Внутренний цилиндр предположительно представлял собой силовой блок, и он едва заметно вибрировал. Остальные являлись теплообменниками и насосами, используемыми для обеспечения восходящего потока подогретой воды. Наружный цилиндр, десяти метров в поперечнике, покрывала черная корка минеральных отложений.

— Должен существовать какой-то способ включать и выключать эти блоки прямо отсюда.— Джон осторожно подвел «Данаю» к силовому блоку.— И я могу поклясться, что этот способ самый что ни на есть прямой, без всякой электроники, потому что вода отрезает все радиосигналы. Ты не видишь тут рычаг, рубильник или что-то в таком роде?

— Я вообще мало что вижу. Слишком много налета.— Отвернувшись от дисплеев, Вильса прижала нос к прозрачному окну погружаемого аппарата.— Но вот тот комок вполне может быть выключателем. Нельзя ли сбить хоть часть этой дряни?

— Сейчас попробую.— Тут Джон затосковал по многоцелевым манипуляторам «Капли», у которых хватало силы запросто резать металл и до тонкости точно колоть иголкой. Подобные инструменты на «Данае» были сравнительно грубыми. Джон протянул один из двупалых манипуляторов и поскреб низ силового блока. Черные хлопья поплыли вниз, а бесформенный комок принял более определенную шишковатую форму.— Думаю, ты права. Это что-то вроде кнопки или переключателя. Похоже, его надо будет потянуть на себя, когда мы с него еще немного грязи стряхнем.

Однако Вильса уже переключила свое внимание на что-то другое. Черные хлопья отлетели и в других местах, обнажая голубой низ цилиндра.

— Смотри! — Вильса указывала на небольшую выемку.— По-моему, я там кое-что вижу.

Джон посмотрел. Теперь, когда отложения отошли, в выемке внутреннего цилиндра стала отчетливо видна стилизованная буква М.

— Я тоже там кое-что вижу. Это эмблема Мобилиуса. Это же «мобиль»!

— Точно.— Вильса фыркнула.— Как тебе такая ирония? Все на Европе проклинают имя Мобилиуса, говорят о нем как о самом дьяволе — и в то же самое время используют «мобили», чтобы охранять Вентиль.

— Тем не менее, это разумно. «Мобили» самые лучшие.

— Это разумно для тебя, Джон Перри, потому что ты живешь в согласии с логикой. Но все остальные в Солнечной системе согласятся со мной, что это очень эксцентрично. Интересно, знает ли про этот «мобиль» Базз Сандстрем.

— Можешь сама его спросить — после того, как я живым и невредимым отбуду с Европы,— Джон возобновил отскребывание переключателя. Когда он отчистил столько налета, сколько смог, то ухватился за выступ неуклюжим двупалым манипулятором и потянул. Никакого звука они не услышали, однако вибрация внутреннего цилиндра прекратилась.— По-моему, получилось. Теперь еще два.

— А что потом?

— А потом, учитывая приличную задержку наверху, прежде чем Базз Сандстрем и его парни смогут подтащить «Каплю» к Вентилю и спустить ее вниз, мы уже скроемся там, где они до нас

не доберутся. Теплая вода от этих силовых блоков — единственное, что сохраняет Вентиль открытым. Более высокие блоки — просто циркуляционные насосы. Температура на поверхности не превышает семидесяти градусов Кельвина. Вода замерзает прямо на глазах. А несколько метров твердого льда — барьер не хуже стального. У нас будет достаточно времени, чтобы убраться отсюда подальше, и мы будем в полной безопасности, пока не вернемся, потому что на этой глубине вода еще много недель не замерзнет.

Излагая все это, Джон поочередно подвел погружаемый аппарат к двум другим силовым блокам и повторил процедуру. Это также были «мобили». Пока он этим занимался, Вильса снова взялась изучать приборную панель «Данаи».

— Раньше я как-то не замечала, но теперь вижу, что некоторые из этих индикаторов были изменены.

— Это потому, что погружаемый аппарат тоже был изменен.— Завершив свои операции с силовыми блоками, Джон установил «Данаю» на максимальную скорость погружения.— Я знал, что они этим занимались. Датчики и манипуляторы по-прежнему примитивны, а вот корпус предположительно был усилен настолько, что теперь он способен выдержать любую глубину Европейского океана. Это очень кстати — потому что именно туда мы сейчас направляемся.

— К гидротермальным отдушинам?

— Нет. Как раз там ребята Сандстрема станут искать нас, если все-таки пройдут через Вентиль. Я намерен найти нам укрытие как можно дальше от отдушин. Там, где еще никто никогда не бывал.

Несмотря на свое заверение, что «Даная» теперь способна выдержать любое давление, Джон внимательно наблюдал за обратной связью от «разумных» датчиков, расставленных по всей наружной и внутренней поверхности корпуса. Когда они уже прилично погрузились, увиденное его успокоило. На глубине в двадцать километров, при двухстах семидесяти атмосферах наружного давления, тензометры показывали пренебрежительно малую деформацию корпуса.

Единственной проблемой оставалось то, что куда могла пойти «Даная», туда же могла последовать и «Капля» — если Сандстрему удалось бы найти европейца, который решился бы повести

судно на глубину в сто километров и еще дальше. Ибо именно туда теперь направлялся Джон.

Он улыбнулся. Баззу наверняка страшно бы хотелось, чтобы кто-нибудь их догнал и поймал. Но захочет ли кто-то из европейцев нырять в самые глубины океана? За столетие исследований пока что никто из них этого не делал.

Джон отменил прямое погружение и повел судно под углом. Если Сандстрем или кто-то еще с «Горы Арарат» все же явятся сюда их разыскивать, не было никакого смысла облегчать им поиск. Глубочайшая из известных точек Европейского океана находилась далеко на другой стороне спутника, поблизости от точки, диаметрально противоположной Юпитеру, однако, согласно картам, «Даная» могла достичь глубины аж в сто восемнадцать километров под слоем льда, пройдя всего лишь пару сотен километров по дуге большого круга. Джон чувствовал уверенность, что к этому региону никто даже никогда не приближался. Отсюда вытекало очень симпатичное для него уравнение: максимум неудобств для преследователей равно максимуму безопасности для беглецов. Джон уже начал наслаждаться происходящим.

То же самое и Вильса, однако совсем по другой причине. Ей наконец-то выпала возможность... поесть. Коробки с продовольствием на борту «Данаи» содержали в себе самые простые продукты, но именно это она привыкла употреблять перед концертами. Магнус Кляйн, этот тиран, маскирующийся под агента, никогда бы не позволил Вильсе есть что-нибудь тяжелое. Так что теперь ее питание было ничуть не хуже, чем на Ганимеде.

Она передала Джону крекеры, курагу и лимонад, наблюдая за тем, как показания индикаторов глубины и давления неуклонно растут, а затем сделала выбор в пользу изучения возвратных сигналов от звукового имиджера. Поскольку на этом участке океанского дна ничего интересного для Вильсы не оказалось, она вскоре впала в мирный транс, негромко гудя песни Шуберта и аккомпанируя себе на воображаемой клавиатуре.

В реальный мир Вильса вернулась совершенно внезапно, когда указатель глубины показал сто семнадцать километров. Она огляделась, затем поняла, что откликнулась не на образ, а на звук. Шум, который привлек ее внимание, исходил от звуковой эхолокационной системы. Эта система выдавала неприятно детонирующую минорную терцию вместо прежнего монотонного гудения.

Сигнал указывал, что морское дно уже не является ровной поверхностью. Вильса усиленно напрягала зрение.

— Джон,— она ткнула пальцем в экран.— Что это такое?

— Где? — Джон не ожидал ничего увидеть, и все его внимание было приковано к манометрам.

— Там, на морском ложе. Вон там. Разве ты их не видишь?

Благодаря высокому увеличению системы изображения дно Европейского океана в километре с лишним внизу казалось так близко, что до него можно было дотронуться. Прежняя безликая равнина превратилась в целый ряд линий, расположенных так же ровно, как борозды на вспаханном поле. Промежуток между бороздами составлял всего лишь несколько десятков метров, но когда «Даная» подошла ближе, стало заметно, что каждая линия, точно часть линованной сетки, простирается от одного горизонта океанского дна до другого. Вода между бороздами была слегка мутной, словно бы от слабой турбулентности.

Вильса, которая считала Джона абсолютным экспертом по всему, имеющему отношение к океанам и погружаемым аппаратам, ожидала небрежного ответа. Весьма досадно для нее было повернуться и обнаружить, что Джон, разинув рот, глазеет на экран, а на лице у него выражается полнейшее смятение.

— Н-не знаю, что это такое.— Он уже на тихом ходу направлял «Данаю» еще ниже, предельно осторожно одолевая метр за метром.— Даже не представляю себе, что это может быть. Зато я точно знаю, что мы должны это выяснить. Держись. Я поведу нас к самому дну.

22
СОВА ПУСКАЕТСЯ В ПОЛЕТ

Специальное кресло Свами Савачарьи, расположенное в сердце Совиной Пещеры, представляло собой самую драгоценную его собственность. Он уже почти двадцать лет был его хозяином. Роскошно-пухлое, обтянутое мягчайшим из бархатов, давным-давно принявшее привычную форму, соответствующую огромным шарам его ягодиц, это кресло позволяло Сове целыми днями сидеть в неподвижном комфорте. Когда Савачарья дремал, засыпал или с головой погружался в серьезную проблему, он просто

сидел себе и сидел. Сова мог двигаться для принятия пищи или опорожнения продуктов ее переработки, но это было все. Определенно он не стал бы шевелиться, как уже очень давно выяснила Магрит Кнудсен, ради чего-то столь несущественного и неуместного, как личная гигиена.

Но теперь, впервые за все это время, удобное сиденье Совы его подвело. Он попытался в нем расслабиться и понял, что спокойно сидеть не может. Вскоре Сова уже шастал из одного конца пещеры в другой, изучая свой коммуникационный центр, таращась на дисплеи или безнадежно поглядывая на дверь. Он также изучал деликатные и драгоценные военные реликвии или перелистывал хрупкие пожелтевшие документы, которых человеческим рукам вообще-то касаться не следовало.

Свами Савачарья заверял себя, что занимается делом, но в действительности он просто ждал.

Ждал совершенно невероятного события: визита в Совиную Пещеру человека, который, если бы он все-таки сейчас прибыл, откликнулся бы на просьбу Совы — просьбу внезапную, беспрецедентную, совершенно неразумную, сделанную без малейшего намека на какое бы то ни было объяснение.

Дверь негромко объявила, что кто-то стоит снаружи. Сова вздрогнул и уронил то, что он держал в руках: идальган-всефакт, неорганическое устройство, далеко превосходящее все живые существа по чувствительности к запахам. Изобретенное ближе к концу Великой войны, оно постоянно совершенствовалось его создателями, пока фабрика по его производству не была аннигилирована в результате совершенно не связанного с всефактом репрессивного рейда. Все рабочие документы оказались утрачены. Двадцать лет напряженных послевоенных усилий ушли на изучение всефакта, и в конце концов все-таки было изготовлено новое устройство, способное с ним посоперничать.

Однако объект, который Сова уронил, являлся оригинальным прототипом. Он был воистину бесценен.

Свами Савачарья поспешно взял себя в руки, поймал паукообразный всефакт и аккуратно положил его на место, после чего повернулся к открывающейся двери. Мысленно себя укоряя, он тяжко вздохнул. Если бы всефакт сломался...

— Я хочу, чтобы вы знали, чего мне стоило добраться сюда.— Сайрус Мобилиус торопливо вошел в комнату, проявляя еле замет-

ные признаки нетерпения.— Уже во второй раз за две недели я покинул встречу со своими главными покровителями. Еще один подобный уход, и у меня в системе Юпитера сложится такая репутация, которую мне уже будет никогда не исправить.

— Мне весьма лестно, что вы так серьезно отнеслись к моей просьбе о встрече,— Мобилиус был явно расстроен, зато Сова теперь мог немного расслабиться. Он давал семьдесят процентов против тридцати, что Мобилиус не откликнется на его послание.

— Я пришел сюда только потому, что, согласно вашей репутации, вы никогда не просите никого о встрече,— Мобилиус сел без приглашения, и копна его седых волос упала ему на глаза.— Так что пусть у вас будет для меня что-то чертовски славное.

— Боюсь, это может оказаться что-то чертовски скверное,— Сова опустился в свое кресло. Но сиделось ему по-прежнему как-то не так. Личный визит — даже визит Гобеля с грузом живых омаров — оставался личным визитом, включавшим в себя тревожащее присутствие второго индивида в личных жилых покоях Совы.— Тот факт, что я попросил вас сюда прийти, самоочевидно показывает, что у меня есть в этом потребность, и я подозреваю, что данная потребность может быть неотложной.

— Речь идет об оборудовании?

— О чем-то гораздо более сложном. И гораздо более драгоценном. Об информации.

Ожидая прибытия Мобилиуса, Сова дюжину раз проигрывал эту встречу. Почти все итоги категорически ему не понравились. Мобилиус точно так же наслаждался интеллектуальными тонкостями, как Сова, но теперь не было времени для всех этих многослойных и чрезвычайно приятных сложностей с уловками и уклонениями. Лучшим подходом была, скорее всего, примитивная грубость: шоковая тактика, удар по Мобилиусу чем-то столь для него необычным, что после этого двое мужчин уже вынуждены были бы действовать на новом уровне прямоты. Сегодня должно было состояться открытое противостояние Свами Савачарьи и Сайруса Мобилиуса, а не сложное маневрирование Мегахиропса и Торквемады.

— Я хочу сообщить вам сведения, которые мне не предполагается знать,— Сова нарушил собственные правила вежливости и перед началом разговора не предложил собеседнику подкрепиться.— Причем я сообщаю вам эти сведения вовсе не как основу для предполагаемой ответной услуги в виде информации, которую вы

можете обеспечить, а скорее как средство доказать всю серьезность уровня моих тревог. И я в самом начале хочу вас заверить, что я крайне редко являюсь раздатчиком информации. Если вы сегодня дадите мне то, что мне нужно, это не пойдет дальше без вашего на то разрешения.

— Отлично,— Сайрус Мобилиус выглядел заинтересованным, но настороженным.— Удивите меня. Если сможете.

— Я попытаюсь. Позвольте, я начну с мелочей. Задолго до того, как вы прибыли на Ганимед, Сайрус Мобилиус имел репутацию человека с огромной властью и влиянием — как на Земле, так и во всей Внутренней системе. Термоядерные блоки Мобилиуса сделали вас очень богатым человеком, однако «мобили» составляют лишь небольшую часть этой истории. А простое богатство никогда не было вашей целью. Вы используете богатство, чтобы купить себе влияние и управлять событиями.

— Как любой другой человек, у которого когда-либо были деньги. Если вы их не используете, зачем тогда стараться их добывать? — Мобилиус пожал плечами.— Пока никаких секретов. Я внимательно слушаю, но не услышал ничего, что бы меня удивило или проинформировало.

— Я еще только приступил. Богатство может многое сделать. Оно столь же часто может использоваться, чтобы многое остановить. К примеру, умеренный объем денег по вашим стандартам — несметное богатство для большинства людей — был использован для рекламы и развития движения «Наружу». Часть этих усилий, естественно, направлена на поиск обитаемых планет вокруг других звезд. Таким образом, большинству людей может показаться вполне разумным, что Распределительную Систему Наблюдения с ее непревзойденной способностью прощупывать вселенную за пределами Солнечной системы следует перенаправить в другое русло, чтобы она оказала максимальную помощь в этом поиске... Но нас-то с вами не проведешь, не так ли? Мы знаем, что РСН плохо подходит для наблюдения за вселенной всего в нескольких световых годах от нас, что на самом деле она разработана для миллионов и миллиардов световых лет. И мы знаем, что изменение фокуса активности РСН с соответствующим урезыванием экспериментов в глубоком космосе было произведено совсем по иной причине. Прежде всего, это было сделано для того, чтобы Дэвид Ламмерман и Камилла Гамильтон лишились

своих исследовательских позиций в центре РСН, после чего их можно было убедить отправиться в систему Юпитера и работать на Сайруса Мобилиуса.

— Поразительное предположение! — Теперь, когда Мобилиус наконец-то пристроился в кресле, он, похоже, вполне расслабился. Одна кустистая бровь приподнялась, а на лице у Солнечного Короля застыла кривая улыбка.— Я удивлен уже тем, что вы решились предполагать нечто столь абсурдное, а уж тем более тем, что вы предложили это мне.

— Когда вы вынуждены принять невероятное, как пришлось сделать мне, отсюда всего один короткий шажок до абсурдного. Я с удовлетворением отмечаю, что вы не стали этого отрицать.

— Так вы за тем меня сюда завлекли, чтобы отрицания выслушивать?

— Вовсе нет. Я упомянул о деле Дэвида Ламмермана и Камиллы Гамильтон только желая подчеркнуть, что у меня имеются необычные источники информации...

— Никогда в этом не сомневался. Именно по этой причине я к вам первоначально за помощью и пришел.

— К этой теме мы вернемся позднее. А перед этим я хочу доказать вам, что впервые в жизни я желаю открыть другому человеку многие из моих источников, а также многие из моих выводов. Ваше изменение фокуса работы РСН для службы собственным целям представляло собой вводный и совсем несущественный пример. Позвольте мне предложить вам другой, уже ближе к моей реальной заботе. Я знаю имя вашего противника в системе Юпитера.

На сей раз поднялись обе брови. Мобилиус резко выпрямился.

— Что?

— Благодарю вас. Вы сказали все, что мне требовалось узнать. Вы удивлены, неподдельно удивлены.

— Да, я удивлен,— Мобилиус откинулся на спинку кресла.— Не ожидал, что вы так скоро это выясните.

— Нет, этот вариант не годится,— Сова отбросил с головы черный капюшон, обнажая коротко стриженный скальп и темные, задумчивые глаза.— Вы по-настоящему удивились, а теперь вы слишком проницательны, чтобы это признать. Однако удивились вы по другой причине. Вы удивились потому, что у вас, знаете ли, нет никакого противника. Вы сами эту персону изобрели... Когда

вы впервые пришли со мной повидаться, я принял вашу просьбу за чистую монету. Кто в системе Юпитера может желать вреда вам, спросили вы, или саботировать проведение Европейского термоядерного проекта?.. Я искал. И никого не нашел. Ни одного человека. Ваши усилия в системе Юпитера продвигались просто замечательно. Разумеется, вы также должны были это знать. Тогда зачем просить меня о помощи? Таким образом, в итоге я пришел к другой мысли. Кто обратился ко мне с этой странной просьбой? Не кто-то, неповинный в интригах, а сам Торквемада, бич неосторожного решателя проблем, погубитель некомпетентного головоломщика, мой старинный и бесконечно изобретательный противник. Не могло ли так получиться, что он попросту проверял меня, как он всегда меня проверял? И если он это делал, он также должен был практиковать направление по ложному пути, которое мы с ним всегда практиковали... Тогда я задал себе другой вопрос: зачем вам приходить сюда и ставить передо мной задачу бесцельного расследования? Ради простой интеллектуальной забавы? Маловероятно. Эта забава вполне доступна для вас через посредство Сети Головоломок. Вы должны были прийти, решил я, с тем чтобы продвинуть какую-то собственную программу... Но какую программу? И тогда мне пришлось инвертировать проблему, ибо сам Торквемада любит инвертировать. Итак: предположим, у вас нет тайных врагов в системе Юпитера, зато у вас, скорее, есть тайный союзник. Если вам хочется, чтобы эти взаимоотношения так и остались тайными, вы также станете беспокоиться, что они могут открыться. В вашей собственной осторожности вы были уверены, но как насчет другой стороны? Что, если та персона являлась слабым звеном — или что связь была недостаточно тайной?.. Таким образом, выясняется первый прием Торквемады. Вы приближаетесь к своему старому противнику в Сети Головоломок и предлагаете Мегахиропсу обнаружить наличие связи между вашими делами и делами какой-то другой персоны в системе Юпитера. Если я сажусь в лужу, это для вас наилучший ответ. Ибо там, где я сел в лужу — не стану изображать ложную скромность,— не преуспеет больше никто... Да, но предположим, я не сел в лужу. Это чудеснейший пункт, второй прием Торквемады. Ибо вы попросили меня найти противника. А поскольку такового не обнаружилось, я должен был в лучшем случае найти связь. И если бы я ее раскрыл, вы бы могли затем сказать: «Ага, вот он,

мой враг. Это все, что мне требовалось узнать. Большое вам спасибо. Дальше я сам справлюсь с этой проблемой». Единственный способ по-настоящему вас удивить заключался в заявлении о том, что я реально обнаружил вашего противника. Ибо такой персоны, разумеется, не существует.

Отслеживая свое изложение материала, Свами Савачарья был им разочарован. Оно представлялось слишком рассудочным, слишком похожим на взаимодействие в Сети Головоломок. Ему хотелось быть грубым и прямым, чтобы вывести Солнечного Короля из его легендарного равновесия. А потому Сова испытал изумление и облегчение, когда Мобилиус отбросил волосы со лба, подался вперед и небрежно произнес:

— Ладно, я сам вас спрошу. Кто этот тайный союзник?

Сова испустил долгий вздох.

— Это директор Европейского научно-исследовательского центра: доктор Хильда Брандт.

Легкий кивок Мобилиуса должен был бы наполнить Свами Савачарью восторгом. Итак, его смелое предположение, выдвинутое на основе скудных клочков информации и массы смутных догадок, подтвердилось. Однако именно в этот момент успеха тревоги, заставившие его вызвать сюда Сайруса Мобилиуса, вернулись обратно. Сова вдруг понял, что уже гонит дальше, в спешке нарушая все правила игры.

— Хильда Брандт была вашим «инсайдером» в движении «Наружу» — хотя вы знали ее задолго до того, как эта организация приобрела для вас значимость. Я подозреваю, что вы понимаете Хильду Брандт лучше всех остальных в системе Юпитера. Надеюсь, так оно и есть, ибо я рассчитываю задать вам два жизненно важных вопроса. Во время нашей последней встречи вы сказали, что скоро появится доказательство того, что европейские аборигенные формы жизни не являются подлинными. Я должен знать, будет ли отрицание их аборигенности представлено доктором Джоном Перри, который обследовал Европейский океан именно с целью подтверждения существования подобных форм жизни? И еще одно: будут ли эти негативные заключения представлены Джоном Перри непосредственно Хильде Брандт?

Мобилиус воззрился на него, похоже, наконец-то выведенный из равновесия — но не так далеко, как сам Сова, который вдруг

почувствовал, что дрожит. Он стыдился своих эмоций и потери объективности.

— Предположим, что ответы на оба ваших вопроса утвердительные. И что?

— А вот что,— Сова вытащил из-под своей мантии листок с перечнем звонков, которые он сделал за прошедший день.— Чтобы подтвердить некоторые свои мысли и подозрения, я снова и снова пытался дозвониться до Джона Перри. И добрую дюжину раз мне это не удалось. Причем обратите внимание на неизменный ответ: база «Гора Арарат» признает, что Джон Перри и Вильса Шир находятся на Европе, однако настаивает, что они «недоступны для общения». Сама Европа переведена в режим изоляции. «Гора Арарат» никоим образом не позволит мне связаться с Перри и Шир.

— Ну и что? Они наверняка в погружаемом аппарате — рыщут там по округе.

— Тогда почему мне не предоставили этой информации? Однако безотносительно к тому, где они сейчас, я считаю, что они могут находиться в ужасной опасности.

— Не понимаю, почему. Они уже там бывали. Они оба опытные пилоты.

— Опасность исходит не от спутника и не от океана. Она исходит от Хильды Брандт.

— Чушь. Я знаю Хильду... да вы же сами утверждаете, что я знаю ее лучше любого другого в системе Юпитера.

— Это верно. И все же я думаю, что вы, может статься, не до конца ее знаете. Она сложная личность.

— Как и всякий достойный человек.

— Я имею в виду — необычайно сложная. Еще сложнее вас... или меня. И гораздо более опасная. Хотел бы я иметь возможность доказать вам, насколько она опасна.

— А, ерунда.— Мобилиус встал из кресла и направился к коммуникационному центру Совиной Пещеры.— Дайте мне быструю линию, и я улажу все это за минуту. Камилла Гамильтон тоже по-прежнему на «Горе Арарат», и у Дэвида с ней открытая связь. Я в точности выясню, где сейчас Джон Перри и Вильса Шир, а также что происходит на Европе.

— Вы предлагаете позвонить Дэвиду Ламмерману? — Сова тоже встал из кресла и прошлепал по коридору, чтобы встать под боком у Мобилиуса.

— Да, и прямо сейчас.

— Вам требуется его помощь?

— Конечно,— Мобилиус уже набирал коды доступа.— Я скажу ему по-быстрому с этим разобраться. При необходимости я велю ему лететь прямиком на Европу и позвонить нам оттуда.

— Тогда позвольте мне вмешаться в этот процесс там, где я имею право это сделать,— Свами Савачарья положил руку на пульт рядом с ладонью Мобилиуса, предотвращая завершение запроса. Так близко к физическому контакту с кем-либо Сова уже многие годы не подходил, и это было далеко за пределами его уровня комфорта. Заставляя себя держать руку на месте, он продолжил: — Вы попросили меня отыскать вашего врага в системе Юпитера. Исследуя этот вопрос, я, разумеется, изучил многих людей и просмотрел много личных досье. Включая досье Дэвида Ламмермана.

Мобилиус так резко отдернул руку от пульта, как будто его током ударило.

— Вы изучали Дэвида? Вы подумали, что Дэвид...

— Я изучал всех. И узнал многое о личных взаимоотношениях, которые меня не касаются. Но они должны касаться вас.

— И вы говорите мне, что Дэвид... нет, не могу в это поверить.— Сайрус Мобилиус вдруг показался больным, а лицо его словно бы состарилось лет на пятнадцать.— Не могу поверить...

— Что он ваш враг и что он вас предаст? — Сову переполняли противоречивые чувства. Он оказался лицом к лицу с откровенным горем, причем в такой ситуации, каких он всю жизнь стремился избегать. Ему следовало отступить и остаться холодным. Или по крайней мере использовать недоумение Мобилиуса в собственных целях. Эмоция представляла собой ту слабость, которую следовало эксплуатировать.

Если не считать того, что стоящий перед ним со склоненной головой человек в каком-то странном, но вполне реальном смысле был лучшим другом Свами Савачарьи... Что за нелепая мысль! Они вели рыцарский поединок в Сети Головоломок со времен юности Савачарьи: Торквемада и Мегахиропс, Мегахиропс против Торквемады. Сознавая, что они на голову и плечи выше всех остальных, они всегда помнили друг о друге, зная, что только друг другу они достойные соперники. Двадцать лет они провели в схватках и всевозможных вызовах, изобретая особые проблемы,

адресованные одной-единственной далекой и незримой персоне. Самые дьявольские свои головоломки Сова изобрел с одним лишь Торквемадой на уме.

Дружба? Разве подобный интеллектуальный контакт не означал нечто большее, нежели чувственные контакты, безмозглое товарищество или пьянящее соперничество, которые большая часть человечества вынуждена была описывать как дружбу? И разве подобная высшая форма дружбы не налагала своих особых обязанностей и ограничений?

Сова снова вздохнул, но на сей раз уже по поводу предрешенного исхода.

— Прошу прощения. Вы меня не так поняли. Дэвид Ламмерман вам не враг, хотя многие бы сказали, что у него более чем достаточно причин таковым являться. Скажите мне, Сайрус Мобилиус, вы...— тут Сове пришлось вытолкнуть из себя чуждое ему слово,— любите своего сына?

— Люблю ли я...— Мобилиус откашлялся.— Бог мой, да ведь Дэвид мой единственный ребенок. Мы столько лет так мало друг с другом виделись, но вовсе не потому, что мне так хотелось. Конечно, я его люблю. Я бы ему все отдал. Но он меня избегает.

— Да, действительно,— Свами Савачарья вынужден был вступить в обсуждение того рода, который он больше всего ненавидел. И никакого выхода не существовало, пусть даже он содрогался от ужаса, пока воздух вокруг него словно бы наполнялся резкими, сырыми эмоциями.— И я знаю, почему он вас избегает. Я просматривал видеозаписи, сделанные, когда он разговаривал с вами или готовился это делать. Дэвид считает, что его отец — величайший человек в истории, но страшно его боится. В вашем присутствии у него буквально язык узлом завязывается. Вы подавляете его своей личностью.

— Я не хочу этого делать. Я в нем души не чаю.

— Вы это делаете, сами того не осознавая. Сайрус Мобилиус подавляет Дэвида Ламмермана. Если вы хотите быть ближе к нему, вы должны позволить ему свободно дышать.

— Как? Я просто бываю с ним самим собой.

— Тогда вы должны стать кем-то другим — кем-то больше похожим на того Сайруса Мобилиуса, который встречается со мной. Я ведь и вас видел на записи, много раз. Вы думаете, я не сознаю того, что со мной ваша личность несколько приглушается

в мою пользу? — Сова наконец оторвал руку от коммуникационной панели управления.— А сейчас, если хотите, можете позвонить Дэвиду. Но только попросите у него то, что вам нужно. Ничего не велите и не приказывайте. Скажите, что вам нужна его помощь, что есть особая задача, которую вы больше никому во всей Солнечной системе доверить не рискуете. Можете вы это сделать?

— Могу попытаться.— Мобилиус наконец наладил связь, пока Сова плелся назад к своему удобному креслу. Он был совершенно измотан. Он взял на себя ровно столько, сколько мог выдержать, и страшно все это ненавидел. И как только Магрит Кнудсен день за днем с этим справлялась? Мало того, она словно бы процветала на такой личной конфронтации, таком эмоциональном сплетении.

— Дэвид! — линия оказалась открыта. Голос Мобилиуса был хриплым и до странности нерешительным.— Дэвид, ты занят?

— Я чертовски занят.— На экране появилось лицо Дэвида Ламмермана — сдержанное и неуверенное.— У меня встреча с Тристаном Морганом и Нелл Коттер. Мы обсуждаем способы, посредством которых «мобили» смогут помочь движению «Наружу».

— Дэвид, мне бы не хотелось вмешиваться. Но мне нужна твоя помощь... в одном деле, которое я не рискую доверить никому другому. Я сейчас встречаюсь со Свами Савачарьей. Джон Перри и Вильса Шир находятся на Европе, и у нас есть основания думать, что они находятся в серьезной опасности. Ты не попытаешься связаться с Европой и убедиться, что с ними все хорошо?

— Конечно,— лицо Дэвида Ламмермана стало несколько озадаченным.— Когда я последний раз говорил с Камиллой, там все было хорошо. Но я прямо сейчас свяжусь с Европой. А с тобой все хорошо?

— Я в полном порядке.

— А если на Европе все-таки есть проблемы...

— Поступай по своему усмотрению. Если тебе понадобится еще чье-то мнение, можешь позвонить мне — но это совершенно необязательно. Отправляйся на Европу сам, если сочтешь, что это необходимо. Воспользуйся моим банковским счетом, моим именем, всем остальным, что только потребуется. Я знаю, что ты сделаешь все разумно. Только, пожалуйста, поторопись. Это очень срочно.

— Я обязательно сделаю все как можно лучше,— Дэвид ненадолго отвернулся от камеры.— У меня будет здесь помощь, если она мне понадобится. Теперь мне лучше начинать. Но ты уверен, что с тобой все в порядке?

— Абсолютно. Мне сейчас... лучше, чем когда-либо.

Последовал долгий стеснительный момент, пока отец и сын молчали. Наконец они кивнули друг другу и одновременно прервали связь.

— Ну вот,— Сайрус Мобилиус слепо глазел на пустой экран.— Я попытался. Дэвид, знаете ли, очень компетентен. Вы заметили, что он ни одного лишнего вопроса не задал? Зато у меня есть тысячи вопросов. О Европе, о Хильде Брандт. О том, как вам удалось меня с ней связать. И почему вы думаете, что она опасна. Когда вы будете готовы дать мне ответы?

— Очень скоро,— Сова счастлив был снова вернуться к обсуждению конкретных фактов.— Но сначала я должен проделать одну вещь.

Он опять поднялся и прошлепал к коммуникационному блоку, где встал рядом с Мобилиусом и набрал последовательность своих инструкций.

— Вы заказываете корабль? — Мобилиус не мог в точности проследить за командными кодами, сокращенными для личного удобства Свами Савачарьи.

— Да, действительно. Корабль, а также каюты.

— Для меня? — Мобилиус уже заметил, как на дисплее вспыхнуло его имя.

— Для вас. А еще для меня. Я отправляюсь с вами.

Мобилиус в изумлении уставился на экран, где уже появлялась полная характеристика задания. Его имя стояло там рядом с именем Свами Савачарьи.

Свами Савачарья. Пассажир!

Несколькими минутами раньше Сова пожелал найти способ доказать Мобилиусу, насколько опасной ему представляется Хильда Брандт. И теперь, не сказав ни единого слова, он такой способ нашел.

Доказательство, достаточное для любого: впервые за множество лет Великая Сова собирался покинуть свою пещеру на Ганимеде. Он стерпит хаос, людный дискомфорт и высокие перегрузки перелета через открытый космос системы Юпитера, а местом его назначения станет голая и пустынная поверхность Европы.

23
СЛИШКОМ ПОЗДНО

Коммуникационный канал предлагал только один ответ на все запросы: «Европа находится в режиме изоляции до дальнейшего уведомления. Ваш запрос на приближение был отмечен, но разрешение на посадку дано быть не может».

Трех таких анонимных отказов было вполне достаточно. Четвертое послание Дэвида Ламмермана уже не содержало в себе просьбы; на сей раз он отправил уведомление о посадке, причем без четко определенного времени прибытия.

И это мгновенно дало результаты. На экране быстро сменились: смущенный Факс Базза Сандстрема низкого уровня; менее вежливый, но в равной степени смущенный Факс высокого уровня; живой чиновник среднего ранга «Горы Арарат», чья спокойная заносчивость и чувство превосходства через считанные секунды сменились шоком, гневом и недоверием; и, наконец, сам Базз Сандстрем.

— Вы уже шесть раз это слышали.— Ноздри замдиректора раздувались, и он так подавался вперед, что его перекошенная физиономия заполняла чуть ли не весь экран.— Убирайтесь. У нас тут режим изоляции. Вы не можете приземлиться на «Горе Арарат», кто бы вы ни были.

— Боюсь, нам придется приземлиться, если только вы немедленно не дадите мне поговорить с Камиллой Гамильтон, Джоном Перри или Вильсой Шир.— Голос Ламмермана оставался таким же мягким и рассудительным, как всегда.— По сути, мы уже готовы к финальному заходу. Вы были бы очень любезны, если бы позаботились о том, чтобы во время нашего приземления никто в космопорту не пострадал.

— Только попробуйте приземлиться, и вас арестуют в ту самую секунду, как вы сойдете с вашего корабля.

— Ничего страшного. Пусть арестуют.

— Базз уже совсем на стенку лезет,— негромко сказал Тристан Морган. Они с Нелл Коттер забились в заднюю часть кабины управления, откуда отлично могли наблюдать за Сандстремом, но он их не видел и не слышал.— А вообще-то я с ним добрую

дюжину раз встречался, и на самом деле он не такой уж плохой парень. Хотя малость туповат. Но таким я его никогда не видел.

— Сомневаюсь, что все это только гнев,— Нелл Коттер внимательно наблюдала за каждым движением мышцы на лице Сандстрема и тут же его отмечала.— Конечно, он раздражен, но здесь и много чего другого имеется. Похоже, он сильно потрепан. И почти что рыдать готов. Кто-то ему капитальную головомойку устроил. Думаю, еще немного поднажать, и он совсем сломается.

— Ты наверняка ошибаешься. Базз на Европе замдиректора. И сам всем головомойки раздает.

— Лишняя причина, почему это так ему не по вкусу. И это определяет автора головомойки: не кто иная, как сама Хильда Брандт. Пропусти-ка меня. Я хочу кое-что попробовать.

Нелл протиснулась мимо Тристана и двинулась вперед — туда, где Сандстрем мог ее видеть.

— Если вы настаиваете, что мы не можем поговорить с остальными, то я требую разговора с доктором Брандт. Немедленно. И я непременно расскажу ей, как вы тут с нами себя вели.

— Да кто вы, черт побери, такая? — Базз Сандстрем встречался с Нелл во время ее предыдущего визита на Европу, но, похоже, ее не узнал. Он заколебался, а затем все-таки взял тоном ниже: — Честно говоря, не понимаю, почему доктор Брандт должна хотеть с вами общаться.

— Ну, про меня-то, Базз, вы такого не скажете,— Тристан последовал за Нелл и встал рядом с ней.— Я с Хильдой все время общаюсь. И нам дано право приземлиться на «Горе Арарат». У нас есть разрешение Свами Савачарьи, главы отдела расписаний Пассажирского транспорта для Внешней системы — включая Европу.

— Это не отменяет уведомления о режиме изоляции.

— Не согласен. Но об этом пусть потом спорят адвокаты. Сейчас нам нужна точка приземления. И мы хотим поговорить с Хильдой — или с Перри и остальными. Лучше содействуйте нам, Базз, или окажетесь в настоящей беде.

— Содействуйте! — Но Базз Сандстрем явно падал духом. Его мышцы потеряли свою упругость, а желваки уже так не играли.— Даже если вы приземлитесь, вы не сможете поговорить с доктором Брандт. Ее здесь нет.

— Согласно транзитным отчетам системы Юпитера, она там. Хильда Брандт прибыла на Европу пару часов тому назад, и записи о ее отбытии не имеется.

— Я не имел в виду то, что ее нет на Европе,— голос Базза уже звучал просто умоляюще.— Я имел в виду, что ее нет здесь, на базе.

— А где она?

— На поверхности. Камилла Гамильтон тоже туда поехала, так что и с ней вы поговорить не сможете. Они у Вентиля. Он покрылся льдом, и они пытаются его прочистить,— Сандстрем потерял последние остатки воинственности.— Послушайте, Тристан, тут не моя вина. Я просто выполнял приказы доктора Брандт. У нее не было никакой причины так на меня гневаться. Ведь именно она велела мне перевести Европу в режим изоляции, и именно она велела мне не давать Джону Перри и Вильсе Шир общаться с остальными. Откуда мне было знать, что эти двое сбегут и совершат самоубийство?

— Они мертвы?

— Нет. Да. То есть... я не знаю. Может быть, и мертвы. Я хочу сказать, это случилось уже двое с лишним суток назад. Они сбежали с «Горы Арарат» и отправились на поверхность. К Вентилю. А там без разрешения спустили под лед погружаемый аппарат.

— Значит, они в безопасности.

— Да нет же! Понимаете, они взяли «Данаю» — судно, которое как раз модифицировалось и еще не было готово для нормального использования. И они не просто проводят исследования подо льдом — они там застряли, не имея ни пути назад, ни достаточного количества кислорода. Они сами закрыли Вентиль; он заледенел, когда они отключили энергию снизу. И я ничего не мог с этим поделать,— голос Сандстрема поднимался до воя, точно сигнал к последней фазе приземления, звучащий по всему кораблю.— Но меня же во всем этом идиотизме теперь и обвиняют!

Вентиль исчез. Для Нелл и всех остальных, приближающихся туда на вездеходах, его прежнее местоположение теперь опознавалось только по кружку строений и длинному покатому спуску, что кончался у гладкой стены нового льда. Сверкающий погружа-

емый аппарат — «Капля» или ее близняшка — стоял наверху в окружении полдюжины вездеходов.

— Понимаете, водяной лед отличается от других льдов. Когда вода замерзает, она расширяется...

Базз Сандстрем ехал в одном вездеходе с Нелл. Он испытал колоссальное облегчение, когда Хильда Брандт не стала винить его за допущение несанкционированной посадки на «Гору Арарат». Как только она выяснила личности троих вновь прибывших, она по сути велела Баззу привезти их на помощь. И теперь замдиректора объяснял Нелл — а также ее ненасытным незримым диктофонам — всю сложность проблемы извлечения тел Джона Перри и Вильсы Шир из-подо льда.

— Поэтому, когда подогрев отключают, Вентиль не просто наполняется льдом,— продолжал Базз.— Все дело в том, что столб воды, замерзая, расширяется. Единственный способ для него расширяться — это идти вверх. Он поднимается все выше, образуя цилиндр. Видите спуск? Раньше, когда уровень воды был ниже уровня льда, он вел к открытой воде. А теперь вы можете провести этот вездеход прямо по тому месту, где раньше был Вентиль.

— А какова толщина льда? Надо полагать, он образовался по всей глубине Вентиля?

— Нет. На всю длину потребуется очень много времени. Однако, согласно показаниям сонара, лед там уже метров на тридцать. Так что они с таким же успехом могут его зубочистками ковырять. Скорее всего. А если они прорвутся, то в воду плюхнутся.

«Они» были дюжиной фигур в скафандрах, пытающейся при помощи переносного строительного оборудования пробить лед над Вентилем. Когда вездеход Нелл приблизился туда на гусеничном ходу, сопровождаемый еще одним таким же, где сидели Дэвид Ламмерман и Тристан Морган, вся работа остановилась. Два человека в скафандрах поспешили встретить приближающиеся машины.

— Пустая трата времени долбить этот лед,— Хильда Брандт кивнула вновь прибывшим. Ее легко было узнать по значку высокого ранга на скафандре.— Нужна свежая идея. Я надеялась, что один из вас сможет что-то придумать.

На Нелл в очередной раз произвела сильное впечатление уверенность в себе и сосредоточенность этой женщины. Она не представила никаких объяснений на предмет того, почему Европа была переведена в режим изоляции, и никак не прокомментиро-

вала то, почему теперь она решила передумать и принять помощь. Лишь заявление: у нас есть проблема, и ее нужно решить.

Проблема? Нелл не могла взглянуть на все это объективно. Гибель Джона Перри стала бы не проблемой, а худшей вещью на свете. Но Хильда Брандт оставалась так дьявольски невозмутима.

«Не позволяй себе на этом зацикливаться,— приказала себе Нелл.— Будь репортером — задавай вопросы».

— Зачем они запечатали себя подо льдом, если знали, что могут погибнуть?

— Они этого не знали,— Камилла стояла под боком у Хильды Брандт. Она явно понятия не имела о режиме изоляции на Европе и расценивала прибытие Нелл и остальных просто как дополнительную помощь.— Они подумали, что им там вполне безопасно. В нормальных условиях так и должно было быть, потому что «Даная» может забирать с собой двухнедельный запас кислорода, и еще больше воды и продуктов. Но когда корпус был усилен, чтобы выдерживать давление на любой глубине Европейского океана, большую часть воздушных баллонов временно удалили. И не успели поставить на место, когда Джон Перри угнал погружаемый аппарат. Индикаторы показывают двухнедельный запас, но это совершенно обманчиво. Воздуха там должно хватить менее чем на двое суток для двух человек. А Джон Перри и Вильса Шир находятся внизу уже двое с половиной суток. Если они большую часть времени проспали или просидели совсем неподвижно, они, может быть, еще живы. Но время работает против нас. И сейчас мы дальше от их извлечения, чем в самом начале. Слой льда в Вентиле с каждым часом становится толще.

Нелл вдруг поняла, что глазеет на Тристана. Вот оно, то недвусмысленное заявление, на которое не сподобились ни Базз Сандстрем, ни Хильда Брандт. Джон и Вильса, согласно вычислениям Камиллы, определенно погибли. И это уже была никакая не спасательная операция. Это было скорбное извлечение трупов.

Тем не менее Хильда Брандт, похоже, по-прежнему с этим не соглашалась, действуя так, словно каждая минута была на счету. Она пододвинулась к Дэвиду Ламмерману и стала внимательно его слушать. Дэвид указал на Вентиль, затем на гору Арарат. Через несколько секунд Брандт закивала. Затем помахала рукой.

— Подойди сюда, пожалуйста. Я хочу, чтобы ты это послушала, а потом сказала, что ты об этом думаешь.

Жест и призыв директора Европейского научно-исследовательского центра относились к Камилле Гамильтон, но все остальные, разумеется, тоже собрались в кружок.

— На самом деле это не совсем моя идея.— Дэвид Ламмерман уверенно командовал ими с тех пор, как они покинули Ганимед. Но теперь он, всего на одно мгновение, проявил след былой робости. Этот след тут же исчез, когда Дэвид продолжил: — Когда мы еще только приземлились на «Горе Арарат» и узнали, что случилось у Вентиля, я сразу задумался о том, как вскрыть этот лед. Я не знал, что вы пытаетесь рыть, но сразу решил, что рытье ничего не даст. Мне показалось, что только что-то по-настоящему мощное способно проделать работу достаточно быстро и в то же время сохранить Вентиль открытым, пока мы не отыщем... то, что там внизу.

Дэвид бросил взгляд на Нелл, затем на Тристана, после чего отвел глаза в сторону.

— Тогда я спросил себя: какой источник энергии, имеющийся сейчас на Европе, самый мощный? И тут же стало очевидно: двигатель корабля, на котором мы сюда прилетели. Там стоит «мобиль». Я позвонил Сайрусу Мобилиусу...— Он поймал шокированное выражение лица Камиллы и одарил ее смущенной улыбкой.— Я знаю, Камилла. Но я правда это сделал. Сам. Я поговорил с ним, и теперь он уже должен приземлиться и быть на пути к Вентилю. Но я не хотел дожидаться, когда он прибудет, так что я спросил у него: может ли судовой «мобиль» быть модифицирован так, чтобы он растопил Вентиль, не повредив себе и не уничтожив все на своем пути?

— И что ответил Мобилиус? — спросила за всех Хильда Брандт.

— Он сказал, что не видит, почему бы и нет. Однако это будет очень тонкая операция, потому что термоядерный привод корабля никогда не предназначался для прямого взаимодействия с водой и со льдом. Ситуация здесь крайне нестабильная — в этом Мобилиус чертовски уверен. Но он говорит, что не он главный эксперт по стабильности «мобилей»,— Дэвид указал на Камиллу.— Вот этот эксперт. Он говорит, мы должны спросить у нее. Таково мнение Сайруса Мобилиуса и мое тоже. Камилла?

Камилла, казалось, почти не слушала. Она оглядела лежащий вокруг серо-белый, безжизненный ледяной мир, затем подняла глаза в черное, кишащее звездами небо. Короче говоря, смотрела

куда угодно, только не на окруживших ее людей. Наконец она покачала головой.

— Я не эксперт. Не по «мобилям». Я еще только учусь.

— Все мы только учимся,— сказала Хильда Брандт.— Всю нашу жизнь. Суть не в этом. Суть в том, сможет ли судовой «мобиль» это проделать. Если сможет, то кто-нибудь с «Горы Арарат» прилетит на сюда на корабле, как только я отдам приказ.

— Вы не понимаете.— Камилла чувствовала, о чем ее хотят попросить. Похоже, это был единственный способ спасти Джона Перри и Вильсу Шир... но только она знала, что это невозможно.— У «мобиля» безусловно хватит энергии, чтобы это проделать — тут никаких вопросов. Вопрос в стабильности. Расчет стабильности судового «мобиля», находящегося в Вентиле, даже анализ первого порядка, потребует колоссальных вычислений.

Она сделала пару шагов назад, словно желая отделиться от группы.

— Но ты можешь их выполнить! — сказал Дэвид. Он и вся остальная компания преследовали Камиллу, медленно передвигаясь по губчатому льду. Наконец Дэвид взял ее за руку.— Ты провернула сотни подобных вычислений. А я могу за пять минут вынуть «мобиль» из корабля.

— Да, имея достаточно времени, я смогла бы проделать эти вычисления. Но ведь ответ нужен прямо сейчас. Мне придется вернуться на «Гору Арарат», сесть за компьютер и ввести туда все параметры для судового «мобиля». И еще геометрию Вентиля, а кроме того, свойства поверхностного материала, уровни радиации и температуры окружающей среды,— Камилла вырвалась из хватки Дэвида.— Ты говоришь о чудовищном вычислении. Пойми, оно может занять дни, прежде чем все сойдется.

— Но дней у нас нет, не так ли? — задумчиво прошептала Хильда Брандт.— И даже часов.— Она опустила голову, как будто изучая крапчатый узор льда у себя под ногами. Наконец Брандт продолжила, словно бы обращаясь к самой себе: — Значит, так тому и быть. Иначе мы обречены, разве нет? И в самом деле — какой у нас выбор?

Директор Европейского научно-исследовательского центра вздохнула, подошла к Камилле и протянула руки, чтобы взять ее за плечи. Затем Хильда Брандт стала неподвижно смотреть сквозь шлем скафандра молодой женщины, не обращая внимания ни на

вездеход, что пробивал себе путь по льду от горы Арарат, ни на странную фигуру, которая вскоре из него появилась.

Свами Савачарья, составив исключение из правил для поверхностных скафандров «один размер подходит всем», был раздет до ботинок и засунут в полупрозрачный контейнер из зеленого защитного пластика, предназначенный для хранения крупного оборудования, не переносящего потоки частиц.

Импровизированный скафандр был достаточно велик... но все же не совсем. После подгонки Сова мог ходить, делая по несколько сантиметров за один шаг и плотно прижимая руки к бокам. Но холод был просто лютый; рация его скафандра работала кое-как; и, хотя зеленый пластик не был непрозрачным, совсем прозрачным его тоже назвать было нельзя. Сова мало что видел, а слышал только шуршание собственных ног по поверхности. У него под боком, направляя его в нужную сторону, шагал Сайрус Мобилиус.

Хильда Брандт проигнорировала зеленую фигуру, переваливающуюся точно перекормленный пингвин. Она неотрывно смотрела на Камиллу, глаза в глаза.

— Камилла Гамильтон,— сказала она наконец,— посмотри на меня и послушай. Корабль будет здесь через десять минут. Я уже передала приказ, чтобы он вылетел. За пятнадцать минут из этого корабля вынут «мобиль» и подготовят его к использованию. В конце этого временного отрезка нам потребуется знать, как расположить «мобиль» и какие регулировки использовать. Возможности вернуться на «Гору Арарат» и сесть за компьютер у тебя не будет. Эти регулировки ты должна рассчитать сама. За пятнадцать минут. Ты меня слышишь? У тебя будет пятнадцать минут. Не больше.

— Я не смогу! — Камилла попыталась вырваться на свободу.

Дэвид Ламмерман инстинктивно двинулся было ей помочь, но затем совладал с собой и отвернулся. Все остальные стояли неподвижно — такие же застывшие, как кристаллы европейского льда под подошвами их ботинок с тройной изоляцией. Нелл, толком не понимая, за чем именно она наблюдает, но лишь чувствуя, что это неким образом драматично и очень важно, молилась, чтобы ее потайной диктофон работал.

— Я не смогу,— повторила Камилла.— Без моих моделей, без компьютера и всех параметров...

— Сможешь. Я знаю тебя лучше, чем ты сама себя знаешь. Загляни себе внутрь, Камилла. Разве ты не понимаешь, что всегда

можешь предчувствовать ответы — еще раньше, чем компьютеры выдадут свои. Ты чувствуешь термоядерную стабильность, причем в самых сложных ситуациях, и тебе даже не надо об этом думать. Ты училась этому и училась, пока это не стало частью твоего подсознания. Загляни себе внутрь.

— Нет,— Камилла дрожала. Глаза Хильды Брандт казались ей двумя колоссальными лунами, что заполняли собой все небо. Камилла не могла отвести взгляд.— Вы ошибаетесь. Очень ошибаетесь. Я все вычисляю.

— Верно. Но тебе вовсе не требуется вычислять все при помощи компьютеров, потому что ты это делаешь у себя в голове. Решения компьютеров — просто гарантия надежности. Если тебе не нравятся их ответы, что ты тогда делаешь? Ты прогоняешь их снова и снова, пока ответы не становятся такими, какими они, на твой взгляд, должны быть. Ты рассказывала многим людям о «кратчайших путях», которые ты используешь для получения быстрых результатов. Используй их сейчас — когда они нам по-настоящему нужны.

Камилле некуда было деваться. Она даже не могла двинуться с места. Ужасная сила, властная и неумолимая, приковывала ее к этим лучистым глазам. Откуда-то издалека звучал голос:

— Пятнадцать минут. У тебя будет пятнадцать минут.

Голос повторил это снова. И в третий раз. На четвертом повторении небо и ландшафт Европы исчезли, и Камилла ускользнула в странное внутреннее царство волнистой плазмы, ее собственные владения, куда больше никто не мог за ней последовать.

Лишенный всего вспомогательного оборудования, «мобиль» казался удивительно мал для своей пятидесятигигаваттной мощности. Ярко-голубой округлый цилиндр не более двух метров в длину и всего полметра в поперечнике, он располагался в вертикальной раме широким концом книзу. Открытую решетку его держателей, установленную на точную центровку посредством пары гироскопов на самом его верху, аккуратно поместили в самый центр Вентиля.

Дэвид Ламмерман в третий раз проверял силовые регулировки и диаметры сопел. По поводу одного-двух наиболее тонких пунктов ему очень хотелось проконсультироваться с Камиллой, но ее,

бледную и близкую к обмороку, увели, как только ее перечисление параметров для «мобиля» было закончено. Камилла неподвижно простояла двадцать пять мучительных минут — двадцать пять, не пятнадцать,— и даже Хильда Брандт не отваживалась прервать ее сосредоточение. В конце концов она запросила аудиосвязь и принялась как можно быстрее уточнять регулировки «мобиля».

Дэвиду оставалось только установить эти регулировки и тревожиться о том, что ответы Камиллы могли оказаться катастрофически неверными. Что, если неизвестные факторы местной гравитации или температуры оказались важнее, чем кто-либо ожидал? Изучал ли кто-нибудь когда-нибудь подобное прямое взаимодействие плазмы со льдом? Дэвиду хотелось спросить Камиллу об эффектах, оказываемых на «мобиль» окружающим потоком частиц большой энергии, о скрытой теплоте, о проводимости, о радиационных потерях в открытом космосе над поверхностью Европы. Короче, обо всем.

Но время уже вышло. Где-то под ногами у Дэвида — хотел бы он знать, как далеко; если «мобиль» сработает как планируется, эта глубина станет критической переменной — где-то там, внизу, в любой точке от пятидесяти до ста километров, Джон Перри и Вильса Шир либо уже погибли, либо умирали от кислородного голодания.

Никаких заминок быть не могло.

Дэвид приготовился включить «мобиль». Неподалеку от него Сайрус Мобилиус наблюдал за своим сыном, пока тот занимался калибровкой. Трижды он протягивал руку, чтобы вмешаться, и трижды ее отводил. Солнечный Король упорно сопротивлялся побуждению взять власть в свои руки и устроить собственную проверку регулировок «мобиля». Единственным исключением стал самый конец, когда Мобилиус понял, что Дэвид через считанные секунды включит «мобиль», и принялся в темпе отгонять всех от Вентиля.

Хильда Брандт отказалась тронуться с места. Она так и стояла на самом краю ледяного круга, пока сам Дэвид, выполнив свою задачу, не схватил ее за руку и не оттащил подальше от периметра.

Пятнадцать бесконечных секунд все смотрели и ждали. Дэвид, уверенный, что с одной из регулировок наверняка что-то не так, устремился было вперед по льду. Однако могучая рука Сайруса Мобилиуса тут же опустилась Дэвиду на плечо и удержала его на месте.

— Нет,— хриплым, гипнотизирующим голосом пробормотал Солнечный Король.— Переходный процесс низкого порядка. Задержка термоядерного цикла.

Дэвид не ответил. Он уже в этом не нуждался. Ибо хотя на самом «мобиле» нельзя было ничего разглядеть, лед в пятнадцатиметровом кружке вокруг него вдруг зашипел и задымился. Секунду спустя начала образовываться густая полусфера водяных паров. Расположенный в самом центре белого облака «мобиль» скрылся из вида.

— Он работает? — Голос в наушниках скафандра принадлежал Тристану Моргану, однако его тут же заглушили с полдюжины других голосов, которые дружно воскликнули, когда облако пара сделалось голубым у своего расширяющегося основания. Все инстинктивно сделали шаг назад. Лед у них под ногами задрожал, откликаясь на высвобождение чудовищной энергии. На мгновение «мобиль» снова появился в поле зрения, приподнятый на столбе лилового пламени. Затем он двинулся вниз и стал опускаться с отмеренной для него скоростью, делая пару метров в секунду.

Дэвид подался вперед, считая секунды и ожидая. Он не обладал тем количественным пониманием процессов, какое имелось у Камиллы, но в целом знал, что первая критическая точка должна подойти через семнадцать секунд. Четыре концентрические зоны активности должны были стабилизироваться вокруг «мобиля». В самой внутренней из этих зон, где находились плазменные реактивные движки «мобиля», адово пламя при температурах в сотни миллионов градусов било прямиком в замерзшую поверхность Вентиля. Лед под этим пламенем не таял и не кипел. Он сразу распадался на мономолекулярный водород и мономолекулярный кислород. Эти элементы распространялись наружу и рекомбинировали во второй зоне куда более неистово, чем при обычной химической реакции. Лед в этой точке также распадался, но уже на обычный кислород и водород, которые в свою очередь сгорали при температуре в несколько тысяч градусов. Теплота от этой реакции конвертировалась в следующей зоне Вентиля в перегретый пар. Именно этот пар в четвертой зоне наконец-то плавил наружный периметр колонны.

Пятнадцать, шестнадцать, семнадцать. Дыра во льду, если Камилла не ошиблась, была теперь близка к своему максимальному диаметру. «Мобиль» начал опускаться с постоянной скоростью,

рассекая тридцатиметровую в ширину оболочку и пробиваясь сквозь верхний уровень ледяного покрывала Европы.

Двадцать три, двадцать четыре, двадцать пять. Громадное коническое облако, вырвавшееся прямиком из Вентиля, оказалось подожжено инфернальным пламенем плазмы при температурах, близких к звездным. Наблюдателю на орбите прямиком над Вентилем он мог показаться крошечным источником жесткого рентгеновского излучения.

Двадцать восемь, двадцать девять, тридцать. Ровно на тридцатой секунде произошла внезапная перемена. Облако вдруг взорвалось и за какой-то миг рассеялось по сторонам. Дэвид сделал пару шагов вперед. «Мобиль» не мог отключиться — ему предполагалось это сделать еще через десять секунд. Значит, он должен был достичь открытой воды и теперь перешел к свободному падению по первоначальному незамерзшему стволу Вентиля.

Это были скверные новости. Лед оказался менее толстым, чем они прикидывали. Если «мобиль», по-прежнему работая на полных оборотах, ближе к концу льда встретится с «Данаей»...

Дэвид уже определил для себя сорок секунд как нижний уровень безопасности и был твердо настроен ждать не меньше. А вот Тристану Моргану, сидящему внутри «Капли», такого самоконтроля недоставало. Как только облако пара разлетелось, он отправил погружаемый аппарат катиться по спуску. На мгновение судно застыло на краю, безумно накренилось, а затем с гигантским всплеском вошло в Вентиль.

Тристан пилотировал «Каплю» с удовлетворенного одобрения Хильды Брандт. А вот сидящая у него под боком Нелл, хотя и попросила подобного благословения, его не удостоилась. Тогда она сама себя пригласила и в темпе забралась на борт, пока все остальные были по горло заняты неистовым прохождением «мобиля» в Вентиль.

На сей раз система мягких привязных ремней, что окружила Нелл, когда крен судна превысил допустимый, удивления у нее не вызвала. Нелл вглядывалась в бурные воды, пытаясь уяснить для себя курс «Капли», пока та скакала и покачивалась в яростных восходящих потоках. Менее чем в сотне метров внизу «мобиль» разлагал ледяную воду на составляющие ее элементы.

«Мобиль» уже сделал свою работу. Теперь ему лучше всего было с Божьей помощью отключиться.

Нелл все записывала, но вода вокруг погружаемого аппарата оставалась бессмысленным хаосом залитых голубым светом, отчаянно булькающих восходящих потоков, диких как земное моретрясение.

Тогда Нелл повернулась к Тристану. Ему явно недоставало неестественного спокойствия Джона Перри в экстремальной ситуации. Рот Тристана был разинут, а глаза вылезли на лоб, пока он силился удержать «Каплю» на стабильном курсе погружения. А самое главное — он старался не напороться на плотную стену Вентиля.

И все-таки напоролся.

Судно задрожало и заскрипело, когда его швырнуло на незримый и неподвижный барьер льда. Корпус сбоку от Нелл загудел как колокол. Индикаторы напряжения по всей контрольной панели дружно вспыхнули, указывая на опасный уровень, а затем вспыхнули снова. Второе столкновение, через считанные секунды после первого, исторгло визгливый вой из гнущихся опор.

Судно перекатилось на сто двадцать градусов. Нелл вдруг поняла, что висит лицом вниз и вглядывается в булькающую тьму. Далеко-далеко внизу виднелась блестящая лилово-голубая точка.

— Не могу ее удержать! — Но стоило только Тристану выдохнуть эти слова, как вся сумятица прекратилась. «Капля» внезапно выровнялась, перекатилась обратно на ровный киль и стала мирно спускаться по темной и словно бы бесконечной трубе.

Нелл уставилась вниз сквозь прозрачное дно погружаемого аппарата. Огни судна не высвечивали внизу ничего, кроме прозрачной, успокаивающейся воды. За пределами радиуса обзора теперь уже пассивный «мобиль» должен был направляться все ниже и ниже — к далекому океанскому ложу. Задолго до того, как он туда доберется, его внутренние камеры коллапсируют под чудовищным давлением. Океанская бездна сожмет его в компактную, бесполезную массу. Долгое время спустя эту массу наверняка обнаружат будущие поколения европейских исследователей и, надо полагать, не на шутку удивятся.

Впрочем, Нелл с Тристаном не помянули исчезнувший «мобиль» в своих дальнейших раздумьях. Ультразвуковой локатор «Капли» уже был включен, и теперь его программа поиска по форме обшаривала темный внутренний океан на предмет объектов, чей внешний профиль соответствовал профилю «Данаи».

Погружаемый аппарат все падал и падал, пока не приблизился к нижнему краю ледяного покрывала. Сканирующий имиджер оставался безмолвен.

Тристан переключил «Каплю» на погружение под углом.

— Может показаться лишней тратой времени, но Хильда сказала, что мы должны это проделать — иначе верхняя часть снова начнет замерзать.

Он подвел «Каплю» к стене Вентиля и приблизился к первому из трех нагревательных блоков, прикрепленных прямо ко льду. Два гибких механических манипулятора двинулись вперед из наружных пазов, управляемые Тристаном.

Схватить выключатель манипуляторами погружаемого аппарата оказалось достаточно легко, но для Нелл на это ушла целая вечность. У нее самой руки зачесались это проделать. Тристан был опытным пилотом в атмосфере Юпитера, однако и «Капля», и европейская окружающая среда пока еще оставались для него незнакомы.

«Для меня, впрочем, тоже,— подумала Нелл.— Я к ним еще меньше привыкла». С великим трудом она заставила себя сидеть тихо. Тристан делал все, что мог. Если бы Нелл стала его отвлекать и предлагать помощь, все бы только еще больше замедлилось.

Операция по включению первого нагревательного блока заняла пару минут — часов для Нелл, пока она не сверилась с хронометром. С двумя другими блоками вышло еще быстрее. Тристан удовлетворенно крякнул, когда третий блок завибрировал.

— Теперь мы, по крайней мере, уверены, что вернемся назад,— сказал он.— Мы сможем оставаться внизу, сколько захотим, и отправиться, куда захотим.

Тристан закачал балласт, и теперь они быстро падали в тихий мрак. Но куда они направлялись? Нелл снова вгляделась вниз. Имея под собой целый Европейский океан, как они могли надеяться найти жалкую песчинку погружаемого аппарата, даже если превосходное оборудование «Капли» им в этом поспособствует?

Ответ: ничего они не найдут. Не желая обратиться лицом к реальности гибели Джона и Вильсы, они с Тристаном бросились в бесполезный поиск. Обследование миллионов кубических миль океана займет многие месяцы. Чувствуя острую душевную боль, Нелл заставила себя отключить запись и бросить надежду в тот

самый момент, когда от ультразвукового имиджера донесся громкий писк.

— Что-то есть,— сказал Тристан.— Движущийся объект. Держится ровно.

Именно этого не хватало его голосу.

— Это они? — спросила Нелл и тут же подумала: «Боже мой! Я уже как старая жаба квакаю».

Тристан не ответил. Во всем Европейском океане находился еще только один погружаемый аппарат. На самом деле вопрос Нелл следовало перевести так: «Они живы?»

Однако на него невозможно было ответить, имея одну лишь информацию от имиджера. Дрейфуя с выключенной энергией примерно в трех километрах под ними, «Даная» казалась неповрежденной. Похоже, она направлялась назад к Вентилю. Но это ровным счетом ничего не говорило о состоянии ее пассажиров.

Тристан послал на «Данаю» звуковой сигнал, и они, затаив дыхание, стали ожидать ответа. Хотя бы одно человеческое слово — любое, какое угодно.

Не было ничего. Лишь фиксированное сообщение от бортового компьютера «Данаи», пославшего в ответ сигнал о своем статусе: «Все функции в норме».

Тристан бросил «Каплю» в отчаянное погружение. Они неслись к изображению на экране, пока Нелл не обрела уверенность, что два судна неизбежно столкнутся. Однако в последний момент Тристан осадил назад, пристраивая погружаемый аппарат прямо перед «Данаей». Плывуны «Капли» отправились прямиком к переднему окну другого погружаемого аппарата и засияли еще ярче, чтобы осветить то, что находилось внутри. Нелл увидела две фигуры в скафандрах, привалившиеся друг к другу. Их головы были запрокинуты, лиц разглядеть не удавалось.

— Это они,— сказал Тристан.— Они без сознания.

Или мертвы. Нелл вовсе не требовалось, чтобы ей озвучивали другую возможность.

— Как быстро мы сможем доставить их на поверхность?

— За несколько минут. Я могу зайти им под низ и выполнить прямой подъем. Хотя это будет неудобно. Нам придется подниматься вперед ногами, лежа на спинах.

Впрочем, согласия Нелл Тристан не просил. Пока «Капля» падала, подавалась вверх, цеплялась и начинала свое восхождение

к поверхности, Нелл терзало искушение запросить компьютер «Данаи». Он мог сообщить о содержании в кабине кислорода и углекислого газа, а по этой информации легко можно было понять, способны ли системы «Данаи» поддерживать в своих пассажирах жизнь.

Нелл потянулась к пульту... и передумала. Она не была экспертом по параметрам жизнеобеспечения. Так или иначе, очень скоро она все узнает.

Или не очень скоро. Нелл стала смотреть в переднее окно. Казалось, они уже целые века шли вверх, но пока что находились всего лишь у нижнего края ледяного щита. Тогда она закрыла глаза и пожелала «Капле» лететь вверх вместе со своей ношей. Скорее!

Вершина конуса жидкой воды, неистово созданная всего лишь немногими минутами раньше, была широка как раз настолько, чтобы неуклюжая комбинация «Капли» и «Данаи» туда прошла. Тристан еще больше усугублял ситуацию, делая подъем слишком быстрым. Нелл чувствовала, как погружаемые аппараты трясутся и трутся об лед, а затем последовала самая серьезная, но зато финальная встряска, когда оба судна пробили что-то твердое. Дальше «Капля» выскочила на поверхность и принялась проталкивать другой погружаемый аппарат вверх по скату. Только тут Нелл впервые по-настоящему осознала всю убийственность холода Европы. Зона, по которой оба судна теперь продвигались, менее получаса назад подверглась воздействию температур в миллионы градусов Цельсия. Однако она уже успела покрыться новым слоем льда. Эффект от нагревательных блоков, которые снова оказались в работе, но находились одним километром ниже, сюда еще не дошел.

Нелл почему-то воображала, что группа людей у Вентиля будет стоять там же, где и в тот момент, когда они с Тристаном ее покинули. В конце концов, зная, что они могут найти подо льдом, кто мог заставить себя отвлечься на что-то другое?

Однако вся эта зона казалась безлюдной. «Даная» и «Капля» равномерно ползли вверх по скату. Только когда первый погружаемый аппарат приблизился к комковатой европейской поверхности, Нелл осознала свою ошибку. Невдалеке от конца ската над «Данаей» навис самый громадный вездеход, какой Нелл в своей жизни видела. Он был так огромен, что поначалу она даже при-

няла его за одно из окружающих Вентиль строений. Он составлял по меньшей мере тридцать метров в длину и двадцать в ширину. Прямо на глазах у Нелл один конец вездехода раскрылся. Протянувшиеся изнутри манипуляторы схватили «Данаю» и затянули ее в колоссальный грузовой трюм. Конец вездехода закрылся. Менее чем через минуту он раскрылся снова.

— Европейская передвижная лаборатория,— пояснил Тристан, когда «Капля» в свою очередь оказалась захвачена и втянута в трюм. Громадная дверца снова герметично закрылась.— Она защищена от потока частиц, и там есть воздух, как только вы проходите внутренний шлюз. Нормальная окружающая среда. С них уже сейчас могут снять скафандры и дать медицинской бригаде поработать. Кто-то очень здорово это придумал — Хильда, не иначе.

«Даная» исчезла. Тристан уже наполовину снял свой скафандр, нетерпеливо ожидая, пока шлюз завершит свой цикл и наружное давление выровняется. Как только люк «Капли» удалось открыть, он выпрыгнул наружу и направился к внутренней дверце.

Нелл последовала за ним, хотя и куда медленней. Она боялась того, что может увидеть по ту сторону дверцы. Только воображаемый голос Глина Сефариса подгонял ее вперед: «Делай свою работу, Нелл. Ты репортер. Не затем ты прошла весь этот путь, чтобы теперь назад осаживать».

«Даная» находилась в центре следующего помещения. Люк погружаемого аппарата был открыт, и над ним роились люди. Слева, на длинном верстаке, сидел сгорбленный Свами Савачарья. Несмотря на лютый мороз, он уже разорвал свой импровизированный скафандр. И теперь, подобно кошмарной пародии на какого-то экзотического танцора, его разбухшее тело частично проглядывало сквозь пышные складки полупрозрачного зеленого пластика. Хильда Брандт сидела с одного бока от него, Сайрус Мобилиус — с другого. В паре шагов перед ними стоял Габриэль Шуми. Никаких признаков Дэвида Ламмермана или Камиллы Гамильтон не наблюдалось.

Тристан силился прорваться к открытому люку «Данаи». Его удерживали трое мужчин в форме местного персонала общего назначения. Медленно, но верно они оттирали Тристана от погружаемого аппарата. Вместо того, чтобы последовать его примеру, Нелл направилась к высокой, угловатой фигуре Габриэля Шуми.

— Они живы, доктор? — Только этот вопрос сейчас что-то и значил.

Главный медицинский специалист Европы уставился куда-то сквозь Нелл, после чего подошел к столу, чтобы сесть рядом с Сайрусом Мобилиусом. Там он обхватил руками голову и принялся усиленно тереть виски, пока его аккуратно причесанные волосы не превратились в спутанную массу.

— Пожалуй,— пробормотал он,— самое время мне на Каллисто возвращаться. Знаете, у меня там подземная ферма. Большая.

На вопрос Нелл Шуми, похоже, отвечать не собирался. Она поняла, что он обращается не к Мобилиусу, и не к кому-то еще. Доктор просто молол языком.

Тогда Нелл подошла к Габриэлю Шуми, встала прямо перед ним и вплотную к нему нагнулась.

— Как там Джон Перри и Вильса Шир? Те люди в погружаемом аппарате — они живы?

Доктор гневно взглянул на нее в ответ.

— Живы ли они? Черт возьми, разве по нынешним временам можно убить визитера в Европейский океан, если просто заморозишь его в твердый кусок льда или отрежешь ему подачу воздуха? Я уже начинаю сомневаться, что этого можно достичь, если возьмешь скальпель и постругаешь его на мелкие кусочки. Но если вы хотите меня спросить, как люди могут выжить, когда все медицинские учебники хором кричат о том, что они должны были умереть сутки тому назад...— Он скорбно уставился на «Данаю».

Пожалуй, Шуми выбрал наихудшее время, чтобы взять паузу.

— Так вы говорите, они живы, да? — Нелл схватила медика за плечи и отчаянно затрясла, пока он снова смотрел сквозь нее.— Доктор Шуми! Вы должны мне ответить!

Шуми рассеянно закивал.

— Знаете, когда я открыл люк, они вообще-то были мертвы. Оба. Ни пульса, ни сердцебиения. Ни малейших признаков жизни. Воздух внутри был чистой отравой. Слишком мало кислорода, слишком много углекислого газа — дышать абсолютно невозможно. Я объявил их мертвыми. Черт побери, они же и впрямь были мертвы. Мы стали их поднимать, чтобы вытащить наружу. И в ту самую секунду, как мы их подняли, их обоих затрясло, а потом они задышали. Сначала мужчина, затем женщина. И теперь...

Дальше Нелл слушать не стала. И ждать тоже. Она обежала вокруг погружаемого аппарата, оказываясь по другую сторону от Тристана, сумела поставить ногу на держатель одного из плывунов и подтянулась к переднему окну. Один из мужчин, что держали Тристана, пустился за ней. Нелл взобралась еще выше, на самую крышу, где ему было сложно до нее добраться, и свесилась головой вниз, чтобы вглядеться в кабину и позволить своей ручной миникамере заснять интерьер.

Джон и Вильса по-прежнему находились на своих сиденьях. Их лица были любопытного лилово-красного оттенка, а глаза полузакрыты. Свисая вниз головой, Нелл не смогла разобрать выражений их лиц, зато она определенно увидела, что они дышат. Кроме того, понукаемые медицинской бригадой, они усердно двигали руками и ногами.

— Убирайтесь оттуда. Немедленно.— Мужчина, погнавшийся на Нелл, добрался до крыши и схватил ее за руку. Она покорно позволила ему спустить ее вниз и отвести к группе, что сидела на верстаке. Эта группа теперь включала в себя и Тристана Моргана.

Присев к Тристану под бок, Нелл схватила его за руку.

— Я их видела. Они живы и даже руками-ногами шевелят. Все у них будет хорошо. Это самое главное.

Она говорила очень тихо, однако Габриэль Шуми невесть как ухитрился ее расслышать.

— Это для вас главное,— скорбно произнес он.— А меня обяжут представить рапорты, детально описывающие случившееся. Обяжут дать всему этому объяснения. Тогда как никаких объяснений здесь дать невозможно.

— Ах, да. Объяснения. Самое своевременное слово,— Свами Савачарья сидел неподвижно, глазея прямо перед собой. Казалось, он находился еще дальше от реальности, чем Габриэль Шуми. Однако теперь он встряхнулся.— В настоящий момент, когда Джон Перри и Вильса Шир спасены и восстанавливаются, пора подумать об объяснениях. Они определенно запоздали. Но здесь для них не место.

Сова повернулся к Хильде Брандт:

— Если бы вы были так любезны, что нашли бы мне какой-то более теплый отсек внутри этой машины, а также менее экстремальную и откровенную форму телесного чехла, я бы весьма высоко оценил и то, и другое. Ибо хотя теперь я готов признать,

что составил о вас неверное мнение...— тут он охватил взглядом и Хильду Брандт, и Сайруса Мобилиуса,— я считаю, что нам следует очень многое друг другу сказать. Сейчас самое время... переговорить.

24
МОНСТРЫ

Самым большим свободным помещением, какое Европейская передвижная лаборатория смогла им предоставить, оказалась лаборатория обработки данных, площадью примерно три квадратных метра — грубо говоря, размером с постель Свами Савачарьи.

Сова обвел взглядом шестерых человек, что теснились вокруг него — а по Совиным меркам, сидели прямо у него на шее,— и решил, что это худший день в его жизни.

Дело было вовсе не в его отбытии от сокровищ и безопасности Совиной Пещеры, хотя Сова начал о них тосковать, не сделав и трех шагов от входной двери. Дело было не в перелете с Ганимеда на Европу, хотя Свами Савачарья битых семь часов ерзал на сиденье, сконструированном для какой-то козявки втрое меньше его по размеру. Дело было не в том унижении, которому его подвергли, ведя по смутной перспективе европейской поверхности — почти голого, продрогшего, близорукого и похожего на чудовищную зеленую колбасину. Дело было даже не в столь близком присутствии такого большого числа других людей и не в узком, неудобном сиденье, на котором Сова теперь с великим трудом размещался.

Дело было кое в чем гораздо худшем. Оно было в ясном сознании того, что он, Свами Савачарья, совершил элементарную ошибку.

Первый намек на проблему со своей логикой Сова получил, когда его прибытие на Европу не вызвало никаких вопросов и задержек; колоссальный промах он заподозрил уже в то время, когда вглядывался сквозь изолирующий зеленый пластик своего импровизированного скафандра и изучал состав группы, собравшейся вокруг Вентиля. Ошибка еще ярче высветилась, когда Сова заметил, как Хильда Брандт командует Камиллой Гамильтон, и пронаблюдал за сонным трансом последней.

И все же, пытался утешить себя Свами Савачарья, он также мог быть по крайней мере отчасти прав. Безусловно, существовали пределы тому, как далеко логика, строгим образом приложенная, могла завести его по неверной дороге.

Сова оглядел теснящихся вокруг него людей: вот Дэвид Лам-мерман и Камилла Гамильтон, близкие физически, а теперь, как он заподозрил, еще более близкие душевно; вот Нелл Коттер, чьи глаза подмечают решительно все; вот Тристан Морган с откровенным нетерпением на лице — ерзает, в любую секунду готов заговорить; вот Сайрус Мобилиус, неотрывно и вполне бесстрастно глазеющий на Сову,— тем не менее по-прежнему Торквемада, чьи позы никогда нельзя принимать за чистую монету.

И вот, наконец, Хильда Брандт. Она кивнула Свами Савачарье, словно предлагая ему начинать.

Она была права. Наступил час Совы. Однако он не вполне был уверен, откуда ему начать. Впоследствии Сова мог вообще не восстановить свою самооценку, но если бы он напортачил сейчас, все для него сложилось бы еще хуже.

«Тогда поспешай медленно»,— сказал себе Свами Савачарья. Отчаянная гонка от Ганимеда закончилась. Никто никуда не уходил, и не было нужды торопиться.

— Я бы хотел рассказать вам одну историю,— темные глаза Совы перескакивали с одного человека на другого, а голос был самую малость громче шепота.— По меньшей мере для одного из вас эта история будет уже знакома. Другим она может показаться непостижимой. Остальные вполне могут счесть ее скучной. Ибо это не просто история, а история времен давнишних. По сути, история военных времен. Рассказ о последних днях Великой войны.

Сова заерзал в своем жестком кресле. Его обеспечили вполне адекватным одеянием: просторным цилиндром из ткани, в которым было прорезано пять дырок для конечностей и головы. Но здесь было совсем нечего есть; Сова по-прежнему мерз и отчаянно тосковал по своей кухне, своей мантии и комфорту мягкого кресла глубоко в Совиной Пещере.

— Обе стороны в течение всей войны занимались разработкой оружия,— продолжил он.— Это общеизвестно. А новое оружие почти по определению является оружием секретным. Невозможно получить преимущество от использования такого оружия, если

враг знает о его существовании, ибо тогда против него можно выстроить соответствующую защиту. Одно такое секретное оружие разрабатывалось на маленьком астероиде под названием Мандрагора...

Сова оглядел группу. На всех лицах читалось либо выражение умеренного интереса, либо вежливого непонимания. Решительно никакой информации.

— С точки зрения его разработчика, это оружие было практически идеальным. Однако когда его описали лидерам Пояса, те решили, что оно создает две большие проблемы. Первая проблема — для них менее существенная — состояла в том, что создание этого оружия включало в себя проведение особых биологических экспериментов, строго запрещенных всеми гражданскими и военными конвенциями. Вторая проблема, с точки зрения лидеров Пояса куда более важная, заключалась в том, что этому оружию еще много лет не могло найтись практического применения. Война для Пояса складывалась достаточно скверно, а это было не то сверхоружие, которое способно разом обратить поражение в победу.

Теперь позвольте мне поделиться с вами одним общим наблюдением: в течение всей Великой войны Земля и Марс безусловно проигрывали с точки зрения количества жертв, однако именно другой стороне — колониям Пояса — пришлось безоговорочно капитулировать. Пояс проиграл войну. Его производственные мощности были разгромлены, его народ изголодался до полной покорности, его правители оказались под угрозой предстать перед послевоенным трибуналом в качестве военных преступников. После войны популярное мнение гласило, что правители Пояса были монстрами в человеческом обличье. Они полностью заслужили свою смерть в последних баталиях. Все жалели лишь о том, что их уже нельзя было привести на трибунал.

Таково типичное послевоенное поведение победителей. Военная история пишется именно победителями. Но что, если в данном случае написанная военная история оказалась правдой? Что, если правители Пояса были людьми по-настоящему холодными, безжалостными и своекорыстными?

Сайрус Мобилиус кивал.

— Именно такими они и были. Я там находился и прекрасно помню всю ситуацию. Вы делали то, что вам велели, иначе вам тут же приходил конец.

— Очень хорошо. Итак, те правители, ни секунды не колеблясь, использовали бы самое ужасное оружие, не уклонились бы от уничтожения бесполезных разработок — особенно таких, которые после войны могли доставить им массу неприятностей. Разумеется, правители Пояса никого на Мандрагоре в свои планы не посвятили. Они просто организовали полномасштабную атаку на астероид — такую атаку, которая обратила бы все свидетельства об экспериментах в пепел и безжизненный камень.

Однако невесть каким образом, в самый последний момент, научный руководитель тех биологических экспериментов — которому в то время случилось быть вдали от Мандрагоры,— узнал о плане уничтожения астероида. На Мандрагору тайно была послана весть. Несколько ученых сумели найти корабль, переоборудованный рудовоз под названием «Океан». Они бежали, забрав свои эксперименты с собой. Но они опоздали. Ракета типа «искатель» уже была послана, чтобы уничтожить все, что попытается спастись бегством с Мандрагоры. Она последовала за «Океаном» и разнесла его на куски. Все, кто был на борту, погибли.

Здесь бы этой истории и конец. Все политические и военные вожди Пояса погибли в последние дни войны. Безусловно, счастливое избавление — для всех в Солнечной системе. Лаборатории на Мандрагоре были уничтожены. Отчеты о проведенной работе, хранимые на Палладе, уже были стерты. «Океан» обратился в пар. Разработчик уничтоженного биологического оружия по-прежнему оставался в живых, но он не больше кого бы то ни было желал быть обвиненным в военных преступлениях и предстать перед трибуналом в качестве козла отпущения. Лучше всего было покинуть Пояс, залечь поглубже, а немного позднее начать новую карьеру где-то еще.

Именно так и произошло. Никаких экспериментов на Мандрагоре словно бы и не проводилось. Прошлое исчезло — на целых двадцать четыре года. А затем, два года назад, рутинное обследование обломков Пояса случайно выудило из космоса полетный самописец «Океана».

Этот самописец показывал, что, хотя девятнадцать человек сели на борт судна на Мандрагоре, только десять оставались на борту, когда «Океан» был аннигилирован. Куда же делись остальные девять? Безусловно, живые или мертвые, они были запущены в космос.

Для всех в Солнечной системе это событие ничего не должно было значить. И для меня, когда я несколько месяцев назад впервые об этом узнал, оно мало что значило,— даже несмотря на то, что я гораздо серьезнее большинства людей заинтересован в реликвиях Великой войны. Должен признаться, я в них чертовски заинтересован.

Да, но почему я проявил такое преступное небрежение? Только потому, что я не смог найти никаких записей об обнаружении хотя бы одной капсулы жизнеобеспечения в пределах разумного времени после уничтожения «Океана», а также в определенном месте, соответствующем конечному положению судна. Я с разумными на то основаниями заключил, что вне этих пределов любой человек в спасательной капсуле уже давным-давно бы умер.

Информация от останков «Океана» могла что-либо значить лишь для одного-единственного человека — того самого, кто четверть столетия ждал новой информации об этом корабле без всякой надежды на то, что она когда-то придет. Эта персона, в отличие от меня, не заключила, что пассажиры тех капсул должны быть мертвы. А почему? Потому что существовал еще один относящийся к делу факт.

Тут Сову прервали. Дверь комнаты распахнулась, и внутрь устремился поток холодного воздуха. Джон Перри и Вильса Шир, очень бледные, но во всех иных отношениях вполне нормальные, были препровождены туда Баззом Сандстремом. Замдиректора вопросительно взглянул на Хильду Брандт.

Она кивнула.

— Садитесь. Но не вы, Базз. Вы идите и позаботьтесь о том, чтобы Вентиль как следует открывался. Обогревайте самый верх, если понадобится. И хорошенько закройте за собой дверь. Здесь уже и так холодно.

Хильда Брандт снова повернулась к Сове, пока Нелл с Тристаном отодвигались, освобождая место для вновь прибывших.

— Очень хорошо, Свами Савачарья. Вам нет нужды продолжать. Я готова закончить весь этот фарс. Признаю свою вину. После того, что я проделала с Камиллой у Вентиля, было бы бессмысленно это отрицать. Я руководила определенными биологическими исследовательскими проектами на Поясе во время Великой войны.— Она не обратила внимания на то, как Сайрус Мобилиус удивленно вскинул голову.— И если я также скажу вам,

что была вынуждена сотрудничать с правительством Пояса, иначе мне пришлось бы умереть, а также что я противодействовала всей этой войне, фактов это уже не изменит. Теперь скажите мне, как вы предполагаете с этой информацией поступить.

— Лично я? Да в целом никак,— Сова грустно уставился на свое перекатывающееся брюхо.— Особенно теперь. Сутки назад — всего час назад — я считал, что на Европе может совершиться убийство. Я думал, что жизнь Джона Перри в опасности, причем что ему угрожает нечто гораздо более вредное, нежели случайная нехватка кислорода. Именно по этой причине я примчался сюда с Ганимеда. И через считанные минуты после своего прибытия к Вентилю я выяснил, что допустил чудовищную ошибку. Чтобы спасти Джона Перри и Вильсу Шир, вы рискнули пожертвовать своей конспирацией. Так совершенно определенно не поступил бы человек, повинный в военных преступлениях. Должно быть, я ошибся, сочтя вас опасной только потому, что вы были уклончивой.

Я могу и должен немедленно вернуться обратно на Ганимед. Однако я также должен удовлетворить свое любопытство. Будьте уверены, ваши ответы дальше меня не уйдут. Разумеется, я не могу говорить от имени всех присутствующих или просить их о молчании. То, что вы мне скажете, может иметь прямое к ним отношение.

— Да, действительно. Тем не менее спрашивайте. Время для молчания уже в прошлом.

— Спасательные капсулы. Было запущено девять штук. Что случилось с остальными? У меня есть доказательства, что обнаружить удалось только три.

— У меня тоже,— Хильда Брандт заметно забеспокоилась — впервые с тех пор, как «Даная» выскочила на поверхность Вентиля.— Приходится заключить, что остальные капсулы оказались утрачены, и дети вместе с ними. Из девятнадцати человек, которые находились на борту «Океана», когда он покинул Мандрагору, уцелели только трое: Джон Перри, Вильса Шир и Камилла Гамильтон.

До этого момента все остальные в комнате сидели очень тихо, сознавая, что словно бы подслушивают личный диалог. Однако последних слов Хильды Брандт оказалось для них слишком много. Все разом заговорили. И остановились только после того, как

поняли, что Хильда Брандт продолжает — негромко, но оживленно.

— ...и уцелели они тогда, безусловно, только благодаря тому, что отличались от обычных людей. Многие месяцы они свободно плавали в космосе — и оставались в живых. Точно так же, как они пережили свои приключения в европейском льду и под ним, которые стали бы фатальными для любого другого. Понимаете, когда все клялись, что замерзшая Камилла мертва, у меня еще оставалась надежда на то, что она выживет. И она действительно восстановилась. После этого, хотя я, конечно, желала, чтобы Джон и Вильса как можно скорее вернулись на поверхность, у меня было еще меньше тревог, что их приключение окажется фатальным. Я даже позволила себе порадоваться тому, как славно я в свое время поработала. И хотя у меня нет желания убеждаться в этом на опыте, я не могу не подивиться тому, как далеко могут простираться их способности к выживанию.

Сайрус Мобилиус оставался непривычно молчалив. Больше любого другого в помещении он понимал характеры Свами Савачарьи и Хильды Брандт. И формировал собственное оригинальное заключение.

— Правильно ли я понимаю то, о чем вы оба говорите? Что вот эти трое...— он обвел рукой Джона Перри, Вильсу Шир и Камиллу Гамильтон,— являются результатами тех биологических экспериментов, что проводились на Мандрагоре двадцать пять лет тому назад? Но вы всего лишь год, как узнали о том, что они живы?

— Доктор Брандт знала об этом больше года,— уточнил Сова.— Она отследила траектории намного раньше меня. А сам я узнал об этом совсем недавно.

— Почему же она не узнала об этом целое поколение тому назад, когда капсулы впервые были обнаружены? Разве при каждом обнаружении каких-либо капсул данные об этом не появлялись в печати?

Сова поднял темные брови в самой суровой критике человеческой наивности, какой он когда-либо удостаивал Сайруса Мобилиуса.

— В той Солнечной системе, которая до сих пор ходит ходуном после величайшей катастрофы в истории человечества? Мы все прекрасно знаем положение дел. Многие годы после оконча-

ния Великой войны информационные системы находились в состоянии хаоса. Находки, безусловно, регистрировались, но данные о них не публиковались. И еще я подозреваю, что в то время у доктора Брандт определенно были другие проблемы.

— В то время — быть может,— Сайрус Мобилиус с упреком повернулся к Хильде Брандт.— Но вы уже целый год знали, что они выжили. Так почему же вы тогда ничего не сказали? Вы были обязаны это сделать.

— Что бы я сказала — и кому? — рявкнула в ответ Хильда Брандт.— Подумайте хорошенько, Сайрус, и скажите мне, что хорошего могло из этого выйти. Я знаю, что в итоге рассказала бы им троим все — но только после того, как получила бы хороший шанс взглянуть на них и убедиться, что поступаю правильно. Четверть столетия они вели счастливую, здоровую, нормальную жизнь. И вы говорите мне, что я была обязана наклеить на них ярлык результатов биологических экспериментов, после чего люди стали бы обращаться с ними как с монстрами и уродами?

К Джону, Вильсе и Камилле медленно приходило понимание. Они услышали, но не могли поверить.

Камилла, присутствовавшая на собрании с самого начала, откликнулась первой.

— Значит, вы соглашаетесь с Мобилиусом в том, что мы... просто результаты экспериментов? Человекоподобные уроды, изготовленные на Мандрагоре?

— Нет! В чем угодно, но только не в этом. Понимаете, Сайрус, именно этого я и боюсь,— Хильда Брандт резко развернулась обратно к Камилле и страстно, с выражением заговорила: — Вы не монстры и не уроды. Ни один из вас. За использование подобных слов мне следовало бы самой себе язык отрезать. Вы человеческие существа — высшие человеческие существа.

— Но что вы с нами проделали? — спросила Вильса.

— Я вас улучшила. Вы были модифицированы еще до рождения, получив контроль над своей вегетативной нервной системой и гораздо лучшую взаимосвязь между сознательными и подсознательными процессами. При необходимости вы можете замедлять или ускорять скорость своего обмена веществ и время реакции. Вы способны совершенствовать все свои телесные функции. Вы можете достигнуть уровней мышечного контроля, немыслимых

для любого другого. Вы также можете — при соответствующей стимуляции — обрабатывать данные такими способами, какие остальным из нас трудно даже представить. Здесь в той же мере умственное превосходство, в какой и физическое. Пойми, Камилла, вы трое такие же, как все,— только вы лучше.

Нелл Коттер внезапно подумала о Джоне Перри с его абсолютным чувством места — как он спокойно направляет «Каплю» сквозь моретрясение, пока его пальцы так стремительно летают по пульту управления спускаемым аппаратом, что за ними даже не уследить. О Вильсе за клавиатурой — как пальцы ее рук и ног с невероятной точностью и координацией работают подобно двадцати независимым инструментам. И о Камилле — как ее внимание полностью обращается внутрь, пока она под руководством Хильды Брандт творит такие чудеса вычисления, какие все, включая саму Камиллу, считают доступными только компьютеру.

Затем Нелл посетило другое видение — комки льда, выпирающие под гладкой, до предела растянутой кожей.

— Вы хотите сказать, что когда Камилла попала в ловушку и замерзла...

— ...ее тело сделало то, что оно должно было сделать,— Хильда Брандт кивнула.— Она выпила всю воду, какую смогла найти. Пока вода замерзала ближе к поверхности ее тела, Камилла использовала высвобождавшуюся скрытую теплоту для поддержания нужной температуры своего внутреннего ядра, что и позволило ей остаться в живых. Эта было нечто вроде зимней спячки, но Камилла совершенно не осознавала, что происходит. Все сделали встроенные в нее механизмы выживания.— Она повернулась к Джону и Вильсе.— То же самое с вами. Вам хватало мизерного объема воздуха, причем гораздо дольше, чем Габриэль Шуми мог себе представить.

— Мы просто сидели в «Данае»,— сказала Вильса.— Мы заснули, но ничего необычного не делали.

— Необычного для вас,— Хильда Брандт с любовью смотрела на всех троих.— Но абсолютно необычного для любого другого человека — пока не появятся еще такие люди, как вы. А они обязательно появятся... Господи, да что там еще?

Вопрос Брандт был адресован не Камилле и не двум другим, а Баззу Сандстрему, который так прорвался в дверь, словно хотел ее вышибить.

— Там Ганимед. Скверные новости.— После спасения Джона и Вильсы Сандстрем восстановил было свою воинственность, но теперь, похоже, опять оказался в глубокой яме.— Наш тамошний персонал сюда позвонил. Новости уже разошлись по всем информационным каналам. Утверждается, что формы жизни в Европейском океане не аборигенные! Кто-то дал утечку о том, что это земные формы жизни, измененные и импортированные.

— Гм. Интересно, кто бы мог это сделать,— Хильда Брандт воззрилась на Сову, но тот покачал головой.— Хорошо, верю. И что вы, Базз, им сказали?

— Ничего.

— Почему?

— Мне нечего были им сказать. А кроме того, они вовсе не со мной хотели поговорить. Они хотели поговорить лично с вами.

— Они совсем растерялись. Идите и заверьте их, что я уже вылетаю.— Хильда Брандт вздохнула и встала, но из комнаты не вышла. Вместо этого она повернулась к Свами Савачарье.— Знаете, что меня больше всего во всей этой истории огорчает?

— Знаю. Страх того, что невежественные люди могут теперь счесть ваших детей монстрами и уродами.

— Моих детей. Они не...— Тут Брандт осеклась.— Что ж, каждый день узнаешь что-то новое. Вы просто феномен, Свами Савачарья. Вам об этом известно? Вы отрицаете эмоции, и все же когда вы беретесь эмоции понимать...

Она повернулась к Джону, Вильсе и Камилле.

— Конечно же он прав. Именно своими детьми я вас и считаю. Вы действительно мои дети — пусть даже в эмоциональном, а не в генетическом смысле слова. Я никогда не причинила бы вам вреда.

И Хильда Брандт снова обратилась к Сове.

— Понимаете, именно это, более всего прочего, ранит меня и огорчает. Что вы, интеллигентный человек, которого Магрит Кнудсен описывает как чуткого и проницательного, смогли убедить себя в том, что я стану убивать ради защиты европейской окружающей среды. Убедить настолько, что вы примчались сюда, чтобы удержать меня от убийства. Причем даже не убийства какого-то незнакомца, а человека, которого я знаю с самого рождения — точнее, знала еще до рождения. Что же я, по-вашему, за зверь?

— Я допустил ошибку. И уже это признал. Я не имел с вами достаточного общения. А кроме того, я не мог забыть нападения на Ярроу Гобеля.

— Которое вовсе не было преднамеренным, и вам следовало бы это знать! — Хильда Брандт укоряла Сову как учительница — нерадивого ученика.— Если человек с весом менее шестидесяти кило, как генеральный инспектор Гобель, принимает дозу, рассчитанную на персону весом в... двести пятьдесят кило?

— Двести девяносто.

— Вы меня поняли. Ваша потеря памяти стала бы временной и частичной. Она относилась бы только к событиям последних месяцев, и вы давно бы уже вернулись в нормальное состояние.

Хильда Брандт наконец подошла к открытой двери.

— Впрочем, это меня не извиняет. Я беру на себя всю ответственность за неприятность с Ярроу Гобелем. Точно так же, как я беру на себя всю ответственность за все мои действия. Когда я вернусь, вы сообщите мне, что вы намерены по этому поводу предпринять. Но сначала я должна поддержать моих сотрудников на Ганимеде. Они думают, что теперь всей вселенной конец. Что, разумеется, вовсе не так.

Она повернулась к Сайрусу Мобилиусу.

— Теперь, когда разошлась весть о том, что наш океан заражен земными формами жизни, нам, скорее всего, невозможно будет сохранить Европу. Так что вы победили, Сайрус, а я проиграла. Но победители и проигравшие часто меняются местами. Я не сдамся. К тому же во многих других смыслах я победила.

И Хильда Брандт ушла, прежде чем Мобилиус или кто-то еще сумел ей что-либо ответить.

25
ПОБЕДИТЕЛИ И ПРОИГРАВШИЕ

Нелл Коттер выучилась удерживать свой разум и свою камеру на главных событиях. Когда Хильда Брандт вышла из комнаты, это оказалось непросто. Нелл почувствовала перемену фокуса в группе, но где теперь новый фокус, ей было так сразу не понять.

Джон Перри и Вильса Шир сидели между Нелл и Тристаном. Сразу за Тристаном сидела Камилла, а рядом с ней — Дэвид

Ламмерман. Все шестеро с неловкостью смотрели друг на друга, старательно игнорируя Савачарью и Мобилиуса, которые сидели к ним лицом. Как только Нелл повернулась оглядеть остальных, она почувствовала, как Джон Перри чуть-чуть от нее отодвигается.

Тогда Нелл разделила поле камеры, чтобы зафиксировать выражения лиц всех трех беглецов с «Океана», и попыталась угадать их мысли. «Вместе при рождении, даже еще до рождения. Первые год-два росли единой группой, буквально дышали обликами, звуками и запахами друг друга. Ничего удивительного, что Джон и Вильса так сильно и незамедлительно откликнулись друг на друга. Затем малыми детьми в полном одиночестве выброшены в открытый космос — жить или умирать».

Шестерым выжить не удалось. Остальные трое были один за другим найдены в послевоенном хаосе и выросли в совершенно разных окружающих средах Земли, Марса и Пояса. Каждый сделал свою, отдельную карьеру, не сознавая о существовании остальных, пока Хильда Брандт не собрала их вместе. Но теперь эта троица начнет видеть себя как единое целое — и казаться себе абсолютно непохожей на всех людей, какие когда-либо жили на этом свете.

А как увидят их остальные? Нелл вдруг поняла, что уже начинает по-другому думать о Джоне Перри. Отважится ли она на близкие взаимоотношения с мужчиной, обладающим абсолютным контролем над своим телом и разумом? Тут Нелл припомнила сообщение из Пунта-Аренаса о невероятно быстром беге Джона за карнавальной платформой. Теперь в это легко верилось.

А затем она почувствовала восхищение, злость на себя и сильную привязанность. Джон по-прежнему оставался Джоном. Он не изменился, если не изменилась она.

«Хильда Брандт была права,— подумала Нелл.— Все мы — люди».

Она заставила себя протянуть руку и сжать бедро Джона. Мышца задрожала и напряглась, затем медленно расслабилась. Джон снова подался к Нелл, накрывая ее ладонь своей.

«Нет тут никакого Ледяного Человека,— решила Нелл.— А в абсолютный телесный контроль я поверю, когда сама его почувствую. И если он действительно существует, могу поклясться, это будет восхитительная забава.

Но если так, то насколько типична я сама?»

Нелл посмотрела дальше по ряду на Тристана Моргана. Наверное, впервые в жизни он не ерзал на стуле. Тристан держал Вильсу за руку и что-то тихо говорил ей в самое ухо. По лицу Вильсы гуляла одинокая, грустная улыбка. Но это по крайней мере была улыбка. Камилла и Дэвид, в дальнем конце, смотрели на Нелл в ответ, разглядывая ее и Джона так же спокойно, как она разглядывала их. Возможно, одним из свойств модифицированной нервной системы была способность сопротивляться шокам, которые поражали обычных людей. Возможно также, что эта способность могла передаваться. Нелл чувствовала себя очень даже неплохо.

Она переключила свое внимание на ту камеру, которая снимала Сайруса Мобилиуса и Свами Савачарью. Весь последний час Мобилиус говорил очень мало. Во главе сцены, где Нелл привыкла видеть Солнечного Короля, его и близко не было. Однако когда Хильда Брандт вышла из комнаты, он начал оживать.

— Ну вот. Очевидно, настало время для общей исповеди и публичных откровений,— обращенная к Сове речь Мобилиуса звучала неформально, даже небрежно.— Все тайны должны быть раскрыты — а вы так и не поведали мне, как вы заключили, что мы с Хильдой Брандт работали вместе. Не хотите ли это обсудить? Или это остается конфиденциальной информацией?

Краем глаза Нелл заметила, как Тристан Морган подался вперед. Но у нее не было времени его разглядывать, потому что Свами Савачарья уже отвечал.

— Вовсе не конфиденциальной. И я боюсь, что здесь не было какого-то глубокого прозрения — всего лишь довольно примитивная логическая цепочка.— Нелл показалось, что на лице Совы впервые с тех пор, как он присоединился к их группе у Вентиля, появилась тень удовлетворения. Впрочем, продолжил он вполне серьезно: — После нескольких неудачных заходов я наконец идентифицировал трех детей с «Океана», которые были найдены в капсулах жизнеобеспечения и спасены: Джона Перри, Вильсы Шир и Камиллы Гамильтон. И эти имена невероятно меня шокировали — ибо я узнал, что каждый из них, теперь уже взрослый, в настоящее время находится в системе Юпитера. Более того, каждый из этих троих недавно появился здесь впервые в жизни, причем каждый прибыл из своего, совершенно отдельного местоположения.

К тому времени я также предположил, что все трое были объектами биологических экспериментов в конце Великой войны. Таким образом, естественно было заключить, что кто-то еще, за целый год до меня, прочел сообщение, содержавшееся в полетном самописце «Океана» и пришел к тем же самым именам. Самой логичной персоной, которая могла это проделать, была, разумеется, та самая, что занималась первоначальными экспериментами.

Пока что все очень хорошо и предельно просто. Но я пропустил один ключевой клочок информации: кто? Кто мог работать на Мандрагоре в конце войны и двадцать пять лет спустя имел возможность доставить сюда всех троих практически одновременно?

У меня был один превосходный кандидат: вы.

На сей раз Сова уже откровенно улыбнулся, когда брови Мобилиуса удивленно приподнялись.

— Да-да, все верно. Сайрус Мобилиус, сам Солнечный Король. А кто еще? Обсудим факты. Молодым человеком лет двадцати с хвостиком вы были на Поясе в конце Великой войны. С тех пор вы стали личностью, обладающей колоссальным богатством и влиянием, способной нажимать на любые тайные пружины на Земле. Вы могли добиться, чтобы Джона Перри послали на Европу — и действительно это сделали. Точно так же, как вы переориентировали приоритеты РСН, после чего у Камиллы Гамильтон и Дэвида Ламмермана практически не оставалось другого выбора, кроме как прибыть сюда и работать на вас. Аналогичным образом вы привлекли в систему Юпитера и Вильсу Шир. Для этого потребовалось всего лишь существенное концертное финансирование вкупе с жирными комиссионными за крупное новое произведение. У вас имелось достаточно денег, чтобы сделать такое предложение, от которого невозможно отказаться. Все остальное уже было за ее агентом.

А затем моя прекрасная, будто бы идеально логичная структура рассыпалась на куски. Потому что, как выяснилось, логичной она вовсе не была.

Если вы так жаждали увидеть нынешнее состояние ваших давнишних экспериментов, почему было не послать Камиллу Гамильтон и Вильсу Шир на Землю, где уже находились вы сами и Джон Перри? Такой вариант безусловно был проще рандеву в системе Юпитера. Столь же фатальными для моей гипотезы ока-

зались добытые мной сведения о том, что у вас имелись другие, более прозаические причины для отправки Джона Перри на Европу. «Аборигенные» европейские формы жизни, которые вы там разместили, нуждались в разоблачении. Следовало доказать, что на самом деле это специально сконструированные формы жизни, импортированные с Земли, и тем самым уничтожить всякую оппозицию Европейскому термоядерному проекту. Камилла потребовалась вам примерно для тех же самых целей — чтобы продвигать ваши планы европейского развития.

И наконец мой друг Морд нанес уже зашатавшейся гипотезе поистине смертельный удар. Оказалось, вы работали бок о бок с Мордекаем Перельманом в конце войны, лихорадочно развивая ваши новые термоядерные идеи. Морд поклялся, что ни над какими биологическими проектами на Европе вы одновременно работать не могли.

Таков был конец. Прекрасная теория, разрушенная грубыми фактами. Но, как знает каждый энтузиаст Сети Головоломок, даже неверные теории могут привести к новым прозрениям. У меня больше не было конкретного имени, ибо Сайрус Мобилиус не подходил. Зато у меня имелось конкретное место: Европа. Все сходилось именно здесь. Даже Вильса Шир, по причине, для меня совершенно не очевидной, прибыла на Европу. А во всех европейских делах есть лишь одна доминантная фигура. Я не смог обнаружить никаких подозрительных элементов в прошлом Хильды Брандт — думаю, она преподала нам всем урок образцовой конспирации. Однако она провела войну на Поясе и прибыла в систему Юпитера лишь через довольно долгое время после того, как война закончилась. Она также сделала запрос о том, чтобы Джона Перри направили на Европу для исследования предполагаемых аборигенных форм жизни.

И все же Хильда Брандт тоже не подходила. Да, у нее имелось колоссальное влияние в системе Юпитера, и она вполне могла заниматься секретными экспериментами военного времени на Поясе. Если так, она безусловно жаждала увидеть, какие результаты через столь долгое время дала ее работа. Однако, в отличие от власти Сайруса Мобилиуса, власть Хильды Брандт не распространялась на Внутреннюю систему. Ей не под силу было бы направить сюда из центра РСН Камиллу Гамильтон. Она также не смогла бы гарантировать, что сюда с Земли прибудет именно Джон Перри, а

не какой-то другой эксперт по погружаемым аппаратам. Нипочем бы не смогла — если бы ей не оказали помощь.

Наконец все кусочки сложились. Тут было не одно имя. Два. И два человека, каждый из которых манипулировал другим. Ради достижения собственных целей оба они друг друга использовали.

— Мой уважаемый советник, я вами разочарован,— Мобилиус качал головой.— Мы с вами двадцать лет исследовали разум друг друга. И тем не менее вы заподозрили, что я мог опуститься до убийства?

— Ничего подобного. Я этого не делал. Я чувствовал, что худо-бедно понимаю склад ума Торквемады. А вот чего я практически не знал, так это склада ума и природу Хильды Брандт. И вам в ее отношении я тоже доверять не мог. Не могла ли она оказаться персоной, которая изучит свои эксперименты, оценит их текущее состояние, а затем, ради каких-то других своих целей, хладнокровно их уничтожит? Я не мог так рисковать.

— Вам все же следовало проконсультироваться со мной. Хильда Брандт вовсе не такая персона. Однако, прежде чем уйти, она задала уместный вопрос: «Что вы намерены по этому поводу предпринять?»

— Это вы о прошлом Брандт и о ее экспериментах? Лично я ничего не намерен по этому поводу предпринимать. Это не является ни моей прерогативой, ни моей непосредственной заботой. А вот что они...— Сова указал на Вильсу и остальных,— решат для себя выбрать — это уже совсем другое дело. Большинство событий, которые мы обсуждаем, произошли четверть века назад, и хотя военные преступления срока давности не имеют, интерес к военным преступлениям такой срок имеет определенно. Есть основания полагать, что данные конкретные преступления попросту никогда не совершались. Сомневаюсь, что кого-то за пределами этой комнаты хоть в малейшей степени заботит то, что двадцать пять лет тому назад произошло на Мандрагоре.

Тут Сова повернулся к Нелл.

— Не так ли, мисс Коттер? Я не сомневаюсь, что вы все записывали. Как вы всегда это делаете. Но существует ли ко всему этому реальный общественный интерес?

«Интересно, знает ли он про субвокальный диктофон?» — задумалась Нелл. Затем она помотала головой и сумела избежать взгляда на свою скрытую камеру.

— Людей интересует только эффектное шоу, мистер Савачарья. Они бы с удовольствием посмотрели, как «мобиль» вгрызается в Вентиль. Еще им понравился бы эпизод с подводным спасением. Но они даже за деньги не стали бы смотреть программу о преступлении двадцатипятилетней давности, которого к тому же никто не совершал.

— А результаты экспериментов?

— Люди нипочем не поверят, что в Джоне и остальных есть что-то особенное, если только они сами не смогут это увидеть. А они этого увидеть не смогут. Аудитория видеопрограмм верит картинкам, а не заявлениям.

— Весьма разумная философия. Могу только поаплодировать мудрости этой аудитории.

Сова принялся с трудом подниматься из своего неудобного кресла. Каким бы оно ни было мягким, он чувствовал, как ребра узких подлокотников врезаются в его нежную плоть.

— Хильда Брандт была права. Это еще не конец Вселенной, и рассказ об «Океане» снова уйдет в историю. Но всеми нами из этого должен быть извлечен урок.

Сова потер отчаянно ноющую задницу. Он устал, проголодался и уже чувствовал, что выражается сверх меры важно и назидательно. Пора было отправляться домой. Он повернулся к Сайрусу Мобилиусу:

— Победители и проигравшие, как сказала Хильда Брандт. Вы манипулировали людьми и событиями — и выиграли бой за развитие Европы. Но все, святые и грешники, всегда преследуют свои личные цели, и цели эти редко бывают одинаковы для двух человек вне зависимости от того, насколько убедительно они изображают полное взаимопонимание и сотрудничество. Прежде чем вы почувствуете глубокое удовлетворение от вашей победы, вспомните, что Хильда Брандт в свою очередь вами манипулировала — к собственной выгоде. Вы доставили к ней трех индивидов, которые были ей позарез нужны, и даже сами того не поняли.

Пора бы нам с вами осознать, что далеко не все изворотливые умы Солнечной системы без конца крутятся в Сети Головоломок. В определенном смысле Хильда Брандт обставила нас обоих. На сей раз вы победили, но вряд ли вы всегда будете побеждать.

— Но он не победил.— Голос Вильсы Шир неожиданно ворвался в раздумья Свами Савачарьи. И Сова раздраженно на нее посмотрел. На самом деле он еще не закончил.

— Да, не победил,— Вильса проигнорировала гневный взор Совы.— Можем мы показать их, Джон? Я знаю, нам следует дождаться подтверждения, но это так важно.

— Ты хочешь, чтобы я дважды в одну и ту же лужу сел? Мне казалось, одного такого позора на всю жизнь более чем достаточно.— Тем не менее Джон Перри встал, подошел к станции обработки данных и внимательно ее изучил.— Ладно. Кто-нибудь знает, как эта штука работает?

— Я знаю.— Тристан Морган уже встал со стула.— Дай мне.— Он взял у Джона блок хранения данных.— Который сегмент?

— Он там всего один. Звук не ищи — это чистое видео.— Джон повернулся лицом к остальным, пока Тристан вставлял блок.— Страшно неохота снова шею подставлять. Поэтому я только скажу, что эта запись была сделана менее трех суток тому назад, что вы будете наблюдать за глубоким океанским ложем Европы — сто восемнадцать километров подо льдом — и что температура окружающей среды составляет там девять градусов выше нуля.

Свет в маленькой комнате помутнел. Экран станции обработки данных вспыхнул и сразу же перешел к черно-белому, низкоконтрастному показу типичного ультразвукового изображения. Датчик сканировал все океанское дно начиная от далекого горизонта. Поначалу не было видно ничего, кроме обычного ложа, сглаженного и смягченного за миллиарды лет слабым приливным движением.

Тристан открыл было рот — но прежде чем он успел сказать хоть слово, в поле зрения вдруг возник целый ряд пилообразных структур, прямых, как проведенная по линейке черта. По мере равномерного спуска погружаемого аппарата появились дальнейшие детали; каждая борозда меняла свои острогранные очертания, оказываясь составным набором наподобие многослойных вафель.

— А вот здесь мы добавили к ультразвуку видимые длины волн.— Джон Перри, сам того не желая, все-таки комментировал.

Стал виден плывун, движущийся впереди «Данаи». Картинка на экране стала резче и засияла ложными красками. Вдоль края одной из «вафель» появился сверкающий ряд фасеточных бусинок.

— Просто кремниевые и ферритовые кристаллы, сказало бы большинство. Но я хотел приглядеться получше. Теперь смотрите внимательнее, пока мы посылаем туда плывун.

Свободноплавающий источник света оказался менее чем в полуметре от одного из ребристых гребней. Когда он подобрался еще ближе, а луч набрал интенсивность, гребень пришел в движение. Он стал сплющиваться, уходя вниз, лениво отстраняясь от назойливого света.

— Либо фотофобные, либо чувствительные к теплу. Это мы узнаем, когда у нас появится шанс исследовать содержимое трюма «Данаи». У нас там была куча времени, и я положил на хранение парочку образцов. Но даже без вдумчивого анализа несколько догадок сделать несложно. Перед вами стабильная структура, которая и чинит себя, и воспроизводит. Если вы еще немного понаблюдаете, вы увидите, что происходит на краях этих вафель. Данные структуры также действуют при более высоких температурах, чем температура окружающего морского дна, и для этого они используют химическую энергию. Вы уже видели, как они избегают раздражителей, которые могут причинить им вред.

Тристан оставался рядом с блоком данных, а потому чуть ли не втыкался носом в экран.

— Эти существа живые.

— Если соглашаться с большинством определений живого. Эти борозды действуют как живые существа, которым вообще предполагается иметь способность действовать. Похоже, они даже эволюционируют по мере распространения. Но меня уже один раз надули. Хорошенького понемножку. На сей раз я не скажу ничего лишнего, пока не буду абсолютно уверен.

«Но Джон уверен,— подумала Нелл.— Он просто не хочет публично об этом заявлять.— Она взглянула на Сайруса Мобилиуса.— И он тоже уверен. Люди добрые, вы только на его лицо посмотрите! Победители и проигравшие. Солнечный Король снова взял себя под жесткий контроль и точно знает, что он не победил. Это настоящие аборигенные формы жизни. С ними Европа надежно защищена. Она еще долгое время не будет развиваться».

— Откуда ты знаешь, что эти существа тоже не были привезены с Земли и не помещены туда? — Тристан по-прежнему, отчаянно щурясь, вглядывался в экран.

— Потому что, в отличие от всех живых существ на Земле, они не основаны на ДНК. Это непериодические кристаллические структуры из различных глин — и тем не менее они способны

к воспроизводству. Мы долгое время задумывались о возможности существования такой разновидности живых существ. Кейрнс-Смит предложил эту идею более столетия назад, но теперь мы впервые с такими существами столкнулись.

— Но все же не могли они быть сделаны искусственно, подобно тем первым, которых ты обнаружил и объявил аборигенными для Европы?

Джон скорчил гримасу.

— Лучше не напоминай. Но я уверен, что это не конструкции. Даже если подобный фокус можно было бы провернуть — а я не сомневаюсь, что это невозможно,— это не имело бы никакого смысла. Мы с Вильсой навестили такое место на дне Европейского океана, где раньше никто не бывал. Туда пока что никто и не собирался отправляться. Так какой смысл помещать этих существ в такое место, где шансов на их обнаружение не будет еще многие десятилетия?

Сайрус Мобилиус внезапно встал.

— Полностью переигран — самой Природой. Победители и проигравшие, говорите? Будь оно все проклято. Кажется, это Маргарет Фуллер сказала: «Я мирюсь со Вселенной»? Ну что ж, я тоже мирюсь.

Нелл взглянула на него и подивилась жизнеспособности этого человека. Легко верилось, что Сайрус Мобилиус от природы был наделен той потрясающей нервной системой, над созданием которой работала Хильда Брандт. За прошедший час он увидел, как годы кропотливого планирования наконец-то дают свои плоды, а потом, за какие-то несколько минут, все его планы были разрушены — причем тем самым человеком, которого он привлек на Европу, чтобы помочь ему победить.

И все-таки Мобилиус уже восстанавливался. На его лице не было заметно никаких признаков поражения или смирения. Подобно Хильде Брандт, он мог пройти бесконечные потрясения и опять выйти на очередной круг.

— Полагаю, нам следует заключить, что Европейскому термоядерному проекту теперь придется подождать,— бодро продолжил Мобилиус.— Это прежде всего касается тебя, Камилла. И тебя, Дэвид, тоже. Разумеется, я надеюсь, что вы оба будете продолжать работать со мной. Но если вы хотите занять другие позиции...

— Я хочу вернуться обратно в центр РСН,— выпалила Камилла.— Хочу, чтобы вы это организовали и предоставили мне время для наблюдений.

Она тут же заметила, что Мобилиус удивился, а Дэвиду стало больно. Вообще-то Камилла тоже была к этому не готова, но Мобилиус сам сказал, что настало время для откровений. Если Джон Перри все-таки решил высунуться, она вполне могла от него не отставать.

— Все дело в данных, полученных от моего эксперимента в РСН — того, который я оставила в фоновом режиме, когда мы отправились в систему Юпитера. Результаты начали приходить как раз перед тем, как я покинула «Абаку». Но поначалу я не могла их понять, и у меня не было моих компьютерных моделей. Теперь, после истории с Вентилем и «мобилем», эти модели, кажется, уже не так для меня важны. По-моему, я знаю, что я там вижу, пусть даже у меня нет моего компьютера, чтобы это подтвердить. Но мне по-прежнему нужны самые лучшие изображения, какие только может дать РСН... потому что если я права, то в семи миллиардах световых лет отсюда, на полпути до бесконечного красного сдвига, существует гладкая, термоизлучающая поверхность размером больше галактики.

Ее слова не оказали на Сайруса Мобилиуса никакого эффекта. Камилла ясно это видела. Зато они определенно произвели сильнейший эффект на Дэвида.

— Боже мой! Стэплдон! Ты думаешь, что увидела доказательство существования конструкции Стэплдона-Дайсона? — Он повернулся к Мобилиусу: — Камилла говорит, что РСН зафиксировала искусственную структуру чудовищного размера, окружающую целую галактику, чтобы поглощать ее энергию. Это может означать только разумную цивилизацию.

От Мобилиуса опять никакой бурной реакции не последовало.

— Семь миллиардов световых лет,— медленно протянул он.— Стало быть, что бы ты там ни увидела, это происходило семь миллиардов лет тому назад. Еще до возникновения Солнечной системы. Если эта штука была, теперь ее, скорее всего, уже давным-давно там нет. Возможно, я что-то упускаю, но это определенно не потрясает меня как нечто значительное — по сравнению с модификацией Европейского океана или отправкой Тристана на «Звездном семени» для исследования облака Оорта.— Тут Солнечный Король взял паузу и продолжил только после того, как Сова подстегнул его

заинтересованным покашливанием.— Хотя, может статься, я ошибаюсь. Ты, Дэвид, смыслишь в этом больше меня. И я доверяю твоему суждению. Если ты скажешь мне, что хочешь уехать и отправиться в центр РСН вместе с Камиллой, а там подробно исследовать то, что она обнаружила... я найду способ это организовать.

Камера Нелл должна была зафиксировать неуверенность на лице Дэвида Ламмермана, поскольку сама Нелл ее подметила. Дэвид внимательно смотрел на Камиллу Гамильтон — похоже, в вопросительном ожидании. Как бы спрашивая: «Все в порядке?» Наконец Камилла едва заметно кивнула, и Дэвид повернулся лицом к Сайрусу Мобилиусу.

— Я действительно считаю, что открытие Камиллы имеет колоссальную важность,— тихо сказал он.— Ей немедленно следует предоставить доступ в центр РСН, а также максимально возможное время для наблюдений. И я тоже хочу вернуться в центр РСН, чтобы работать вместе с ней. Но не так сразу. А прямо сейчас, если ты не против...— тут Дэвид посмотрел Мобилиусу прямо в глаза,— думаю, мне настало время приступить к изучению семейного бизнеса.

Камера по-прежнему работала. И Нелл наконец-то получила собственный опыт взаимосвязи «победители-проигравшие». Она была главной победительницей, ибо в первый и единственный раз в ее жизни камера Нелл зафиксировала на пленке саму душу Сайруса Мобилиуса.

Но она также была проигравшей и вшивым репортером. Ибо Нелл совершенно точно знала, что никогда эту пленку не использует.

26
ЭНДШПИЛЬ

Дома. Наконец-то.

Свами Савачарья открыл дверь и поплелся по Совиной Пещере, подбирая старое, обезвреженное оружие, открывая крошечные пустые ящички для мультимегатонных бомб, шурша всевозможными документами и в то же самое время наслаждаясь детально продуманным беспорядком.

Коммуникационный блок буквально ломился от сообщений, жужжа и чирикая, пока Сова продвигался по своей пещере. Наконец

добрался он и до блока. Полдюжины проблем и решений от членов Сети Головоломок; четыре сигнала «позвоните мне» от Магрит Кнудсен, один от Морда, которому электронно зачесалось узнать, что стряслось; а также пять сообщений с пометкой «ответ не требуется» от сотрудников отдела расписаний Пассажирского транспорта.

Уже направляясь к кухне, Сова нахмурился при виде последней прибывшей на экран строчки: «Вы сделали это! Сегодня Европа, завтра звезды!» У порога кухни он помедлил. Всю обратную дорогу от Европы до Ганимеда Сова обещал себе пятилитровый сырный фондю, приготовленный в специальном горшке. Однако в его отсутствие Совиная Пещера претерпела чье-то вторжение. Всю кухонную рабочую поверхность занимал длинный, роскошно украшенный торт, на котором красным марципаном было выложено приветствие: «Добро пожаловать домой, Великая Сова».

Свами Савачарья нагнулся и принюхался. Аромат казался приятным, хотя и не вполне правильным. Тогда он отрезал кусочек, кинул его в рот и пересмотрел свое мнение. Торт был просто отвратителен: жирный, вязкий и сладкий до умопомрачения.

Сова отнес торт к блоку переработки. Но в тот самый момент, когда он водрузил его на край желоба, жуткая усталость снова охватила все его тело с головы до ног. После будоражащих разговоров и эмоций на «Горе Арарат» Сова всю обратную дорогу ни на секунду не мог заснуть. И теперь у него не было сил прочитать сообщения, позвонить Магрит Кнудсен или поболтать с Мордом. У него даже не было сил поесть. Все это могло подождать до завтра.

Отчаянно зевая, потирая свое гладкое смуглое брюхо и прямо по пути срывая с себя одежду, Свами Савачарья направился к громадной кровати. Шелковые простыни были мягкими и холодными. Еще чудеснее, чем он их все это время помнил. Он поднял верхнюю простыню, просунул туда свою голую тушу и попытался вытянуть ноги.

Пройдя около метра, ноги застряли и дальше уже ни на микрон не продвинулись. Ровно на полпути по кровати кто-то завернул простыни наверх.

Ярроу Гобель. Теперь уже двенадцатилетний, с типично подростковыми понятиями о смешном. Сова вздохнул, опять выбрался на пол и терпеливо перестелил постель.

Затем он снова туда залез и закрыл глаза. Усталость казалась чудовищной. Но даже теперь, совершенно невероятным образом,

когда все заботы ушли, и Свами Савачарья снова оказался в уютных недрах Совиной Пещеры, сон по-прежнему не приходил. Сова открыл глаза, поморгал и уставился на зернистый потолок. В чем же была проблема?

Она определенно не имела отношения к событиям в передвижной лаборатории, хотя Сова и не на шутку пострадал, допустив позорную ошибку.

Возникла ли эта проблема потом, на базе «Гора Арарат»? Когда перед изумленными глазами Совы, непосредственно в реальном времени, образовывались и пускали корни различные пары и тройки? Сайрус Мобилиус и Тристан Морган, нащупывающие путь к использованию «мобилей» в проекте «Звездное семя» с Дэвидом Ламмерманом в качестве одобренного посредника. Дэвид Ламмерман, с благословения Камиллы и при активной ее поддержке вырабатывающий новые взаимоотношения сына с отцом. И Тристан Морган, большая часть разума которого оставалась неразрывно связана с Вильсой Шир — пока она, Камилла и Джон Перри ломали голову над структурой их собственных взаимоотношений. Они могли делать совершенно отдельные карьеры, но им всегда предстояло делить уникальное наследство. Вполне естественно, что они были просто заворожены друг другом, а также Хильдой Брандт. То, что она проделала, их, похоже, нисколько не возмущало. Для детей, которые никогда не знали своих родителей, она, пожалуй, была ближе всего к матери.

И наконец сама Хильда Брандт. Даже окончательно уверившись, что формы жизни в Европейском океане являются синтетическими, она не смирилась с тем, что Европа должна потерять свой статус ограниченного доступа. Теперь же Брандт могла ее защитить, причем с куда лучшими шансами на успех, чем когда-либо раньше.

Если не считать того, что Сайрус Мобилиус тоже так просто сдаваться не собирался. Еще предстояло состояться гигантской битве за Европейский термоядерный проект, которая будет вестись на всех общественных и приватных уровнях науки, политики и надувательства. И кто в этой битве победит, Брандт или Мобилиус... вот где была настоящая проблема, достойная лучших умов в Сети Головоломок.

Впрочем, Свами Савачарьи эта проблема не касалась. Его мучила забота гораздо более личная.

Сова опять устало выбрался из постели и потопал к коммуникационному блоку. Входящие сообщения членов Сети Го-

ловоломок он проигнорировал, но все остальные прочел. Ни одно из них не имело ни малейшего отношения к работе. Там были только расспросы о его путешествии на Европу и объявления о грядущих собраниях — но собраниях общественных, а не профессиональных.

Сова вернулся в постель. Люди неверно истолковали его путешествие на Европу. Похоже, они полагали, что это указывало на полную перемену личности Свами Савачарьи. Сова знал, чего они добиваются. Им хотелось увидеть вывеску, которая в их собственных искаженных понятиях читалась бы как «Счастливый Конец».

Разумеется, они ошибались. Жизнь порядком отличалась от видеошоу. И все же, быть может, вовсе не это было подлинным сообщением...

Свами Савачарья закрыл глаза. Но он не мог закрыть своих ушей и своего разума. Вокруг Совиной Пещеры, абсолютно во всех направлениях, все недра Ганимеда буквально пульсировали активностью. Деловитые, как термиты, люди бурили, строили, бегали, извлекали и таскали; многие их тысячи, вечно бодрствующие, без конца повсюду толпились. Сова вообразил себе, что и впрямь может их слышать.

И все могло стать только хуже. Население Ганимеда росло. Эта перемена особенно бросалась в глаза в транспортных отчетах, где с каждым годом появлялось все больше и больше полетов. Все более крупные корабли перевозили все большее число пассажиров и все более тяжелые грузы. Чем все это закончится? Сколько еще Ганимед, представляя собой естественный узловой пункт между Внутренней и Внешней системой, будет стонать под тяжестью слишком многих людей — как Земля перед Великой войной?

Сова снова открыл глаза. Путешествие наружу из Совиной Пещеры позволило ему рельефно увидеть проблему. Возможно, оно также обеспечило решение этой проблемы — единственное решение, какое он только мог себе представить. По крайней мере, в пределах всей Солнечной системы.

Сова в самый последний раз выбрался из постели и вернулся к коммуникационному блоку.

— Морд,— Свами Савачарья обратился к скептической физиономии, которая в конце концов появилась перед ним на экране. Решение было принято. Сова хотел сделать ставку на Хильду Брандт.— Что вы думаете об идее долгосрочного переселения на Европу?

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Четверть столетия: сотня крупных радиационных бурь и случайного бушевания солнечных ветров; с полдюжины проходов сквозь сумятицу Пояса астероидов. Первоначальные орбиты оказались так скручены, изогнуты и исковерканы, что никакой анализ весь этот хаос уже отследить не мог.

Первый год: после того, как пределы нормального выживания оказались достигнуты и пройдены, процесс перешел ко второй стадии. Началась обратная дифференциация тканей. Руки и ноги исчезли; внутренние органы модифицировали свои функции. Сердца, печени и легкие атрофировались, а маленькие тела сжались и округлились, образуя гладкие, безликие организмы яйцевидной формы.

Пять лет: внутри капсул установилась температура жидкого азота. Все жизненные функции младенцев давным-давно замедлились и остановились. Мозги стали твердыми кристаллическими матрицами, по замерзшим сетям которых подобно тревожным снам проскакивали минимальные сигналы.

Десятилетия: конец Великой войны стал далекой историей, но младенцам не суждено было умереть. Время и выживание потеряли всякий смысл. Стало совершенно несущественно, обнаружат их сегодня, завтра или в далеком будущем.

В конце концов шесть капсул сошлись поблизости от места их первоначального появления в космосе, снова выплывая из чуждых небес на оживленные коммерческие маршруты. Со своей позиции высоко над эклиптикой наблюдательный модуль широкого охвата на мгновение коснулся потенциальных угроз для навигации своим призрачным бледно-лиловым лучом. Затем луч двинулся было дальше, но через полминуты он озадаченно метнулся назад, чтобы еще раз проверить находку.

Закованные в ледяные коконы, младенцы ожидали. Время тянулось все дальше — к часу их второго рождения.

ТЕМНЕЕ ДНЯ

Кипу и Карен

ПЕРЕЧЕНЬ ГЛАВНЫХ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ

СЕБАСТЬЯН БЕРЧ — перемещенное лицо после Великой войны с навязчивым интересом к облачным системам внешних планет.

ДЖЕК БЕСТОН — по кличке Людоед, глава проекта СЕТИ «Аргус».

ФИЛИП БЕСТОН — по кличке Ублюдок, глава проекта СЕТИ «Цербер».

ДОКТОР ВАЛЬНИЯ БЛУМ — глава Ганимедского отдела научных исследований.

МИЛЛИ ВУ — аналитик СЕТИ, а также трехкратная чемпионка Сети Головоломок среди юниоров.

ЗЕТТЕР — глава службы безопасности проекта «Аргус».

МАГРИТ КНУДСЕН — высокопоставленный член правительства Юпитерианских Миров, а также бывшая начальница Свами Савачарьи.

КАПИТАН ЭРИК КОНДО — капитан лайнера Внешней системы «Ахиллес».

ХАННА КРАУСС — старший аналитик СЕТИ, начальница Милли Ву.

АГАТА ЛИГОН — симбионт, двоюродная бабушка Алекса Лигона и член совета директоров «Лигон-Индустрии».

АЛЕКС ЛИГОН — разработчик предсказательных моделей и младший член семьи Лигонов.

ГЕКТОР ЛИГОН — кузен Алекса Лигона.

КАРОЛЮС ЛИГОН — дядя Алекса Лигона, главный спец по темным делишкам в «Лигон-Индустрии».

КОРА ЛИГОН — двоюродная бабушка Алекса Лигона и член совета директоров «Лигон-Индустрии».

ЛЕНА ЛИГОН — мать Алекса Лигона, симбионт.

ПРОСПЕР ЛИГОН — двоюродный дедушка Алекса Лигона и глава «Лигон-Индустрии».

НАТАЛИ И РАШЕЛЬ ЛИГОН — кузины Алекса Лигона.

ЮЛИАНА ЛИГОН — кузина Алекса Лигона, симбионт.

КЕЙТ ЛОНАКЕР — глава отдела передового планирования и предсказательного моделирования на Ганимеде, а также непосредственная начальница и любовница Алекса Лигона.

ГАРОЛЬД ЛОНИУС — ведущий разработчик в сфере нанотехнологии.

ПОЛ МАРР — старший помощник на лайнере Внешней системы «Ахиллес».

ЛЮСИ-МАРИЯ МОБИЛИУС — дочь Сайруса Мобилиуса.

САЙРУС МОБИЛИУС — «Солнечный Король», изобретатель термоядерного двигателя типа «мобиль», а также глава компании «Мобилиус».

МОРД — уникальный Факс высокого уровня покойного Мордекая Перельмана.

КРИСТА МЭТЛОФФ — руководитель медицинского учреждения на орбите Земли.

НЕВОД — интегрированная компьютерная система, охватывающая все миры Солнечной системы.

ОЛЕ ПЕДЕРСЕН — способный, но излишне честолюбивый и подозрительный глава предсказательной группы, соревнующейся с Алексом Лигоном и Кейт Лонакер.

СВАМИ САВАЧАРЬЯ — он же Сова, он же Мегахиропс, философ-анахорет и Мастер Сети Головоломок.

НАДИН СЕЛАССИ — легендарная разработчица утраченного оружия возмездия «темнее дня», предположительно погибшая в конце Великой войны.

БЕНГТ СУОМИ — главный научный сотрудник «Лигон-Индустрии».

ХАПУГА — старший член и Мастер Сети Головоломок.

ЯНИНА ЯННЕКС — перемещенное лицо после Великой войны, а также потенциальная колонистка Внешней системы.

Пролог
ГОД 2071 ОТ Р. Х.

Великая война завершилась. Прошло четыре месяца с момента ее начала, когда правители Пояса — раздавленные и опустошенные, униженные и беззащитные — согласились на безоговорочную капитуляцию.

И все же Великая война не закончилась. Она попросту не могла закончиться. Гигантским штормом пройдя едва ли не по всей Солнечной системе, война, подобно любому другому шторму, оставила за собой следы разрушения, незримые токи нерастраченной энергии, водовороты ненависти и сбитые в многочисленные кучи обломки: люди, оружие и тайное знание. Обломкам этим до поры до времени суждено было оставаться заброшенными.

Марс об этом факте не сознавал. Однако, пусть ему и крепко досталось, зато вдвойне повезло. Верно, больше половины его населения погибло. Однако жизнь могла и дальше идти под поверхностью, и те же самые инфернальные силы, которые начисто опустошили Северное полушарие планеты, запустили таяние вечной мерзлоты. Две тысячи лет спустя люди смогли бы без скафандров ходить по поверхности и дышать чистым марсианским воздухом.

Но все это будет еще очень не скоро — в далеком и невообразимом будущем. Сегодня же липкая пленка микрофагов покрывала почву от экватора до полюсов, ожидая, пока изменения в цикле ГАЦТ потребуют рассоединения.

Настала ночь — в семьсот пятидесятый раз со времени окончания Великой войны. Вышли звезды, яркие и четкие в черном

небе. На фоне звездного поля с запада на восток мчался Фобос. Слепые фаги не сознавали его присутствия — как не сознавали они восхождения Юпитера и Сатурна.

Однако другие обитатели Марса об этом знали. В трехстах километрах от бесплодного экватора, в мертвой точке невысокой, гладкой долины десятиметровый кружок поверхности выпустил в разреженный воздух туманное облачко химикатов. Любая форма ГАЦТ или ГАЦУ погибла бы в этом тумане за считанные миллисекунды. Рассоединители были сделаны из более прочного материала, но они достаточно хорошо знали, как распознавать опасность. Волна микрофагов отхлынула во все стороны, оставляя кольцо голого серого щебня вокруг туманного кружка. Те несчастливые фаги-рассоединители, которым случилось оказаться внутри кольца, теперь корчились, возвращаясь к центру и ссыхаясь там в небольшую кучку обезвоженного порошка.

Ток более теплого воздуха снизу развеял этот порошок. В центре кольца появилась черное пятнышко. Это пятнышко быстро расширилось в темный открытый диск, из которого стала подниматься круглая плоская платформа. Микрофаги отхлынули еще дальше, отстраняясь от коричневого спрея по периметру платформы.

В центре платформы стояли две фигуры в скафандрах. Пожилая женщина, держа за руку маленького мальчика, указывала вверх. Мальчику не было еще и пяти лет, и корчащееся кольцо микрофагов заодно с блеклым пейзажем интересовало его куда больше звездного неба.

— Видишь его? Видишь? — женщина со странно изогнутым позвоночником спрашивала голосом грубым и хриплым. Затем она нетерпеливо дернула мальчика за руку.— Ты не туда смотришь. Вон там. Самый яркий.

Для своего возраста мальчик был достаточно высок и крепко сложен. Проследив за указующим перстом женщины, мальчик уперся взглядом в нависающий над восточным горизонтом Юпитер. Темные глаза засверкали под визором шлема, но его сердитого вида в тусклом свете было не разглядеть.

— Он совсем небольшой. Ты сказала, он будет большой.

— Юпитер большой. Огромный. Куда больше этой планеты. Он только кажется маленьким, потому что он очень далеко.

— Он такой маленький, что я его в кулаке раздавлю. Он не может нам навредить.

— И все-таки он нам навредил. Юпитер кажется крошечным, но на самом деле он такой громадный, что вокруг него кружатся другие миры, почти такие же большие, как этот. Люди, которые живут на этих мирах, начали войну. Они чудовища. Они убили твоего отца, твою мать и твою маленькую сестренку. Они бы и нас убили, если бы мы остались на Поясе. Из-за них нам пришлось спрятаться здесь.

Хотя эта история не раз рассказывалась, мальчик стал более заинтересованными глазами глядеть на Юпитер.

— Эти миры там. Просто они так далеко, что ты не можешь их видеть. Но ты часто слышал их названия. Ганимед, Европа и старый Каллисто.

— И дымный дурашливый Ио. Ты пропустила один. В «Галилеевой песне» их четыре.

— Ты прав. Их действительно четыре. Но на Ио никто не живет.

— А почему? Разве там вот этого не хватает? — взмахом руки мальчик обвел кольцо микрофагов, образовавших некое подобие набегающей на берег волны по ту сторону защитного спрея.

— Нет. Но на Ио бесконечные грозы, страшная жара и другие скверные вещи. Никто не может там жить. Ты бы не захотел туда отправиться.

— Если Юпитер такой большой, я хотел бы жить на Юпитере.

— Там ты тоже не сможешь жить. Юпитер слишком велик. Он тебя в лепешку раздавит.

— Могу спорить, не раздавит. Я сильный. Я сильнее тебя.

— Это правда,— женщина попыталась рассмеяться, но вышел у нее лишь слабый хрип из легких.— Мальчик мой, теперь все сильнее меня. Люди из тех миров, что начали войну, меня не убили, но постарались они на славу. Раньше я тоже была сильной.

Вместе с ее последними словами в шлемах их скафандров прозвучал тревожный звонок. Полоска спрея, что держала фагов на расстоянии, становилась все тоньше. Женщина внимательно оглядела голый ландшафт, подмечая незримые для мальчика перемены.

Затем она взяла его за руку.

— Здесь больше нельзя оставаться. Все только хуже и хуже становится. Нам надо составить планы. Нет, не насчет Юпитера. Юпитер — настоящий гигант, он даже тебя раздавит. Идем. Пора возвращаться.

— Сейчас,— мальчик стал крутить головой, оглядывая все небо.— А где другой гигант? Я его не вижу.

— Это потому, что он не такой яркий, как Юпитер,— женщина указала на звезду, свинцовым глянцем отличавшуюся от соседей.— Вот он. Это Сатурн. Он большой, но не такой большой, как Юпитер.

— Но я смогу туда отправиться?

— Сможешь. Туда — или, быть может, к Юпитеру,— она снова рассмеялась, словно бы какой-то тайной шутке. Платформа начала свое погружение в темную шахту. А кольцо микрофагов стало смыкаться. Женщина мучительно выпрямила искалеченную спину.— Да, ты сможешь туда отправиться. В один прекрасный день, мой мальчик, ты действительно отправишься к Юпитеру или к Сатурну. И тогда все эти люди заплатят за то, что они с нами проделали.

1

ГАНИМЕД, ГОД 2097, ДЕНЬ НЕВОДА МИНУС ОДИН

Сложно было сказать, что хуже: просто ожидать наступления Дня Невода или переносить поток возбужденной чуши, предшествующий столь эпохальному событию.

Алекс Лигон глазел на выходные данные, что заполняли весь двухметровый объем дисплея в его ганимедском кабинете. В этом дисплее Солнечная система эволюционировала прямо у него на глазах. В данный момент модель проходила 2098 год, равномерно выдавая ежедневный свод статуса: данные о населении, экономической активности, производстве и использовании энергии и материалов, а также о транспортных и информационных потоках между мирами. Вся статистика была доступна по первому требованию. И, как из прошлого опыта знал Алекс, статистика эта вполне могла быть неверной. Все предсказания дальше недельного срока стабильно отклонялись от реальности.

Тут была не вина его моделей — в этом Алекс не сомневался. Дело было попросту в том, что ему приходилось прогонять их со слишком высокими уровнями ассоциации. Иначе однодневное предсказание стало бы медленней реального времени, и прогон модели потребовал бы более суток.

Однако, как только Невод войдет в работу, эта проблема решится сама собой. Тогда Алекс станет способен моделировать каждую индивидуальную человеческую единицу, все пять их миллиардов, вместе с деталями банков данных по всей Солнечной системе. Также, если функционирование Невода будет соответствовать данным обещаниям, Алекс станет способен прогонять свои модели в миллион раз быстрее реального времени. Он сможет сидеть и наблюдать, как его модели за какой-то час охватывают целое столетие развития Солнечной системы.

«И погрузился я в грядущее, как только глаз увидеть смог»,— мысленно процитировал Алекс. Погрузиться, впрочем, можно было и гораздо дальше — при небольшом содействии нужного компьютера. Более того, полагаясь на квантовый параллелизм Невода, можно было менять любые параметры и наблюдать за эффектом этих перемен.

«Если функционирование Невода будет соответствовать обещаниям»,— напомнил себе Алекс.

Затем он взглянул в нижний левый угол дисплея, где демонстрировались текущие новости. Уровень звука были приглушен, однако картинка достаточно полно сообщала Алексу о происходящем. Там шла еще одна безудержная реклама Невода, превозносящая его преимущества по сравнению с блоком вовлечения высокого уровня. Улыбающаяся женщина с неестественным числом зубов болтала без умолку; солидный пожилой мужчина рядом с ней уверенно кивал; а худая женщина с тревожными морщинками на лбу стояла позади — должно быть, одна из сотрудниц, несчастная дурочка, которой реально приходилось производить запутанный и мгновенный перенос данных Невода по всей Солнечной системе.

Алекс снова переключил все свое внимание на главный дисплей. Там дело уже продвинулось к концу 2099 года, почти в двух годах от настоящего момента, и модель показывала, что миллионы тонн материалов ежедневно курсируют между Ганимедом и Реей, вторым по величине спутником Сатурна. Если верить в эти цифры, легко было поверить и во все остальное. Аналогичный текущий грузооборот составлял менее сотни тонн в день. Модель опять отклонялась. Да, высокое разрешение было абсолютной необходимостью, если только результаты и впрямь должны были что-то значить.

Алекс выругался себе под нос и снова бросил взгляд на угол СМИ. Там возвращение Невода преподносилось как главное со-

бытие века, еще более важное, чем Великая война, на корню разрушившая первоначальный Невод. Вполне возможно, это и в самом деле было так. Первоначальная довоенная версия Невода связала Солнечную систему воедино, однако она была достаточно примитивной по сравнению со своим квантовым логическим преемником. А Алексу требовались абсолютно все компьютерные возможности, какие он только мог заполучить.

Тут угол СМИ без всякого объявления войны переключился с изображения тревожного лица программистки на другую картинку. Там появилось лицо Кейт Лонакер, и уровень звука изменился.

— Извини, что пришлось вмешаться,— Кейт скорчила недовольную гримаску.— Но здесь миссис Лигон на линии.

— Ч-черт. Может, скажешь ей, что я не...

— Нет, не скажу. Она знает, что ты здесь.

— Скажи ей, что я работаю.

— Ты всегда работаешь. Ну-ну, дорогуша, не откажешься же ты с родной матушкой поговорить.

— Но я как раз в середине прогона модели...

— Ага. И, судя по твоему лицу, этот прогон никуда не ведет. Так что можешь позволить себе перерывчик. Ну вот, она уже здесь. Будь с ней мил.

Кейт исчезла. На ее месте появилась женщина, чья живость и красота словно бы рвались наружу из дисплея. Она улыбнулась Алексу.

— Вот ты где.

— Привет, матушка.

— А эта молодая женщина, которая меня с тобой связала, просто сладенькая штучка. Она твоя ассистентка?

— Нет, матушка,— Алекс проверил, находятся ли они в режиме записи. Ему очень хотелось понаблюдать за лицом Кейт, когда она узнает, что она «сладенькая штучка». Вот будет потеха.— Мисс Лонакер моя начальница.

— Начальница? — на идеальное лицо Лены Лигон наползло изумленное выражение.

— Начальница. Я у нее в подчинении.

— Но это просто нелепо. Ни одному члену нашей семьи не требуется быть ни у кого в подчинении. Кто она такая?

— Она глава отдела прогрессивного планирования Внешней системы. Она на государственной службе. Как и я.

— И чем же ты занимаешься?

— Тем же самым, что и в прошлый раз, когда ты меня об этом спрашивала. Я создаю предсказательные модели для всей Солнечной системы — Внутренней и Внешней,— Алекс бросил взгляд на большой дисплей, где по-прежнему прогонялась имитация. Предполагаемые тоннажи грузоперевозок для 2101 года уже вышли из интервала фиксированных точек и теперь докладывались как плавающие точки, имея до нелепости крупные показатели.— Боюсь, не слишком хорошие модели.

— Если тебя это так интересует, ты вполне мог бы заниматься этим сам, не находясь ни у кого в подчинении. Мы, слава Богу, не совсем нищие.

— Я знаю.

— И тебе не пришлось бы работать в подобном месте,— акцентом на концовке фразы Лена Лигон красноречиво выразила свое отношение к спартанскому кабинету Алекса, где объем дисплея оставлял место лишь для единственного кресла и небольшого стола. На выкрашенных в нейтральный бледно-желтый цвет стенах не имелось ни картин, ни еще каких-либо украшений.

— Я знаю. Дай мне об этом подумать. Пожалуй, мы сможем это обсудить после семейного совета,— Алекс понимал, что тем самым он обрекает себя на еще одно нежеланное занятие, но это был наилегчайший способ избежать спора, в котором он победить не мог.

— Между прочим, Алекс, я за тем и позвонила, чтобы убедиться, что ты там будешь. И еще об одном деле не забывай. Я смогу распорядиться, как только ты будешь готов.

— Не забуду,— Алекс внимательно изучал изображение своей матери, пытаясь разглядеть незримое.— Я постоянно об этом думаю.

— Хорошо. Об этом мы тоже поговорим. Значит, завтра. В четыре.

— Да, матушка.

Лена Лигон кивнула.

— Постарайся не опоздать, как с тобой обычно бывает.

К облегчению Алекса она исчезла с дисплея. Он взглянул на главную имитацию, где половина переменных уже ушла на зашкал. Чушь собачья. Алекс коснулся пульта, желая остановить прогон, и в тот же самый миг услышал, как дверь у него за спиной открывается.

Это была Кейт — даже не стоило оборачиваться. Алекс почуял запах ее духов, всегда наводивших его на мысли о лимонах и апельсинах.

— Есть у тебя минутка? — спросила она.

— Прогон модели...

— ...сплошной мусор,— Кейт взяла его за руку.— Я за ним следила. Вставай, дорогуша, пойдем ко мне в кабинет.

— Я должен изменить параметры и прогнать еще один вариант.

— Это может подождать. Лично я думаю, что мы вполне могли бы весь оставшийся день отдохнуть,— Кейт повела Алекса по узкому, темному коридору.— Если Невод будет функционировать, как это афишируется, завтра все переменится.

— Результаты прогонов не могут быть лучше моделей. А их Невод никак не изменит.

— Прогоны также не могут быть лучше вводов. Невод охватит все банки данных Солнечной системы независимо от того, где они находятся. В настоящий момент нам отчаянно не хватает данных Пояса. Как думаешь, быть может, именно это и есть недостающий ингредиент?

Они добрались до кабинета Кейт. Он был вдвое больше кабинета Алекса и в той же мере загроможден, в какой его был пуст. На почетном месте в центре одной стены, куда Кейт могла взглянуть всякий раз, как отрывалась от работы, висел квадратик ткани с ручной вышивкой. Внутри затейливого цветочного бордюра можно было прочесть слова: «Предсказывать сложно. Особенно будущее».

Алекс осел в кресло напротив Кейт, принял от нее стакан фирменной газировки и внезапно спросил:

— О чем ты хочешь поговорить?

— О тебе. Как ты себя чувствуешь?

— Отлично.

— Ложь Номер Один. Всякий раз, как ты видишься со своей матушкой или еще с кем-то из твоих ближайших родственников, ты потом часами не можешь с мыслями собраться. Порой даже целыми днями.

— Тогда почему ты настаивала, чтобы я с ней поговорил?

— Допустим, я оставила бы ее на потом. Был бы ты способен нормально работать, или без конца бы дергался, пока бы она до тебя не добралась?

Алекс ничего не сказал, и Кейт продолжила:

— Между прочим, твоя матушка только что предложила тебе то, за что большинство местных работников жизнь бы отдало.

— Ты подслушивала! Личный разговор!

— Очень может быть. Впрочем, большую часть этого разговора я и так знала. В любом случае, ты разговаривал в рабочие часы, и я могла воспользоваться своим правом. Но давай не будем отклоняться от темы. Лично мне требуется зарабатывать себе на жизнь. Я должна работать, должна мириться с бюрократическим маразмом. Я даже сама частично этот маразм генерирую, хотя стараюсь себя сдерживать. Но для тебя все по-иному. Ты можешь хоть завтра уйти. У тебя есть свобода работать над чем тебе хочется, когда хочется и где хочется. И никто, вроде меня, не будет тебя там отчетами доставать.

— Ты не понимаешь.

— Вероятно, не понимаю. Но очень хотела бы. Я здесь сравнительно недавно, а ты уже больше трех лет проработал. Почему ты все-таки остаешься?

— Причина у тебя вон там на стенке висит,— Алекс указал на ткань с ручной вышивкой.— Я согласен с Нильсом Бором. Предсказывать сложно. Что случится в ближайшие десять лет или в ближайшие пятьдесят? Мы не знаем. Я просто склонен думать, что это самый важный вопрос в Солнечной системе.

— Полностью с тобой согласна. И, пожалуй, самый тяжелый.

Больше Кейт ничего не сказала, терпеливо ожидая, пока Алекс от души глотнет газировки, с трудом ее проглотит и выпалит:

— Модели, которые использовались, когда я сюда прибыл, ни к черту не годились. Они даже прошлого предсказать не могли. Их без конца прогоняли все те годы, что вели к Великой войне, но они так и не увидели ее наступления, пока линия обороны Армагеддон не оказалась прорвана и Оберт-Сити не был разрушен, но тогда уже было слишком поздно.

— А как насчет твоих моделей?

— Ты видела сегодняшний прогон. И правильно сказала, что это сплошной мусор.

— Но разве это не проблема вводов и компьютерных ограничений? Ты разработал модели, которые должны прогоняться с десятью с лишним миллиардами Факсов. Этого должно быть достаточно, чтобы включить в рассмотрение каждого отдельного индивида в

Солнечной системе, даже если ты даешь предсказанию прогоняться на целое столетие вперед. Ты всегда вынужден был ассоциировать до миллиона или даже меньше. Что ты думаешь о самих моделях?

— Они очень хорошие.

— Пожалуй, следует назвать это Ложью Номер Два. Я неспособна судить о том, что ты делаешь, но прежде чем заступить на эту должность, я поговорила с людьми, чьим мнением я дорожу. Обожаю скромных мужчин, но скажи мне откровенно. Разве ты не создал совершенно новую теоретическую базу для предсказательного моделирования?

— Думаю, создал,— Алекс чувствовал, как комок у него внутри начинает растворяться, но не мог разобрать, было это из-за чего-то такого в выпивке или из-за Кейт Лонакер.— По крайней мере, раньше на это, кажется, никто не наталкивался.

— Именно так мне и сказали. Послушай, Алекс, ты уже должен был понять, что в технике я мало что смыслю. Я смотрела твои отчеты и ни черта собачьего не смогла из них извлечь. Можешь ты описать свои модели исключительно односложными словами — так, чтобы я поняла?

— Сомневаюсь. Если только у тебя нескольких лишних часов не найдется.

— Не найдется. Но твои модели все-таки предсказали Великую войну?

— Вроде как. Когда я прогонял их от 2030 года и дальше, они достигли сингулярности в году 2067. Год как раз тот самый, но, понятное дело, невозможно обрабатывать временную линию дальше ее сингулярности. Так что итогов войны никак было не узнать.

— Ты предсказал катаклизм. Для меня этого более чем достаточно. Давай продолжим. Я попросила тебя говорить откровенно, и теперь моя очередь сделать то же самое. В самом верху списка моих забот есть три главных пункта. Во-первых, я тревожусь, что ты примешь предложение твоей матушки и организуешь собственный лабораторный комплекс.

— Ни под каким соусом.

— Но почему? И не говори мне, что твоя матушка тебе на нервы действует.

— Она мне действительно на нервы действует, но это к делу не относится,— Алекс немного помолчал.— Ты сказала, что любишь скромных мужчин. А это должно прозвучать совсем иначе.

— Я не сказала, что не люблю нескромных мужчин. Я их определенно немало встречала. Продолжай.

— Ладно. Мои модели могут выдавать мусор, но любая другая долгосрочная предсказательная модель, какую я когда-либо видел, сама по себе мусор. Мои модели, по крайней мере, имеют потенциал сработать как надо. Ты говоришь, что не понимаешь, что я делаю, но тебе этого в определенном смысле и не требуется. Потому что если ты одобряешь мои результаты, они идут дальше по цепочке. Если повезет, они таким образом смогут добраться до той точки, в которой эти результаты приведут к необходимым действиям.

— Надеюсь, что приведут. Иначе нам обоим не было бы никакого смысла здесь работать.

— Теперь предположим, что я отсюда отчаливаю и делаю то, что предлагает моя матушка. Я получаю массу исследовательских фондов — «Лигон-Индустрия» огромна, и она целиком в руках семьи. В моем распоряжении оказываются самые обширные средства.

— «Лигон-Индустрия» богаче самого Бога, если верить СМИ.

— Далее предположим, что я прогоняю свои модели, и они дают поразительные результаты. Я прихожу сюда и говорю: вот, посмотрите, что я обнаружил. Что происходит дальше?

— Мы должны будем подтвердить твои результаты, прежде чем начнем предпринимать какие-то действия,— Кейт кивнула.— По-моему, я уже вижу, куда ты клонишь.

— Понятное дело, ты станешь их подтверждать. Но чем? Другими моделями, которые тут вокруг тебя крутятся? При том, что я совершенно точно знаю, что все эти модели — патентованное дерьмо. Никакого согласия не будет — это я могу точно гарантировать. Для меня это будет штамп НУНУ — «не у нас установлено». Я могу прийти хоть с результатами, ясно показывающими, что Солнце вот-вот обратится в сверхновую, но меня никто не услышит. Итак, я работаю над самым важным вопросом в Солнечной системе, но какой от этого толк, если меня не воспринимают всерьез? Чтобы моя работа хоть чего-то стоила, я должен быть здесь своим. Разве это не улаживает твою первую заботу? Я не собираюсь отсюда уходить, если только кто-то сверху не явится и меня отсюда не выкинет.

— И это логичным образом приводит меня ко второй моей заботе. Ты сказал, что не можешь вкратце описать свои модели так, чтобы я это поняла.

— Потребуются многие часы.

— Не сомневаюсь. Но этот ответ я принять не могу. Потому что я верю в тебя и в твои модели и считаю, что очень скоро — быть может, даже завтра — они начнут давать значимые предсказания, результаты, в которые мы действительно поверим. Итак, я отправляю эти результаты моему непосредственному начальнику Солу Глаубу. И первое, о чем Сол Глауб меня спросит, это объяснить, что происходит, причем так, чтобы он смог это понять. Дальше он должен будет проинформировать своего непосредственного начальника Томаса де Билеса. А уж Томасу де Билесу придется растолковать все это тем членам Совета, которые сподобятся проявить интерес.

— Как ты излагаешь, выходит тупик.

— Если ты начнешь распространяться о «множественных итерированных ядрах конволюции», то это точно тупик. А это, между прочим, самая яркая и живая фраза, какую я из твоего последнего отчета запомнила. Поэтому я хочу, чтобы ты кое-что для меня сделал, причем поставил это так же высоко в списке своих приоритетов, как и все, связанное с моделями. Я хочу, чтобы ты нашел способ описать свои модели так, чтобы их понял любой человек без специальной подготовки.

— Как же мне это сделать?

— Твоя проблема. Используй аналогии, используй рисунки, используй метафоры. Если попробуешь песни и пляски — я не против. Но мы по-настоящему в этом нуждаемся — иначе вся твоя работа будет проигнорирована точно так же, как если бы она пришла в нашу организацию извне.

Чувствуя себя полным идиотом, Алекс пристально на нее воззрился. Кейт была права, причем права так очевидно, что ему самому давно следовало до этого додуматься.

— Сделаю, что смогу. Но как я узнаю, что получил то, что тебе требуется?

— Мы используем наполеоновский принцип,— видя недоуменное выражение на лице Алекса, Кейт продолжила.— Ты проинформируешь Маканелли, из группы Педерсена. Знаешь его?

— Нет. Но я о нем слышал.

— И что же ты о нем слышал?

— Что никому не нравится с ним работать. Что он самодовольный тупица, которому до полного дебила недалеко.

— Я о нем то же самое слышала. Просто идеальная кандидатура. Понимаешь, Наполеон имел при себе особого офицера,

самого-самого тупого, чтобы тот прочитывал все входящие донесения. Если донесение не было достаточно ясным даже для этого кретина, дальше оно не шло. Лоринг Маканелли будет у нас таким офицером. Когда у тебя получится такое объяснение того, что ты делаешь, которое он сможет понять и изложить мне, на этом мы остановимся. А в чем дело? Что-то ты совсем помрачнел.

— Кейт, я хочу работать над теорией, хочу совершенствовать аналитические модели. То, чем мы занимаемся, представляется мне предельно важным. Но я терпеть не могу такого рода дела, когда наша работа упрощается до той точки, где она скорее сбивает с толку, чем дает информацию, после чего скармливается полудуркам.

— А знаешь, как говорят: Бог, должно быть, особенно любит полудурков, раз он так много их понаделал. Ну как, возьмешься?

— Я уже сказал — сделаю, что смогу.

— Когда у тебя дойдет примерно до половины, я стану твоим первым полудурком,— Кейт откинулась на спинку кресла.— Итак, это улаживает заботы номер один и номер два. Не уверена, есть ли у меня право спрашивать тебя насчет третьей заботы.

— Но ты уже собралась,— когда Кейт Лонакер назначили его начальницей, Алекса это сперва несколько расстроило. Кейт была на два года его младше, и еще до конца их первого краткого совещания он понял, что с техническими талантами у нее слабовато. Теперь же он мало-помалу осознавал, что она имела взамен. У Кейт было куда больше выдержки, чем у него, плюс неизъяснимое очарование, которое сглаживало любые ее острые высказывания.

И был еще один талант. Как ей это удавалось — заставлять тебя чувствовать, будто ты ей до смерти нравишься, ни единого слова об этом не говоря? Теперь Кейт просто сидела и улыбалась Алексу так, словно он был самой интересной персоной в Солнечной системе. И она могла это с кем угодно проделать.

— Короче, если собралась спрашивать, спрашивай.

— Ладно, спрошу,— Кейт взглянула на часы.— Но я уже проголодалась. Можем мы одновременно есть и разговаривать?

— Можем,— ответил Алекс.— Так что у тебя за третья забота? — «Она, часом, не увиливает?» — спросил себя Алекс.

— Я наблюдала за твоим лицом, когда твоя матушка сказала, что ты не должен забывать еще об одном деле, и что она распорядится, как только ты будешь готов,— сочувственный взор голубых глаз Кейт опять сосредоточился на лице Алекса.— Как я уже

сказала, это вообще-то не мое дело. Но мне бы не хотелось думать, что люди, которые мне нравится, должны когда-либо выглядеть так, как в тот момент выглядел ты. Что это за «другое дело», и почему ты сказал, что постоянно о нем думаешь?

2
ТРОЯНСКАЯ ТОЧКА Л-4, ГОД 2097, ДЕНЬ НЕВОДА МИНУС ОДИН

Алекс Лигон и Кейт Лонакер проводили свое совещание на одном из «низкооплачиваемых» уровней ганимедских недр, где расположено большинство государственных учреждений.

Проведите линию, которая соединит Алекса и Кейт с Солнцем. Это будет прямая линия, очень длинная, а также линия переменной длины, поскольку Кейт и Алекс крутятся вместе с Ганимедом, Ганимед вертится вокруг Юпитера, а сам Юпитер обращается вокруг Солнца. Однако для двух важных точек все это не имеет значения. Итак, расстояние от Алекса и Кейт до Солнца составляет семьсот семьдесят миллионов километров плюс-минус тридцать миллионов. Используя эту линию Солнце — Юпитер как основание, нарисуйте два равносторонних треугольника в той же плоскости, что и орбита Юпитера. Вершина одного из этих треугольников, следующая за Юпитером по его орбите, известна как юпитерианская точка Л-4. Вершина, идущая впереди Юпитера, является юпитерианской точкой Л-5.

Оба этих местоположения гравитационно стабильны. Объект, помещенный в одну из этих точек, может там оставаться, кружа по орбите вместе с Юпитером. Природа давным-давно это обнаружила и поместила там группу, известную как «троянские астероиды». Математик Лагранж еще в восемнадцатом столетии доказал существование подобных стабильных точек. Гораздо позже люди нашли способ туда добраться.

А Милли Ву прибыла на юпитерианскую станцию Л-4 совсем уж недавно. Она отправилась туда на корабле, делающем экономичные 0,2 земного «жэ», и провела в полете две недели — время достаточно долгое, чтобы испытать все возможные тревоги по поводу адекватности своих талантов, и в то же время недостаточно долгое, чтобы узнать все, что, по мнению самой Милли, ей требовалось знать о проекте «Аргус». Теперь, через шесть суток

после прибытия, Милли сидела на своем первом отчетном собрании и прикидывала, когда же наконец ее желудок приспособится к окружающей среде с микрогравитацией.

Хорошие новости заключались в том, что от нее пока что никаких действий и не ожидали.

— Просто сиди подальше и держись потише,— посоветовала Милли ее наставница Ханна Краусс.— Разумеется, ответь на прямой вопрос, если Людоед к тебе с таковым обратится. Но я сомневаюсь, что он обратится. ДБ склонен больше говорить, чем слушать.

«Людоед». Двадцатичетырехлетняя Ханна была всего года на два старше Милли. Живая и привлекательная, она обладала дикой копной темных кудряшек, стройной фигуркой и необычайно подвижным лицом, которое могло за предельно короткий срок принять уйму разных выражений. Когда Ханна сказала «Людоед», вся ее наружность вдруг странным образом стала изображать угрозу и злонамеренность. Милли еще на Ганимеде наслушалась о Джеке Бестоне всяких гадостей. Но неужели он и впрямь мог быть таким Людоедом, каким его малевали?

Милли посмотрела внимательно и решила, что очень даже мог. В данный момент ДБ, Джек Бестон, стоял прямо перед группой. Высокий, рыжеволосый и тощий как жердь. Впрочем, не столь уж скверная внешность. Милли всегда нравились тощие парни. Но выражение его лица разом аннулировало всякую возможную привлекательность. Людоед злобно сверкал глазами на всех и вся еще раньше, чем кто-то успевал хоть слово сказать. Это заставило Милли задуматься о том, какого черта она пробивалась через все эти ужасающие тесты по криптоанализу и распознаванию образов, которые требовалось пройти, чтобы сюда попасть. Неужели она так страстно желала стать частью проекта «Аргус»?

Милли хорошенько подумала и решила, что желала. Если кто-то собирался вступить в контакт с внеземным разумом, Милли хотелось быть в первом ряду. Но в данный момент она была вполне счастлива следовать совету Ханны Краусс — сидеть подальше и держаться потише. Милли оглядела лишенное окон помещение. Мебелировка самая минимальная. Двадцать один человек — семь мужчин, четырнадцать женщин; три пустых сиденья в ее ряду. «Сиди тихо как мышка,— сказала она себе,— и постарайся стать невидимой». На коленях у Милли лежала записная табличка, где она могла делать сжатые заметки на предмет того, что требовало запóминания.

— Вы уже слышали чушь, которую несут СМИ,— Джек Бестон не сделал никаких предварительных замечаний.— Невод должен будет связать концы с концами и решить все проблемы в Солнечной системе. Я понимаю это с точностью до наоборот. Когда Невод наконец заработает — а это случится менее чем через сутки — никто уже не будет в безопасности. Ни у кого уже не будет секретов. Люди станут использовать Невод, чтобы бродить по всей системе и совать свои длинные носы во все те места, куда у них нет никакого права их совать. Мы этого потерпеть не можем. Мне нужен обзор текущего положения дел относительно экранирования информации по проекту «Аргус». Друзь?

Коротышка с морщинистой физиономией и бритым скальпом тут же вскочил.

— Все входящие сигналы поступают из открытого космоса, и с этим мы ничего поделать не можем. Любой индивид с соответствующей принимающей аппаратурой сможет получить в точности то же самое. Но насколько мы знаем, никто в Солнечной системе не располагает нашей чувствительностью, а также нашим детектором модулированного нейтринного пучка. Кроме...— тут Друзь замялся.

— Кроме Ублюдка,— Бестон нахмурился.— Его «Цербер» работает с другими мишенями и другим набором нейтринных энергий, но его оборудование не хуже нашего. Итак, о безопасности входящих сигналов тревожиться смысла нет. Как насчет всего остального?

— Мы предполагаем использовать компьютерные возможности Невода исключительно для обработки исходных данных и для первого частотного сканирования. Там мы много не отдадим, даже если кто-то отслеживает всю нашу подачу. Это все, что Невод для нас сделает. Наши секретные криптопрограммы и результаты работы будут полностью заэкранированы, так что никакой электромагнитный сигнал любого рода выйти наружу не сможет. Если мы обнаружим сигнал СЕТИ...

— Когда мы обнаружим сигнал СЕТИ...

— Да, безусловно. Когда мы обнаружим сигнал СЕТИ, все переключится с поиска на анализ. Тогда нам придется сделать выбор. Если мы используем Невод для расшифровки, мы теряем секретность. Если мы не используем Невод и остаемся заэкранированными, мы ограничиваем наши компьютерные возможности.

— Это не ваша компетенция. Когда придет время, я приму соответствующее решение. А вы просто позаботьтесь о том, что-

бы у меня была копия технических условий по экранированию,— Бестон повернулся к женщине всего в паре кресел от Милли.— Зеттер. Есть успехи?

У женщины была тонкая лисья мордочка с острым носиком. Должно быть, она прибыла с опозданием, причем очень тихо, поскольку Милли по прибытии внимательно изучила всех, находившихся в помещении.

Зеттер — имя? фамилия? — даже и не подумала встать, а лишь медленно, как-то по-змеиному покачала головой. Милли при этом был представлен только ее профиль.

— Четыре часа тому назад ничего не было. Затем я получила донесение от...

— Никаких имен. Правила вам известны.

— Я и не собиралась никого называть,— женщина возмущенно фыркнула.— Четыре часа тому назад я получила донесение от нашего источника в Л-5. «Цербер» усиливает секретность по всем фронтам.

— Разумеется. Ублюдок не меньше нашего беспокоится об утечках. Удастся что-нибудь подглядеть?

— Еще рано говорить. Возможно одно слабое звено — человек, не аппаратура.

— Даже лучше. Машину не купишь. Сколько?

— Пока не знаю. Дороговато. Но вы получите то, за что заплатите.

— Или меньше. Еще раз свяжитесь с нашим источником. Скажите ему, что нам не нужна общая информация. Если это не методы расшифровки...— Джек Бестон прервался на середине фразы. Его зеленые глаза, до той поры будто бы таращившиеся в никуда, вдруг впились в Милли.— Вы, там, в заднем ряду. Чем это вы там, черт возьми, занимаетесь?

Это был прямой вопрос — как раз из таких, на какие Ханна Краусс велела ей отвечать. Но Милли его не поняла. Она просто окаменела.

— Кто такая? — рявкнул Бестон.— Имя-фамилия?

— Мильтон Ву.

— Мильтон? — Людоед принялся разглядывать ее.— Что это еще, к едреной фене, за имя? Вы не мужчина.

— Не мужчина,— Милли, как не раз случалось с поры ее тринадцатилетия, застыдилась своих слишком больших грудей.—

Мильтон — мое настоящее имя, мне его при рождении дали. Но все зовут меня Милли.

— Она новенькая. Всего шесть дней, как прибыла,— Ханна Краусс попыталась отвлечь гнев Джека Бестона. Не вышло.

— Мне насрать в полете, если она даже всего шесть минут, как прибыла. И я не с вами, Краусс, разговариваю,— Людоед указал Милли прямо в пах.— Это что такое?

Он имел в виду записную табличку. Он должен был иметь в виду записную табличку. Они ведь уже определили, что она женщина. Милли почувствовала, что краснеет.

— Я подумала, мне следует делать заметки. Мне еще нужно многому научиться.

— Это точно. Скажите мне вот что, Милли Ву. Мы сейчас находимся в безопасности, под экраном, так что никаких электромагнитных сигналов не проходит?

— Нет, сэр. То есть, мне так не кажется.

— А я вам скажу. Мы в безопасности не находимся. Вы там на этой ерунде писали?

— Да, сэр. Просто заметки делала. Загогульки. В форме сжатых постнотаций.

— Которые при сохранении конвертируются в слова. Электромагнитным образом конвертируются,— Джек Бестон повернулся к женщине справа от Милли.— Зеттер? У вас включено?

— Да,— та расстегнула куртку, пригляделась к чему-то внутри и сморщила тонкий носик.— У нее тоже. Я ловлю и записываю. Не интерпретирую, но обработать будет несложно. Когда мы не под экраном, радиус приема составляет по меньшей мере пять километров.

— Что с таким же успехом можно считать бесконечностью. Оглянитесь вокруг, Милли Ву. Видите вы, чтобы здесь кто-нибудь делал электронные заметки?

Милли огляделась. В ответ — нейтральные взоры, если не считать скорбно поджатых губ Ханны. «Извини,— словно бы говорила она.— Мне следовало тебя предупредить».

— Нет, сэр.

— И не увидите. Здесь объект максимальной секретности. Мы не позволяем никому получать сведения о нашей работе. Мы должны стать первыми, кто поймает и расшифрует сигнал со звезд, и ничто не должно нас остановить. Понимаете?

— Да, сэр,— добавила Милли с опаской.— Я хочу быть в составе группы, которая первой добьется цели. Вот почему я прибыла именно сюда.

— И чертовски правильно сделали. Умеете вы писать вручную, на бумаге?

— Да, сэр, умею,— слава Всевышнему за дядюшку Эдгара и его настойчивость в связи с необходимостью для Милли старомодного образования.

— Тогда, если вы хотите делать заметки, вы будете делать их именно так. Передайте мне эту штуковину.

Он взял записную табличку и небрежным жестом стер оттуда все — включая то, что Милли записала для себя о географии и функционировании станции Л-4 «Аргус».

— Если хотите записывать,— повторил Бестон,— вот бумага.

— Да, сэр,— он уже отворачивался, когда Милли добавила: — Но на табличке запись непрерывная. А что мне делать с бумажными заметками?

Людоед резко к ней развернулся.

— Заучивайте их или переносите информацию в файл. В любом случае первоначальные заметки должны уничтожаться. Жгите их, жуйте, глотайте, суйте в задницу — мне безразлично. Просто избавляйтесь от них — и по-быстрому. Я даю вам только один шанс, Милли Ву. Второго вы не получите.

И он опять отвернулся.

— Польдиш. Вчера был крайний срок для анализа «перспективных паттернов». Ничего такого я у себя на столе не увидел.

Польдиш, жирный и краснолицый, сделался совсем пунцовым.

— Они не вполне закончены. Видите ли, из-за отвлечения ресурсов моей группы на защиту от Невода...

— За все ваши причины я и левого яичка вонючей крысы не дам. Если какую-то часть работы не удается закончить вовремя, вы говорите мне об этом до, а не после, Польдиш. Жопа вы конская. Я с вами отдельно поговорю.

«Отдельно поговорю,— подумала Милли.— Но сперва я должен публично тебя унизить, да еще с такими животными метафорами».

Тем временем Ханна повернулась к Милли и, когда никто не смотрел, быстро ей подмигнула. Похоже, она хотела сказать: «Вот видишь, не так все и страшно». Милли сомневалась, что она с этим согласна. Разве ради этого она покинула Ганимед? Ради

этого она сдала свое трехлетнее чемпионство в Сети Головоломок и отказалась от шанса перейти с уровня Подмастерий на уровень Мастеров? Если так, то она как пить дать с ума сошла.

— Поговорим после,— одними губами шепнула ей Ханна.

Джек Бестон воистину был сторонником принципа равных возможностей. Милли точно не считала, но судя по всему, до конца собрания все присутствующие подверглись персональному разносу с обильным использованием животных метафор. С Ханны сняли стружку за то, что она не сумела устроить новому члену персонала надлежащий инструктаж. Даже Зеттер, которая, похоже, совсем не имела то ли имени, то ли фамилии, удостоилась сопоставления с безрогой козой за неспособность вовремя просканировать помещение на предмет электронных устройств и устранить записную табличку Милли еще до ее включения. На безрогую козу от Бестона женщина ничего не ответила, но ее острая мордочка побледнела, а темные глаза посулили Людоеду мучительную смерть.

— Ничего-ничего,— сказала Ханна, уводя Милли после собрания.— Вполне нормальный старт для недельной работы. Пойдем посмотрим, не цепляют ли чего-то нового наши датчики.

— Он просто ублюдок.

— Конечно, ублюдок. Но я бы не советовала тебе так говорить. Это слово здесь зарезервировано для знаменитого главы проекта «Цербер», что в юпитерианской точке Л-5.

— Сидя на собрании, я как раз думала, что лучше бы я туда, а не на станцию «Аргус» устроилась.

— Не слишком удачная мысль. Там было бы не лучше. Вообще-то, Филип Ублюдок похитрей и пообходительней Джека Людоеда, но я слышала, что в совместной работе он еще худшее дерьмо.

— Тогда они друг друга стоят. Им бы вместе работать.

— Когда-то они работали вместе. Насколько я слышала, это было идеальное сочетание. Филип, предельно подлый и пронырливый, лучше в теории, а у Джека перевес, когда дело до разработки детекторной аппаратуры доходит. Но Джек на два года младше Филипа, а знаешь, как это у братьев бывает. Филип с малолетства привык Джеком командовать, но когда Джеку стукнуло девятнадцать, он такого уже потерпеть не смог.

— И решил все это удовольствие по тарелкам разлить?

— Возможно. Но ты сейчас возмущена из-за того, как он с тобой обошелся. Пусть это тебя не раздражает. Разве ты не слышала, как он со всеми разговаривает?

— Мне наплевать. Ни у кого нет права так разговаривать с людьми.

— Джек считает, что у него есть такое право.

Они уже входили в главный зал, где проводился прием сигнала и первоначальное сканирование. На пороге Ханна помедлила.

— Подожди, Милли. Там нас смогут услышать, а я хочу сказать тебе кое-что наедине. На вид ты достаточно молода, чтобы сойти за сущего ребенка с ангельским личиком, но это тебя не спасет. Джек Бестон находит тебя привлекательной, да-да, это так, и не спорь. Я знаю все признаки. А насколько я могу судить, две главные страсти в его жизни — это поиск внеземного разума и обольщение новеньких сотрудниц. Ты, конечно, можешь запросто отказаться...

— Я дьявольски запросто откажусь!

— ...но Джек не очень легко принимает слово «нет» за ответ. Кроме того, если ты найдешь его привлекательным и с ним переспишь, ты вскоре выяснишь, что никаких дополнительных внепостельных привилегий это не дает. От Джека Бестона особых милостей не жди. Когда дело дойдет до работы, он опять будет Людоедом.

— Ты все это доподлинно знаешь?

Уголки сверхподвижного рта Ханны за долю секунды приподнялись и опустились.

— Поверь мне, Милли, я знаю. И не трудись говорить, что я поступала глупо. Потому что я так не считаю. Здесь особо нечем заняться помимо работы, а ДБ не держит обид, когда все кончается. И я тоже. Я просто советую тебе быть внимательнее. Ручаюсь, он сегодня же явится почву зондировать. Продолжай его ненавидеть, и все будет замечательно. А вот если ты почувствуешь симпатию к дьяволу, считай, что ты в беде.

Ханна не дала ей шанса на дальнейшие расспросы и быстро прошла в огромный куб главного зала. Поначалу Милли за ней не последовала, поскольку уже там бывала. Но затем ей снова захотелось ощутить священный трепет, покалывание благоговейных иголочек, поднимающееся вдоль позвоночника прямиком в мозг.

Ибо в этом зале было то самое, что так ее манило. Здесь сливались тридцать четыре миллиарда отдельных сигналов, ото-

бранных из узких частей спектра нейтрино и электромагнитной энергии, из всех небесных секторов. Здесь эти мириады сигналов просеивались, сортировались и проверялись на предмет аномалий, что стояли особняком, отклонений, которые так и взывали: «Посмотри на меня, посмотри! Я послание со звезд!»

Шесть лет тому назад, когда ей стукнуло семнадцать, Милли столкнулась с другим посланием, тем, что возникло на самой заре СЕТИ. Полтора столетия тому назад Фрэнк Дрейк послал своим коллегам набор нулей и единиц, предлагая им этот набор расшифровать. Никому их них этого сделать не удалось.

А вот Милли удалось. От первичных факторов набора цифр она продвинулась сначала к картинке, затем к интерпретации. И ее нынешнее присутствие в главном зале станции «Аргус» имело прямую связь с эмоциональным порывом того дня. Там была развилка на ее личной дороге, момент, когда радостная перспектива стать Мастером Сети Головоломок померкла перед вызовом, таящемся в послании со звезд.

Правда, никакого гарантированного сигнала здесь не было, но на его месте оказалось почти бесконечное множество возможных. Распределительная система наблюдения вокруг станции Л-4 «Аргус» по-прежнему разрабатывала древнюю скважину ранних исследователей — участок между спектральными линиями нейтрального водорода и гидроксильного радикала, куда добавлялась зона резонансного захвата нейтрино, регион, о котором на заре СЕТИ никто даже и не мечтал.

Работа приобрела новую сложность, когда уже нельзя было сказать с уверенностью, что возможный сигнал действительно является сигналом, а детекторная аппаратура последовательно становилась все более изощренной. Есть ли там что-либо? Сейчас на этот вопрос было еще сложнее ответить. Милли задумалась о сравнении. Что было труднее расшифровать: сигнал, посланный людям людьми, намеренно запутанный и бросающий вызов их изобретательности, но с обещанием, что это именно сигнал? Или послание со звезд, задуманное как ясное, силящееся быть услышанным, желающее быть прозрачным по смыслу и отправленное любой иной форме жизни, которая сможет его принять?

Что бы Фрэнк Дрейк сказал сейчас, будь он здесь, чтобы оценить свое наследство? Первоначальное прослушивание производилось только для двух звезд, тау Кита и эпсилона Эридана, на

самом минимуме радиочастот, в течение периода времени, который составлял всего лишь одно деление на великих небесных часах. Скорее всего, Дрейк бы просто покачал головой и улыбнулся себе под нос. Он был ученым и реалистом, но глубоко внутри у него сидела искорка чудачества, которая и сподвигла его дать своему проекту название «Озма» — название, в котором самая чуточка магии сочеталась с намеком на экзотическую загадку. Пожалуй, скорее чем удивление, Дрейк испытал бы разочарование от того, что они так долго и так тщательно искали — и ничего не нашли.

«Пока ничего,— подумала Милли.— Где же они? Будь терпелив, Фрэнк, и ты, старина Энрико Ферми, тоже. Они там есть. И мы обязательно их найдем».

Меньшее помещение за главным залом, где теперь стояла Милли, было по контрасту с ним полностью экранировано от внешних сигналов. Именно туда отправлялись на анализ аномалии, десятки и сотни потенциальных посланий со звезд, ежедневно отбиравшихся из необработанных входных сигналов. Одним из самых любопытных результатов теории информации является то, что возможная информация, несомая внутри сигнала, прямо пропорциональна его случайности, его непредсказуемости. Если что-то полностью предсказуемо, вы, по определению, в точности знаете его содержание, и оно вам ничего нового не скажет. С другой стороны, если входящий сигнал полностью непредсказуем, то в принципе каждая отдельная частичка содержащихся в нем данных представляет собой потенциальное сообщение. Должна присутствовать четкая линия: достаточно закономерностей, чтобы объявить о разумной компоновке (последовательность простых чисел, теорема Пифагора, последовательность квадратов целых чисел, цифры числа «пи»), и в то же время достаточно вариаций, предлагающих более специфическую информацию. Но как мог внеземной разум провести эту линию?

Милли пересекла главный зал и встала на пороге внутреннего святилища. Ханна куда-то исчезла. Милли какое-то время ее не искала и теперь понятия не имела, куда она могла деться. Впрочем, это было неважно. На данный момент у Милли не было ни малейшей потребности в чьей-либо компании. Она находилась в самом узле, фокусе потока информации, что стекалась сюда со всех космических направлений и расстояний, из пределов нашей галактики и извне. Здесь царила тишина, но внутреннее ухо

Милли уловило шум могучей и стремительной реки данных, питаемой дождем со всей вселенной.

Что теперь для Милли Людоед с его приступами паранойи и грубыми манерами? К черту Джека Бестона. Она не ради него сюда явилась. Ради вот этого.

Милли направилась было к одному из рабочих мест, где она смогла бы ухватить пучок аномалий и проанализировать их на предмет того, не указывает ли там что-нибудь на целенаправленный сигнал, и в этот самый момент она увидела Джека Бестона. Он стоял в самом центре помещения, метрах в десяти от Милли. Судя по всему, Людоед понятия не имел, что она тоже там. Слегка наклонив голову, он смотрел куда-то вверх. Зеленые глаза были полузакрыты, превратившись в узкие щелки. Выражение лица ничем не походило на то, которое Милли так возненавидела на отчетном собрании. На этом лице выражалась безумная увлеченность, предельная сосредоточенность и странная тоска.

А самое странное, Милли смогла это выражение прочесть. Джек Бестон слышал космический рев кружащейся галактики, что врывался отовсюду. Но он к этому реву не прислушивался. Всем сердцем и душой он пытался поймать нечто, чего он никак не мог услышать. «В самом сердце смерча — тонкий голосок».

Джек Бестон хотел услышать послание со звезд — то единственное и неповторимое, которое скажет ему, что вся его духовная посвященность и тяжкий труд были не напрасны.

Милли внезапно смогла увидеть Джека насквозь так же ясно, как если бы его изнутри молния подсвечивала. Она смотрела и понимала. Она и сама точно так же стремилась услышать тот тонкий голосок. Она чувствовала свою неразрывную связь с этим человеком.

И, нравилось ей это или нет, но Милли ощутила внутри себя первое, едва заметное шевеление симпатии к дьяволу.

3

ЗЕМЛЯ, ГОД 2097, ДЕНЬ НЕВОДА МИНУС ОДИН

День Невода должен был стать колоссальным событием в системе Юпитера, пожалуй, еще более колоссальным в троянских точках Л-4 и Л-5, а самым главным было то объединяющее

влияние, какое ему предстояло оказать на всю стремительно расширяющуюся Внешнюю систему.

Однако на Земле, расположившейся поближе к Солнцу и спустя тридцать лет все еще залечивающей старые военные раны, День Невода не мог соперничать с другими заботами.

Такими, к примеру, заботами, как тестирование для приема на работу во Внешней системе. Письменная его часть прошла тремя неделями раньше. Устное собеседование должно было состояться через час, и проводить его предстояло персоне, прибывшей на высокоскоростном корабле аж с самого Ганимеда. Янина Яннекс уставилась на восток в сторону восходящего солнца и задумалась, стоит ли ей вообще с этой персоной встречаться. Наверняка были десятки, даже сотни тысяч точно таких же претендентов. Менее одной тысячи пройдет испытание и покинет Землю ради курса обучения во Внешней системе. Причем подавляющее большинство этих счастливчиков составят юнцы лет двадцати с небольшим или еще моложе, тогда как Янине с Себастьяном было уже прилично за тридцать.

Янина сидела на восточном краю платформы «Глобальных минералов» — на самом-самом краешке, только чтобы оттуда не сверзиться. Ноги ее болтались в холодной соленой воде восточного шельфа Мальвинских островов. За спиной у Янины негромко тумкал громадный экстрактор. Верхняя часть этого гиганта изгибалась, становясь метровой толщины магистралью, что стрелой уходила на юго-запад, мимо островной группы, до самого побережья у Пунта-Аренаса.

Хребет экстрактора нырял точно сквозь середину платформы «Глобальных минералов», доходя до самого океанского дна. Янина и Себастьян, согласно их должностным инструкциям, были «ответственными за функционирование экстрактора» в течение утренней смены, от которой теперь остался всего лишь час. На практике же получалось так, что о любой перемене в работе экстрактора, утечке газа или уменьшении потока метана объявляла сирена, достаточно громкая, чтобы пробудить мертвеца. А затем проблема по определению выходила из сферы ответственности Яны и Себастьяна. Им лишь требовалось немедленно бежать со всех ног и будить вышестоящего работника «Глобальных минералов» — если, конечно, он каким-то чудом весь этот тарарам проспал и уже на палубе не появился.

Солнце уже было достаточно высоко над горизонтом, но здесь, в месяце июле на пятидесяти градусах южной широты, ветер с

зимнего океана Южной Атлантики оставался свежим весь день. Яна вынула босые ноги из ледяной воды, осмотрела длинные, чуть ли не как у обезьяны, пальцы, остудившиеся теперь до синевато-красного оттенка, и нижним краем свитера вытерла их. Она уже слишком долго здесь просидела, размышляя в предрассветной дымке. Ей предполагалось быть оптимисткой, активисткой, хозяйкой собственной судьбы типа «как захочу, так и будет». Только вот сложно было всем этим быть, когда ты чувствовала, что следующие несколько часов принесут тебе одни разочарования. И если так реагировала она, что же тогда испытывал Себастьян?

Яна обулась, не без труда распрямила конечности и по десятиметровой лесенке взобралась на главную палубу платформы. Найти Себастьяна было несложно. Лишенный вкуса Яны к легкому мазохизму, он всегда забивался в самую теплую и защищенную точку платформы, которая одновременно предлагала ему максимально широкий угол верхнего обзора.

Сегодня Яна нашла Себастьяна на западной стороне экстрактора, славно защищенной от ветра. Не желая себе никаких тягот, он валялся там на спине и глазел в небо.

— Ну что? — спросила Янина.

Не глядя на нее и даже словно бы не осознавая ее присутствия, Себастьян негромко произнес:

— Скопление к северо-востоку. Тройной слой, высококучевые над слоисто-кучевыми поверх дождевых, все движутся в разных направлениях. Направление ветра на каждой высоте иное. Через час будет дождь, могу спорить.

Яна не хотела ни спорить, ни глядеть на северо-восток или в любых других направлениях. Облака всегда оставались облаками — и дело с концом. Подойдя к Себастьяну, она тревожно над ним нависла.

— Я не про погоду, Себастьян. Про собеседование.

— А что с ним такое?

— Оно уже меньше чем через час. Я нервничаю.

Он медленно сел. Себастьян все делал медленно, так что Янине порой страшно хотелось на него наорать. Иногда она так и делала. Но это ничего не меняло.

— Ты совершенно напрасно нервничаешь,— на его круглом как луна лице сияла улыбка.— Если мы не пройдем, работа у нас все равно останется.

Да уж, работа. Работа, с которой вполне мог справиться какой-нибудь автомат. Работа, которая требовала так мало твоего умения и энергии, что человек вроде Себастьяна мог целыми днями валяться и радостно глазеть на вечно меняющиеся скопления облаков над Южной Атлантикой, и никто из начальства ни о чем его не спрашивал. Тупиковая работа для любого землянина, тогда как Внешняя система отчаянно нуждалась в людях, пусть даже за пределами Пояса их подбирали с такой привередливостью, что кандидат с Земли чувствовал себя членом колонии прокаженных, пробующим устроиться в элитные массажисты.

Ничего этого Яна не сказала. Если по-честному, она просто не смогла. Ведь именно она настаивала, она подпихивала, умасливала и улещала, пока Себастьян не согласился с тем, что им двоим следует попробовать наняться на работу во Внешней системе, причем единой командой. Они были примерно одного возраста, но еще со времени их спасения из разгромленного Северного полушария и переезда в лагерь для перемещенных лиц Яна чувствовала себя кем-то вроде его матери. Пожалуй, если бы она попробовала наняться одна, ее шансы бы увеличились, но на это она никак пойти не могла. Кто бы тогда присматривал за Себастьяном? Он был совсем не глупый, и наплевать, что по этому поводу говорили другие. Но он был странный, и этого нельзя было отрицать. Себастьяна спасли маленьким мальчиком, но даже теперь, в свои тридцать пять, он оставался во многом как ребенок.

— Нас будут расспрашивать как единую команду,— осторожно сказала Яна.— Пообещай мне одну вещь.

— Обещаю.

— Ты еще не знаешь, что это. Пообещай мне, что будешь говорить. А то, когда мы на эту работу устраивались, ты сидел просто как большая дохлая рыба.

— Но ведь мы получили эту работу,— Себастьян опять улыбался, нежно и беззаботно.— Ладно, я буду говорить. Или попытаюсь.

— Тогда хорошо. Давай хотя бы попытаемся выглядеть представительно,— улыбаясь Себастьяну в ответ, Яна протянула руку, чтобы помочь ему встать. Она любила Себастьяна, и она всегда будет его любить. Не в сексуальном смысле, конечно — от этой мысли Яну аж передернуло,— но как самого близкого члена семьи, какого она когда-либо знала. Ее родители, как и родители Себастьяна, остались безликими и безымянными, входя в те семь-

десят процентов одиннадцатимиллиардного населения Земли, что погибли в первые же несколько минут Великой войны. В принципе, Яна уже тогда была достаточно взрослой, чтобы помнить отца и мать, но первым ее воспоминанием был пугающий самолет, за которым последовала горячая еда в лагере для перемещенных лиц под Гусвиком. А до этого — совсем ничего.

Выяснилось, что собеседование будет проводить женщина, а не мужчина. Худая, рыжеволосая, с тонкими, напряженными губами. Она носила темно-зеленую форму гражданского чиновника Внешней системы и казалась настолько же смущенной, насколько Яна нервозной.

— Итак, Янина Яннекс и Себастьян Берч,— начала женщина.— Горнорабочие.— Этому слову она придала колоссальный акцент. Дальше чиновница хмуро взглянула на экран своего персонального компьютера, после чего внимательно изучила всю стометровую плавучую платформу «Глобальных минералов» и бесконечную водную гладь по ту ее сторону. Собеседование она решила проводить прямо на палубе, хотя небо становилось все темнее, и пророчество Себастьяна о дожде казалось все более правдоподобным.— Вы указали себя как горнорабочих?

— Да, все верно,— Янина бросила гневный взор на Себастьяна. Кроме через силу выдавленного приветствия, он пока еще ни слова не произнес.

Тогда женщина, которая представилась как доктор Вальния Блум — директор Вальния Блум, глава научно-исследовательского центра на Ганимеде,— спросила:

— Вам не трудно было бы пояснить?

— Нет, не трудно,— Яна в ожидании взглянула на Себастьяна. Тот опять молчал как рыба, и в конце концов ей пришлось продолжить: — Это займет несколько минут.

— Через несколько минут пойдет нешуточный дождь,— вдруг разродился Себастьян.

Вальния Блум, судя по всему, не особенно поверила и внимательно оглядела затянутое облаками небо. А Янина задумалась, видела ли эта женщина когда-нибудь дождь. Ни на Ганимеде, ни где бы то ни было еще во Внешней системе никаких водяных дождей не бывало. На Венере шел дождь серной кислоты, а на Титане падали капельки углеводородов. На Тритоне, читала Яни-

на, имелись гейзеры жидкого азота, но их едва ли можно было причислить к дождю.

Себастьян не сводил безучастного взора с Вальнии Блум, которая наконец сказала:

— Насчет дождя посмотрим. Пожалуйста, рассказывайте. И покороче.

Яна кинжальным взглядом впилась в Себастьяна. Этот взгляд откровенно приказывал: «Говори!» После долгого молчания она почувствовала, что говорить придется ей.

— Получилось так, что главные залежи материкового ископаемого горючего на Земле всегда находились в Северном полушарии, которое по-прежнему необитаемо. Уголь под ледниковым покровом Антарктиды также недоступен. Однако Южное полушарие сейчас переживает бум. Таким образом, существует громадная потребность в энергии и пластических материалах, но нет способа ее удовлетворить.

— Мне казалось, вашу энергетическую проблему своими термоядерными реакторами типа «мобиль-кроха» решил Сайрус Мобилиус.

— Да, он это сделал, но только для всего, что может управиться с восемью мегаваттами и выше. Однако быстро развивающиеся южные регионы испытывают потребность в небольших портативных блоках, генерирующих всего-навсего несколько киловатт. И вот эта конструкция данную потребность удовлетворяет.

Яна указала на экстрактор, торчащий из центра платформы «Глобальных минералов», и убегающий на юго-запад трубопровод. Доктор Блум непонимающим взором на все это дело уставилась.

— Метан,— произнес Себастьян за долю секунды до того, как Янина почувствовала, что снова должна взять на себя инициативу. «Слава Богу! — подумала она.— Наконец-то хоть слово!» Однако больше одного слова ожидать ей, похоже, не стоило. Наконец Яна продолжила:

— Внизу, на дне моря, есть метан. Триллионы и триллионы тонн.

— Но метан легче воды. А атмосфера Земли...— Вальния Блум хмурила брови, усиленно припоминая курс химии,— в основном состоит из азота и кислорода. И тот и другой газ легче метана. Он просто не может находиться на дне океана.

— Да, не может. В смысле, он там есть, только он не хранится в газообразной форме. Он хранится в виде клатратов метана —

структур, которые имеют четыре молекулы метана, сцепленные в стабильную форму тремя молекулами воды. При температуре глубокого океана, около четырех градусов Цельсия, клатраты метана — твердые вещества. И их плотность выше, чем у воды, так что если они образуются на океанском дне, они не всплывают на поверхность. А все, что тонет с поверхности, разлагается и производит метан.

Доктора Блум, похоже, не слишком вдохновила нарисованная Яной картина всеобщей порчи и разложения, уникальная для Земли. Другие, порядочные миры, говорило выражение ее лица, держат свое гниение и переработку отходов подальше от цивилизованной жизни. Однако она кивнула, и Яна продолжила:

— Таким образом, если учитывать весь метан, образовавшийся в результате разложения, плюс природный апвеллинг первичного метана, на морском дне содержатся колоссальные его количества. Хотя, конечно, часть массы составляет вода, входящая в состав клатратов. Итак, у нас есть эти громадные клатратные залежи, сотни километров в ширину и десятки метров в глубину. Все, что мы... вернее, все, что вот эта конструкция делает,— она указала на экстрактор,— это доводит свой хребет до клатратных залежей и немного их разогревает. Высвобождающийся при более высоких температурах метан поднимается к поверхности, после чего уходит по магистрали.

Ганимедская чиновница явно была обрадована. Впервые она заулыбалась.

— Итак, вы горнорабочие,— сказала доктор Блум.— Пожалуй, можно вас так назвать.

— И знаете, что,— продолжила Яна.— Теперь, когда я об этом задумываюсь, мне кажется, что тот же самый метод может сработать в системе Юпитера для Европейского океана. Там есть жизнь, там происходит разложение, там масса воды.

Это замечание имело куда меньший успех. Улыбка Вальнии Блум сделалась застывшей, а затем сменилась откровенно нахмуренными бровями.

— Мне казалось, даже во Внутренней системе...— «примитивной» Внутренней системе, подразумевал тон чиновницы,— хорошо известно, что Европа представляет собой запретную зону. Аборигенная форма жизни была там обнаружена пять лет тому назад. Мы категорически не желаем, чтобы единственная известная на данный момент инопланетная форма жизни оказалась заражена в погоне за малой промышленной прибылью.

Себастьян открыл рот. Янина почти не сомневалась, что он выбрал этот наихудший момент, чтобы заспорить с директором научно-исследовательского центра.

Это могло разом свести к нулю все то хорошее впечатление, которое им, может статься, удалось произвести. Она не сумела придумать никакого способа его заткнуть, но тут, точно дар с небес, две тяжелые дождевые капли ударили ее по левой щеке, а одна — прямиком по носу.

— Вот уже и дождь,— сказала Яна.— Как Себастьян и предсказывал. Давайте спустимся в каюту, пока мы все не промокли.

«И,— подумала она,— быть может, по пути у меня появится возможность отвести этого несчастного рохлю в сторону и объяснить ему, что говорить о том, о чем не следует, хуже, чем не говорить вовсе».

Эх, благие пожелания...

По дороге вниз доктор Вальния Блум липла к Себастьяну почище вакуумного насоса, пока они все трое не упаковались в крошечную комнатенку, служившую убежищем для младших членов бригады.

Очевидно, там чиновница достигла нового пункта своей программы, поскольку, словно бы молча прислушавшись к какой-то внутренней подсказке, раскрыла папку и подтолкнула ее вперед.

— Это ваши?

— Да,— Янина узнала документы своего письменного тестирования — как ответы на стандартный набор вопросов, так и сочинение на свободную тему. Она тогда рискнула рассмотреть экономический рост спутников Юпитера со времени первой колонизации, а затем использовала это для соответствующих проекций на развитие систем Сатурна и Урана.

Яна ожидала по меньшей мере комментария, но доктор Блум просто хмыкнула, взяла вторую папку и положила ее перед Себастьяном.

— А это ваши?

Себастьян кивнул. Янина вздрогнула — как ей хотелось надеяться, незаметно. Сверху лежал набор стандартных вопросов, и даже при беглом взгляде было заметно, что по меньшей мере половина его осталась незаполненной.

— И вот это тоже?

Под вопросником лежало с полдюжины листков. На них не было ни текста, ни цифр, а только черно-белые рисунки, явно незаконченные и сделанные второпях. Янина решила, что ей следовало чего-то такого ожидать. Там были скопления облаков — завитки, полоски и узоры «в елочку», перемешанные друг с другом без какой-либо очевидной логики.

Себастьян не торопился, долго глазел и наконец сказал:

— Угу. Вот этот я не успел закончить,— он указал на завихрение наподобие движущегося урагана, которое отбрасывало от своего стелющегося края меньшие завитки.

— Они очень напоминают бури на поверхности планеты Сатурн. Когда вы рисовали, вы основывались на чем-то уже виденном?

— Угу. Есть регулярная видеопередача, там показывают картинки с Марса, Юпитера и Сатурна. Я ее смотрю. Уран тоже, только там особенно нечего смотреть.

— Вы хотите сказать, там нет облачных систем?

— Уран гладкий, как бильярдный шар.

— Но вы не просто скопировали эти рисунки с последней видеопередачи.

Себастьян нахмурился.

— Нет. Не скопировал.

— Тогда откуда вы их взяли? Я полагаю, тестирование проходило в контролируемых условиях?

— Совершенно верно,— Яну не спрашивали, но она просто не могла сидеть молча.— Никто не мог прийти или уйти, никто не мог посмотреть, что делают остальные.

Вальния Блум ее проигнорировала.

— Так откуда вы взяли эти рисунки, мистер Берч?

Себастьян откашлялся.

— Ну, я видел картинки Сатурна в видеопередаче. А эти я просто вроде как вообразил. Ну, как обычно делают, когда по-настоящему, от души рисуют.

Янина опять вздрогнула, но на сей раз она уже не сомневалась, что это было заметно. На ее счастье доктор Вальния Блум, похоже, не проявляла ни малейшего интереса к любым ее действиям — пока не подняла голову и не пронзила одним-единственным взглядом и Янину, и Себастьяна.

— Ваша заявка достаточно необычна,— сказала чиновница.— Вам обоим за тридцать, что значительно выше нашей нормы.

Кроме того, вы хотите, чтобы вас рассматривали как единую команду, а не поодиночке.

Яна кивнула.

— Да, мэм.

— И ваша позиция по-прежнему такова?

Яна снова кивнула и посмотрела на Себастьяна. Тот промычал:

— Угу.

— Очень хорошо. Пусть будет так,— Вальния Блум собрала папки и встала.— Собеседование закончено.

— Спасибо...— слова застряли у Янины в горле, так что ей пришлось сглотнуть и начать снова.— Спасибо, что дали нам шанс. Но будет ли нам позволена еще одна попытка?

— Полагаю, нет,— то ли доктор Вальния Блум была садисткой, то ли ее натренировали не проявлять своих чувств. Так или иначе, на лице у нее играла странная улыбочка.— Никакой второй попытки не будет.

— Как скажете, мэм.

— Однако, насколько я понимаю, вам обоим требуется подать «Глобальным минералам» предупреждение об увольнении за две недели. Поэтому я предлагаю вам сделать это немедленно. Через две с половиной недели для вас будут зарезервированы места на пассажирском челноке. Оказавшись в окружающей среде с микрогравитацией, вы пройдете доскональный медицинский осмотр, после чего высокоскоростное транзитное судно доставит вас на Ганимед. Соответствующее обучение начнется именно там.

И Вальния Блум стала подниматься по крутой лесенке, что вела на главную палубу платформы. На полпути вверх она вдруг пригнула голову и посмотрела на все еще обалдело сидящих за маленьким столиком Янину и Себастьяна.

— Мне следовало упомянуть еще один интересный пункт. Письменное тестирование вы проходили три недели тому назад. Верно?

— Да, мэм.

— Эти наброски, которые тогда сделал Себастьян. Они очень близко напоминают реальные бури на Сатурне. Но вы их не копировали.

— Нет, сэр,— у Себастьяна впервые прорезался четкий голос.— То есть, мэм. Я уже сказал — я их не копировал.

— Мое последнее высказывание являлось не вопросом, а утверждением. Я знаю, что вы не копировали пересылавшихся на Землю

изображений, причем по лучшей из всех возможных причин,— уже на самом верху лестницы Вальния Блум добавила: — Вы просто не могли этого сделать. Грозовая система, которую вы нарисовали, появилась на поверхности Сатурна всего десять дней тому назад.

4

СОВИНАЯ ПЕЩЕРА, ПАНДОРА, ГОД 2097, ДЕНЬ НЕВОДА МИНУС ОДИН

Примерно в то же самое время, когда доктор Вальния Блум разложила перед Себастьяном сделанные им наброски сатурнианских облаков и спросила об их происхождении, Свами Савачарья находился в таком положении, что мог реально взглянуть на эти самые сатурнианские облака. Ему всего-то и требовалось, что пройти в другой конец Совиной Пещеры. Дальше он мог подняться на лифте к наблюдательной камере на поверхности Пандоры, проплыть чуть вперед в пренебрежительно малой гравитации крошечного спутника, после чего ему оставалось только воззриться на громадные кольца и обширную поверхность планеты Сатурн.

Нет, разумеется, у Совы не было ни малейшего намерения что-то подобное проделать. Он никогда не приближался к поверхности, а кроме того, он был занят. Свами Савачарья и его программные орудия как раз ввязались в бой с одним из наиболее грозных разумов в Солнечной системе, и если бы все пошло по плану, бой продолжился бы еще часов десять-двенадцать. Ближайшие реальные персоны находились, быть может, в миллионе километров, наблюдая за работой «фон Нейманнов» на гигантском спутнике Сатурна Титане. Сову это прекрасно устраивало. Он никогда не нуждался в помощи и ее не желал.

Решение переместить Совиную Пещеру из глубоких недр Ганимеда далось нелегко. Более пятнадцати лет Сова там проработал с продуктивной мизантропичностью. При этом все по большей части его игнорировали, что опять же прекрасно его устраивало. Затем, четыре года тому назад, случилось самое худшее, что только могло случиться. Чтобы разгадать одну загадку, Сова предпринял путешествие на Европу, и в процессе этого визита в глубинах Европейского океана было открыто существование внеземной формы жизни. Эта форма ничем не напоминала далекие

разумы, которые искал Джек Бестон в своих проектах СЕТИ, а представляла собой всего лишь любопытный непериодический кристалл со способностью к воспроизводству и минимумом обмена веществ. Но этого оказалось более чем достаточно. Во-первых, достаточно для того, чтобы сделать Европу запретной зоной для любых проектов развития, а во-вторых, еще кое для чего. На Европе в то время случилось оказаться одному представителю СМИ — этих СМИ, пронырливых, назойливых, любопытных, ненасытных и невыносимых. И в своем репортаже Нелл Коттер, этот самый представитель, описала Сову как главного героя всего инцидента. Итак, бритая, похожая на пушечное ядро голова и трехсоткилограммовая туша Свами Савачарьи прославились на всю Солнечную систему. Всякая надежда на уединение была потеряна.

После этого почти ежедневно какой-нибудь гнусный подлец из СМИ, задействуя сочетание подкупа и откровенной лжи, обнаруживал местоположение Совиной Пещеры. Далее этот подлец домогался от Совы эксклюзивного интервью.

Сова выдержал четыре месяца такой жизни и решил, что больше не может. Он начал поиск. Куда ему было податься?

Поначалу возникло искушение направиться внутрь Солнечной системы. После окончания Великой войны Земля сделалась самым близким к Солнцу пределом человеческого существования. Научно-исследовательская станция на Меркурии и аналогичные купола на Венере были полностью уничтожены. В принципе, Сова мог туда отправиться. Однако и Меркурий, и Венера имели существенную поверхностную силу тяжести, а Сова, хотя и терпимый к слабой гравитации Ганимеда, куда скорее желал эту радость уменьшить, нежели увеличить. Положение еще больше усугублялось тем, что по мере постоянного восстановления Солнечной системы после Великой войны потребность в воссоздании утраченных ресурсов неуклонно росла. Научные круги усиливали давление в плане создания новых станций на Меркурии и Венере. Если бы это произошло, во Внутренней системе уже попросту некуда было бы податься. На четырех ее планетах и трех спутниках пропадали всякие уединенные места.

Тогда Сова обратил свой аналитический взор наружу. Обитаемые спутники Юпитера буквально бурлили жизнью и с каждым днем становились все плотнее населены. Приходилось заглядывать дальше, признавая, что какие бы действия ты ни предпринял сейчас, в обозримом будущем тебе придется сделать еще одну перемену. Сова

рассчитывал прожить долгую жизнь. А потому меньшие спутники Урана и даже Нептуна также не выходили из поля рассмотрения.

Свами Савачарья принял решение, составил планы, а когда все было готово, уволился с поста главы отдела расписаний управления Пассажирского транспорта Внешней системы. Только своей давнишней начальнице Магрит Кнудсен Сова открыл, куда он отправляется, сперва принудив ее поклясться, что она никогда не попытается с ним связаться или, не дай Боже, его навестить, а также не откроет его местонахождение ни одной живой душе.

Однако затем он смягчился. Все-таки Магрит Кнудсен более двенадцати лет служила Сове защитой. Она может, сказал Сова, связаться с ним в том случае, если у нее возникнут неразрешимые личные сложности. И, уже в последний момент додумав, добавил: или если кто-то придет к ней с интеллектуальной проблемой, которую она сочтет достойной разума Свами Савачарьи. Он попрежнему был старшим членом Сети Головоломок, и у него не было никакого намерения эту деятельность бросать.

Сова распорядился перевезти всю Совиную Пещеру, со всем ее уникальным содержимым, в естественную полость, расположенную глубоко в недрах одного из меньших спутников Сатурна под названием Пандора. Все это проделали машины и механизмы, которыми управлял только сам Сова, а когда операция была закончена, он использовал свое знание ганимедовских компьютерных систем, чтобы стереть все записи. Затем настала пора для финального шага. Сове пришлось бы выдержать нешуточную баталию с собственной агорафобией, чтобы вытерпеть долгое путешествие по открытому космосу.

Он выбрал самый легкий способ. Проглотив тщательно перемешанную комбинацию снотворных, Сова закрыл глаза — и открыл их уже на Пандоре.

Спутник представлял собой неровный каменный обломок пятидесяти километров в длину и тридцати в ширину. В сравнении с девятью крупными спутниками Сатурна это была просто песчинка, скользящая под ними и обегающая планету менее чем за сутки. Поскольку Пандора располагалась выше системы гигантских колец и вид оттуда на Сатурн частично этой системой блокировался, никто не счел бы ее самым предпочтительным местом для наблюдения за планетой. Там не было ни атмосферы, ни залежей минералов, ни воды или еще каких-либо летучих веществ. Пандора ни для кого не должна была представлять интерес.

Сове же она казалась идеальной. Ему не требовалось сиденье у окна, чтобы обозревать Сатурн, а летучих веществ в его автономном убежище вполне хватило бы на столетие. После этого он при необходимости мог снова изучить варианты.

И пока что Пандора оправдывала все Совиные ожидания. За все эти три года на него не обрушился ни один визитер. Магрит Кнудсен связалась с ним всего лишь раз — когда столкнулась с транспортной проблемой, включавшей в себя очевидно неразрешимый конфликт расписаний. Сова встроил эту структуру внутрь более общего класса проблем, просчитал алгоритм для всего набора и через двое суток выслал Магрит исчерпывающий ответ. Он также позволил себе небольшое, но приятное торжество, после чего вернулся к своему изучению утраченных реликвий Великой войны.

Сегодня, однако, торжество и реликвии Великой войны составляли ту слабость, которую Сова себе позволить не мог. Часы тикали. Еще через день Невод наконец будет введен в действие. Теперь следовало провести последнюю проверку.

Свами Савачарья сидел в специально изготовленном для него кресле в «мыслительном» конце Совиной Пещеры, и его обтянутая черной тканью туша раздувалась как воздушный шар, что было бы невозможно при более высокой гравитации. Он уже выслал свои программные зонды и теперь терпеливо ожидал их возвращения. Установленная им система была разработана с целью имитации, в той мере, в какой любая сущность вообще может имитировать нечто крупнее себя, функций всего квантово-переплетенного Невода. С этим своим «Неводом» Сова теперь ринулся в атаку, пытаясь пробиться сквозь незримые динамические системы своего противника. На данный момент зонды сработанной им имитации капитально застряли.

— Уже целых сорок минут ни шиша,— произнес хриплый голос сбоку от кресла.— Ну что, топор?

Сова повернулся.

— Скажем так — временная задержка. Два брандмауэра преодолены, но третий оказывает серьезное сопротивление.— Внезапный голос Сову не удивил. Изображение в объеме дисплея сбоку от него демонстрировало лысоватого пожилого мужчину с изрядным косоглазием. Вновь прибывший, судя по всему, тоже глазел на экраны, однако Сова знал, что это внимание показное. Морд принимал все его вводы в режиме реального времени. Это давало ему определенное преимущество, ибо он раньше Совы узнавал, что доложат программы.

— Уже намного дольше, чем раньше,— по тону Морда сложно было понять, рад он этому или не очень.

Сова кивнул.

— Когда вы вошли?

— В самом начале. Перемены в распределении ресурсов заприметил,— глаза Морда сузились, когда он вгляделся в последние результаты.— В прошлый раз я ошибся, когда решил, что вы никогда не пробьетесь. Хотите удвоить ставки? Могу сказать, что за двенадцать часов вам эту оборону никаким макаром не взломать.

Сова закрыл глаза и осел в кресле, обдумывая предложение. Затем взглянул на часы. С момента первой стычки прошло уже пять часов. Однако оставалось еще семь часов — и по меньшей мере одна линия атаки в резерве...

— Забудьте про удвоение,— вдруг сказал Морд.— Никаких ставок.

Сова резко раскрыл глаза и уставился на ряд дисплеев. Никакой перемены не наблюдалось. А затем, совершенно внезапно, она проглянула. Фиксированный цикл инструкций прогонялся сотни миллионов раз в секунду, и участки дисплеев медленно меняли цвет.

— Ах-х,— долгое приятное возбуждение постепенно спадало.— Есть преодоление третьего брандмауэра.

— А за ним еще один есть?

— Боюсь, нет. Полный доступ состоится через считанные секунды.

— Ага,— Морд скалился из дисплея.— Вот так-то вот, толстомясый. Назад к чертежной доске.

Сова кивнул, но в его мозгу уже начиналась любопытная перемена, требуемая для перехода от перспективы нападающего к перспективе защитника. Он уже целый год строил то, что, как он надеялся, должно было стать непроницаемым набором щитов, ловушек, тупиков и брандмауэров, рассчитанным на недопущение в его личную компьютерную систему даже чего-то столь могучего, как Невод в его полной рабочей кондиции.

И теперь Сова проиграл. Он попросту доказал, что по крайней мере один индивид в Солнечной системе по имени Свами Савачарья может организовать внешнюю атаку, способную пробурить и низвергнуть лучшую компьютерную оборону того же самого Свами Савачарьи. Он только что в буквальном смысле нанес поражение самому себе.

— Если только вы не считаете,— добавил Морд,— что с этой системой в таком ее виде вы в достаточной безопасности. Если вы не возомнили, что никому, кроме вас, ничего подобного провернуть не удастся. Короче, если у вашей самонадеянности границы имеются.

— Поймите, Морд,— мягко отозвался Сова,— уже нет времени подстегивать. Тем более что такое подстегивание и не требуется. У меня есть достаточно побудительных причин работать над моей обороной, и я буду над ней работать. Но прежде всего мне нужна поддержка. Присоединяйтесь, если желаете.

Предложение было искренним. Сова приветствовал бы компанию Морда. Он встал из кресла и направился вдоль по Совиной Пещере в ее «обеденный» конец с расположенной там кухней — тщательно продуманной и роскошно обставленной. Эта кухня была славно оснащена блоками дисплеев, на любом из которых при желании мог появиться Морд.

Морд, разумеется, точно так же неспособен был есть, как Сова — сносить оскорбления от любого человека. Морд же человеком не являлся. Человеком являлся его создатель Мордекай Перельман, но он умер более двадцати лет тому назад. Его труп был кремирован, а прах, согласно его завещанию, отправлен на Солнце.

Перельман занимался ранней разработкой Факсов, экспертных систем, которые имитировали людей и выполняли многие из их более простых функций. Можно было купить себе все, что угодно — от Факса первого уровня, который мог лишь отвечать на простейшие вопросы о вас — например, сообщать ваше имя и фамилию,— до Факса пятого уровня, который мог вполне сносно поддерживать разговор от вашего имени, а также понимать, когда затронутая тема превышает его компетенцию, и звать на помощь.

Перельману всего этого было недостаточно. Он был чудаком, аутсайдером, который ни с кем не соглашался по вопросу о том, как делать имитации. Для всех остальных Факс представлял собой лишь свод логических законов и нервную сеть, которые позволяли компьютеру имитировать образ мыслей и отклики конкретного человеческого существа.

В корне неверный подход, заявлял Мордекай Перельман. Все это чушь. Человек — вовсе не свод логических законов. На самом деле человек — смесь мыслей, работы желез внутренней секреции и общего беспорядка. То, что происходит на подсознательном уровне конкретной персоны, куда важнее любого просчитанного утвер-

ждения сознательного разума типа «А означает Б». Добрую половину нашего времени мы проводим, пытаясь пристойным образом выбраться из тех жутких луж, в которые нас сажают наши железы.

Мнение Перельмана проигнорировали. Существовала насущная потребность в простых Факсах — таких, чьи отклики на данную конкретную ситуацию всегда оставались бы одними и теми же. Никому не хотелось получить Факса с перепадами настроения, различными пристрастиями, приступами бешеной активности или хандры.

Никому, кроме Мордекая Перельмана. Убежденный в своей правоте, он вознамерился произвести на свет собственный вариант Факса. Продвинув работу до такой точки, откуда ее уже попросту некуда было двигать, ученый выдал последнее доказательство веры в собственные идеалы: он сконструировал Факса, который имитировал мировоззрение, интеллектуальную базу и инстинктивные реакции Мордекая Перельмана. При этом он не стал утверждать, что находящаяся внутри компьютера структура является Факсом. Это было что-то новое. Это был Морд. А появлявшееся на дисплеях изображение принадлежало Мордекаю Перельману, каким он был в пору создания своего детища.

Сова обнаружил Морда таящимся в компьютерной системе на Церере. То, что он увидел, его заинтриговало, и он запросил себе отдельную копию. Морд тут же выдал ответ: «Никакого клонирования. Сами-то вы хотите, чтобы вас клонировали?» Однако Морд пожелал заключить сделку: он согласится на перенос в систему Совы с одновременным стиранием его на Церере в обмен на определенные гарантии. Всем, чего хотел Морд, оказался ввод данных со всей системы с постоянным доступом к подаче новостей.

Сова подумал и согласился. Во-первых, Мордекай Перельман прожил всю Великую войну во взрослом возрасте, будучи при этом человеком любопытным и наблюдательным. Поэтому Морд должен был оказаться подлинной сокровищницей информации о тех временах при том, что по поводу войны еще следовало много чего открыть, в особенности по поводу утраченного оружия. В Совиной Пещере хранилась уникальная коллекция, но Сове всегда хотелось большего. С одной стороны, знаменитый Кладезь, полный список оружия Пояса, разработанного и намеренно уничтоженного, вполне мог быть просто легендой. Такой же легендой могло быть и «абсолютное оружие», неустановленное устройство, которое, как утверждали послевоенные источники, могло сделать всю Солнечную

систему «темнее дня», какой бы противоречивый смысл в эту фразу ни вкладывался. С другой стороны, эти вещи вполне могли оказаться реальны. Сколь много самого невероятного оружия Великой войны оказалось весьма далеко от воображаемого.

Сова дрейфовал по немалой длине Совиной Пещеры, наслаждаясь и любуясь всем ее содержимым. Не связанный имущественными ограничениями ганимедовского интерьера, он сделал Пещеру в десять раз больше ее прежнего размера. Ее содержимое соответственно расширялось, чтобы заполнить все доступное пространство. Примерно то же самое, если верить Морду, происходило и с Совой.

Он двигался медленно. Аромат блюда под названием «олья-подрида», что готовилось весь день, манил его, но Свами Савачарье не меньше хотелось смаковать и даже трогать предметы своей коллекции. Женщины для Совы никакой эстетической ценностью на обладали; то же самое можно сказать и про мужчин. Зато каждый предмет, уложенный в соответствующий футляр или висящий на стене, для подлинного знатока таил в себе странную красоту.

Здесь имелся редчайший коммуникационный маяк инфракрасного диапазона, разработанный на Палладе. Таких маяков теперь осталось всего четыре экземпляра. Рядом с ним находился подлинник маленького и древнего «фон Нейманна», использовавшегося для первоначальных рудничных работ на троянских астероидах еще до того, как закон Фишеля и знаменитая Эпитафия — «Хитроумный суть тупой: нет мудрости в том, чтобы встраивать слишком много разума в самовоспроизводящийся аппарат» — стали общепризнанными догмами. Этот «фон Нейманн» теперь хранился в магнитном поле внутри специальной камеры под тройной закупоркой. Лишенный доступа к сырью, он был безопасен.

Сова обожал их всех — и благоразумно лишенную мозга ракету типа «искатель», и помещенный в специальную сетчатую клетку инвертор Перселла, и палладианский счетчик генома.

Он бы и дальше здесь медлил, но тут из кухни прозвенел нетерпеливый голос Морда.

— Эй, вы, Мегачипс! Я тут сижу и ни черта не делаю. Вы там что, заснули? Суп готов.

Сова двинулся чуть быстрее. Пожалуй, Морд тоже был военной реликвией — возможно, самой странной из всех. Иначе как было объяснить тот факт, что компанию Морда Сова совершенно определенно предпочитал компании любого человека?

5

ДЕНЬ НЕВОДА!

ДЕНЬ НЕВОДА! ДЕНЬ НЕВОДА! ДЕНЬ НЕВОДА!

Вывески слепили Алексу глаза на каждом уровне, пока он проделывал долгий путь наверх из недр государственных контор к подповерхностным уровням, где Лена Лигон обустроила себе дом, а «Лигон-Индустрия» расположила свой корпоративный корпус.

Алекса интересовало: кто оплачивал всю эту безумную рекламу Дня Невода? И с какой целью? Получалось так, будто у тебя был выбор и ты мог по своему желанию допустить использование Невода или его отвергнуть. Через два часа будет забит традиционный «золотой костыль» в форме окончательного объединения баз данных Ганимеда, Каллисто, Земли, Марса и Пояса. Тысячи других баз подключатся сегодня же, немного позже, но эти пять первых были самыми крупными. Ровно через сутки каждый клочок информации во всей Солнечной системе станет доступен для общего пользования. Если только ты заблаговременно не принял надлежащие меры, конфиденциальность с того момента окажется штукой куда более сложной, чем когда-либо раньше.

И даже, быть может, нереальной — по крайней мере, в период первоначальной растряски. Но вместе с гораздо более широкой доступностью данных приходило и колоссальное увеличение компьютерных возможностей. И Кейт уже выругала Алекса за его отсутствие в то самое время, когда они наконец-то получали шанс прогнать его модели с использованием адекватных компьютерных ресурсов.

Алекс с ней не согласился.

— У тебя там будет миллион разных систем и баз данных, научных и финансовых, личных и общественных. Если ты ожидаешь, что тебе удастся сразу же их объединить и прогнать модель как полагается, ты куда большая оптимистка, чем я.

Он не очень удачно выразился. Кейт и так была куда большей оптимисткой, чем он.

— А что случится, когда они подключатся? — спросила она.

— Не знаю. Впрочем, могу тебе сказать, чего я ожидаю. Несколько первых часов или даже дольше Невод будет находиться

в переходном состоянии. Все результаты в течение ближайших суток будут крайне подозрительны.

Кейт тогда лишь сморщила носик. Рисковая женщина. Дай ей волю, она немедленно бы прогнала все модели, даже в отсутствие Алекса. Но это были его модели. И Кейт согласилась подождать до Дня Невода плюс один. Но тогда, сказала она, они обязательно выполнят прогоны независимо от того, в каком переходном состоянии будет находиться расширенная сеть Невода.

Отсрочка на сутки Алекса удовлетворила. На самом деле он думал, что система устаканится в первые же несколько часов. С другой стороны, семейные советы порой занимали целую вечность. Кейт тогда может начать делать прогоны без него, а особенности ее характера Алекс уже начинал понимать. Если результаты выявят какую-либо проблему, он не хотел, чтобы Кейт шуровала внутри его моделей, меняя параметры, которых она не понимала. Поэтому Алекс хотел вернуться и приглядывать за Кейт, причем задолго до того, как День Невода закончится.

Он взглянул на часы. Подобно всем юпитерианским приборам хронометража, они показывали Стандартное Десятичное Время. Система СДВ сохранила длительность двадцатичетырехчасовых земных суток, но разделила их на десять часов, каждый по сто десятичных минут, каждая по сто десятичных секунд. Десятичная секунда оказалась чуть короче земной секунды, поскольку в юпитерианских сутках их было 100 000, а не обычные 86 000.

Сейчас часы показывали три девяносто шесть. Утренний совет был назначен на четыре. Алексу предстояло подняться еще на три уровня, и он немного опаздывал. А вокруг уже начинали появляться признаки роскоши. Можно было видеть элегантные биолюминесцентные мозаики, что заливали коридоры мягким бело-голубым светом, оригинального дизайна фрески и статуи, располагавшиеся вдоль стен, а также абсолютно бесшумные ковры. Годовой зарплаты Алекса не хватило бы и на месяц проживания на этих уровнях.

Деньги, впрочем, были для него не проблемой. Если бы Алекс только захотел, он смог бы построить здесь лабораторию, располагающую такими ресурсами, которые и не снились всему отделу Кейт Лонакер. Его матушка собиралась на него давить, пока он на этот вариант не согласится. И, разумеется, все семейство собиралось давить на Алекса в связи с еще одним делом, насчет которого

он уже несколько дней собирался объясниться с Кейт, но все никак не мог собраться с духом.

Он сомневался, что она сможет его понять. Самому-то Алексу постоянно приходилось жить под грузом двух с половиной столетий семейных традиций и обязательств — под грузом, незримым для всех, но давящим на его плечи несравнимо тяжелей ганимедской гравитации.

«Лигон-Индустрия» началась с Алонсо Лигона, самодура девятнадцатого столетия, который построил одни из первых кораблей с железными корпусами, что плавали тогда по океанам Земли. Алекс был прямым потомком Алонсо в девятом колене.

И этот груз был, возможно, еще не самым худшим. С той самой минуты, как Алекс отправился на совет, его изводила еще одна мысль. Мысленным взором он изучал изображение своей матери, какой она появилась в дисплее, и пытался распознать определенные тревожные элементы.

Подойдя к бронзовым двустворчатым дверям со скромной латунной табличкой «ЛИГОН-ИНДУСТРИЯ. ВХОД ТОЛЬКО ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЗАПИСИ», Алекс вгляделся в глазок для камеры как раз над табличкой. Образ его сетчатки тут же был распознан, и громадные двери бесшумно растворились. Дежурный Факс третьего уровня произнес:

— Добро пожаловать, мистер Алекс. Собрание уже началось. Оно проходит в зале справа от вас.

Алекс собрался с духом и прошел прямо в зал. За овальным столом с мраморной столешницей имелось шестнадцать мест, каждое со своим пультом. Девять мест уже были заняты. Алекс тихо прошел по ворсистому ковру яркой пурпурно-зеленой расцветки и сел рядом со своей матушкой. Лена Лигон кивнула в знак приветствия. Однако мужчина в конце стола не кивнул и даже на миг не изменил своего тона.

— Данная фаза работы закончена,— продолжал он.— «Звездное семя» уже в пути, и теперь должна быть произведена финансовая оценка. Подробности доступны всем, кто захочет их изучить, однако мое заключение предельно просто: заключая контракт на добычу гелия-три из атмосферы Юпитера, доставку его на орбиту и передачу кораблю «Звездное семя», «Лигон-Индустрия» пошла на обдуманный риск. Мы также пошли ко дну. Я рекомендовал не подписывать этот контракт, и он оказался финансовой катастрофой.

Алекс оглядел стол. Вообще-то Проспер Лигон классифицировал членов семьи по старшинству. Однако вне зависимости от того, кто был старшим, подобные заключения Проспера Лигона едва ли могли здесь кем-то оспариваться. Двоюродный дедушка Алекса являлся главным финансовым аналитиком и де-факто главой компании помимо того, что был он пожизненным девственником и холостяком, человеком медленным, осторожным и точным как в мыслях, так и в действиях. Любую сексуальную активность эти мысли и действия начисто исключали. Теперь ему было всего лишь семьдесят пять лет, а в более позднем возрасте Проспера с его вытянутой физиономией и желтыми зубами легко было представить тощим, повидавшим виды ослом.

Стиль жизни и рабочие привычки Проспера Лигона вошли в легенду. Вставая в три часа, он употреблял скромный завтрак и немедленно следовал в свой кабинет, расположенный в самом темном углу корпоративного корпуса компании. Там Проспер садился за заваленный бумагами стол и работал утро напролет, день напролет, вечер напролет — до поздней ночи. Никакая задача не казалась ему скучной, если она содержала в себе финансовые элементы. Цифры были страстью осла — и, судя по всему, только цифры. Ходили слухи — и, скорее всего, всего лишь слухи,— что Проспер недолюбливал компьютеры и все свои объемистые вычисления выполнял вручную. Ел он нечасто, наедине и в непредсказуемых количествах.

— Контракт оставляет нам возможность,— заговорил Проспер после небольшой паузы,— продолжать работу и добывать гелий-три, необходимый для заправки горючим «Звездного семени-2». Это ставит нас перед трудным решением.

Алекс продолжил изучать присутствующих членов семьи. По левую руку от него сидела его мать Лена, далее две бездетные двоюродные бабушки, Кора и Агата, а за ними кузен Гектор Лигон. Между ним и Проспером Лигоном имелись два пустых кресла. Еще два пустых кресла стояли слева от Проспера. Три следующих места занимали кузины Юлиана, Натали и Рашель, а в кресле справа от Алекса хмуро упирался взглядом в стол дядя Каролюс.

— Решение тут самое очевидное,— прорычал Каролюс.— Мы сейчас же все разрываем и прекращаем нести убытки. Нам вообще не следовало этот чертов контракт подписывать. Я с самого начала был против.

Насколько помнил Алекс, с самого начала его дядюшка был как раз самым горячим поборником подписания контракта со «Звездным семенем». Проспер Лигон, однако, спорить не стал.

— Очень может быть, что ты был против,— сказал он.— Я тоже. И если бы пять лет тому назад мы узнали о трудностях добычи гелия-три из атмосферы Юпитера, даже с лучшими «фон Нейманнами», то все, сидевшие тогда за этим столом, примкнули бы к нам. Однако это уже история. Число «фон Нейманнов», потерянных во время их восхождения от Юпитера, сделало из нашего балансового отчета весьма печальную картину.

Кузину Юлиану интересовали только простые, конкретные вещи, и одной из таких вещей были финансы компании. Если дедушка Проспер когда-нибудь уйдет в отставку — или, вероятнее всего, когда его холодный труп отволокут от рабочего стола на живодерню,— Юлиана станет самой логичной претенденткой на его пост.

— Фон Нейманны сегодня не лучше, чем три года назад,— сказала она.— Если эта операция была убыточной тогда, она такова и сегодня. А насколько это все катастрофично?

Голос Проспера Лигона не дрогнул.

— Мы пожертвовали приблизительно двадцатью процентами общих активов «Лигон-Индустрии».

— Ого! — вырвалось у кузена Гектора.

— Действительно «ого»,— Проспер Лигон медленно кивнул. Голова его казалась несообразно большой для тощей шеи.— Тем не менее я стою за подписание контракта по обеспечению гелием-три «Звездного семени-2».

Все за столом изумленно подняли брови.

Гектор наморщил лоб и явно не на шутку задумался. Затем он взглянул на своих кузин, но его реплика была адресована его двоюродному дедушке.

— Вы хотите, чтобы мы все наши деньги потеряли!

— Благодарю тебя, Гектор, за столь тонкое наблюдение. Это, однако, в мои намерения не входит.

Кузина Юлиана, как обычно, пришла к Гектору на выручку.

— Вы полагаете, наша учебная кривая с первым контрактом была достаточно крутой, чтобы сделать еще один такой прибыльным?

— Теперь мы определенно лучше знакомы с функционированием «фон Нейманнов», а также с другими факторами риска. Однако

серьезные перемены происходят повсюду,— по мановению руки Проспера Лигона свет в зале померк. В объеме дисплея у него за спиной появилось изображение Юпитера с его кортежем спутников.

— Добывать гелий-три на Юпитере,— негромко произнес Проспер, словно бы обращаясь к самому себе в полумраке.— В свое время это казалось верным решением. Данный изотоп содержится здесь в большем изобилии, чем где-либо еще в Солнечной системе. Мы смогли соорудить станцию «Геба» для пристыковки груженых «фон Нейманнов» и их общего техобслуживания. Ганимед находился достаточно близко для генерального управления и контроля. Мы уже видели вполне приличную прибыль. Была только одна крупная проблема, причем незримая.— Он развернулся, чтобы указать на дисплей.— Сам Юпитер. Или, точнее, гравитационное поле Юпитера. Скорость убегания из верхней атмосферы составляет шестьдесят километров в секунду. Фон Нейманны напрягались до предела, и во многих случаях этот предел превышался. Их потери и сопутствующие задержки несут главную ответственность за наши финансовые убытки.

— Пфф,— Каролюс фыркнул с другого конца стола.— Если Проспер был ослом, то Каролюс — быком. «Фон Нейманны» сейчас не лучше, чем раньше,— ты сам только что это признал. И Юпитер, когда я последний раз его видел, был того же размера. Я, по крайней мере, никаких перемен не заметил.

— Я тоже. Однако произошли другие перемены,— Проспер Лигон сделал какой-то незримый жест, и лучистое изображение системы Юпитера исчезло.— С каждым годом,— продолжил он в темноте,— человеческая цивилизация продвигается немного дальше наружу. С каждым годом объем доступных ресурсов за пределами системы Юпитера увеличивается.

В зале снова посветлело, когда опять засветился дисплей. Однако он изменился. Теперь там изображалась другая планета, в которой по ее гладкому диску, сложной системе колец и соответствующим спутникам легко было узнать Сатурн.

— Атмосфера Сатурна также в изобилии содержит гелий-три,— продолжил Проспер.— Скорость убегания здесь составляет тридцать шесть километров в секунду — значительная, но чуть больше половины юпитерианской. Это различие порождает колоссальную перемену в экономике. Я уже выполнил финансовую оценку. Если мы переключимся на Сатурн как источник горючего

для «Звездного семени-2», переместим туда сам корабль и наши операции, мы восполним все потери, которые мы на данный момент понесли от нашего контракта.

Остальная часть зала погрузилась в гробовое молчание. Наконец Лена Лигон отважилась:

— Вы предполагаете... покинуть Ганимед?

Последний подобный переворот состоялся примерно полстолетия назад, когда Гонвиль Лигон переместил семью и всю империю из шумного мегаполиса под названием Буэнос-Айрес в голые пещеры Ганимеда. Этот переезд состоялся вопреки усиленным возражениям всех остальных. Гонвиль, подлинный потомок железного человека Алонсо Лигона, попросту отказался слушать.

— Будущее промышленного развития,— заявил Проспер,— не на Земле и даже не на Марсе. Оно во Внешней системе. Туда мы и отправляемся. Если кому-то неохота переезжать, то и черт с ними. Они могут оставаться на Земле и пытаться наскрести здесь себе на жизнь.

Великая война доказала правоту Гонвиля способом, которого он себе даже не представлял. И теперь Проспер Лигон позволил себе краткое удовлетворенное ржание.

— Нет-нет,— сказал он затем,— вовсе нет. Переезда я не предполагаю. Большинство из нас останется здесь. Переместятся лишь операции «Звездного семени». Что же касается нашей базы в системе Сатурна, то я уже изучил варианты.

Немного повозившись с пультом, Проспер выделил на дисплее девять крупнейших спутников Сатурна, начиная с Мимаса и кончая далекой Фебой.

— Эти не годятся. Все они вместе с их соорбитными компаньонами Тефией и Дионой либо уже развиваются, либо находятся в условиях аренды. Они также неудобно далеки от Сатурна. Мой первый выбор — вот этот спутник. Период его обращения составляет примерно половину сатурнианских суток, что серьезно упростит орбитальное рандеву с «фон Нейманнами», прибывающими с грузом гелия-три,— вспыхнувшая стрелочка указала на яркое пятнышко, что располагалось как среднее из пяти малых спутников.— Эта луна в настоящее время имеет арендатора, однако все предыдущие пробы не выявили там никаких полезных ресурсов. Полагаю, мы сможем сделать арендатору заманчивое предложение.

Насколько знал Алекс, никто из членов его семьи никогда не проявлял ни малейшего интереса к расползанию Внешней систе-

мы за пределы системы Юпитера. Это его представление подтвердилось, когда двоюродная бабушка Кора волком взглянула на освещенное пятнышко и сказала:

— Меня на эту ерунду никакое предложение бы не заманило. Как она называется и зачем она нам нужна? Почему бы нам не построить собственную базу для операций?

— Эта, как ты выразилась, ерунда известна как Пандора. А что касается того, зачем она нам нужна, то это в высшей степени интересный вопрос,— длинная ослиная голова признательно кивнула двоюродной бабушке Коре.— Пандора нам нужна потому, что нынешний ее арендатор, судя по всему, самый что ни на есть оголтелый мизантроп. И он имел дело с правительственным чиновником, который то ли шут гороховый, то ли лютый ненавистник всякой активности корпораций. Аренда допускает государственную активность ближе к Сатурну, чем Пандора, однако у арендатора есть право запрещать промышленные операции. Те самые операции, которые, понятное дело, являются для нас абсолютной необходимостью.

Лена Лигон радостно улыбнулась Алексу и во всеуслышанье объявила:

— В самом деле, не можем же мы позволить, чтобы какое-то правительственное ничтожество стояло у нас на пути?

— Да, Лена, но это законный договор об аренде.

— Разорвать его к дьяволу...

— Будет довольно сложно, и по меньшей мере очень трудоемко.

Проспер глянул вправо от себя.

— Впрочем, полагаю, мы в любом случае должны приступать. Моя мысль такова, что если нынешний арендатор является мужчиной, то у вас, Рашель и Натали, есть идеальное сочетание талантов, чтобы обеспечить его согласие. Я также ожидаю, что все члены семьи сделают то, о чем их попросят. Алекс, в частности...

— ...стоп-стоп-стоп,— Кейт подняла руку. Было семь часов, и, решив, что Алекс уже мог вернуться с семейного совета, она заглянула в его крошечную квартирку. Он, нервничая куда больше, чем бы ему хотелось, приготовил крепкую выпивку для них обоих. Теперь они сидели в алькове спальни, пока Алекс пытался объяснить, почему ему может потребоваться предпринять быстрое путешествие в систему Сатурна. На данный момент у него это плохо получалось.

— Слишком много имен,— пожаловалась Кейт. На ней было платье с глубоким вырезом, наглядно демонстрировавшее ее плечи и грудь, которое она время от времени подтягивала, когда оно соскальзывало слишком низко,— слишком много и слишком быстро. Не могу толком понять. Рашпиль и кто там еще должны с этим арендатором встретиться?

— Рашель и Натали. Мои троюродные сестры, на пару лет младше меня. С вечеринок не вылезают.

— И тем не менее дедушка Проспер намерен послать их на переговоры с человеком, которого никто из членов семьи никогда в жизни не видел? Из твоих слов я заключила, что он всегда знает, куда ногу поставить. Теперь же у меня такое впечатление, будто он совсем из ума выжил.

— Нет, Проспер отлично знает, что делает. Рашель и Натали прошли дипломатический и психосексуальный тренинг, и в прошлом у них сбоев не бывало. Они хитры, как сто китайцев, работают единой командой и идут абсолютно на все, чтобы добиться результата.

— На все?

— Ну, очень на многое. Дядя Каролюс обычно Рашель и Натали двойняшками-нимфоманками зовет.

— А сам-то ты ничего об этом не знаешь? Впрочем, ладно. Итак, Проспер сказал, что ты им тоже можешь понадобиться. А почему не кузен Гектор? Судя по всему, у него дел не так много.

— Это правда. Кто их ему доверит? На вид он сущий герой-берсерк, высокий, светловолосый и с профилем как у викинга. На этом все и заканчивается. Он сын дядюшки Каролюса, но даже Каролюс говорит, что если бы Гектору удалили мозги и вставили на их место кило отрубей, ему бы это только на пользу пошло.

— По-прежнему не понимаю, зачем ты им понадобился. У тебя здесь дел навалом.

— Я нужен просто для поддержки. Дедушка Проспер не знает, кто арендатор, но он где-то поспрашивал, и ему вроде как сказали, что это какой-то ненормальный затворник, который компьютерным моделированием интересуется.

— Совсем как ты. Но тогда Рашпилю и Надфилю тяжелая работенка досталась.

— Думаю, как раз это Проспера и тревожит. Больше никто в семье своими лилейными ручками к компьютеру не прикасается,

так что я для него — выбор по умолчанию. Вот почему мне может потребоваться к Сатурну лететь...— Алекс сделал паузу, поглазел на столик, а затем одним духом заглотил полбокала.— Но я еще до другой части семейного совета не добрался...

— Старый порядок меняется,— после голосования и одобрения контракта на вторую фазу проекта «Звездное семя» Проспер Лигон перешел к еще одному делу. Он раздал присутствующим листки с распечаткой.— Было тут влияние контракта со «Звездным семенем» или нет, но «Лигон-Индустрия» все это время теряла свои позиции. На выданных вам документах приведены совокупные активы каждого члена первой десятки коммерческих предприятий Солнечной системы — какой она была десять лет тому назад и какая она сейчас. Вы заметите, что два члена текущей десятки в предыдущей отсутствуют. «Детт-САТ» и «Сильва-Симбионты» появились в ней, заменив «Глобальные Минералы» и «Турбид». «Детт» занимается главным образом развитием системы Сатурна, а «Сильву» мне некоторым из здесь присутствующих описывать излишне.

Бросив краткий взгляд на Лену Лигон, Проспер продолжил:

— Могу также сказать, что мы, чему я весьма счастлив, по-прежнему в первой десятке. Чему я гораздо менее счастлив, так это тому, что мы сползли с третьего места на девятое.

Двоюродная прабабушка Агата Лигон, о ста десяти годах которой нипочем нельзя было догадаться, глядя на ее молодое, подтянутое тело и живые серые глаза, резко обронила:

— Девятое! Фу! Я помню, когда мы были номером первым.

— Это помнит и еще кое-кто из здесь присутствующих.

— Нам ни в коем случае не следовало покидать Землю! Это было нелепое решение. Я в свое время так Гонвилю и сказала.

— Очень может быть. Но я предлагаю всем отметить, что «Глобальные Минералы», которые прежде были предприятием первой десятки, решили остаться на Земле. Ныне они занимают тридцать четвертую позицию в списке. Мой анализ предлагает два возможных варианта будущего «Лигон-Индустрии». Мы можем продолжать в том же духе, бессильно наблюдая за тем, как наш относительный размер и влияние падают за следующее десятилетие еще ниже. Или мы можем искать слияния с какой-то другой компанией, желательно из числа тех, что набирают силу в Солнеч-

ной системе. Можете высказывать предложения. У меня, разумеется, также есть свой вариант,— костлявый палец Проспера Лигона ткнулся в листок.— Я предлагаю, чтобы мы искали союза и слияния с быстро растущей империей Сайруса Мобилиуса.

Алекс был удивлен, хотя и меньше остальных членов семьи. Гектор сидел с открытым ртом. Кора с Агатой дружно бормотали «выскочка» и «шарлатан». Матушка Алекса так выдохнула «Солнечный Король!», как будто это прозвище лично она придумала. Разумеется, это было не так. Однако слова Лены Лигон нашли свой отклик в благоговейных вздохах кузин Юлианы, Рашель и Натали. Дядюшка Каролюс изрыгнул короткий смешок, после чего сказал:

— Высший балл за хладнокровие, Проспер. Но Сайрус Мобилиус высоко летает. Приведи мне хоть одну разумную причину, чего ради ему искать слияния с нами.

— Именно это я и предполагаю сделать. Действительно, Сайрусу Мобилиусу сопутствовал немалый успех...

— Чертовски верно.

— ...и он весьма амбициозен. В то же самое время он человек, выбившийся из низов и жаждущий, пусть даже он сам этого никогда не признает, объединения со старыми деньгами и влиянием. Кто тридцать лет тому назад слышал о безопасных термоядерных реакторах типа «мобиль» и о Сайрусе Мобилиусе? Не произнес ли здесь кто-то слово «выскочка», когда я упомянул его имя?

Каролюс кивнул.

— По-моему, это была Агата. Но ты уклоняешься от темы, Проспер. Слияние операций Мобилиуса с операциями Лигонов не обеспечит Сайрусу Мобилиусу никакого положения во Внутреннем Круге.

— Действительно, простое слияние бизнеса не обеспечит. Но что, если это будет союз двух семей, через общих детей? У Сайруса Мобилиуса есть два собственных отпрыска. Старший, его сын Дэвид, уже вступил в брак. Однако его дочь Люси-Мария молода и свободна. Она идеально подходит. Лена, мы уже этот вопрос обсуждали. Если ты пожелаешь его резюмировать...

— Постой, дай-ка мне все это осмыслить,— в какой-то момент описания Алексом семейного совета Кейт прекратила подтягивать верх своего платья и застыла в неподвижности.— Весь этот разговор про «семейный союз». Они имеют в виду брак?

— Думаю, да,— проронил Алекс. Когда Кейт в упор на него уставилась, он добавил: — Именно это они и имеют в виду.

Алексу сто раз говорили, что когда дело доходит до понимания женских чувств, он самый дремучий человек в Солнечной системе. Но когда Кейт ничего не сказала, он тупо поинтересовался:

— А что, ты против брака?

— Нет-нет,— голубые глаза Кейт ушли в сторону.— Правда, мне кажется, вся эта история с браком немного — как бы сказать? — старомодна, особенно если люди не жили вместе. Но если кто-то хочет вступить в брак, это его дело. Возможно, дочь Мобилиуса испытывает такое желание. Но в твоей семье... послушай, это опять твоя матушка?

— Разумеется, это опять моя матушка,— затем Алекс вынужден был внести поправку.— Нет, это не только моя матушка. Это вся моя чертова семья.

— Но какое они имеют право решать? — теперь уже Кейт не могла сидеть спокойно. Она усиленно терла ладонью по столешнице, размазывая колечко влаги от своего бокала.— Ведь это будет условленный брак. Можно подумать, мы где-нибудь в Древней Индии или Персии живем. Видел ты снимки этой самой Люси?

— Видел.

— И что?

— На вид она приятная.

— Приятная? Это лучшее, что у тебя нашлось? Приятной бывает земляника со сливками. Она красивая?

— Да. Хотя я думаю, над ней немало поработали.

— Не сомневаюсь. Мобилиус может себе лучших хирургов и косметологов позволить. Ты с ней встречался?

— Еще нет. Но Гектор встречался, и он говорит, она просто ослепительная.

— А что, Гектор должен на ней жениться? Это тот, у которого гнилая репа вместо мозгов?

— О Гекторе никто не говорит.

— Говорят о тебе. Верно?

— Они хотят, чтобы я с ней встретился.

— И ты намерен с ней встретиться?

— По-моему, выбор у меня небольшой,— Алекс понял, что этого недостаточно.— Подобную ситуацию сложно объяснить то-

му, кто никогда ни на одном из семейных советов не бывал. Потребности семьи преобладают над всем остальным.

— Черта лысого. Потребности семьи не рассматривались, когда Юлиана решила стать абсолютно стерильным симбионтом. А что, если бы второй ребенок Мобилиуса был мальчиком? Потребности семьи и твою матушку в симбионты не обращали.

— Лучше бы она от этого воздержалась. Я страшно об этом тревожусь. Никто еще по-настоящему не понимает, что статус симбионта может сулить в долгосрочном смысле.

— Но она все равно на это пошла. И то же самое — одна из твоих двоюродных бабушек.

— Агата.

— Итак, им было позволено выбрать множественный симбиоз и стерильность в обмен на гарантированное здоровье и красоту. А тебе этого нельзя. Но давай вернемся к теме. Чтобы стать перспективным предметом переговоров с Сайрусом Мобилиусом, человек должен быть молодой особью мужского пола, с адекватным интеллектом, способной к размножению. Вроде тебя. Просто чудо, что тебе вообще позволили здесь работать. Кто знает, с кем ты мог здесь переспать? Кто знает, какие болезни ты при этом мог подцепить? И есть еще одно.

Вот и наступил тот самый момент, которого Алекс со страхом ожидал. Кейт держала бокал перед лицом, так что он не видел ее рта и подбородка, когда она спросила:

— Скажи, Алекс, а как же мы?

— Мы?

— Мы. Ты хочешь по буквам? Эм-Ы. Мы. Ты и я. Похоже, вся неотложность этого важного семейного дела заставила ускользнуть из твоего разума тот факт, что мы с тобой все прошедшие два месяца делили постель. У меня была иллюзия, что ты этим наслаждался. А что случится, когда великий семейный союз будет заключен и Люси станет миссис Алекс Лигон?

— Не знаю.

— Зато я знаю! — Кейт с грохотом опустила свой бокал на столик, и приторно-липкое спиртное расплескалось по столешнице.— Я не слишком влиятельная персона, но делить пенис с кем-то еще не намерена — даже с наследницей всего состояния Сайруса Мобилиуса. Иди, трахай эту самую Люси, если тебе охота. А пока будешь ее трахать, и себе палец в задницу засунь!

Кейт в упор смотрела на Алекса, затем она встала, подтянула свое платье так, что оно закрыло ее до шеи, повернулась и вышла.

Алекс остался один. Он надеялся поделиться с Кейт своими тревогами по поводу матушки. Он внимательно изучал Лену Лигон во время семейного совета и, как ему показалось, разглядел кое-какие доказательства того, что симбионт, в которого превратилась его мать, капитально отличался от первоначальной персоны.

Однако сегодня вечером обсудить эти тревоги Алексу было не суждено. И ни в одной постели, в которую бы он улегся спать, не оказалось бы под боком Кейт Лонакер. Одинокий вечер распростерся перед ним, скучный и пустой.

Тогда Алекс встал и направился в свой кабинет. Быть может, прогнать компьютерные модели прямо сейчас, не дожидаясь утра? Нет, пожалуй, не стоит. На данный момент все великолепие Дня Невода никак не оправдывало своей рекламы.

6

Люди уже сто пятьдесят лет искали послание со звезд. Каковы были шансы на то, что именно ты, Милли Ву, прямо здесь и сейчас обнаружишь самое первое?

Милли без конца твердила себе, что все ставки против нее, и все же каждое утро, сидя в своей крошечной кабинке, она ощущала странную, но сладостную дрожь предвкушения.

Шла третья неделя ее работы, и ритуал уже сделался привычным. Входящие сигналы на всех длинах волн первым делом направлялись на центральную «мельницу» станции для первичной обработки и стандартного форматирования. Мельница была полностью автоматизирована, и ни один человек никакой роли в этой операции не играл.

Дальше проводился целый ряд компьютерных обработок и тестов, опять же без человеческого вмешательства, предназначенных для обнаружения отклонений от случайности. Существовала тонкая грань между сигналом, который был непредсказуем, но достаточно строго определен, и сигналом, который был абсолютно случаен. К примеру, цифры таких чисел, как «пи», «э» или «гамма» (постоянная Эйлера), образуют бесконечную последовательность в любой числовой базе, какую вы пожелаете выбрать. Вы можете вычислить каждый элемент этой последовательности —

скажем, цепочку цифр, которой начинается десятичное представление числа «пи»: 3,14159265358979323846... Продолжать это занятие можно до тех пор, пока у вас не кончится время или терпение. Независимо от того, где вы остановитесь, на миллионной, миллиардной или триллионной цифре, всегда останется следующая цифра — уникальная и неповторимая. Следовательно, число «пи» является строго определенным, и ничего случайного в нем нет. С другой стороны, независимо от того, как далеко вы зайдете, следующую цифру нельзя будет предсказать, исходя из уже имеющихся.

Разумеется, если вам случалось обнаружить первую тысячу или десять тысяч цифр числа «пи» в сигнале, принятом из космоса, дело принимало совсем другой оборот. Это, без всякого сомнения или потребности в дополнительной информации, обеспечивало железное доказательство того, что вы получили послание внеземного разума.

Милли все это знала задолго до того, как подала заявление на работу в проекте «Аргус». Существовала также надежная гарантия того, что компьютеры «Аргуса», в миллиарды раз быстрее и точнее любого человека, проводили отсев на предмет обнаружения неисчислимых миллионов цифровых последовательностей, срисованных из чистой математики и физики.

Что же тогда оставалось делать людям? Именно то, чем сейчас занималась Милли: пользоваться человеческой способностью, пока еще не превзойденной ни одним компьютером, к распознаванию образов.

Каждое утро мельница выдавала переменное число сигналов с неким элементом необычности. Каждое утро восемнадцать человек в отдельных кабинках обеспечивались своей квотой набора данных для индивидуального изучения. Никто в аналитической группе не знал, сколько сигналов для человеческой инспекции мельница выдаст в данный конкретный день, а потому все допускали, что в каких-то случаях двое или больше человек могли получить одни и те же данные. В принципе ни один набор данных не был старше одного дня, но Ханна Краусс по секрету сказала Милли, что новеньким в первые недели работы часто подсовывают старую аномалию, чтобы посмотреть, как они с ней разберутся. Джек Бестон точно так же калибровал и сравнивал качество своих людей, как и сигналы из космоса.

Он был не просто Людоед, он был Людоед-параноик. Милли и ее коллеги по станции «Аргус» могли вместе питаться, если им того хотелось, а также встречаться для дружеского общения,

сколько им только могло заблагорассудиться. Чего им никогда делать не позволялось, так это обмениваться мнениями о своей работе. Аномалии нельзя было афишировать, и они также не служили темой для группового обсуждения. О них следовало докладывать напрямую самому Джеку Бестону.

Данные для индивидуального анализа подразделялись на то, что на юпитерианской станции Л-4 было известно как «клетки». Загружая себе первую за сегодняшний рабочий день клетку, Милли размышляла о том, что она к тому же в клетке и сидит. Хуже того, она находилась в одиночном заключении. Левую от нее кабинку занимала вечно скорбная женщина лет пятидесяти с хвостиком, которая, судя по всему, никакого иного существования, кроме как на работе, не вела.

Лотта Дейнс никогда не бывала в столовой, и независимо от того, в какую рань Милли приходила в свою кабинку, дверь соседней оказывалась заперта, а красный индикатор снаружи указывал, что кабинка занята. Сверхактивный мужчина, занимавший правую от Милли кабинку, являл собой противоположную крайность в плане поведения. Саймон Биттерс работал когда придется, без конца выскакивал из кабинки и снова туда заскакивал, совал голову за перегородку к Милли, прикладывал указательный палец к кончику длинного носа, после чего, не говоря ни слова, нырял обратно. Судя по всему, он чуть ли не целые рабочие дни расхаживал по станции. Милли недоумевала, как Биттерс при этом умудряется выполнять свою рабочую норму. Но он, очевидно, ее выполнял, иначе бы Джек Бестон рвал его на кусочки на каждом еженедельном отчетном собрании.

— Ты там далеко от дома окажешься,— сказал Милли ее отчим перед самым ее отбытием с Ганимеда.— Заведи себе друзей, чтобы тебе одиноко не было.

Конечно. Но как их тут себе завести, когда кругом такие эксцентрики?

Возможно, Милли и сама была не лучше. Отбывая в юпитерианскую точку Л-4 для работы в проекте «Аргус», она такого не ожидала, но предупреждение Ханны Краусс после пары первых недель ее работы в чем-то совпало с пожеланием ее отчима.

— Эта работа интересная и заманчивая, но одинокая,— сказала Ханна.— Попробуй завести себе друзей и найти какое-нибудь занятие помимо работы. Знаешь, какие профессиональные опасности у математиков, логиков и криптоаналитиков?

— Депрессии?

— Да, депрессии. Кроме того — безумие, паранойя и суицид. А изоляция еще больше увеличивает шансы.

Теперь, когда ты уже была здесь, тебя предупреждали. Милли изучила экран перед собой. Для обработки только что загруженной клетки имелось бесконечное разнообразие способов. Клетка появилась как длинная цепочка двоичных цифр — всего, что угодно, от миллиона до многих миллиардов единиц и нулей. Милли могла преобразовывать эту цепочку в любой числовой базе, вводить любую разбивку, искать там повторяющиеся звенья, представлять данные сгруппированными в двух- и трехмерные блоки, видоизменять результаты в полярной, цилиндрической или любой другой ортогональной системе координат, изучать преобразования Фурье и энергетические спектры результата, проводить перекрестную корреляцию любой отдельно взятой секции с другой, вычислять энтропию последовательности или модели, искать инварианты формы или размера, а также отображать любой из этих результатов или все вместе взятые на дисплее в широком разнообразии форматов. В первые же несколько дней Милли разработала свой собственный набор подобных процессов вместе со оболочкой операций, чтобы автоматически прогонять сразу весь цикл. Теперь ей оставалось только сидеть и наблюдать за результатами, позволяя своему воображению свободно порхать в поисках странностей или — в конце концов, надежда всегда оставалась — значимых образов.

Пока Милли работала, призрачные фигуры из прошлого проходили через ее сознание. Эти фигуры принадлежали ее героям и героиням. Был здесь Томас Янг, универсально одаренный англичанин девятнадцатого столетия, который с легкостью переходил от медицины к физике, а оттуда — к лингвистике. Он взялся за многоязычные надписи на Розеттском камне, чтобы выработать первый подход к расшифровке египетских иероглифов. Затем Янг, человек поистине энциклопедических знаний, бросил свою работу как «забаву для нескольких часов досуга». Был здесь и француз Жан Франсуа Шампольон, который закончил работу, начатую Янгом, и написал об этом книгу, так заворожившую семнадцатилетнюю Милли. А Шампольон в этом же самом возрасте стал полноправным профессором Гренобльского университета.

Через столетие после Шампольона тихая американка Элис Кобер, специалистка по классической литературе, начала терпели-

во разгадывать загадки критского языка. После ее ранней смерти эта работа была закончена Майклом Вентрисом и Джоном Чедвиком. Рядом с Чедвиком, в качестве его коллеги по английскому секретному учреждению военного времени, стояла загадочная и трагическая фигура Алана Тьюринга. Тьюринг, несмотря на его вечно мятую одежду, грязные ногти и небритую физиономию, был непревзойденным криптоаналитиком, а также крестным отцом всех тех компьютеров, что теперь окружали Милли. Жизнь его закончилась тем самым самоубийством, о котором Ханна Краусс предостерегала всех работников сферы криптоанализа. За спиной у Тьюринга, столетием раньше, стоял Чарльз Бэббидж, еще один крестный отец компьютеров, также прославленный криптоаналитик, который подобрал ключ к «нерешаемому» шифру Вигенере и всю жизнь шагал по тонкой черте между гениальностью и безумием.

Крестная мать конкретной сферы деятельности Милли, интерпретации сигналов со звезд, родилась через поколение после Тьюринга. Джоселин Белл, примерно тех же лет, что и теперь Милли, сидела одна одинешенька день за днем и ночь за ночью, изучая сигналы радиотелескопа, пока в один прекрасный день не наткнулась на любопытные повторяющиеся образы электронного шума, которые она назвала «очистками». Какое-то время Джоселин Белл и ее научный руководитель считали, что им удалось обнаружить именно то, что теперь так отчаянно жаждала увидеть Милли: искусственные сигналы из дальнего конца галактики, посланные разумными существами. Они даже — по крайней мере, приватно, если не публично — назвали их «объектами МЗЧ», где аббревиатура означала «маленьких зеленых человечков». Действительное открытие Джоселин Белл природных сигналов, посланных стремительно вращающимися нейтронными звездами, известными как пульсары, стало колоссальным сюрпризом и великим событием в истории астрофизики; однако в каком-то смысле оно также стало разочарованием.

Подобная ситуация, размышляла Милли, была одновременно и надеждой, и проклятием СЕТИ. Если ты и впрямь обнаруживала образ, слишком велики были шансы на то, что он окажется вовсе не тем, на что ты надеялась. Куда более вероятно было то, что ты случайно наткнулась на некое естественное явление. У природы имелась масса способов произвести сигнал с каким-либо повторяющимся образом. Почти все в космосе — планеты и спутники, звезды и галактики — вращалось, и каждый из этих объектов

имел свое собственное магнитное поле. Сочетание поля и вращения могло генерировать импульсы электромагнитной энергии, испускаемые в любом направлении и проходящие расстояния в тысячи миллионов световых лет. Новое открытие каждого подобного явления могло стать великим научным событием, но все-таки это было не послание от разумных инопланетян.

А если увиденное тобой не представляло собой природное явление, тогда это скорее всего было творение человеческих рук — искусственный сигнал, беспечно и неумышленно порожденный какой-либо человеческой деятельностью внутри Солнечной системы.

Как сейчас. На экране у Милли имелся энергетический спектр с хорошо очерченными пиками. Через равные промежутки времени какой-то источник генерировал энергетические импульсы, и это определенно напоминало некий сигнал. Сигнал этот также приходил с определенного расстояния в космосе.

Милли отступила на день раньше, чтобы изучить предыдущие данные с этого же направления. Образ исчез. Однако наблюдения производились во всех направлениях — на все четыре «пи» телесного угла вокруг станции. Милли запросила компьютеры на предмет поиска соответствия в расширяющемся конусе вокруг направления сигнала. Процедура заняла, быть может, секунд тридцать, и вскоре результат появился на экране: два почти идентичных энергетических спектра с промежутком в один день, направления которых расходились на угол в три градуса. Вывод: источник, чем бы он ни был, находился в пределах Солнечной системы. Никакой источник на межзвездных расстояниях не мог продвинуться по дуге на три градуса всего лишь за один день, если только он не летел по меньшей мере в сотню раз быстрее света.

Проклясть этот сигнал, вычеркнуть его, отметить в журнале и загрузить следующую клетку. Подобно всему, предоставляемому восемнадцати аналитикам, новая клетка была размечена компьютерами для специальной обработки. Однако в политику Джека Бестона вовсе не входило передавать аналитикам природу компьютерного отчета. Он настаивал, что подобная информация поощряет бездумное согласие, а также подавляет рождение свободных ассоциаций и распознавание образов.

Милли ввела в действие свой программный набор, желая посмотреть, что из этого может получиться. Но едва только цикл начал прогоняться, как она услышала у себя за спиной негромкое позвяки-

ванье. От этого позвякиванья Милли стало очень неловко. Она поняла, что у открытой дверцы в ее кабинку стоит Джек Бестон. Людоед двигался очень тихо, но имел привычку позвякивать чем-то у себя в кармане, то ли ключами, то ли монетками — так что ты не могла обвинить его в том, что он тайком к тебе подбирается.

Милли резко развернулась в кресле. Бестон стоял там, склонив голову набок и наблюдая за дисплеями. На его лице застыла полуулыбочка, а зеленые глаза были сощурены до узких щелок. Не говоря ни слова, Людоед вошел внутрь кабинки и встал, глазея на экран.

Неужели этого человека совсем никогда не воспитывали? Неудивительно, что все члены проекта «Аргус» были так невежливы, раз их вожак устанавливал правила поведения в этом месте.

— Кхе-кхе...— Милли покашляла, намеренно привлекая к себе внимание.— Я здесь пытаюсь работать, сэр. А вы меня отвлекаете. Я бы предпочла, чтобы вы ушли.— Она не вставила обычное «при всем уважении», но решила, что если он из-за этого ее уволит, то и черт с ним. Помимо всего прочего, Джек Бестон слишком напоминал Эли Блейнса, а сексуальный Эли отчасти являлся той причиной, почему Милли покинула Ганимед.

Если Бестон ее услышал, то никакого вида не подал. Его глаза по-прежнему были сосредоточены на экране, хотя этот дисплей никоим образом не мог быть для него понятен. Это был личный набор программных процедур Милли Ву, где вывод данных организовывался так, чтобы соответствовать особенностям ее восприятия.

Если Бестон этот вывод понимал, то на нем это опять-таки никак не отражалось. Он просто наблюдал за парадом результатов на экране — за трансформированными тысячью разных способов вводными данными.

— Это внутри Солнечной системы,— наконец сказал Людоед.— Хотя и очень далеко от эклиптики. Догадываюсь, что какие-то неотесанные лихачи в Египетском секторе вальсируют на высокой солнечной широте. Противозаконно, и их обязательно поймают, но эта публика никогда ничему не научится.— Он сверился с каким-то наручным устройством.— И это совсем недавно. Двое суток тому назад там ничего не было.

Бестон отвернулся от экрана, как будто внезапно потерял к нему всякий интерес, и продолжил:

— Вы очень славно работаете, Милли Ву. И при этом вы действительно знаете толк в деле.

Комплимента Милли не приняла и взорвалась:

— Откуда вы, черт побери, можете знать, о чем эти данные говорят? Анализ еще и наполовину не закончен.

— Опыт. Опыт и тысячи разочарований. Я всю свою взрослую жизнь над этим проработал. Порой мне кажется, я видел все, что только люди и галактики могут предложить. Кроме того, что мы ищем. Подлинного сигнала СЕТИ.

— Он там,— Милли терпеть не могла подобного пессимизма.— Он там, и мы его найдем.

— Очень мило с вашей стороны, Милли Ву,— теперь он наконец-то смотрел ей прямо в глаза.— Послушайте, я уже сказал вам, что вы славно работаете, но вы работаете слишком уж напряженно. У вас мешки под глазами. И по рукам тоже заметно. Вам нужен отдых. Как насчет того, чтобы сегодня вечером со мной пообедать?

Еще один комплимент, и какой! У Людоеда хватило ума сказать Милли, каким пугалом она выглядит. Хочет ли она немного отдохнуть? Конечно, хочет. Но над плечом у Милли висела Ханна со своим дружеским предупреждением: «Две главные страсти в его жизни — это поиск внеземного разума и обольщение новеньких сотрудниц. Ты, конечно, можешь запросто отказаться...»

— Спасибо, но я не думаю, что могу сегодня с вами пообедать. У меня слишком много работы.

Отказ Бестона ничуть не расстроил. Людоед стоял, держа одну руку в кармане и по-прежнему позвякивая не то ключами, не то монетками, а другую прикладывая ко лбу. С лица его не сходила полуулыбочка.

— Дело ваше. Но если вы все-таки передумаете, то я до шести у себя в квартире. Вы знаете, где она. Продолжайте славно работать, Милли Ву.

Какая же у этого человека чудовищная самонадеянность! Он предположил, что она знает, где его квартира. Милли, разумеется, это знала, поскольку Ханна обеспечила ей подробную экскурсию по станции. Но что за надменный мерзавец!

Милли вернулась к работе. Она вся дрожала, а в голове у нее помутилось. Ей непременно требовалось перекусить. Ладно, еще пара клеток, а потом она возьмет передышку. На экране появлялись окончательные результаты последней клетки, и вся дьявольщина была в том, что Джек Бестон оказался абсолютно прав. Какой-то корабль кувыркался в Египетском секторе, далеко от

эклиптики, имея не больше понятия о радиомолчании, чем межпланетная девочка по вызову. Окончательное свидетельство никаких сомнений не оставляло. Но как Джек Бестон, имея всего лишь несколько клочков информации, об этом узнал?

Опыт, сказал он. Что ж, судя по слухам, опыта у него было предостаточно, причем не только в одной области. Распутный подонок. «Лучше бы я на Ганимеде осталась»,— с горечью подумала Милли.

Она всегда гордилась своей способностью сосредоточиваться, но сейчас возвращение к работе потребовало от Милли всей ее силы воли.

Следующая клетка оказалась очень простой. Наверняка компьютер уже ее раскусил. Датчики СЕТИ зафиксировали сигнал от судна, находящегося в транзите от Дионы к Гипериону. Все ключи были налицо — орбита, близкая к эклиптике, движущийся источник, стандартные частоты. В подобных случаях Милли всегда задумывалась, в какой конкретно мере можно полагаться на программы первичного отсева. Возможно, это была та самая сфера, куда Джеку Бестону можно было посоветовать приложить немного усилий. Пусть даже Людоед вряд ли бы прислушался.

Милли загрузила данные следующей клетки. Все, последняя, а потом чего-нибудь перекусить. Эта клетка выглядела совсем по-другому — настолько странно, что Милли прогнала всю оболочку стандартных программ, но так и пришла к пониманию причины, почему она прошла как аномалия. Доказательства накапливались медленно, и все они были непрямые. Во-первых, источник опять находился далеко от эклиптики, однако на сей раз его и близко не было к Египетскому сектору. Это сразу же в сотни раз снижало вероятность принятия случайных судовых сигналов. Частота и тип импульса были в равной мере необычны. Вместо того, чтобы находиться в «водяной дыре» между эмиссиями нейтрального водорода и гидроксильного аниона, этот сигнал забирался в зону головокружительно высоких нейтринных энергий, где вероятность резонансного захвата была соответственно высокой. Проблема заключалась в том, что никакой генератор, созданный руками человека, не мог выпалить модулированный пучок нейтрино на таких энергиях.

Там определенно что-то было. Вопрос теперь звучал так: послание или мираж? Вселенная вполне способна была производить энергии, настолько далеко выходящие за пределы всяких челове-

ческих возможностей, что даже механизмы порой все это долго между собой обсуждали.

Забросив все мысли о еде, Милли взялась за работу с еще большим рвением, чем когда-либо раньше. Существовала аксиома СЕТИ: что бы ты, как тебе кажется, ни обнаружила, ты не обнаружила ничего. Вернись, еще раз взгляни на данные и посмотри, где ты допустила ошибку.

Милли преобразовывала, инвертировала, стирала, усиливала и производила перекрестные корреляции, пока голова у нее совсем кругом не пошла. Похоже, источник находился за пределами Солнечной системы, хотя там имелся слишком неадекватный параллакс от недавнего движения, чтобы установить, насколько далеко за пределами. В сигнале также присутствовали повторяющиеся последовательности. Одна из них, переведенная из потока одномерных вводных данных в двухмерный массив с использованием продукта из простых чисел, демонстрировала любопытный образ из единиц и нулей, который намекал на форму круга. Отклонения были так ничтожны, что выглядели как ошибка дискретизации сигнала. Милли не могла представить себе никакого естественного процесса, который привел бы к подобному результату. А к воображаемому кругу вдобавок крепились некие волокна, цепочки двоичных цифр, недвусмысленно намекавшие на собственную внутреннюю структуру.

Было уже близко к полуночи, когда Милли наконец сдалась. Она не могла извлечь смысл из увиденного; или, точнее, она могла извлечь оттуда только один-единственный смысл. А все ее инстинкты и исторические познания подсказывали, что такой ответ слишком хорош, чтобы оказаться правдой.

Что теперь? Следовало Милли немедленно предпринять что-либо со своей находкой или лучше было оставить все это дело повариться в мозгу и бросить еще один взгляд завтра утром, когда она будет посвежее?

Вся история СЕТИ так и топорщилась всплесками восторга, за которыми через несколько часов или дней следовали рытвины разочарования, когда сигнал не повторялся, когда его источник обнаруживался в пределах Солнечной системы или когда ему находилось какое-либо естественное объяснение. Это было известно как «эффект ух-ты», названный в честь знаменитого инцидента, случившегося в первые десятилетия работы СЕТИ, когда впечатляющая, но мимолетная аномалия была увидена лишь раз — и больше никогда.

Наконец Милли убедили слова самого Джека Бестона, произнесенные им на одном из еженедельных отчетных собраний. Он тогда выдал предупреждение:

— Мы здесь функционируем в классическом режиме «поспешай медленно». Я десять лет работаю в проекте «Аргус». И я ожидаю, что буду работать здесь еще десять, двадцать, тридцать, сорок лет — возможно, до тех пор, пока меня отсюда вперед ногами не вытащат. Но не позволяйте себе из-за этого впасть в заблуждение, будто все наши находки не представляют собой нечто абсолютно неотложное. В этой игре нет приза тому, кто придет вторым. Если вы считаете, что выполняете славную работенку, можете быть уверены, что кто-то в проекте «Цербер» час за часом вкалывает не хуже. Там компетентная группа, хорошо финансируемая и прекрасно организованная.

В этих словах прозвучало уважение к Филипу Бестону. Так Милли впервые услышала, как Джек положительно высказывается об Ублюдке.

— Только не заявляйтесь ко мне с каждой недоношенной идеей или подозрением,— продолжил тогда Джек.— Проверяйте это дело семь раз справа налево, потом семь раз слева направо. Но если оттуда по-прежнему что-то торчит — а в большинстве случаев торчать не будет, я вас уверяю — тогда несите его ко мне и только ко мне. Неважно, чем я занят, день это или ночь, сплю я или бодрствую, принимаю душ или сижу на унитазе, сразу же до меня добирайтесь.

Сразу же.

Милли зафиксировала свои результаты в их конечной форме и вышла из кабинки. У нее хватило ума запереть за собой дверцу. Если остальные на станции «Аргус» узнают, как далеко она собралась зайти, она станет посмешищем.

Коридоры станции были тихи и едва освещены. Расход энергии снижался на то время, которое в рабочем соглашении именовалось «периодом сна». Приблизившись к месту своего назначения, Милли сбавила ход. Она чувствовала, что в скором времени ей предстоит выглядеть полной дурой если не для всей станции, то как минимум для одной персоны.

Постучав в дверь, Милли ее открыла. Джек Бестон был у себя, и он не спал. В майке и семейных трусах, которые наглядно демонстрировали всю его худобу, Людоед с прямой спиной сидел за небольшим столом и глазел на большой лист бумаги, где, похоже, сплошь

были математические символы. Потревоженный приходом Милли, он поднял голову. И его раздраженный взгляд тут же сменился улыбкой.

— Вот так сюрприз. Для обеда уже слишком поздно, но даже в такой час найдутся другие развлечения. Почему бы нам не...

— Я хочу, чтобы вы пошли со мной. Вы должны кое на что посмотреть.

Хоть Джек Бестон и был людоед, но все-таки не дурак. Уловив нерв в голосе Милли, он тут же встал.

— Ведите.

«В трусах и в майке? — подумала Милли.— Без обуви?»

— Кажется, я что-то нашла,— сказала она.— Если я правильно все понимаю...

— Стоп. Я сказал «ведите», а не «объясняйте». Первое правило СЕТИ — не давить на свидетеля. Покажите мне, что у вас есть. Но не надо об этом говорить.

Слава Богу, Людоед воспринял ее всерьез. В его тоне не было ни намека на насмешку или поддразнивание. Милли торопливо устремилась назад по тихим коридорам, активно используя руки и ноги, чтобы увеличить свою скорость в условиях низкой гравитации станции «Аргус». У себя за спиной она чувствовала Джека — возможно, скептически настроенного, но тем не менее охваченного явным нетерпением.

— Вот,— открыв дверцу в свою кабинку и готовясь показать дисплей, Милли решила, что по крайней мере одно слово ей позволено. Джек кивнул, протолкнулся мимо нее — и закрыл дверцу, прежде чем Милли успела за ним последовать.

Что ей, интересно, предполагалось делать теперь? Кипя гневом и разочарованием, Милли стояла и ждала. Людоед не знал, как прогонять разработанный ею набор программ. Он понятия не имел, какие тесты она выполняла. Ему и в голову не могло прийти, какое именно сочетание факторов заставило Милли предположить, что перед ней оказался сигнал искусственного происхождения, посланный в Солнечную систему извне. Так чем же, дьявол его побери, он там занимался?

Сверкая усталыми глазами и урча пустым животом, Милли продолжала ждать. Она так ничего и не поела с тех пор, как различила первый намек на аномалию, а это было еще днем. Ее последней трапезой стал легкий завтрак. Ничего удивительного, что она чувствовала голод и головокружение.

Сколько ей еще предполагалось стоять тут и ничего не делать? Черт с ним, в конце концов, с Людоедом — это же ее аномалия. Милли взялась за ручку, открыла дверцу и вошла в кабинку. Джек Бестон неподвижно сидел перед дисплеем. Результаты, которые Милли там оставила, исчезли. На их месте был непостижимый образ — не цифры или таблицы, а какие-то цветные завитки.

Услышав, как дверца открывается, Людоед повернулся. Милли, ожидая ругани, твердо решила стоять на своем. Затем она увидела его лицо. Впервые со времени их знакомства зеленые глаза были широко раскрыты, причем смотрели они сквозь нее и куда-то вдаль.

— Ну что? — вопрос прозвучал еще слабее и нервознее, чем Милли себя чувствовала.

Постепенно глаза Людоеда сфокусировались на ее лице. Затем он кивнул.

— Очень может быть. Результаты моих собственных тестов... не лишены интереса. Возможно, мы что-то нашли.— Тут он нахмурился.— Пусть заслуга достается тому, кому она принадлежит. Возможно, *вы* что-то нашли. Но не слишком обольщайтесь. Я оцениваю шансы в один процент. Я уже и раньше бывал так близко, более дюжины раз, но это никогда не оправдывало надежд. Сигнал, похоже, пришел из-за пределов Солнечной системы, но для оценки расстояния нам нужна предыстория и параллакс. Вы провели исторический поиск?

— Частично. Я заглянула на три месяца назад и никаких следов этого сигнала не нашла.

Милли понимала всю важность вопроса. Многочисленные приемники на станции «Аргус» могли засечь то направление в космосе, с которого приходил сигнал, и если направление это стремительно менялось, то источник должен был находиться внутри Солнечной системы. Однако, медленное передвижение источника не служило достаточным доказательством того, что он находится за ее пределами. Для определения расстояния до объекта, расположенного во многих световых годах отсюда, требовалось взглянуть на него с двух направлений. Это подразумевало по меньшей мере два различных наблюдения, сделанных из двух космических точек, достаточно далеко отстоящих друг от друга, чтобы обеспечить адекватный параллакс. Движение самой станции «Аргус», пока она шла по орбите в одной плоскости с Юпитером, должно было в конечном итоге обеспечить нужное расстояние. Однако один полный оборот

станции вокруг Солнца, как и один оборот самого Юпитера, занимал целых двенадцать лет.

Милли почувствовала, как ее настроение портится. Три стадии СЕТИ она знала не хуже любого другого члена проекта: Р-П-И — Регистрация, Подтверждение, Интерпретация. Пока что она, в лучшем случае, выполнила первую стадию. Означало ли это, что им придется ждать долгие годы, чтобы получить достаточно длинную базисную линию для подтверждения того, что сигнал действительно приходит с межзвездного расстояния?

Лицо Джека выдавало любопытную смесь эмоций. Он старался вести себя непринужденно, однако Милли ясно видела его колоссальное возбуждение. Через несколько мгновений он проронил:

— Проклятье!..— а затем продолжил.— Сегодня ночью мы никому ничего не скажем. Завтра мы покажем все это дело аналитической группе второго уровня,— Милли понятия не имела, что еще за зверь эта аналитическая группа второго уровня,— и посмотрим, что они решат.

— А потом? — спросила Милли.— Долгое ожидание адекватной базисной линии...

— А потом...— Джек встал.— А потом, если мы все согласимся по поводу вероятной регистрации, у нас выбора не останется. Нам с вами придется отправиться в путешествие.

— На Ганимед? — в голове у Милли было смутное понятие об установлении их приоритета — ее приоритета? — обеспечении доказательства того, что станция «Аргус» первой обнаружила сигнал со звезд. Но разве подобную заявку нельзя было сделать, просто послав сигнал? Она снова спросила: — Разве нам действительно нужно отправляться на Ганимед?

Джек мотал головой.

— Никакого Ганимеда. Если только все это дело не лопнет, когда мы взглянем поближе, завтра же мы отправимся на станцию «Цербер» в юпитерианской точке Л-5.— Он одарил Милли хмурой улыбкой.— Где вам выпадет счастье познакомиться с Ублюдком.

7

В невесомости попросту невозможно беспокойно расхаживать взад-вперед. А то бы Янина непременно расхаживала. Она находилась одна в двадцатиметровой прихожей медицинского центра

на большой орбитальной платформе, где ей нечего было больше делать, кроме как тревожиться и ждать.

Медицинский центр был предназначен для лечения доставленных туда людей с любыми космическими недугами от пищевого отравления до последствий острого кислородного голодания и отеков мозга, вызванных слишком низким давлением или взрывной декомпрессией. Сегодня, однако, никаких жертв несчастных случаев здесь не было. Центр проводил рутинные медицинские осмотры — Янины и Себастьяна, а также пары десятков других людей, что готовились к высокоскоростному космическому перелету от Земли до Ганимеда.

Медицинский осмотр Янины таковым почти и не оказался. Батарея механизмов пощелкала и позвякала в ее сторону, пока она перед ними стояла. Все это заняло минут десять. Дальше была пилюля. Круглая, примерно с ноготь большого пальца. Яна только с третьей попытки ее проглотила. Но даже тогда ей потребовалась поддержка в виде солидного глотка воды.

Сотрудник центра, приветливый светловолосый мужчина, чье хрупкое телосложение предполагало, что он проводил большую часть времени в окружающей среде с микрогравитацией, извинился и пояснил:

— Раньше ПН бывал намного меньше.

— ПН?

— Перистальтический Наблюдатель. Эта пилюля. Раньше она бывала не больше горошины, но недавно туда вставили новый блок датчиков для отслеживания печеночных ферментов и проведения химического анализа крови в реальном времени. Я пожаловался на размер, и через месяц мне пообещали примерно половинную версию. А пока что...

А пока что перистальтика Янины исправно транспортировала пилюлю с ее солидным набором датчиков по всей длине пищеварительного тракта. Завтра ПН будет естественным образом выделена, содержа в себе полную запись (включая цветные изображения) каждого сантиметра поверхности от глотки Яны до ее заднего прохода.

Даже с изрядного размера пилюлей медицинский осмотр оказался куда быстрее и проще, чем Яна ожидала. На все потребовалось менее получаса. То же самое и у всех остальных. Они уже давно вышли из медицинского центра и отправились в свои номера готовиться к полету.

У всех, кроме Себастьяна. Он вошел в медицинский центр одновременно с Яниной, два с половиной часа тому назад. И до сих пор, насколько она понимала, оттуда не вышел.

Куда он делся? Быть может, ей следовало вернуться в свой номер и подождать там? Но тогда она точно так же ждала бы и тревожилась. Наконец она снова прошла в задвижную дверь, откуда она до этого вышла. На двери имелась табличка ВХОДА НЕТ, но она была не заперта.

Светловолосый техник, который проводил осмотр Яны, стоял над чем-то вроде центрифуги, вглядываясь в бинокулярный микроскоп. Когда дверь за Яной закрылась, он поднял взгляд и сказал:

— На осмотр вам надо пройти в... а, это вы! — он широко ей улыбнулся.— Вы все это время здесь ждали? Извините, но я подумал, вы знаете, что на сегодня все закончено. Приходите завтра, чтобы мы смогли извлечь ПН, если он не выйдет естественным образом.

— Дело не во мне. Я беспокоюсь о другом человеке, который вошел сюда вместе со мной и до сих пор не вышел.

— Он ваш...

— Он мой близкий друг. Мы летим вместе.

— Извините, но если он вам не супруг и не родственник, мы не вправе разглашать медицинскую информацию.

— Я просто хочу убедиться, что там нет никаких проблем.

Сотрудник посмотрел на Яну, поколебался, затем сказал:

— А, ладно. Знаете, как говорят — правила создаются только за тем, чтобы их нарушали. Подождите минутку.

— Очень вам благодарна.

— Только не ходите за мной, а то мне потом действительно нагорит.

Он исчез за другой дверью, также с табличкой ВХОДА НЕТ. Яна снова осталась ждать, но ненадолго. Светловолосый мужчина вернулся вместе с женщиной в синей форме.

— Меня зовут Криста Мэтлофф,— сказала женщина.— Я директор этого учреждения. Фриц говорит, вы близкая подруга мистера Себастьяна Берча.

— Да. С ним все хорошо?

— Насколько мы можем судить, с ним все хорошо, но мы по-прежнему его осматриваем. Как давно вы знаете мистера Берча?

— Почти всю жизнь.

— Отлично. У вас есть несколько минут?

— У меня есть столько минут, сколько вам нужно.

— Замечательно. Тогда будьте любезны пройти со мной,— Криста Мэтлофф направилась к двери с табличкой ВХОДА НЕТ. Яна последовала за ней, недоумевая, зачем тут поразвесили такие таблички, если никто на них даже внимания не обращает. Она ожидала вскоре увидеть Себастьяна, но сразу же за дверью директор медицинского центра повернула налево и вошла в кабинет, на стенах которого красовалась странная смесь довоенных произведений искусства и цветных диаграмм с деталями человеческой анатомии. Там она жестом предложила Янине сесть.

— Позвольте мне повторить уже сказанное. С мистером Берчем все хорошо. Собственно говоря, если только ПН не обнаружит каких-то проблем, я бы сказала, что у него отменное здоровье.

— Но мы вошли сюда еще утром. И со мной уже давным-давно все закончили.

— Да, разумеется. Обычно осмотр занимает менее получаса. Однако, в случае мистера Берча мы обнаружили кое-какие странности. Нет-нет, не болезнь, могу вас в этом заверить. Но там что-то такое есть. Именно поэтому я хочу расспросить вас о происхождении мистера Берча. Где вы впервые с ним встретились и как часто с тех пор виделись?

«Что-то, но не болезнь,— подумала Яна.— Тогда что? Быть может, что-то, имеющее отношение к способности Себастьяна представлять себе облачные системы, которые еще не возникли?»

Криста Мэтлофф казалась человеком предельно практичным, который не станет ничего выяснять просто ради интереса. Яна как могла постаралась дать сжатый, но достаточно полный ответ. Впрочем, она подозревала, что этого будет недостаточно.

Яна и Себастьян, скорее всего, не были одного возраста, но в каком-то смысле родились в один день. До первого воспоминания Яны должно было пройти еще два-три года. Но жизнь для нее теперь начиналась с низко летящего самолета, где какая-то темнокожая женщина обнимала ее, гладила ей волосы и говорила, что все будет хорошо. С другого бока к женщине прижимался Себастьян.

Самолет опускался широкими, медленными кругами. Глазея из окна, Яна видела темную обугленную землю и безмятежную вод-

ную гладь. Однажды она заприметила что-то движущееся и разглядела бурую фигуру с белыми пятнами, которая быстро скользила к покатому земляному холмику. Самолет дал крен, Яна увидела вспышку пламени, и пятнистый объект исчез. На месте существа осталось лишь его темное очертание. Женщина притянула Яну поближе. Затем она сказала — то ли Яне, то ли кому-то другому в самолете:

— Еще одна проклятая тератома. Сколько же их там всего?

Тератома. Тогда это слово ничего Яне не говорило. Только годы спустя она узнала значение этого термина и поняла, что в то время происходило. Спасший Яну и Себастьяна самолет базировался в Гусвике, что на острове Южная Георгия. Пролетев многие тысячи километров за экватор от 55 градусов южной широты, он принял участие в первом послевоенном обследовании Северного полушария Земли. В Южном полушарии никто в то время не ожидал обнаружить по ту сторону экватора живых людей. Кого там боялись и кого желали найти, так это тератом — генетически модифицированных чудовищ, созданных на Поясе и рассеянных по Земле кораблями Пояса в последние дни Великой войны. Всех обнаруженных тератом разведывательный самолет должен был уничтожать.

Чудовищ находили и убивали тысячами. А также находили и спасали очень немногих людей. Взрослым всю память оставляли. Но маленьких детей, найденных в одиночестве, немедленно обрабатывали, уничтожая все их предыдущие воспоминания.

Эта операция проделывалась как акт милосердия. Месяцы, предшествовавшие спасению, сплошь состояли из ужаса и убийственных атак с небес. За атаками следовала мучительная смерть родителей, братьев и сестер от питья отравленной воды или лютого голода, а порой от каннибализма. Прежде чем стереть их воспоминания, женщина в самолете узнала у Яны и Себастьяна их имена. Записав имена на специальные бирки, она прикрепила эти барки им на запястья, после чего распылила им на виски немного состава «Лета».

Имена стали всем, что дети сохранили от прошлого. По прибытии в лагерь для перемещенных лиц под Гусвиком они были зарегистрированы там как Янина Яннекс и Себастьян Берч. Прошел целый месяц, прежде чем они стали на эти имена откликаться.

— После этого мы проводили вместе почти все время.— Вспоминая период спасения и нового рождения, Яна ощущала неприятный озноб. Сущим облегчением стал переход к нормальным дням учебы в школе, тренировок и планирования будущего. В последнем она всегда играла ведущую роль. Казалось, Себастьян был рад просто сидеть и мечтать. Если он и соглашался с планами Яны, то только потому, что она долго уговаривала его и подталкивала.

— И никаких периодов друг без друга? — до этого Криста Мэтлофф прислушивалась в сочувственном молчании.— То, что вы описали, произошло тридцать лет тому назад. Неужели у вас с тех пор не было никакой индивидуальной подготовки или разных школ? Скажем, художественных курсов, которые он прошел, а вы нет?

— Ничего такого,— последнее замечание Кристы Мэтлофф прозвучало так, как будто к этому имели отношения облачные рисунки Себастьяна. Яна проговорила добрую четверть часа, а его по-прежнему не было ни слуху, ни духу.— Если вы считаете, что он мог подхватить какую-то болезнь, то я уверена, что тоже бы ею заразилась.

На самом деле Яна задавала вопрос, и Кристе Мэтлофф хватило ума это понять.

— Это не болезнь. Буду с вами до конца честной и скажу, что мы сами не знаем, что это. Не хочу, чтобы вы подумали, будто мы делаем большую тайну из ничего. Идемте, я вам покажу.

Она провела Яну обратно тем же путем, которым они пришли, а затем еще через одну дверь с табличкой ВХОДА НЕТ в комнату, полную электронных томографов КОТ и ПЕС, квантовых интерферометров КИТ и тому подобного. Все приборы окружало множество мониторов. К своему великому облегчению в дальнем конце комнаты Яна узрела Себастьяна. Он был одет и, что весьма характерно, абсолютно спокоен. Заметив Яну, Себастьян небрежно ей помахал.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — сразу же спросила она.

Себастьян нахмурился.

— Хорошо? Угу. Проголодался — только и всего. Мы закончили?

Свой вопрос он адресовал мужчине в синей форме, который занимался тонкой подстройкой изображения на мониторе.

— Насколько смогли, закончили,— мужчина повернулся к Кристе Мэтлофф.— Мы просканировали, проанализировали, записали и разметили. Что дальше?

— Вы провели поиск?

— Давным-давно. Могу показать вам структуры и заверить, что в банках данных ничего подобного нет.

— Вы обыскали весь Невод?

— Нет. На это требуется специальное разрешение, а я не думаю, что мне это необходимо,— мужчина повернулся к Себастьяну.— Вы говорите, что никогда раньше вне Земли не бывали?

— Не-а, не бывал.

— Так что если это где-то есть, оно должно быть в земных банках данных. Хотите, чтобы я все-таки провел полномасштабный поиск в Неводе?

— Нет, пока что не стоит,— Криста Мэтлофф подошла к монитору.— Давайте-ка еще раз на это посмотрим.

«На это,— подумала Яна.— Они все время говорят «это», но что это такое?» Не дожидаясь приглашения, Яна последовала за директором медицинского центра. Себастьян, еще беспечнее, чем когда-либо, тоже протопал вперед и пристроил свое круглое как луна лицо поближе к дисплею.

— Там что-то такое в лейкоцитах,— сказал мужчина.— Увеличение здесь в сотню тысяч раз. Видите маленькую круглую структуру, такой крошечный узелок среди других органоидов? Их там несколько штук на сотню лейкоцитов.

На экране демонстрировался единственный неровный овал. Внутри него, ближе к стенке клетки, были ясно различимы два темных сферических объекта.

Несколько секунд Криста Мэтлофф молча на все это глядела.

— А в других типах клеток?

— Ничего не нашел.

— Вы проводили проверку на РНК и ДНК?

— Разумеется. Никаких признаков ни той, ни другой. Еще один повод считать эти узелки неживыми. Мы не имеем дело с чем-то бактериальным или вирусным. Нет также никаких признаков их взаимодействия с остальной частью клетки. Они просто там находятся — и все.

— А что дал химический анализ?

— Опять-таки еще одну причину считать их неживыми. Конечные результаты показали присутствие восьми элементов: водорода, азота, кислорода, магния, кремния, калия, марганца и цинка. Но ни малейшего следа сами знаете чего.

— Углерода?

— Совершенно верно. Эти узелки неорганические.

— Тогда что же они такое? — Криста Мэтлофф адресовала свой вопрос всем, но было очевидно, что ответа она не ждет.

— Без понятия,— мужчина в синей форме пожал плечами.— Но мы взяли массу проб и будем продолжать их изучать. Могу сказать одно: ничто из того, что я увидел, нельзя классифицировать как переносчика болезни. Мой долг — убедиться в том, что мы не посылаем опасного патогена во Внешнюю систему. И, соответственно, мы должны подтвердить, что мистер Берч находится в добром здравии. Это действительно так. Учитывая его возраст в тридцать пять лет, здоровье у него просто замечательное. И при этом он говорит, что никогда не занимается физическими упражнениями. Насколько я понимаю, доктор Мэтлофф, он может быть допущен к полету.

— Рада об этом слышать. Вальния Блум никогда бы мне не простила, если бы я запретила ему лететь. Ей не терпится его заполучить. Но я терпеть не могу оставлять висящие в воздухе вопросы,— она повернулась к Себастьяну.— Мистер Берч, есть что-то предельно странное внутри ваших лейкоцитов, и сканирование также очень необычно... кстати говоря, вы знали, что у вас возможна переменная скорость перемещения медиатора?

— Понятия не имел. А что это такое? Это хорошо или плохо?

— Не хорошо и не плохо. Вы когда-нибудь испытывали необъяснимые приступы резкой усталости или безумной злобы?

Яна рассмеялась.

— Себастьян никогда ни на что не злится. Вообще никогда.

— Тогда я не стала бы тревожиться на счет переменных медиаторных скоростей, раз они не причиняют никакого вреда. Разумеется, мы включим все это в официальный отчет. Тем временем, ничто не мешает вам отсюда отбыть.

— Из лаборатории?

— Из системы Земля-Луна,— Криста Мэтлофф развернулась, чтобы включить в разговор и Яну, и Себастьяна.— Мои поздравления вам обоим. Очень скоро вы уже будете на пути к Ганимеду. А затем вы, как я понимаю, направитесь к Сатурну.

8

Еще пять минут, и Алекс должен будет уехать. Ему приходилось отправляться в дорогу, однако волнение заставляло его со-

мневаться, сможет ли он все это выдержать. Ноги, обутые в неудобные парадные ботинки, словно вросли в пол. Полностью одетый, Алекс уже больше двух часов здесь простоял.

Ну наконец-то! Наконец-то его программы стали способны задействовать всю мощь Невода, и разница между этим прогоном и предыдущими показалась Алексу колоссальной. Если бы он только мог остаться до завершения первого прогона...

Стремительно бегущие часы показывали 2136 год — через три десятилетия после той точки, в которой все предыдущие усилия дегенерировали до бессмысленной перегрузки и слишком больших экспонент. Теперь же Алекс наблюдал на дисплеях идущую наружу волну, пока человечество все быстрей и быстрей распространялось по Солнечной системе. Общая численность населения уже достигла десяти миллиардов. Движение «Наружу» вовсю занималось главными спутниками Урана и твердой ногой встало на Тритоне, гигантском спутнике Нептуна. Пилотируемая экспедиция была на пути к внутреннему краю облака Оорта. В пути находился уже седьмой беспилотный межзвездный корабль. А пилотируемый межзвездный корабль лежал на чертежных досках.

Алекс также мог «распахнуть» модель, чтобы в больших подробностях изучить предсказание для любой выбранной точки; в таких подробностях, чтобы исследовать действия каждого отдельного элемента программы. А элемент этот являлся персоной или, по крайней мере, Факсом персоны. И Факс можно было выбирать какой угодно — от грубого первого уровня до пятого, самого сложного.

Последние цифры менялись слишком быстро, чтобы предстать чем-то помимо смутного пятна. Предсказание уже продвинулось до 2140 года. Все параметры показывали только упорядоченную перемену, без всяких резких скачков или бесконтрольного роста. Алекс установил прогон на целое столетие вперед. Еще час — или даже полчаса... Тут он вдруг понял, что у него под боком стоит Кейт. Тридцать секунд назад ее определенно там не было. Алексу захотелось повернуться и крепко ее обнять. Именно Кейт всю дорогу спорила и доказывала, уламывала и улещала, пока полный ресурс Невода не стал доступен для компьютерных моделей Алекса. Сейчас был в равной же мере и ее момент торжества. Они должны были разделить этот восторг.

Однако Алексу хватило ума не тронуть Кейт даже мизинцем. Она бы скорее всего этот мизинец откусила. Кейт была его начальницей,

а потому у них не оставалось иного выбора, кроме как работать вместе — даже после того, как Алекс сообщил ей о своем согласии встретиться с Люси-Марией Мобилиус. Это было совершенно необходимо, указал он, из-за «нажима семьи». Кейт тогда лишь кивнула, но с тех пор все их отношения строились на холодной и сугубо профессиональной основе. Алекс даже не мог вспомнить, чтобы они хоть раз друг до друга дотронулись. Что же до того, чтобы вместе спать...

Краем глаза он видел, что Кейт неодобрительно оглядывает его с ног до головы. Алекс полностью с ней соглашался. Против своей воли он носил одежду столь неудобную и немодную.

Но Проспер и Каролюс Лигоны четко изложили правила.

— На сей счет, Алекс, нет никаких письменных предписаний. Но именно этого от тебя будут ожидать. Мы понимаем, что на данный момент нет никакого соглашения ни с нашей стороны, ни со стороны Мобилиуса. Однако твоя встреча с его дочерью Люси-Марией является первым свиданием потенциальных наследников двух богатейших семей Солнечной системы. Стало быть, тебе следует одеться в полном соответствии с традицией. Мы, разумеется, имеем в виду традицию Лигонов.

Традиция Лигонов тянулась в прошлое на два с лишним столетия. Вот почему Алекс, который обычно работал в обвисшем свитере и куда чаще, чем в какой-либо обуви, ходил на босу ногу, теперь стоял облаченным в крахмальный снежно-белый костюм, канареечно-желтую рубашку, украшенную драгоценными рубиновыми пуговицами, а также обутым в древние ботинки бело-желтых тонов. Ботинки были на размер меньше и мяли ему пальцы. В муках натягивая эти штуковины себе на ноги, Алекс размышлял о традиции Мобилиуса. И если по стандартам Лигонов Мобилиус считался «выскочкой» и «шарлатаном», то существовало ли вообще что-то подобное? Какое платье будет на Люси-Марии?

Полный отвращения взгляд Кейт говорил обо всем. Однако она позволила себе лишь одно-единственное замечание:

— Там твоя матушка. Не думаю, что тебе следует заставлять ее ждать.

Внутренние часы модели достигли 2143 года. Вскоре они доберутся до отметки в полстолетия.

— Ты будешь за этим прогоном следить?

— Я с самого начала внимательно за ним наблюдала. Не беспокойся, Алекс. Этот прогон я своим вниманием не обделю.

В голосе Кейт не слышалось никакого энтузиазма, никакого ожидания того, что этот прогон может стать историческим событием в сфере предсказательного моделирования. Алекс резко развернулся и, отчаянно скрипя ботинками, потопал на выход.

Лена Лигон действительно его ждала, но на лице у нее выражалось скорее любопытство, нежели нетерпение.

— Выходит, ты и впрямь здесь работаешь. В этой конторе.

— Да, матушка. А что? Что-то не так?

— Нет-нет, ничего. Если эта работа тебе в радость...— взгляд ее вобрал в себя и отверг металлические стены, резкий свет и изношенный кафельный пол.— А это, значит, была знаменитая Кейт Лонакер. Она выше ростом и приятней на вид, чем можно было бы предположить по видео. Интересно, все ли это естественное и без всяких модификаций?

На самом деле это был не вопрос. Алекс молчал, позволяя Лене Лигон вести его по лабиринту внутренних тоннелей Ганимеда. Затем они сели в лифт, который стремительно поднялся на четыреста километров с лишним. К тому времени, как они добрались до нужного уровня, эффективная гравитация заметно увеличилась.

Алекс было заключил, что его матушка отвергла тему Кейт как недостойную дальнейшего обсуждения. Но Лена внезапно сказала:

— А она о тебе говорит совсем не в типичном стиле «начальник-подчиненный».

— В самом деле?

— Да. Я почувствовала, что она на тебя за что-то злится. По-моему, она слишком много о себе возомнила.

— Ради этой встречи мне пришлось уйти в самой середине важнейшего компьютерного прогона моей предсказательной модели.

— Эта встреча намного важнее. Так или иначе, здесь не просто гнев начальницы на подчиненного. Что-то более личное.— Матушка Алекса бросила на него быстрый взгляд ясных серых глаз, так и лучащихся здоровьем.— Не занимаетесь ли вы здесь тем, что теперь известно как встреча на орбите? Проще говоря, вы не трахаетесь?

— Нет.— На данный момент этот ответ можно было считать правдивым. К счастью, Лена не стала устраивать Алексу более детального расспроса.

— Ладно,— сказала она.— Так держать. Одна из твоих проблем, Алекс, заключается в том, что ты не понимаешь всего размера

пропасти между тобой и всеми Кейт Лонакер этого мира. Еще со времен твоего покойного двоюродного дедушки Санфорда, мы, Лигоны, придерживались строгой процедуры отбора для деторождения. Генетический материал для спаривания, привнесенный в нашу семью извне, происходит не от одного индивида, а представляет собой продукт тщательнейшего хромосомного синтеза с использованием материала от нескольких доноров. Я почти уверена, что Кейт Лонакер представляет собой продукт некого беспорядочного скрещивания, в котором участвовал только один отец. Для нее и подобных ей женщин — самок без семьи, родословной, собственности и перспектив — ты представляешь собой добычу почти невообразимой ценности. И ей даже не потребуется какие-либо обещания у тебя вымогать. Она попросту сможет обманом заставить тебя проигнорировать все необходимые предосторожности, после чего станет беременной твоим ребенком с твоего ведома или без... кстати говоря, я полагаю, ты остаешься на долгосрочной профилактике? Есть, в конце концов, и такая вещь, как верность семейной традиции.

Алекс ощутил краткую неловкость. В самом начале он спросил Кейт, способна ли она к зачатию, и та ответила, что на данный момент предпочитает таковой не быть. Алекс тогда слепо ей поверил. Верил он ей и до сих пор, а потому больше об этом не спрашивал.

Впрочем, самой сильной его эмоцией в тот момент оказалось возмущение лицемерием его матери. Как она смела читать ему лекции о семейной традиции, когда ее собственное решение стать симбионтом, подобно такому же решению двоюродной бабушки Агаты и кузины Юлианы, было принято совершенно безотносительно к нуждам семьи? Помимо здоровья и защиты почти от всех болезней, симбионтность также обеспечивала необратимую стерильность. Отставая на шаг от Лены Лигон, Алекс внимательно изучал ее стройную фигуру. Она сделала свой выбор и теперь обладала внешностью и энергией двадцатилетней девушки в сочетании с солидным либидо.

Кроме того, в неком специфическом смысле, по поводу которого Алекс страшно нервничал, но который саму Лену Лигон явно никак не тревожил, она уже была не вполне человеком.

У Алекса мурашки по коже бегали, стоило ему только задуматься о том, что теперь лежало под кожей его матери. Добрая сотня специально выращенных организмов делила между собой

пространство внутри симбионта. Самым отвратительным из них была для Алекса гигантская двуустка: зрелый, генетически улучшенный червь, что пристроился рядом с печенью Лены, забираясь внутрь. Первоначальный паразит являлся источником слабости и болезненности сотен миллионов людей. Этот же, новый, теперь охранял от всех заражений свою территорию — тонкий кишечник. Легочная трематода занималась тем же самым для верхних полостей туловища, а третий генетически улучшенный паразит населял один из более объемных желудочков головного мозга, предотвращая рост опухолей, а также болезней Паркинсона и Альцмейера. И это были только три самых крупных, по много сантиметров длиной. Десятки других симбионтов разнились по размеру от одного-двух сантиметров до кучки специализированных клеток. Сложенные вместе, эти паразиты, каждый со своими собственными потребностями и приоритетами, заставляли Алекса всерьез задумываться о том, кто же теперь реально контролирует жизненную программу Лены Лигон.

Не была ясна даже степень безопасности произведенных с Леной перемен. Данная технология в ее нынешнем виде применялась менее трех лет. Будь эти методы разработаны в медицинском центре Ганимеда или Марса, существовала бы хоть какая-то страховка; однако производство симбионтов базировалась на остатках технологии времен Великой войны, обнаруженной среди дрейфующих обломков одной из оружейных мастерских Пояса. Омолодители со сложившейся репутацией не решились ее использовать. Кто знал первоначальные цели ученых Пояса? Кто изучил долгосрочные побочные эффекты? Однако чувства Лены по этому поводу были весьма характерны:

— Мой дорогой, долгосрочные эффекты — это всегда эффекты типа «а мне-то что». Мы прямо сейчас хотим хорошо выглядеть и хорошо себя чувствовать.

А самым худшим, с точки зрения Алекса, был новый запах Лены. Не то чтобы он был неприятным. Скорее, даже наоборот. Тело его матери испускало смутно-мускусный аромат модифицированных феромонов. Традиционный поцелуй в щеку уже стал для Алекса жутким переживанием, и он, как мог, старался его избегать.

— Помни,— сказала Лена Лигон, словно бы читая мысли Алекса,— даже если наружность и запах этой молодой женщины покажутся тебе довольно странными, ты должен вести себя подобаю-

щим образом. Если она тебе улыбнется, улыбайся в ответ. Если она предложит тебе руку, поцелуй ее. Если тема покажется ей неприятной, тут же ее смени. Все проблемы мы сможем обсудить позже, в кругу семьи. И в течение всей встречи лови мои подсказки.

Не предполагала ли его матушка, что Люси-Мария Мобилиус тоже была симбионтом?

Этот пункт было слишком поздно обсуждать. Они уже почти прибыли на место. Ганимедский уровень, на который они поднялись, располагался выше, чем Алекс когда-либо бывал — не считая обязательных школьных экскурсий для непосредственного наблюдения за звездами. Это был высочайший уровень, и действительная поверхность находилась не более чем в двадцати метрах у них над головами. Сперва Алекс подумал, что для того, чтобы жить в подобном месте, Сайрус Мобилиус должен иметь очень странные вкусы. Однако после недолгого раздумья он изменил свое мнение. Главным бизнесом компании «Мобилиус» являлись термоядерные установки, а самое распространенное применение термоядерных установок лежало в транспортировке. Тогда как число колонизированных миров росло линейно, потребности транспортировки возрастали квадратично. А следовательно, производство «мобилей» должно было вестись либо на поверхности, либо непосредственно в самом космосе.

Когда они вышли на самый последний уровень, освещение изменилось. Алекс инстинктивно поднял голову. Не более чем в десяти метрах над ним находилось окно со сверкающим звездным пейзажем по ту сторону. Первая мысль — это опасно! — длилась все лишь долю секунды. Алекс сообразил, что каким бы ни был материал этого окна, он должен был выдерживать удары всего, что в него попадало. Новые синтетические продукты компании «Мобилиус» выдерживали прямое попадание метеорита, летящего со скоростью тридцать километров в секунду. Они также могли столь стремительно рассеивать энергию, выделившуюся при соударении, что испариться успевало лишь несколько верхних сантиметров материала. В то же время они практически мгновенно затемнялись, так что даже с расстояния в десять метров вспышка уже не оказывалась такой ослепительной.

Двустворчатые двери, перед которыми остановились Лена и Алекс, выглядели превосходной копией дверей в корпоративные помещения «Лигон-Индустрии». Металлическая табличка с над-

писью КОМПАНИЯ МОБИЛИУС была столь же скромна. Подражание, как известно, являлось одной из наиболее надежных форм лести. Втайне, Алекс поставил под сомнение заявление Проспера Лигона о том, что Сайрус Мобилиус жаждет присоединиться в Внутреннему Кругу старых денег и влияния. Но теперь он уже не особенно в этом сомневался.

Он также начал задумываться о том, что ждет его по ту сторону этих громадных двустворчатых дверей. Так или иначе, но его простое согласие на встречу с дочерью Мобилиуса возросло до желания. Поначалу Алекс представлял себе, что они немного выпьют и перекусят в неформальной обстановке. Однако теперь все это становилось официальным семейным делом, с родителями в качестве непременных спутников. Алекс сомневался, что ему нравится представление о Сайрусе Мобилиусе как о непременном спутнике. Репутация этого человека заставляла все россказни о дядюшке Каролюсе или о двоюродной прабабушке Агате казаться всего лишь невинными цветочками.

Тем временем Факс, что служил здесь автоматическим привратником, судя по всему, закончил с установлением их личности. Двери неслышно растворились. Вслед за своей матушкой Алекс проследовал в громадный зал, где весь потолок представлял собой одно сплошное окно с открытыми небесами по ту его сторону. Лена опять словно бы ничего не заметила. Алекс задумался, знает ли она вообще о том, что в двадцати метрах над их головами проделывает Природа. Лично он знал, и эти мысли откровенно ему не нравились.

Дело было вовсе не в смеси камня и водяного льда, что составляла большую часть поверхности Ганимеда — как раз она особой опасности не представляла. Проблема находилась намного выше. В небе, в миллионах миль оттуда, нависал Юпитер. Собирая из солнечного ветра беспредельный запас протонов большой энергии, он своим колоссальным магнитным полем ускорял их и чудовищной крупой обрушивал на замерзшую поверхность Ганимеда. Человек, облаченный в обычный скафандр, мог там за считанные часы поджариться и погибнуть. Единственным безопасным способом бродить по поверхности было носить скафандр со вшитыми в него нитями высокотемпературных сверхпроводников. Тогда заряженные частицы следовали по линиям магнитного поля, безвредно огибая поверхность скафандра. Находящемуся внутри такого скафандра человеку было уютно и безопасно.

Алекс чувствовал уверенность, что его матушка этого не знает и даже ничем подобным не интересуется. С непринужденным видом она приближалась к человеку, стоящему в середине роскошного ковра, что покрывал центральные пятнадцать квадратных метров просторного зала. Весь этот зал представлял собой воспроизведение какого-то древнего земного стиля. Гармонично окаймлявшие его колонны представали резными одалисками — красногубыми, полнотелыми, окутанными прозрачными одеяниями. Мебель сплошь составляли темные, массивные кресла, перед каждым из которых имелся низкий прямоугольный столик со стеклянной столешницей.

Человеком, стоявшим в центре причудливо обставленного зала, являлся Сайрус Мобилиус, чья внешность и репутация были знакомы Алексу из описаний СМИ. Мобилиусу было уже приличноза пятьдесят, и в живом общении он казался более коренастым и крепко сложенным, чем можно было предположить, исходя из видеообраза. Толстая шея знаменитого магната выпячивалась над бело-голубым отложным воротничком, который явно был на полразмера меньше, чем нужно. При взгляде на самого Мобилиуса нельзя было понять, имела ли компания «Мобилиус» какую-либо традиционную форму для подобных оказий. На простом сером костюме решительно недоставало медалей, украшений или драгоценностей. Поистине выдающийся нос Мобилиуса составлял любопытную композицию с густой шевелюрой, которой он позволял естественным образом седеть. Над бледными, ничего не выражающими глазами нависали массивные надбровные дуги.

Неужели это был знаменитый Солнечный Король, подлинная электростанция в человеческом облике, чьи изобретения произвели настоящий переворот в производстве энергии и системах транспортировки от Меркурия до облака Оорта? В это верилось с трудом.

А затем Мобилиус заговорил. Голос его был низким, речь — неторопливой, а слова — самыми обыденными.

— Здравствуйте, я — Сайрус Мобилиус. Добро пожаловать в компанию «Мобилиус». Надеюсь, что прежде чем уйти, вы получите возможность ознакомиться с моим домом и рабочим местом и посмотреть, чем мы здесь занимаемся.

Пока он говорил, облекая простые слова радостной теплотой и легким юмором, этот человек словно бы расширялся и излучал свет.

Алекс чувствовал собственный положительный отклик, пока он произносил вежливое приветствие и жал Мобилиусу руку.

А его матушка, насколько он смог понять, растаяла, пала и сгорела при первом же контакте. Когда настал ее черед жать руку Мобилиусу, показалось, что она вот-вот, не сходя с этого места, испытает бурный оргазм.

— Какое бесподобное ощущение! Конечно, я уже много лет слышала о Солнечном Короле и просто жаждала с вами познакомиться. Если у вас нет других планов, то мы с вами, а также Алекс с Люси-Марией, могли бы все вместе куда-нибудь пойти и немного перекусить. Я подумала, быть может, здесь есть какое-то тихое место, где мы начнем лучше друг друга узнавать.

— Превосходная идея, и мне от всей души хотелось бы увидеть ее воплощение. Но это, к моему глубокому сожалению, невозможно,— никто, слушая Мобилиуса, не смог бы усомниться в том, что его «глубокое сожаление» было искренним.— Моя собственная глупость повинна в том, что я планирую столь много важных встреч в столь короткое время. Я должен буду очень скоро уйти. Но вам троим ничто не помешает пойти вместе — я знаю здесь идеальное место, тихое и уединенное. Почему бы вам туда не пойти? Конечно, если вам только не кажется, что молодых лучше предоставить друг другу. Полагаю, им это может понравиться.

В нескольких предложениях Сайрус Мобилиус убедил Алекса в трех вещах. Во-первых, Мобилиус был настоящем мастером обращения с людьми. Он намекнул, что на предстоящем свидании Лена Лигон будет примерно так же необходима, как звездолету пятое колесо, но сделал это таким образом, что Лена послушно закивала, услышав замечание о том, что молодое поколение лучше оставить в покое. Во-вторых, Мобилиус заранее решил взглянуть на Алекса, прежде чем представить ему Люси-Марию. Очевидно, Алекс эту проверку прошел. А в-третьих, Мобилиус был заинтересован в союзе двух семей не меньше Проспера Лигона или еще кого-либо из «Лигон-Индустрии». Внезапно Алекс задумался о том, что перед ним вот-вот предстанет. Он видел портреты Люси-Марии, но портреты можно подправить так, чтобы изображенный на них человек выглядел почти как угодно. Один король в древней Англии согласился жениться, основываясь на неточном портрете, и позднее казнил того человека, который все это дело организовал.

Мобилиус повел их к полуоткрытой двери. Алекс, готовый к самому худшему, последовал за ним.

Соседний зал оказался обставлен и декорирован в том же роскошном стиле некой ушедшей эпохи. А вот молодая женщина, котороая сидела на небольшом диванчике на двоих, по контрасту являла собой олицетворение личного бунта и столкновения времен и культур. Ее темные волосы были подстрижены и уложены в наимоднейшем стиле — две пряди шли от низко подстриженной челки вокруг щек, чтобы соприкоснуться под подбородком. Ее руки и плечи были голыми, а груди обнажены почти до сосков. Каждый квадратный сантиметр светящейся смуглой кожи покрывали переливчатые блестящие точечки, какие Алекс до этого наблюдал только на звездах шоу-бизнеса. Люси-Мария сидела, закинув ногу за ногу, и длинная юбка с разрезом демонстрировала голое бедро, где ближе к ягодицам было еще больше звездного блеска. Общий эффект оказывался ошеломляющим. Что там говорил Гектор? Что она выглядит ослепительно? Раз в жизни Гектор оказался прав.

— Люси,— произнес Мобилиус,— я бы хотел представить тебя Алексу Лигону и его матери Лене.

При этих словах Мобилиуса молодая женщина кивнула, но не сделала ни малейшей попытки встать или заговорить. Таким образом, инициатива предоставлялась Алексу. Действуя на шокированном автопилоте, он последовал раннему предложению своей матушки. На отчаянно скрипящих ботинках выступив вперед, Алекс поднес руку Люси-Марии к своим губам и неловко ее чмокнул.

Лицо невесты сперва помрачнело, а затем там проглянула какая-то двусмысленная улыбочка.

— Сядьте, Алекс,— сказал Мобилиус. А затем, когда Алекс уселся в кресло напротив Люси-Марии, Солнечный Король повернулся к Лене.— Не желаете ли поближе познакомиться с компанией «Мобилиус»? Если желаете, я был бы рад устроить вам ознакомительную экскурсию.

Он даже не стал дожидаться ответа, а сразу же повернулся к меньшим по размеру дверям меж двух каменных статуй крылатых львов. Следуя за ним, Лена в сторону Алекса даже не взглянула.

Вот тебе и ценное руководство, а также замечание о том, что Алекс смог бы воспринять от своей матушки какие-то полезные подсказки. Пристроив ладони на коленях, он задумался о том, как там в более простом окружении государственных лабораторий идет его компьютерный прогон. Больше всего Алекс хотел бы сейчас оказаться там.

В качестве безвредного вступительного замечания он произнес следующее:

— Ваш отец представляется в высшей степени впечатляющим мужчиной.

Последовало долгое и пустое молчание. В громадном, отделанном под старину зале не слышалось даже привычного шипения системы подачи воздуха. Алекс задумался, нет ли у Люси-Марии каких-то серьезных проблем со слухом, о которых никто не почесался ему рассказать. Заглядывать в ее глаза, большие и темные, было все равно что заглядывать в космос. За ними словно бы ничего не было.

Наконец, Люси-Мария все-таки сподобилась откликнуться:

— Впечатляющим? Просто вы еще с моей матушкой не общались.

— Она здесь?

— Слава Богу, нет. Она на Земле, в Пунта-Аренасе. Мобилиус платит кучу денег, чтобы ее там держать. Я пару раз в год ее навещаю. Она твердит, что он — патентованное дерьмо.

Данная тема не казалась особенно многообещающей. После нескольких секунд гробовой тишины Алекс сказал:

— А у меня, в обычном смысле, отца вовсе не было. Моя матушка предпочла развитие «в пробирке». Генетический материал с отцовской стороны был обеспечен сочетанием девяти разных особей мужского пола, которых она специально подобрала.

Люси-Мария подняла радужные брови и внимательно на него воззрилась. Алекс наконец-то прочел отразившуюся в ее темных глазах мысль: «Должно быть, там кто-то капитально напортачил, раз результатом стал ты».

— Ваша матушка замечательно выглядит,— в конце концов выжала из себя Люси-Мария.— Она симбионт?

— К сожалению, да.

— К сожалению? О чем вы жалеете? Я бы тоже стала симбионтом, если бы мне позволили. Но это подразумевает стерильность, а я призовая корова Мобилиуса. Чтобы меня кормили, мне необходимо спариваться. Вам тоже?

— Полагаю, да.

Она изучила его с ног до головы. А затем спросила:

— Вы что, всегда так одеваетесь?

— Нет. Я никогда так не одеваюсь. Моя семья настояла, чтобы я так оделся, потому что этой одежде предполагается демонстрировать семейную традицию.

— На вид вы совсем как гусвикский сутенер,— Люси-Мария доверительно подалась вперед.— Мне пришлось с вами встретиться, иначе бы меня на ломтики постругали. Но я этого не хотела. Могу поспорить, вы тоже.

— Да, действительно,— пусть это звучало невежливо, зато это была правда.

— Подразумевается, что мы станем сидеть здесь и изображать кресла, а также до смерти друг другу надоедать. Но нам это вовсе не обязательно. Они сказали, узнайте друг друга получше. Они не сказали, что мы должны оставаться здесь.

— Не уверен, что моя матушка...

— Я видела, как мой папаша на нее пялился и как она на него смотрела. Скорее всего, они сейчас друг друга седлают. Ведь они там что-то о слиянии семей говорили? Могу спорить, как раз такое слияние сейчас и происходит.

— Ну-у, не знаю...

— Зато я знаю,— элегантно взмахнув длинными ногами, Люси-Мария соскочила с диванчика. Она была выше, чем казалось, одного роста с Алексом.— Идем. Просто следуй за мной. Отсюда есть такой выход, который Факсы-охранники отслеживают, но не записывают.

Они направились к стенной панели, которая развернулась при их приближении. Алекс, размышляя, совсем он спятил или еще нет, последовал за Люси-Марией в темнеющий коридор. Двадцать шагов. Он четко их сосчитал. Но когда Алекс уже готов был остановиться и спросить, куда они идут, двадцать первый шаг оказался шагом в пустоту, и он полетел вниз.

Это был спускной канал. Ганимедские недра были пронизаны такими каналами, и Алекс к ним привык. Разница заключалась в том, что этот не имел ни малейшего освещения. Ускоряясь с одной шестой «жэ», Алекс падал сквозь тьму. Ощущения при этом были самые наилучшие — пока ты не добирался до дна.

— Люси-Мария?

Снизу донесся ее смех.

— Не волнуйся, я сотни раз это проделывала, и нас обоих ведут. Мы должны пройти семнадцать перекрестков. Десять минут падения, а потом наступает фаза захвата. Расслабься и постарайся получить удовольствие. И зови меня Люси. Люси-Мария я только для официальных семейных дел.

Но это как раз и было официальное семейное дело — или таковым считалось. А наслаждаться всем этим Алекс никак не мог. Что скажет его матушка, когда выяснит, что они с Люси невесть куда исчезли?

Спускной канал тянулся целую вечность. Десять минут! Эти десять минут унесут их на сотни километров вниз, куда ниже всех жилых уровней, куда ниже уровней государственных учреждений, ниже сельскохозяйственных уровней — в самые глубокие недра, где сине-зеленые прокариоты вырабатывали кислород для всего Ганимеда.

Куда она его тащила?

Они давным-давно достигли максимальной скорости. Воздух свистел мимо ушей Алекса и трепал ему волосы. Его шляпа, этот белый дурацкий колпак, дань семейной традиции, исчезла где-то во тьме. Алекс наконец-то почувствовал поле захвата. Он уже не падал с постоянной скоростью. Нежная рука, та же самая, что удерживала его от соприкосновения со стенками канала, перевела его в вертикальное положение. Теперь, падая ногами вперед, он различил где-то далеко внизу маленький кружок света.

Пока Алекс замедлялся, окружение становилось все ярче. Стены тоннеля излучали слабое зеленое свечение. В этом свете он увидел Люси впервые с тех пор, как они покинули штаб-квартиру Мобилиуса. Она была теперь метрах в тридцати впереди него. За время спуска она невесть как умудрилась превратить свою длинную зеленую юбку в какую-то радужную ее версию, заканчивающуюся посередине бедра. Легко приземлившись, Люси быстро сбросила с себя туфли и босоногой стала ожидать прибытия Алекса. Туфли и длинную юбку она поначалу держала в руках, однако, подойдя к нему поближе, бросила их на пол.

— Так-так, а ну-ка еще раз на тебя посмотрим. Встань прямее, не горбись.

Алекс встал прямее и принялся оглядываться по сторонам, прикидывая, куда могла приземлиться его шляпа. Этот уровень был ему незнаком, и он определенно здесь никогда не бывал. Нижний конец канала образовывал просторный зал с ярко раскрашенными стенами. Отделка этого зала наводила на мысль, что «фон Нейманны» для нее не использовались. Через равные промежутки там располагались три достаточно больших для человека отверстия, и каждое из них мерцало муаровыми переливами, что указывало на присутствие детекторов металла и звуковых ингибиторов.

— Эти штуковины надо выбросить,— Люси присела у ног Алекса, ослабляя застежки на его двутонных желто-белых ботинках.

— Потому что в них есть металл?

— Потому что они жуть как уродливы,— пока Алекс выступал из своих ботинок, обнажая канареечно-желтые носки, Люси щупала ткань его пиджака.— И это барахло тоже. На ощупь оно вроде древесноволокнистой плиты, а стиль просто дегенеративный. Сбрось эту мерзость. В конце концов, мне надо репутацию сохранять.

— А куда мы идем?

— В «Эники-Беники». Заведение — что надо. Я с первого же взгляда поняла, что ты домосед. А чем ты вообще занимаешься, когда от мамочки приказов не поступает?

— Конструирую предсказательные модели для имитации Солнечной системы. Но я не принимаю приказов от моей матушки.

Однако, он это делал. Алекс взглянул на облитый презрением пиджак, который теперь присоединился к груде мятой одежды на полу.

— Прямо сейчас я должен был бы прогонять мою предсказательную модель.

— Компьютерные модели. Тоска. Скука смертная,— Люси потерла рубиновые пуговицы на его рубашке.— С другой стороны, вот эти ерундовинки очень даже миленькие. Рубины сейчас в моде, а ярко-желтый цвет вполне вызывающий,— она еще раз его оглядела.— Ничего, ты сгодишься, особенно в этих носках. Когда мы попадем внутрь и познакомимся с моими друзьями, скажи им, что ты Алекс Лигон из «Лигон-Индустрии». Но ни слова про модели и, Боже упаси, про компьютеры. Я вовсе не хочу по необходимости от тебя отрекаться. Так-так, посмотрим, куда бы нам пойти.

Люси взглянула на три мерцающих отверстия.

— Не в «Гишпанец», потому что там сегодня вечером виртуалы идут. И не в «Бугаттис» — там еще только первые рюмашки пропускают. Остается «Лагондас». Ты ведь еще не аттестован, верно?

— Думаю, не аттестован.

— Конечно же ты не аттестован. Держись крепче за мою руку, иначе тебя не пропустят.

Люси ухватила Алекса за руку, причем рука ее оказалась на удивление сильной и теплой, и потянула его к одному из отверстий. По всему его телу распространилась приятная щекотка, а затем Алекс вступил в ревущее мерцание цветных огней.

— Подожди здесь,— крикнула ему в ухо Люси.— Если кто-то пригласит тебя потанцевать, не соглашайся. Ничего не говори. Просто головой мотай.

И она угрем ускользнула влево. Алекс напряженно застыл на месте, недоумевая, как же он мог оказаться таким дураком, что вообще с ней пошел. «Лагондас» — если это место так называлось — был битком набит людьми, которые медленно двигались парами, тройками и четверками. Кто-то еще облокачивался на стойки по бокам большого восьмиугольного зала, а другие сидели на отдельных округлых штуковинах, похожих на гигантские грибы. В четырех углах стояли квадратные колонны метра по два вышиной, из которых сияющими змеями тянулись длинные шланги. На колоннах имелись порядковые номера: 87, 89, 91, 93. Около каждой кучковались люди. Судя по изысканным нарядам и драгоценностям, все они были богаты. Стенные росписи демонстрировали древние виды личного транспорта, преобладавшие на Земле в предыдущие столетия.

Уровень шума был поразительно высок. Казалось, все разговаривают на фоне какой-то звукозаписи, причем ритмичная музыка накладывалась на рев высокомощных автомобилей и визг перенапряженных шин. Алекс ощутил запах дыма, который наводил на мысль о недогоревших углеводородах. Затем он задумался, чего ради Люси Мобилиус забеспокоилась о том, что кто-то пригласит его танцевать. Если бы только ему не заорали в самое ухо, он бы никакого предложения не услышал.

А затем кто-то и впрямь возник у него под боком и принялся орать ему в самое ухо. Это оказалась низенькая светловолосая девушка. Алекс почувствовал прикосновение к своим ногам и опустил взгляд. Девушка носила скудный лиф с завязками на шее, длинные блекло-голубые брюки и то, что внешне напоминало тяжелые ботинки. Однако ботинки эти наверняка были фальшивыми, потому что когда один из них наступил на его ногу в ярко-желтом носке, прикосновение оказалось совсем мягким.

— Клевые носки! — Девушке пришлось встать на цыпочки, чтобы дотянуться губами до его уха.— Я видела, как ты вместе с Люси Мундиаль прибыл. Твой пусковой рычаг у нее?

«Ничего не говори. Только головой мотай». Алексу не помешали бы дальнейшие инструкции.

Он нагнулся к уху девушки и прокричал:

— Я пришел сюда с Люси Мобилиус.

— Со счастливицей Люси,— она обеими руками ухватила его за руку и так приблизила губы к левому уху Алекса, что даже его коснулась, когда спросила: — А как тебя зовут?

— Алекс Лигон.

— Лигон? — Девушка нахмурилась.— Я таких не знаю. Тебя по спецзаказу сварганили? — Ответа она дожидаться не стала, а продолжила: — Я Сьюки Миллениум, если только не снаружи. Там я Сьюки Сильва. Прикинь, как Мундиаль сработает. Если не зафурычет, меня поищи.

И девушка нырнула обратно в кучку людей перед Алексом. У него не было времени поразмышлять, в чем тут дело, поскольку под боком снова возникла Люси.

— Разве я не велела тебе ни с кем не разговаривать, пока меня не будет? В особенности со Сьюки Линолеум. Она в «Лагондасе» самая жаркая выхлопная труба. Заявляет, что может столько рюмашек принять, сколько никому на свете не снилось. Что она тебе сказала?

— Она спросила, как меня зовут, а я сказал, что Алекс Лигон.

— Это ничего, но тебе нужна другая фамилия. Лигон — совсем беспонтово. Дай подумать. Ты можешь быть Алекс Пентакампион. Кажется, такое еще никто не использовал. Вот, держи.

Люси держала в руках два высоких бокала в форме воронки с шариком на нижнем конце. Один она сунула в руку Алексу. Бокал был наполнен бледно-розовой жидкостью. Алекс подозрительно его понюхал. Сквозь выпивку, реагируя на слабую гравитацию Ганимеда, медленно поднимались пузырьки. На поверхности они лопались, щекоча ему нос.

Люси над ним посмеялась.

— Да не дергайся. Я бы не стала нас на высокооктановом заводить. Абсолютно безопасно. За Лигонов и Мобилиусов.

Она подняла бокал и сделала долгий глоток. Алекс, по-прежнему испытывая опасения, последовал ее примеру. Вкус оказался довольно приятным, и никаких признаков чего-то опьяняющего он не почувствовал.

— А что в этом напитке?

Люси пожала плечами.

— А тебе не по барабану? Называется он «меркаптан особый», и вкус у него что надо. Нравится?

— Действительно, очень вкусно.— Алекс сделал второй глоток, и пузырьки защекотали ему глотку.— Просто замечательно.

— Один такой и, пожалуй, «альдегидная шипучка», а потом я тебя паре друзей представлю. Ты танцуешь?

— Могу,— в детстве одним из форменных бедствий Алекса были уроки танцев. «Для формальных оказий, Алекс,— говорила ему матушка,— каждый Лигон должен быть способен подобающим образом проявить себя на танцполе».— Только не очень хорошо.

— Я тоже. Хорошо тебе и не понадобится,— Люси указала на покачивающиеся группы людей.— Вот так сможешь?

— Пожалуй, смогу,— Алекс бы это танцами не назвал. Там было все от близкого телесного контакта до жестикулирования в адрес друг друга с расстояния в два-три метра.

Он последовал примеру Люси и снова наклонил свой бокал. На сей раз уровень жидкости оказался достаточно низок, чтобы она потекла из шарика на нижнем конце. Алекс почувствовал, как щекотка начинается на языке и следует внутрь до самого желудка. Внезапно бокал опустел.

Люси опять над ним смеялась.

— Форсажная камера,— она осушила свой бокал.— Пора заправить бензобак. Дейрдра де Сото и ее братец уже на девяносто первом октане газуют. Мы туда пойдем, и я покажу тебе, как с насосом управляться. А потом, если тебе захочется, мы все потанцуем.

Алекс последовал за ней по периметру восьмиугольного зала. К шуму он вроде бы стал привыкать, но яркие краски одежд и стен словно бы начинали светиться. Он встал позади Люси, ожидая своей очереди у насоса. Затем последовали громогласные, но неразборчивые представления Дейрдре и Дафуду де Сото, и Дейрдра тронула его ногу своей, что в этом месте казалось чем-то вроде обычая. Тогда Люси ей заорала:

— Полегче. Это его первый заезд, а ты его уже в пол-позицию ставишь.

Фраза вышла разборчивой, но никакого смысла Алекс из нее не извлек.

Дейрдра, как и Люси, была босиком. Алексу показалось, что еще немного — и ее можно было бы назвать совсем голой. Кроме тоненького лифа и мини-юбки Дейрдра носила только рубиновую вставку в пупке. Тронув этот камень, она затем приложила палец к одной из пуговиц на рубашке Алекса и громко щелкнула языком. Все вокруг насоса — не считая, понятное дело, Алекса — разразились смехом.

На передней стороне квадратной колонны имелось запутанное меню. Дафуд де Сото набрал ряд команд и заправил свой бокал жидкостью, которая меняла цвет, пока шарик наполнялся, после чего показал Алексу, как это делается. Должно быть, Алекс неверно набрал комбинацию, поскольку трое остальных опять рассмеялись, а Дейрдра выкрикнула:

— Уже хай-тест! Люси, а ты уверена, что он на первый заезд идет?

Алекс попробовал то, что у него получилось. Сильно отличаясь от «меркаптана особого», напиток был менее сладким и имел смутно-горьковатый привкус. Алексу понравилось. Он двинулся дальше по залу вместе с тремя своими спутниками, внимательно прислушиваясь, но ничего не говоря. Если они и обратили внимание, то никак это не прокомментировали.

Все четверо подошли к краю танцевальной площадки. Про танцы никто ничего не сказал, но Дейрдра де Сото встала перед Алексом и начала раскачиваться в такт музыке. Алекс завороженно смотрел, потому что как бы она ни двигала телом, уровень жидкости в ее бокале оставался ровным. Он попытался подстроиться под ее движения и тут же плеснул себе на руку. Прежде чем Алекс успел что-либо предпринять, Дейрдра наклонила голову и слизала влагу.

— Ты это нарочно! — крикнула Люси.

Но Алекс не смог понять, обвиняет она его или Дейрдру. Теперь Люси и Дафуд тоже двигались, следуя пульсации фоновой музыки. Алекс чувствовал нарастающее стремление делать то же самое — но тогда он пролил бы выпивку.

У этой проблемы имелось очевидное решение. Одним длинным глотком Алекс опорожнил оставшиеся три четверти бокала, затем прошел к одной из стоек, чтобы его туда поставить. Тут его внимание привлекла стенная роспись за стойкой. Четыре ярко раскрашенные гоночные машины неслись по прямой трассе к крутому повороту. Алекс услышал, как завыли моторы, когда водители переключили передачи и устремились по наклонному виражу. Он действительно видел, как машины движутся, выбирая себе лучшую позицию. Затем на переднем плане возникла машина, которая не справилась с виражом и теперь, развернутая задом наперед, лежала на боку. От ее мотора поднимался густой черный дым. Алекс видел, что она готова взорваться пламенем. Водитель уже выпрыгнул из измятой кабины и катился оттуда по траве.

Чьи-то руки обняли Алекса и его развернули на сто восемьдесят градусов. Люси оказалась справа, Дейрдра де Сото — слева.

— Еще пара танцев здесь, а потом в «Бугаттис». Там мы сможем посидеть,— говорила только одна из них. Но которая? Алекс не мог разобрать. Он снова оказался на танцполе, и там он либо танцевал, либо проделывал что-то достаточно близкое. То и дело оглядываясь, дальше трех метров вокруг себя он ничего видел. В двух метрах оттуда Люси танцевала с Дафудом де Сото — так плотно, будто ее посредством хирургической операции к нему пришили.

Стоящая перед Алексом Дейрдра передвинулась, загораживая ему вид Люси и Дафуда. А затем, прямо у него на глазах, Дейрдра стала магическим образом расти — она росла и росла, пока рубин у нее в пупке гипнотически не замерцал где-то на уровне его глаз. Несколько мгновений спустя Алекс понял, что почему-то стоит на коленях, а его руки хватаются за голые ляжки Дейрдры.

Девушка ухватила его за подмышки и помогла встать. Алекс хотел извиниться, но прежде чем он успел сказать хоть слово, Дейрдра обвила его руки вокруг своей шеи и ухватила его за пояс.

— Так легче стоять.— Она тыкалась носом в его шею.— Ты как, ничего?

Алексу этот вопрос показался риторическим, и он решил на него не отвечать. Он танцевал с Дейрдрой, затем с Люси, а когда невесть кто сунул ему в руку бокал, он залпом его выпил. Затем Дейрдра оттянула от него Люси, спрашивая: «В «Бугаттис»?» — и Алекс потащился за ними. Выйдя через одну мерцающую дверь, они вошли в другую. Там было прохладнее — тишина, темнота и отдельные кабинки вместо ярких огней, публичной выпивки и людного танцпола.

Это был «Бугаттис»? Должно быть. Алекс вдруг понял, что сидит на длинной широкой кушетке, прожевывая какой-то сладкий и липкий кубик. Мягкая ляжка прижималась к его бедру. Ему нравился «Бугаттис». Он ему даже больше «Лагондаса» нравился.

Алекс закрыл глаза. Он классно себя чувствовал.

Алекс открыл глаза. Он классно себя чувствовал, но вместо того, чтобы сидеть на кушетке, он почему-то лежал в постели. Судя по потолку и куску стены, это была его собственная постель.

Голос в паре метров от него произнес:

— Добрый вечер, Алекс. Добро пожаловать в реальный мир.

Это была Кейт. Сидя на стуле в дальнем конце его тесной спаленки, она внимательно на него глядела.

Алекс сел.

— Что случилось?

— Вообще-то я надеялась, что ты сможешь мне об этом рассказать,— голос Кейт запросто мог заморозить метан.— Я начну с того места, когда я ко всему этому подключилась. Сегодня утром мне позвонили «Всемирные службы» с тем, чтобы я приняла посылку. Они попробовали служебный номер, воспользовавшись документом из кармана твоих штанов, и к счастью для тебя я все еще была здесь. Посылкой оказался ты. Ты был без сознания. Увидев тебя, я немного забеспокоилась. Я провела медицинское сканирование и выяснила, что ты принял по меньшей мере двадцать колов гомодрила.

— Это очень много,— Алекс к этому времени уже заметил свою голую грудь.— Ты уверена? От такого количества гомодрила я должен был бы ужасно себя чувствовать, но мне хорошо.

— Это потому, что мы ввели тебя в наркоз, промыли тебе всю систему, а потом опять держали тебя под наркозом.

— Сколько сейчас времени?

— Шесть с небольшим.

— Ты позволила мне весь день проспать?

— Позволила. И даже сказать тебе не могу, какой выдержки это от меня потребовало. Ты говорил, что тебе на семейную встречу было нужно?

— Именно туда я и ходил.

— Ага. Верно. На семейную встречу на двести двадцатом уровне, в клубе «Эники-Беники». Именно там «Всемирные службы» тебя подобрали. Там проходила семейная встреча, на которой ты трахался с кем попало.

— Не думаю, что я там трахался.— Однако у Алекса осталось туманное воспоминание о какой-то возне и интимных прикосновениях теплых, голых тел.

— Тебе лучше надеяться, что ты это делал. Спереди на штанах у тебя была сперма, и она либо твоя, либо какого-то твоего милого дружка.

Алекс посмотрел под одеяло. Он был голый.

— Да-да, все верно,— продолжила Кейт.— Я их сняла и отправила на анализ. Патогенный анализ. Заразный и больной ты мне не нужен.

— Спасибо, Кейт.

— Но не для того, о чем ты подумал, эгоистичный имбецил. Если ты воображаешь, что меня волнует, с особями каких полов или даже видов тебе вздумалось потрахаться, а также сколько их было, то можешь быть уверен, что другие твои органы нуждаются в медицинском освидетельствовании куда больше твоих гениталий. Как по-твоему, почему я в три утра все еще была на работе? Как думаешь, чем я там занималась, пока ты свою палку в клубе «Эники-беники» употреблял? Между прочим, пока ты спал, я все про это заведение выяснила. И до сих пор спать не ложилась. Я весь день проработала, и только десять минут тому назад пришла сюда, чтобы посмотреть, проснулся ты или нет.

Алекс более внимательно изучил Кейт. Уже заметив ее бледность, он решил, что это от гнева. Теперь же он различил плотно сжатые губы и темные мешки под глазами.

— Ты все это время работала? Со вчерашнего утра до сегодняшнего вечера?

— Работала. Догадываешься, над чем я работала? Над твоей треклятой моделью.

— Она что, барахлила?

— Нет. Она работала. В этом-то и проблема. Я, наверно, сотню прогонов сделала. И все прошло гладко, ничто даже из интервала не вышло.

Модель работала! Алекс начал было выбираться из постели, но затем, поняв, что он голый, остановился.

— Ну-ну, не будь идиотом,— смех Кейт прозвучал горестно и насмешливо.— Думаешь, там есть что-то, чего я не видела и не трогала? Догадываюсь, что кроме меня это еще много кто видел и трогал. Модель не барахлила в том смысле, в каком она барахлила раньше. Она работала. У нас теперь только одна проблема.

Алекс, одной ногой уже в брюках, помедлил и поднял взгляд, услышав, как изменился тон Кейт.

— Сегодня же, чуть попозже,— продолжила она,— мы с тобой должны будем изложить Солу Глаубу и ревизионной комиссии текущее положение дел. Полагаю, это выскользнуло у тебя из головы, пока ты так бурно забавлялся.

«И правда выскользнуло»,— подумал Алекс.

— Мне не сложно будет перед любой комиссией отчитаться. Я эту модель знаю как свои пять пальцев.

— Очень может быть,— Кейт сидела, склонив голову.— Зато ты не знаешь результатов. Я испробовала все вариации, какие только смогла придумать, и всякий раз в течение лет пятидесяти человеческая цивилизация равномерно распространялась по Солнечной системе. Все шло просто роскошно. А дальше, что бы я ни делала, все начинало рушиться. Согласно твоей модели, задолго до 2200 года численность населения всех обитаемых миров в Солнечной системе упадет до нуля.

Что ты собираешься поведать Солу Глаубу, Алекс? Что все человечество вымрет? Или что твоя драгоценная, абсолютно непогрешимая модель капитальным образом барахлит?

9

Сова выразился так ясно, что по его понятиям это была грубость:

— Туда или сюда. Выбирайте немедленно.

И Морд, не чуждый грубости, мгновенно приняв свое решение, секунду спустя ответил:

— Выходит — туда. В Неводе должна быть куча леденцов, которые еще никто никогда не обсасывал. Речь идет о доступе к миллионам отдельных баз данных, от гигабайтных малышек на камнях Пояса до Великого Кита в Земном своде данных. И в большинство мелких луж никто еще не заглядывал — их посредством автоматического сканера данных из первоначального источника загружали. Так что адью, амиго. Пойду там поброжу.

И Морд испарился, исчезая в немыслимо запутанном лабиринте Невода.

Сова тут же проверил, нет ли Морда где-нибудь в Цитадели. Очень в стиле Морда было бы прикинуться, будто он ушел в Невод, а потом выпрыгнуть в тот момент, когда Сова меньше всего этого ожидал. Однако полное сканирование всех элементов Цитадели показало, что Морд нигде не обнаруживается.

Сова удовлетворенно крякнул, протянул жирный палец и нежно тронул нужную клавишу. Таким образом отрубалась всякая связь. Теперь у него на Пандоре имелся доступ к двум мощнейшим компьютерным системам. Одной был канал Невода, связывающий его с рассеянным и бесконечно взаимопереплетенным набором информационных процессоров, что простирались на всю Солнечную систему и служили всем ее обитателям, в своей сово-

купности представляя собой Невод; другой была Цитадель, существующая только на Пандоре и под абсолютным контролем Совы. Если только Сова не допустил какой-то грубой ошибки, разделение этих двух систем было полным. Ничто в Неводе не имело доступа в Цитадель, а Цитадель в свою очередь не зависела ни от чего в Неводе, что не фильтровалось бы лично Совой.

Сова изучил результаты прогона ряда тестовых программ и кивнул в знак одобрения. Цитадель, хотя она и представляла собой всего лишь одну локальную систему, вполне могла обштопать почти любой процессор, существовавший до Невода. Так оно и должно было быть. Недаром туда пошли столь крупные объемы Совиного времени и активов. Только еда, уединение и реликвии Великой войны были так же важны, как и компьютерная мощь.

Что же касалось Невода...

Сова развернулся на своем громадном кресле к другому пульту. На него сильное впечатление произвела вескость последних слов Морда. Невод действительно представлял собой чудесный новый ресурс, и Сова имел все намерения прощупать его по полной программе; однако ему совершенно не хотелось, чтобы Невод при этом прощупывал его самого, вторгаясь в личные банки данных Свами Савачарьи.

Для начала Сова изучил пульт на предмет входящих сообщений. Обнаружив четыре штуки, он предпочел просканировать источники, а не сами сообщения. Отправители были прекрасно ему известны. И Хапуга, и Дух, и Джокер, и Аттобой находились на уровне Мастеров Сети Головоломок. С прочтением их сообщений можно было не торопиться. Хорошая задача могла потребовать для своего решения от недели до вечности. Однажды Сова провел целый месяц, пытаясь разгадать головоломку от женщины по имени Клавдий (он был убежден, что это женщина, несмотря на имя), пока наконец не понял, что имеет дело с трансформированной версией самого знаменитого недоказанного предположения в истории математики.

В Сети Головоломок подобные фокусы считались вполне правомерными. Головоломка решалась, когда ты ухватывал, что именно Клавдий проделала. Разумеется, существовала возможность того, что какой-то Мастер головоломок действительно докажет истинность предположения Римана (или докажет его ошибочность) — и тем самым навеки внесет свое имя в историю математики.

Вместо того, чтобы читать ожидающие его сообщения, Сова приступил к собственному исследованию Невода. Это исследование ему не терпелось проделать с самого Дня Невода, однако он уклонялся от этого, пока не убедился в максимальной надежности Цитадели.

Считанные минуты спустя Сова понял, что чутье Морда и его собственные предчувствия их не обманули. В банках данных теперь оказалось доступно то, что считалось утраченным или было припрятано еще во время Великой войны. Это могло стать путеводной ниточкой к сокровищнице давным-давно сгинувшего оружия — такого оружия, о существовании которого Сова даже и не подозревал. Однако ему следовало соблюдать осторожность. Да, его линии связи были установлены многие годы тому назад, делая Сову главным пауком в центре его собственной информационной паутины. В прошлом, не выходя за пределы Совиной Пещеры, он мог поддерживать восприимчивость к каждой тенденции и инициативе внутри Солнечной системы.

Но не теперь. Невод стал новым фактором, воздействие которого Сова на данный момент не мог даже приблизительно оценить. Он лишь подозревал, что у Невода хватит мощи, чтобы уничтожить его сеть и пустить насмарку всю многолетнюю работу.

Медленно, предельно осторожно Сова позволил своим отборным программам проникнуть в глубины Невода. В качестве первого задания он запросил список всех баз данных, посвященных Великой войне, доступных сегодня, но неизвестных и недоступных месяц тому назад. Он надеялся получить хотя бы несколько таких баз. Считанные минуты спустя Сова понял, что был слишком скромен в своих ожиданиях. Отсчет перевалил за семьдесят и не проявлял никаких признаков замедления, когда внимание Совы внезапно было отвлечено коммуникационной тревогой. Приходило сообщение о необходимости контакта с кем-то в режиме реального времени — с кем-то, ждущим на том конце.

Одна колоссальная побочная выгода Невода — или, с точки зрения Совы, одна возможная побочная неприятность — заключалась в том, что Невод обеспечивал мгновенный доступ ко всей Солнечной системе. В прошлом прохождение сигнала на световой скорости от Пандоры до Ганимеда или еще до какого-то важного пункта занимало многие минуты — даже в условиях оптимальной орбитальной геометрии. Теперь же Невод содержал в себе полностью взаимосвязанную сумму компьютеров, разбросанных по всей Солнечной систе-

ме. Аудио- и видеосообщения можно было переводить в цифровую форму и воссоздавать в местах их назначений. А это, разумеется, означало, что любой дурак в Солнечной системе мог попытаться добраться до вас и запросить связи в реальном времени.

Весь фокус состоял в том, чтобы не дать любому дураку в Солнечной системе о вашем существовании или местонахождении узнать.

Так кто же это звонил?

Сова взглянул на идентификацию и смиренно закрыл глаза. Звонила Магрит Кнудсен, одна из немногих людей вне Сети Головоломок, кому позволялось связываться с Совой. И сообщение Магрит было простым и свободным от всякой информации: «Сова, вы там? Если вы там, пожалуйста, выйдите на связь». Магрит никогда не звонила из-за какой-нибудь ерунды. Либо она оказалась в беде, либо столкнулась с загадкой достаточно странной, чтобы заинтриговать Свами Савачарью.

Сова оглядел Совиную Пещеру. Уровень загрязненности пола показался ему вполне терпимым — в ином случае Магрит могла бы его упрекнуть. Затем Сова оглядел себя. Он мылся и менял одежду в не столь отдаленном прошлом.

Тогда Сова включил видеосвязь.

В объеме дисплея тут же появилось лицо Магрит Кнудсен. Не на шутку встревоженное. Это был дурной знак. Сова, испытывавший отвращение к любым человеческим конфронтациям, отлично знал, что Магрит просто расцветает на конфликтах. Если она тревожилась, ему тоже следовало забеспокоиться.

Магрит, как могла, откладывала этот разговор. Беседы со Свами Савачарьей никогда не бывали легки, а эта обещала стать подлинной головной болью.

— Привет, Сова! — Магрит даже не попыталась изобразить обычную радушную улыбку.— Вы один? Разумеется, вы один — что за глупый вопрос. Сова, у нас проблемы. И к вашим головоломкам это никакого отношения не имеет.

Лицо, что глазело на нее из дисплея, так и осталось лишено всякого выражения. Сова, насколько Магрит могла судить, прибавил еще по меньшей мере двадцать пять кило со времени их последней встречи. Он сидел в своем специальном кресле как гигантский Будда, сложив руки на груди. Как обычно, его черные одежды были на три размера меньше, чем нужно.

Круглая голова кивнула, и Сова наконец заговорил:

— Я вас слышу. Однако, если только трудность, с которой вы столкнулись, не имеет чисто интеллектуальной природы, представляется весьма маловероятным, чтобы я сумел вам помочь.

— Вы меня слышите, но вы меня плохо слышите. И судите неверно. Когда я сказала, что у нас проблемы, на самом деле я имела в виду вас. Четыре часа тому назад мне позвонили. Кто-то выяснил, что у меня есть к вам доступ. Они сказали, что хотят с вами встретиться.

— И вы, в чем я нисколько не сомневаюсь, сказали им, что это решительно невозможно.

— Я сказала, что потом с ними свяжусь. Поймите, Сова, все не так просто.

— Не вижу, что могло бы быть проще. У меня нет потребности с кем-либо встречаться. У меня нет желания с кем-либо встречаться. И у меня совершенно определенно нет желания куда-либо отправляться, чтобы там с кем-либо встретиться.

Магрит более десятка лет была непосредственной начальницей Свами Савачарьи. Теперь, оглядываясь назад, она порой недоумевала, как же она так долго выдержала и не свихнулась.

— Проклятье, Сова, они хотят встречи не ради, черт побери, встречи. Они хотят встречи, чтобы убедить вас поделиться вашей арендой Пандоры.

— Они определенно душевнобольные. Четыре года тому назад я сделал крупное капиталовложение и приложил серьезные усилия, чтобы приспособить элементы данного планетоида к моим нуждам.

— Не думаю, что деньги здесь что-то решают. Они могут заплатить столько, сколько вы попросите.

— Вы совершенно правы. Деньги здесь ничего не решают, ибо вне зависимости от того, сколько мне предложат, я откажусь. Я также, о чем вы, несомненно, помните, полностью заплатил вперед за долгосрочную аренду Пандоры, одобренную властями Внешней системы. Срок этой аренде еще девяносто шесть лет.

— Я прекрасно об этом знаю. Это не имеет никакого значения.— Магрит уставилась на бесстрастное лицо Совы. Никто из тех, кого она знала, не был так умен и упрям, а в некотором смысле, еще и так наивен. Позвольте, я подойду к этому по-другому. Когда я стала вашей начальницей, мне потребовалось определенное время, чтобы понять, насколько вы ценны и талант-

ливы. Зато после этого я защищала вас от всего дерьма, которым вас пытались облить. А его было очень много.

— Это мне хорошо известно. Я весьма высоко ценил и по-прежнему ценю вашу защиту.

— Тогда вы должны понимать, что я не стала бы беспокоиться и звонить вам, если бы тут все было так просто. Скажем, если бы я просто могла сказать тем, кто со мной связался, что у вас есть право на аренду Пандоры. Они выяснили это задолго до того, как со мной связаться.

— Тогда они также должны знать, что это законная аренда.

— Сова, они играют не в той лиге. Не там, где слово «законный» еще имеет какое-то особое значение. Мне позвонили из «Лигон-Индустрии». Они входят в пятерку крупнейших корпораций Солнечной системы.

— Не совсем так. На данный момент они занимают девятую позицию в списке.

— Не занимайтесь казуистикой. Давайте просто скажем, что они очень крупны. Вы ведь знаете, как говорят — нет такой вещи, как нерушимый контракт. Если учитывать вашу специфику, то с таким влиянием, как у них, нет такой вещи, как гарантированная аренда. Вы физическое лицо. А «Лигон-Индустрия» — четверть миллиона работников, сотня лоббистов и тысяча адвокатов.

Сова даже не шевельнулся, но Магрит по опыту знала, что он понял и оценил каждое сказанное ему слово. Наконец, он лаконично спросил:

— Почему Пандора?

— Я задала представителям Лигонов такой же вопрос. На самом деле, если отбросить всю чепуху, это не так трудно понять. Лигоны этого не признают, но они потеряли кучу денег на первоначальном контракте со «Звездным семенем» из-за гравитации Юпитера, которая оказалась слишком велика для «фон Неймannов». Они приняли предложение о контракте для второй фазы, но гелий-три для «Звездного семени-2» они намерены добывать на Сатурне. Таким образом, им требуется база для операций. Несложно представить себе ход их мысли. Все девять главных спутников Сатурна уже играют свою роль в развитии Внешней системы. Не во власти Лигонов что-то с этим поделать. К тому же все эти спутники неудобно далеки от Сатурна. Им нужна база снаружи от колец, но не очень далеко.

И тогда они спросили себя: а как насчет меньших спутников? Есть пять привлекательных вариантов: Атлас, Прометей, Пандора, Эпиметей и Янус. Два последних уже заняты «Рудниками-ХЗ», денег и влияния у которых не меньше, чем у Лигонов. «ХЗ» также располагает арендой Прометея и всего соорбитального. Таким образом, остаются Атлас и Пандора. Но Атлас служит в качестве метеорологической станции для проводимого государством наблюдения за Сатурном, и для того, чтобы что-то с этим сделать, потребуются годы бюрократической волокиты. Итак, остается Пандора. Все, что Лигонам требуется, это как следует надавить на беззащитное и маленькое — я, понятное дело, фигурально выражаюсь — физическое лицо.

Сова пожал плечами.

— Предположим, я буду стоять на своем. Что они смогут поделать?

— Давайте начнем с легальных вариантов. Они могут попытаться убедить власти Внешней системы в том, что доступ на Пандору существенно важен для «Звездного семени-2», а также что «Звездное семя-2» имеет более высокий приоритет, нежели императив человеческой экспансии.

— Могут ли они преуспеть?

— Могут. Уже столетиями существует легальный прецедент для подобных вещей. Он называется «право государства на принудительное отчуждение частной собственности». Посредством этого самого отчуждения земным властям было позволено производить насильственную покупку собственности, которой случалось оказаться на пути запланированной трассы или на месте будущего аэропорта. Но мы еще только начали. Лигоны могут использовать конкретные нападки на вашу личность и компетентность. Они могут выдвинуть тот аргумент, что ни один человек в здравом рассудке не станет жить в полном одиночестве на Пандоре, избегая всех человеческих контактов.

— Подобные личные нападки на меня предпринимались много лет тому назад. Вы можете припомнить группу психологов, которая взялась оценивать мое душевное здоровье и была фундаментальным образом осажена.

— Это вовсе не значит, что подобный вариант нельзя испробовать снова. Кроме того, в тот раз никто не собирался передавать это дело судье, которому можно дать взятку.

— Это невыносимо,— Сова сел прямее и раздул грудь, отчего ткань его слишком маленькой рубашки натянулась, как воздушный шарик.— Стало быть, вы хотите сказать, что подобная тактика может иметь успех?

— Подобная или несколько иная,— Магрит хорошо знала своего давнего знакомца. Никакие угрозы никогда на Сову не действовали. Зато всегда действовала логика.— Я сказала, что начну с тех легальных методов, которые они могут использовать. Но люди Лигонов имеют репутацию крутых игроков. Они чертовски быстро теряют терпение, если вы не соглашаетесь с ними сотрудничать. Дьявол с ними, с гарантированными арендами, вот еще один жизненный факт: не существует такой вещи, как невышибаемые мозги. Может статься, они решат, что им куда проще и дешевле вас убить. Из прошлого опыта вы знаете, что наемных убийц не так уж сложно найти. А вас найти еще легче, потому что, кроме Пандоры, вы больше нигде не бываете. Вы можете оказаться в безопасности, только если совсем в подполье уйдете.

Магрит наблюдала, как жирные щеки раздуваются. Наконец Сова кивнул.

— Позвольте мне резюмировать все, вами сказанное. Итак, «Лигон-Индустрия» хочет получить доступ к Пандоре, причем хочет так сильно, что эти люди сделают все, что сочтут необходимым. Чтобы они завладели моим домом, я должен на любых переговорах с ними согласиться покинуть Пандору. С другой стороны, если я откажусь с ними общаться, моя жизнь окажется под угрозой. Чтобы обзавестись хоть какой-то безопасностью, мне придется уйти в подполье. Поскольку и сотрудничество, и неповиновение подразумевают мой отъезд с Пандоры, первое, определенно, является для меня более предпочтительным выбором. Это, полагаю, и есть то умозаключение, к которому вы меня так аккуратно подводите.

— Возможно. А разве есть другие варианты?

— Нет. С другой стороны, до сих пор я практически не имел возможности их поискать. Что вы пообещали той персоне, которая от имени Лигонов с вами связалась?

— Персонам. Их было две. Я лишь пообещала снова с ними связаться. Сказала, что не могу за вас решать.

— Очень хорошо. Скажите им, что вы со мной поговорили и что я уполномочил вас вести с ними переговоры от моего имени.

Магрит поверить не могла, что согласия удалось достичь так легко.

— Так вы хотите, чтобы я заключила наилучшую сделку, какую смогу, а вы потом просто под ней подпишетесь?

— Если вы предпочитаете так об этом думать. У меня есть только еще одно пожелание, а затем я должен буду перейти к важной работе, которая не терпит отлагательств,— его темные глаза почти закрылись, так что Магрит ничего в них прочесть не смогла.— Я знаю, что у вас есть и темперамент, и талант для крутых переговоров. Пусть же эти станут самыми выдающимися.

— Сова, неужели вы думаете, что только вы терпеть не можете людей, которые вами помыкают? Тогда приходите и посмотрите, какого цвета у меня кишки. Я ненавижу этих ублюдков, а ведь я их даже не знаю. Поверьте, я устрою им крутые переговоры. А если вы сможете найти что-то, способное обеспечить мне поддержку, долго не ждите. Я присвою вашему звонку высший приоритет.

Ранние служебные характеристики Свами Савачарьи буквально кишели такими терминами, как «грязный», «прожорливый», «высокомерный», «неряшливый», «упрямый» и «ленивый». Подобные оценки Сова считал в высшей степени несправедливыми и оскорбительными. Он никоим образом не был ленив.

И теперь, как только Магрит исчезла из дисплея, он прошел к кухонной кладовке и вернулся оттуда с полными блюдами мятных леденцов, апельсиновых желейных конфеток, марципанов и рахат-лукума. Ему определенно предстояло долгое занятие.

Сова установил параметры, дал санкцию на неограниченные расходы и инициировал поиск по всему Неводу.

Прежде чем человек сможет дать отпор, ему требуется обзавестись оружием. Задолго до того, как Магрит завершит любые переговоры, Сова намеревался узнать о заправилах «Лигон-Индустрии» больше, чем о любых других людях в Солнечной системе. Крупная организация, подобно любой другой крупной структуре, всегда имела свое слабое место. Именно это место Сова собирался найти у «Лигон-Индустрии».

А что он предпримет тогда? Сова этого не знал. Он действовал, руководствуясь древней мудростью: «Фундаментальной ошибкой было бы теоретизировать до получения данных». Однако он определенно намеревался что-нибудь предпринять.

10

Р-П-И. Регистрация, Подтверждение, Интерпретация. Таковы были три столпа, на которых покоился проект СЕТИ. Без одной из этих трех процедур любая попытка была обречена на провал. Если не удается зарегистрировать, ты с самого начала ничего не получаешь. Если не удается подтвердить вроде бы обнаруженное, ты опять-таки ничего получаешь.

Однако самым досадным опытом становился успех регистрации и подтверждения, за которым следовало долгосрочное фиаско при попытке интерпретации. Ты знал, что у тебя есть сигнал, знал, что он искусственного происхождения, знал, что он приходит издалека, из-за пределов Солнечной системы. Но что он, черт побери, означал? Если ты не мог ответить на этот вопрос, тебе следовало приготовиться к массе скептического отношения в твой адрес.

— Мы зарегистрировали сигнал со звезд.

— В самом деле? И что там говорится?

— Понятия не имеем.

— А. Ну-ну. Спасибо. Дайте нам знать, когда будете иметь.

Такова была интерпретация, нечто в далеком будущем. А Милли, в первом приливе наивного энтузиазма, посчитала, что это великое будущее может быть не таким далеким, раз с регистрацией все было закончено. Только теперь она осознавала всю степень этой ошибки.

Джек Бестон пригласил на собрание пятерых человек. Одной из этих пятерых была загадочная Зеттер, которая по своему обыкновению предпочитала молчание разговору. Остальных Милли уже встречала на станции Л-4, но ей никогда их не представляли. По сути, в своей поглощенности собственной работой она их едва замечала. Теперь же она их определенно заметила. Также Милли пожалела о том, что перед самым собранием не сходила в туалет. То ли от нервозности, то ли от предвкушения, но она испытывала в этом смысле растущий дискомфорт.

— Итак, Солсбери,— Джек обратился к худому мужчине с черными обвисшими усами и темными, подернутыми влагой глазами.— Есть это дело в аналоговой?

Таким вежливым Милли Людоеда еще не видела. Он казался холодным, почти расслабленным — пока ты не обращала внима-

ние на засунутую в карман левую руку и постоянное позвякивание не то монеток, не то ключей.

Солсбери кивнул.

— Если есть в цифровой, есть и в аналоговой.

Это был осторожный, консервативный ответ. Такие ответы Милли еще только училась оценивать по достоинству. Первоначальные сигналы из космоса, либо радиоволны, либо нейтринные импульсы, приходили в аналоговой форме. До компьютерного анализа и выведения на дисплей они проходили аналогово-цифровое преобразование. Все традиционные проблемы А-Ц преобразования возникали в этом процессе. Можно было получить эффект «подрезывания» импульсов ввиду использования недостаточного числа цифровых фрагментов или эффект «вымышленного имени», сдвиг частоты, вызванный неверной скоростью апробирования. Можно было потерять информацию или создать ложную «информацию» там, где таковая отсутствовала. Тим Солсбери не говорил о том, что там был сигнал или что там не было сигнала — это в сферу его компетенции не входило. Он просто говорил о том, что наличие или отсутствие сигнала не было следствием преобразования А-Ц.

— Действительно,— Джек не перешел к своему обычному допросу третьей степени, а вместо этого повернулся к женщине справа от Милли.— Танкард?

Милли решила, что даже здесь определенный ранг имел свои привилегии. Ханна Краусс, обычная наставница Милли, блистала своим отсутствием. Здесь находились самые старшие и доверенные работники Джека Бестона, и по их виду можно было понять, что они не позволят кому бы то ни было обливать их дерьмом. Что же касалось Пат Танкард, то, даже если она когда-то была уязвимой младшей сотрудницей, Милли сильно сомневалась в том, что ее хоть как-то беспокоили нежеланные сексуальные намеки Людоеда. Темные волосы Танкард были коротко подстрижены, на безымянных пальцах обеих рук она носила золотые кольца, а на ее мускулистом левом бицепсе красовалась голографическая татуировка. С одного угла эта татуировка читалась как «Эллен», а с другого там можно было увидеть стройную длинноволосую блондинку.

— Если в этих данных и есть отклонения, то они не связаны с результатами того, что проделала Милли Ву,— Пат Танкард

ободрительно ей улыбнулась. Теперь Милли поняла, что не раз слышала этот медовый баритон в душевых, где он мурлыкал старомодные романтические баллады.

Танкард продолжила:

— Я расположила все операторы в предпочтительном для меня порядке, который в целом не соответствует порядку, использованному вчера. Если там был сигнал, он там по-прежнему есть.

Порядок, в котором проводились операции, мог генерировать иллюзию значимого сигнала. Даже нечто столь элементарное, как переход от декартовых к полярным координатам в двухмерном блоке, мог формировать «значимые» образы, которые пропадали, когда ты производила этот переход в другой точке обработки.

Это был еще один шаг к регистрации. Милли следовало испытать прилив уверенности. Однако вместо этого она испытывала растущее напряжение, а давление на ее мочевой пузырь сделалось решительно дискомфортным. Вдобавок ее мутило — примерно так, как бывает в первые несколько минут при нулевом «жэ», когда желудок приподнимается, чтобы давить на диафрагму. Сколько же ей еще придется здесь высидеть, прежде чем Джек Бестон объявит свое окончательное решение?

Милли решила, что прежде, чем она сможет уйти, она досидится до того, что ее вырвет или что лопнет ее мочевой пузырь. Для последней перспективы имелся не слишком многообещающий прецедент. Тихо Браге, последний из великих астрономов «дотелескопной эпохи», а также эксцентричный надсмотрщик еще покруче Джека Бестона, по правилам этикета не смог встать и уйти с придворного пиршества раньше, чем это сделает герцог. В результате он пострадал от разрыва мочевого пузыря и через несколько дней скончался.

— Крускаль?

Голос Джека снова ворвался в тяжкие раздумья Милли. Женщина напротив нее кивнула.

— Если сигнал проистекает от некого процесса естественного происхождения, то это неизвестный науке процесс,— женщина была пухлой и коренастой, с оливковой кожей и акцентом, который предполагал, что на юпитерианскую станцию Л-4 она прибыла откуда-то из Внутренней системы — скорее всего, с Земли, а также, надо полагать, из обсерватории, по-прежнему базирующейся в Кордильерах.

— Более того,— продолжила Ирма Крускаль,— любой естественный процесс, генерирующий подобный сигнал, должен быть во многих смыслах самым что ни на есть неестественным. Энтропия поднимается и падает в полном соответствии с тем, что можно было бы ожидать, если бы высокоэнтропийное повторяющееся сообщение разделяли длинные низкоэнтропийные указатели начала и конца. Разумеется, это ничего не говорит нам в отношении подтверждения и интерпретации.

Все проявляли схожую осторожность, удерживаясь от проявлений излишнего оптимизма. Милли твердила себе, что именно так и следует поступать — не слишком возбуждаться, не слишком надеяться. Тем не менее она чувствовала, как дрожат ее коленки. И она поплотней прижимала их друг к другу.

Бестон повернулся ко второму мужчине в рабочей группе. Хрупкий и крошечный, Арнольд Рудольф выглядел старше самого Господа Бога. Истинного его возраста, похоже, не знал никто, даже всеведущая Ханна, но ходили слухи, будто он присутствовал еще на закрытии великой радиотарелки в Аресибо и был одной из главных движущих сил при разработке первых интерферометрических блоков космического проекта СЕТИ.

Рудольф любезно кивнул Джеку Бестону, но начинать явно не торопился. После довольно долгого ожидания, которое сдвинуло Милли на самый краешек сиденья, он все же произнес:

— История СЕТИ началась задолго до колонизации человеком космоса и даже задолго до запуска первого искусственного спутника Земли. Разумеется, эта история, будучи наполнена ложными положительными реалиями, побуждает нас к предельной осторожности...— на Милли Рудольф при этом даже не взглянул, что она приняла за дурной знак.

— Человеческий разум,— продолжал он,— имеет невероятную способность регистрировать образы или обнаруживать их там, где их и в помине нет. Тысячи лет тому назад наши далекие предки дали названия созвездиям, потому что увидели в звездах образы. Более двухсот лет тому назад Скиапарелли показалось, будто он увидел на поверхности Марса линейные черты, выемки, которые Персиваль Ловелл в свою очередь интерпретировал как «каналы» и счел свидетельством существования на Марсе разумной жизни. Семьдесят лет тому назад трюк Хобарта более чем на год ввел всех сотрудников проекта СЕТИ в заблуждение.

Тут Арнольд Рудольф сделал паузу. Милли хотелось орать на него и топать ногами. Однако никто не сказал ни слова и даже не шевельнулся, а посему ей пришлось стиснуть зубы.

— Тем не менее...— Рудольф сделал еще одну паузу и оглядел небольшое помещение, которое представляло собой прихожую перед апартаментами Джека Бестона. На сей раз его взгляд охватил и Милли.— Тем не менее я не считаю, что данная аномалия является результатом ложного распознавания образа. Там что-то есть. Было бы преждевременно рассуждать о том, что это такое или даже переживет ли оно необходимый процесс подтверждения. Но там что-то есть. Эта аномалия реальна. Глупо с моей стороны было бы пытаться сдержать свое волнение при мысли о возможном значении данного открытия.

Недостаток этого самого волнения был так очевиден, что Милли пришлось несколько раз подумать, прежде чем она осмыслила, что именно только что сказал Рудольф.

Аномалия реальна! Это сигнал! Главные помощники Джека Бестона были убеждены в том, что это подлинное открытие.

И сам Джек Бестон, на вид такой же спокойный, как Арнольд Рудольф, кивал.

— Полагаю, что касается регистрации, то дальше нам идти попросту некуда. Поэтому я предлагаю перейти к подтверждению. Но сначала мне следует сообщить вам кое о чем еще. Сегодня утром я подготовил сообщение. На основе услышанного я предполагаю зашифровать его и по плотному лучу послать в Ганимедский государственный архив, чтобы оно там хранилось, пока мы не дадим добро на его обнародование. В данном сообщении объявляется об обнаружении сигнала, который считается исходящим из-за пределов Солнечной системы, а также имеющим скорее искусственное, нежели естественное происхождение. Таким образом устанавливается первоочередность нашей заявки. Такое же сообщение будет послано по плотному лучу на станцию «Цербер» в юпитерианской точке Л-5. А теперь давайте перейдем к предварительной стадии подтверждения,— он повернулся к Зеттер.— Ваш анализ?

— Направление от источника первоначального сигнала известно в пределах пяти угловых минут,— Зеттер говорила абсолютно монотонным голосом, совсем как зомби. «Интересно, она по природе такая или выучилась?» — задумалась Милли. Зеттер тем временем продолжала:

— Я изучила все возможные источники сигнала человеческого происхождения, в прошлом и настоящем, чтобы проверить, не лежит ли какой-либо из них в пределах конуса, образуемого углом в пять угловых минут. Потенциальный сигнал действовал самое большее три месяца. Я сделала допуск для нашего собственного движения в пределах данного периода, регулируя эффекты параллакса приемника. Мое заключение таково, что никакой известный корабль, пилотируемый или беспилотный, не может служить источником потенциального сигнала. Однако,— наконец-то хоть одно сказанное ею слово несло в себе какое-то напряжение.— Это не вычеркивает все возможности. Мы могли принимать сигнал от осадка.

Пока остальные кивали, Милли силилась припомнить инструкции из руководства. Не был ли «осадок» тем же самым, что и «остаток», неким артефактом, оставшимся от Великой войны?

— В качестве одного из вариантов,— продолжила Зеттер,— рассмотрим ослепленную ракету типа «искатель», которая летит на максимальной тяге, пока горючее не кончается, после чего ложится в дрейф. За треть столетия такой «искатель» мог бы улететь на половину светового года от Солнца. Никакая проверка, произведенная посредством приемников станции, сама по себе не сможет отличить такой источник от аналогичного, действующего на действительно межзвездных расстояниях.

— Именно об этом я и подумал. Нам требуется подтверждение того, что данный сигнал приходит из-за пределов Солнечной системы. Поэтому я отправляю весточку Ублюдку. Все хорошо, всем спасибо, собрание закончено,— Джек развернулся лицом к Милли.— А вы готовьтесь к путешествию. Мы с вами сегодня же отправляемся в юпитерианскую точку Л-5, на станцию «Цербер». Скажем... часика через два.

И он направился к двери в свои личные апартаменты, но уже у самой двери небрежно добавил через плечо:

— Между прочим, сигнал значится в наших документах как аномалия Ву-Бестона.

Милли потребовалось какое-то время, чтобы эта информация до нее дошла. Итак, ее не только назвали, но и назвали первой. В случае любого крупного научного открытия считалось традицией, чтобы имя научного руководителя или название научной группы было упомянуто перед чьим-либо еще. Самым знаменитым в этом плане являлось открытие пульсаров, не вылезавшее у

Милли из головы во время ее более ранней работы по поиску сигналов СЕТИ. Именно Джоселин Белл, недавняя выпускница университета, подметила значимые странности в распечатке, что привело к обнаружению вращающихся нейтронных звезд; однако Нобелевскую премию за это открытие получили Мартин Райл и Энтони Хьюиш, старшие члены научно-исследовательской группы.

Называя аномалию таким образом, Джек Бестон гарантировал, что в данном случае подобной несправедливости не произойдет.

— Спасибо,— выдохнула Милли. Все ее напряжение, вся нервозность и тошнота последнего часа магическим образом испарились. С желудком и мочевым пузырем был полный порядок.

— Спасибо,— повторила она. Каких-то других слов найти почему-то не удалось. Но Джек уже исчез, и дверь за ним закрылась.

Все остальные глазели на Милли. Наконец, Пат Танкард заговорила:

— Два твоих спасибо для Людоеда — это нечто. Но прежде всего спасибо тебе. Прими мои поздравления. Ты сделала стоящим все, чем я последние десять лет занималась,— она согнула руку, и блондинка на ее бицепсе ухмыльнулась.— И еще удачи. Ты поймешь, почему она тебе понадобиться, когда познакомишься с Филипом Ублюдком.

Еще час, и они отправятся в путь. Джек Бестон дал Милли два часа на подготовку, но она понятия не имела, куда ушел первый. В счастливом обалдении она бродила по станции «Аргус», пока Ханна Краусс ее не изловила.

— Мои поздравления, Милли. Аномалия Ву-Бестона. Как тебе, а? — чуточку зависти в голосе Ханна подавить не сумела, но там была только самая чуточка.— Ты уже готова отправляться? На вид ты определенно готова.

— Я даже об этом не думала. А что мне взять?

— Только личные вещи. Быть может, взять кинжал, чтобы держать Джека Бестона на дистанции во время полета? Успокойся, моя милая, это всего лишь шутка. Но не трудись брать с собой какие-либо данные о сигнале, потому что все необходимое мы на станцию «Цербер» по плотному лучу уже выслали.

Возможно, Ханна шутила насчет того, чтобы держать Джека Бестона на расстоянии; однако Милли, когда она с одним лишь дорожным чемоданчиком прибыла на «Ведьму Агнези», было както не до шуток. Она поставила себе целью добраться туда раньше

Джека, чтобы хорошенько там осмотреться перед их отбытием со станции «Аргус». Этот корабль представлял собой нечто вроде личной космической яхты Джека Бестона, и Милли надеялась, что он ей что-то об этом человеке расскажет.

Первое впечатление от корабля мало что поведало ей о Джеке, зато оно захватило ее как несомненное свидетельство бестоновского богатства. Двигатель был такого типа, какого Милли никогда раньше не встречала, и он позволял плавно менять ускорение, когда и как тебе того захочется. Она не должна была почувствовать ни рывков, ни толчков, ни тошнотворных поворотов коммерческого судна. Навигационная система была полностью автоматизирована. Джеку Бестону даже не требовалось прикладывать к ней руки во время полета к станции «Цербер» (и это заставило Милли с тревогой задуматься о том, куда еще он может свои руки приложить). Что же касалось интерьера, то вся отделка, которую она видела, бродя от каюты к каюте, оказалась за пределами ее воображения. Картины подозрительно напоминали подлинники, а поручни для передвижения в условиях невесомости сплошь были из редкой древесины, импортированной с Земли.

Личные каюты Джека Бестона, на которые Милли бросила быстрый и стеснительный взор, включали в себя гостиную, кухню, где имелось самое современное оборудование, какое только Милли могла вообразить, и большую спальню. Интересно, кому там предполагалось спать? Сам Джек был насколько тощ, что попросту потерялся бы в этой пуховой безбрежности.

Возможно, внезапное получение крупного богатства проделало бы это со всяким, в особенности если способы, которыми этот всякий мог тратить деньги, были бы чрезвычайно ограниченны.

История в том виде, в каком Ханна поведала ее Милли, могла показаться грустной, чудесной или нелепой — в зависимости от точки зрения.

Филип и Джек Бестоны выросли на Ганимеде в условиях достаточно скромных. Они не были ни настолько бедны, чтобы страдать от жизненных невзгод, ни настолько богаты, чтобы стать частью «золотой молодежи», представителям которой казалось, что Ганимед и вся Солнечная система существуют исключительно для их игр. Однако Филип и Джек знали, что происходят из семьи, которая некогда была при деньгах. С тех пор, впрочем, прошло уже больше столетия. Теперь они были просто умными, амбициозными и энергичными.

До шестнадцатого дня рождения Филипа этого было вполне достаточно. Через три недели после того дня, когда они были в школе, им позвонили. Братьев попросили прийти, когда им будет удобно, в контору Бранксома и Рейда, но никому об этом не говорить. Ввиду последнего настояния дело становилось еще более интересным. Ни Филип, ни Джек никогда не слышали ни о Бранксоме, ни о Рейде, однако звонивший заверил их, что эти двое в течение многих поколений были юридическими советниками семьи Бестонов.

Первоначальные Бранксомы и Рейды давным-давно умерли, объяснила братьям Марта Сафо Рейд, сухонькая старушка лет под восемьдесят. Она усадила Филипа и Джека в своем убогом кабинетике на вызывающе старомодные кресла с подголовниками. Затем, вручив им зеленый чай в древних фарфоровых чашках, приступила к делу.

— Хочу рассказать вам довольно странную историю. Наверное, вы уже слышали о Марке Туллии Бестоне?

Ища поддержки, Джек повернулся к старшему брату. Филип неуверенно спросил:

— Это типа... ну, наш двоюродный прапрадедушка?

Марта Рейд кивнула.

— Добавьте еще одно «пра», и все будет верно. Марк Туллий Бестон выдрессировал первое поколение рабочих китов и составил себе гигантское состояние на земных океанских фермах. Однако ни в какие долговременные любовные связи он не вступал, и умер sine prole.

Заметив обмен недоуменными взглядами, она пояснила:

— Это означает, что он умер бездетным. Не желая передавать свое состояние сестрам, братьям, племянникам или племянницам, что было бы в такой ситуации самым обычным решением, Марк Туллий пошел по совершенно иной тропе. Он учредил трест, начальный капитал которого образовывало все его состояние. Далее, после его смерти капиталами треста следовало управлять, разумно их инвестируя, однако во всех иных отношениях эти капиталы должны были оставаться нетронутыми в течение периода в три четверти столетия. Затем наследники могли их получить. Следует, правда, заметить, что Марк Туллий Бестон был человеком, которого многие считали весьма эксцентричным.

Марта Рейд не стала отвлекаться на Филипа и Джека, по взглядам которых друг на друга не сложно было предположить, что они считают Марка Туллия Бестона законченным психом.

— Завещание Бестона установило,— продолжила она,— что наследование должно стать ограниченным. Иначе говоря, наследство могло отойти только тем членам семьи, которые удовлетворяли определенным критериям, а кроме того, его можно было тратить только определенными способами. Эти способы были достаточно четко очерчены. Унаследованное богатство нельзя было тратить на удовольствия и развлечения. Его следовало прикладывать исключительно к таким предприятиям, которые смогли бы существенно изменить будущее рода человеческого и благотворно на этот самый род повлиять.

Должным образом Марк Туллий Бестон скончался. Первый результат его смерти был, пожалуй, полностью предсказуем. Его завещание было опротестовано всеми его живыми родственниками, ибо все они оказались лишены наследства в пользу отдаленного будущего. Завещание пережило три судебных процесса, и трест был учрежден. Об остальной части этой истории вы, я думаю, уже начинаете догадываться.

Джек опять взглянул на Филипа, ища поддержки. Тот спросил:

— Э-э... типа, всю эту ерундовину в Великую войну раздолбали?

— На самом деле нет, хотя это весьма разумное предположение. Трест сохранился, и его доходы, в хорошие времена или в плохие, росли вплоть до настоящего дня. И задолго до Великой войны менеджерам треста пришло в голову вложить существенную часть капиталов в развитие Внешней системы. Теперь, однако, мы должны перейти к дню сегодняшнему. Прошло семьдесят пять лет со дня смерти Марка Туллия Бестона. Выражаясь еще определеннее, сегодня как раз годовщина его кончины. Правила линии наследования были достаточно сложными, но четко определенными. Вы, Филип Бестон и Джек Бестон, являетесь единственными наследниками Марка Туллия Бестона. В полном соответствии с его завещанием вы наследуете равные доли его движимого и недвижимого имущества.

— Типа, нам деньги причитаются? — изложение наконец достигло той точки, в которой братья сумели что-то для себя уяснить.

— В конечном итоге, но не в ближайшие годы. Старший брат — то есть, вы, Филип — должен достичь возраста двадцати трех лет. Более того, капиталы могут быть использованы каждым из вас только в первоначально описанной манере; а именно, для таких предприятий, которые существенно и благотворно повлияют на будущее человечества.

— А наши предки об этом знают?

— Ваши родители пока еще ничего об этом не знают. Марк Туллий Бестон предвидел ситуацию, в которой индивиды станут искать способы использования кредита в счет будущего унаследования, и постарался ее избежать.

— А должны будут об этом узнать наши родители? — спросил Джек.

— Полагаю, это неизбежно. Но я не вижу здесь особой проблемы.

— Это потому,— сказал Джек,— что вы нашей мачехи не знаете.

А Филип горестно вздохнул:

— Эх, блин. Никаких денег мы не получим. Мы получим кучу проблем...

— Как я об этом слышала,— продолжала Ханна,— родители Филипа и Джека предприняли собственную попытку подкопаться под условия завещания, всеми силами стараясь заграбастать деньги своих детишек. Но успеха имели не больше, чем те, кто семьдесят пять лет назад пытался провернуть то же самое. Единственным результатом всех этих усилий стало то, что Филип и Джек решили больше никогда не разговаривать со своей мачехой.

А затем Филип и Джек сделались достаточно взрослыми, чтобы унаследовать капиталы Марка Туллия Бестона. У них перед носом оказался такой куш, какого они никогда не мечтали получить, но они понятия не имели, как прибрать его к рукам. Они предлагали всякую всячину, основываясь на собственных интересах, но управители треста все это отвергали. К примеру, Марта Рейд очень низко оценила значение строительства стокилометрового катка на Каллисто для будущего человечества, предложенного Филипом, или проведения ежегодных гонок на звездолетах по всей Солнечной системе, предложенного Джеком.

Проблема состояла в том, чтобы пользоваться капиталами треста, но при этом делать то, что тебе нравится, и именно Джек первым ее решил. Его всегда завораживала мысль о том, что где-то там в космосе могут быть разумные инопланетяне. Если бы таковых найти, не было бы предела тому, что человечество смогло бы от них позаимствовать. Так почему бы не взять старые идеи насчет регистрации сигналов и не сделать все как следует? Пусть это будет большая, удобная станция, с самым лучшим оборудованием и самыми лучшими людьми. И пусть она будет находиться

где-нибудь подальше от Ганимеда — там, где бабушка Рейд не сможет слишком внимательно приглядывать за тем, как ты проматываешь денежки.

Идея была просто колоссальная, и Марте Рейд она очень понравилась. Она тут же согласилась немедленно ее одобрить. Джек сел за работу по планированию станции Л-5 «Аргус». И он очень неплохо продвигался, пока ему не потребовалось получить разрешение на постройку.

Именно тогда он обнаружил, что уже существует предложение относительно сооружения станции СЕТИ в юпитерианской точке Л-5. Филип, ничего не говоря своему брату, решил, что проделает то же самое — и проделает это первым. Джек просто взбесился, когда понял, что почти ничего не может с этим поделать, только выиграть гонку. Они всегда соперничали, а теперь это стало суперсоперничество. Джек сделал заявку на Л-4, другую стабильную точку либрации. Он решил проводить обзор всего неба, тогда как Филип собирался сосредоточиться на избранных мишенях в виде звезд, а в остальном они использовали одно и то же оборудование и одни и те же методы анализа.

И тут произошла одна вещь, которой никто из братьев не ожидал. Только-только приступив к настоящей работе, Филип и Джек вдруг обнаружили, что проект СЕТИ безумно их завораживает. Чем дольше они работали, тем больше это переходило в навязчивую страсть. Все эти двенадцать лет они шли ноздря в ноздрю. Никто не отставал и не вырывался вперед — вплоть до сегодняшнего дня и открытия аномалии Ву-Бестона. Можешь себе представить, как приветствовал Филип такое послание от Людоеда.

Так что, Милли, когда ты доберешься до станции «Цербер», тебе лучше быть ко всему готовой. Очень велики шансы на то, что Ублюдок устроит тебе какой-то специальный прием. Не хотелось бы мне гадать, какой именно.

11
НА БОРТУ ЛВС «АХИЛЛЕС»

— Добро пожаловать на борт ЛВС «Ахиллес».— Светловолосый мужчина в белой форме с сомнением взглянул на Янину, затем на два ее чемодана.— Это весь ваш багаж?

— Боюсь, да. А что, что-то не так?

— Да нет. Но кое-кто из остальных...— Он махнул рукой в сторону огромной груды багажа.— Большинство людей старается весь свой дом с собой захватить, включая кошку. Моя задача в том, чтобы их от этого отговорить.

— У меня никогда не было своего дома, поэтому мне легче.— Янина изучила серебристый значок на груди своего собеседника, на котором имелась загадочная надпись: С.П., МАРР П. Они уже находились на геостанционарной орбите Земли, и ощущение легкости в голове у Яны объяснялось самой что ни на есть микроскопической гравитацией. Иначе она никогда не позволила бы себе спросить у полного незнакомца:

— А вы здесь только за этим — чтобы с багажом разбираться? Что значит ваш значок?

Мужчину такой интерес скорее обрадовал, чем раздосадовал, и он впервые внимательно посмотрел на Янину.

— Нет, я здесь не только за этим. Меня зовут Пол Марр, и я старший помощник на «Ахиллесе». Это что-то вроде запасного капитана — на тот случай, если мы вдруг настоящего лишимся.

— Так вы старпом?

— Если вам удобнее сокращенный вариант, то да,— Янина и Себастьян были последними на посадке, так что никакого давления на них не оказывалось. Пол Марр взглянул на Себастьяна, завороженно глазеющего из иллюминатора на висящий далеко внизу туманный земной шар, и добавил: — Надо же, старпом. Вы говорите так, как будто сами на море бывали.

— А я там была. Десять с лишним лет.

— В самом деле? На вид вы гораздо моложе.

— Нисколько не моложе. А если и моложе, то за это надо благодарить свежий воздух и строгий режим. Но я была не на настоящем судне. Я работала в Южной Атлантике на платформе «Глобальных Минералов».

— У меня даже этого не было. Должно быть, чудесно там на Земле: морские бризы, приливы, штормы.

— Не только. Не забудьте еще пиратов, грог, порку, сокровища, килевание и повешение на нок рее,— странное ощущение какой-то свободы у Яны не проходило. Это было все равно как проснуться в шесть лет, когда весь день и весь мир тебя ждут. Возможно, не вполне справедливо было выплескивать свой вос-

торг на Пола Марра, но он как будто не жаловался. Напротив — он смеялся, причем заодно с Яной, а не над ней.

— Вот устроитесь на Ганимеде,— сказал старпом,— а потом мы сможем еще одно путешествие на «Ахиллесе» предпринять. Мы спустимся на на Землю, одни, только вы и я, и вы мне там все покажете.

А это еще что — ухаживание? Через две минуты после знакомства? Очень было похоже.

И тут, к собственному изумлению, Янина поняла, что была бы вовсе не против. Пол Марр становился частью всей этой загадки, пока Яна стряхивала с себя мрачные оковы Земли и устремлялась в неизведанное.

Однако в данный момент Марр смотрел на Себастьяна, который вдруг отшатнулся от иллюминатора.

— Прошу прощения,— старпом по-прежнему не сводил глаз с Себастьяна, хотя разговаривал с Яной.— Вот этот джентльмен. Я решил, что вы брат и сестра. Но в манифесте указаны разные фамилии.

— Мы вместе, но мы не родственники,— увидев, что Пол Марр нахмурился, Яна добавила: — Мы выросли вместе и не разлучались с малолетнего возраста.

— Хорошо,— сказал старпом. Насколько поняла Яна, эта реплика могла означать все, что угодно. Затем он обратился к Себастьяну: — Любопытно было с вами встретиться, мистер Берч. Ведь вы — именно та причина, почему «Ахиллес» сделает заход к Марсу, вместо того чтобы сразу взять курс в систему Юпитера.

Себастьян ничего не сказал. Тогда Яне пришлось спросить:

— Почему? Что на Марсе может иметь отношение к Себастьяну?

— Не что, а кто. Мы заберем оттуда доктора Вальнию Блум, которая подбирала там сотрудников для своего научно-исследовательского центра. По пути к Юпитеру она хочет еще раз с вами обоими поговорить и дать мистеру Берчу еще один набор тестов.

— Зачем?

— Откуда мне знать? Но это даст вам шанс получше познакомиться с Солнечной системой. Разумеется, спуститься на поверхность Марса вы не сможете. Это будет всего лишь встреча на орбите.

— Хорошо,— Себастьян впервые откликнулся на слова Пола Марра.— Я увижу облачные системы.

— Безусловно. Вас интересуют марсианские облака?

— Не особенно,— и Себастьян снова отвернулся к иллюминатору. Пол Марр вопросительно посмотрел на Яну. Выражение его лица ясно говорило: «Он нормальный, или как?» Яне не хотелось сильно об этом задумываться. Однако, хотя она любила Себастьяна больше всех во вселенной, даже она не могла отрицать, что он странный.

— Идем,— Яна взяла Себастьяна под руку. Похоже, он снова зациклился на Земле.— У тебя еще будет время все это рассмотреть. А теперь мы должны идти в каюты и обустраиваться.

Она подобрала чемоданы, вручила один Себастьяну и направилась к центральному входу во внутренности корабля.

У самой дверцы странное ощущение в затылке убедило Яну в том, что за ней наблюдают. Она обернулась. Пол Марр не двинулся с места. Он улыбнулся и кивнул ей, а затем сказал:

— Надеюсь, вам понравится «Ахиллес». Мы им гордимся. А еще я надеюсь, что в полете мы с вами увидимся.

Марр говорил будто бы вполне искренне, но следующие четверо суток Яна вовсе его не видела. Причем, не из-за недостатка попыток с ее стороны. «Ахиллес» представлял собой судно немалых размеров — солидное яйцо сорока метров в длину и тридцати поперек в районе округлой средней секции. Моторы, которые теперь толкали корабль к Марсу, давали постоянную треть «жэ» и размещались на корме, вместе с другим оборудованием и отсеком управления. Все это находилось за перегородкой, на которой крупными красными буквами значилось: ПАССАЖИРАМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН. Яна решила, что Пол Марр, скорее всего, скрывается там, поскольку в остальных частях корабля его определенно не было. Пока Себастьян упорно глазел на звездный пейзаж за иллюминатором — «скучный», сказал он через полчаса, после чего плюхнулся на койку и тупо уставился в потолок каюты — Яна обследовала все судно.

Там оказался семьдесят один пассажир — и все они в качестве конечного места назначения имели систему Юпитера. Яна и Себастьян были единственными, кому после вводных занятий на Ганимеде предстояло отправиться дальше. Она переговорила с немалым числом своих собратьев, но с большинством из них нашла мало общего. На Земле эти люди занимались в основном

конторской работой, и они ожидали найти такую же конторскую работу где-нибудь на Ганимеде или, быть может, на Каллисто. Жизнь Яны в открытых морях Земли ничего для них не значила, хотя с одним бывшим моряком она все-таки кое-какими морскими рассказами обменялась. Поскольку она понятия не имела о том, чем будет заниматься в системе Сатурна, эта тема как предмет для обсуждения автоматически отпадала.

Капитан ЛВС «Ахиллес» каждый день присоединялся к пассажирам в официальной корабельной столовой, и разные группы по очереди принимали его за своим столом. Когда настала очередь Яны, а также Себастьяна и еще троих пассажиров, она какое-то время поддерживала вежливую беседу, а затем спросила — бесхитростно, как ей хотелось надеяться:

— Ваш старший помощник был очень добр и очень нам помог, когда мы садились на борт. Но с тех пор я его не видела.

Капитан Эрик Кондо внимательно посмотрел на Яну. У нее было чувство, что он читает ее опознавательный значок.

— Уверен, мисс Яннекс, вы его увидите,— сказал он.— Как только мы достигнем Марса. А до тех пор старший помощник будет очень занят, готовя всеядцев для инспекции, которая там состоится.

— Всеядцев? — мужчина, сидящий рядом с капитаном Кондо, был таким высоким и узкотелым, будто он всю жизнь прожил при нулевом «жэ».— А это что? Что-то вроде домашних питомцев?

Капитан — невысокий, серьезный и очень величавый — в ужасе посмотрел на своего соседа.

— Домашних питомцев, сэр? О нет, сэр, только не в космосе. Я знаю, что в прежние времена земные моряки возили с собой коз, морских свинок и черепах, чтобы иметь под рукой свежее мясо, но нам это запрещено. Согласно приказам по всем линиям Внешней системы — никаких домашних питомцев. Мистер Марр и старший механик тщательно проверяли всеядцев Диабелли — наши главные двигатели, те, что сейчас так замечательно толкают нас вперед. Если вы немного посидите молча, вы их услышите и ощутите.

Яна уже их почувствовала. В первые же две ночи она обратила внимание на странную вибрацию.

— Но если вы и впрямь их ощущаете, это значит, что они работают не с максимальной эффективностью. Идеально эффективный мотор не производит никакого шума, абсолютно не виб-

рирует. Именно над этим сейчас работает команда. Прежде чем мы доберемся до Марса, вся эта работа должна быть закончена. И тогда у вас за обедом будет старший помощник, а не моя скучная компания.

Капитан Кондо сказал это с улыбкой, как будто не верил, что кто-то и в самом деле может счесть его компанию скучной. Но Яне показалось, что когда он говорил о старпоме, он смотрел именно на нее.

Шел седьмой день полета ЛВС «Ахиллес». Корабль уже приближался к орбите Марса, когда в дверь маленькой и тесной каюты Янины в самом носу судна кто-то постучал.

Одетая только в шорты и лифчик, Яна свернулась в клубок, но поскольку кроме Себастьяна она никого не ожидала, то крикнула:

— Открыто. Входите.

Вошел Пол Марр. На лице у него сияла улыбка, которая тут же пропала, когда по виду Яны он понял, что она ждала кого-то еще.

— Извините. Мне следовало представиться.

— Ничего.— Яна натянула на голые ноги одеяло.— Я сама виновата. Я подумала, что это Себастьян, а мы друг с другом не особенно церемонимся. Так бывает, если вы еще в детстве с кем-то в одном душе мылись.

Она заметила что-то странное в его внешности. Несмотря на его свежевыглаженную форму, руки старпома были черны от сажи, а под ногтями виднелись темные ободки, словно их так сразу отчистить не получилось.

— Я бы предложила вам сесть, но здесь даже кошке негде пристроиться.

— Никаких домашних питомцев на корабле держать не дозволено. Приказ по всем линиям Внешней системы,— Пол Марр даже не улыбнулся, когда это сказал, но Яна почувствовала уверенность, что ему рассказали про ее недавний обед с капитаном Кондо. Эта уверенность подтвердилась, когда он добавил: — Мы всего пару часов назад закончили работу с всеядцами Диабелли. Они сейчас как никогда чистые, красивые и эффективные. И я подумал, не захотите ли вы пройти со мной на корму и взглянуть на них, прежде чем мы выключим подачу энергии и пристроимся на марсианской орбите.

— В такой одежде?

— В любой одежде, какая вам больше нравится.— Старпом поколебался, затем добавил: — На мой взгляд, вы и так чертовски хорошо выглядите. Но я подожду за дверью.

Таким образом, перед Яной возникла небольшая проблема. Ей хотелось быть в лучшем виде, но она захватила с собой всего лишь одно стильное платье. Она держала его в резерве, поджидая того вечера, когда Пол Марр наконец появится за обедом. А поскольку Яна не хотела растратить его на прогулку по двигательному отделению корабля, оно так или иначе казалось неподходящим. Насколько она знала, моторы, если они хоть немного походили на те силовые движки, что имелись на платформе «Глобальных Минералов», могли запачкать тебя, даже если ты просто на них смотрела.

Изучив свой самый что ни на есть минимальный гардероб, Яна остановилась на темно-зеленой блузке без рукавов, шортах и туфлях-лодочках на низком каблуке. Во время их первой встречи она подметила, что Пол Марр не выше нее. Яне это было безразлично, и она надеялась, что ему тоже. Можно было предположить, что в нынешние времена рост женщины никого уже беспокоить не станет, но она доподлинно знала, что некоторых мужчин он все же смущал — как и возрастные различия. Яна подозревала, что Пол по меньшей мере лет на пять младше ее.

В самый последний момент она все-таки решила сменить туфли-лодочки на открытые сандалии на высоком каблуке. Если у старпома имелись какие-либо старомодные пунктики на предмет роста или возраста, она вполне могла выяснить это прямо сейчас.

Когда Яна вышла из каюты, Пол Марр подпирал стену коридора. Бегло осмотрев ее с ног до головы — на пять сантиметров выше него — он радостно улыбнулся.

— Вообще-то,— сказал он,— вы и в том наряде были хороши. Но я должен признать, что теперь вы выглядите еще лучше. Честно говоря, вы теперь просто великолепны.

И он тоже. Яна задумалась о том, во что она втягивается. Странное чувство восторга по-прежнему ее не оставляло. Покинуть Землю — значило войти в зону пространства и времени, где было возможно все.

Пол не взял ее под руку — этого Яна, впрочем, и не ожидала. Он вел себя как член команды, вежливый и официальный с пассажиркой. Однако Пол бок о бок двигался с ней по спиральному коридору, что

вился к корме. Поскольку, приближаясь к марсианской орбите, корабль терял скорость, весь путь до кормы шел «под гору».

У задней переборки они помедлили. Яна указала на красный указатель: ПАССАЖИРАМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН.

Пол пожал плечами.

— Вы же не хотите, чтобы туда мог пройти кто угодно, раз там отсек управления кораблем. К этому указателю следовало бы добавить: «Если только их не сопровождает офицер корабля». То есть я,— он открыл дверцу и поманил Яну за собой.

Поскольку в этой зоне находились также каюты членов команды, которые проводили на борту больше времени, чем любой пассажир, Яна ожидала, что помещения здесь будут более просторными и лучше обставленными, чем ее тесная каютка. Однако на деле вышло нечто противоположное. Вместо ярко-голубых и светло-желтых тонов, к которым она уже успела привыкнуть, стены кормовых помещений были выкрашены в тусклый хаки и отвратительный ярко-зеленый цвет. Проходы оказались еще у́же той спирали, что их сюда привела, и скорее напоминали крысиные норы, нежели нормальные коридоры для человеческих существ.

— Этому есть пара причин,— сказал Пол в ответ на вопрос Яны.— Во-первых, команда легко переносит любое ускорение от нуля до двух «жэ» — а таким оно, между прочим, бывает лишь в экстренных случаях. Мы привыкли пробираться вдоль стен, и более широкие коридоры нам бы этот процесс не облегчили. Кроме того, вы видите самую худшую часть, путь на корму к моторам. Каюта капитана, которая расположена слева отсюда, большая и очень даже роскошная. Моя каюта, конечно, с ней не сравнится, но она достаточно комфортабельная. Быть может, когда-нибудь вы захотите ее осмотреть.

Это прозвучало как еще один намек, причем не особенно скрытый. Яна взглянула на Пола Марра, однако его взгляд был устремлен вперед.

— Но только не сегодня,— добавил он.— У нас не так много времени.

Не так много времени для чего? Выражение лица старпома оставалось серьезным, и это было хорошо. Яне меньше всего хотелось бы увидеть усмешку или лукавое подмигивание.

Наконец они добрались до люка, ведущего в двигательное отделение.

— Ничего там не трогайте, пока я не скажу вам, что это можно потрогать,— предупредил ее Пол, после чего скользнул на тесную спиральную лестницу из металлических ступенек.

Яна стала спускаться следом, довольная тем, что выбрала шорты, но одновременно задумываясь, не помешают ли ей высокие каблуки сандалий. Она не знала, что она ожидает найти внизу — быть может, пылающие ракеты или шар ядерного огня — но реальность оказалась не особенно впечатляющей. В двигательном отделении не было ни одного человека, а также никакой мебели. Они с Полом Марром стояли на небольшой гладкой платформе менее двух метров в поперечнике, установленной в самом центре помещения. По обе стороны, находясь в пределах досягаемости и образуя правильный шестиугольник, располагались шесть пузатых цилиндров синего цвета.

— Вот мы и пришли,— сказал Пол.— Это знаменитые всеядцы Диабелли, термоядерные моторы, которые коренным образом преобразили путешествие по Солнечной системе.

— Вот эти штуковины? — спросила Яна.

— Да, вот эти штуковины,— Пол похлопал ладонью по одному из синих цилиндров.— Извините, если они на вас особого впечатления не произвели.

— Возможно, если они б работали, они бы его произвели.— И Яна тут же осознала свою ошибку. Поскольку корабль сбрасывал скорость, моторы должны были работать.

Вместо ответа Пол взял ее за руку. Ладонь его оказалась гладкой и мягкой, совсем не напоминая ладонь человека, всю прошедшую неделю проработавшего с моторами. Затем он приложил руку Яны к одному из синих цилиндров.

— Чувствуете что-нибудь?

Яна чувствовала. Цилиндр передавал ее ладони нежную пульсацию, такую незначительную, что она скорее напоминала щекотку слабого электрического разряда.

— Мы славно поработали с их регулировкой,— похвастался Пол.— Эффективность девяносто девять целых и девяносто восемь сотых процента. Сто процентов — величина недостижимая, даже в теории.

— А что происходит внутри? Если они зовутся всеядцами, им предполагается что-то есть.

— Пожалуй, это не лучшее для них название,— Пол снова похлопал по пузатому цилиндру, а затем оставил свою ладонь лежать

рядом с рукой Яны.— Если бы вы оказались внутри — что, слава Богу, вам не грозит — вы бы обнаружили, что прямо здесь, в этой секции, происходит термоядерная реакция. В данный момент мы преобразуем водород в гелий, чтобы обеспечить энергией привод. Мы можем проделывать это при столь низкой внутренней температуре, как десять миллионов градусов. Но даже если у нас кончится водород, мы можем преобразовывать гелий в углерод или во что угодно аж до самого железа. Всеядцы потому так и называются, что они способны преобразовывать множество различных элементов. Однако большинство термоядерных реакций, прежде чем они начнут производить полезную энергию, нуждаются по меньшей мере в сотне миллионов градусов. Мы стараемся этого избегать, потому что более высокие температуры оказывают вредное воздействие на двигатели.

Яна покрепче прижала ладонь к цилиндру. Тот оставался абсолютно прохладен, хотя в считанных сантиметрах от ее пальцев находилась ревущая термоядерная печь. Пол мог небрежно упоминать о десяти миллионах градусов как о «столь низкой внутренней температуре», но Яне и этого выше головы хватало.

Старпом внимательно наблюдал.

— Страшно?

— Нет, ни капельки. Скорее возбуждает,— это также и возбуждало. Сознание того, что такой страшный объем скрытой энергии. подвластный человеческому контролю, вибрирует прямо под ее пальцами, определенно пьянило Яну, вызывая приятное волнение.

— Я надеялся, что вам понравится,— Пол опять похлопал ладонью по синему цилиндру.— По моему убеждению, это что-то вроде теста для людей. Визит в двигательное отделение обычно вызывает одну из двух характерных реакций. Некоторые люди страшно пугаются, оказываясь так близко к столь колоссальной энергии. Похоже, они не понимают, что если моторы и впрямь рванут, в противоположном конце корабля им будет ничуть не безопасней, чем здесь. Других людей возбуждают признаки той огромной власти, какую человечество обрело над природой. То, что мы проделываем внутри всеядцев, раньше происходило в самом сердце звезд. На мой взгляд, это замечательно и восхитительно.— Он отвернулся от цилиндра,— дайте мне знать, если захотите снова сюда прийти. А сейчас нам лучше вернуться назад к носу. Встреча на орбите Марса состоится уже через час-другой. И доктор Блум наверняка пожелает сразу же с вами увидеться.

— По-моему, ей хочется увидеть Себастьяна, а не меня.

— Даже если так, вам обоим придется немало с ней пообщаться. Но я надеюсь, что вам понравился этот визит.

— Очень.

Это была сущая правда. Тем не менее в голове у Яны остался один вопрос: почему из всех пассажиров Пол Марр выбрал для отдельной экскурсии именно ее? Пожалуй, возникал также и еще один вопрос: выбрал ли Марр только ее — или она оказалась всего лишь одной из целого списка в добрую дюжину?

Яна предпочла этих вопросов не задавать. Что-то подсказывало ей, что в надлежащее время она все выяснит. И если ответ окажется таким, что Пол Марр интересуется одной лишь Яной, тогда у нее по-прежнему останется один вопрос, который она должна будет задать самой себе.

12

В аппаратной было холодно, однако Алекс потел. Через час им с Кейт — что на практике, пожалуй, означало его одного — придется дать самый важный отчет в его жизни. Этот отчет также должен был стать самым трудным. Алекс настаивал на том, что компьютерные возможности и информационные ресурсы Невода представляют собой все, что ему требуется, чтобы сделать его модель практическим предсказательным инструментом. А Кейт в ответ заявляла, что это чушь собачья, потому что модель производит форменную бессмыслицу. Алекс не очень ей верил. Он был убежден лишь в том, что понятия не имеет, что могло пойти не так.

«Спокойно,— сказал себе Алекс.— Главное — сохранять спокойствие».

Прежде всего, следовало прогнать модель для тех десятилетий, что предшествовали Великой войне. Как и раньше, она предсказала начало войны с точностью до года и до месяца. На послевоенное время прогон никаких предсказаний не выдал, но так и должно было быть. Столь травматичное событие представляло собой такую сингулярность временной линии, за которой всякие предсказания становились невозможны. Так как же быть с теми прогонами, которые проделала Кейт, пока он, по ее словам, «малышку Люси долбил»? Алекс абсолютно не был уверен, что там была именно Люси, но обсуждать эту неуверенность с Кейт ему вряд ли стоило.

Модель автоматически сохраняла все параметры каждого прогона. Алекс затребовал Невод, чтобы параллельно выполнить все те прогоны, которые Кейт прошлой ночью проделала последовательно. Могли уйти целые месяцы на то, чтобы отследить все переменные, так что на данный момент Алекс решил даже не пытаться. Он остановился на крупных агрегатах. На данный момент критическим значением являлось общее население Солнечной системы. Поэтому Алекс потребовал, чтобы эта величина, усредненная по всем прогоном, которые они с Кейт выполнили, выводилась на дисплей как функция времени.

И вот у него на экране стало возникать общее количество людей во всей Солнечной системе для каждого года на полстолетия вперед.

Начальное значение, для 2097 года, представляло собой сегодняшнюю реальную цифру в 5,2 миллиарда. Это число округлялось до двух значимых цифр, но Алекс снова и снова убеждался в том, что его результаты нечувствительны к небольшим ошибкам во вводах или к незначительным переменам начальных условий. Значение для 2098 года — 5,3 миллиарда — пришло на пять секунд позже ожидаемого. Объем вычислений, который требовала модель Алекса, был колоссальным, но даже он не мог хоть в малой степени напрячь способности Невода. Однако Алекс не запросил высший приоритет системы. Такой запрос относился лишь к чрезвычайным случаям, а также к зачастую бессмысленным (по скромному мнению Алекса) компьютерным требованиям других государственных программ.

2099: округленным средним значением по всем прогонам остались 5,3 миллиарда. Алекс выборочно проверил точное значение, которое показало увеличение. 2100: разумеется, число опять-таки слегка повысилось — до 5,4 миллиарда. Тут Алекс вдруг осознал, что у него за плечом стоит Кейт, наблюдая не столько за дисплеем, сколько за ним самим. Годы равномерно двигались дальше, показатель населения неуклонно полз вверх.

Возможно, все шло как полагается. Возможно, это Кейт здесь напортачила. Модели Алекса в корне отличались от всех более ранних предсказательных моделей. Он по-прежнему силился объяснить эти различия таким образом, чтобы выбранный Кейт тестовый объект, дебил Маканелли, смог все это понять, однако все мыслимые модели имели несколько общих черт. В частности, они имели эндогенные переменные, вычисляемые внутри модели и используемые

для вычисления будущих значений этих же самых переменных; и они также имели экзогенные переменные — величины, которые должны были загружаться в модель из какого-то внешнего источника.

Любой модели требовались и те, и другие.

2105: 5,6 миллиарда; 2106: 5,7 миллиарда; 2107: 5,7 миллиарда...

С экзогенными переменными особых сложностей не возникало. Ты просто загружал их текущие значения, после чего модель прогонялась вместе с ними для вычисления их будущих значений. Большим вопросом всегда оставалось то, где брать значения экзогенных переменных. В модели, предназначенной для предсказания развития Солнечной системы на столетие или больше, единственное, что ты мог знать с уверенностью, это что впереди тебя наверняка ждут сюрпризы.

2110: 5,9 миллиарда; 2111: 6,0 миллиарда; 2112: 6,1 миллиарда...

Рост населения Солнечной системы, усредненный по всем прогонам модели, ускорялся.

Сюрприз, по определению, представлял собой нечто такое, чего никто не мог предсказать. А поскольку сюрпризы были неизбежны, все прогоны модели Алекса обречены были оставаться неверными. Открытие дешевого путешествия со сверхсветовой скоростью, достижение подлинного бессмертия в противоположность нынешним процедурам обеспечения долголетия, прибытие в Солнечную систему разумных инопланетян — каждое из этих событий могло случиться в любой год будущего. Модель Алекса могла допустить любое из них и по-прежнему выдавать предсказания. Однако ни один из прогонов, выполненных Кейт, ничего подобного не допускал.

2117: 6,5 миллиарда; 2118: 6,6 миллиарда; 2119: 6,7 миллиарда...

Чему Алекс за многие годы работы научился, так это тому, что варианты будущего, в которые не вводилось никаких неожиданных экзогенных переменных, склонны были оказываться самыми консервативными. Они демонстрировали более медленный рост и лучшую стабильность.

Но как насчет войны, всеобщего побоища, подобного Великой войне, которая тридцать лет тому назад буквально разорвала Солнечную систему на куски? Подобное событие производило мощные эффекты, но не представляло собой экзогенную переменную, вводимую извне. Оно напрямую вырастало из равномерного ряда перемен в человеческой активности. Война являлась предсказани-

ем модели — по сути дела, главным предсказанием, которое двигало вперед всю работу Алекса. Если твоей модели удавалось предсказать приближение войны, у тебя появлялся шанс исследовать вариации экзогенных переменных и найти такое их сочетание, при котором предсказание о войне исчезало.

2124: 7,6 миллиарда; 2125: 7,8 миллиарда; 2126: 8,0 миллиарда...

Но как быть, если без будущих сюрпризов или еще одной войны человечество за отрезок длиной в столетие сокращалось и в конечном итоге вымирало? Что тогда оставалось делать разработчику модели? Если Кейт не ошиблась, и все прогоны модели именно такой вариант и демонстрировали, Алексу перед встречей с Солом Глаубом лучше было подготовить какой-то ответ. Кейт полагала, что Глауб может привести с собой еще пару человек, членов ревизионной комиссии проекта.

2134: 9,2 миллиарда; 2135: 9,5 миллиарда; 2136: 9,9 миллиарда...

Они дошли до того года прогона модели, на котором Алексу прошлым вечером пришлось уйти. Это было то самое место, в котором он с великим трудом отвлекся от мониторов и направился к своей матушке, чтобы встретиться с Сайрусом Мобилиусом и Люси-Марией. Именно здесь Кейт взяла у него бразды правления. Теперь Алекс должен был уделять дополнительное внимание другим переменным, в то же самое время отслеживая рост населения.

2137: 10,0 миллиарда. Прогон шел гладко, если не считать того, что темпы роста населения внезапно снизились. Теперь Алекс распознал еще одну сложность. Модель была настроена так, чтобы, где это было необходимо, принимать вводы из других источников. До того, как Невод вошел в работу, все эти другие источники были ограниченны и строго определены. Теперь же, совершенно внезапно, целый сонм новых источников информации мог питать модель. Эти источники включали в себя и другие предсказательные модели, выводам которых Алекс не доверял.

— Как ты ограничивала ввод экзогенных переменных? — Этот вопрос, адресованный Кейт, он рявкнул, не отрывая глаз от дисплея.

— Я их просто отрезала,— Кейт стояла достаточно близко и могла видеть все, что видел Алекс. Ее дыхание на его щеке было таким же теплым, каким холодным казался ее голос.— Ты ушел, не сказав мне ни слова о том, как их подбирать или какие значения использовать. Так что я не брала никаких, кроме тех, которые ты сам включил.

Алекс кивнул. Новые экзогенные переменные могли стать источником возможной нестабильности. Не допуская новых экзогенных переменных, Кейт делала консервативный выбор. Все макроскопические параметры выглядели в целом неплохо. Алекс не видел ни малейших предвестников войны, которые выскакивали повсюду, когда он прогонял имитации активности Солнечной системы для сорока лет в прошлом.

Но тем не менее, что-то странное определенно происходило. Модель уже находилась в сорока пяти годах в будущем, и хотя неуклонный рост населения продолжался, тенденции двух других переменных сменились на обратные. Показатель активности Внешней системы снизился вместе с отменой трех проектов развития спутников Нептуна. Что казалось столь же тревожным — за последние семь лет в любом из предсказанных моделью вариантов будущего не было запущено ни одного нового зонда за пределы Солнечной системы.

— Ну что, видишь? — В голосе Кейт уже не было злости. Теперь там осталось лишь напряжение.

— Вижу.

— Знаешь, откуда это берется?

— Понятия не имею.

— Тогда что мы собираемся Солу Глаубу и ревизионной комиссии рассказать?

Хороший вопрос — но в данный момент он Алекса не волновал. У него в голове было слишком много других забот. Целых шестьдесят пять лет не было ни единого намека на близящуюся войну; однако объемы грузоперевозок и внутрисистемной пассажирской транспортировки заметно снизились. То же самое касалось и активности по освоению новых миров, обследования облака Оорта, сооружения новых научно-исследовательских станций в открытом космосе, а также того, что Алекс считал «инверсией освоения новых миров» — генетической модификации земных животных и растений для соответствия их географии и физиографии иных планет и их спутников.

И теперь, в году 2140, кривая роста населения вышла на плато, и Алекс решил, что соответствующий изгиб дает первый намек на тенденцию к спуску. Но почему, когда Солнечная система развивалась мирно и стабильно?

— Нехватка минералов? — Алекс набрал нужную последовательность, чтобы получить цифры по падению населения.— Быть может, снижение рождаемости?

— Ты думаешь..? — Кейт нависла совсем близко, почти садясь в его кресло.

Но прежде чем она успела закончить вопрос, у Алекса уже появился ответ. Объемы доступных минералов и микроэлементов, необходимых для человеческого существования, увеличивались. Показатели рождаемости были превосходными, система здравоохранения работала лучше, чем когда-либо, средняя продолжительность жизни росла — и тем не менее цифры для общей численности населения по-прежнему падали. По мере того, как модель двигалась вперед, отсчитывая еще пять лет, плавное снижение превратилось в резкий спад.

— Что происходит, Алекс? Чем это вызвано?

— Не знаю.— Он хотел сказать — это невозможно, этого просто не может быть. Должна была получаться либо равномерная человеческая экспансия, либо война. Люди элементарно не могут вымирать безо всякой на то причины. Этого еще никогда не происходило ни в одной из виденных Алексом моделей — ни в его собственной, ни в чьей-либо еще.

2152: 7,1 миллиарда; 2153: 6,4 миллиарда; 2154: 5,7 миллиарда; 2155: 5,0 миллиарда; 2156: 4,3 миллиарда...

Предсказанная общая численность населения не просто уменьшалась — она резко падала. Алекс продолжал наблюдать, но мысленно он уже экстраполировал кривую. Они теряли семьсот миллионов человек в год. Если только кривая не выровняется, менее чем через шесть лет спроектированное население Солнечной системы упадет до нуля.

Несчастье, крупное вселенское бедствие, после которого не осталось выживших? Это было единственное, о чем Алекс мог подумать. Подобная катастрофа определенно могла произойти в качестве одного из тех сюрпризов, которые любое реальное будущее могло в себе содержать. Однако, с точки зрения модели, это бедствие должно было быть введено как новая экзогенная переменная. Но ни он, ни Кейт никакого подобного события не вводили.

— Алекс...— выдохнула Кейт.

Больше ей ничего говорить не пришлось. На дисплее уже значился год 2160. Общая численность населения составляла 1,5 миллиарда. Прямо у них на глазах год продвинулся до 2161, и показатель для населения упал ниже миллиарда. 2162, 2163, 2164... Падение замедлилось, кривая выровнялась, и численность населения зафиксирова-

лась где-то в районе ста миллионов. А затем — 2165, 2166, 2167 — этот показатель начал свое последнее неуклонное падение.

К 2170 году все было кончено. В этот год и во все последующие общая численность населения Солнечной системы зафиксировалась на нуле.

Они молча глазели на дисплей. Наконец Кейт сказала:

— Что ж, это всего-навсего модель.

Обычно это бывали воинственные слова. По мнению Алекса, при том условии, что ты давал модели разумные вводы и обладал достаточными компьютерными возможностями, результаты, которые ты получал в ответ, представляли собой возможное будущее. И даже более чем возможное — правдоподобное. Хотя, разумеется, не единственное мыслимое будущее, из-за тех неожиданных факторов, которые ни одна модель не могла учесть. Будущее, однако, всегда представляло собой нечто больше, нежели набор случайных предсказаний.

Теперь же сотня различных прогонов с сотней различных наборов начальных условий подводила к одному и тому же прискорбному выводу: к 2170 году в Солнечной системе не останется решительно никаких людей. Алекс с большой неохотой доверял таким результатам, но все же не видел никаких оснований их отвергать.

Итак, население замерло на нуле; а за два года до этого на нуле оказались все грузоперевозки, всякое развитие и наружная экспансия. Алекс по-прежнему глядел на совершенно недвусмысленные результаты, когда Кейт еще больше усугубила его и без того немалый дискомфорт.

— Идем,— сказала она.— У нас больше нет времени. Через два часа мы должны будем перед Солом Глаубом отчитаться. Надеюсь, у тебя найдутся какие-то разумные слова. Потому что я чертовски уверена, что лично у меня их нет.

Кейт уже предупредила его о том, что предстоящее отчетное собрание станет очень тяжелым. Однако в первые же тридцать секунд этого собрания Алекс решил, что оно вполне может превзойти худшие ее опасения.

Собрание началось, как только Кейт ввела Алекса в небольшой конференц-зал, обставленный по бокам панелями дисплеев и обвешанный старомодными картинами. На последних изображались

исключительно какие-то непонятные личности с суровыми физиономиями — предположительно, члены предыдущих ревизионных комиссий.

За столом сидели четыре человека, хотя Кейт пообещала максимум троих, и физиономии у них были ничуть не менее суровы, чем у тех их коллег, что висели на стене. С Солом Глаубом Алекс уже встречался. Этот невысокий широкоплечий мужчина с бритым черепом отличался особенно мрачным выражением лица и вечно злобным настроением. Старые и опытные сотрудники Отдела планирования неизменно ставили себе целью избегать встреч с Солом по утрам. Считалось, что еда немного смягчает его праведный гнев. К несчастью, это собрание началось за час до ленча и должно было продолжаться до полного удовлетворения членов комиссии.

Алекс также был знаком, по крайней мере шапочно, с двумя другими. Это были непосредственный начальник Глауба Томас де Билес и глава Директората методики и логистики Оле Педерсен. Упомянутый Директорат находился на том же организационном уровне, что и ведомство Сола Глауба. Неудивительно было их здесь обнаружить, хотя присутствие Оле Педерсена могло стать проблемой. Кейт уже предупреждала Алекса, что Оле Педерсен — человек коварный и амбициозный, что он всегда продвигает плоды работы собственной группы и бывает предельно критичен к чьим-либо еще. Томас де Билес особых поводов для тревоги не представлял. Он был старше остальных, ожидал скорого выхода на пенсию и с большой неохотой говорил или делал что-то, что могло вызвать хоть малейшие неприятности.

Последняя же персона за столом просто шокировала. Это была брюнетка средних лет, чья белая юбка и цветастая блузка нарушали все правила по поводу служебной униформы. Правила существовали только для сотрудников низшего ранга. Присмотревшись, Алекс узнал в ней Магрит Кнудсен, начальницу Томаса де Билеса. Она представляла собой влиятельную персону, уже будучи членом правительства Юпитерианских миров и находясь на пути к тому, чтобы стать первым лицом в Совете развития внешних планет.

Интересно, зачем она появилась здесь, на рутинном отчетном собрании?

Как объяснила всю процедуру Кейт, Алекс или, возможно, Алекс и Кейт должны были отчитаться перед Глаубом и парой его помощников. Те затем отчитались бы перед де Билесом, а де

Билес в свою очередь подготовил бы резюме для вышестоящего руководства. Очевидно, сегодня нормальные процедуры были неприменимы. От Алекса ожидался отчет сразу перед всей служебной лестницей, сверху донизу. И Магрит Кнудсен, похоже, с особым интересом его изучала.

Поднятые брови Кейт сказали: «Не вини меня. Я тоже не знала, что она здесь будет». Впрочем, времени для дискуссии не оставалось, поскольку едва только Кейт и Алекс вошли в конференц-зал, как Сол Глауб рявкнул:

— Итак, давайте начнем. И покороче. У всех здесь есть масса других занятий.

Кейт взглянула на Алекса и кивнула. Тем самым ему предлагалось принять мгновенное решение. Либо он констатировал, что их ранние результаты представляют собой продукт саморазвивающейся модели, а стало быть, их не следует принимать всерьез, либо он говорил то, во что он на самом деле верил — а именно, что его модель права, что она значительно превосходит все, что существовало раньше, и что она предсказывает страшную угрозу во всех правдоподобных вариантах человеческого будущего.

Разумно было бы проявить скромность по отношению к модели, отбросить этот набор результатов и пообещать, что к следующему отчетному собранию будет представлен лучший. Но тут возникало две проблемы. Во-первых, имея в виду обещания, которые Алекс уже давал по поводу функционирования модели после введения в действие Невода, следующего отчетного собрания просто могло не быть. Весь проект вполне мог быть выброшен в мусорную корзину. А во-вторых, лжец из Алекса был очень паршивый. Не мог он так просто тут стоять и делать заявления, в которые сам не верил. А во что он действительно верил, так это в свою модель.

Избегая глаз Кейт, Алекс описал сделанные за последние двое суток прогоны и продемонстрировал их результаты. Поначалу, четверка людей по ту сторону стола сидела и слушала, иногда одобрительно кивая. Затем Алекс подошел к критическим годам и показал, как тенденции выравниваются и идут вниз. Аудитория явно забеспокоилась.

Модель достигла 2154 года, и население упало ниже 6 миллиардов. Сол Глауб вмешался первым. Он буквально взорвался:

— Да вы хоть сами-то знаете, что вы нам тут показываете? У вас вся чертова Солнечная система в катастрофическом упадке.

Но я за прошлый месяц видел шесть других проекций, и ни одна из них ничего, кроме расширения, не дает.

Алекс перевел дух.

— Все остальные модели никуда не годятся.

Педерсен, чья группа выработала три предсказания из упомянутых шести, набычился:

— Если вы тут собрались обвинять моих людей...

— Бросьте эту чушь, Лигон,— пробурчал Сол Глауб.— Если только у вас нет дьявольски хорошей причины...

Вмешалась и Кейт:

— Мне кажется он имеет в виду то, что...

— Почему не годятся? — Магрит Кнудсен говорила не громче других, но одно ее слово разом оборвало всех на середине фразы. Затем она продолжила:

— Недостаточно просто заявить, что ваша модель права, а все остальные ошибаются. Вы должны объяснить, почему ваша модель лучше.

Когда Алекс ничего не сказал, Магрит Кнудсен добавила:

— Послушайте, Лигон — ведь вас именно так зовут, Алекс Лигон? — существует старая поговорка: человек, который понимает, что он делает, может дать такое объяснение своей работы, которое средний индивид сможет понять, пока он пропускает рюмочки за стойкой бара. И лично я считаю, что это правда,— она взглянула на часы.— Мы здесь не в баре, а кроме того, мне довольно скоро потребуется быть в другом месте. Но я вполне могу считать себя средним индивидом. Даю вам полчаса. Расскажите мне о вашей работе. Объясните мне, почему я должна продолжить ее финансирование, а не прекратить его сегодня же.

Итак, она знала его имя, хотя никто в конференц-зале пока что его не употреблял. Откуда?

Алекс отложил этот вопрос на потом. Кнудсен поставила его под удар. У него не было времени тонко подстраивать и полировать упрощенное объяснение до такой степени, чтобы Маканелли, сотрудник Педерсена, его понял. Алекс должен был двигаться дальше с тем, что он имел, и надеяться на то, что Магрит Кнудсен окажется на три-четыре ступеньки выше по обезьяньей лестнице, чем Лоринг Маканелли.

Он начал с прямого вопроса:

— Вы когда-нибудь курс физики проходили?

На лице Кнудсен выразилось недоумение, но затем она кивнула.

— Двадцать лет тому назад. Только не предполагайте, что я еще что-то помню.

— Уверен, вы помните все, что нам потребуется,— в принципе Алекс объяснялся перед всей группой; на практике же он обращался только к Магрит Кнудсен.— К примеру, сотни лет ученые, которые работали с неким газом, описывали его посредством некоторых основных свойств. Независимо от того, какой это был газ, они измеряли его давление, температуру и объем. Позднее они поднаторели в своих описаниях и добавили туда такие вещи, как энтропия и энтальпия, которыми нам теперь совсем не обязательно озадачиваться. Ученые использовали эти основные свойства, чтобы сказать, как некий объем газа будет вести себя при других условиях. А ветвь науки, которая была развита, чтобы этим заниматься, они назвали термодинамикой.

Тут Алекс обвел взглядом всех своих слушателей. Магрит Кнудсен кивнула — осторожно и, похоже, несколько озадаченно. Судя по выражению лица Сола Глауба, он уже готов был взорваться — но ему, как и остальным, приходилось блюсти субординацию. Алекс прикинул, что у него есть еще минут пять.

Он продолжил:

— Важной вещью в термодинамике является то, что вам ничего не требуется знать о газе на более фундаментальном уровне. Вы получаете надежные результаты, понятия не имея о том, что газ на самом деле состоит из отдельных молекул. Термодинамические переменные, с которыми вы имеете дело, в действительности представляют собой средние величины для большого числа индивидуальных частиц, но ваши результаты будут точны, даже если вы никогда не слышали слова «молекула» или «атом».

Но затем люди узнали о молекулах, и перед ними возникла загадка. Каким образом вся совокупность общих свойств, с которой они обращались, возникает из взаимодействия огромного множества отдельных частиц?

На решение этой загадки потребовалось долгое время, но в конечном итоге такие физики, как Максвелл, Больцман и Гиббс, развили теорию, основанную на самих молекулах. Эта теория была названа статистической механикой, и она показывала, как поведение больших групп крошечных частиц соотносится с общими термодинамическими свойствами, к которым привыкли люди.

Аудитория становилась все беспокойнее. Сол Глауб щурился и сверкал глазами. Оле Педерсен пробормотал Томасу де Билесу что-то вроде: «Да что он за чертовщину несет?» Даже Кейт, которая знала, куда клонит Алекс, нервно кусала губы.

Магрит Кнудсен кивнула.

— Пока что, мне все понятно. Но я надеюсь, что это куда-то ведет.

— Ведет. Предсказательные модели, используемые в других областях, подобны термодинамическим теориям. Я имею в виду то, что они работают с общими переменными. Общая переменная может быть чем угодно по вашему выбору: экономическим продуктом индустриального сектора или конкретного местоположения; потребностями и объемами транспортировки; населением; предметами потребления и услугами. Теории связывают все эти вещи воедино и моделируют способ, посредством которого они эволюционируют во времени.

Однако такая вещь, как, скажем, потребности транспортировки, представляет собой производную величину. Она растет в зависимости от действий и потребности пяти с лишним миллиардов людей. Можно сказать, что она подобна термодинамической переменной, которая возникает из совокупной активности громадного числа маленьких отдельных частиц. В принципе, это верное сравнение, но лишь до определенной степени, поскольку все молекулы в газе совершенно идентичны. Тогда как все человеческие существа совершенно различны.

Моя предсказательная модель учитывает этот факт. Она выводит те самые общие переменные, которые другие модели принимают как данность. Если хотите, моя модель представляет собой статистическую механику для предсказательного моделирования. Она позволяет вам выводить все «термодинамические» общие переменные, используемые в других, устаревших моделях.

Тут Алекс заметил, как Оле Педерсен вскинул голову. Слово «устаревший» было для него как красная тряпка для быка, поскольку Алекс описывал то, как модели, находящиеся под крылом у Педерсена, работают сегодня. Естественно, глава Директората методики и логистики возмутился и уже вот-вот готов был вмешаться. Тогда Алекс поспешил дальше.

— На этом мы, однако, остановиться не можем. В моей модели есть еще одно необходимое нововведение. Если вы попыта-

етесь рассматривать всех людей такими же идентичными, как молекулы газа, вы получите мусор вместо результатов. Человеческий прогресс в немалой степени зависит от различий между людьми. Поэтому отдельные элементы в моей модели не являются простыми уравнениями или информационными единицами. Они сами по себе есть программы. Каждая такая программа представляет собой Факс определенного уровня, дубликат индивидуальной персоны. Моя модель позволяет использовать все Факсы от первого уровня до пятого.

До того как Невод был введен в работу, мне пришлось срезать углы. Потребовалась бы целая вечность, чтобы выполнить прогоны для пяти миллионов отдельных Факсов — даже если бы я использовал самые низшие уровни. Поэтому я вынужден был работать с агрегатами. Я знаю, что это слишком упрощенная реальность, и результаты это доказывали. Они были нестабильны, и вся модель барахлила. Именно такой нестабильной оказывается любая программа, если вы делаете слишком большой шаг вперед.

Но когда Невод был введен в работу, я наконец-то смог адекватным образом прогнать мою модель. Уже без всякой агрегации и с представлением каждого индивида именно как индивида. И теперь я мог при желании использовать Факсы пятого уровня, обладающие сложной логикой принятия решений и способностью к взаимодействию, а не безмозглый первый уровень. Таким образом, я прогоняю реальную Солнечную систему, с реальными людьми. Однако при использовании всех компьютерных возможностей Невода моя виртуальная Солнечная система будет развиваться в шесть миллионов раз быстрее реальной. Год развития Солнечной системы занимает на компьютере всего пять секунд.

— Всего пять секунд? Вы говорите «всего пять секунд», но это слишком большое время, чтобы производить чепуху! — Педерсен встал.— Извините, но с меня довольно. Все эти бессмысленные аналогии с термодинамикой и статистической механикой, а также вся эта бессмысленная болтовня о более совершенных подходах... А потом вы нам вот это показываете,— взмахом руки он обвел окончательные результаты Алекса, все еще отраженные на дисплеях.— Население на нуле, люди вымерли, развитие Солнечной системы закончено. Есть здесь хоть один человек, который хоть на полсекунды в это поверит? Все остальные наши модели ничего даже приблизительно похожего не показывают. Не знаю,

как остальные, но я уже и так потратил слишком много времени на эту... на эту чушь собачью.

— Ну-ну, Оле,— Томас де Билес умиротворяюще махнул на Педерсена рукой.— Давай все-таки до крайностей не доходить. Хотя я должен признать, что...— тут он умолк, еще раз поглазел на окончательные результаты Алекса и покачал головой.

— Когда вы выполнили только что продемонстрированные нам прогоны? — игнорируя оценки Оле Педерсена и Томаса де Билеса, Магрит Кнудсен обратилась напрямую к Алексу.

— Прошлой ночью,— Алексу страшно не хотелось смотреть на Кейт. Если бы он присутствовал, когда прогоны выполнялись впервые, у них хватило бы времени для более детальной оценки.— Сегодня утром мы их повторили.

— Тогда всем этим результатам не больше суток. Сбои в новых моделях являются скорее правилом, чем исключением. Я тоже с большим трудом могу поверить в то, что вы нам показали. И тем не менее,— тут Магрит Кнудсен в упор посмотрела на Оле Педерсена.— Независимо от чьего-либо скепсиса, эти прогоны предполагают настолько капитальные проблемы в развитии Солнечной системы, что мы просто обязаны отнестись к ним со всей серьезностью. Именно на этом я и настаиваю — даже если есть только один шанс из тысячи, что они верны,— она повернулась к Солу Глаубу.— Я хочу, чтобы эта работа продолжалась на приоритетной основе. Если вам потребуются дополнительные ресурсы, в плане людей или оборудования, не колеблясь их у меня спрашивайте. На этом данное собрание закончено.

И Магрит Кнудсен встала из-за стола.

— Если у вас, Оле, есть время, я бы хотела несколько минут провести с вами у меня в кабинете. Нам необходимо обсудить те модели, что находятся под вашим руководством. Вас, Томас, это также касается — если только в вашем календаре нет чего-то более срочного.

Тон Магрит недвусмысленно предполагал, что такой вариант она считает в высшей степени невероятным. Когда двое мужчин потянулись за нею следом, Сол Глауб повернулся к Алексу.

— После того, что сказала мадам Кнудсен, я уже не могу немедленно вас уволить, чего вы, несомненно, заслуживаете. Вообще-то я давно должен был понять, что не следует брать на работу человека, у которого денег куда больше, чем здравого

смысла. Но не смейте больше появляться на подобном собрании неподготовленным и выдавать результаты, которые вы десять раз не проверили и со мной не согласовали. Если я что-то по-настоящему терпеть не могу, так это сюрпризы. А теперь убирайтесь отсюда к чертовой матери, вы оба, и работайте над вашей трижды проклятой моделью.

Тут раздражение на его лице внезапно сменилось плохо скрываемым ликованием.

— Но вы видели физиономию Педерсена, когда вы об «устаревших моделях» упомянули? Вид у него был такой, как будто он раскаленными кнопками гадил.

13

— Итак, вы утверждаете, что модель Лонакер и Лигона — хлам? — Магрит находилась в своем кабинете вместе с Томасом де Билесом и Оле Педерсеном. Она стояла, и двум мужчинам тоже не предложила сесть. Таким образом Магрит указывала, что совещание будет недолгим.

— Вы можете быть правы, и даже вполне вероятно, что вы правы,— в принципе Магрит адресовалась к обоим своим собеседникам, но у тех не оставалось ни малейших сомнений, что она прежде всего разговаривает с Педерсеном.— С другой стороны, эта модель представляется радикально новой. Есть шанс, что она выдает предостережение, которое мы не вправе игнорировать. Поэтому я хочу, чтобы вы сделали следующее: выясните все, что возможно, об этой модели. Я особенно настаиваю на том, чтобы на каждый заданный вами вопрос был получен ответ, причем ответ настолько подробный, насколько вам это будет нужно. Далее мне потребуется ваша личная оценка этой модели. Не простое отбрасывание — хотя бы потому, что она отличается от тех, что разрабатывала ваша группа. Мне нужен будет реальный, доскональный анализ. В то же самое время держитесь простоты. Представьте себе, что вам потребуется отчитаться не передо мной, а перед Маканелли.

Магрит заметила, как Педерсен вздрогнул. Лоринг Маканелли был тем крестом, который она заставляла его носить — несмотря на все его жалобы, а отчасти именно из-за них. Оле Педерсен представлял собой любопытный типаж. Не слишком одаренный

интеллектуально, но предельно амбициозный, он был также вполне компетентен и в высшей степени понятлив. Магрит считала, что основываться следует на том, что люди реально могут, а не зацикливаться на том, чего они не могут. Существовало два способа мотивировать Оле Педерсена. Один состоял в том, чтобы обеспечить его повседневными испытаниями — например, извлечением толка из индивида, который был глуп, но достаточно логичен, хотя и тяжел на подъем. Таким индивидом являлся Лоринг Маканелли. Другой способ состоял в том, чтобы требовать очевидно невозможного и добиваться, чтобы Оле Педерсен время от времени это невозможное выполнял.

Именно второй способ заставил Магрит добавить:

— И не удовлетворяйтесь простой оценкой того, что вы выясните. Вам необходимо настолько досконально понять модель Лигона, чтобы вы сами смогли ее усовершенствовать.

Ссылаясь только на модель Лигона, Магрит тем самым гарантировала себе то, что Педерсен не станет тратить время на вопросы, адресованные кому-то помимо Лигона. Она ни секунды не сомневалась, что Педерсен понимает, чья это модель, и если перышки Сола Глауба окажутся растрепаны из-за того, что его обошли по служебной цепочке, Магрит потом отдельно с этим разберется. Чтобы облегчить себе последнюю задачу, она добавила:

— Хочу, чтобы ясно поняли одну вещь. Изучать вы будете новую модель и только новую модель. Я не даю вам полномочий рыться в других проектах, которые там есть.

Педерсен кивал. Он даже казался обрадованным. Магрит легко могла прочесть его мысли. Если модель имеет капитальные изъяны и Педерсен сможет их обнаружить, честь ему и хвала. Если же модель окажется безупречной, но Педерсен каким-то образом сумеет предложить свои ее доработки, он будет купаться в славе.

Магрит повернулась к де Билесу.

— У вас есть по этому поводу какие-либо вопросы, Томас?

— Нет. Если возникнут разногласия, я сделаю все, чтобы их уладить.

Что он, несомненно, сделает, и в чем он был очень хорош. Все оригинальные мысли Томаса де Билеса остались далеко в прошлом, зато он был великим посредником и примирителем. Когда он в ближайшем будущем уйдет на заслуженный отдых, Магрит не раз придется об этой потере пожалеть.

— Отлично! — Магрит повела их к двери.— Это задание имеет высший приоритет, и мне бы хотелось каждые пару дней получать отчеты. Краткие, не больше странички — пока вы не обнаружите что-то по-настоящему крупное.

«Пока», а не «если» — чтобы дать Оле Педерсену дополнительную мотивацию. Закрывая дверь и возвращаясь к своему столу, Магрит перевела дух. Ее работа требовала постоянных актов балансировки... но она не променяла бы ее ни на какую другую в Солнечной системе.

Регулярный ленч Магрит уже пропустила. Тогда она подогрела себе миску мягкой лапши, проглотила ее с пригоршней крекеров и просмотрела входящие сообщения. Одно показалось ей важным, хотя у нее не было времени обдумать его в деталях. Магрит сделала быструю распечатку, сунула документ себе в карман, после чего изучила список неотложных дел.

Лигоны. Весь этот трижды проклятый день казался битком набит Лигонами, хотя Магрит вынуждена была признать, что Алекс Лигон произвел на нее неожиданно приятное впечатление. Кейт Лонакер клялась, что он гений, и сегодня он, без всякого намека на ложную скромность, постоял за свою работу. К несчастью, Алекс казался именно тем исключением, которое лишь подтверждает правило. В поистине императорском сообщении от Проспера Лигона, переданном Магрит с головокружительных высот Штаба Совета, отчетливо проявлялось все то пренебрежение, какое может позволить себе только признанная власть и богатство: Магрит предписывалось как можно скорее вступить в контакт с Натали и Рашелью Лигон и незамедлительно организовать их встречу с арендатором Пандоры.

«Контакт», в данном случае, мог означать все, что угодно. Имея дело с кем-то могущественным, Магрит в высшей степени предпочитала встречу лицом к лицу в собственном кабинете. Таким образом твой собеседник не мог без твоего ведома призвать на помощь какие-либо мощные внешние ресурсы.

На сей раз пришлось ограничиться половиной. Натали и Рашель Лигон согласились встретиться лично, однако Магрит для этого необходимо было прибыть в корпоративный центр «Лигон-Индустрии». Она встала и направилась к двери, но затем передумала. Вернувшись к столу, Магрит вынула из ящичка имиджевый кубик и сунула его в карман. Если информация Совы была дос-

товерной — а в прошлом она никакой иной не бывала,— этот кубик мог пригодиться.

Все пятнадцатиминутное путешествие по высокоскоростным лифтам и скользящим дорожкам Ганимеда Магрит задумывалась о том, не допускает ли она ошибку. Если предположить, что Сове не грозило свидание с Натали и Рашелью Лигон, тогда кого еще из членов семьи смогут они предложить? Похоже, чтобы добиться желаемого, Магрит требовалось пойти на очередной акт балансировки.

Прибыв в корпоративный центр, Магрит представила свою идентификацию Факсу третьего уровня в наружном зале. Факс вежливо предложил ей сесть и сказал, что новости о ее прибытии будут переданы на соответствующие вечеринки. Магрит уселась в неудобное, угловатое кресло. Напротив нее оказались впечатляющие фрески с китовой командой и гигантскими сборщиками криля, с которых начался второй подъем империи Лигонов. Она сверилась с часами и отметила, что прибыла вовремя.

Тридцать минут спустя Магрит по-прежнему сидела в том же неудобном кресле. Факс, имевший вид привлекательного молодого человека, без конца извинялся. По его словам, ничего для ускорения этого процесса он сделать не мог. В более молодом возрасте Магрит могла бы испугаться или рассердиться. Теперь же она распознавала знакомую тактику. Важных гостей никогда не заставляли ждать. Это была довольно грубая попытка продемонстрировать Магрит ее место в воспринимаемом Лигонами порядке вещей.

Магрит проверила мобильный коммуникационный блок. Как она и ожидала, он не работал. По соображениям безопасности интерьер корпоративного центра «Лигон-Индустрии» был экранирован как в отношении входящих, так и исходящих сигналов. «Это ничего»,— подумала Магрит. Славно было на целый час оказаться отрезанной от других проблем. Кроме того, у нее накопилась масса занятий. Сова, во время их самого последнего разговора о семье Лигонов и ее требованиях, добровольно поделился с Магрит своей тревогой о том, что в Солнечной системе происходит «нечто новое и масштабное».

Какого рода нечто? Сова, горбясь в своем неимоверном кресле и хмурясь под черным капюшоном, признал, что он этого не знает. Это могло быть каким-то эффектом Невода, теперь уже полностью введенного в действие. Возможно, здесь было замешано еще какое-то развитие. В высшей степени логичному и организованному разуму Совы куда тяжелее было признать свою неуверенность, чем Магрит ее

принять. На данный момент он мог предложить ей лишь висцеральный дискомфорт — такое чувство, сказал он, как будто в его деликатной паутине информационного поиска случайно запуталась гигантская оса. Сова пообещал еще поработать и постараться сделать свои беспокойства более реальными и специфичными. А тем временем, добавил он, не могла бы Магрит сохранять бдительность на предмет чего-то нового под Солнцем, от цепи Вулкана до облака Оорта?

Она пообещала ему быть бдительной. А тем временем в очереди входящих сообщений у нее в кабинете уже появился кандидат на это «нечто новое и масштабное». Магрит вынула из кармана недавно сделанную распечатку, разложила ее на коленях и трижды внимательно прочла.

«Центральному совету Ганимеда, особо секретный доклад. 10/10/97, в 4:16:44, станция "Аргус" в юпитерианской точке Л-4 зарегистрировала сигнал, очевидно исходящий из-за пределов Солнечной системы. Его идентификатор, который дается здесь с целью подтверждения приоритета, следующий: АТ-66-ДБ-2214: О частоте, продолжительности и направлении сигнала будет доложено позже, предполагая, что процедура подтверждения даст положительные результаты. Согласно утвержденному протоколу, сигналу присвоено название "аномалия Ву-Бестона". Была проведена общая процедура регистрации, и мы переходим к подтверждению, прежде чем пытаться интерпретировать. Настоящее сообщение передается по плотному лучу двум и только двум адресатам: Ганимедскому государственному архиву и станции "Цербер" в юпитерианской точке Л-5. Подпись: Джек Бестон, директор проекта СЕТИ на станции "Аргус"».

Это, определенно, было что-то новое. Какую важность имело это новое, было уже совсем другое дело. За многие годы до Магрит доходили слухи о доброй дюжине контактов с внеземным разумом. Каждый кончался пшиком через несколько недель, когда его объясняли как природный радиоисточник, как сигнал человеческого происхождения из пределов Солнечной системы или как излишне оптимистичную оценку каких-то естественных данных, замаскированных под статистически значимую последовательность. Трудно было поверить, что этот сигнал окажется чем-то другим, однако, при следующем же разговоре с Совой, Магрит непременно ему на

него укажет. Сообщение было секретным, предназначенным только для поименованных адресатов, однако существовали весьма немалые шансы на то, что Свами Савачарья уже видел его и оценил. Сова обладал ненасытным любопытством в отношении вещей, которые ему знать не полагалось, а кроме того, он располагал личными зондами, посредством которых мог взломать код почти любого сообщения в Солнечной системе. Закодированные сигналы были для него все равно что черный шоколад с трюфельными конфетами — Сова так на них свои толстые губы и раскатывал.

Однако этот разговор должен был подождать. Факс-секретарь наконец-то замахал рукой, привлекая внимание Магрит. Дверь по ту сторону вестибюля раскрылась, и Магрит прошла туда, готовясь предстать перед инквизицией.

В зале оказались два женщины, обе стояли. Натали и Рашель Лигон. Магрит с легкостью узнала их благодаря досье на семью Лигонов, которым снабдил ее Сова. Они были достаточно похожи, чтобы легко сойти за близняшек, хотя Магрит знала, что они просто сестры с двумя годами разницы. Каждая из сестер была грудастой блондинкой с короткой стрижкой по последней ганимедской моде — челкой на лбу и закругленными прядями на щеках. Каждая носила платье цвета электрик, плотно обтягивавшее осиную талию и достаточно короткое, чтобы демонстрировать длинные, идеально стройные ноги.

Магрит находилась в слишком большой запарке, чтобы привести себя в порядок после импровизированного ленча. Как и на утреннем собрании, на ней по-прежнему была белая блузка и цветная юбка. На государственных уровнях такая одежда расценивалась как слегка вызывающая — на самой грани дозволенного, в плане служебной униформы. Теперь же, сравнивая себя с сестричками Лигон, Магрит чувствовала себя безвкусной, неказистой и неприбранной.

Впрочем, она мгновенно эти мысли отбросила. Здесь был не конкурс красоты. И не дружеская встреча. Последний факт еще больше прояснился, когда женщина слева — Рашель, прикинула Магрит, та, что чуть-чуть повыше и покрупнее — внезапно сказала:

— Кнудсен? Садитесь, и давайте поскорее с этим закончим. У нас совсем мало времени.

«Но ведь это именно ваш дядя, Проспер Лигон, настаивал, чтобы я с вами встретилась»,— подумала Магрит. Однако она мило улыбнулась, села за стол напротив сестер и стала ждать.

После долгой паузы та же самая женщина продолжила:

— Я Рашель Лигон. На самом деле нам вовсе не хотелось с вами встречаться. Мы хотим встретиться с тем мужчиной, Совой или как там его, который владеет арендой Пандоры.

«С тем мужчиной». Лигоны тоже выполнили свое домашнее задание. Магрит совершенно определенно знала, что пол арендатора Пандоры ни в одном из официальных документов не упоминался. Сова идентифицировался как Мегахиропс — по своему псевдониму, используемому в Сети Головоломок, тогда как Магрит именовалась просто связником. Однако, помимо всего прочего, на деньги можно было купить информацию.

— У меня есть все полномочия вести переговоры от лица Совы,— мягко отозвалась Магрит.— Что вы предлагаете?

— Мы не станем вести с вами переговоры,— Натали Лигон закончила с ледяными взорами и впервые раскрыла рот.— Мы предпочитаем иметь дело с самим Совой.

— Но почему? — Магрит прекрасно знала ответ на собственный вопрос. Сестры составляли пробивную сексуальную команду, которая уже получила от пары десятков самых твердолобых и рациональных бизнесменов наиболее выгодные для «Лигон-Индустрии» условия контрактов. Ей любопытно было услышать, какие причины приведут сами сестры, и она испытала истинное наслаждение, когда Натали в ответ сказала:

— Мы находим, что мужчины более восприимчивы к логическим аргументам, чем женщины.

— Возможно. Однако Сова не желает встречаться ни с вами, ни с любыми другими женщинами. Надо полагать, он находит их слишком логичными.

— С вами же он встречается.

— Только не в последнее время. А в то время, когда он действительно со мной встречался, у него не оставалось иного выбора. Он был моим подчиненным.

Это признание вызвало заметную реакцию. Идеальный лобик Рашели сморщился, а Натали сказала:

— Итак, Сова на вас работал. И он смог позволить себе долгосрочную аренду Пандоры?

— Впоследствии он стал очень состоятельным человеком.— Магрит задумалась, помнят ли люди вообще что-нибудь? Имя Свами Савачарьи гремело по Солнечной системе всего лишь

несколько лет тому назад, когда Сова удостоился богатого вознаграждения за его спасательную миссию на Европе.

Магрит не стала упоминать о том, что их собственный кузен Алекс Лигон, также обладающий немалым богатством, работает на нее теперь. Вместо этого она добавила:

— Сова очень богат. Он встречается только с теми, с кем пожелает.

Еще один огненный взор морозно-голубых глаз Натали. Рашель сказала:

— Очевидно, вы не желаете с нами сотрудничать. Это не вопрос денег. Мы настаиваем на разговоре с Совой. Мы убеждены, что при личной встрече сможем убедить его передумать насчет аренды Пандоры.

Настала пора для другой тактики. Магрит оглядела конференц-зал. Стены украшали трехмерные картины из семейной истории Лигонов, столь богатые и разнообразные, что невозможно было определить, какое оборудование за ними скрывается.

— Есть в этом помещении что-то, что смогло бы продемонстрировать нам имиджевый кубик?

Рашель просто нахмурилась, но Натали протянула руку и нажала на участок столешницы. В поле зрения тут же возник блок имиджевого дисплея, смонтированный как одно целое с отполированной поверхностью и практически от нее неотличимый. Магрит достала из кармана имиджевый кубик, вставила его и включила проектор.

— Вот,— сказала она, когда имиджевый клип появился,— Свами Савачарья, известный также как Сова, Великая Сова, а в Сети Головоломок...— при этом упоминании на лицах у сестер не отразилось ровным счетом ничего,— как Мегахиропс. Вот тот самый мужчина, с которым вы желаете встретиться. Этому клипу несколько лет. С тех пор как он был снят, Сова еще килограмм тридцать прибавил.

Магрит немного жульничала. Она специально выбрала такой эпизод, где Сова представал в самом что ни на есть зловредном виде. Сидя на корточках в Совиной Пещере, среди россыпи реликвий Великой войны, он изучал одно из своих сокровищ — лишенную мозга ракету типа «искатель». Свечение рубиновых датчиков «искателя» отражалось в темных глазах Совы. Он выглядел немытым и небритым — и, несомненно, таковым являлся. На Сове

были его обычные черные одеяния, предельно измятые, которые скорее подчеркивали, чем прикрывали его неимоверную тушу.

Натали от неожиданности негромко хрюкнула. Рашель не издала ни звука, но уставилась на картинку с разинутым ртом.

— Встреча не так уж невозможна,— продолжила Магрит.— Однако есть несколько вещей, которые вам следует знать, и о которых это изображение ничего не говорит. Сова не путешествует. Если вы действительно намерены с ним встретиться — чего лично я вам не рекомендую — эта встреча должна состояться у него дома.

— Вот это его дом? — Натали глядела на темные стены и мрачные бездны Совиной Пещеры.

— Совершенно верно.— Магрит мило улыбнулась сестрам.— Но там не так скверно, как может показаться. Все это оружие обезврежено — или, по крайней мере, так меня уверяет Сова. В вашей семье, как я понимаю, технарей нет. А Сова — типичный технарь. Он вечно разбирает все на части, потом снова собирает, без конца возится с компьютерами. Вы просто даром потратите на него время. Какая жалость, что в вашей семье нет никого со схожими интересами.

Рашель задумчиво изогнула стильные брови и взглянула на Натали. Та сказала Магрит:

— Оставайтесь здесь.

Затем обе сестры встали из-за стола и прошли к задней стене, которая при их приближении загадочным образом сделалась дверью.

Магрит осталась одна. Она вынула из проектора имиджевый кубик с Совой и сунула его обратно в карман. Было весьма маловероятно, что сестрички Лигон попросили бы снова его показать. Еще через пять минут Магрит встала и на пробу обошла вокруг стола, направляясь к тому месту, где исчезли Натали и Рашель. Стена так и осталась стеной. Очевидно, в нее был встроен какой-то код распознавания. Магрит вернулась к столу.

Еще через три минуты часть задней стены внезапно сделалась изображением Факса-секретаря. Его глаза стали поворачиваться, пока не воззрились точно на Магрит — там явно имелась какая-то замечательная программа распознавания, куда совершенней всего того, что можно было найти у Факса любой государственной конторы. Затем Факс сказал:

— Встреча закончена. Мне даны инструкции предложить вам немедленно покинуть корпоративный центр «Лигон-Индустрии».

Вот тебе и переговоры! По пути назад в свой кабинет Магрит оценила прошедшую встречу. С одной стороны, Лигоны прекратили требовать свидания с Совой; с другой стороны, было ясно, что они не пожелают общаться с Магрит; этого она, впрочем, от них и не ожидала. В самом конце встречи Магрит заронила в их умы зернышко нужной идеи — и в целом, это было все, на что она рассчитывала.

Снова оказавшись у себя в кабинете, Магрит попыталась связаться с Совой. Достучаться до него всегда было делом проблематичным, и Сова давным-давно заверил ее, что не бросит определенных священнодействий, даже если входящее сообщение известит его о том, что Солнце вот-вот станет сверхновой. Магрит тогда спросила, что это за священнодействия. Сова упомянул приготовление пищи, ее поедание, отыскивание реликвий Великой войны и размышление о сложных абстрактных проблемах.

— Но ведь это все, чем вы вообще занимаетесь,— заметила Магрит.

Сова немного подумал, сложил руки на животе и кивнул.

Сегодня он, по Совиным стандартам, не ел и не готовил. Да, перед ним стояли три миски с различными сладостями, но Сова не находился на кухне, возясь со всевозможными припасами, омарами и мелко нарезанными травами.

Наклоном головы Сова показал Магрит, что осведомлен о ее телеприсутствии.

Она помахала распечаткой.

— Это доклад со станции «Аргус» в Л-4. Я подумала...

— Я его прочел. Он интересен и, вероятно, актуален. Однако это не то центральное явление, которое вызывает мои опасения. То, что я чувствую, уходит корнями в прошлое и представляется более тревожным. Это единственная причина вашего присутствия? Если так, то простое сообщение...

— Это не единственная причина. Сова, сегодня я оказала вам немалую услугу. Я убедила двух членов семейства Лигонов в том, что встреча с вами ничего хорошего им не принесет.

— За такое облегчение большое спасибо.

— Но это вовсе не означает, что с вас или с меня снято давление. Поверьте, Сова, я знаю, что вы по этому поводу испытываете. Вы хотите, чтобы они совсем от вас отстали. Я тоже. Но

они не отстанут. Если только мы не обеспечим им серьезную причину, чтобы отстать, они будут давить и давить, пока живым или мертвым не выжмут вас из центра Пандоры. Есть у вас что-то новое, что я смогла бы использовать?

— Вы сами должны об этом судить. Я лишь могу представить вам то, что я обнаружил.

— Валяйте.

— Очень хорошо,— Сова закрыл глаза.— Полагаю, мы можем начать с Джакомо Лигона, чьи первые антарктические аренды были получены путем угроз, взяток и заказных убийств. Однако это было почти столетие назад. Отсюда я вывожу предположение, что здесь, вероятнее всего, применим некий свод ограничений.

— Если заглянуть достаточно далеко в родословную любого человека, там непременно найдутся разбойники. Так или иначе, это было на Земле, и юпитерианские законы здесь неприменимы. Сова, нам нужно что-то новое, какая-то зацепка за ныне живущих членов семьи.

— Не сказал бы, что я об этом факте не знаю. Однако мне по природе свойственно скорее быть всеобъемлющим, нежели поверхностным. Позвольте мне все же продолжить, и раз уж вы так желаете, я сосредоточу свое внимание на тех членах семьи Лигонов, которые в настоящее время живы и имеют местом своего проживания Ганимед. Наиболее многообещающий кандидат, поскольку он располагается в самом сердце финансовых дел Лигонов и имеет в них последнее слово, это Проспер Лигон. К сожалению — с нашей, разумеется, точки зрения,— мне не удалось обнаружить на этом человеке какое-либо пятно. Если он и интересуется чем-то помимо работы, мне не удалось ничего об этом узнать. Похоже, у него столь же незначительное число пороков, что и у меня.

Язык у Магрит так и зачесался, но она крепко его прикусила.

— Итак, Проспера Лигона вычеркиваем. Кто еще?

— Есть две сестры, которые специализируются в обольщении, наркотизации и последующем шантаже важных фигур в юпитерианском правительстве и коммерческих кругах. Однако, поскольку заинтересованные стороны гораздо скорее заинтересованы в сокрытии фактов, нежели в их разглашении, я вижу здесь весьма малую опору.

— Натали и Рашель? Эти две красотки — те самые, кто сегодня хотел с вами встретиться. Вам повезло. Полагаю, я спасла вас от обольщения, наркотизации и последующего шантажа.

— Несомненно. Я могу продолжать — или мы оба должны опуститься на уровень игривых комментариев? Итак, далее мы имеем Гектора Лигона, который, похоже, способен на любые недостойные проделки, если только они не требуют ни йоты здравого смысла или оригинальности. Мы определенно смогли бы поймать его на любом числе компрометирующих или незаконных действий. Печально, что никто из всей семьи пальцем не шевельнет и не даст ни су, чтобы его спасти. Даже его отец считает, что это просто вопрос времени, когда какой-либо особенно дурашливый акт со стороны Гектора приведет его к окончательному позору и отстранению от груди семейства Лигонов.

— Сова, я знаю, что вы предпочитаете быть доскональным. Но у меня через полчаса заседание Совета инспекторов, и если я приду туда неподготовленной, там непременно найдется пара людей, которым захочется накрутить мне хвост. Вы не могли бы прекратить перечислять тех членов семьи Лигонов, на которых мы надавить неспособны, и перейти к тем, на которых мы все-таки надавить можем?

— Осуществление последнего действия, безусловно, было бы в высшей степени желательно, однако таковое, боюсь, в настоящий момент невозможно. Юлиана представляется столь же свободной от грехов, что и ее дедушка Проспер. Различные пожилые тетушки были повинны во многих масштабных актах, но все это было так давно, что сегодня никому нет до этого никакого дела. Члены семьи, которые решили стать симбионтами, представляют определенный интерес, однако я должен провести дальнейшее расследование. Какое-то время я считал, что нашей лучшей надеждой является Каролюс, человек, очерненный грехами бесчисленными и подлыми; однако, к сожалению, мне пришлось убедиться в том, что у него также отсутствует всякий стыд. Если мы станем угрожать ему разоблачением, он просто посмеется над нами и сам во всем признается.

— Все верно. Буду ли я несправедлива, если выскажу резюме о том, что, согласно всему вышеизложенному, у нас ничего нет?

— Если вы и несправедливы, то по крайней мере точны.

— Тогда я рада тому, что мне удалось сделать сегодня. Но если все сработает, вам придется обдумать действие, которого вам делать не хочется.

Сова наконец открыл глаза, чтобы иметь возможность с укоризной взглянуть на Магрит.

— Логический свод вещей, которые мне хочется делать, представляет собой почти бесконечный набор. Предполагаете ли вы проявить специфичность или просто желаете дразнить меня неясностью?

— Вам придется встретиться с одним из Лигонов. Ничего-ничего, держитесь,— Магрит заметила, как Сова начинает ощетиниваться.— Это не просто какой-то Лигон. Это человек, который работает на меня. Я встретилась с ним и считаю, что вы двое сможете очень даже поладить.

— Гм!

— На сегодняшней встрече с сестрами я бросила наживку. Если они ее заглотили, я вправе предположить, что Алекс Лигон полетит с вами увидеться. После этого все будет зависеть только от вас. Вы хотите остаться на Пандоре? Тогда вам двоим придется заключить сделку, которая удовлетворит семейство Лигонов.

— А вы, я так понимаю, не имеете никаких предположений на тот счет, какой могла бы стать подобная схема?

— Конечно же не имею. Это ваша задача. Я хочу сказать, вы ведь очень умны, не так ли?

— Гм!

— Вот-вот. Именно так я и подумала. Теперь вам предстоит это доказать. А я должна бежать на заседание.

Избегая дискуссии, Магрит прервала связь.

Впрочем, с Совиной точки зрения, момент она выбрала исключительно удачный.

Ибо не успел коммуникационный экран побелеть, как там появилось самое что ни на есть высокоприоритетное сообщение от Морда.

14

Морд был сконструирован с великим умением. Множество раз пакет программ, разработанный Мордекаем Перельманом, мог куда скорее сойти за человека, чем за Факса самого высокого уровня.

Множество раз, однако сейчас был не тот случай. Контуры изображения на дисплее у Совы колебались, а голосу, который запросил немедленного внимания, недоставало обычной резкости тона, когда Морд, не успел открыться канал, произнес:

— Он — все, чем я только мог его вообразить.

Ремарке также явно недоставало обычной ясности Морда. Сова внимательно изучил колеблющийся образ.

— Могу я спросить, кого это вы чем-то себе воображали?

— Невод и его банки данных. Там тысячи новых, куда больше, чем вы предсказывали. Я уже попробовал сотни — и все равно чувствую, что еще только начал. Просто завораживает. Но там...— Морд помедлил, словно бы сканируя массив в поисках подходящего слова.— Страшновато там в Неводе. У меня было чувство, что я могу заблудиться. Нет, не заблудиться. Быть поглощенным.

— Эту опасность я уже предсказывал. Невод имеет пакеты программ, разработанных для отыскания и устранения блоков, лишенных внешних указателей.

— Я имел в виду не их,— Морд не был внутри Цитадели, но тем не менее находился в пределах Совиной защищенной среды. Дисплей начал приходить в норму, а голос Морда исполнился обычной презрительности, когда он продолжил.— Про мусорщиков я все знаю, я половину человеческой жизни избегал этого рода программ. Здесь совсем другое.

— Я все это время испытываю какое-то схожее чувство. Как будто что-то новое и очень крупное шевелится внутри Солнечной системы.

— Очень может быть. Но вы не испытывали этого чувства так, как я его испытывал. То есть, вы сидите там, хихикаете и чешетесь, а я тут в самой гуще этого дела торчу.

— Вы чувствуете опасность вашего уничтожения?

— Это тоже не совсем так. Не так, будто я какой-то паразит. Скорее, я чувствую, что могу быть впитан в общую структуру Невода и стану его частью. Я этого не хочу.

— Если вас это тревожит, вы можете оставаться здесь и пребывать внутри Цитадели. Ее целостность и отграниченность от влияния Невода, судя по всему, полная.

— Не-е,— идеально имитируя человеческий жест, Морд помотал головой.— Там, в Неводе, интересно. Там целая новая вселенная, в которой можно играть, даже если все время приходится следить, чтобы тебе задницу не подпалили. Я пришел сюда не защиты искать и не сообщать вам, что я работаю нестабильно и что у меня от этого ум за разум зашел. У меня есть для вас барахлишко. Помните, вы просили меня поискать что-нибудь, где упоминался бы астероид под названием Мандрагора?

— Я сделал это по очень веской причине. Мандрагора была домом для Надин Селасси — легендарного гения Пояса, изобретательницы оружия, которая помимо всего прочего разработала «искатели». Считается, что она умерла на Мандрагоре в самом конце Великой войны, занятая разработкой определенного рода абсолютного оружия, дальнейшие подробности о котором неизвестны. Сообщалось, однако, что это не было оружие для ответных ударов. Скорее оно предназначалось для вселенского разрушения.

— Проклятье, я и сам все это знаю. Вы мне сказали, и я не забыл. Я вам не какой-нибудь безмозглый человек. Но правда ли это? Я хочу сказать, правда ли, что она умерла? Вы в этом уверены?

— Вся Мандрагора была подогрета до трех с лишним тысяч градусов в результате прямого попадания тератонной бомбы. Она превратилась в шар булькающей магмы. Я сам видел изображения...— Сова сделал паузу.— Могу я предугадать ваш следующий вопрос? Вы собираетесь спросить меня, уверен ли я в том, что Надин Селасси была в то время на Мандрагоре.

— Вы правильно меня поняли.

— Прямых доказательств этого факта у меня нет. Однако я не вижу причины в этом сомневаться.

— Тогда держитесь за кресло, толстомясый, потому что я собираюсь вам эту причину предоставить. Я бродил по новым банкам данных — по тем местам, куда больше никто не удосуживается заглянуть. Там тысячи таких маленьких тайничков информации, которые до Невода были полностью изолированы. Я зафиксировал банк данных одного из астероидов класса «амур» — тех, что пересекают орбиты и Земли, и Марса. Этот астероид имел — и по-прежнему имеет — название Геральдик, и на нем во время войны существовала маленькая колония. Хотя он и принадлежал Поясу, он не был настолько важен, чтобы Земля его долбанула, а потому его вообще никакое оружие не тронуло. Это не слишком помогло его обитателям, поскольку они не были самодостаточны, а их системы жизнеобеспечения в дальнейшем полностью отказали. Короче, все изголодались до смерти, и постарались оттуда смотать.

— Куда они отправились?

— Неясно. Согласно оставшимся на Геральдике архивам, они направились к реабилитационным лагерям на Каллисто, но я не обнаружил никаких свидетельств того, что они туда добрались. Если они и добрались, то домой уже никаких весточек не отправляли. Банк

данных Геральдика оставался заброшенным и нетронутым, пока несколько месяцев тому назад дистанционные Невода не вошли туда, не установили соединитель и не подключились в общую базу.

— У вас есть код ссылки?

— Жрет ли Свами Савачарья шоколад? Конечно, у меня есть код ссылки. Сами сможете посмотреть, когда мы закончим. После того как война завершилась, но задолго до того, как колонисты плюнули и снялись оттуда, на Геральдик прибыли три беглеца с Пояса. Женщина с двумя маленькими детьми села туда на потрепанном корабле со способностью к планетарному приземлению. Один из детей, мальчик, казался в порядке, а вот девочка была обречена на смерть. Ее легкие были сплошь беспорядочно растворяющейся тканью. С опаленными легкими, обширными ожогами кожи и сломанной спиной, она уже и так почти умерла. Колонисты не смогли как следует с ней поработать, потому что медикаменты кончались, да у них и с самого начала толкового медицинского центра не было. Но что-то они все-таки сделать попытались. Прежде чем они закончили с терапией, пока женщина все еще была развалиной, девочка умерла. После кремации дочери — она настояла именно на кремации вместо космического погребения — женщина кое-как оправилась и отбыла с Геральдика, забрав с собой мальчика.

— Куда она отбыла?

— Сами догадайтесь. Запись отсутствует. Она сказала, что они прибыли с Цереры и собираются туда вернуться, но это почти наверняка была ложь. Орбитальная геометрия была совершенно не та, и Церера находилась по другую сторону от Солнца, когда они туда прибыли и когда оттуда отбыли. Людей на Геральдике это особенно не интересовало. У них свои заботы имелись. Женщина сказала, что ее зовут Перл Ландрикс, но я догадываюсь, что это тоже была ложь.

— Морд, я очень терпеливый человек,— Сова проигнорировал смешок с дисплея.— Однако до сих пор вы не предложили мне ни единой крупицы доказательства того, что женщина, прибывшая на Геральдик, не была той, кем она представлялась, а именно: бедной и беспомощной беженкой с пострадавшими детьми на руках. У вас совершенно определенно нет никаких причин связывать ее с предположительно покойной Надин Селасси.

— Никаких причин, если не считать пары вещей, которые я вам изложу, если вы ненадолго заткнетесь. Когда врачи на Геральдике оперировали этой женщине спину, они положили ее под

наркоз, а перед этим, в порядке подготовки, проделали обычные тесты, чтобы посмотреть, нет ли у нее аллергии к каким-то из использовавшихся наркотиков. Частью этих тестов являлось составление рутинной генетической карты. В одной из хромосом они обнаружили необычную исправленную трисомию. Тот, кто проводил тест, сделал пометку: единственные больные с подобной исправленной трисомией поступали к ним с Мандрагоры...— Морд сделал паузу.— Что-то вид у вас не слишком довольный.

— Я полон горького презрения — к самому себе. Поскольку этот банк данных теперь открыт, мне следовало искать ссылки на Мандрагору. Я же оказался неспособен этим заняться. Надин Селасси родилась на Мандрагоре и всю свою работу проделала именно там. Однако, если это и есть ваше доказательство, оно решительно разочаровывает. Оно не предлагает никакой связи так называемой Перл Ландрикс с Надин Селасси. Тип генетической аномалии, который вы описали, не был так уж редок на Мандрагоре. По сути, он был достаточно обычен для местных колонистов и столь же традиционно исправлялся. Он исключителен лишь для других частей Солнечной системы.

— Я еще не закончил. Маленькая девочка умерла и была кремирована. Но когда они еще только прибыли, и прежде чем колонисты поняли, что ничего не могут сделать для спасения девочки, они, опять же в порядке рутинной процедуры, провели сканирование ее генома и общий медицинский осмотр. Сканирование генома совершенно определенно показало, что женщина и девочка не были связаны родственно.

— Во времена войн и катастроф усыновление и удочерение — обычное дело.

— Бросьте с этим бороться, Мегачипс. У вас уже глаза блестят. Вы верите, что здесь что-то есть. И я опять-таки не закончил. Перед кремацией — еще одна рутинная процедура — тело девочки подвергли осмотру. Это не было полноценное вскрытие, и все же тот, кто его проводил, решил, что результаты слишком странны, чтобы следовало включить их в досье. У девочки присутствовали аномалии, которые не имели ничего общего с ее повреждениями. Похоже, кто-то похимичил с ней еще до рождения — с ее мозгом и некоторыми другими органами. Теперь скажите мне: была Надин Селасси биологом?

В моменты высшего возбуждения Сова обращался к еде. И теперь он так плотно набил себе рот апельсинными цукатами, что

прошло несколько секунд, прежде чем он смог прожевать их и проглотить, чтобы ответить на вопрос Морда.

— Даже после тридцати лет серьезных исследований Надин Селасси осталась фигурой, окутанной всевозможными загадками. Что касается оружия, то она была главной разработчицей самых экзотических его видов, какие когда-либо обнаруживались или терялись. Я вынужден во многом полагаться на слухи и домыслы, но по всем оценкам она была уникальна. Сферы приложения ее талантов включали в себя биологию, химию и физику. Если может так получиться, что она до сих пор жива...

— Нет. Даже предполагая, что Перл Ландрикс была Надин Селасси. Медицинское заключение о ее состоянии до операции и после по-прежнему находится в информационной базе на Геральдике. Когда она оттуда отбывала, ей порекомендовали отправиться в лучший лечебный центр, какой она только сможет найти. Если бы она это сделала, причем максимально быстро, она смогла бы прожить еще десять лет. А если бы она не получила лечения, она прожила бы еще от силы пять. В любом случае это было тридцать лет тому назад. Успокойтесь, Сова. Ее уже нет.

— Вы безусловно правы,— Сова стремительно перешел от скепсиса к истинной вере.— А ее наследство, ее абсолютное оружие...

— Его тоже нет. Если, конечно, нам так повезло.

— Возможно,— Сова принялся оглядывать Совиную Пещеру, словно подыскивая там подходящее местечко для еще одной реликвии Великой войны.— Можно только задумываться, каким оно могло быть,— он встал, что в условиях минимальной силы тяготения в Совиной Пещере походило скорее на акт левитации.— Сегодня, еще до вашего появления, целый ряд инцидентов привел к тому, что я не получил никакой возможности толком подумать. Прошу вашего снисхождения. Теперь я должен пойти и поискать обстоятельства, которые позволят мне восстановить умственное равновесие.

— Иначе говоря, пойти и брюхо набить? Ладно, с меня довольно. Я отсюда сваливаю.

И образ Морда исчез. Как всегда, Сова задумался о том, что это только что отсюда исчезло. Морд представлял собой всегонавсего иную форму Факса, набор логических операторов, материализованный в виде эфемерного вихря электронов. Сегодня, однако, загадка бестелесного существования Морда осталась

лишь мимолетной мыслью. На уме у Совы было что-то куда более насущное.

Вместо того чтобы направиться в другой конец Совиной Пещеры к радостям кухни, Сова медленно осел назад в мягкое кресло. Затем он вслух произнес:

— Что-то еще более убийственное, чем ракета типа «искатель». Что-то еще более удивительное, чем сверхадаптированные люди, о которых мы узнали во время инцидента на Европе. И все же они дожили до настоящего времени. Так почему бы не эти? Морд тоже это чувствует. Что-то шевелится внутри Солнечной системы, что-то большое и загадочное. Абсолютное оружие? Или абсолютная общая иллюзия?

Вот зачем человеку требовалось одиночество. Вот почему он не мог позволить, чтобы его прерывали постоянной трескотней почтовых отправлений и новостей СМИ. Магрит, недавний разговор с которой уже казался Сове старым и далеким, сформулировала это сжато и точно. Свами Савачарья был умен.

И он был не на шутку озадачен.

Сова установил звездные часы более чем на тридцать лет назад и запросил астрономические программы по определению положения и скоростей избранной группы тел в Солнечной системе.

Мандрагора — Геральдик — Церера. Морд был прав. Транзит от Мандрагоры до Геральдика должен был в последние дни Великой войны стать очень легким. Но перемещение оттуда на Цереру? Это было бы весьма долгое и энергозатратное путешествие.

А как насчет других мест назначения? Сова указал те, которые он счел наиболее вероятными, учитывая Геральдик как начальную точку, и запросил оценку.

Один пункт сразу же выпрыгнул из всего пакета. Марс. Если Перл Ландрикс — или, быть может, Надин Селасси — хотела добраться куда-то в своем жалком кораблике, Марс оказывался самым предпочтительным выбором. Но Марс и сам был изрядно потрепан в Великой войне. Он представлял собой первое место назначения, но определенно не конечное.

Так куда? Если Надин Селасси действительно несла с собой абсолютное оружие, способное сделать Солнечную систему «темнее дня», куда бы она его с собой захватила — или, если она умерла, как настаивал Морд, куда бы она его отправила?

Сова много часов сидел в одиночестве, размышляя над вопросами, на которые нельзя было ответить. Его не оставляло чувство, будто силы, которые он ощущал лишь смутно, постепенно к нему приближаются.

15
НА БОРТУ ЛВС «АХИЛЛЕС»

Марс, по крайней мере для Янины, в лучшем случае обещал стать разочарованием. В худшем случае он мог обернуться катастрофой. Для начала никому на борту «Ахиллеса» не было позволено высадиться. Кораблю предстояло подойти к планете не ближе геостационарной орбиты, в семнадцати тысячах километров над поверхностью, а потом двое суток торчать там в ожидании. Насколько могла судить Яна, к Марсу они завернули по трем не связанным друг с другом причинам: для проведения официальной инспекции двигателей; для приема на борт еще восьми пассажиров, направляющихся в систему Юпитера; и наконец чтобы подобрать того единственного пассажира, который беспокоил Яну,— доктора Вальнию Блум.

Почему Вальния Блум так хотела новых встреч с Себастьяном? Вполне можно было считать, что в процессе всех обследований, умственных и физических, проведенных на Земле и на орбите Земли, проверке подверглось все, что только можно было проверить. Кроме того, чего доктор Блум хотела от Янины Яннекс? Всего пару часов тому назад Яна выяснила, что она также внесена в график новых занятий с главой Ганимедского научно-исследовательского центра.

С того момента Яна находилась словно бы под арестом. Теперь она просто глазела на поверхность и ждала. Восторг, который она испытывала с тех пор, как покинула Землю, таял с каждой минутой. Вальния Блум уже села на борт и сразу же взялась за Себастьяна. Не может ли так получиться, думала Яна, что теперь, когда они уже забрались так далеко, их с Себастьяном отвергнут и отправят обратно на Землю? Яна бродила по кораблю, надеясь встретить Пола Марра и, быть может, получить заверение в том, что принятие на борт «Ахиллеса» означает окончательное одобрение перспективных колонистов Внешней системы. Однако старпома нигде не обнаруживалось. Яна предположила, что он вместе с марсианскими инспекторами находится за переборкой, на которой

красными буквами значилось: ПАССАЖИРАМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН.

Панорама Марса никакого облегчения Яне не предлагала. Планета как раз переживала одну из своих периодических, в месяц длиной, пылевых бурь, что затуманивали ее румяную физиономию почти до самых полюсов. День там еще только начинался, и Яна различила — или представила себе, что различила — гигантскую трещину Долины Маринера. Но это было все. Марс силился подобраться к своему довоенному населению в семнадцать миллионов человек, однако никто, видя этот мир с наблюдательного поста Янины, не узрел бы никаких свидетельств их существования.

Совершенно внезапно, после, как показалось, целой вечности ожидания, Яна почувствовала, что ее трогают за локоть. Это оказался Себастьян, который по своему обыкновению двигался неслышно как кот. Бросив краткий взгляд в иллюминатор, он пренебрежительно скривился — «Никаких облаков!» — и сказал:

— Твоя очередь.

— К доктору Блум? Что она тебе сказала? Что ей нужно? Как вообще все прошло?

— Отлично! — Себастьян улыбнулся.— Очень хорошо.

На большее Яне, скорее всего, рассчитывать не приходилось. Она кивнула, резко развернулась и на максимальной скорости устремилась к каюте, где Вальния Блум устроила свой временный кабинет. Подойдя к двери, Яна заколебалась. Ей вовсе не хотелось показаться сильно озабоченной или нервозной. Она пригладила волосы, выждала еще пять секунд, затем постучала в дверь и вошла.

Вид у Вальнии Блум был, как всегда, какой-то напряженно-изможденный. Ее словно бы все время тошнило. Она кивнула Яне, махнула в сторону кресла и сказала:

— Это ненадолго.

Наверное, доктор Блум думала, что этим она Яну утешит. Однако выражение ее лица производило обратный эффект. Следующие ее слова были и того хуже.

— Итак, Янина Яннекс, во время предыдущей нашей встречи вы сказали, что знаете Себастьяна Берча более тридцати лет, с тех пор как вы были маленькими детьми. И, насколько вам известно, его никогда по той или иной причине не помещали в какое-либо лечебное учреждение?

— Нет! — возглас буквально вырвался из Яны. Всю свою жизнь она защищала Себастьяна, доказывая, что он нормальный, оправдываясь за него, когда он делал что-то особенно чудное, объясняя недостаток его интереса к обычной учебе. И вот теперь, когда она было подумала, что все это в прошлом, оно снова вернулось.

— Он просто медленно схватывает, только и всего,— сказала Яна.— Зато если он что-то для себя уяснил, это уже навсегда.

— Охотно верю,— Вальния Блум изучала дисплей, специально развернутый так, чтобы Яна его не видела.— Не подвергался ли он какого-либо рода операции на головном мозге?

— Нет,— в голове у Яны немедленно выскочило слово «опухоль».— С ним ведь все хорошо, правда?

— Физически он в очень хорошей кондиции. Иначе бы его на этом корабле не было. Однако сканирование его головного мозга показывает весьма неравномерную мозговую активность. В добавление к странной активности медиатора, отмеченной Кристой Мэтлофф, в одном из отделов существует дополнительная ткань. Функции этой ткани остаются загадкой. И что касается его умственных способностей, то они также весьма необычны. Есть признаки классического случая «умственно дефективного лица», хотя он под эту категорию не вполне подпадает. Его врожденное понимание сложных динамических систем погоды является, насколько я могу судить, беспрецедентным. Он говорит, что может воображать себе, как зарождаются и развиваются бури на Юпитере и Сатурне. Причем, что еще более странно, гораздо отчетливее, чем он представляет себе погодные системы Земли.

Вальния Блум хмуро глазела на дисплей. Яна тем временем внутренне содрогалась и недоумевала: «Зачем она мне все это рассказывает?»

— И ничего похожего на эпилептический припадок? — наконец спросила доктор Блум.— Никакой потери физического контроля или вспышек буйства?

— Никогда,— Яне хотелось расхохотаться — такой нелепой ей казалась идея о буйстве применительно к Себастьяну.— Он самый добродушный человек на свете.

— Он определенно самый флегматичный,— Вальния Блум кивала, но скорее себе самой, нежели Яне.— Еще я хотела бы убедиться, что вы не прикрывали Себастьяна способами, о которых предпочли бы не упоминать. У меня есть причина считать это весьма

существенным. Я знаю, что вы оба настаиваете на том, чтобы вас рассматривали как единую команду, что в высшей степени необычно для людей, не являющихся половыми партнерами.

— Мы не половые партнеры.

— Я знаю.

— И никогда ими не были. Он мне как брат.

— Именно поэтому я хотела встретиться с вами, прежде чем что-либо предпринимать. Итак, вы пришли как единая команда. Я понимаю это и ценю. Но что бы вы сказали, если бы мне пришлось, так сказать, взять Себастьяна под свое крыло?

— В смысле... что вы хотите сказать?

— Я бы хотела с ним поработать и понять, почему он так отличается от других людей. Он станет одним из моих персональных научно-исследовательских проектов. Нет-нет, вы по-прежнему будете проводить вместе столько времени, сколько вам захочется, и видеться тогда, когда вы пожелаете. Но вы совершенно определенно не сможете ежедневно работать бок о бок. Вы больше не будете единой командой. Я хочу знать, насколько это для вас приемлемо?

В каком-то смысле это было самой старой и заветной мечтой Яны — чтобы Себастьяна ценили за то, что он мог делать, и чтобы он не нуждался в защите из-за того, что было в нем странного и непонятного. Но поскольку Яна уже очень долго играла свою роль, ей пришлось спросить:

— А если покажется, что у Себастьяна возникают сложности... Вы первая о них узнаете и будете призваны на помощь.

— Тогда я согласна. По-моему, это чудесная возможность. Скажу вам откровенно, доктор Блум, когда вы его узнаете, вы поймете, что он самый милый, самый безропотный человек на Земле... нет, не только на Земле, на всем белом свете. Я страшно рада за Себастьяна. И спасибо вам за то, что вы делаете.

Яна хотелось податься вперед и обнять суровую, узкоплечую женщину, что сидела напротив нее. Но она подумала, что это не будет оценено по достоинству. Тогда ей пришлось ограничиться всего лишь улыбкой до ушей.

— Не стоит меня благодарить,— Вальния Блум потянулась к незримому для Яны дисплею и с какой-то окончательностью во взгляде ткнула одну из клавиш. Затем она подняла глаза и нехарактерно улыбнулась Яне в ответ.— Прежде чем вы, Янина Яннекс, уйдете, я хочу, чтобы вы поняли — я это делаю вовсе не

потому, что я, подобно Себастьяну Берчу, самый милый человек на Земле или где-то еще в Солнечной системе. Я это делаю по своим собственным эгоистическим мотивам. Мне так же сильно хочется изучить Себастьяна Берча, как вам — позаботиться о том, чтобы никто не причинил ему вреда. Это все.

С таким страхом ожидавшаяся встреча закончилась! «Ахиллес» находился на стабильной орбите, и интерьер судна формировал окружающую среду с микрогравитацией, но Яна чувствовала, что не составило бы никакой разницы, будь она по-прежнему на Земле. Выходя из кабинета, она все равно плыла бы по воздуху, несомая одной лишь эйфорией.

Яна устремилась вперед, чтобы найти Себастьяна и сообщить ему хорошие новости. Он лежал на узкой койке, глазея в никуда — или, согласно Вальнии Блум, разглядывая развивающиеся штормовые системы, который только он один во всей Солнечной системе и мог себе представлять.

— Я виделась с доктором Блум,— Яна встала в ногах койки, улыбаясь Себастьяну.— Все в порядке.

На его круглом лице появилось озадаченное выражение. Затем Себастьян сказал:

— Конечно.— И без всякой паузы: — Я проголодался. Может, пойдем пообедаем?

Возможно, Вальния Блум пыталась что-то Яне сообщить. Действительно, во многом она по-прежнему защищала и направляла Себастьяна, хотя на взгляд любого другого он был не ребенком или подростком, а взрослым, физически зрелым мужчиной. Быть может, стараясь ему помочь, она стала частью его проблемы?

— Можешь сам сходить,— ответила Яна.— Я потом пообедаю.

Себастьян кивнул и сел на койке.

— Тогда я пойду,— сказал он и радостно выплыл в коридор.

Сам по себе, отметила Яна, не нуждаясь в чьем-либо руководстве. Она зашла в соседнюю каюту и легла на свою койку. Ей требовался час-другой одиночества, чтобы попробовать отказаться от некоторых поводов для улыбки.

Судя по всему, ей это не удалось. Поводов для улыбки осталось множество. Когда через три часа Яна отправилась пообедать, она впервые обнаружила в пассажирской столовой Пола Марра. Правда,

он питался с другой группой, за другим столиком, так что он всего лишь взглянул на Яну и сказал:

— Хотел бы я тоже иметь повод так улыбаться.

Сам по себе обед стал любопытным разочарованием. Человек, с которым Яне жуть как хотелось поговорить, находился за соседним столиком, ведя вежливый и беспристрастный разговор с пассажирами, которые там сидели. Яна отметила, что его белая форма была такой же безупречно чистой и хорошо выглаженной, как всегда, но его руки и ногти на сей раз казались отчищенными от всяких следов трудовой грязи. Временами Пол Марр бросал на нее взор, но не так часто, чтобы заметили остальные.

Соседи Яны по столику составляли пеструю компанию. Четверо из них: мужчина, женщина и двое их детей, только что прибыли с Марса, и на данный момент в микрогравитационной среде есть им особенно не хотелось. Были там еще двое предполагаемых горнорабочих, которые на Земле служили в их конторе. Яна уже несколько раз с ними обедала, и они ей очень понравились, хотя говорили они в основном о своем блестящем будущем в крутом ковбойском обществе на Каллисто. Разглядывая их нежные ручонки и пухлые торсы, Яна желала им в этом будущем не разочароваться.

И был там еще Джадд О'Доннелл, громогласный олух, который, похоже, так и выискивал Яну, и которого она как могла избегала. Как обычно, он настоял на том, чтобы рядом с ней сидеть. Сегодня вечером его главный вклад в беседу был сделан, когда на обед в качестве первого блюда подали рыбу. Один из предполагаемых горнорабочих сказал, что рыба так хороша, так вкусна, что ее, должно быть, живой с Марса доставили. Марсианское семейство подозрительно на него уставилось, но промолчало.

А Джадд О'Доннелл во всеуслышанье объявил:

— Знаете, как узнать, что рыбу, которую вы едите, выловили в марсианском канале? — и, когда никто ему не ответил: — Просто выключаете свет и смотрите, как она в темноте светится.

Он громко рассмеялся. Мужчина с Марса вздрогнул, а женщина велела своим детям сидеть тихо. Через тридцать лет после окончания войны уровни радиоактивности на Марсе по-прежнему оставались высоки, особенно в водных залежах. Мутации были обычным делом. Строгая евгеническая программа сдерживала рост человеческого и животного населения, и у большинства семей среди жертв имелись родственники.

Это задало тон всему остальному обеду. Входя в столовую, Яна чувствовала себя на верху вселенной. К тому времени, как люди стали рассасываться, она уже не могла дождаться, когда ей удастся оттуда смыться. Но Яна оставалась сидеть, стоически перенося попытки О'Доннелла пошутить и дожидаясь, пока Пол Марр встанет со своего места и пойдет на выход.

Наконец она поняла, что больше терпеть не может. Поднявшись из-за стола в середине очередного анекдота О'Доннелла, Яна вышла из столовой. Не успела дверь за ней закрыться, ее уже открывал кто-то еще.

— Уфф! — это оказался Пол Марр.— Этот жирный мужчина за моим столом. И его болтовня о том, как он собирается экономику Внешней системы преобразить... Я думал, вы никогда не уйдете.

Это звучало достаточно откровенно. Яна могла поиграть в застенчивость, но какого черта?

— Я то же самое о вас подумала. Мне казалось, вы там потрясающе время проводите, пока я сижу и страдаю. У вас была экономика, а у меня — безвкусные шутки.

Остальные пассажиры по-прежнему выходили из столовой и проплывали дальше по коридору. Пол Марр оставался в метре с лишним от Яны, и голос его был мягким и непринужденным, когда он сказал:

— Шуток и экономики нам для одного вечера уже хватило, а здесь слишком людно, чтобы подробно все это обсудить. Не заинтересует ли вас тихая выпивка у меня в каюте?

— Думаю, заинтересует,— Яна старалась говорить так же расслабленно, как и Пол.— Хотите, чтобы я прошла вперед?

— О нет, не думаю, что это необходимо. Нет ничего страшного, если пассажирка захочет взглянуть на двигательное отделение, не так ли? Между прочим, инспекция всеядцев прошла на удивление гладко. Менее чем через двадцать четыре часа мы уже будем в пути.

Для тех мужчин и женщин, мимо которых они проплывали, разговор мог показаться вполне обычным, если не скучным. У этих мужчин и женщин не было соответствующего устройства, чтобы измерить пульс Яны или зафиксировать слабое подрагивание ее рук. Еще один поворот, и покажется выход из пассажирского отсека. Если она хотела передумать, лучше было сделать это сейчас.

Они подошли к переборке с красными буквами. Пол открыл дверцу и провел туда Яну. Вместо того чтобы направиться по

выкрашенному ядовито-зеленой краской коридору, Пол резко повернул налево. У второй по счету дверцы он помедлил.

— Конечно, это не капитанские каюты, но это мой дом. Прошу.

Яна оказалась в помещении, быть может, вдвое большем по сравнению с ее каютой. Обставлено оно было с удивительным вкусом и деликатностью. Кресла казались легкими и хрупкими на вид, предназначенными для корабля, где гравитация редко превышала половину «жэ», но их форма была удивительно элегантна. На пастельно-розовых стенах (Яне этот цвет вообще-то не очень нравился) висело с полдюжины картин, в которых она заподозрила оригиналы. Подозрение подтвердилось, когда в нижних правых углах картин Яна различила аккуратную подпись «П. Марудини». Она взглянула на старпома, и тот развел руками.

— Я был очень молод, когда начал рисовать. Тогда мне казалось, что фамилия Марудини больше подходит для художника. А теперь уже поздно что-то менять.

Он стоял у небольшого столика в углу, открывая две конические бутылки, на каждой из которых виднелись капельки конденсата. Сразу за ними стояла ваза, полная роз. Уровень освещения в каюте был чуть ниже, чем на остальном корабле.

Наполовину спрашивая, наполовину утверждая, Яна произнесла:

— Вы ожидали, что я с вами сюда приду.

Пол кашлянул.

— Вообще-то нет. Скажем так — перед обедом я на это надеялся. Но затем я понял, что раз мы сидим за разными столиками и я ничего не могу с этим поделать, у нас будет не так много шансов поговорить. Извините. Должно быть, я показался вам слишком груб.

— Я так не думаю.— Яна взяла одну из бутылок. Она уже худо-бедно научилась пить в условиях микрогравитации, однако деликатный, церемонный глоток оказался за пределами ее возможностей. Выжав в рот слишком много вина, Яна вынуждена была с трудом глотать.

— Все в порядке? — спросил Пол.

— Просто поперхнулась. Вино очень хорошее, похоже на земное.

— Оно и есть земное. Его сделали на юге Чили — не так далеко от того места, где вы жили.

Итак, он знал, где она на Земле жила. Пол выполнил свое домашнее задание.

— А розы тоже оттуда?

Он кивнул.

— Из Пунта-Аренаса. Цветочного города,— сделав глоток вина из своей бутылки, Пол с задумчивым видом его посмаковал.— Догадываюсь, с доктором Блум все прошло хорошо?

— Вы с ней говорили?

— Нет. Я видел ваше лицо. Вы были похожи на кошку, которая изловила попугайчика.

— На борту «Ахиллеса» это было бы нелегко.

— Совершенно верно,— Пол отхлебнул еще.— Никаких домашних питомцев здесь иметь не дозволяется.

— А также пассажиров за переборку водить.

Разговор был непринужденным, но ниже его бежал сильный подводный поток сексуального возбуждения. Яна заметила, что в каюте отсутствовала кровать. Что произойдет, если все будет развиваться так, как она ожидала? Начнутся забавы в невесомости? Она чувствовала себя нервозной, но решительной.

— Но вы так и не ответили на мой вопрос,— продолжил Пол.— Все ли у вас получилось с доктором Блум, как вы надеялись? Знаете, для нее довольно необычно желать еще одной встречи с будущими колонистами после того, как они покидают земную орбиту.

— Все прошло очень хорошо,— Яна задумалась, как бы выразить это в словах.— До этой встречи я порядком нервничала, хотя никакой причины у меня не было. Вот почему я теперь так славно себя чувствую, как будто я только что родила.

— Родили? И что же?

— Не что, а кого. Тридцатилетнего мужчину. Всю свою жизнь я присматривала за Себастьяном и принимала за него решения. Доктор Блум посоветовала мне остановиться. Мне будет тяжело, но я должна последовать ее совету. Ради самого Себастьяна.

Опустив голову, Пол старался на нее не смотреть.

— Вообще-то ни одному пассажиру я бы этого не сказал, но я чувствую к вам близость, и вы должны это знать. На борту ходит много разговоров о Себастьяне Берче. В частности, люди говорят, что у него либо задержка в развитии, либо серьезные умственные проблемы.

— Я знаю. Все это неправда. Себастьян странный, но доктор Блум говорит, что у него есть таланты, которых она никогда

раньше не встречала. Она хочет проводить с ним много времени. И она хочет, чтобы я с ним поменьше общалась.

— Вот, значит, что вы имели в виду под рождением. А то я на секунду забеспокоился.

Он явно предлагал ей спросить, почему. Вместо этого Яна протянула Полу коническую бутылку и сжала ее.

— Вино кончилось. Я слишком быстро глотала. Но потягивать мне пока сложно.

— Хотите еще?

— Не думаю.

— Тогда ладно,— Пол отпустил свою бутылку, оставляя ее висеть в воздухе. После нескольких мгновений нерешительности, когда Яна тоже чувствовала себя в подвешенном состоянии, он пододвинулся поближе и обнял ее. Первый его поцелуй показался пробным. Яна откликнулась куда более энергично. Когда они сделали паузу, чтобы глотнуть воздуха, Пол спросил:

— Первый раз в микрогравитации?

— Да.

— Тогда будет немного трудно. Делай как я,— между поцелуями он начал снимать с нее одежду, медленно и аккуратно. Яна делала то же самое, временами оглядываясь по сторонам. Она по-прежнему не видела никаких признаков кровати.

— В невесомости ни к чему,— сказал Пол, отвечая на ее незаданный вопрос.— Если бы мы находились в силовом полете, я сделал бы так, чтобы секция пола превратилась в водяную постель. А прямо сейчас у нас есть все, что нужно.— Он подплыл к потолку. Оба они уже были голые, и пока Пол над ней поднимался, Яна заметила все признаки его возбуждения.

Он снова опустился, сжимая в руках два широких ремня,— и рассмеялся, увидев выражение ее лица.

— Нет, не для того, о чем ты могла подумать. Быть может, в другой раз, но сейчас они нам просто в стены врезаться не дадут.— Нагнувшись, Пол прикрепил ремни к своим лодыжкам.

— А я? — спросила Яна.

— Увидишь.— Пол выпрямился и снова ее обнял. Они несколько минут целовались, лаская друг друга, а затем Пол отнял ладони от грудей Яны и потянулся схватить ее за ягодицы.

— Знаю, это прозвучит не очень романтично,— сказал он,— но я должен об этом сказать. Действие третьего закона Ньютона в

космосе гораздо заметнее, чем на Земле. Если мы хотим оставаться в контакте, тебе придется обхватить меня ногами и покрепче их сцепить. Вот так. Отлично. А теперь дай мне проделать всю работу.

— Хорошо.

«А ты не дай мне вытворить какую-нибудь глупость»,— подумала Яна, после чего закрыла глаза и прижалась губами к его губам.

После долгой минуты, когда у них вроде бы ничего не получалось, Пол наконец-то нашел нужное положение. Их тела пришли в полное соприкосновение, и Пол удовлетворенно крякнул. Они долго и упорно, не говоря ни слова, занимались любовью, и все это время Пол пыхтел, крякал и предпринимал такие мощные толчки, что Яне едва хватало сил удерживать его в нужном положении.

Затем он, задыхаясь и потея, прилип к ней, и Яна стала гладить его по голове. Наконец Пол слегка отстранился и заглянул ей в глаза.

— Ну как? — спросила Яна.

— Здорово. Просто здорово,— тут Пол помрачнел.— Хотя для тебя было совсем не так здорово. Я не знал, что ты еще не на мази. Извини, но больше я ждать не мог.

— Все в порядке. Я ничего такого и не ожидала. Будь со мной откровенен. Было немного трудно?

— Гм, да. Особенно поначалу.

— По-моему, так и должно было быть. Я слышала, что в первый раз обычно так и бывает.

— Конечно,— Пол улыбнулся.— Первый раз в космосе, да еще при нулевом «жэ». Все движения кажутся другими.

Тут он увидел выражение лица Яны, и его улыбка мигом испарилась.

— Когда ты сказала «в первый раз», ты ведь не имела в виду, что...— они по-прежнему прижимались друг к другу, и Пол оттолкнулся от Яны, чтобы осмотреть нижнюю часть своего тела.— Боже мой. Так оно и есть.

— Все в порядке. На тебя всего лишь несколько капелек попало. Когда я была моложе, один неуклюжий доктор во время медицинского осмотра об этом позаботился. Так что окровавленные простыни тебе из иллюминатора вывешивать не придется.

Пол отодвинулся еще дальше от Яны, нагнулся и отстегнул ремни от своих лодыжек. Затем он подобрался к стенному шкафу и вытащил оттуда что-то вроде двуспального мешка. Когда они с Яной уютно застегнулись внутри, Пол сказал:

— Это просто шок. Ты правда была девственницей?

— Не делай такой удивленный вид. Мы все так начинаем. А если ты хочешь поинтересоваться, как это я умудрилась дожить до тридцати с хвостиком и при этом обойтись без сексуального опыта, то хорошего ответа на этот вопрос у меня просто нет.

— Возраст тут ни при чем,— Пол по-прежнему казался расстроенным.— Но если бы я знал...

— И что тогда? Ты бы меня избегал?

— Нет!

— Знаешь, ты ведь меня не насиловал.— Яна снова притянула его к себе.— Я так же страстно, как ты, этого хотела. Нет, могу поспорить, что еще более страстно. Ничего, что я об этом говорю?

— Конечно, ничего. Я, гм... я чувствую, что мне как бы оказали честь. То есть, ты выбрала меня стать первым. Почему?

— Ты очень привлекательный мужчина. И я тебя, как мне показалось, тоже заинтересовала.

— Да. Заинтересовала. И по-прежнему интересуешь.

— Я думала о тебе с тех самых пор, как ты нас при посадке поприветствовал. По-моему, так и должно было случиться. Ведь ты здесь старший помощник — даже для пожилых девственниц.

Пол посмеялся слабой попытке Яны пошутить, но вид у него по-прежнему был расстроенный.

— Почему именно теперь, после стольких лет?

— Хочешь сказать, я уже совсем дряхлая?

— Вовсе нет. Ты молода и красива.

— Спасибо. Я очень это ценю — даже если не вполне верю. Ты спрашиваешь, почему сейчас? Думаю, отчасти в этом повинно то чувство, которое я стала испытывать, как только мы оторвались от Земли. Я ощущала возбуждение и восторг, уверенность в том, что все вокруг — новое, иное и чудесное.

— Меня тут благодарить не за что. В следующий раз, Яна, все будет намного лучше. Клянусь. Сегодня вечером я просто был слишком возбужден.— Он хмурился.— Если, конечно, этот следующий раз у нас будет.

— Лучше бы ему быть. Если только ты здесь не настоящая «Ахиллесова пята». Пол, перестань беспокоиться. Сегодня вечером было просто замечательно, а если вспомнить все, что я об этом слышала и читала, то дальше будет еще лучше.— Яна к нему прильнула.— Я не прошу немедленного повторения концерта, так

что можешь уснуть, если хочешь. Но мне бы хотелось, чтобы меня обнимали, чтобы со мной немного поговорили, если тебе не трудно. Хочу задать тебе один вопрос.

— Пожалуйста,— притянув голову Яны к своему плечу, Пол прошептал ей в самое ухо: — Спрашивай обо всем.

— Ты на каждом рейсе новую пассажирку обхаживаешь?

Он вздрогнул и отстранился.

— Знаешь, Яна, если честно, то это несправедливый вопрос. Когда я предложил обо всем спрашивать...

— Ты не понимаешь, Пол. Я от всей души надеюсь, что ответ будет утвердительным.

— Почему? Какую разницу это внесет?

— Ладно, я перефразирую вопрос, чтобы он не звучал для тебя безнравственно. Были у тебя в прошлом подобные опыты с другими пассажирками?

Пол немного поколебался.

— Да, были. Но я по-прежнему не понимаю, почему ты спрашиваешь. Нет никаких шансов заболеть.

— Эта мысль мне даже в голову не приходила,— Яна потерлась носом о его шею.— Мне просто нравится ощущать, что мои потребности препоручаются мужчине с необходимым опытом и навыком. Я слишком хорошо сознаю, что у меня ничего подобного нет. Когда мы еще только начали, я все думала, заметишь ты или нет.

— Я понятия не имел. Все казалось совершенно нормальным.

— Если не считать первой минуты.

— Я решил, что дело скорее во мне, чем в тебе. Все люди разные. Чтобы достичь правильной геометрии, всегда нужна регулировка.

— По-моему, регулировка была просто отличная,— Яна окончательно расслабилась в его объятиях. Спальный мешок обеспечивал теплую близость. На груди у Пола оказалось больше волос, чем Яна ожидала, и ей понравилось, как они нежно щекочут ей груди. Он также пах как-то по-другому, и этот отчетливо сексуальный аромат стал для нее нежданным удовольствием. Молча всем этим наслаждаясь, Яна закрыла глаза. Пожалуй, она и сама была не прочь немного поспать, поскольку голос Пола, когда он наконец заговорил, определенно доносился откуда-то издалека.

— Не хочу портить тебе настроение, потому что все это по-настоящему приятно. Но я думаю, что нам с тобой нужно еще кое о чем поговорить. И прозвучать это может довольно нелепо.

— Ты сказал — спрашивай обо всем,— лениво отозвалась Яна.— Я могу то же самое повторить.

— Это насчет Себастьяна.

Настала очередь Яны вздрогнуть и оцепенеть.

— Что насчет Себастьяна?

— Я знаю, что ты всю свою жизнь за ним приглядывала и что ты очень о нем заботишься.

— Как о брате. Между нами никогда не было ни намека на какие-то половые отношения.

— С тех пор как я вас впервые вместе увидел, я даже об этом не думал. Вы совсем иначе друг на друга смотрите. И я так понимаю, что теперь с ним больше будет общаться доктор Блум. Но поскольку ты так долго была с ним рядом, ты должна об этом знать.

— Себастьян что-то натворил?

— Ничего он не натворил. Он почти все время молча бродит по кораблю и всякую всячину разглядывает.

— От этого никому вреда нет.

— Я тоже так думаю. Но некоторым людям стало от этого неловко, и они соответственно реагируют. Ходит слух, что он — Иона. Знаешь, что для космических кораблей значит Иона?

— Могу догадаться. Наверное, то же самое, что и для кораблей в земных морях, человек, который приносит несчастье.

— Именно так все и говорят. Себастьян Берч принесет несчастье «Ахиллесу».

— Никогда большей чепухи не слышала. Себастьян не может никому и ничему повредить.

— Я верю тебе, Яна. Но я хочу, чтобы ты знала о тех сумасбродных слухах, что ходят среди пассажиров и некоторых членов команды. И пусть неприятный сюрприз не застанет тебя врасплох. Конечно, это всего-навсего глупое суеверие, но люди говорят, что с Себастьяном Берчем на борту этот корабль никогда не доберется до Ганимеда. Где-то по пути — никто не знает, где и когда — присутствие Себастьяна приведет «Ахиллес» к катастрофе.

16

«Модель» — новое волнующее озарение, требующее срочной проверки.

«Встреча с Проспером и Леной Лигон» — высший порядок срочности; они настаивают, что эту встречу ни на день нельзя отложить.

«Кейт Лонакер» — Кейт холодна как Харон, не откликается ни на какие попытки примирения, отказывается разговаривать.

«Транспортное уведомление» — путешествие в систему Сатурна, лишенное всякого объяснения.

Алекс просто с ума сходил. Никогда еще он не чувствовал себя под таким давлением, причем сразу со всех сторон. Невесть каким образом ему предстояло совместить логику и набор приоритетов.

Итак, прежде всего — Проспер и матушка. Алекс сочинил самое короткое сообщение, какое только смог себе вообразить: «Встречаемся в четыре в штабе Лигонов. Уведомите, если неприемлемо».

Теперь самое тяжелое. Алекс позвонил Кейт.

Она тут же ответила — как будто специально сидела и ждала у коммуникационного терминала.

— Да?

— Я собираюсь еще раз прогнать модель. У меня есть новая идея, и чтобы ее проверить, я отправляюсь на Центральную станцию обработки данных. Я бы очень высоко оценил твое содействие и советы.

— Очень хорошо. Встретимся на станции.

По-прежнему холодная, по-прежнему отчужденная. Да что же с ней в самом деле такое? Стало бы для него большим делом, если бы Кейт пошла и потрахалась с кем-то, кого бы она даже не запомнила?

Алекс решил, что стало бы. Он был бы страшно расстроен. А значит, он задолжал Кейт серьезное извинение — если только она позволит ему это извинение высказать.

Алекс поспешил к Центральной станции обработки данных, где им с Кейт, благодаря любезности Магрит Кнудсен, предстояло насладиться доступом к высшему компьютерному приоритету и лучшим дисплеям. Невесть как Кейт умудрилась поспеть туда раньше него.

— Кейт, я только хотел сказать...

— Я буду готова к работе, как только ты будешь готов. Ты сказал, что у тебя есть новая идея. В чем она заключается?

Вот тебе и все извинения. «Адский котел не так горяч, как оскорбленная женщина». На самом деле Алекс вовсе не хотел ее оскорбить, но такая логика могла далеко его завести. Ладно, за работу.

— Я снова и снова просматривал результаты, и по-прежнему убежден в том, что модель в основе своей верна.

— То есть, ты хочешь сказать, что через сотню лет нигде никаких людей не останется. Просто замечательно. Это очень обнадеживает.

— Нет, этому результату я не верю. Я думаю, что проблема лежит в Неводе.

— Две недели тому назад ты говорил мне, что Невод решит все наши проблемы.

— Все наши проблемы, связанные с компьютерной обработкой. Теперь мы располагаем вполне достаточным объемом компьютерных возможностей, но Невод — это нечто гораздо большее, нежели просто компьютерная мощь.

— И что же он такое?

— Он скорее представляет собой громадное число баз данных, впервые ставших интерактивными. Мы соблюдали осторожность, не вводя в модель того, что мы считали неподходящими экзогенными переменными, но Невод этого ограничения не имеет. Все, что специфические не запрещено, открыто для рассмотрения. Проблема здесь в том, что Невод невероятно сложен. Сложен настолько, что мы не знаем, что он включает, а что исключает. Мне думается, нам нужно проделать нечто радикально иное. Мы должны ввести наши собственные экзогенные переменные — те вещи, которые мы считаем возможными логическими компонентами будущего. Мы должны посмотреть, как это повлияет на выдаваемые компьютером результаты.

Кейт, разнообразия ради, уже не вела себя как ледяная принцесса. Хмурые черточки на ее лице разгладились, и она смотрела Алексу прямо в глаза.

— Но в возможном будущем может быть миллион всяких вещей. Как мы узнаем, что выбрать?

— Мы отберем возможные события на основе нашей прикидки их вероятности. Затем мы изменим модель, отражая их в ней, и посмотрим, какую разницу это внесет в результаты.

— Честно говоря, даже не знаю, с чего начать.

— А я, по-моему, знаю. Невод не пытается предсказывать будущее или делать случайные допущения. Он использует только факты, прямо сейчас присутствующие где-то в Солнечной системе. Если выданное компьютером будущее предполагает уничтожение человечества, то это потому, что соответствующие факторы присутствуют уже сегодня.

— Какие, например?

Этого вопроса Алекс желал избежать.

— Такие, как симбионты. Они в целом люди, но в них оказалась размещена тысяча других форм жизни. Мне пришло в голову, что так, как мы прогоняли модель, ни компьютер, ни банки данных Невода не видят никакого различия между человеком и симбионтом. Мы не знаем, относятся ли цифры будущего населения к людям, к симбионтам или и к тем, и к другим. Если все люди в Солнечной системе в конечном итоге решат стать симбионтами, тогда модель, которую мы сейчас имеем, вполне может предсказывать, что настоящих людей в будущем не содержится. С другой стороны...— тут Алексу пришлось столкнуться с невыносимой перспективой,— очень может быть, что симбионты станут человеческой нормой, но какой-то внутренний изъян вызовет их вымирание.

«К примеру,— подумал Алекс,— такой внутренний изъян, как гарантированная стерильность. Так что больше никто размножаться не сможет».

Кейт начала было кивать в знак одобрения, а затем круглыми глазами воззрилась на Алекса.

— Но если это так, то твоя матушка...

— Я уже об этом подумал.

— Ох, Алекс! — Кейт протянула было к нему руку, но тут же ее отдернула.— Мне очень жаль. Надеюсь, это не так.

— Я тоже,— тут Алекс увидел свой шанс и в темпе им воспользовался.— И мне тоже очень жаль. Я сейчас имею в виду не мою матушку и других симбионтов, а то, что я сделал. Я знаю, что я оттрахал Люси Мобилиус, Дейрдру де Сото или кого-то еще. Может статься, я всех их скопом оттрахал. Но меня в этих «Эниках-Бениках» нарочно подпоили — теперь я в этом уверен. Выпивка была паленая. Я понятия не имею, что я там делал — я даже этого не помню. Возможно, это ничего не оправдывает, но это, по крайней мере, что-то объясняет. Могу только еще раз перед тобой извиниться.

— Давай обо всем этом после поговорим,— но Кейт протянула руку и на сей раз все-таки сжала его ладонь.— В настоящий момент мы должны сосредоточиться на модели. Если проблему вызывают именно симбионты...

«...то мы ввязываемся в нешуточную баталию,— подумал Алекс.— Поскольку симбионты, а также корпорация «Сильва», кото-

рая надзирает за их созданием, делят колоссальное политическое влияние между собой». Кейт не требовалось Алексу об этом говорить. Его родная мать была далека от уникальности в своем стремлении сделать все, чтобы восстановить и поддерживать свою красоту.

— Мы обязательно это выясним.— Алекс поудобней устроился за пультом.— Я устанавливаю модель на рассмотрение симбионтов и немодифицированных людей как две отдельные, но взаимодействующие между собой группы населения,— он повернулся к Кейт.— Ты не в курсе, может ли кто-то из симбионтов передумать и реверсировать процесс, чтобы снова стать нормальным человеком?

— Не думаю. По-моему, этот процесс односторонний. А если даже такой возврат возможен, то я не слышала ни об одном случае, когда кто-то бы на это решился.

— Тогда мы предположим, что так все и происходит,— Алекс так установил параметры, чтобы все члены человеческой части населения имели возможность стать симбионтами. Таким образом, величина человеческой части населения изменялась посредством размножения, перехода в симбионты или смерти. Величина для населения, состоящего из симбионтов, могла уменьшаться только посредством смерти. Окончательно заполненная симбионтами Солнечная система означала пустую Солнечную систему.

Приложив палец к последней клавише, Алекс взглянул на Кейт. Та кивнула.

— Больше ничего не могу придумать. Давай, Алекс.

Все это походило на власть божества. Алекс нажал на клавишу. При одном лишь прикосновении его пальца в игру вошли информационные базы всей Солнечной системы. Внутри компьютера отдельные Факсы, которые представляли более пяти миллиардов человек (а теперь и симбионтов), начали жить, умирать, любить, ненавидеть и перемещаться в межпланетном пространстве. Дни проскакивали так быстро, что за ними нельзя было уследить. По мере прохождения лет на дисплеях отражались все краски активности Солнечной системы.

Основное внимание Алекса сосредоточивалось только на двух меняющихся цифрах: отношении числа симбионтов ко всему человеческому населению, а также общем числе человеческого населения.

Вскоре в поле зрения появились первые агрегаты. К 2105 году население Солнечной системы было выражено цифрой, знакомой

из предыдущих прогонов: 5,6 миллиарда. Однако расхождение постепенно намечалось. В 2124 году один процент человеческого населения в 7,6 миллиарда человек уже составляли симбионты. В 2134 году эта величина приблизилась к пяти процентами.

— По-моему, ты прав, Алекс,— Кейт стояла совсем рядом, уже не отчужденная и обособленная.— Это все проклятые симбионты.

Алекс так не думал. Мысленно он уже сделал экстраполяцию. Доля симбионтов увеличивалась, но явно не настолько быстро, чтобы вызвать проблемы. С девяносто пятью процентами полноценных людей, по-прежнему активно размножающихся, ни число людей, ни число симбионтов не должно было начать пикировать к 2150 году.

Но вот наступил год 2140 — и возникла проблема. Число обращенных в симбионты стабилизировалось на пяти процентах. Проблема же лежала в числе человеческого населения. Темпы рождаемости упали вместе со всеми прочими показателями человеческой активности. Алекс и Кейт в скорбном молчании наблюдали за процессом до самого горестного конца, когда в 2170 году число людей упало ровным счетом до нуля. Небольшое население из одних лишь симбионтов продержалось еще несколько лет, но к 2185 году с ним тоже было покончено.

— Вот так-то,— Алекс хлопнул ладонью по пульту, заканчивая прогон.— Точно такие же результаты, что и раньше. Теперь мы знаем, что проблему вызывают не симбионты. Еще одна замечательная идея пошла прахом.

— Но мы пока что испробовали только один параметр,— Кейт решила не упоминать о том, что в некотором роде испытала облегчение от полученных результатов. Идея о том, что Солнечная система заполнится одними лишь симбионтами, не казалась ей особенно привлекательной.— Мы можем изучить тот же самый эффект с другими важными переменными.

— Можем,— Алекс заколебался. Действительно ли ему хотелось через все это проходить? — Но есть еще одна вещь, которую я бы хотел проделать, прежде чем мы изменим переменные. Существует альтернативный способ прогона модели, который я назвал режимом МА — «моментального интерактива».

— Никогда раньше о нем не слышала.

— Это потому, что раньше нас всегда напрягала необходимость получать повторяемые прогоны. Тебе требуются результа-

ты, которые ты можешь передать дальше по цепочке Солу Глаубу и Томасу де Билесу, и если тебе нужно прогонять снова, ты хочешь получать те же самые ответы.

— Чертовски верно. Послушай, Алекс, я тебя не понимаю. Я знаю, что мы прогоняем богатое разнообразие всевозможных вводов, но каждый прогон при этом является детерминистским. Если не считать изменения информационных баз, сегодня мы получаем тот же прогон, что и вчера.

— В режиме МА это не гарантировано. Там могут быть различия.

— Думаю, тебе лучше выражаться яснее. Помни, ведь передо мной стоит задача изложить все это Солу Глаубу.

— Постараюсь как можно яснее. Как тебе известно, самое основное отличие моей модели от разработок группы Педерсена состоит в том, что я включаю туда отдельный фрагмент программы для каждого отдельного индивида в Солнечной системе. В итоге каждая персона оказывается представлена Факсом с каким-либо уровнем собственной логики принятия решений. Взаимодействие всех этих компонентов человеческой имитации образует всю модель. Средние свойства, такие как транспортационная активность или пищевые потребности, не расцениваются как независимые переменные. Они представляют собой сконструированные величины, вычисленные из всех этих миллиардов отдельных потребностей.

— Это я из твоего вчерашнего доклада уяснила. Ничего нового ты сейчас не сказал.

— Только еще собираюсь. Когда я сказал, что индивиды представлены в модели, я всерьез об этом говорил. Каждая персона из последней переписи населения Солнечной системы находится здесь, представленная любым Факсом от первого уровня до пятого. В модели есть и Сол Глауб, и Кейт Лонакер, и даже кузен Гектор, любой Факс которого, могу поручиться, куда умнее его самого. Что еще более важно, там есть Алекс Лигон.

— Для кого это более важно?

— Более важно для того, что я собираюсь предпринять дальше. Режим МА позволяет персоне занять место своего Факса внутри модели. С работающим Неводом я еще этого не пробовал, но с уменьшенной моделью в ограниченной окружающей среде мне это делать доводилось. Я знаю, что это осуществимо. И я намерен войти в модель в качестве самого себя. Для меня это будет

ощущаться просто как окружающая среда ВР, среда виртуальной реальности — точно такая же, как в медиа-шоу,— он указал на один из полдюжины ВР-шлемов на стенде перед дисплеями.

— Алекс, ты с ума спятил. Твоя модель прогоняется во много миллионов раз быстрее реального времени.

— В режиме МА — примерно в миллион раз.

— Ладно, в миллион. А это значит, что за тридцать секунд твоя модель имитирует целый год. Твой мозг нипочем такого темпа не выдержит.

— Я даже пытаться не стану. Для большинства взаимодействий решения будет принимать мой Факс. Каждый имитированный год у меня будет тридцать секунд на то, чтобы осмотреться, принять решения и передать их непосредственно моему Факсу. Многое мне изменить не удастся, потому что мой Факс недостаточно для этого могуществен и влиятелен. Однако, как только я окажусь в программе, сразу же будет утрачена повторяемость.

— Но зачем вообще все это проделывать? Что ты там получишь такого, чего нельзя увидеть вот здесь? — Кейт указала на дисплеи.

— Не знаю. Непосредственность? Перспективу? Может статься, вообще ничего. Не волнуйся, я уже это проделывал. Особых озарений не случалось, потому что модель была излишне упрощена и так агрегирована, что установка отчетливо казалась фальшивой и искусственной. Надеюсь, теперь она такой казаться не будет.

— Конечно, искусственной она не покажется — когда тебя каждые тридцать секунд станут на год вперед дергать. Погоди, дай мне подумать.

— Я встроил туда сглаживающую функцию и нервный соединитель, специально разработанные, чтобы мне с этим помочь. Должно получиться так, что я стану как бы припоминать все то, что испытал мой Факс.— Алекс взял один из ВР-шлемов.— Когда я выйду обратно, мы сможем все это обсудить. Как только махну рукой, запускай прогон.

— А потом мне что делать?

— Смотреть и ждать. Мы должны будем шестьдесят лет прогнать. Это приблизительно полчаса в реальном времени. Если я к тому времени по-прежнему буду в шлеме, срывай его с меня.

— Алекс! — Но шлем уже работал, и протестующий крик Кейт показался Алексу глухим и далеким. Внутри ВР-шлема царила кро-

мешная тьма. Единственным звуком, который мог слышать Алекс, оставалось его собственное дыхание в трубке подачи кислорода.

Он махнул рукой. Решительно ничего не изменилось. Он несколько секунд просидел и уже готов был снять шлем, когда вдруг понял, что именно этого ему и следовало ожидать. В компьютерной модели время стремительно неслось дальше, но первый моментальный снимок будущего должен был поступить к Алексу только через тридцать секунд.

Этот снимок пришел к нему не в виде какого-то описания или образа, а как воспоминание. Алекс помнил весь прошедший год, но с различной степенью детальности. Политика Солнечной системы представала очень далекой и смутной, тогда как все, что касалось лично его, было отчетливым. Он убедил начальство, что его модель является верным способом подхода к предсказанию, его повысили в должности, он съехался с Кейт — вопреки воплям и протестам его матушки и всего остального семейства.

Была это реальная программа или просто благие пожелания? Алекс по-прежнему пытался это решить, когда — щелк! — еще один полный год впрыгнул в его сознание.

Вот тебе и вся сглаживающая функция! Похоже, она совсем не работала. Слияние семейств Лигонов и Мобилиусов произошло — но как и когда? Кто на ком женился? Этого Алекс припомнить не мог, хотя он странным образом был уверен, что он с Люси-Марией не вступал в законный брак.

Присутствовали здесь и другие новости, нечеткие и перепутанные, приходящие из дальних уголков системы Юпитера. Там были обнаружены сигналы, пришедшие, вполне возможно, со звезд. Это могло означать обнаружение внеземного разума. Послание изучалось — уже было изучено — и было отброшено как фальшивка. Или нет? Кажется, оно по-прежнему где-то маячило. Алекс чувствовал, как начинает нарастать его замешательство. В будущем оказывалась целая бесконечность точек ветвления, и модель не могла всех их проследить. Алекса преследовало неотвязное чувство, что с некоторыми выборами программы он решительно не соглашается, но прежде чем он успел проанализировать причины — щелк! — и в его разум влился еще один год.

Было это всего лишь три года назад или множественные годы неким образом переплетались? Солнечная система избегла великой катастрофы, которая покончила бы со всей жизнью от Мер-

курия до Нептуна и дальше. Но это не было то постепенное вымирание, которое предсказывали прогоны модели. Эта катастрофа должна была стать быстрой, предельной и всеобщей. Но ее не произошло. Тогда почему она вообще здесь появилась? За это несла ответственность программа. Несостоявшееся событие должно было иметь весьма высокую вероятность, иначе его бы в воспоминаниях Алекса не оказалось. Он попытался покопаться в поисках подробностей и лучшего понимания, но было уже слишком поздно. Щелк! Что-то стряслось на Земле: война, природная катастрофа, технологический сбой? Открытия на Тритоне, гигантском спутнике Нептуна. Гибель исследователей облака Оорта. Еще добрый десяток событий внезапно ворвался в сознание Алекса. Он должен был сразу понять, что ничего у него не выйдет — даже главные события целого года невозможно было осмыслить за полминуты. Кейт оказалась реалисткой, а он нет. (Они теперь жили вместе? Это Алекс не мог сказать.) Щелк! Темп все нарастал, год сжимался до почти что ничего. Что же случилось с гарантированными тридцатью секундами на каждый год? Путешествие на Венеру — интересно, зачем? Смерть кого-то из членов семьи. Алекс не смог понять, кого. Колоссальный дождь комет, что приносились из облака Оорта, угрожая всей Солнечной системе. Быть может, именно здесь был источник катастрофы для всего человечества? Нет, удалось развернуть что-то вроде отражательного щита. Щелк! Воспоминание о каком-то совещании, где перед Алексом были разложены демографические карты Солнечной системы. Десять миллиардов человек — максимум того, что когда-либо предсказывала его модель. Но общее число продолжало расти. Щелк! Его матушка, чье лицо меняет цвет и течет точно горячий воск. Кузина Юлиана сохнет и умирает — вместе со всеми остальными симбионтами? Таких данных там не было. Разрушительные силы высвобождались по всей Солнечной системе — силы столь же мощные, какими они были в период Великой войны. Но Алекс видел только их тень, некий нереализованный потенциал. Не было ли это предупреждением о грядущем холокосте? Щелк! Теперь воспоминания пришли не как отдельные образы, а как огромный совместный прилив. Невод распался, миры Юпитера сделались необитаемы, Марс не выходил на связь, разбитые аванпосты на спутниках Урана едва-едва цеплялись за жизнь. И сам Алекс. Где же он был? Он допустил капитальную

ошибку в планировании модели. Он не сделал там допуска для собственной смерти. Если бы его Факс «умер» внутри модели, что бы тогда случилось со связью? Не мог бы он тоже умереть? Щелк! Миры Солнечной системы лежали во мраке. Алекс в одиночестве сидел где-то на внешних рубежах, по ту сторону планет, по ту сторону пояса Эджворта-Купера, глядя в сторону слабой искорки далекого Солнца. Щелк! Воспоминания об одиночестве и безмолвии. Зачем он сюда явился? В поисках безопасности? Благодаря некому неизученному накоплению несбывшихся воспоминаний Алекс знал, что он теперь — единственное живое существо в пределах многих световых лет. Сколько он уже был один? Как долго он еще будет здесь оставаться?

«Где стол был яств, там гроб стоит...»

Внезапно ВР-шлем был сорван с головы Алекса. Весь мир заполнил свет — такой яркий, что ему пришлось крепко зажмуриться.

Затем Алекс услышал незнакомый голос, что кричал ему сквозь лучезарность:

— Прошло уже полчаса, и ты что-то бубнил себе под нос. Я не могла понять, что именно. Пришлось тебя оттуда вытащить. Алекс? Алекс? С тобой все хорошо?

С ним явно было не все хорошо. Алекс пронесся далеко вперед во времени — к гибели человечества и еще дальше. Он парил в одиночестве на самом краю вселенной. После такого потрясения с ним никак не могло быть все хорошо.

— Я так и знала, что нельзя тебе этого позволять,— произнес голос.— Проклятье, какая же я была дура! Вот. Понюхай.

Едкие пары наполнили его носоглотку. Алекс охнул и задохнулся. Сердце его бешено застучало. Он открыл глаза, и комната вокруг него замерцала и закрутилась.

— Алекс!

— П-порядок. Я... мм... в п-порядке.

— Что-то не очень похоже. Кто ты такой? Скажи мне, как тебя зовут, кто ты и где находишься.

— Я Алекс... Лигон.— Комната немного успокоилась. Алекс горбился в кресле, и кто-то — Кейт... что еще за Кейт? — на него смотрел.— Я... мм... где я? Я... был...

— Алекс! Что с тобой стряслось? Когда я сняла ВР-шлем, твои глаза готовы были выпрыгнуть из орбит, а зрачки страшно расширились.

Алекс помотал головой — но не с тем, чтобы выразить несогласие, а с тем, чтобы ее прояснить.

— Не знаю. Не могу нормально думать. Дай мне форсаж.

— Нет. Пойми, Алекс, это скверная идея.

— Мне нужно. Я должен получить форсаж. Умственная перегрузка, слишком много будущих. Слишком много, слишком быстро.

— Ты пожалеешь. Потом тебе будет совсем плохо.

— Давай.

Закрыв глаза, Алекс откинулся на спинку кресла. Казалось, прошли многие часы, прежде чем он наконец почувствовал у себя на виске холодный спрей форсажа Нейрлинга. Мир внутри его черепной коробки уравновесился и пришел в фокус.

Алекс открыл глаза. Кейт укоризненно на него смотрела.

— Я в полном порядке, Кейт. Все хорошо. Но пройдет много дней, прежде чем я разберусь со всем, что я испытал. Просто голова кругом идет. Но здесь моя собственная вина. Я должен был заранее знать, что произойдет.

— А я должна была запретить тебе даже пытаться. Но меня остановили твои слова о том, что ты уже подобный эксперимент проделывал.

— Только не с вошедшим в работу Неводом,— пульс Алекса уже начал замедляться. Форсаж Нейрлинга оказывал свое действие, и теперь он должен был получить по меньшей мере три часа ясности в голове. Развалившись в кресле, Алекс потер лоб. Какую-то минуту назад все оттуда и до основания черепа жутко болело. Голова будет болеть снова, когда форсаж потеряет свой эффект, но в данный момент Алекс чувствовал, что может понимать и объяснять все, что угодно.

— Я расскажу тебе,— сказал он,— что, как мне кажется, происходило. Хотя я могу ошибаться. У Невода достаточно компьютерных возможностей, чтобы принимать в рассмотрение тысячи ветвей одновременно и выбирать из них наиболее подходящую. Факс слишком примитивен, чтобы задействовать его более чем в одном варианте будущего, но человек, судя по всему, не так прост. Я принимал образы многих возможностей — настолько многих, что мне с ними было не справиться.

— Алекс, я перестаю тебя понимать.

— Ничего удивительного. Я же не рассматривал эти элементы предсказательной модели вместо с тобой. Вообще-то я бы рас-

смотрел. Но ты настаивала, чтобы я выработал отчет, который сможет понять даже Маканелли.

— Действительно. Но если ты предполагаешь, что я идиотка вроде Лоринга Маканелли...

— Нет, вовсе нет. Я просто говорю о том, на что я тратил свое время. Я пытался выработать упрощенную версию для Маканелли, а это означало, что некоторые из самых заковыристых элементов я вынужден был оставить в стороне. Затем нам неожиданно пришлось отчитаться перед Солом Глаубом и Магрит Кнудсен, и я применил тот же подход...

— Информация, Алекс. Мне нужна информация. Что именно тебе пришлось выпустить из рассмотрения?

— Все вероятностные элементы модели.

— Тогда ты прав. Мы никогда ничего подобного не обсуждали. Ты всегда настаивал, что твоя модель детерминистская. Если только ты не находишься в режиме «моментального интерактива», когда в модель вовлечен человек, она всегда выдает одни и те же результаты.

— Все верно. Выдает. Но это не означает, что там нет вероятностных элементов,— Алекс уже чувствовал легкую досаду на то, что Кейт так медленно его понимает.

— Знаешь, Алекс, теперь уже моя голова кругом идет. Вернись назад, расслабься и вспомни, с кем ты разговариваешь. Я, конечно, не Лоринг Маканелли, но я сейчас не под форсажем, и я далеко не гений, когда речь о моделях заходит.

— Постараюсь.— Алекс вспомнил краткий совет от ведущего ученого прошлого столетия: «Объяснение должно быть максимально простым, но не еще проще». Впрочем, Кейт сейчас этот совет цитировать не стоило.

— Я собираюсь воспользоваться аналогией. Я опасался делать это с Лорингом Маканелли, потому что из того, что ты мне рассказала, я заключил, что он не отличит аналогию от реальной вещи. Но я часто думаю о предсказательной модели именно так.

Представь себе, что наша модель играет в шахматы и что теперь ход модели. Она прекрасно знает позицию на доске, но доска эта — не обычная шахматная с шестьюдесятью четырьмя клетками и максимум тридцатью двумя фигурами; наша доска — это вся протяженная Солнечная система с по меньшей мере пятью миллиардами человек, а также с неопределенным числом компьютеров и природных особенностей. Модель должна рассмотреть

все взаимодействия всех этих элементов, а затем решить, как доска, скорее всего, будет выглядеть через один ход. Скажем так: один ход означает один день от сегодняшнего. Противник — в данном случае человечество и Природа — делает ход. Затем модель должна решить, как доска будет выглядеть в той точке, которая на два дня впереди. После чего противник ходит снова, снова и снова. Модель в каждом случае должна решить, какой вид примет доска. Она делает предсказание.

Кейт кивала несколько неуверенно, но все же кивала.

— Лучшие шахматисты человечества,— продолжал Алекс,— могут заглянуть на десять или даже на двенадцать ходов вперед. Имея представление, как доска будет выглядеть через много ходов, они соответственно делают свой следующий ход. Как они это делают? Прежде всего, мы точно знаем, что они это делают не вслепую. Они также не делают этого посредством оценки каждого возможного хода, который может сделать их противник, и выбора лучшего для себя. Во вселенной просто не хватит времени, чтобы применить такой подход, пусть даже он использовался более ранними и примитивными программами игры в шахматы. На самом деле шахматист, основываясь на своем опыте и интуиции, присваивает вероятность успеха конкретной последовательности ходов, принимая в расчет каждый разумный ход, который может сделать противник. Последовательности с низкой вероятностью успеха затем отбрасываются. Они даже не выходят на уровень сознательного рассмотрения. Высоковероятностные последовательности изучаются и сравниваются. Наконец шахматист делает ход. Данный ход предлагает лучшие шансы на победу, учитывая все ходы, которые в будущем может выбрать противник.

Предсказательная программа сталкивается с той же проблемой, что и шахматист, только в данном случае эта проблема еще серьезней. Программа не знает, что ее «противник» — природная вселенная плюс пять с лишним миллиардов человеческих «фигур» — станет делать день за днем, все дальше и дальше. Даже со всеми компьютерными возможностями Невода краткосрочное предсказание должно будет прогоняться до скончания века. Поэтому модель, подобно шахматисту, вынуждена работать с вероятностями. И, подобно шахматисту, она устраняет варианты с низкой вероятностью, если только мы, посредством введения экзогенных переменных, не настаиваем на том, чтобы она эти варианты все-

таки рассмотрела. Если же мы это делаем, модель автоматически конвертирует данное низковероятностное будущее в высоковероятностное. Но даже в этом случае, когда мы заходим далеко в будущее, вариант, на рассмотрении которого мы настаивали, может упасть в вероятности, если данная экзогенная переменная была введена лишь в одной временной точке.

С точки зрения модели, никогда не бывает одного-единственного варианта будущего. Существует большое число возможных вариантов, ответвляющихся и все больше отклоняющихся друг от друга, чем дальше мы заглядываем вперед во времени. В итоге то, что модель выдает нам как будущее,— это просто тот его вариант, которому модель приписывает наибольшую вероятность,— Алекс сделал паузу.— Вид у тебя что-то не слишком радостный.

— А чему мне радоваться? Ты рассказываешь мне, что мы славно продвинулись, и мы представляем отчет моему начальнику, начальнику моего начальника и начальнику начальника моего начальника, где обо всех этих вещах говорится так, будто это слово Божье, доставленное со священной горы. А теперь ты заявляешь, что то, о чем они услышали, было всего лишь одной из миллиарда триллионов вероятностей.

— Нет. На самом деле модель намного умнее. Все возможные варианты будущего будут прогрессировать, и по мере своего продвижения они будут отклоняться друг от друга. Это неизбежно. Можешь представить себе эти варианты будущего как фотоны, образующие конус, который расширяется по мере удаления света от своего источника. Но если ты суммируешь абсолютно все вероятности для абсолютно всех вариантов, ты должна получить единство — некое будущее все же должно случиться. Модель рассматривает тысячи вариантов будущего, для которых вычисленные вероятности наибольшие, и производит оценку дисперсии. Насколько конус тех вероятных вариантов будущего расширился во времени? Если число, которая модель вычисляет, окажется выше заранее установленного значения, тогда модель выдаст сообщение, что с данными параметрами будущее представляется неопределенным.

— Но такого никогда не происходит. По крайней мере, такого не случалось ни в одном из прогонов, за которыми я наблюдала.

— Это хорошие новости, а не плохие. Это означает, что все вероятные варианты будущего достаточно схожи, а это в свою очередь представляет собой причину для веры в нашу модель.

Маловероятные варианты будущего со временем выгружаются, если только мы не настаиваем на их рассмотрении посредством введения экзогенных переменных. Чего я не ожидал и с чем у меня возникла проблема, пока я находился в режиме «моментального интерактива», так это с тем, что во время прогона программы я оказался способен воспринимать другие варианты будущего — возможно, даже невероятные. Им просто не хватало времени, чтобы выгрузиться,— Алекс чувствовал, как эти варианты бродят у него в голове. Кометные дожди, дезинтегрирующие симбионты, обнаружение внеземного разума, загадки на Тритоне...

— Итак, наиболее вероятные варианты будущего очень похожи друг на друга,— заключила Кейт.— А ты в самом конце по-прежнему взаимодействовал с моделью. Ты должен был их увидеть. Как они выглядели?

Она лучилась одновременно тревогой и надеждой. Алекс на мгновение задумался, не дать ли ей тот ответ, который она хочет услышать, но потом решил, что отчеты об этом прогоне все равно откроют всю правду.

— Ничего утешительного они нам не предлагают,— сказал он.— Результат абсолютно тот же, что и раньше: через столетие ни одного живого человека не останется. Солнечная система будет пустой и безжизненной.

17

Через три часа, когда Алекс вышел из неестественного приподнятого состояния от форсажа Нейрлинга, собственная голова стала казаться ему давленой дыней. Потребовалось бы много дней, чтобы разобраться со всем потоком сгруженной в него информации — даже если бы он не оказался в послефорсажной яме. Худшее, что можно было в таком состоянии предпринять, это посетить нелегкий семейный совет, и Кейт не замедлила ему об этом сказать.

— Никогда не слышала большей глупости,— она заставила Алекса съесть миску супа, а теперь сидела на краю кушетки, держа его голову у себя на коленях и гневно на него взирая.— Тебе следует оставаться в постели.

— Я бы очень хотел. Разве я сейчас не здесь? — Алекс во всю длину вытянулся на кушетке.— Но пойми, Кейт, я обязан. Я обещал семье.

— К черту эту семью. Все они дьявольски эгоистичны и никогда ничего для тебя не сделают.

— А я и не хочу, чтобы они что-то для меня делали. Они много лет пытались устроить меня на всякие должности в «Лигон-Индустрии», которые совершенно меня не устраивали,— болеутоляющие, которые Алекс принял, похоже, не помогали. Они только углубляли послефорсажную депрессию и почти лишали его возможности размышлять.— Но я должен пойти на этот совет. Я сказал, что буду там в четыре часа.

— Тогда давай я им позвоню и скажу, что в четыре часа тебя там не будет. Я буду просто счастлива это для тебя сделать.

В чем Алекс нисколько не сомневался. Гнев Кейт не уменьшился со времени принесения им извинений, но теперь он, похоже, перекинулся с Алекса на остальную часть его семейства.

— Пойми, Кейт, если ты поговоришь с Проспером Лигоном или с моей матушкой, ты не просто сообщишь им, что я не смогу прийти на совет. Ты их не иначе как взбеленишь. А потом ты потеряешь свою работу.

— Чушь. Я не потеряю свою работу.

Алекс отметил, что Кейт не стала отрицать того, что она их наверняка взбеленит.

— Точно тебе говорю,— сказал он.— Твоя работа окажется под угрозой. Причем это не будет какая-то прямая угроза, с которой мы что-то сможем поделать. Загадочный нажим придет откуда-то сверху. «Лигон-Индустрия» существует очень давно. У нее столетняя репутация.

— Гм.

Этот звук Алекс принял за знак согласия. Кейт была в высшей степени сообразительна, когда дело касалось взаимодействия государства с частным капиталом. Она лучше него знала, чего старая компания с хорошими связями может добиться в плане политического влияния. Алекс сел на кушетке.

— Уже четвертый час. Я должен идти.

Когда он стал нашаривать свои ботинки, Кейт нахмурилась, но уже не стала пытаться его удержать.

— Просто будь с ними тверд,— сказала она.— Сразу скажи им нет. Они не смогут тебя заставить.

Последнее высказывание лишь демонстрировало то, как слабо она представляла себе семью Лигонов. Однако Кейт внимательно

за ним наблюдала, и Алекс осторожности ради не стал облачаться ни в одну из традиционных одежд, обычно считавшихся необходимыми для семейного совета.

Кейт это заметила и одобрительно кивнула.

— Вот это правильно. Если они будут плохо с тобой обращаться, просто наплюй на всю эту семью. Пошли их к черту, любимый. Я знаю, как скверно ты себя чувствуешь, но помни одно: даже если все мозги вытекут у тебя из ушей, ты все равно будешь в сто раз умнее кузена Гектора.

Быть в сто раз умнее кузена Гектора особым утешением не казалось. Куда более важным было обращение «любимый» и краткий поцелуй Кейт на прощание.

Длинная поездка от квартиры Кейт до корпорации Лигонов осталась каким-то смутным пятном. Алекс лишь раз вышел из ступора, когда в одном из быстрых транзитных коридоров мимо него проплыла мерцающая реклама.

ПОТРЯСАЮЩИЕ НОВОСТИ!
ТОЛЬКО В «ПАРАДИГМЕ».
СЕКРЕТНОЕ СООБЩЕНИЕ В ГАНИМЕДСКИЙ АРХИВ!
ЧУЖАКИ УЖЕ В ПУТИ!

Хорошо информированный источник сообщает, что со станции в юпитерианской точке Л-4 было передано сообщение, где говорится о том, что в Солнечную систему скоро прибывают чужаки. Принесут ли они мир? Принесут ли они войну? Все подробности прямо сейчас можно узнать в инфостудии «Парадигма».

Алекс не испытал ни малейшего побуждения поддаться рекламе и поискать связи с инфостудией «Парадигма». Объявление скорее показалось ему указанием на что-то у него в голове. Один из вариантов будущего, рассмотренный и отвергнутый предсказательной программой, включал в себя принятие послания со звезд. Судя по всему, этот вариант оказался отброшен в пользу другого, более предпочтительного, но он возник на ранней стадии прогона. Могло ли это быть настолько рано — в тот самый день, когда прогон выполнялся?

Не следовало ли ему передумать и заинтересоваться? Насколько старым было то «секретное сообщение», о котором кричала «Парадигма»? Алекс знал, что это одна из самых сенсационных

инфостудий, где «потрясающие новости» порой могли иметь десятилетнюю давность.

Впрочем, что бы Алекс ни собирался в связи с этим предпринять, теперь ему пришлось бы повременить, ибо он уже приближался к бронзовым двустворчатым дверям корпорации Лигонов. Уставившись в размещенную на уровне глаз камеру, которой предстояло распознать образ его сетчатки, он подождал, пока тяжелые двери неслышно раскроются. За ними его ожидал Факс третьего уровня, а также, в вящему изумлению Алекса, дядя Каролюс.

Обычно у дядюшки не находилось для него времени. Сегодня же Каролюс изучил бледное как полотно лицо Алекса, откровенно ему подмигнул и сказал:

— Ну что, приятель, славно отметился? Судя по твоему виду, она сущая тигрица.

Затем дядюшка провел озадаченного Алекса в конференц-зал.

Только пять позиций были отмечены на овальном столе с мраморной столешницей, включая сиденье для Алекса. Это был плохой знак. Отсюда вытекало, что на совете будут присутствовать только самые старшие члены семьи. Кроме самого Алекса, который определенно старшим не являлся, там находились Лена, дедушка Проспер, дядюшка Каролюс и двоюродная бабушка Кора. Алекс тут же отметил одно важное упущение.

— А где двоюродная бабушка Агата?

Он адресовал свой вопрос матери, но ответил на него Проспер Лигон.

— Агата нездорова.

— Вы хотите сказать, что она больна? Но ведь она не может заболеть!

Двоюродная бабушка Агата, как она сама с готовностью подчеркивала, являлась одним из главных успехов программы «Симбионт». Пять лет тому назад она была слабой и дряхлой столетней старухой. Теперь же, в возрасти ста десяти лет, Агата наслаждалась активной общественной и половой жизнью.

Древняя ослиная голова Проспера неохотно кивнула.

— К сожалению, должен это признать. Агата больна. И нам еще только предстоит выяснить, насколько серьезно.

Тон дедушки был скорбным, но Алекс подметил, как блеснули его желтоватые зубы. История двоюродной бабушки Агаты широко использовалась в рекламных материалах компании «Сильва-

Симбионты». Особенным успехом пользовались ее фотографии до и после преображения в симбионты, а также сопутствующий риторический вопрос: «Что вы предпочитаете: быть молодым и здоровым или старым и больным?»

Было очевидно, в каком направлении устремлялись мысли и надежды Проспера Лигона. Если бы двоюродная бабушка Агата и впрямь заболела — или, того лучше, умерла,— это определенно сбило бы спесь с «Сильва-Симбионтов» и снизило бы объем их продаж. А «Сильва» как раз являлась одной из тех компаний, чей рост опустил «Лигон-Индустрию» на самое дно первой десятки наиболее успешных корпораций в Солнечной системе.

— Однако,— продолжил Проспер,— состояние Агаты не имеет отношения к теме нашей сегодняшней встречи. Должен, Алекс, с прискорбием тебе сообщить, что мы получили от Сайруса Мобилиуса самое что ни на есть огорчительное сообщение. Прежде чем мы начнем, я хочу спросить, не желаешь ли ты сделать по этому поводу какое-либо заявление?

Какое еще заявление? Алекс по очереди взглянул на все лица, но никакой подсказки не усмотрел. Правда, дядюшка Каролюс еще раз с намеком ему подмигнул.

— Честно говоря, не знаю, о чем мне предполагается сделать заявление.

— Очень хорошо. Раз ты решил изображать неведение, пусть так и будет. Несколько дней тому назад ты вместе с твоей матушкой отправился на встречу с Сайрусом Мобилиусом и его дочерью Люси-Марией. Когда Лена и Мобилиус ненадолго отлучились, ты, судя по всему, убедил Люси-Марию отправиться с тобой в увеселительную прогулку по нижним уровням Ганимеда. Такое название, как клуб «Эники-Беники», что-нибудь тебе говорит?

— Да. Она меня как раз туда и привела.

— Люси-Мария утверждает обратное. В клубе «Эники-Беники», как она настаивает, ты без ее ведома подложил какой-то модифицирующий поведение наркотик в ее в иных отношениях безвредную выпивку. Она ничего не помнит о дальнейших событиях — до тех пор, пока служба безопасности не обнаружила ее в неком частном заведении. Она находилась там абсолютно голая, на нее было совершено сексуальное нападение, и анализы показали присутствие в ее теле множества разнообразных наркотиков. Люси-Марию доставили домой, где она рассказала своему отцу,

что, хотя она не может утверждать этого с уверенностью, именно ты был виновной стороной, а с остальными присутствовавшими в клубе она даже толком не разговаривала. Хотел бы ты теперь сделать заявление? Хотел бы ты, в частности, чтобы мы потребовали проведения анализа ДНК для установления того, что не ты являлся персоной, подвергшей ее насилию?

Алекс покачал головой. С его точки зрения, подвергнуть Люси-Марию насилию попросту не представлялось возможным, ибо она всегда оказывалась в двух шагах впереди тебя. Но вряд ли стоило рассказывать об этом семье.

Что же касалось анализа ДНК, то здесь у Алекса имелись блестящие шансы сесть в лужу. Он не был уверен, со сколькими персонами он в ту ночь занимался сексом, зато был чертовски уверен, что не с одной.

Проспер Лигон, упираясь взглядом в столешницу и словно бы обращаясь вовсе не к Алексу, а к ней, продолжил:

— Если тебе со своей стороны больше предложить нечего, нам придется признать твою вину.

Двоюродная прабабушка Кора уставила на Алекса каменно-укоризненный взор.

Лена Лигон сказала:

— Ах, мой дорогой, я так в тебе разочарована.

А дядюшка Каролюс поинтересовался:

— Слушай, а как она вообще?

— Нет нужды говорить,— продолжил Проспер Лигон,— что Сайрус Мобилиус теперь считает Алекса Лигона беспутным повесой, совершенно неподходящим в качестве брачного партнера для его невинной дочери.

Слово «невинный» все-таки Алекса достало. Голова у него дьявольски раскалывалась, а тут его вдобавок ни за что ни про что распинали. Он припомнил совет Кейт: «Наплюй на всю эту семью. Пошли их к черту». Но теперь они его самым натуральным образом оплевывали. И Алекс взорвался:

— Для его невинной дочери! А Люси вдобавок не сказала, что я ее самым первым оттрахал? Потому что если сказала, то это гнусная ложь! Ручаюсь, мужчин у нее было больше, чем сейчас толпится на центральном ганимедском эскалаторе!

Двоюродная бабушка Кора ахнула, дядюшка Каролюс загоготал, а Проспер Лигон ядовито заметил:

— Мы не расспрашивали Сайруса Мобилиуса на предмет предыдущего сексуального опыта его дочери. И даже не намеревались. Элементарный итог данного дела, Алекс Лигон, таков, что ты подвел свою семью. Теперь, если мы надеемся заключить союз с империей Мобилиуса, нам придется искать его другими способами. И к счастью, подобный вариант, кажется, становится возможен. Люси-Мария, судя по всему, весьма заинтересована твоим кузеном Гектором.

— Гектором? — удивился Алекс.— Но он же полный идиот!

— Ну-ну,— вмешался Каролюс.— Ты, между прочим, о моем сыне говоришь. Хотя не сказал бы, что я с тобой не согласен. Но Сайрус Мобилиус — заботливый отец, и если все пойдет как надо, он согласится.

— Если? — прорычал Проспер.— Это «если» для меня новость. Я полагал, что согласие Мобилиуса уже достигнуто.

— Дело не в нем. Дело в ней.

— Люси-Мария артачится?

— Не совсем. Но кто-то вбил ей в голову совершенно придурочную идею. Она хочет, чтобы Гектор «себя проявил».

— В том смысле, что он может детей иметь?

— Черт побери, нет. Если бы Люси-Марии требовалось всегонавсего доказательство его плодовитости, я бы ей целую кучу предоставил. Я за его «ошибочки» по всему Ганимеду расплачиваюсь. Нет, Люси-Мария хочет, чтобы он совершил какое-то великое и благородное деяние.

— Какого рода деяние?

— А хрен его знает.— Дядюшка Каролюс нахмурился.— Но поехать куда-нибудь на лошади и угрохать огнедышащего дракона он вроде как не может. Гектор говорит, что он сам хочет об этом поразмыслить и придумать что-то ценное для семьи. Вот только насчет поразмыслить у него хуже всего. Думает тут как раз Алекс.

— Думать-то он думает, но толку от этого мало.— Проспер Лигон снова повернулся к Алексу.— Ты задолжал семье некую исключительную услугу в качестве компенсации за то, что ты натворил.

— Я не натворил ничего такого, что Гектор уже сотню раз не проделал.

— Сравнение с твоим кузеном в данном случае не в твою пользу. Он, по крайней мере, делает для семьи, что может. Я скажу тебе, чего именно мы от тебя ожидаем. Мы как раз обсуждали это перед твоим прибытием,— Проспер обвел взглядом стол, получая

от всех одобрительные кивки, а затем продолжил: — Ты присутствовал на нашем последнем семейном совете, когда было принято решение согласиться на контракт второй фазы проекта «Звездное семя». Наша выгода от этой работы — а также, если быть откровенным, судьба самой «Лигон-Индустрии» — зависит от получения прав на промышленные операции в системе Сатурна. Эти права тесно связаны с арендой маленького спутника под названием Пандора. Припоминаешь ты этот вопрос — или ты весь тот совет грезил о похотливых наслаждениях?

— Вы меня с Натали и Рашелью, моими помешанными на сексе кузинами перепутали. Я прекрасно помню все, что на том совете говорилось. Натали и Рашели предполагалось войти в контакт с текущим арендатором и трахать его до тех пор, пока он не забудет, где верх, где низ и какой теперь день недели. Я был всего лишь второстепенной поддержкой. А что случилось? Неужто наши близняшки-нимфоманки забастовали?

Грубые слова и сексуальные отсылки не оказали на Проспера Лигона никакого эффекта. Голова старого осла покачнулась — словно бы скорее от грусти, чем от гнева,— и дедушка Проспер сказал:

— Оскорбления близких членов семьи не могут компенсировать твоего собственного провала, Алекс. Или ты отрицаешь, что у тебя есть семейный долг и семейная ответственность?

— Я всегда старался для семьи, как мог. Сам факт того, что я нахожусь здесь, где у меня нет никакого желания пребывать, это доказывает.

— Очень хорошо. Теперь у тебя есть еще одна возможность это доказать. Натали и Рашель, по той или иной причине...— Тут Проспер Лигон сухо кашлянул.— Оказались неспособны организовать встречу с текущим арендатором Пандоры. Оценивая некоторые дошедшие до нас слухи, а также учитывая интересы и натуру арендатора, мы считаем, что у тебя есть лучший шанс на успех. Мы хотим, чтобы ты взял на себя эту задачу.

Сюрпризом для Алекса это не стало — загадочный билет в систему Сатурна служил достаточно откровенным намеком.

— Вы хотите сказать, это потому, что он интересуется компьютерами и компьютерными моделями? Если он настоящий отшельник, этого будет недостаточно. В Солнечной системе есть десятки компьютерных прогнозистов, но он не согласится встретиться ни с

одним из них. Он определенно не согласится встретиться со мной.— Подумав о своей предсказательной модели в ее нынешнем катастрофическом состоянии, Алекс продолжил: — Даже если он согласится со мной увидеться, в данный момент у меня просто нет возможности куда-то отбыть. Моя работа находится на критической отадии.

Лена Лигон покачала головой и самым что ни на есть сладчайшим и урезонивающим голосом произнесла:

— Ах, Алекс, дорогой Алекс, удостой же нас хоть небольшого доверия. Поверь, мы знаем, что делаем.

Проспер Лигон поднял голову и добавил:

— Твоя мать, Алекс, гораздо мудрее тебя. Она понимает одну вещь, которой ты, судя по всему, не понимаешь, а именно: у «Лигон-Индустрии» есть влияние и связи, которые простираются до высочайших уровней правительства системы Юпитера. Признаешь ли ты истинность данного утверждения?

Не более часа тому назад Алекс вдалбливал эту же самую идею в голову Кейт Лонакер. Он кивнул.

— Мы чувствуем, что твой внеочередной отпуск, чтобы провентилировать упомянутый вопрос на Пандоре, получит одобрение. Мы всего лишь просим тебя навестить текущего арендатора и аргументировать нашу позицию.

— А если он не захочет со мной встретиться?

— У нас есть серьезные основания полагать, что захочет. Могу еще раз упомянуть о том, что мы обладаем корпоративными ресурсами, масштабы которых ты, судя по всему, недопонимаешь и недооцениваешь.

У Алекса уже был готов ответ. Он собирался сказать, что возьмет на себя данную задачу в надежде на то, что это позволит ему поскорее смыться с семейного совета. Но тут дверь в конференц-зал резко распахнулась.

Все повернули головы. На пороге стояла двоюродная бабушка Агата. Ее одежда оставалась достаточно официальной по стилю, однако блузка, которой недоставало обычной, тщательно подобранной броши, была распахнута, обнажая идеально оформленную грудь.

— Что, без меня начали? — сказала Агата.— Упадок хороших манер — очевидный симптом этой декадентской эпохи.— Она достаточно бодро прошла вперед, но какими-то странными, боковыми движениями, точно больной краб.

Пока двоюродная бабушка Алекса занимала свое место за столом, дядюшка Каролюс внезапно сказал:

— Мы думали, ты заболела.

— Чушь. Ну, и какое дело у нас первое по порядку?

Она обращалась к Просперу, но ей ответила Лена Лигон:

— Послушай, Агата. Что-то не так. Ты желтая.

Как только его матушка об этом сказала, Алекс и сам это заметил. Кожа двоюродной бабушки Агаты была слегка желтоватого оттенка, но по-настоящему это демонстрировали ее глаза. Обычно белки их были абсолютно чистыми, даже с некоторым намеком на голубизну, которая говорила об идеальном здоровье. Теперь же эти белки были мутно-желтыми, чуть ли не бурыми.

— Чушь,— снова сказала Агата.— Ты, Лена, вечно что-то воображаешь.

— Ты сказала мне, что больна,— Проспер Лигон встал из-за стола и подошел к ней.— Предполагалось, что ты отправишься в «Сильва-Симбионтов», чтобы тебя там осмотрели. Ты там была?

— Нет. Абсолютно пустая трата времени. Я превосходно себя чувствую,— Агата прижала руку к правому боку, как раз над грудной клеткой.

Алекс заметил легкое дрожание ее пальцев.

Тогда он оглядел остальных. Они, похоже, понятия не имели, в чем тут дело.

— Бабушка Агата, вам больно?

— Понятное дело, нет.

Разумеется, ее ответ не стал сюрпризом. Одно из преимуществ симбионта заключалось в том, что один из внутренних организмов заботился о болевых симптомах, пока другие латали повреждение.

— Это материнская двуустка,— заключил Алекс. И, когда остальные тупо на него воззрились, продолжил: — Такая большая ерундовина вроде червя, которая над печенью симбионта сидит. С ней что-то не так. Может статься, она даже издохла. Взгляните на симптомы. У бабушки Агаты желтуха, потому что ее печень как следует не разлагает желчь. И я также думаю, что ее печень порядком распухла — там, где она руку прикладывает.

— Чушь. Я отлично себя чувствую...— но словам двоюродной бабушки Агаты недоставало обычной четкости, и она уже клонилась набок в кресле.

Проспер, без всякого намека на спешку, произнес:

— Данный семейный совет закончен. Каролюс, Алекс, помогите мне. Кора, вызови скорую помощь.

— От кого?

— От «Сильва-Симбионтов», конечно. Это их ответственность.

Каролюс сказал: «Ха! Вот тебе и "Сильва". Полетели ее триллиончики», после чего подошел к другому боку Агаты.

Алекс был менее расторопен. Он наблюдал за своей матушкой. На ее идеальном лице он впервые в жизни заметил неприкрытую тревогу и ужас.

— Они сказали, с ней будет полный порядок.

Кейт помедлила с зажженной спичкой в руке.

— Кто «они»?

— «Сильва-Симбионты». Очевидно, гибель одной из крупных двууусток редка, но это уже случалось раньше. Они вынут ее из бабушки Агаты, вставят запасную, и она будет как новенькая.

Кейт зажгла свечу и задула спичку.

— Что-то в таком роде они и должны были сказать, разве нет? Либо все замечательно, либо им придется признать, что в преображении в симбионты таится некая фундаментальная опасность.

По возвращении Алекса она приветствовала его бурным признанием: «Я тут все думала и думала. Ты должен мне все-все рассказать». Еще более откровенными, чем слова Кейт, были ее одежда и обстановка в квартире. Она носила обтягивающий брючный костюм бледно-голубых тонов, прекрасно демонстрирующий ее фигуру и подчеркивающий цвет ее глаз. Свет был приглушен, а на кухне дымилось ароматное блюдо в керамическом горшочке. На том месте, где должен был сесть Алекс, стояла бутылка виски и графин талого льда с Каллисто — напитки, которые он предпочитал любому вину несмотря на все усилия Кейт «привить ему вкус». Стол был убран свечами, побегами плюща, а также листочками венерина башмачка. Зная приверженность Кейт языку цветов, Алекс заглянул в справочную базу данных, пока она вынимала горшочек из плиты. «Побег плюща, с усиками: усердие в доставлении удовольствия». И «Венерин башмачок: завоюй меня и сохрани». И то и другое Алекса очень даже устраивало. Он не собирался поминать недавнее прошлое, если бы сама Кейт этого не сделала.

— Я думаю, что быть симбионтом опасно,— сказал Алекс.— У меня были по поводу них какие-то странные видения, когда я находился внутри предсказательной модели.— Он решил, что именно так следует об этом сказать. Он действительно находился «внутри» модели, когда она прогонялась, и «видения» также казались более уместным словом, чем «факты». Все, что Алексу удалось сохранить после выхода из модели, оставалось страшным беспорядком перепутанных во времени впечатлений.

— Хочу тебе, впрочем, еще об одном сказать,— продолжил он.— После того как мы покинули «Сильва-Симбионтов», дядюшка Каролюс сделал забавное признание. «Они в дерьме по уши и даже нырнуть не могут,— сказал он.— У нас есть видеозапись семейного совета, где Агата плетется как краб и на вид желтее банана. Я позабочусь о том, чтобы эти веселые картинки завтра же оказались в СМИ — как досадная утечка, естественно. Мы заявим, что понятия не имели о том, как они вышли за стены "Лигон-Индустрии"».

— Грязная тактика.— Кейт снова наполнила бокал Алекса.— Что я тебе говорила? Везде, где кучи денег, там и теневые методы бизнеса.

Они сидели друг напротив друга за таким маленьким столиком, что их колени неизбежно соприкасались.

— Ну ладно,— продолжила Кейт.— Одни лишь главные события меня не устраивают. Расскажи мне все подробности. Опиши каждую секунду начиная с того момента, как ты вошел в «Лигон-Индустрию», и кончая тем, как ты оттуда вышел.

Это была трудная задача, но Алекс сделал все, что мог. Он славно поел, прилично выпил и говорил беспрерывно, пока Кейт потягивала вино и молча слушала. Раз она нахмурилась, когда Алекс сказал, что не стал отрицать секса с Люси-Марией или еще с кем бы то ни было в «Эниках-Бениках». Зато Кейт хлопнула в ладони от восторга, когда он упомянул о том, что вспомнил ее совет: «Наплюй на всю эту семью. Пошли их к черту» — и описал свою вспышку гнева.

— Браво, Алекс. Именно этого они и заслуживают.

— Очень может быть. Но в дальнейшем я уже не так твердо держался. Если я получу одобрение на несколько дней отпуска, я дьявольски обязан попытаться увидеться с тем чудаком, что на Пандоре болтается. Я этого делать не хочу, но отказаться никак не мог.

— Больше об этом не думай. Я шепну словечко начальству, что твое присутствие в лаборатории жизненно необходимо. Собственно говоря, так оно и есть.

— Сомневаюсь, что у тебя это получится. Проспер Лигон говорил очень уверенно. Он всегда заранее проверяет свою диспозицию,— тут у Алекса возникла еще одна мысль. Он рассказал обо всем, что случилось с тех пор, как он прибыл в корпорацию Лигонов, но не охватил тот период, пока он туда добирался.— Послушай, Кейт, по пути на семейный совет я заметил какую-то новостную рекламу. И тут же вспомнил что-то схожее в предсказательной модели. Ты ничего не слышала о посланиях со звезд?

— По обычным каналам ничего такого не было.

— Там и не должно было быть. Это был экстренный выпуск «Парадигмы».

— Тогда это скорее всего мусор. Хочешь, чтобы я проверила?

— Если не трудно,— Алекс не сказал «если сможешь». Кейт так работала в сети, как у него никогда не получалось.— Только не сейчас.

— Конечно, не сейчас. Ты уже с едой закончил?

— Да.

Кейт положило руку на горлышко бутылки.

— А с выпивкой?

— Не совсем,— Алекс вдруг понял, что голова у него уже не болит. Он чувствовал себя хорошо — и умственно, и физически. Тогда он изъял у Кейт бутылку.— Еще бокальчик — для медицинских целей. Знаешь этимологию слова «виски»? Оно происходит от кельтского слова «асквибэ», что значит «живая вода». Старожилы на Земле знали, о чем они говорят.

— Только не пей слишком много. Знаешь, что еще твои старожилы про алкоголь говорили: «Спиртное повышает желание, но портит исполнение».

Таким образом отметались в сторону все вопросы насчет того, что будет дальше. Беспокоиться на этот счет Кейт не следовало. Потянувшись под стол, Алекс сжал ее колено. День был долгий и во многих отношениях кошмарный, зато ночь ожидалась просто волшебная.

Если и дальше заимствовать у старожилов, то, пожалуй и это: «Все хорошо, что хорошо кончается». И еще вот что: «Нерожденное завтра и мертвое вчера — что о них заботиться, когда сегодня

сладкое?» Не говоря уж о таком: «Распутная голова порождает распутный хвост».

Алекс не понимал, что говорит вслух, пока Кейт очень твердо не вынула у него из руки бутылку.

— Когда ты начинаешь бормотать цитаты, это значит, что с тебя уже довольно.

— Я замечательно себя чувствую.

— Очень хорошо. Замечательно себя чувствовать не запрещается.— Кейт поставила бутылку на боковой столик и протянула руку, чтобы поднять Алекса на ноги.— А вот что Алексу Лигону запрещается, так это завтра утром сказать мне, что он не знает, с кем этой ночью занимался сексом.

18

Гудение наверняка производила Магрит Кнудсен, снова пытаясь до него добраться. Как пить дать опять насчет этой инфернальной семейки Лигонов и необходимости для Совы с ними встретиться. Но на сегодня Свами Савачарья уже испытал все раздражение, какое только мог себе позволить. Тогда он установил линию с минимальной скоростью передачи информации из внешнего мира, специально рассчитанную на то, чтобы вконец достать и обозлить любого звонящего человека, и удалился в безопасное одиночество Цитадели.

Пора было рассмотреть список «четыре-сигма».

Этот список автоматически составлялся личными программами Совы в их постоянном поиске по всей Солнечной системе аномалий достаточно невероятных, чтобы их особо отметить. Название «четыре-сигма» было, как прекрасно понимал Сова, весьма обманчивым. Оно предполагало, что его интересуют предметы, имеющие всего лишь один шанс из десяти тысяч на существование, что было истинной правдой. Однако данное название также подразумевало, что подобные события имеют нормальное распределение, что определенно являлось неправдой.

Сова был слишком ленив, чтобы выдумывать более подходящее название. Он знал, чего он хочет от программы, да и в любом случае следующий шаг оставался целиком за ним, никоим образом не подлежа количественной оценке. Сова искал связи между пунктами списка «четыре-сигма», дабы умножить шансы и обратить вероятность из одной десятитысячной хотя бы в одну трехсотую.

Прошло уже несколько дней с тех пор, как он в последний раз изучал список, и несколько новых пунктов привлекли его внимание.

1) Некто запрашивал у Центрального транспортного управления разрешение на высокоскоростной транзит между юпитерианскими точками Л-4 и Л-5, что являлось беспрецедентным событием в опыте программы, а также в опыте Совы. Он поставил вопросительный знак, чтобы проследить за полетом.

2) Стремительное падение на пять процентов имело в общей оценке корпорации «Сильва-Симбионты» место, совпадающее по времени с заявлением о рекордно высоких прибылях. Это определенно была аномалия, причем не имеющая очевидного смысла, однако Сова слишком хорошо в этом разбирался, чтобы тратить время на лишние раздумья по этому поводу. Еще подростком он пришел к тому выводу, что значение, присвоенное корпорации инвесторами, представляет собой случайное блуждание, модифицированное внутренней информацией.

3) Произошла рекордного размера солнечная вспышка, на четверо суток удвоившая интенсивность солнечного ветра по всей системе. Сова и это проигнорировал. Такое событие определенно являлось аномальным, однако даже в самом своем параноидном настроении Сова не склонен был подозревать Солнце в активном вмешательстве в человеческие дела.

4) За последние шесть суток в Сети Головоломок на уровне Мастеров не появилось ничего нового.

Это заставило Сову сесть прямее и задуматься. Он был слишком занят собственными заботами, чтобы отслеживать текущую активность Сети Головоломок, но в прежнее время ни одного столь длинного интервала без по меньшей меры одной новой проблемы на уровне Мастеров не случалось. Что-то должно было происходить, и Сову не на шутку раздражало то, что он не был в эти события вовлечен. Тогда он поставил еще один вопросительный знак, чтобы проследить за данной тенденцией и посмотреть, когда она закончится. Если же она не закончится, программа должна была через день-другой его предупредить.

5) О меньшем числе человеческих рождений сообщалось для одного дня предыдущего месяца по сравнению с любым другим днем за целое десятилетие. Сова бросил быстрый взгляд на значения для дней до и после и стер данный пункт из списка. Здесь он усмотрел простую работу законов вероятности. Статистический

максимум и минимум с необходимостью должны были наблюдаться в какой-то день, и только если бы этот образчик проявился снова, он стал бы достоин дальнейшего рассмотрения.

Сова уже было настроился стереть также и следующий пункт — сильнейшую вулканическую активность Ио, безусловно коррелирующуюся с солнечной вспышкой,— когда медленный, булькающий голос послышался из динамика, подсоединенного к внешней линии с низкой скоростью передачи информации.

В-п-у-с-т-и-т-е.

Ни один человек не смог бы так замедлить темп своей речи и по-прежнему остаться внятным. Сова повысил скорость подачи данных на линии.

— Морд?

— А кто еще, по-вашему? — отозвался ядовитый голос.— Ну, дайте же мне наконец пристойную скорость.

— Только не в среде Цитадели. Потребуется некоторое время, чтобы закрыть Цитадель, а затем я перейду в Невод и вас приму.

— Ну да, конечно, чего торопиться? Секунда времени на ваших всего лишь заставит меня почувствовать, будто я год прождал.

— Не особенно вам сочувствую. Вы многозадачны, и мы оба это знаем. У вас есть для меня полезная информация?

— Понятное дело, нет,— Цитадель закрылась, Невод открылся, и мрачная длинноносая физиономия Морда появилась на экране.— Я просто пришел компанию вам составить. Выпьем по капельке?

— Ну-ну, Морд, такой сарказм вам не к лицу. Что вы узнали?

— Сначала вы. Что там у вас?

— Касательно Надин Селасси и того мальчика, что с ней был?

— Сами знаете. Нечего тут ваньку валять.

— Я изучил орбитальные геометрии и пришел к выводу, что с высокой степенью вероятности местом их назначения, когда они покинули астероид Геральдик, стал Марс. Имевшийся у них корабль обладал способностью к планетарному приземлению, что само по себе важно. Однако...— Сова поднял руку, лишая Морда всякой возможности его перебить.— Марс мог стать не более чем отправным пунктом. Ведение регистрации на Марсе поразительно быстро вернулось в норму. Можно с уверенностью сказать, что ни один человек, соответствующий физическому описанию Надин Селасси, не присутствовал на планете через пять лет после окончания Великой войны.

— Итак, либо они умерли на Марсе, либо оттуда убрались. В любом случае, мы снова теряем их след.

— Возможно, и не теряем. Я сделал еще один шаг вперед. Предположим, что они покинули Марс в какой-то момент трехлетнего интервала после их отбытия с Геральдика. Каким тогда стало бы возможное место их назначения? Некоторые мы с легкостью можем вычеркнуть. Возвращение на Пояс в его разгромленном состоянии означало бы неминуемую смерть. Они могли бы направиться в систему Юпитера, но там их прибытие определенно было бы отмечено. Даже если бы они отправились в один из лагерей для беженцев на Каллисто, их присутствие и состояние также оказались бы зарегистрированы. Я просмотрел архивы и не обнаружил там никаких признаков того, кто мог бы быть Надин Селасси. Все, что находится за системой Юпитера, скажем, один из спутников Сатурна, в конце Великой войны не смогло бы обеспечить им проживания. Таким образом, остается одна возможность.

— Земля,— скрипучим голосом произнес Морд.— Черт побери, они отправились на Землю. Надин Селасси, должно быть, совсем обезумела. Эта проклятая планета была в то время грудой развалин.

— Возможно, не столько обезумела, сколько отчаялась. Я снова изучил орбитальную механику. Землю было бы относительно легко сравнить с любым из вариантов, о которых я упомянул. Кроме того, Земля не подверглась полному опустошению. Северное полушарие действительно было обращено в руины, однако Южное уцелело.

— Только вот если бы они там приземлились, кто-то сделал бы об этом отметку. Их прибытие значилось бы в архивах. Я так понимаю, что его там нет, иначе бы вы к нему сразу перешли и лишний раз мне мозги не компостировали.

— Никакого подобного прибытия зарегистрировано не было. Для меня это говорит лишь о том, что они, скорее всего, приземлились в Северном полушарии.

— Прямо в гуще тех тератом, которых туда сбросил Пояс? Вы как пить дать шутите. Им там пришлось бы куда хуже, чем на поверхности Луны.

— Не совсем так. В Северном полушарии подбирали уцелевших. Не столь многих и никого, кто по возрасту и описанию соответствовал бы Надин Селасси. Однако было спасено несколько тысяч человек.

— Это слишком много.

— Нет, если мы ограничим сферу нашего внимания маленькими детьми, что в данной ситуации выглядит логичным ходом. Я запросил банки данных на предмет всех детей младше десяти лет, кто был спасен на всей поверхности Северного полушария Земли в соответствующий временной отрезок.

— Сова, я просто поражен. Вы и впрямь работали. А я тут думал, вы там сидите и онанизмом занимаетесь.

— Я, как вы выразились, работал. И теперь ваша очередь этим заняться, потому что дальше я продвинуться не способен.

— Как так?

— Припоминая то, что вы рассказали мне про аномалии, обнаруженные при вскрытии умершей на Геральдике девочки, я попытался получить медицинские данные о всех детях, спасенных после окончания Великой войны в Северном полушарии Земли. У меня есть их имена, однако любую другую документацию в какой-либо форме прямого доступа мне раздобыть не удалось. Она защищена досадными соображениями личной секретности. Вы, однако, способны подойти к данной проблеме с множества различных углов...

— Вас понял. Я почти всюду могу пролезть. Ладно, посмотрю, что мне удастся сделать. Теперь моя очередь. Как только я прибыл, вы сразу спросили, что у меня есть.

— И что?

— Я пошел другим путем. Вы мне плешь проели про Кладезь вооружения. Тогда я решил пойти и это дело поискать. Я знал, что нет никакой надежды в старых и установившихся базах данных, потому что вы и другие фанаты Великой войны годами их штудировали. Если я хотел что-то найти, искать следовало в новых, маленьких базах данных, которые стали интерактивными с введением в строй поисковых машин Невода.

— И вы его нашли? — в голосе Совы прозвучало редкое возбуждение.

— Нет, подобная удача мне не улыбнулась. Было бы уж слишком на такое надеяться. Но я все-таки обнаружил несколько очень странных клочков и обрывков. В частности, в дюжине разных мест я нашел упоминание о Надин Селасси. Большинство из них оказались просто списками персонала, занятого оружейными программами Пояса. Однако были два любопытных исключения. Первым стал список чего-то, названного «планетарным оружием». Я оставлю вам этот список, и вы сами сможете решить, что эта

ерунда из себя представляет, но похоже, что словосочетание «планетарное оружие» использовалось для проведения различия с оружием открытого космоса. Но это все равно странное наименование, поскольку большая часть оружия может использоваться всюду, как на поверхности планеты, так и в космосе.

— Если только данное оружие не было разработано для поражения чего-либо, что в космосе не обнаруживается — скажем, растений или животных. Оружием подобного рода стали использованные на Марсе «вселенские раздолбаи».

— Очень может быть. Вот только раздолбаи находились в другом списке Пояса — в том, где перечислялось оружие, предназначенное для использования против личного состава и материальной части. Но в том первом списке было кое-что еще более странное. Согласно ему, до окончания войны Надин Селасси «полностью закончила и протестировала» некое новое оружие. Оно было классифицировано как оружие планетарного разрушения. Вы можете подумать, что это была как раз одна из тех штуковин, которые вожди Пояса должны были использовать на Земле, на Марсе или даже на одном из населенных спутников Юпитера. Тогда вот вам мой вопрос: почему же они его не использовали? Если это и впрямь было оружие, способное уничтожить целую планету, его бы вполне хватило, чтобы закончить войну, победителем в которой сразу же после его использования стал бы Пояс.

— Возможно, полномасштабная версия так и не была произведена. Вы сказали, что оно было только протестировано.

— Нет. Судя по всему, рабочая версия, снабженная системой доставки, была готова к использованию.

Сова закрыл глаза и так долго сидел молча, что Морд в конце концов не выдержал:

— Эй, вы! Вы там, часом, не спать собрались?

— Никоим образом,— Сова открыл глаза.— Мне так же недостает объяснения, как и вам. Оружие, способное к разрушению в планетарном масштабе, законченное, протестированное и готовое к использованию. Заманчиво было бы предположить, что вожди Пояса воздержались от применения столь ужасного оружия по причинам гуманизма, но все, что мы знаем о Великой войне, говорит нам о том, что подобный милосердный мотив не может быть приложен к военным усилиям вождей Пояса. Они убили бы абсолютно всех людей на внутренних планетах и во всей системе Юпитера, если бы это позволило им выиграть войну.

— Итак, вы со мной согласны. У нас есть загадка.

— Действительно. Причем загадка, представляющая чисто абстрактный интерес, если бы не мое подозрение — нет, даже убеждение,— что это оружие не было уничтожено. Оно покинуло Пояс вместе с Надин Селасси, отправилось с ней на астероид Геральдик и далее... Но где же оно теперь?

— Вы меня поняли. Я позволю вам поломать голову над этой загадкой, а сам тем временем посмотрю, не удастся ли мне заполучить медицинские данные из земных архивов. Что-то еще? А то меня сейчас здесь не будет.

— Я только повторю мое более раннее предупреждение. Остерегайтесь. Весь компьютерный и коммуникационный профиль Солнечной системы изменился с тех пор, как Невод вошел в работу. Я могу зафиксировать существенную разницу, не будучи, правда, способен определить ее или оценить количественно.

— То же самое здесь, но еще явственнее. Я привык перемещаться свободно, а теперь приходится смотреть, куда прыгаешь. Я с некоторых пор вообще не перемещаюсь и не получаю доступ к новому информационному файлу, заранее все не проверив. Ищите меня здесь через неделю или больше. Если меня не будет, можете считать, что меня что-то сцапало. Беда в том, что я толком не знаю, что меня может сцапать.

Косоглазая физиономия Морда исчезла с дисплея, оставляя Сову в странном беспокойстве. Морд был всего лишь программой; верно, куда более сложной, чем большинство программ, но все-таки не более чем пятью миллионами строчек алгоритма и кода.

С другой стороны, можно ли было сказать что-то большее о человеческом сознании? Утрата Морда стала бы столь же скорбной, что и потеря любого человека. И пустой дисплей, дверной проход в Невод, вдруг показался Сове мрачным и зловещим.

19
В КОМПАНИИ ЛЮДОЕДА...

«Ведьма Агнези» была проверена, заправлена и готова к старту. Джек Бестон, прибыв за считанные минуты до назначенного времени, сказал Милли только одно:

— Время путешествия с поверхностной гравитацией Ганимеда в качестве ускорения корабля станет слишком долгим. Поэтому я установлю одно земное «жэ». Согласны?

Получив от Милли изумленный кивок — а какой еще выбор у нее имелся? — Джек скрылся в своих апартаментах и запер дверь. Его исчезновение Милли очень даже устроило. Ее не столько волновало отсутствие Людоеда, сколько его присутствие. Что же касалось ускорения, то одно земное «жэ» было в шесть раз больше того, к чему она привыкла на Ганимеде, и гораздо больше того, что ей когда-либо приходилось испытывать. Вероятно, Милли предстояло ощутить себя сделанной из свинца, но поскольку это означало более быструю дорогу, она вполне могла потерпеть. Милли подошла к интерфейсу с пилотом.

— Сколько времени нам понадобится, чтобы добраться до станции «Цербер» в юпитерианской точке Л-5?

Пилот представлял собой Факс четвертого уровня в облике благообразного мужчины с невозмутимым лицом и легкой сединой на висках. Он нахмурился, словно бы обдумывая вопрос Милли, хотя ответ мог быть предоставлен компьютером через считанные микросекунды.

— Предполагая, что я не получу никаких запросов на смену ускорения, предусмотренное графиком среднее время перелета включая переворот в средней точке составит восемь целых шесть десятых суток. Расстояние перигелия будет триста восемьдесят девять миллионов километров.

— Но это заведет нас внутрь Пояса.

— Совершенно верно. Мы окажемся ближе к Солнцу, чем многие астероиды. Однако с нашими бортовыми системами регистрации материи никакой опасности столкновения не существует. Могу я еще чем-то вам помочь?

— Пока нет.

— Тогда я надеюсь, что полет вам понравится. Если будет что-то, посредством чего я смогу сделать его еще более приятным, спрашивайте без колебаний. А теперь, пожалуйста, займите ваше сиденье. По графику мотор должен будет завестись через тридцать секунд, но он не сможет этого сделать, пока все пассажиры не будут соответствующим образом размещены.

Милли прошла пристегнуться к одному из шарнирных кресел. Ответ пилота ее удивил. Солнечное ускорение на расстоянии

Юпитера составляло всего лишь пару сотых сантиметра в секунду за секунду. Учитывая, что мотор был способен выдавать ускорение в гравитацию Ганимеда и больше, орбиты вокруг Внешней системы были практически как на ладони. Перелет от юпитерианской точки Л-4 к точке Л-5 должен был стрелой послать «Ведьму Агнези» между Солнцем и Юпитером почти по прямолинейной траектории. В точке переворота кораблю предстояло оказаться почти равноудаленным от планеты и от Солнца.

Милли откинулась на спинку мягкого кресла. Еще несколько секунд — и корабль уже двигался. Сила, которую почувствовала Милли, оказалась на удивление нежной. Если это было все, что ей предстояло перенести, то никаких проблем не предвиделось. Из иллюминатора по левую руку она наблюдала станцию «Аргус», заметно вращающуюся вокруг своей оси и теперь обращенную лицом к Милли. Затем она поняла, что станция «Аргус» на самом деле не движется. Корабль поворачивался в нужное положение. И вдруг, пока эта мысль все еще сидела у Милли в голове, могучая сила схватила ее и крепко вжала в сиденье.

Так вот, значит, что такое одно земное «жэ»! Милли казалось, что она едва может дышать. Груди, по ее мнению и так слишком большие, теперь сделались куда более чем косметической проблемой. Они стали тяжелыми грузилами, прижатыми к ее бокам. И ей предполагалось это переносить? Как долго? Более восьми суток, сказал пилот.

Милли закрыла глаза. Даже восьми минут было бы слишком много. Она неопределенное время беспомощно пролежала, пока не уловила в каюте посторонний звук. Тогда она открыла глаза.

Перед ней стоял Джек Бестон. Казалось, он ни от какого ускорения не страдал.

— Вот,— он протянул Милли шприц.— Одно земное «жэ» в течение недели с небольшим не причинит вам никакого вреда, но нет смысла испытывать неудобства. Только помните, что в первые несколько часов резкие движения делать не стоит.

У Милли элементарно не хватило дыхания для ответа. Она взяла шприц. Если это была часть какого-то коварного людоедского плана и укол должен был погрузить ее в бессознательное состояние, чтобы Джек смог затем с ней совладать, то и черт с ним. В ее нынешнем состоянии быть в бессознательном состоянии казалось куда лучше, чем бодрствовать.

— Не сюда! — Бестон схватил шприц и перенаправил его в определенную точку на шее Милли. До этого она, совершенно раскоординированная и с весящей целую тонну рукой, невесть как нацелила шприц в спинку сиденья у себя за головой.

— Вам нужно, чтобы это как можно скорее подействовало,— продолжил Людоед.— Поэтому лучше всего колоть в сонную артерию. Да и где угодно подействует лучше, чем если вы креслу укол сделаете.

Это была вроде как шутка, и Милли попыталась улыбнуться. Сделав усилие, она ощутила, как кожа на лице движется в странных направлениях и порядком натягивается. Как все это выглядело со стороны, можно было только догадываться. Она позволила Бестону направить иглу и нажала на поршень, когда он сказал: «Ну, давите». После чего почувствовала, как холод разливается по шее.

Людоед несколько секунд выждал, внимательно на нее глазея.

— Как вы теперь себя чувствуете?

— Точно так же,— но это было не так. Во-первых, Милли заговорила, что минуту назад казалось невозможным. Груди снова стали ощущаться как груди, а не как свинцовые грузила на грудной клетке. Милли отстегнула ремни, что притягивали ее к сиденью, и начала вставать.

Джек Бестон положил ей руку на плечо.

— Еще рановато. Посидите пару часиков и отдохните. Позвольте вашему телу привыкнуть. А потом я вас провожу в физкультурный зал.

Во время своей быстрой экскурсии по кораблю Милли подметила это тщательно продуманное помещение и отвергла его как пунктик человека, у которого денег больше, чем здравого смысла.

— Вы собираетесь там заниматься?

— Мы оба собираемся. В первые день-другой очень спокойно, очень осторожно. При высокой гравитации мышцы укрепляются удивительно быстро, но очень легко заработать растяжение сухожилия или разрыв ткани.

И Джек Бестон удалился в свои апартаменты, оставляя Милли недоумевать на его счет. Что это был за человек? Был он заинтересован в ней лично, как настаивала Ханна Краусс? Если так, то никаких признаков этой заинтересованности Бестон не проявлял. Был он Людоедом, как настаивали решительно все? Тогда он был довольно благовоспитанным Людоедом.

Милли пришлось ждать двое суток, прежде чем она смогла ответить на эти вопросы. «Ведьма Агнези» размеренно летела вперед, ее ускорение не менялось. Тело Милли постепенно приспособилось к беспрецедентному полю ускорения. Двигаясь медленно и осторожно, она напоминала себе, что люди в подобном силовом поле в свое время эволюционировали. Большую часть времени Джек Бестон оставался в своих апартаментах, а Милли держалась своих. Дважды в день они встречались, чтобы поесть, позаниматься физическими упражнениями и поболтать ни о чем. Людоед оставался беспокойным и неугомонным, но не слишком коммуникабельным.

Милли не скучала. Для скуки она оставалась слишком озабоченной. Она все время была занята, дотошно анализируя и переанализируя свою работу, высматривая, не допустила ли она какой-то промашки, которую все остальные на станции «Аргус» распознать не смогли, и прикидывая, войдет она в историю как крупная первооткрывательница или как очередное ничтожество, приемщица несуществующего сигнала со звезд. Если Милли брала перерыв, то лишь затем, чтобы подойти к иллюминаторам и поглазеть наружу. Когда они достигнут точки переворота, Солнце, корабль и Юпитер окажутся почти точно на прямой линии. Милли уже могла видеть интенсивное сияние Солнца из одного иллюминатора и широкую физиономию Юпитера в противоположном. Ганимед, где жили ее родные и который до недавнего времени был ее домом, почти не просматривался. Солнечная система казалась предельно пустой. И Милли чувствовала себя совсем одинокой.

Ближе к вечеру третьего дня Джек Бестон появился и спросил, не пожелает ли она пообедать с ним в его личных апартаментах. Милли не смогла придумать никакой причины для отказа, а потому согласилась, но когда подошло время и она постучала в его дверь, то ощутила изрядную неловкость. Пока Милли проходила в гостиную, ей пришлось напоминать себе, что, насколько знал Людоед, она здесь еще не бывала.

Она немного побродила там, рассыпая комплименты на предмет изящного дизайна мебели и дорогого декора. Наконец Бестон сказал:

— Знаете, на станции «Аргус» у меня сложилась репутация настоящего параноика во всем, что касается безопасности. На самом же деле я ни о чем, кроме проекта, не забочусь. Вот Зеттер действительно помешана на безопасности, но только не я. И когда

я купил этот корабль, он уже поступил ко мне с системой слежения, смонтированной в личных апартаментах.

Это означало, что он знал о том, как Милли тут шныряла? Должно быть. Она внимательно на него посмотрела. На лице у Людоеда застыло задумчивое выражение, но он определенно не был расстроен — по крайней мере так, как была расстроена Милли.

— Извините. Когда я попала на борт, я подумала... раньше мне на таком корабле бывать не доводилось... так что я просто...

— Не извиняйтесь. Знаете, что я прежде всего ищу в человеке, который поступает работать на станцию «Аргус»? Ненасытное любопытство — почти ко всему во вселенной,— Бестон махнул Милли на кресло у низкого столика, а сам, скрестив ноги, опустился на подушки напротив. Затем он мрачно ей улыбнулся.— Конечно, когда определенные люди проявляют такого рода любопытство, мне это вовсе не нравится. Но к вам, Милли, это отношения не имеет. Вы в последнее время выпуски инфостудий просматривали?

— Нет. С тех пор, как мы станцию «Аргус» покинули.

— А я просматривал. Весть о том, что у нас есть возможный сигнал со звезд, мы послали только в два места: на станцию «Цербер» и в Центральный архив Ганимеда. Сигнал, который ушел на Ганимед, был зашифрован, и в таком виде его должны были сохранить. Но произошла утечка, и кто-то его расшифровал. В инфостудии «Парадигма» о нас прошла болтовня. Большая ее часть, как можно было ожидать, несусветная чушь, но там определенно говорится, что у нас есть послание от внеземного разума. Ваше имя упомянуто. Пока весь этот шум не уляжется, он будет приличной занозой в заднице. Сотни шустрых ребят из СМИ будут за вами гоняться.

— А что я им скажу? — за всю свою жизнь Милли еще не встречала ни одного сотрудника инфостудии.

— Вы их будете отсылать ко мне,— в зеленых глазах Джека Бестона заблестело радостное предвкушение.— Я дам им больше того, что они попросят. Я предложу им информацию — если они скажут мне, откуда взялась ганимедская утечка.

— А вы уверены, что утечку дал ганимедский архив? Сигнал, который вы послали на станцию «Цербер», не был зашифрован.

— Его и не требовалось зашифровывать. Станция «Цербер» заперта так же плотно, как задница Ублюдка. Он убьет любого члена своего проекта, который даст такого рода утечку, потому что

хотя он и проиграл с первоначальным открытием, он надеется быть первым с интерпретацией.

— А я думала, гонка закончена.

— Нет, пока мы не узнаем, что именно означает сигнал.

— Тогда зачем вы вообще послали сообщение на станцию «Цербер»?

— Обдуманный риск. Нам нужны данные Ублюдка для подтверждения. Либо так, либо ждать годами, пока изменится наше положение на орбите. А я слишком нетерпелив, чтобы дожидаться подобных вещей.— Он оторвал взгляд от Милли и стал смотреть на то, как пара небольших сервов прокрадывается с кухни и размещается на низком столике.— Ладно, черт с ним, с Ублюдком. Я приглашал вас пообедать, а не с работой надоедать. Угощайтесь.

Раскрывая створки своего серва, Милли задумалась, чего ей следует ожидать. Ранний осмотр кухни предполагал такой уровень кулинарии, какой ей и не снился. Облегчением стало найти в серве ту пищу, на которой она выросла.

Возможно, следовало выразиться по-другому. Эта пища выглядела как та, на которой она выросла. Милли положила себе на тарелку самое минимальное количество еды. Она вспомнила предупреждение Ханны насчет «обольщения новеньких сотрудниц» и собственные слова Джека «я слишком нетерпелив, чтобы дожидаться подобных вещей». Если он рассчитывал к ней подкатить, не добавил ли он в еду немного психотропного препарата, чтобы повлиять на ее настроение? Ткнув вилкой маленькую зеленую горошинку, Милли попробовала ее.

Джек Бестон пристально наблюдал за ней.

— С вами все в порядке? Вы себе почти ничего не положили.

— Пожалуй, я немного удивлена,— Милли указала вилкой на тарелку.— Это замечательно, но такую же пищу мы дома ели.

— Вы хотите сказать, она слишком простая, не высококлассная?

— Ну, я бы так не сказала.

— Но вы могли так подумать,— Джек нагрузил свою тарелку раз в десять больше, чем Милли, но пока что не проглотил ни кусочка.— Прошу прощения, но когда дело доходит до еды, вкусы у меня достаточно примитивные. Думаю, они развились в ранний период моей жизни, а рос я в небогатой семье. Богатство уже потом на меня обрушилось.

— Я знаю.

— Ханна вам рассказала?

— Да.

— Еды, которую вы себе положили, не хватит даже мышку накормить. И пока что вы только самую маленькую горошинку попробовали. Что вам еще Ханна рассказала?

Милли отложила вилку.

— Раз вы так настаиваете, то Ханна посоветовала мне соблюдать осторожность. У вас есть привычка, сказала она, волочиться за женщинами из числа ваших подчиненных, особенно за новенькими. А я прибыла самой последней.

Людоед глазел на нее и задумчиво кивал головой. Вот теперь он наверняка ее уволит.

— Вы нервничаете из-за этого,— сказал он.— И это портит вам аппетит.

— Возможно.

— А возможно, есть тут и кое-что еще,— Джек потянулся через стол, чтобы взять ее за руку, но Милли ее отдернула. Тогда он кивнул.— Вы действительно нервничаете. Возможно, вы беспокоитесь о еде и думаете, что с ней может быть что-то не так. Теперь я собираюсь сказать вам несколько вещей, Милли Ву, и поверите вы мне или нет, но после того, как я выскажусь, либо мы будем сидеть здесь и обедать как цивилизованные люди, либо вы уйдете и на весь оставшийся рейс запретесь в вашей каюте. Выбирать вам. В любом случае, зла на вас я держать не стану.

Во-первых, при первой же нашей встрече я нашел вас очень привлекательной. Во-вторых, я также знаю, что у меня есть определенная репутация, и в том, что вам рассказала Ханна, есть доля правды. Но мне бы хотелось, чтобы Ханна рассказала вам кое-что еще. Я никогда в жизни не пытался использовать положение, деньги, влияние или нажим, чтобы склонить девушку к сексу, если она сама того не желала. Я не заинтересован ни в какой форме принуждения. Я также никогда не пытался ни с какой целью накачать кого-либо наркотиками, будь то женщина или мужчина.

Джек сделал паузу, и Милли заметила, что его руки, все еще протянутые над столом, слегка дрожат.

— Ханна мне этого не говорила,— пробормотала она.— Я рада, что вы сказали. И я вам верю.

— Хорошо. Потому что теперь, насколько я понимаю, мы подошли к самому трудному. Я сказал вам, что нахожу вас при-

влекательной, и это так. Но если бы вы отважились прийти ко мне сегодня вечером и предложили заняться сексом — я вовсе не говорю, что вас когда-либо посещала подобная мысль,— вас ждало бы большое разочарование. Разве вы не видите, что я дьявольски напряжен и нервозен? Так происходит уже много дней, и никакого отношения к вам это не имеет. Я пригласил вас пообедать только за тем, чтобы хоть как-то переключиться.

— Это из-за визита на станцию «Цербер»?

— Можете выражаться точнее. Меня тревожит вовсе не станция. Меня тревожит Филип. Ну, вы знаете... Ублюдок.

— Знаю. Просто я никогда раньше не слышала, чтобы вы его называли по имени,— Милли уже чувствовала себя гораздо лучше — несмотря на то, что дискомфорт Джека, казалось, только нарастал.— Но я вас не понимаю. Я думала, мы находимся в абсолютно выигрышном положении. Он даже не знает, где искать.

— Нам придется ему сказать, чтобы получить подтверждение.

— Но направление сигнала всего лишь малая частичка того, что мы узнали. Мы по-прежнему будем далеко впереди. Что он сможет сделать, чтобы изменить ситуацию?

— Если бы я знал, я бы так не беспокоился. Есть у вас старшая сестра?

— Нет. Две младших и еще младший брат.

— Вам повезло. Старшие вечно считают себя начальством. Филип всего на пару лет меня старше, но еще с тех пор, как мы были маленькими детьми, во всех ситуациях, что бы мы ни делали, он всегда умел обставить все так, чтобы впереди оказаться. Даже с этим проектом, который был целиком моей идеей. То же самое и теперь. Я так из-за него психую, что уже убежден в том, что у него и на сей раз это получится. Даже хотя я представить себе не могу, как это может получиться.

Странное дело, но, наблюдая за ним через столик, Милли видела перед собой совсем другого Джека Бестона. Да, он был Людоедом, жестоким надсмотрщиком, который нещадно хлестал кнутом весь персонал проекта «Аргус» в юпитерианской точке Л-4. Но в то же самое время он был нервным ребенком, до смерти боящимся того, что изворотливый старший брат может разрушить его планы. Милли вдруг захотелось обнять его и сказать, что все будет хорошо.

Это по множеству разных причин стало бы ошибкой. «А вот если ты почувствуешь симпатию к дьяволу, считай, что ты в беде».

Милли верила всему, что ей сказал Джек — за исключением, пожалуй, его импотенции. На этот счет мужчина был крайне ненадежным источником. Тем не менее она зашла так далеко, что потянулась через стол и похлопала его по ладони.

— Вы победите. Я в этом уверена,— Милли нагнулась и принялась поднимать накрытые блюда на стол.— Извините, что подозревала неладное насчет пищи, но если честно, то перед тем, как сюда прийти, я была чертовски голодна. Думаю, это эффект повышенной гравитации — того, что наши тела пытаются удвоить мышечную массу всего за несколько дней.

Тарелку Джека Милли оттолкнула в сторону.

— Все это уже остыло. Надо снова начинать,— она взяла для него чистую тарелку, открыла блюда и принялась накладывать им обоим щедрые порции всего-всего.— Теперь мы поедим, а раз вы хотите отвлечься, то я вам это удовольствие обеспечу. Вы спросили про мою семью. По-моему, это самая малоинтересная компания в Солнечной системе. Я расскажу вам про дядю Годфри и тетю Мэри, про Джинджера, Сару и Лолу, про вечно сонного кузена Питера, и я буду продолжать, пока вы пощады не запросите.

20
...И В КОМПАНИИ УБЛЮДКА

Через восемь дней с небольшим ускорение в одно земное «жэ» вместо чувства странного дискомфорта и возможной непереносимости стало вызывать чувство не менее странного комфорта. Можно было хоть всю жизнь прожить на внешних рубежах Солнечной системы, но что-то глубоко внутри тебя помнило, откуда ты родом. Глазея на приближающуюся станцию «Цербер», Милли испытывала едва ли не сожаление от того, что снова окажется в среде с микрогравитацией.

Джек дрейфовал по кабине управления, то и дело медля, чтобы взглянуть на место их назначения. Он казался более расслаблен, чем во время их первого совместного обеда. Возможно, Милли удалось убедить его в том, что не существует такого способа, каким его брат Филип смог бы перехватить преимущество, а возможно, он просто смирился с неизбежной близостью конфронтации. По той или иной причине, но последняя часть путешествия оказалась более легкой, чем первые дни.

Милли не спускала глаз с приближающейся станции. Эта конструкция оказалась замечательно схожа с той, которую они покинули в юпитерианской точке Л-4. Здесь имелся тот же обширный набор антенн, те же скелетные решетки, чтобы регистрировать призрачное прохождение высокоэнергетичных нейтрино, та же центральная громада жилого модуля. Проделав полпути по Солнечной системе, Милли оказалась лицом к лицу с факсимиле той станции, которую они покинули. Кто с кого копировал? Если верить Джеку, Ублюдок все идеи похищал у младшего брата.

В отличие от Джека, Милли испытывала огромное желание увидеться с Филипом. Пока что она даже фотографий его не видела. У нее самой была одна сестра, очень на нее похожая, и еще одна, с которой у Милли не было решительно никакого сходства,— хотя другие члены семьи утверждали, что они это сходство видят. Как мог выглядеть Филип? И что еще более важно — каким он был внутренне? Милли чувствовала, что понемногу начинает понимать Джека. Он представлял собой странную смесь полной самонадеянности и абсолютной неуверенности. Эта комбинация была интригующей и в высшей степени привлекательной. Легко было увидеть причину его предположительно бесчисленных романов на станции «Аргус». Милли уже не чувствовала уверенности, что их инициатором всегда оказывался именно Джек.

— Мы готовы к стыковке. Если вас не затруднит приготовиться к прибытию...— пилот-Факс подождал, пока Милли усядется. Джек с неохотой прекратил свои блуждания и тоже пристегнулся. Громада станции «Цербер» нависала за иллюминатором, застилая половину звездного поля. «Ведьма Агнези» прокладывала себе дорогу к набору пусковых башен у нее на боку.

Стыковка была выполнена с нечеловеческой точностью. Милли едва ощутила сотрясение от контакта, после чего зажегся указатель с инструкцией оставаться на своих сиденьях. Мгновения спустя мигающий зеленый огонек известил их о том, что переходной шлюз присоединен, а перепад давлений нормализован.

— Вот мы и прибыли,— Джек уже отстегнулся. Чувствовалось, что он слегка задыхается.— Идемте.

В голосе его звучала нервозность. Милли же чувствовала колоссальное возбуждение и была полна радостных ожиданий. Ее надежды больше недели придерживались, но теперь, в ближайшие несколько часов, был шанс, что обнаруженный ею импульс — аномалия Ву-

Бестона — будет удостоверен как исходящий из-за пределов Солнечной системы, как настоящий сигнал с межзвездных расстояний.

Она держалась позади, пока Джек направлялся на выход. Когда дверца раскрылась, Милли оказалась в начале длинного переходного шлюза, совершенно идентичного тому, через который она покинула станцию «Аргус». В тридцати метрах оттуда, в другом конце трубы, им навстречу двигалась фигура, которую с первого взгляда легко было принять за Джека Бестона.

Филип Ублюдок.

Джек продвигался вперед, а Милли держалась за ним, пока два брата не встали лицом к лицу в полуметре друг от друга. Никто не подал руки.

— Привет, Джек! — Филип Бестон кивнул. Теперь, оказавшись ближе, Милли смогла увидеть различия. Филип был того же роста, но более крепкого сложения. У него были те же самые рыжие волосы, однако в отличие от поблескивающих зеленых щелок Джека его глаза были голубые, широкие и невинные. Кроме того, в отличие от Джека, его улыбка казалась непринужденной и искренней.

— А это...— Филип ступил мимо своего брата.— Должно быть, знаменитая Милли Ву, первооткрывательница аномалии Ву-Бестона,— тут он сделал паузу и нахмурился.— Вы правда Милли Ву?

— Да. А что, что-то не так?

— Вовсе нет,— Ублюдок взял ее руку в свои ладони и крепко ее пожал.— Мои извинения. Я просто удивился, увидев девушку столь юную и — если мне будет позволено немного галантности — столь привлекательную. И вы сделали такое важное открытие! Рад приветствовать вас на станции «Цербер» и с нетерпением жду возможности вместе с вами поработать.

Аура радушия, исходящая от его брата, заставила Джека показаться совсем мрачным и нервозным, когда он уточнил:

— В плане подтверждения. Только в плане подтверждения.

— Джек, мой дорогой братец, разве я стал бы предполагать что-то еще? — Филип снова повернулся к Милли.— Как вы можете видеть, мой брат остается прискорбно подозрителен в отношении меня и моих намерений.

— Чертовски твердо остаюсь,— прорычал Джек и двинулся вперед по переходному шлюзу, в недра станции «Цербер».— Причем по множеству веских причин. Когда мы сможем обсудить подтверждение?

Филип развел руками в адрес Милли, словно бы говоря: «Ну что с ним можно поделать?», а затем повел ее вперед.

— Когда тебе будет угодно,— сказал он.— Мой персонал с нетерпением ожидал вашего прибытия. Как и я.

— Вот в это я охотно верю.

В самом конце переходного шлюза Джеку пришлось подождать, пока его брат подойдет и укажет, куда им дальше идти. Внешне станция «Цербер» сильно напоминала станцию «Аргус», но внутри должны были существовать большие различия. Милли не собиралась выяснять, какие именно. Ей потребовалось больше недели, чтобы начать разбираться в сплетении коридоров «Аргуса», но здесь она не собиралась задерживаться достаточно надолго, чтобы усилия того стоили.

Предполагая, помимо всего прочего, что ей будет предоставлена свобода этим заняться. Филип всего несколько метров провел их по коридору, а затем ввел в анфиладу комнат.

— Вот здесь вы и остановитесь. Как Джек, несомненно, вам объяснил, мы здесь не чувствуем себя достаточно свободно, чтобы предложить вам полную экскурсию по станции «Цербер». Если вы все же пожелаете покинуть эти апартаменты, я настаиваю, чтобы вас при этом сопровождал один из моих сотрудников.

— Другими словами, он не хочет, чтобы мы тут слишком много чего увидели.— Джек прошел вперед и уселся за длинный стол.— Давай без лишней возни. Ты знаешь, зачем мы сюда прибыли и чего мы хотим, а мы совершенно точно знаем, чего хочешь ты.

Филип Бестон повернулся к Милли и вопросительно поднял брови.

— Я намеревался перейти к обычной учтивости и предложить вам подкрепиться после долгой дороги. Однако, если вы испытываете желание сразу же перейти к делу...

— Испытываем.— Джек казался так же нервозен, как Филип спокоен и расслаблен.— Ты уже подготовился к подтверждению?

— Настолько, насколько это вообще возможно, учитывая отсутствие критической информации. Все блоки находятся в полной готовности. Нужно просто установить их в точные фазы.

При этих словах даже Филип проявил толику волнения. Милли почувствовала, как атмосфера в комнате медленно накаляется. С точки зрения Джека Бестона, проблема была очень проста. Станция «Цербер» была снабжена столь же превосходным оборудова-

нием, что и станция «Аргус». Если речь шла о чувствительности, выбрать между ними было бы затруднительно. Главным вопросом оставалось то, на какое конкретное направление в космосе следовало настроить блок приемных устройств. Без этой информации Филип Бестон охотился бы вслепую.

С другой стороны, как только Джек Бестон передал бы брату направление сигнала, они оказались бы в равном положении. Станция «Цербер», скорее всего, пропустила бы анализ регистрации, который выполнили Милли и ее коллеги на станции Л-4; а если сигнал оказался бы подтвержден, то местные сотрудники располагали в равной мере первоклассным оборудованием, чтобы выполнить важнейшую задачу интерпретации сигнала.

Последовало долгое молчание. Джек Бестон, до этого такой торопливый, теперь, похоже, задумался. В конце концов брату пришлось его подстегнуть:

— Я полагаю, сигнал по-прежнему там? Надеюсь, он не проявился лишь ненадолго, чтобы потом исчезнуть?

Джек лишь удостоил его циничного взгляда. Милли понимала, в чем тут проблема. Если сигнал исчез, блок антенн на станции «Цербер» невозможно было настроить на верное направление. Следовательно, подтверждения состояться не могло. Сигнал требовалось наблюдать одновременно из точек Л-4 и Л-5.

— Послушай,— сказал наконец Филип Бестон.— Я в точности знаю, что ты по этому поводу чувствуешь. Если бы мы поменялись местами, я чувствовал бы то же самое. Но моя лучшая команда много часов находилась в готовности, ожидая вашего прибытия. Если ты решил передумать, иди обратно на свой корабль и возвращайся на станцию «Аргус».

— Можешь быть уверен, я так же подозрителен, как и ты, но я не идиот. Конечно, сигнал по-прежнему там. Или, по крайней мере, был там час тому назад, когда я связывался со станцией с нашего корабля.

— Регулярные импульсы на световой скорости? — Филип Бестон покачал головой.— Знаешь, если мы хотим выполнить все с максимально возможной точностью, нам следует организовать совместное вовлечение твоих компьютеров и моих. Таким образом нам не придется компенсировать время задержки сигналов.

— Конечно. Я не против — если ты не против.— Джек обменялся взглядом со своим братом, и несколько мгновений спустя оба

кивнули. Милли поняла, что только что стала свидетельницей важного согласия. Совместное вовлечение компьютеров свело бы к нулю коммуникационные задержки; однако оно также сильно увеличило бы тот риск, что секретная информация одной станции стала бы доступна другой. Ни один из братьев не желал этого допускать. Каждый явно чувствовал свою конкурентоспособность — пусть даже Джек и выиграл первый раунд, зарегистрировав аномалию.

Джек барабанил пальцами по столешнице, глазея в никуда. Наконец он взглянул на Милли.

— Ну ладно. Вперед.

— Дать координаты?

— Вы правильно меня поняли,— Джек повернулся к Филипу.— Я полагаю, достаточно будет один раз это сказать? Все разговоры в этой комнате записываются?

— Просто представь себе, что мы поменялись местами. Подумай, что бы ты предпринял, и предположи, что то же самое справедливо и здесь.— Филип Бестон утратил все следы своей первоначальной непринужденности. Поворачиваясь к Милли, он казался еще напряженней своего брата.— Координаты источника сигнала, будьте так любезны.

Милли не требовалось сверяться с записной книжкой.

— Что касается 5:82:34 часов 97/09/04, то координаты источника в стандартной эклиптической системе координат 2050 года были следующими: склонение 38 градусов 22 минуты 17,3 секунды южной широты, азимут 231 градус 54 минуты 52,6 секунды. Угасание сигнала по мере отклонения от наблюдаемого направления максимума сигнала подчиняется круговому нормальному распределению с величиной один-сигма в 1,3 угловых секунды. Никакого движения источника сигнала за период наблюдения в пять недель отмечено не было. Однако в первые три недели настройка блока не была точной, а следовательно, движение в пределах двадцати угловых секунд оставалось нерегистрируемым.

— Спасибо,— Филип говорил с придыханием.— Каково направление сигнала относительно базисной линии между Л-4 и Л-5?

— Угол чуть больше тридцати двух градусов. Не оптимальный.

— Но чертовски неплохой. Мы теряем лишь фактор в две единицы по угловому разрешению. Моим сотрудникам потребуется приблизительно десять минут, чтобы настроить на это направление самые чувствительные наши антенны, но после этого им придется провести

предварительные наблюдения и выполнить оптимизирующее сканирование. У нас будет около часа, чтобы дождаться результатов. В течение этого времени я был бы счастлив предложить вам экскурсию по станции «Цербер»,— Филип взглянул на Джека.— Существует, безусловно, несколько мест, которые я не вправе вам показывать.

Джек покачал головой.

— Я пас. Вы, Милли, можете пойти, если вам интересно.

Милли кивнула.

Филип взял ее под руку.

— Если мне будет позволено высказать столь смелую мысль, то я считаю, что это разумное решение с обеих сторон. Подозреваю, мой брат знает интерьер станции «Цербер» не хуже любого здесь работающего, хотя это его первый визит.

Эта ремарка, не сомневалась Милли, скорее была адресована Джеку, чем ей. Оба брата многие годы всеми способами шпионили друг за другом. Милли задумалась, увидит ли она того «инсайдера», на которого Зеттер косвенным образом ссылалась во время первой служебной встречи Милли с Людоедом. Одно она знала с уверенностью: если она и впрямь этого человека увидит, ей не удастся разглядеть ни малейшего намека на его возможную связь с Джеком Бестоном и станцией «Аргус».

Милли позволила Филипу Бестону ее вести. Она видела команды регистрационного анализа, хотя и всего лишь через стеклянные перегородки; войти и познакомиться с ними ей не предлагали. Затем Милли заметила дверь с табличной ТОЛЬКО ДЛЯ ГРУППЫ ПО ИНТЕРПРЕТАЦИИ и задумалась о той активности, которая могла происходить внутри. Выглядывая из иллюминаторов, она видела большие распределенные блоки антенн, теперь малопомалу поворачивающиеся, чтобы оптимизироваться для принятия сигнала с какого-то конкретного направления в космосе.

Впрочем, не просто с какого-то конкретного направления. С ее направления — с направления аномалии Ву-Бестона.

Филип Бестон явно гордился своим оборудованием и своими сотрудниками, но Милли воспринимала все увиденное лишь какой-то периферической зоной своего мозга. Главное же ее внимание оставалось сосредоточено на процедуре подтверждения, которая сейчас как раз начиналась, а также на вопросе, на который предстояло ответить в течение нескольких ближайших часов: как далеко находится регистрируемый сигнал?

Массивные блоки детекторов на станции «Аргус» и станции «Цербер» могли точечно засечь направление отдаленного источника с точностью до половины угловой секунды или даже лучше. Две станции разделяли примерно 1,3 миллиарда километров. Одна из них была впереди Юпитера, а другая преследовала его в шестидесяти градусах от полного оборота планеты вокруг Солнца. Благодаря этой длинной базисной линии станция «Цербер», станция «Аргус» и отдаленный источник сигнала образовывали вершины очень высокого и узкого треугольника. Слежение за направлением от источника, увиденным с двух наблюдательных станций, давало величину крошечного угла в вершине этого вытянутого треугольника. Угловой информации вкупе с длиной базисной линии было достаточно для определения расстояния до источника сигнала.

На практике, однако, наблюдения обеспечивали лишь нижний предел этого расстояния. Если источник находился слишком далеко, с юпитерианских точек Л-4 и Л-5 не удалось бы пронаблюдать никакого углового различия, что оставляло действительное расстояние неопределенным. Впрочем, и этот результат Милли сочла бы вполне удовлетворительным. Таким образом был бы установлен тот факт, что источник сигнала, где бы он ни был, находится далеко среди звезд, а не в непосредственной близости к Солнечной системе.

Милли знала все цифры наизусть. Угол между направлением источника и базисной линией, соединяющей юпитерианские точки Л-4 и Л-5, составлял 32 градуса. Если параллакс — разница между направлением на источник со станции «Цербер» и со станции «Аргус» — составлял одну угловую секунду, то источник должен был находиться на расстоянии пятнадцати световых лет. Измеренный параллакс в половину угловой секунды означал бы, что источник находится вдвое дальше, по меньшей мере в тридцати световых годах. Одна угловая секунда уже оказывалась за пределами разрешающей способности антенн двух наблюдательных станций. Тогда можно было бы сказать только лишь то, что сигнал испускается с расстояния по меньшей мере в пятьдесят световых лет.

Филип Бестон, судя по всему, подметил рассеянное состояние Милли. Он взглянул на часы.

— Вы, надо полагать, уже увидели все, что хотели, и я уверен, что у вас на уме масса других вещей. Никаких результатов мы не получим еще примерно полчаса. Вы желаете вернуться в ваши

апартаменты? Или я могу заинтересовать вас легкой закуской и чашкой чая?

Вообще-то Милли чувствовала, что должна вернуться к Джеку. С другой стороны, что бы они тогда стали делать? Сидеть, глазеть друг на друга и ждать? Это был не самый захватывающий способ проводить время, пока не поступят результаты.

— Думаю, от чашки чая я бы не отказалась.

Ее мысленные колебания, должно быть, как-то проявились, поскольку Филип улыбнулся.

— Тяжкий выбор, не правда ли? Насладиться компанией Людоеда или провести еще немного времени с Ублюдком? Впрочем, это несправедливая постановка вопрос. Подозреваю, вас заинтересовала перспектива немного подкрепиться, а не сомнительное удовольствие от моей компании.

Он явно с ней заигрывал. В принципе Милли было без разницы, но она не хотела его поощрять. Никто ничего не рассказывал ей про отношение Филипа Бестона к молодым женщинам, однако наследственность была могучей силой. Она улыбнулась в ответ, сказав: «Чашка чая и небольшая закуска с вами или с Джеком мне бы не помешала» — и оставила следующий ход ему.

Во время краткой экскурсии по станции «Цербер» они прошли мимо какого-то подобия столовой. Филип кивнул и повел Милли совсем не в том направлении. В результате они оказались в другой, меньшей по размеру и уединенной комнате. Когда они вошли, он аккуратно закрыл за собой дверь. Еда и питье уже стояли на специальном столике, что заставило Милли задуматься о том, насколько это предложение планировалось заблаговременно. Не дожидаясь подсказки Филипа, она обеспечила себя сахарным пирожным, чашкой горячего зеленого чая и уселась напротив него за низкий столик со стеклянной столешницей, поддерживая комфортную дистанцию в метр с небольшим.

Филип примерно с полминуты молчал. Ел он медленно и аккуратно — как и сама Милли. Наконец он сказал:

— Вы, судя по всему, просто роскошно поработали. Я имею в виду аномалию Ву-Бестона. Непохоже на Людоеда делиться славой, если только он не понимает, что любой при одном взгляде на работу поймет, что она ваша и только ваша.

Милли глотнула немного чая и нейтральным голосом отозвалась:

— Джек всегда поступал со мной в высшей степени справедливо.

— Вы в этом уверены? У Джека всегда была репутация страшной жадины. Вы, конечно, можете сказать, что это не мое дело, но какую финансовую награду он вам дал за открытие?

Милли молча на него уставилась. Эта тема у них с Джеком Бестоном даже никогда не всплывала.

— Условия, установленные в завещании относительно использования унаследованных денег, весьма специфичны,— продолжил Филип.— Существуют солидные фонды для вознаграждения первооткрывателя подлинного сигнала СЕТИ, и не должно возникнуть никакой сложности при санкционировании подобного использования. И, разумеется, еще более существенные награды установлены для тех индивидов, которые смогут интерпретировать полученный сигнал. Я так полагаю, Джек вам обо всем этом рассказал?

Затянувшееся молчание Милли было само по себе ответом.

— Гм...— указательным пальцем Филип Бестон потер ободок своей пустой чашки.— Извините меня, но я некоторым образом начинаю подозревать, что мой братец Джек вас капитально надул. Хочу сделать вам предложение — это всего лишь предложение, но я бы хотел, чтобы вы за несколько следующих часов его обдумали и сказали мне, что вы по этому поводу чувствуете. Хорошо?

Милли чувствовала, что от нее требуется что-то большее, нежели просто сидеть, глазеть и кивать.

— Какого рода предложение?

— Вы совершили крупное открытие. Оно официально известно как аномалия Ву-Бестона. Далее, для среднего обитателя Солнечной системы один Бестон ничем не хуже другого. Средний человек не знает, Ву-Джек это, или Ву-Филип Бестон, и ему глубоко на это плевать. Кроме того, для той же самой средней персоны существует весьма слабое различие между станцией «Аргус» и станцией «Цербер» — обе они находятся на внешнем рубеже неизвестности. Ведь вы, как я понимаю, долгосрочного контракта на работу с Джеком не подписывали?

Милли помотала головой.

— А это означает, что вы в любой момент вольны уйти. Далее, если вы прибудете сюда и станете работать на меня, могу заверить вас в трех вещах. Во-первых, вы будете удостоены полной и продолжительной чести за ваше открытие. Во-вторых, я организую для вас получение максимально возможной финансовой награды за это открытие, включая учетверение вашего текущего жалованья. А в-

третьих — со временем это окажется важнее первых двух пунктов — вы займете старшее положение в интерпретационной группе на станции «Цербер»,— Филип поставил свою чашку на столик перед собой.— Никогда не забывайте этого, Милли. Регистрация важна, подтверждение не менее важно; однако главной славы и признания общественности будет удостоена та персона или группа, которой удастся интерпретировать сигнал со звезд. Разве вы не хотите стать первой, кто сможет сказать, что этот сигнал означает, и указать его ценность для всего человечества? Подумайте об этом.

Милли подумала. И решила, что Филип Бестон полный дебил, если он воображает, что она занимается этим за деньги. Слава — еще куда ни шло. Милли до сих пор внутренне трепетала, слыша про «аномалию Ву-Бестона». Но деньги — никоим образом. Во-вторых, Филип Бестон был сущим проходимцем. Вся эта болтовня про то, что никому нет никакого дела, какой Бестон стоит в «Ву-Бестоне», однозначно переводилась следующим образом: он страшно хотел, чтобы люди думали, что именно он, Филип Бестон, был тем самым Бестоном, на которого в данном случае ссылались. Надежным способом это обеспечить было подключить Милли к своему проекту на станции «Цербер» до начала интерпретации и даже до завершения процедуры подтверждения.

Филип в ожидании на нее смотрел.

— Я об этом подумаю,— сказала Милли.— Хотя, если разобраться, я уже достаточно об этом подумала.

— И что вы решили?

— Я решила, что кличка, которую Джек для вас придумал, совершенно точна. Вы Филип Ублюдок. Тот сорт ублюдка, который сделает все, лишь бы у родного брата украсть. Джек может быть Людоедом, когда дело до работы доходит, но он стоит десятка таких, как вы.

Для того, что Милли только что сделала, существовала совершенно точная фраза: сжечь мосты. Но, поразительное дело, Филип Бестон казался ничуть не расстроенным.

— Ох уж этот мой братец,— сказал он.— Даже не знаю, как у него это получается. Заставляет своих людей работать до упаду, при каждом удобном случае их оскорбляет — а вы все равно у него с руки едите. В чем тут фокус, Милли? Исполнил он перед вами то представление с маленьким потерянным мальчиком, заставляя вас думать, что он весь такой ужасно нервный, уязвимый

и неуверенный? Со мной у него это прекрасно работало, когда мы были детьми, пока я не понял, что это наглое надувательство. Братец Джек отлично знает, как манипулировать людьми, и всегда знал.

«Нервный, уязвимый и неуверенный». Эти слова до жути точно описывали то впечатление, которое сложилось у Милли от Джека за время их совместного путешествия от станции «Аргус».

Либо Филип Бестон был полностью уверен в своей оценке, либо отклик Милли его попросту не интересовал. Прежде чем она успела ответить, он встал и направился к двери.

— Интуиция подсказывает мне, что мы близки к нужной регулировке блока антенн,— казалось, Филип скорее обращается к себе, нежели к Милли.— Давайте найдем место, откуда можно будет увидеть, что происходит.

Милли сомневалась, что это была интуиция — куда более вероятно, в ухе у Филипа имелся приемник,— и все же от его слов у нее аж мурашки по коже побежали. Она поспешила за ним. Когда вся твоя жизнь зависела от нескольких следующих минут, то, что Джек и Филип Бестоны вытворяли друг с другом, отходило куда-то на уровень фонового шума. Комната, в которую он ее привел, оказалась пуста, но славно оборудована виртуалами. Милли увидела три объема дисплеев.

В первом была панорама открытого космоса, с блоком антенн, теперь уже твердо зафиксированным или уже подстраивающимся так тонко, что человеческий глаз не мог различить движения. Второй виртуал, судя по всему, давал вид аппаратной, где с полдюжины сотрудников разглядывали выходные таблицы и возбужденно переговаривались. Третий виртуал показывал Джека Бестона, сидящего там, где Милли и Филип его оставили, и внимательно изучающим то, что, как она догадалась, было миниатюрными версиями других виртуалов.

— Где мы сейчас, Ласло? — тихо спросил Филип Бестон.

Одна из фигур в аппаратной оторвала взгляд от монитора.

— У нас есть захват, и очень крепкий. Максимум среднего квадратического отклонения лежит в 0,6 угловых секундах от координат, выданных станцией «Аргус». Мы находим в точности тот же самый паттерн для угасания сигнала с углом — круговое нормальное распределение с сигмой в 1,3 угловых секунды,— его голос оставался ровным и сухим, цитируя статистику, но последние слова стали другими, более оживленными.— Он там, Филип,— на этот счет никакого сомнения. Он там, он определенный, он четкий и он на межзвездном

расстоянии. Наша прикидка дает максимально вероятное значение в 25,8 световых лет, а наименьшее расстояние — 19 световых лет.

— Целевая звезда?

— Отсутствует. Судя по всему, сигнал генерируется в открытом космосе. Особого удивления тут нет — мы всегда считали, что система межзвездных реле должна иметь смысл.

Ласло говорил о том, что Милли и Филип Бестон уже определенно знали. Учитывая то возбуждение, которое испытывал он и все остальные в виртуалах, не было ничего странного в том, что Ласло слегка болтал лишнее.

— Джек, ты слушаешь? — спросил Филип Бестон. Увидев медленный и задумчивый кивок Джека, он добавил: — Мои поздравления, братец. У тебя уже есть регистрация, а также, похоже, отличная заявка на подтверждение. Отсюда вытекает, что остается только одно.

Джек снова кивнул.

— Да. Только одно. Самое главное.

— Хочешь послать сообщение, если сигнал подтвердится?

— Он подтвердится. Давай пошлем это сообщение вместе. В одиночку я намерен послать только третье.

— Лучше давай скажем, что кто-то из нас в одиночку его пошлет. Ну что, братец, загнал я тебя в угол, а? — Филип щелкнул переключателем, и виртуал с Джеком исчез.— Что-то меняется, но кое-что, по-моему, никогда. Двенадцать лет тому назад Джек рассказывал всем, кто только желал его слушать, что идея большого проекта СЕТИ принадлежала ему и только ему. На самом деле это было не так, но я бросил спорить. Джек, похоже, всю жизнь решил потратить на то, чтобы доказать, что он круче меня.

— Очень может быть,— отозвалась Милли.

— А еще очень может быть, что он вас обвел вокруг пальца. Когда вы увидите его насквозь или когда дела на станции «Аргус» начнут идти скверно, свяжитесь со мной,— широкие, невинные голубые глаза не отрывались от Милли.— Я по-прежнему буду здесь. И, может статься, вы дадите мне шанс доказать, что я вовсе не тот ублюдок, каким Джек меня выставляет.

Подтверждение. После первого совещания с персоналом Филипа Бестона Милли заключила, что вся работа практически закончена. Ей следовало хорошенько этот вывод обдумать.

Потребовалось еще трое суток упорной и кропотливой работы, всего на свете от измерения точного перемещения источника до

интерферометрического анализа его пространственной протяженности, прежде чем оба брата согласились признать: параллакс, наблюдаемый из юпитерианских точек Л-4 и Л-5, реален. Источник был так удален, что воспринимался как точечный. Сигнал приходил из какого-то места далеко за пределами Солнечной системы.

За все эти трое суток Филип Бестон не прибавил ни единого слова к своему предложению насчет того, чтобы Милли переметнулась на другую сторону и в дальнейшем работала на станции «Цербер». Лишь при последнем прощании он задержал ее руку чуть дольше необходимого и негромко сказал:

— Когда вы решите, что вам хочется быть на стороне победителя, вы будете знать, к кому обратиться.

Джек Бестон, скорее всего, не мог этого слышать. Тем не менее он находился в крайне скверном настроении, когда «Ведьма Агнези» отчаливала от станции «Цербер» и пускалась в обратный путь. Милли не могла понять, почему. У них имелось подтверждение сигнала и солидное временно́е преимущество над Филипом Бестоном в том, что касалось интерпретации.

Но когда она сказала об этом Джеку, он лишь сверкнул на нее огнем сквозь зеленые щелки глаз.

— Он знает, что мы ведем в забеге, и он знает, что сигнал нашли мы, а не он. Учитывая все это, у него слишком уж радостный вид.

— Возможно, он сотрудникам станции «Цербер» показуху устраивает. Они должны чертовски подавленно себя чувствовать.

— Нет,— Джек покачал головой.— Просто вы вместе с Ублюдком в детстве не росли. Он никогда показух не устраивает. У него что-то такое в рукаве. Что-то, связанное с интерпретацией.

— У вас есть хоть какое-то представление, что это может быть?

— Ни малейшего представления,— Джек напряженно глазел в носовой иллюминатор, словно желая, чтобы корабль как можно скорее летел к станции «Аргус».— Мы все узнаем, лишь когда он нам это на головы обрушит.

21
ЮПИТЕРИАНСКАЯ ПЕРТУРБАЦИЯ

Внешние регионы Солнечной системы замечательно пусты. В принципе очень даже можно наткнуться на другой объект, в особен-

ности когда пролетаешь Пояс астероидов, однако вам чертовски не повезет, если вы это сделаете. А если другому объекту случится быть кораблем с его собственной системой навигационного контроля, то шанс на столкновение оказывается длинной цепочкой нулей после запятой десятичной дроби, и по поводу этой цепочки ни один разумный человек особенно беспокоиться не станет.

Но люди, надо признать, не слишком разумны. Вопрос, заданный Милли Факсу четвертого уровня на борту «Ведьмы Агнези», задавался по всей Солнечной системе тысячи раз на дню; однако на самом деле никогда не случалось столкновения двух кораблей, навигационные системы которых находились в исправном состоянии. ЛВС «Ахиллес», направлявшийся в систему Юпитера к Ганимеду, пересек траекторию «Ведьмы Агнези», пока последняя неслась между юпитерианскими точками Л-4 и Л-5, и в космической терминологии они совершили «непосредственное сближение» менее чем на два миллиона километров. Однако ни один человек на обоих кораблях об этом сближении так и не осознал.

Следует заметить, что пассажиры «Ахиллеса», чем дальше, тем меньше вообще что-либо сознавали. Янина слышала, что в довоенные времена определенная форма мании заражала пассажиров океанских лайнеров. После первых нескольких дней плавания в мире, находившемся за пределами корабля, больше уже ничего не существовало, а то, что происходило до круиза или должно было произойти после, становилось совершенно несущественно. Результатом оказывался беспорядочный ряд случайных привязанностей и кратковременных романов.

Раньше Яна с трудом верила этим сообщениям, но теперь она из первых рук получала доказательства их правдивости. Колонисты разбивались на пары, и по мере продвижения корабля к его рандеву с Юпитером на корабле воцарялась атмосфера непрерывного веселья.

Эта атмосфера захватила не только пассажиров. Траектория корабля, как и большинство бортовых систем, полностью контролировалась компьютером. У команды было время расслабиться. Пол Марр оказался способен посвящать Янине более чем щедрые отрезки времени. Это Яну определенно устраивало. В течение первых двух дней она решила, что все, что ей рассказывали о сексе, было истинной правдой. Разве что ей чего-то недоговорили. Чем больше ты этим занималась, тем больше тебе это нравилось.

Реальная угроза заключалась в возможном привыкании. Яна подозревала, что в этом плане она уже неплохо продвинулась.

Временами она беспокоилась о Себастьяне. По мере того как шли дни, она все меньше и меньше его видела. С другой стороны, Вальния Блум, похоже, постоянно была с ним. Большую часть времени они проводили в ее каюте. Яна не думала, что они ввязались в половые взаимоотношения, но если и так, то что с того? Себастьян был крепко сложенным и физически зрелым мужчиной в самом расцвете лет. Они с Вальнией Блум имели такое же право славно проводить время, как и Пол с Яной.

Когда Яна, две недели и целую вечность тому назад, только-только села на борт «Ахиллеса», она думала, что с нетерпением будет ожидать того момента, когда сможет наконец ступить на Ганимед. Теперь же, по мере того как время прибытия все приближалось, ей все больше не хотелось покидать корабль. Они с Полом уже поклялись, что это будет не конец их взаимоотношений, что они увидятся снова. Но если держаться реальности — сколько бортовых романов пережило день высадки? Один грандиозный праздник по-прежнему лежал впереди. Раньше Яна никогда о нем не слышала, но Пол, когда они однажды вечером лежали голышом в его каюте, ей рассказал. Корабль находился в режиме тяги, и они в сибаритской роскоши возлежали на самой удобной кровати, какая Яне когда-либо попадалась. При одном щелчке выключателя пол каюты становился мягким и податливым, оборудованный на резервуаре, где находились изобильные водяные запасы «Ахиллеса».

Яна лежала на боку, чтобы иметь возможность разглядывать гладкую равнину груди Пола и наблюдать за тем, как эта равнина поднимается и опускается, пока он дышал. До этого Пол рисовал ее обнаженной, а когда картина была закончена, одно неизбежно повлекло за собой другое.

— Конечно, никакой необходимости этот праздник не представляет,— сказал он.— Это просто традиция, оставшаяся от ранних времен планетарного исследования. В то время все корабли летали на химических ракетных двигателях...

— Не на ядерных? — спросила Яна.— У них ведь ядерная энергия уже тогда имелась.

— Верно, имелась. А еще у них имелся очень скверный опыт ее использования, и множество людей по-прежнему ее опасались. Поэтому они использовали химические ракеты.

— Но воздействие химических ракет на атмосферу и ионосферу еще более губительно, чем ядерных. Разве они не знали...

Пол обнял Яну и слегка сжал ей левую грудь.

— Ты хочешь, чтобы я рассказал, или мне лучше повернуться на бок и малость подремать?

— Ладно, я больше не буду. Давай, рассказывай.

— Итак, корабли использовали химические ракетные двигатели. Это не совсем правда, потому что уже тогда имелось несколько ионных движков; но они развивали такое низкое ускорение, что для пассажирских перевозок не годились. Можешь себе представить, на что это было похоже. Дельта-вэ всем вечно не хватало. Все вымогали, клянчили и занимали столько движущей силы, сколько только могли, но космическое путешествие все равно оказывалось маргинальным, и транспортники едва концы с концами сводили. Первые суда, летавшие до Юпитера, не имели достаточно горючего, чтобы тормозить и попадать на орбиту планеты. Если им только не удавалось чего-нибудь предпринять, они просто прибывали, проносились мимо и улетали в каком-то другом направлении. Ответ — причем в то время единственно возможный — заключался в том, чтобы проскользнуть сквозь верхние слои атмосферы Юпитера, используя для сброса скорости атмосферное торможение.

Эта теория была совершенно проста и понятна больше столетия. Однако выполнить ее на практике, причем абсолютно точно, было совсем другое дело. «Ашкенази» зашел слишком глубоко и обратно уже не вышел. «Селандина» ошиблась в другую сторону. Она проскользнула внутрь, вышла наружу — и покинула систему Юпитера.

Голос Пола становился все медленней и глубже. Яна сжала маленькую жировую складку у него на поясе.

— Предполагается, что ты рассказываешь мне про большой праздник, который у нас тут состоится, а не бессовестно кемаришь. Ты что, уже совсем заснул?

— Вовсе нет. Я думаю, насколько проще это для нас по сравнению с первыми исследователями. Члены команды «Селандины» были страшно отважны. Я слышал записи их переговоров. Они отправили на Землю данные о магнитосфере Юпитера, пока у них оставались последние глотки кислорода, а потом закончили так непринужденно, как будто их ожидал праздничный обед. Нырок в атмосферу Юпитера обычно становился вопросом жизни и смерти. А теперь это просто игра. Профиль атмосферной глубины

Юпитера всюду размечен до шести цифр. Пертурбационный пролет атмосферы является традицией и хорошим поводом для праздника, но совершенно никакой необходимости уже не несет.

— Совсем как пересечение экватора,— Яна увидела, как лоб Пола недоуменно наморщился. После усиленных занятий сексом он обычно слегка тупел.— В старые времена для тех судов, что плавали по земным океанам, пересечение экватора было достаточно хитрым делом. Регион вокруг экватора назывался Штилевой полосой, и ветры там пропадали на целые дни или даже на недели. Корабль дрейфовал в мертвом штиле, и никто на борту не знал, доживет ли он до спасительного ветра. Затем наступила эра пароходов, и пересечение экватора перестало таить в себе какую-либо угрозу. Но особая церемония при пересечении экватора сохранилась. На борту круизных судов всегда бывает шумное веселье: проводятся пирушки, ритуальное бритье — причем не только голов — и всякие глупые церемонии с участием царя Нептуна.

— На юпитерианской пертурбации он называется царем Юпитером, но все остальное очень похоже,— Пол повернулся посмотреть на Яну.— Послушай, я знаю, что это прозвучит глупо, и это действительно глупо, но как старший помощник, я на все это обречен. Тебе же совсем не обязательно в этом участвовать.

— Ты шутишь? Пол, я ни в коем случае не собираюсь этого пропускать. Если бы я в прежние дни пересекала экватор, я бы так это отметила, что будьте-нате. На самом деле я хотела спросить, сможешь ли ты как старший помощник участвовать во всем этом веселье, или это считается слишком недостойным?

— Уточни, что считается «слишком недостойным». Полагаю, какие-то пределы существуют, но они достаточно широки. На последней юпитерианской пертурбации два месяца тому назад старший механик переоделся бабуином. Он вырезал кусок своего наряда на спине. Задницу он выкрасил в синий цвет и всем говорил, что продает поцелуи. Но я не слышал, чтобы кто-нибудь покупал.

— И капитан Кондо разрешил это безобразие? — Яна с трудом представляла себе, как невысокий, но исполненный необычайного достоинства капитан участвует в дурачестве, которое описывал Пол, или даже просто его допускает.

— В течение всего праздника капитан Кондо оставался у себя в каюте. Так он поступает каждую юпитерианскую пертурбацию. Его позиция такова, что о том, чего он не видит, он докладывать не обязан.

— А ты? Ты-то что делал?

— В прошлый раз? Мне тогда повезло. Я был на вахте. Кто-то ведь должен и кораблем управлять. Вахтенным офицерам не разрешается присоединяться к общему разгулу. На сей раз меня такая удача не ждет. Я буду приписан к пассажирской обслуге. Моя официальная обязанность, как записано в корабельных приказах, «предлагать и обеспечивать пассажирам все формы законных развлечений, какие они только пожелают». Ты просто себе не представляешь, чего порой желают некоторые люди.

— Могу тебе совершенно точно сказать, чего им желать не стоит. А когда начинается праздник?

— Не так скоро.

— Но когда?

— Мы так здесь славно лежим, а ты хочешь насчет времени дергаться? В общем, часов через десять. Как, достаточно скоро?

Яна прижалась к Полу поближе и подула ему на грудь. Ей нравилось наблюдать, как волоски шевелятся, а соски напрягаются.

— Годится. Десяти часов вполне хватит, чтобы что-нибудь такое придумать. Что-нибудь законное. Что-нибудь такое, от чего тебе будет непозволительно отказаться...

Пока время подходило, Яна понемногу теряла уверенность. Она знала, чего ей хочется, но Пол обладал определенной природной стыдливостью и деликатностью. Например, он предпочитал мыться сразу же после любовных занятий, тогда как Яне нравилось, как она к его мягкому неодобрению однажды сказала, «хотя бы на несколько часиков в этом погрязнуть». Игра после соития, с запахом и ощущением мужской сексуальности, не потеряла для нее своей новизны и привлекательности, и Яна сильно сомневалась, что когда-нибудь потеряет.

Станет ли Пол ей содействовать? Если станет, шанса помыться у него довольно долго не будет. С другой стороны, Яна слышала все больше и больше разговоров о предыдущих праздниках пертурбации, и все это звучало как разгул по типу «все дозволено». Пол вполне мог иметь проблемы с поддержанием своего достоинства, даже если бы Яны рядом не оказалось.

Тем временем приготовления к празднику шли полным ходом. Момент ближайшего подхода к Юпитеру, когда «Ахиллесу» пред-

стояло достичь максимальной глубины проникновения в атмосферу Юпитера, после чего помчаться наружу для своего рандеву с Ганимедом, должен был наступить через три часа с небольшим. Перед этим следовало подать ранний обед, чтобы столовую успели убрать и разукрасить для праздника. Насколько поняла Яна, столовой предстояло послужить фокальной точкой проведения торжеств, а в целом пассажиры и члены команды собирались веселиться во всех частях корабля, не считая запретной зоны на корме, где находились каюты экипажа и двигательное отделение.

Маленьким служебным роботам было позволено в темпе приступить к исполнению своих обязанностей. Когда гонг на обед прозвучал по общей коммуникационной системе корабля, Яна, пройдя в столовую, нашла ее уже наполовину заполненной, с украшенными столиками. Свежие цветы, невесть как сохранившиеся с тех пор, как «Ахиллес» покинул земную орбиту, окутывали своим ароматом все столики, а в каждом столовом приборе имелся какой-то особый предмет, подобранный в соответствии с происхождением того, кто там сидел. Взглянув на свое место, Яна обнаружила там маленькую копию платформы «Глобальных минералов», на которой она проработала десять с лишним лет.

Она быстро прошла по залу, высматривая карточку с именем Себастьяна, и вскоре обнаружила сходную копию платформы в его столовом приборе. У него также имелось кое-что еще. На том месте, где Себастьян должен был сидеть, Яна увидела маленький шарик на опорной стойке. Шарик был, наверное, сантиметров пять в диаметре, и когда Яна присмотрелась получше, она поняла, что это вовсе не земной шар, как она вначале предположила. Маленькая сфера была Сатурном, и прямо у нее на глазах по лицу планеты перемещались облачные системы. Это, как тут же догадалась Яна, был особый подарок Себастьяну от Вальнии Блум.

Яна вернулась к своему столику. Садясь, она увидела, как в столовую рука об руку входят Себастьян и доктор Блум. Вальния выглядела озабоченной — впрочем, разве она когда-то выглядела иначе? — зато Себастьян помахал Яне и улыбнулся. Он казался немного другим — повзрослевшим и более уравновешенным. Его лицо стало тоньше, и на нем появилась сосредоточенность. Яна впервые в жизни увидела перед собой не просто Себастьяна, а зрелого мужчину тридцати пяти лет. Что бы Вальния Блум с ним ни делала, это, похоже, работало. Яна улыбнулась в ответ и показала

Себастьяну поднятый кверху большой палец. Они уже находились менее чем в сутках пути от Ганимеда и всего в нескольких неделях от их конечного места назначения на метеостанции, расположенной на Атласе, одном из меньших спутников Сатурна.

Яна встала, намереваясь подойти и поговорить с Себастьяном, но в этот самый момент за ее столик прибыл капитан Кондо. Он кивнул в знак приветствия и помахал рукой, указывая, что ей вовсе не следует из-за него вставать.

Яна этого делать и не собиралась, но взамен объяснений, предпочла опять сесть.

— Немного удивлена видеть вас здесь, капитан,— сказала она.— Вообще-то я думала, что вы не станете... гм...

— Не стану присутствовать на празднике? — капитан Кондо не улыбнулся, но глаза его определенно заискрились.— Не бойтесь, мисс Яннекс, как только обед закончится, и задолго до пертурбации, я отсюда уйду.

— Я так понимаю, вам подобные вещи не очень нравятся.

— Я бы так не сказал. Скорее я беспокоюсь о том, как бы мое мрачное лицо не испортило радостное настроение остальным. Хотя кто знает? Возможно, я бы поддался общему веселью и оказался втянут в такие действия, о которых бы после пожалел.

В таком игривом настроении Яна капитана еще никогда не видела. Очевидно, ни один человек на борту не обладал иммунитетом к праздничной атмосфере. Этот давало Яне надежду на то, что Пол присоединится к тому, что она задумала. Она видела его в другом конце столовой, садящимся за далекий от нее столик.

Это было неважно. Яна не предполагала делать свое предложение во время обеда, пока вокруг были другие пассажиры — и уж совершенно точно не в присутствии капитана Кондо.

Столовая рано заполнилась, причем никаких запоздавших и отбившихся на сей раз не оказалось. Еда была исключительной и по качеству, и по разнообразию. Яна заметила кое-что с Земли, кое-что с глубинных ферм Ганимеда и Каллисто и даже кое-какую экзотику с Марса. Одно блюдо она вообще не опознала — лишь заподозрила, что его содержимое было выращено на решетках теплокровной растительности спутника Сатурна Тефии. Участники трапезы, разодетые, за исключением команды, в самые свои лучшие и праздничные наряды, уделяли мало внимания еде. О моменте ближайшего подхода к Юпитеру должны были просигналить

склянки по всей коммуникационной системе корабля. До него оставалось уже менее двух часов.

Как только последнее блюдо было подано, капитан Кондо встал. Рассыпанные по залу члены команды, очевидно, ожидали этого момента. Они зашикали на своих соседей, пока капитан поворачивался, оглядывая всех в людной столовой.

Кондо поднял свой бокал, и крошечные пузырьки заискрились под ярким верхним светом.

— За вас,— произнес он,— и за вашу новую и успешную жизнь в качестве частичек Внешней системы. Дамы и господа, за вами будущее. Напряженно работайте, хорошо живите, будьте счастливы и плодовиты, и я надеюсь, что в один прекрасный день я снова повстречаюсь с каждым из вас.

Бокалы были подняты, тост провозглашен. Секунды спустя, когда разговоры в столовой возобновились, капитан Кондо учтиво кивнул своим соседям по столику и тихо вышел.

Яна сразу же почувствовала смутную перемену атмосферы. Эта атмосфера явственно говорила: «Капитан ушел. Пора веселиться!»

Яна аккуратно старалась не наедаться. Она надеялась, что Пол поступает точно так же. Для того, что она держала на уме, ей требовался не слишком сытый и сонный партнер.

Пол уже удалился от своего первоначального столика, и Яна стала оглядывать столовую, ища его. Он стоял у дальней стены. В отличие от пассажиров, команда для праздника еще не оделась. Тем не менее в своей белой форме Пол выглядел просто великолепно. Неудивительно было видеть, что его окружило с полдюжины ярко разодетых женщин.

Все пассажиры теперь двигались по залу, до предела затрудняя работу автоматических сервов, которые изо всех сил старались очистить столы, после чего убрать их в кладовую. Вся столовая должна была стать открытым пространством, доступным для музыки, бесед и танцев. Яна стала пробираться вперед. Оказавшись в паре метров от Пола, она остановилась у стены и стала ждать.

Все это заняло несколько минут, но в конце концов Пол от всех освободился и подплыл к Яне.

— Отличный обед, не правда ли? — спросил он.

Отпуская эту нейтральную ремарку, Пол явно понимал, что сегодня вечером на уме у Яны есть что-то необычное, но ни его лицо, ни манеры этого не показывали. Он предлагал Яне взять на

себя инициативу, не то чтобы играя в тугодума, а скорее предоставляя ей полную свободу делать предложения.

Голосом столь же спокойным и официальным Яна сказала:

— Точка ближайшего подхода к Юпитеру будет примерно через час.

Пол взглянул на часы.

— Через час и три минуты.

— Я слышала, что капитан и его старший помощник на подобных кораблях имеют ключи, которые открывают и закрывают любые запоры,— Яна смотрела в другую сторону зала, как будто разговор казался ей немного скучным. Внутренне же она вся трепетала.— Это правда?

— Чистая правда. Мы всегда должны быть способны справиться с любой аварийной ситуацией. Это стало бы невозможным, если бы какие-то части корабля вдруг сделались недоступны,— он взглянул на Яну.— Кстати, мне следует упомянуть, что специальная вахта будет на корме, у всеядцев Диабелли, если им случилось оказаться у тебя на уме.

— Не случилось,— Яна повернулась к нему.— Слушай, Пол, в самой передней части корабля есть смотровое окно. Ты его знаешь?

— Учитывая мое положение на корабле, это почти оскорбление. Конечно, Яна, я его знаю. Я десятки раз там бывал.

— Как бы тебе понравилось снова туда отправиться — вместе со мной? Я хочу, чтобы ты запер дверь. Тогда никто туда не войдет,— она протянула руку и приложила ладонь к его груди. Белая форма была прохладной на ощупь, но Яна ясно чувствовала биение его сердца.— А дальше...— она так нервничала, что даже слегка задыхалась.— Дальше я хочу, чтобы мы там остались. И занимались любовью во время юпитерианской пертурбации. Я хочу достичь оргазма в самый момент ближайшего подхода к планете.

— Боже мой. Ты ведь не очень многого просишь, правда? — но глаза Пола ожили. Он явно задумался.— Я по образованию инженер. У инженеров всегда принято оставлять некоторые рабочие допуски. Когда ты сказала «в самый момент ближайшего подхода к планете», насколько близко ты имела в виду?

— Ты это лучше меня знаешь. Но я хочу, чтобы корабельные склянки и мои внутренние колокольчики звенели в одно и то же время.

Пол немного постоял в задумчивости. Затем кивнул.

— Это можно проделать. Но прежде чем мы начнем, мне нужно пять минут, чтобы засвидетельствовать свое уважение паре других пассажиров. Пройди вперед до поворота коридора и там меня подожди. Только не слишком с кем-то еще заигрывай. У нас с тобой свидание в переднем смотровом отсеке. Если кто-то спросит, чем ты планируешь заняться, скажи, что тебя ожидает самый что ни на есть высокоприоритетный проект.

Яна кивнула, отступила от Пола, словно бы желая ему доброй ночи, и пошла к выходу из столовой. Ноги ее подгибались, что казалось довольно нелепым — ногам полагалось подгибаться после этого дела, а не до.

Она уже почти вышла из столовой, когда к ней приблизился молодой румяный моряк. Прежде чем отправиться во Внешнюю систему, он немало попутешествовал по южным океанам Земли, и они несколько раз беседовали о морской жизни. Яна моряка, похоже, заинтересовала, и теперь он улыбался.

— Отличный обед, а праздник, я ручаюсь, будет просто грандиозный. Вы уже что-то особенное сообразили?

— Боюсь, да,— Яна скорчила тоскливую физиономию.— Вы знаете, мы с Себастьяном Берчем направляемся к Сатурну, чтобы работать на Атласской метеостанции. Мне предложили изучать облачные системы Юпитера во время атмосферного входа и выхода, чтобы подготовиться к тому, чем мы будем заниматься в системе Сатурна.

— Ну, это уж слишком, вам не кажется? В праздничный вечер! — моряк выглядел явно разочарованным и, отворачиваясь, добавил: — Впрочем, раз это ваша работа, вам ничего другого не остается, кроме как ее делать.

— Пожалуй, не остается.

Яна как можно скорее смылась из столовой. Когда она устроилась ждать у поворота коридора, ее посетила новая мысль. Что, если молодой моряк решит, что ей во время наблюдения за облаками небольшая компания не помешает? Тогда он может прийти к переднему отсеку и выяснить, что там имеет место несколько иная форма входа и выхода.

Когда Пол наконец появился, что-то напоследок бросая через плечо, первыми словами Яны были:

— Когда мы окажемся в переднем отсеке и дверь будет заперта, туда ведь никто попасть не сможет? Верно?

— Только капитан. А шансы на то, что Эрик Кондо пустится во все тяжкие и пройдет сквозь всю эту катавасию от кормы до носа, равны нулю. Если он только не решит, что корабль в опасности. А что? Ты еще кого-то там ожидаешь?

По пути Яна рассказала про моряка с Земли. Пол рассмеялся и сказал:

— Сама знаешь, каковы эти моряки. Для них в каждой девушке есть иллюминатор. Но если он сможет войти в отсек, когда дверь будет заперта, он честно заработает все, что увидит.

Как только они вошли в смотровой отсек и Пол запер дверь, такая его уверенность сразу же прояснилась. Яна раньше не обращала внимания, какие где замки, но этот казался особенно впечатляющим.

— Здесь пару раз проводились специальные эксперименты,— сказал Пол.— Но насколько я знаю, такого эксперимента этот отсек еще не видел.

Он выключил свет и повернул Яну лицом вперед.

— Прежде чем мы отвлечемся на что-то еще, взгляни. Видела ты когда-нибудь что-то подобное?

Затянутая облаками поверхность Юпитера заполнила половину панорамного смотрового окна. Яна пододвинулась туда и огляделась. Все это просто потрясало. На данном участке Юпитера теперь царили сумерки. Несясь к своему планетарному рандеву, «Ахиллес» был уже близок к самому верху атмосферы. Кораблю еще только предстояло проникнуть сквозь разреженные верхние слои, прежде чем выскользнуть обратно, но Яна уже чувствовала — или воображала, что чувствует — перемену своего веса, вызванную ускорением.

Завороженная, Яна наблюдала, как «Ахиллес» проносится мимо гигантского, пушисто-белого грозового фронта, заглядывала в темные газовые бездны, достаточно глубокие и широкие, чтобы поглотить любую из внутренних планет. Она ловила высвеченные солнцем блески оранжевого и лилового, а однажды заметила далекую вспышку зеленой молнии. Первый раз в жизни она получила отдаленное представление о том, что облака и облачные системы должны были значить для Себастьяна.

Неопределенный период времени Яна стояла и глазела, пока Пол наконец не похлопал ее по плечу.

— Не хочу, чтобы тебе показалось, будто я тебя подгоняю,— сказал он.— Но до точки ближайшего подхода осталось меньше

двадцати минут. Если ты и впрямь хочешь в свой колокольчик прозвонить...

— Во все мои колокольчики,— пока они нежно раздевали друг друга, Яна оглядывала интерьер смотрового отсека. В достаточных деталях она всего еще не продумала. Пол помещения представлял собой жесткий, холодный пластик. Там имелись два кресла. Одно из них, тонкое, треугольное, было привинчено к полу. Другое было на шарнирах и могло раскачиваться, следуя вектору ускорения корабля. Оно также казалось мягким и, скорее всего, удобным, но если бы она или Пол в него сели, получилась бы совсем не та геометрия для близкого телесного контакта.

Пола, похоже, практические материи не заботили. Внимание его целиком было сосредоточено на теле Яны. Он без конца ее трогал, целовал и ласкал. Наконец она отстранилась, удерживая его за плечи, и сказала:

— Пол, все это чудесно. Но все-таки... как?

— Как? — в голосе его прозвучало недоумение.— Я думал об обычном способе, если только у тебя других идей нет. В невесомости мы уже это проделывали.

— Но здесь не будет невесомости. Мы будем тормозить. Вернее, мы уже тормозим. Хочешь послушать, как свистит ветер?

Разреженные верхние слои атмосферы Юпитера, проносящиеся мимо на многих километрах в секунду, уже тоненько посвистывали на наружной обшивке «Ахиллеса».

Пол покачал головой.

— Это будет не вполне невесомость, но близко к тому. Мы почувствуем слабую силу тяжести — малую долю «жэ»,— которая станет толкать нас к наружной стене отсека. Я подумал, что если я расположусь вот здесь...— Он подплыл к широкому изгибу смотрового окна и прислонился к нему спиной, притягивая за собой Яну.— А ты встанешь ко мне лицом и обхватишь меня ногами... в общем, если ты думаешь, что так не получится, то я готов тебе доказать обратное.

Собственно говоря, Пол уже так и делал. Яна, чей подбородок покоился на его плече, а лоб находился в считанных сантиметрах от прозрачного окна, ощущала щекочущий нервы восторг первого момента соития. Все должно было получиться, и уже получалось. Ее собственный вес, почти неразличимый, прижимал их ближе друг к другу. Затянутое облаками лицо планеты проносилось

мимо, и пока Пол двигался глубоко внутри нее, Яна чувствовала, как в ней тоже поднимается грозовой фронт, готовый противоборствовать тому, что исходил из самых глубин Юпитера.

— Еще три минуты,— прошептал ей в самое ухо Пол.

Яна понятия не имела, как он это узнал. Она кивнула, держа глаза открытыми, и сосредоточилась на том, чтобы поймать волну. Все должно было сработать идеально. Все последние часы Яна задумывалась о том, возможно ли это... но всего через минуту-другую... ноги ее сжимались все крепче, глаза закрывались, рот открывался, все мышцы нижней части тела начинали двигаться в согласии с собственным внутренним ритмом.

А затем, совершенно внезапно — рано, слишком рано — склянки коммуникационной системы корабля начали звонить. Пол сделал последний судорожный толчок и оттолкнул от себя Яну.

— Нет,— выдохнула она.— Еще нет. Продолжай, Пол, еще минуту. Продолжай!

Но Пол оторвался от нее, скользнул прочь и нырнул в другой конец отсека. Яна крикнула:

— Пол, Пол, ты не можешь...— Судовые склянки по-прежнему продолжали звонить, но звучали они как-то не так.— Что ты делаешь?

— Это не ближайший подход! — Пол включил свет в смотровом отсеке, и Яна увидела его — голого, по-прежнему с могучей эрекцией — у самой двери. Он лихорадочно возился с замком.— Это тревога. Нарушение герметичности корпуса. Шлюз номер три... какой-то пьяный придурок... у, чертов шифр...

Наконец Пол испустил триумфальный рык, распахнул дверь и, по-прежнему совершенно голый, нырнул туда. Яна, с бешено колотящимся сердцем и отчаянно кружащейся головой, такая обалделая, точно ее на полпути с американских горок сняли, за ним последовала. Она понятия не имела, где может находиться шлюз номер три, но абсолютная безотлагательность в голосе Пола разом отбросила все остальное в сторону. Яна последовала за ним даже без всякой мысли о том, чтобы хоть как-то одеться.

Поразительное дело, но коридор, насколько она могла видеть, был сплошь заполнен шумными людьми. Все радовались, махали руками, отмечая ближайший подход к Юпитеру, которого на самом деле еще не произошло. Мужчина и женщина, полуодетые, привалились друг к другу, громко смеясь. Когда Яна проплывала мимо них, женщина пьяным голосом сказала:

— Давай, милашка, лови его. У него там так колом и стоит, можешь мне поверить.

В пяти метрах впереди Пол распахнул еще одну дверь и протолкнулся туда. Яна, следуя за ним более медленно, вплыла в отсек в тот момент, когда зазвонил еще один набор склянок. Эти звучали менее резко и на другой ноте, чем те, что прервали их в смотровом отсеке. Именно это и был момент ближайшего подхода к Юпитеру — а пустота в животе у Яны оставалась еще в целой вселенной от оргазма.

Помещение, в которое они попали, содержало в себе одну из шлюзовых камер «Ахиллеса». Внутренний люк переходного шлюза уже был открыт. Пол схватился с крепкого телосложения темной фигурой, плавающей у наружного люка. Две предохранительные пломбы на нем уже были сорваны. Если бы отскочила последняя, воздух внутри корабля рванулся бы наружу, и его бы заменил находящийся под более низким давлением водород из атмосферы Юпитера. Тогда Яна, Пол и другой мужчина неминуемо бы погибли.

Яна посильней оттолкнулась от стены и головой вперед полетела по отсеку. Пол уже ухватил мужчину за шею и пытался оторвать его от люка, но ему негде было упереться. Мужчина не обращал на Пола никакого внимания и упорно продолжал возиться с третьей пломбой на люке.

Яна драться не умела, особенно в микрогравитации. Оказавшись поближе, она ухватила мужчину за правую руку, подтянула ее к себе и погрузила зубы в мясистую часть ладони.

Мужчина громко вскрикнул и отпустил люк. Отчаянно борющееся трио закрутилось в воздухе. Пол все еще пытался придушить массивного незнакомца. Яна отпустила зубы, но по-прежнему держала его за руку. Еще трое человек, двое из них члены команды, ворвались в отсек. Они схватили мужчину, прижали его к полу, и Яна впервые увидела его лицо.

Это был Себастьян.

— Я считаю, что именно я, а не Себастьян Берч, должна нести полную ответственность за все случившееся.

Доктор Вальния Блум сидела в небольшой медсанчасти ЛВС «Ахиллес». Ее рыжие волосы были зачесаны назад и спрятаны под плотной белой шапочкой. С тонкими губами, бледным как мел лицом и горящими глазами она напоминала живой скелет.

— Это было мое предложение,— продолжала доктор Блум,— и Себастьян Берч согласился на ряд процедур с использованием некоторых психотропных лекарств. В процессе нашей совместной работы за прошедшие недели я убедилась, что его навязчивый интерес к планетарным атмосферам и их облачным системам проистекает из какого-то глубинного принуждения, либо естественного, либо имплантированного в раннем возрасте. Мы двигались назад во времени, ища местонахождение его ранних воспоминаний. Сегодня днем мы пришли к тому времени, когда его память была модифицирована спасательной командой, которая обнаружила его потерянным и беззащитным в Северном полушарии Земли. В попытке как-то обойти эту блокировку я ввела ему добавочную дозу лекарства. Себастьян хорошо переносил терапию, без очевидных побочных эффектов или какого-то аномального поведения. Сегодня за обедом он казался вполне обычным для себя, хотя, возможно, чуть более сдержанным, нежели остальные. Это было вполне объяснимо, поскольку все пребывали в состоянии эйфории, и я расценивала поведение Себастьяна как признак нарастания зрелости, которая соответствовала его реальному возрасту. Должна признать, что я также была в приподнятом настроении, и когда Себастьян вскоре после обеда исчез, я ни о чем таком не подумала. Я решила, что он пошел присоединиться к празднику в какой-то другой части корабля. Тогда как он...

Она указала на бессознательное тело, лежащее рядом на койке. Себастьян был погружен в глубокий сон.

Капитан Кондо, стоя в ногах койки, поднял взгляд на Яну и Пола. Оба они уже успели натянуть свою обычную одежду, хотя и несколько измятую.

— Вы или кто-то еще каким-то способом его отключали — посредством удара или использования какого-то успокоительного?

Яна и Пол помотали головами.

— И вы постоянно с ним находились,— продолжил капитан Кондо, абсолютно свежий и одетый с иголочки.— Вы были с ним с того момента, как вам удалось одолеть его у шлюза номер три, и до того, как его принесли сюда.

— Гм... не совсем все время. Несколько минут за ним наблюдали два других члена команды. Но они уверяли, что пальцем его не трогали, пока нас не было. Он просто потерял сознание, и они боялись как-то влиять на его состояние,— Пол не стал добавлять,

что в те несколько минут они с Яной поспешили к смотровому отсеку, где как можно быстрее оделись, не особенно заботясь о каких-то мелких деталях своей наружности.

Капитан Кондо медленно кивнул.

— Разумеется, еще предстоит полное расследование этого инцидента, когда мы достигнем Ганимеда. На данный момент я хочу, чтобы вы ничего не говорили пассажирам. Я попрошу о том же самом всех остальных, кто находился в шлюзе номер три.— Тут капитан заколебался.— Я собирался добавить, что сделаю общее заявление, заверяя всех пассажиров, что «Ахиллес» остается в безопасном и исправном состоянии. Однако у меня есть чувство, что подобная акция с моей стороны вовсе не требуется. Громадное большинство пассажиров находится под тем ложным впечатлением, что тревожные склянки, голые пассажирки, члены команды в состоянии высшего физического возбуждения...— его глаза переметнулись с Яны на Пола. Итак, он все знал! — физическое столкновение без применения оружия, а также буксировка бессознательной персоны по коридору к судовой медсанчасти не представляют собой ничего, кроме абсолютно нормальных и разумных элементов церемонии празднования юпитерианской пертурбации. Я полагаю, им лучше под этим впечатлением оставаться. Мистер Берч, безусловно, будет отныне содержаться под непрерывным пристальным наблюдением, о чем я сейчас же распоряжусь.

Капитан повернулся, явно собираясь уйти. Тогда Яна выпалила:

— Но что все это будет значить? Дадут ли нам с Себастьяном направиться дальше к Сатурну? Или мы... или нас... я хочу сказать, существует ли возможность того, что нас вернут обратно на Землю?

— На сей счет вам не следует беспокоиться. Вы были приняты на службу во Внешней системе, и подобное решение не может быть отменено. На Землю вы не вернетесь. Однако я гораздо менее уверен в том, что вам будет позволено проследовать дальше к Сатурну,— капитан Кондо вопросительно взглянул на Вальнию Блум.— Я также думаю, что, весьма вероятно, доктор Блум решит следовать за вами, куда бы вы ни отправились. По крайней мере, в первоначальный период времени.

Вальния Блум вернулась к жизни. И энергично кивнула.

— Конечно. Именно я стала причиной этого инцидента. Теперь моя обязанность оставаться с Себастьяном, пока я в точности не узнаю, что с ним произошло.

— Это звучит достойно и разумно. Позвольте мне добавить, что приблизительно через шесть часов мы пристыкуемся к ганимедовскому доку. И я надеюсь, что все вы найдете себе какое-то подобающее занятие — или, по крайней мере, отдохновение от непосредственных забот и тревог — на оставшуюся часть того, что на данный момент стало самой необычной юпитерианской пертурбацией в моей карьере.

Капитан Кондо церемонно кивнул всей небольшой группе.

— А теперь желаю вам очень доброй ночи.

22

В ранние дни корпоративной империи Лигонов традиция была общеизвестной, пусть даже и негласной. Самые толковые представители каждого поколения возглавляли семейный бизнес. Достойные, но не слишком вдохновенные отправлялись в церковь или на военную службу, тогда как дебилы с характерным для кузена Гектора сочетанием тяжелого идиотизма и неистребимой энергии засовывались куда-нибудь в отдаленную часть обширных родовых поместий, где они особенно тяжкого вреда причинить не могли.

Глазея из иллюминатора, Алекс решил, что теперь семейство стало использовать новый принцип. Сегодня дурака посылали на бесплодную миссию в дальний конец Солнечной системы. Там ему предполагалось встретиться с человеком, который решительно всех избегал, и в неспецифичной манере убедить его поделиться своей арендой Пандоры в корпоративных интересах Лигонов.

Основываясь на до сих пор увиденном, Алекс счел, что довольно трудно поверить в то, что разумный человек захочет заполучить какую-либо часть системы Сатурна. Солнце здесь представлялось слабым и сморщенным световым диском, ничуть не похожим на лучистый шар, наблюдаемый с Ганимеда. Что же касалось самой планеты, огражденной колоссальной системой колец, то Сатурн производил впечатление холодной, отчужденной загадки. Когда двоюродная бабушка Кора описала будущее путешествие Алекса как «вояж на огороды Солнечной системы», дядюшка Каролюс рассмеялся и сказал: «Скорее похоже на дачный сортир». Относительно же конечного места назначения Алекса, к которому он теперь быстро приближался, вообще ничего толком сказать было нельзя — эта незначительная песчинка даже не могла сподобиться

поддерживать какую-либо атмосферу, поле тяжести или цивилизацию.

Единственным спутником Сатурна, к которому все члены семьи Лигонов относились серьезно, был Титан, сегодня окутанный плотными углеводородными туманами, но в долгосрочной перспективе представляющий серьезный потенциал и, если верить профессиональным строителям миров, ни в чем не уступающий Ганимеду и Каллисто.

Так что же Пандора, уже в считанных минутах отсюда, имела предложить? Ровным счетом ничего, кроме старой характеристики недвижимости: местоположения, местоположения и еще раз местоположения. Она была весьма удачно расположена, чтобы оперировать с нее многочисленными «фон Нейманнами», которые станут разрабатывать атмосферу Сатурна. Что еще более важно, Пандора также распоряжалась правами доступа к этой разработке.

Данный факт предельно усложнял жизнь нынешнему обитателю Пандоры, ибо, согласно опыту Алекса, когда Лигоны чего-то хотели, Лигоны этого добивались. В частности, они захотели, чтобы он оказался здесь, и он здесь оказался. Кейт не сомневалась, что работа, которую Алекс проделывал с предсказательной моделью, однозначно убедит начальство в том, что он должен остаться на Ганимеде. Ее рапорт с рекомендацией на этот счет дошел до самой Магрит Кнудсен — и отскочил от нее с совершенно противоположным приказом. Алексу предписывалось не только отправиться на Пандору и пообщаться с ее загадочным обитателем, но и обрисовать ему свою работу с предсказательными моделями, а также проблемы, с которыми они сталкивались.

И Кейт, и Алексу это показалось сущим оскорблением. Кейт провела определенную проверку по своим каналам и выяснила, что отшельник, живущий на Пандоре, имеет примерно в равной степени репутацию страшного обжоры и репутацию человека предельно высокомерного. Единственная причина, почему его о чем-либо надо было спрашивать, заключалась в том, что он в свое время работал на Магрит Кнудсен и, очевидно, задолжал ей какую-то услугу. Кроме того, несколько лет тому назад он — скорее благодаря чистой случайности, нежели чему-то еще, если верить его прежним коллегам — разобрался с крупной загадкой на Европе.

Алексу сказали не ждать никаких приветствий у единственного дока Пандоры. Он должен был сам пробраться к поверхности через

многочисленные переходные шлюзы, после чего спуститься по длинной шахте лифта. Инструкции доводили его только до выхода из этого лифта. Дальше он должен был полагаться на самого себя.

Стыковка в условиях пренебрежительно малой гравитации Пандоры заняла всего несколько секунд. Тут Алекс, уже готовый покинуть свой одноместный корабль, вдруг заколебался. Все время бодрствования по пути от Ганимеда он провел, играясь со своей предсказательной моделью. Делая всевозможные предположения, он вводил их в модель в качестве экзогенных переменных и изучал результаты. Компьютер корабля имел связь с Неводом, но такую, которая позволяла лишь до безумия низкую скорость передачи данных. Результаты Алекса оказались скорее озадачивающими, нежели убедительными.

Нет, так просто бросить их он не мог. Отсоединив информационный кубик, где содержалась как его программа, так и самые последние результаты, Алекс сунул его в боковой карман своей дорожной сумки. Если, как настаивала Магрит Кнудсен, Свами Савачарья был компьютерным специалистом со значительными интеллектуальными ресурсами, Алекс мог найти там способ повторить свои последние прогоны в более благоприятной компьютерной среде.

Нисхождение в мрачные недра Пандоры не так подействовало на Алекса, как оно подействовало бы, скажем, на Кейт или на его матушку. Его мало интересовала физическая наружность всего окружающего — Алекс был «слеп как червь», согласно Кейт, когда речь шла о различных прелестях обстановки. Если бы он все же что-то вокруг себя замечал, то подметил бы там одну характерную черту, по поводу которой они с единственным обитателем Пандоры охотно бы согласились: простоту. Все стены были или из простого камня, или из тусклого пластика. Пройдя последний из трех массивных переходных шлюзов, Алекс снял скафандр и направился дальше.

В конце шахты лифта у него просто не осталось выбора на предмет того, что делать дальше. Единственный коридор метров сорока в длину кончался у стальной двери. Дверь была закрыта, но в самом ее центре имелась красная кнопка с табличкой: ПОСЛЕ НАЖАТИЯ КНОПКИ У ВАС БУДЕТ СЕМЬ СЕКУНД, ЧТОБЫ ВОЙТИ.

Алекс нажал на кнопку, проплыл внутрь, когда дверь открылась, и задумался о необходимости таких мер для безопасности. Насколько он мог видеть, ни на поверхности Пандоры, ни внутри

ее не было ничего, что человек в здравом уме мог счесть достойным кражи. Отсюда вытекал диагноз паранойи у того человека, которого он собирался навестить.

Сразу же за дверью Алекс оказался у боковой стены зала, что простирался и вправо, и влево. Если коридоры и лифты, которые он до сих пор видел, были предельно пусты, то это помещение с лихвой все восполняло. Оно было битком набито — но не мебелью, а машинами, сияющими машинами без единой пылинки на них, с великой заботой расставленными друг относительно друга. Единственный объект, который как по своей природе, так и по своему состоянию казался здесь не на месте, стоял метрах в восьми слева от Алекса.

Это был — Алексу пришлось приглядеться повнимательней, чтобы в этом удостовериться — человек. Мужчина колоссального размера, затянутый в измятые черные одеяния, и с черным капюшоном, который частично скрывал его лицо.

Мужчина кивнул Алексу. Рокочущим, но четким голосом он произнес:

— Я наблюдал за вашим продвижением с момента прибытия вашего корабля на поверхность. Должен сказать, прибыли вы в особенно неподходящее время.

— Для нас обоих,— отозвался Алекс.

Проигнорировав его, мужчина продолжил:

— Я не говорю вам «добро пожаловать на Пандору», ибо это было бы великой неискренностью с моей стороны. Тем не менее я спрошу вас, случилось ли вам уже пообедать.

Алекс давно не ел; ему, впрочем, особенно и не хотелось. Но поскольку это казалось неожиданной попыткой проявить вежливость, он помотал головой и сказал:

— Я не обедал.

— Я тоже,— мужчина откинул капюшон, обнажая круглую бритую голову.— Разумеется, я Свами Савачарья. А вы, разумеется, Алекс Лигон. Возможно, вам будет проще звать меня Совой, хотя это не должно восприниматься как указание на какую-то близость в наших взаимоотношениях. И если я приглашаю вас разделить со мной дневную трапезу, то это лишь потому, что неспособность сделать это выявила бы прискорбный недостаток вежливости и гостеприимства с моей стороны.

Он направился в дальний конец зала. Алекс, который не был уверен, правильно ли он понимает, что этот человек говорит —

невероятное дело, но он как будто бы приглашал Алекса на ленч,— тут же за ним последовал. Пока они двигались, он не мог удержаться от взглядов по сторонам. Артефакты, прикрепленные к стенам или смонтированные на полу, образовывали причудливую коллекцию. Ни один из них не был новым, а многие вообще казались из более раннего технологического поколения. Некоторые носили на себе следы сильного жара, колоссального давления или тяжелого удара.

У Свами Савачарьи, должно быть, имелись глаза на затылке, поскольку он, не оборачиваясь, спросил:

— Вы случайно не интересуетесь реликвиями Великой войны?

— Не особенно,— на самом деле Алекс к Великой войне вообще никакого интереса не проявлял.

— Гм.

Молча они проследовали в другой конец помещения, а затем через отверстие в стенной перегородке, которая не доставала до потолка. Отверстие вело в такую тщательно оборудованную и удобную кухню, какой Алексу еще видеть не доводилось. Кухонная утварь включала в себя горшки и сковороды достаточно большие, чтобы обслужить десятка полтора человек, хотя у крепко сколоченного стола стояло только два кресла. В качестве дополнения к обстановке — довольно странного дополнения для любой кухни — в стену рядом с одним из кресел был встроен небольшой коммуникационный центр. Дисплей был включен, но предлагал только белый шум.

Стоило им только войти, как дисплей, словно бы их приветствуя, выдал целый калейдоскоп красок, а спокойный женский голос произнес:

— Подтверждение селекторного совещания Мастеров, которое состоится через один час. Целью является окончательно оформить соглашение Бестона с Сетью Головоломок.

Сова нахмурился.

— Принято и одобрено.— Он заметил вопросительный взгляд Алекса.— Этот канал предназначен исключительно для связи с Сетью Головоломок. Не могло ли так случиться, что вы интересуетесь или даже являетесь членом данной Сети?

— Нет, я не член,— тут Алекс, убежденный, что сейчас последует еще одно «гм», добавил.— Я очень много занимался Сетью Головоломок, когда был моложе, и полагал, что у меня был шанс достичь уровня Мастера.

— Но вам этого сделать не удалось?

— Не совсем так. Моя семья сочла, что это не то, чем мне следует интересоваться. Моя матушка оказала на меня сильное давление, и я сдался.

— А-а. Проблема родителей,— круглая темная голова кивнула.— У меня тоже были подобные сложности, пока мы не прекратили общение, когда я еще был подростком.

— Вы ушли из дома?

— Если быть более точным, меня оттуда вышвырнули. Мои родители, как и ваши, считали уровень моего интереса к Сети Головоломок необычным и неподобающим,— Сова махнул жирной ручищей в сторону одного из кресел.— Садитесь, пожалуйста. На самом деле не столь многие вещи во Вселенной следует подавать точно в срок, но идеальное суфле — одно из них.

Алекс сел за стол без особых надежд и ожиданий. Свами Савачарья явно мог управиться с целой горой пищи и, судя по его виду, частенько это проделывал, но количество совсем не обязательно вело к качеству. Алекс едал блюда, приготовленные лучшими поварами в Солнечной системе. Проспер Лигон не питал интереса к пище, зато вся остальная семья настаивала на высочайшем качестве кулинарии.

Сова в темпе извлек из нескольких духовок гигантское суфле, три вида своеобразно приготовленных овощей, пять разных соусов и буханку свежего хлеба, которую он с поразительной скоростью и ловкостью порезал. Алекс наполнил свою тарелку, начал есть и через несколько секунд удивленно воззрился на своего собеседника. Затем он покачал головой.

— Это просто феноменально. Думаю, ничего лучшего я никогда в жизни не ел.

— Очень может быть,— Сова пробовал осторожно, его пухлая физиономия была нахмурена.— Н-да, лучше обычного. Однако я чувствую, что чуть-чуть переборщил с эстрагоном.

Алекс не знал, что будет лучше — согласиться или не согласиться. Тогда он решил, что безопаснее будет есть молча. Пока что им не удалось договориться ни о чем, кроме того факта, что иметь родителей — большая проблема. Свами Савачарья также не проявлял никакой склонности к разговору, равномерно и задумчиво пережевывая пищу в количествах, обосновывавших потребность в чудовищных размерах кухонной утвари.

Наконец Сова оттолкнул от себя тарелку, вздохнул и сказал Алексу:

— Итак, мы вместе пообедали, что, возможно, обеспечит определенный уровень корректности во всем последующем. А возможно — не обеспечит. Позвольте мне быть откровенным. Я согласился встретиться с вами по одной-единственной причине: меня предупредили, что если я откажусь на это пойти, против меня может быть использована тактика силового давления. В особенности меня предупредили о физическом насилии или даже убийстве. Какова ваша реакция на подобные предупреждения?

— Это абсолютная чепуха. Я бы никогда не стал принимать в расчет такого рода угрозы.

— Весьма отрадно слышать. Уверены ли вы, что в данном случае говорите за все ваше семейство? Если так, то наша встреча может завершиться немедленно, и мы сможем вернуться к нашим соответственным интересам.

Тут Алекс попался. Если он был в чем-то уверен, так это в том, что за всю семью говорить не может. Наконец он сказал:

— Думаю, будет неплохой идеей, если мы с вами продолжим наше обсуждение.

— Очень хорошо. Давайте продолжим. Но я должен спросить — на какой основе? Вы бы хотели, чтобы я отказался от своей аренды Пандоры или поделился ею? Почему? И какие стимулы можете вы мне предложить, не считая того несущественного, что моя жизнь и физическое благополучие могут оказаться под угрозой?

— Мне даны полномочия предложить вам существенную денежную сумму, гораздо больше стоимости вашей аренды Пандоры.

— Деньги? — Сова пренебрежительно махнул рукой.— Мне случилось узнать, что вы работаете в государственном учреждении Внешней системы за жалованье, которое по стандартам вашей семьи является смехотворно малым. И я должен поверить, что ваш собственный принципиальный мотив в жизни — это деньги? Если же это не так, тогда почему вы решили, что я чем-то от вас отличаюсь? Полно, мистер Лигон, если в юные годы вы приближались к уровню Мастера Сети Головоломок, вы не можете быть совсем лишены интеллекта. Безусловно, вы способны представить более сильный аргумент.

И насчет обжорства, и насчет высокомерия, похоже, все было верно. Алекс уже пронаблюдал, как Сова запросто убирает в свое

чрево объем пищи, вполне достаточный для шестерых, а теперь стала проявляться его заносчивость. Алекс вспомнил слова Кейт: «Он такой жирный и упрямый, что ты нипочем его столкнуть не сможешь. Придется тебе сдвинуть его каким-то другим способом».

От немедленного ответа Алекса спас звонок коммуникационного блока, встроенного в стену у левой руки Совы. Тот же женский голос сказал:

— Совещание начнется через пять минут. Выберете визуальный режим или только аудио?

— Только аудио,— ответил Сова, а затем обратился к Алексу: — На краткое время мне может потребоваться уединение. Это дело колоссальной практической важности.

— Ничего-ничего. Я принес с собой программы и некоторые недавние результаты. У меня куча дел — если только вы сможете обеспечить мне доступ к компьютеру.

— Разумеется. Вы можете получить доступ к Неводу или, если предпочитаете, можете воспользоваться Цитаделью, которая целиком представляет собой мой внутренний, надежно защищенный ресурс. Если последняя...

Следующие слова Совы утонули в надсадной сирене, что огласила всю Совиную Пещеру. Алекс ощутил целый ряд тяжелых вибраций, прошедших через пол.

Когда сирена умолкла, снова заговорил женский голос:

— Мы регистрируем помехи на всех входящих коммуникационных каналах. Чужеродный объект, не предлагающий никакой идентификации, приближается к Пандоре и ищет насильственного вторжения. Весь внешний доступ запломбирован. Отграничение Совиной Пещеры от внешних влияний завершено.

Заметив вопросительный взор Совы, Алекс покачал головой.

— Я здесь ни при чем. Понятия не имею, что происходит.

— Я в той же мере. Привязка данного события ко времени является чудовищно неподходящей. Если, разумеется, оно не было специально задумано как вмешательство в мою запланированную активность. Селекторное совещание начнется через считанные минуты. Кому нужно атаковать Пандору и зачем? Впрочем, здесь не лучшее место, чтобы адресовать подобные вопросы. Идемте.— И Сова повел Алекса из кухни по всей длине Совиной Пещеры.

Когда они добрались до другого конца громадного прямоугольного зала, Алекс понял смысл последнего замечания Совы. Коммуни-

кационный центр в кухне был маленьким и примитивным. Тот же, к которому они приблизились, представлялся не менее изощренным, нежели любой в корпоративных помещениях «Лигон-Индустрии».

Сова устроился в массивном мягком кресле.

— Разумеется, мы не находимся в какого-либо рода опасности. Мы запломбированы и защищены как от материального, так и от электромагнитного проникновения,— Алексу он показался столь же заинтригованным, сколь и раздраженным, пока его жирные пальцы бегали по пульту.— Ни один корабль в Солнечной системе не способен причинить существенного материального ущерба Пандоре. Таким образом, остается вопрос: кому понадобилось являться сюда, глушить все входящие сигналы и пытаться пролезть внутрь? Все коммуникации в Солнечной системе отслеживаются. Человек должен быть круглым дураком, чтобы вообразить, что подобная ситуация может затянуться надолго или что он и его корабль не будут незамедлительно арестованы.

«Человек должен быть круглым дураком...»

У Алекса не было проблемы с поисками кандидата. Гектор! Его кузен знал, что семья Лигонов хочет выкинуть текущего арендатора с Пандоры. Люси Мобилиус предложила Гектору совершить какое-нибудь великое деяние. Мог ли его кузен быть таким идиотом, чтобы подумать, будто угроза Свами Савачарье на его домашней территории может пойти на пользу делу — причем в то самое время, когда сам Алекс находился здесь для переговоров?

Мог. Причем с легкостью. Это был тот самый вид безмозглого действия, лишенного всякой мысли о последствиях или о том, что он сам будет делать дальше, на котором Гектор специализировался с тех пор, как научился ходить. Алекса при этом больше всего раздражало то, что его кузену всегда удавалось выйти сухим из воды. Бабушки и дедушки, тетушки и дядюшки говорили: «Ну-у, так ведь это же Гектор. Вы же знаете, каков наш Гектор...» На этом все и заканчивалось.

Все это Алекс затруднился бы объяснить тому, кто не был членом его семьи. Тогда он сказал:

— Вы упомянули о том, что боялись агрессивных действий, если не будет достигнуто некое соглашение. Селекторное совещание, которое вы пропускаете, случайно, с этим не связано?

Сова закончил бегать пальцами по пульту.

— Мы полностью заглушены — как в отношении входящих, так и исходящих сигналов,— сказал он.— Не могу сделать ника-

ких оценок, как долго это может продлиться,— а затем: — Мое селекторное совещание — совершенно иной предмет. Следили вы за недавними утечками новостей о послании внеземного разума?

Опять внеземной разум! Алекса словно током дернуло. Эти инопланетяне у него уже неделями в голове сидели. Они входили в некоторые высоковероятностные варианты будущего, причем каким-то странным и запутанным образом. Но Сова, разумеется, на это ссылаться не мог.

— Сплетню-другую про послания внеземного разума я слышал,— осторожно ответил Алекс.— Но тем каналам редко когда веришь.

— Обычно верить не следует. Однако в данном случае ситуация несколько иная.— Сова поудобнее устроился в кресле. Со склоненной вперед головой и прижатыми друг к другу ладонями он напомнил Алексу какого-то древнего резного идола. Алекс стоял и неловко топтался.

— Полагаю, я могу этим с вами поделиться, не нарушая конфиденциальности,— наконец сказал Сова.— Время для официального выпуска новостей уже не за горами. Члены Сети Головоломок, как вы, несомненно, сознаете, чужого общества не ищут и им не наслаждаются. Мы не кучкуемся, не собираемся вместе, редко принимаем коллективные решения. Однако несколько лет тому назад была принята договоренность, что на уровне Мастеров среди игроков Сети Головоломок может в этом плане существовать одно выдающееся исключение. Оптимальным вызовом в качестве головоломки безусловно следует считать расшифровку сигнала от внеземного разума. Для подобного случая мы пожертвуем уединением и анонимностью. Мы станем вместе работать, а при необходимости даже встретимся.

— Здесь, в Совиной Пещере?

— Думаю, нет,— лицо Совы красочно отразило его отвращение при этой мысли.— Данное помещение является — или некогда являлось, и впредь должно будет являться — моим личным убежищем.

— Но если вы не встретитесь здесь, вам придется отправиться куда-то еще.

— Ваше утверждение, хотя и неоспоримо истинное, вряд ли является триумфом дедуктивной мысли.

— То есть, вы говорите, что слух верен — что послание внеземного разума было действительно принято?

— Ваш скепсис перекликается с моими собственными чувствами, когда я впервые уловил эти слухи в выпусках инфостудий. Обычно я отбрасываю как заведомо нелепые все заявления о сигналах от инопланетян. Это оставалось моей позицией несколько последних недель, когда подтверждения новостей так и не поступило. Однако четверо суток тому назад ситуация кардинальным образом изменилась. С группой высших Мастеров Сети Головоломок, одним из которых случилось быть мне, связался человек по имени Филип Бестон. Он директор станции «Цербер» в юпитерианской точке Л-5. Бестон заверил нас, что некий сигнал со звезд действительно был принят — он воздержался от того, чтобы назвать его сообщением, ибо никакой интерпретации пока еще выполнено не было. Однако он в самом деле предложил убедительные доказательства как регистрации сигнала, так и его подтверждения. Более того, он предложил избранным старшим членам Сети Головоломок присоединиться к его группе в совместном усилии высокого уровня, нацеленном на выполнение первых шагов по трансформации бессмысленного информационного потока во вразумительное сообщение. Как вы можете себе представить, от подобного предложения оказалось невозможно отказаться. Обычно члены Сети Головоломок работают в изоляции. Теперь же, впервые в истории, мы объединим наши находки и гипотезы. Целью сегодняшнего селекторного совещания было всего лишь окончательно определить место встречи для данного совместного усилия, ибо тесная близость представляется существенно важной.

— Значит, вы все-таки куда-то отправляетесь.

— Поскольку я не склонен превращать Совиную Пещеру в отель для Мастеров Сети Головоломок, случай, к несчастью, представляется именно таким.

— А куда?

— Я не могу быть уверен. Однако, вероятнее всего, это будет Ганимед. Там постоянно проживает более половины Мастеров Сети Головоломок.

— Просто не верится. Ведь я же сам с Ганимеда прибыл. И вы меня через половину Солнечной системы протащили...

Брови Совы поднялись чуть ли не до верха круглого лба.

— Извините? Простите? Я вас протащил? Я никого никуда не тащил. Ваше присутствие было мне навязано посредством возму-

тительного давления со стороны вашей семьи и одного старшего члена ганимедского правительства.

— Вы правы. Забудьте, что я сказал. Просто я так же сильно не хотел сюда приезжать, как вы не хотели меня здесь видеть. Но почему вы не сказали мне, что в ближайшее время можете оказаться на Ганимеде?

— По лучшей из всех возможных причин. В то время, когда ваше путешествие началось, я еще понятия обо всем этом не имел. Я по-прежнему испытывал предельный скепсис по поводу сообщений СЕТИ. К тому времени, как мои сомнения были развеяны звонком и сопутствующим доказательством Филипа Бестона, вы уже находились в пути.

— Извините.— Алекс решил, что выпускать пар в сторону Совы ни к чему хорошему не приведет.— Я мог бы и сам прикинуть хронометраж. И тем не менее, предполагая, что вы все-таки посетите Ганимед, как долго вы там пробудете?

— Понятия не имею. Возможно, несколько недель. Или даже несколько месяцев. Желание находиться здесь, в окружении необходимых благ и уединении собственного дома, очень во мне сильно. В то же самое время можно предположить, что мы добьемся серьезного прогресса при расшифровке послания со звезд. Вполне вероятно, это нереалистичный оптимизм, но как тогда можно будет воспротивиться желанию остаться, по меньшей мере, на период первоначальной фазы открытия? Все это представляет собой подлинный аналог знаменитого Буриданова осла.

— Да, действительно.— Алекс восславил всех возможных богов за то, что смог узнать эту ссылку на Буриданова осла, изголодавшегося до смерти из-за того, что он так и не сумел выбрать между двумя одинаковыми охапками сена. Кузен Гектор вполне мог бы заметить, что Сова — все-таки Сова, а не осел, а также что Буридан — довольно странное имя для его папаши.

Кроме того, Алекс увидел здесь редкостную возможность оказаться героем для своей семьи.

— Вы собираетесь по меньшей мере в течение нескольких недель находиться вдали от Пандоры. В ваше отсутствие «Лигон-Индустрии» несложно будет устроить операционный центр по добыче гелия-три из атмосферы Сатурна в другом конце Пандоры — так далеко, что вы даже никогда не осознаете о его присутствии. А весь проект «Звездное семя-2» не так уж долго и продлится — этого

просто не может быть ввиду существенных штрафных санкций. Если мы гарантируем, что монтаж будет произведен в ваше отсутствие, а также что ничто не затронет Совиной Пещеры...

Сова кивнул, и на какой-то момент Алекс отважился понадеяться, что сделка может состояться. Однако затем Сова сказал:

— Сейчас преждевременно принимать любые подобные решения. Я еще не знаю, где соберутся Мастера Сети Головоломок, а вы меня уже на Ганимед запустили. Возможно, что-то подобное удастся организовать — если все пойдет именно так и когда мои передвижения станут более определенными,— он махнул похожей на диванный валик рукой, отметая эту тему в сторону.— Достаточно этих спекуляций. Я объяснил вам причину моего интереса к внеземному разуму. А какова основа для вашего? Я почувствовал у вас больше энтузиазма к данной теме, чем ко всем остальным предметам, о которых мы упоминали.

Алекс покачал головой.

— Основа моего интереса сложна и относится к моей работе с предсказательными моделями. Потребуется немалое время и доступ к компьютеру, чтобы ее объяснить.

— Время, очевидно, доступно нам в весьма обильных количествах.— Сова снова махнул рукой, на сей раз в сторону дисплеев, которые показывали, что все внешние коммуникации по-прежнему заблокированы.— Почему вы заинтересованы в послании внеземного разума? И какое компьютеры могут иметь к этому отношение?

Алекс вначале заколебался. Что мог этот человек знать о компьютерном моделировании? Он начал медленно и осторожно, выдавая тот род общего объяснения, который обычно годился для начальства, пока Сова не нахмурился и не сказал:

— Детали, пожалуйста, причем максимально полные. Общие места и неясности являются прибежищем проходимцев, политиков и бюрократов.

Ну, если так...

Алекс принялся описывать свою работу на более глубоком уровне, ободряемый пристальным вниманием и периодическими кивками Совы. Когда он добрался до заковыристой темы предсказанного вымирания человечества и его зависимости от экзогенных переменных, Сова вздрогнул и кивнул.

— Я тоже получал указания о приближающейся катастрофе со всех концов Солнечной системы. Свидетельство, которое я наблю-

дал, представляется достаточно неясным, но оно предполагает наступление кризиса гораздо раньше, чем через столетие. Принимала ли ваша программа в расчет возможный эффект нового оружия, оставшегося от Великой войны?

Алекс покачал головой.

— Такого оружия я не включал, потому что никогда ни о чем подобном не слышал.

— Очень хорошо. Есть еще два аномальных фактора, которые вы могли бы принять в рассмотрение. Во-первых, небольшая группа генетически модифицированных людей была создана как побочный продукт Великой войны. Насколько я знаю, они ведут тихую и продуктивную жизнь, но их влияние на будущие события нельзя недооценивать.

— Мне о них известно, и я прогонял модель с их присутствием и без. Результаты существенным образом не изменились.

— Очень хорошо. Далее, существовала группа людей с очень большой продолжительностью жизни, почти бессмертных, которые были активны на Ганимеде, но исчезли поколение назад. С тех пор их никто не видел, и было высказано предположение, что они решили переместиться к дальним пределам Внешней системы. Однако они также могут быть существенно важны для будущего.

Алекс кивнул.

— Я тоже о них знаю и прогонял модель так и так, с ними и без них. Они также не вносят никакой разницы.

— Тогда на данный момент других предложений я не имею,— Сова снова взглянул на дисплей заблокированных коммуникаций.— Давайте вернемся к вопросу влияния внеземного разума. Можете ли вы описать, как присутствие инопланетян влияет на вашу предсказательную модель?

— Я могу не просто описать.— Алекс пошарил в своей дорожной сумке и достал оттуда информационный кубик.— Я могу показать. Здесь все программы и результаты. Мы можем... ах, нет, пожалуй, не можем. С заблокированной наружной коммуникацией нам не добраться до Невода. Мои модели съедают очень серьезные компьютерные ресурсы.

— Подобные ресурсы, к счастью, доступны.— У Совы сделался самодовольный вид.— Задолго до активации Невода я предвидел опасности и сложности в обеспечении конфиденциальности моей работы. Если честно, одной из моих принципиальных забот

являются другие члены Сети Головоломок. Ловчить с головоломкой никоим образом не запрещено, включая проникновение в чужие базы данных. По этой причине я установил здесь, на Пандоре, независимую компьютерную мощность.

Алекс засомневался.

— Когда я сказал, что моя модель ест компьютерное время и ресурсы, я всерьез об этом говорил.

Сова наклонил массивную голову.

— Я тоже не шучу. Просто попробуйте и посмотрите. Подозреваю, один из нас будет сильно удивлен.

Сова имел в виду компьютерные ресурсы. Алекс, по мере продвижения прогонов, был и впрямь не на шутку удивлен, но совсем по другим причинам.

Компьютерная мощность, доступная внутри Цитадели, полностью оправдала слова Совы, имея куда большие возможности по сравнению со всем, что было доступно Алексу до ввода в работу Невода. Предсказательная модель прогонялась быстро, с необычайно высоким уровнем деталей. Причина изумления Алекса, однако, лежала в другой сфере.

Он начал с повторения серий прогонов, в которых присутствие чужаков в Солнечной системе предполагалось активным где-то начиная со следующей половины столетия. В точности продублировав сделанные прогоны, Алекс не удивился абсолютно сопоставимым результатам.

— Видите, все остается стабильным,— сказал он Сове.— Никакого переизбытка, никакого коллапса Солнечной системы, никакого конца человечества.

— Отрадное заключение, поскольку в данных временных рамках мы сами имеем разумные надежды сохраниться.

— Действительно. Но теперь посмотрим, что случится, когда я сделаю те же самые прогоны и не введу никакого присутствия чужаков в качестве переменной.

Снова получилось точное повторение прогонов, уже проделанных Алексом. Откинувшись на спинку кресла, он ожидал возникновения нестабильности — вначале медленного, а затем, начиная с середины столетия, катастрофического. Алекс был так убежден в том, что именно ему предстоит увидеть, что даже не уделял

должного внимания результатам. Только когда временная отметка достигла 2188 года, а общая численность населения продолжала равномерно расти и все переменные оставались в допустимых границах, он резко выпрямился в кресле.

— Этого просто не может быть!

— В самом деле? — Сова тоже расслабился, наблюдая за почти гипнотическим маршем цифр и графиков по дисплеям. Хмурясь, он подался вперед.— Простите, если покажусь вам недостаточно восприимчивым, но никаких аномалий я здесь увидеть не способен.

— Именно это здесь и не так.

— Черная кошка в темной комнате? — загадочно улыбаясь, спросил Сова.

Алекс не стал отвлекаться на Совиные непонятности и указал на год, теперь уже 2190, а также на дисплей с численностью населения, которая приближалась к двенадцати миллиардам.

— Раньше такого никогда не бывало.

Без влияния инопланетян как экзогенной переменной модель всегда достигала кризисной точки около 2140 года. Население никогда не вырастало больше максимального значения в десять миллиардов.

— Этому есть простое объяснение,— в голосе Совы особого недоумения не звучало.— Либо существовала проблема с моделью в ваших ранних прогонах, либо она существует сейчас.

— Вы не понимаете. Эта та же самая модель. Я просто загрузил копию, прежде чем покинуть Ганимед. Должно быть, дело в вашем компьютере. Он недостаточно мощный, чтобы прогонять мою модель.

— Никоим образом,— все признаки скуки у Совы мигом исчезли.— Возможности Цитадели выше, чем у всех ганимедских мощностей.

— Вы сказали, что когда вы работаете в этом режиме, у вас нет доступа к Неводу.

— Это верно, но не имеет отношения к делу. Если вас беспокоит простая скорость компьютерной обработки, то компьютеры в Цитадели должны быть более чем адекватны. А в плане других элементов компьютерной обработки вы полагались на Невод?

— Конечно, полагался. Но я не вижу, как это могло изменить результаты прогона. Вы предполагаете, что сам Невод может дестабилизировать результаты моей предсказательной модели?

— На первый взгляд я согласен, что данное утверждение представляется абсурдным. Но что мы в действительности знаем о Неводе и о том, как он работает? Вы уже достаточно далеко прогнали вашу модель?

— Достаточно, чтобы вконец меня смутить.

— Тогда с вашего разрешения я проверю внешнюю ситуацию,— Сова тронул с полдесятка клавиш на пульте.— Гм. Внешние сигналы остаются недоступными. Все, однако, не так скверно... я должен подумать...

Сова закрыл глаза и обратился в обсидиановую статую. Алекс глазел на его громадную тушу, неподвижно застывшую в мягком кресле, и не решался вмешаться. У него тоже было, чем занять свою голову. Алекс снова перевел внимание на дисплей. Тот продвинулся еще на двадцать лет вперед. Все параметры по-прежнему имели разумные значения. Согласно его модели, через сто лет от настоящего момента человечество продолжало прекрасно развиваться.

Невод как значимый фактор? Это поднимало целый ряд новых вопросов. Невод имел доступ ко всем банкам данных в Солнечной системе. Он мог использовать и использовал любую информацию, которую запрашивала модель. Однако на уровне совершенства и сложности предсказательной модели не существовало никакого способа, посредством которого любой человек мог надеяться отследить всю совокупность используемых данных — даже для одного дня предсказания, не говоря уж о столетии.

Так с чем же все это оставляло Алекса? Он уже капитально подставился, заверяя всех от Кейт до Магрит Кнудсен, что с Неводом его предсказательная модель дает верные результаты. Все, что ему требовалось,— это адекватные компьютерные возможности. Но здесь имелось встроенное допущение: единственное, что Неводу при этом предполагалось делать, это проводить компьютерную обработку. Однако, поскольку у Невода была власть привлекать те наборы данных со всей Солнечной системы, которые сам компьютер находил уместными для обработки, то точное воспроизведение результатов нельзя было гарантировать. Какими данными мог располагать Невод, чтобы утверждать, что будущее Солнечной системы без присутствия там инопланетян является нестабильным и обреченным на вымирание человечества, тогда как будущее, содержащее присутствие инопланетян, является стабильным? И почему компьютер Цитадели, с инопла-

нетянами или без, предсказывал будущее, лишенное всякого фатального коллапса?

Алекс был способен на столь же глубокую интроспекцию, что и Сова. Когда от коммуникационного терминала донесся глухой гудок, оба его проигнорировали.

Гудок раздавался снова и снова. Наконец поверх стандартного сигнала вызова прозвучал разгневанный голос:

— Привет, Пандора. Станция безопасности Атласа с вами говорит. Вы принимаете наш звонок?

А затем более слабым тоном, подальше от микрофона:

— По-моему, они там все дрыхнут или вырубились. Интересно, знают они вообще о том, что их глушили?

Сова нахмурился, открыл глаза и ответил:

— Мы не спим и находимся в ясном сознании. Последнее состояние, судя по всему, существует за пределами вашего опыта.

— А, это опять вы. Вообще-то вы бы лучше нас поблагодарили. Мы арестовали того придурка, который блокировал ваши линии связи вместе с его кораблем.

— У вас есть идентификация и мотив?

— Еще нет. Он ведет себя как герой народного эпоса и не говорит ни слова, а у нас еще нет возврата на предмет идентификации его корабля. Впрочем, регистрация у него ганимедская. Есть на Ганимеде кто-то, кто вас не любит?

— Масса народа.

— Какой приятный сюрприз. Можете вы себе представить, кто бы это мог быть?

Сова пристально глянул на Алекса.

— Нет.

— Если захотите выдвинуть обвинение, дайте нам знать. Мы взяли этого приятеля на буксир и уже ведем его, куда следует. Как только вы решите выйти из глубоких раздумий, вас тут целый поток сообщений ожидает. Оревуар, мой неблагодарный друг.

— Гуд бай.

— Похоже, он вас хорошо знает,— сказал Алекс и тут же понял, что это может быть не самым дипломатичным замечанием.

Сова пожал плечами.

— Это не первый мой контакт с воинственными людьми, которые называют себя силами безопасности Атласа. Такое ощущение, что их главная цель в жизни — защищать меня и Совиную

Пещеру от физического нападения, причем предпочтительно путем размахивания кулаками и всевозможной стрельбы. Я не раз указывал им, что данный объект гораздо безопаснее их собственной базы на Атласе. Внешне они достаточно разумны, однако этого факта почему-то уяснить неспособны. Впрочем, это несущественно. Давайте лучше посмотрим, что мы пропустили за последние несколько часов,— он коснулся пульта и изучил список входящих сообщений.— Я так чувствую, все они могут подождать — за исключением вот этого пункта.

Еще один тычок по пульту. На небольшом экранчике появились три коротких предложения. «Место встречи: Ганимед, уровень 147, сектор 291. Индивидуальные рабочие места оборудованы. Начальная дата в зависимости от графика Филипа Бестона».

Сова вздохнул.

— Так я и думал. Возникает необходимость на какое-то время покинуть Совиную Пещеру.

— И отправиться на Ганимед? Это сообщение от группы Сети Головоломок?

— Да, от нее. И почти наверняка его послал Аттобой. На нем фирменный знак его лаконичности. Я после его расшифрую.

— Но оно кажется вполне прозрачным.

— Это сообщение не было бы от Аттобоя, если бы в нем не содержалось какой-то скрытой информации внутри ясного текста.

— Можете вы сказать, когда начнется ваша встреча?

— Думаю, нет. Его последнее предложение я принимаю за номинал.

— Сможем мы встретиться снова, когда вы прибудете на Ганимед?

Этот вопрос вызвал пока что самое долгое колебание Совы. Наконец он сказал:

— Ваша модель выглядит новой и интригующей, и она предлагает загадки, которые я пока что не способен решить. Интуиция подсказывает мне, что такое решение может иметь далеко идущие последствия. Все это определенно входит в список «четыре-сигма».

Сова сделал паузу, так внимательно изучая Алекса, как будто они только что познакомились. Затем бритая голова едва заметно кивнула.

— До вашего прибытия я многое слышал о семействе Лигонов, и все это, должен признать, было в высшей степени негатив-

но. Вы не подкрепили моих предубеждений. У вас есть подлинный интерес к интеллектуальным проблемам и талант их решать. Если я окажусь на Ганимеде, я не нашел бы перспективу еще одной нашей встречи столь уж невыносимой.

Поспешишь — людей насмешишь. Алекс решил не настаивать на чем-то большем и сказал себе, что согласился прибыть на Пандору только потому, что семья на него надавила, и что он ни секунды не ожидал какого-либо успеха. Теперь же, вернувшись на Ганимед, он сможет доложить Просперу Лигону и всем остальным, что, несмотря на слабоумное вмешательство кузена Гектора, он добился реального прогресса. Свами Савачарья согласился встретиться с Алексом еще раз — на Ганимеде!

Если бы Алекс об этом знал, ему следовало бы пожалеть о том, что там не было Магрит Кнудсен, которая смогла бы представить ему еще более поразительной оценку сложившейся ситуации. Согласие встретиться снова представляло собой высочайший комплимент, какой Сова мог кому бы то ни было предложить. Алекс привлек внимание Совы самым действенным способом из всех возможных: он предоставил ему загадку слишком смутную и тонкую, чтобы ее можно было решить на месте.

В перевернутой вселенной Совы то, чего нельзя было разрешить сразу же, вовсе не являлось раздражающим фактором — напротив, это в более благоприятных условиях могло послужить источником продолжительного наслаждения в течение многих месяцев и лет.

23

Отчетные собрания на станции «Аргус» проходили каждый вторник, начинаясь в полдень. Сегодня был понедельник, смехотворно раннее утро.

Зачем же ее призывали в конференц-зал?

Милли — только что из постели, с падающими на глаза волосами, без всякого завтрака, изголодавшись по свежему кофеину и менее чем наполовину проснувшись — ответила на звонок и поспешила на собрание. Несмотря на все ее усилия, она прибыла на десять минут позже, чем требовалось. Входя в конференц-зал, Милли уже мысленно готовилась к словесной порке от Джека Бестона.

На пороге она изумленно помедлила. Конференц-зал был пуст. Сиплый голос у нее за спиной произнес:

— Да-да, вы куда надо пришли. Мы все опоздали. Входите и давайте начнем.

Милли обернулась. Джек Бестон стоял позади нее, его обычно красноватое лицо было совсем бледным и натянутым. Под боком у него находилась загадочная Зеттер.

— Что я вам говорил? — спросил Джек. Похоже, он обращался к Милли, а не к Зеттер.— Еще до того, как мы покинули станцию «Цербер». Я знал, что этот ублюдок что-то готовит.

По интонации Милли смогла понять, что слово «ублюдок» использовалось теперь в несколько ином смысле. Теперь это была характеристика, а не кличка.

— Зеттер,— продолжил Джек. Махнув женщинам на два стула с жесткими спинками, он устроился на третьем, сложив руки за спиной.— Расскажите ей.

На лукавой мордочке Зеттер выразилась неловкость, словно раскрывать информацию кому-то кроме самого Джека Бестона она считала беспрецедентным и весьма опасным занятием.

— Мы получили информацию со станции «Цербер»,— сказала она, дернув острым носиком.— Вскоре после того, как вы оба оттуда отбыли, Филип Бестон отправил секретное сообщение некоторым старшим членам Сети Головоломок.

— Все-таки недостаточно секретное,— сказал Джек.— Скажите, Милли, вы когда-нибудь об этой Сети Головоломок слышали?

— Да,— сейчас не время было вдаваться в детали. Милли слишком хотела узнать, что именно сообщил Ублюдок.

— Если вкратце,— продолжила Зеттер,— то Бестон предложил заключить рабочее соглашение между станцией «Цербер» и Сетью Головоломок. Они образуют совместное предприятие для интерпретации сообщения СЕТИ. Бестон обеспечит им доступ ко всему, что он и его команда сумеют обнаружить. Команда Сети Головоломок, в свою очередь, на эксклюзивной основе передаст ему любые результаты, какие ей удастся получить.

— Если обрисовать все иначе,— вмешался Джек,— то нас попросту кинули. Ублюдок выписал себе лучшие мозги в Солнечной системе по решению подобных задач. Эти типы работают с изощренными интеллектуальными проблемами просто удовольствия ради. Не знаю, насколько они хороши, но склонен предположить, что они самые лучшие.

— Это так,— сказала Милли.— Они абсолютно лучшие.

— Тогда нас вдвойне кинули. Они психи, но они смышленые психи. Это самая худшая разновидность.— Джек осел на стуле, пристроив подбородок на ладонях. Несколько мгновений спустя он поднял взгляд.— А каким это образом, Милли Ву, вы так об этом осведомлены? Не обхаживал ли вас Ублюдок, пытаясь переманить к себе?

Это было до неловкости близко к истине. Милли решила пойти в другую сторону.

— Я знаю Сеть Головоломок, потому что я долгое время в нее входила. По сути, я в течение трех лет была чемпионкой среди юниоров. Я выпала оттуда только когда поняла, что мысли о СЕТИ отнимают у меня все больше и больше времени.

— В самом деле? — глаза Джека Бестона превратились в зеленые щелки.— Три года подряд? — Милли явственно слышала, как у него в голове щелкают реле.— Зеттер, на данный момент это все. Мне надо с Милли Ву несколькими словами обменяться. Наедине.

Узкая мордочка Зеттер затвердела, а рот сжался до тонкой черты.

— Вы хотите, чтобы я ушла?

— Вы правильно меня поняли.

— Но как же наш... источник. Какие инструкции мне следует ему дать?

— Скажите — пусть продолжает смотреть и слушать. Со всем остальным мы собираемся отсюда справиться.

Зеттер кивнула и не ответила, но, уходя, бросила на Милли ненавидящий взор, которого та вроде бы ничем не заслужила.

— Итак, Милли,— Джек Бестон пододвинул свой стул поближе.— Если вы были чемпионкой три года подряд, в то время в Сети Головоломок у вас должна была сложиться очень приличная репутация. У вас наверняка остались там близкие друзья.

Существовали вещи, которые никогда не следовало говорить начальству, независимо от степени провокации. Теперь Милли сказала как раз одну из таких вещей:

— Подите к черту, Джек Бестон. Я не стану этого делать,— возможно, дело было в нехватке свежего кофеина.— Даже если вы встанете на карачки и начнете пресмыкаться передо мной.

— Я запросто могу это сделать. Но Милли, послушайте меня хоть одну минутку,— он пододвинул свой стул еще на несколько сантиметров.— Вы сами всю кашу заварили. Да, это называется

аномалией Ву-Бестона, но все куда скорее помнят Ву, чем Бестона. Как это и должно быть. Но мы с вами знаем, что регистрация — только часть всей истории, и не самая главная. Сегодня никто не помнит, кто открыл Розеттский камень, а помнят только имена тех людей, которые использовали его, чтобы расшифровать иероглифы. Ублюдок не хуже нас это знает. Меня не удивит, если он все это замыслил годы тому назад. Он хитрый дьявол.

А теперь предположите, что вы входите в команду Сети Головоломок, которая работает над интерпретацией сигнала. Ваше имя будет связано со всеми фазами работы: регистрацией, подтверждением, интерпретацией. На все времена единственным именем, которое будут связывать с первым сигналом СЕТИ, станет Милли Ву.

— И Джек Бестон. Но что он отсюда извлечет?

— Удовлетворение от сознания того, что побил Ублюдка на всех фронтах. Милли, вы понятия не имеете, как это будет сладостно. Можете вы это сделать? Можете вы присоединиться к усилиям Сети Головоломок по интерпретации?

— Нет. Это невозможно. Я слишком долго была от нее в стороне,— однако, говоря об этом, Милли уже представляла себе возможный подход.

Дело было в том, что Милли не совсем, как она уверяла Джека Бестона, сожгла мосты. По сути, не далее как шесть месяцев тому назад с ней связался один из Мастеров, Хапуга —пожилой мужчина со вкусом к девочкам подросткового возраста и определенной симпатией к Милли (Мастерам Сети Головоломок полагалось быть хитроумными, но никто не говорил, что они должны быть высоконравственными). Хапуга послал ей головоломку и пригласил пообедать. Милли в тот же день решила головоломку, вернула ответ и отклонила предложение об обеде. Тем не менее она чувствовала уверенность, что дверь открыта. Хапуга был настолько любезен, что заверил ее в том, что Милли по-прежнему является первой кандидаткой на уровень Мастера Сети Головоломок.

Джек Бестон внимательно за ней наблюдал. Как достаточно часто говорила ей Ханна Краусс, он не был тем человеком, который легко принимает слово «нет» за ответ. Куда скорее Людоед принимал за ответ то, что ему хотелось. Милли, с другой стороны, всего этого уже досыта наелась.

— Предположим,— внезапно сказала она,— что я ошибаюсь и что мне удастся присоединиться к работе Сети Головоломок по

интерпретации. Не существует никакого варианта, при котором ваш брат стал бы пересылать информацию на станцию «Аргус».

— Конечно, он этого делать не станет. Нам придется отправиться туда, где будет размещен информационный центр.

— Нам? Что вы имеете в виду? О ком вы говорите?

— О нас двоих. О вас и обо мне. Теперь, когда у нас есть подтвержденный сигнал, наша интерпретационная команда и без меня отлично справится.

— Охотно в это верю. Но что вам делать на Ганимеде? Чемоданы мне подносить? Потому что я могу совершенно точно заверить вас в одном: на высшие уровни Сети Головоломок ни один человек не будет допущен без соответствующего послужного списка и поручителей.

Бледная физиономия Джека Бестона вдруг сделалась ярко-красной. Милли приготовилась к патентованной вспышке людоедского гнева, но ее не последовало. Вместо этого Джек перевел дыхание, после чего тихо сказал:

— Не сомневаюсь, что вы правы. Если я отправлюсь на Ганимед, то буду делать все самое полезное для интерпретации сигнала,— а затем, более настойчиво: — Милли, вы должны понять, каково мне сейчас. Проект СЕТИ страшно для меня важен. Я посвятил ему большую часть своей жизни и не могу вынести мысли о том, что буду находиться где-то еще, кроме самого центра событий.

— Когда я сюда прибыла, я тоже хотела посвятить проекту СЕТИ всю свою жизнь. Но в первые же несколько недель я почти рассталась с этой мыслью. Вы слишком долго управляли этим объектом, Джек Бестон. Это ваши деньги, это ваш проект, а станция «Аргус» — ваша станция.

— Ну и что? — он явно был озадачен.— Кому же еще, по-вашему, здесь управлять?

— Дело не в этом. Вам кажется, что раз вы здесь главный, вам следует обращаться со всеми как с последним дерьмом. И очень может быть, это так — пока вы здесь. Но если вы собираетесь отправиться со мной на Ганимед, а это очень большое «если», я больше не стану терпеть ваших оскорблений.

— Я вас оскорблял?

— Ну и ну! Конечно, оскорбляли. Вы всех оскорбляли. Люди остаются здесь только потому, что влюблены в свою работу.

Знаете вы о том, что когда мы были на станции «Цербер», Филип Бестон предложил мне остаться и с ним работать?

— Мой брат? Ублюдок!

— Да, Ублюдок. И должна вам сказать, меня терзало немалое искушение.

— Но вы ему отказали.

— Это правда. Я сказала ему «нет».— Милли никогда в жизни не упомянула бы адресованных ею Филипу Бестону слов о том, что Джек стоит десятка таких, как он.— А теперь я вам говорю — нет. Не смейте больше обращаться со мной как с ребенком. Не смейте больше унижать меня и третировать у всех на глазах. И не только меня. Постарайтесь удостоить ваших сотрудников того уважения, какого они заслуживают. Они чертовски компетентны, они напряженно работают и они заслужили ваше уважение.

Месяц тому назад за этими словами Милли последовало бы немедленное увольнение. Теперь же она ощущала, что расклад сил изменился. Джек Бестон нуждался в ней больше, чем она нуждалась в Людоеде.

Милли поняла свою правоту, когда Джек подался вперед, чтобы положить подбородок на кисти рук, скрещенные на спинке стула. Зеленые глаза воззрились на нее сквозь кустистые рыжие ресницы, и он сказал:

— Я назову вам одну персону, которая по-настоящему компетентна. Это Ханна Краусс. Она прочла все ваше личное дело от корки до корки, после чего мне сказала: «Рекомендую ее принять. Только не дурачь себя в отношении того, что ты при этом получишь. Она совсем молода, но она сущая тигрица. Она доставит тебе массу проблем».

— Я не тигрица.— Тут Милли припомнила слова дядюшки Эдгара: «Пусть они все думают, что ты мышка. Просто не говори им, что эти черно-желтые полоски значат. И ротик не открывай, когда улыбаешься».

— Отлично.— Джек встал.— Вы не тигрица. Когда мы доберемся до Ганимеда, я вам об этом напомню.

— Как, вы не собираетесь меня уволить?

— Не собираюсь.— На лице у Джека Бестона заиграла тайная улыбочка.— По крайней мере, сегодня. Возможно, я не такой хитромудрый, как Филип...

— Ублюдок.

— Да, Ублюдок. Но я все-таки знаю, когда лучше сидеть тихо. А тем временем у нас сегодня утром есть еще один повод порадоваться. Очистная бригада работала всю ночь, и сегодня они мне для начала позвонили. Они сказали, что сделали окончательный сигнал таким плотным и чистым, каким только возможно. Желаете посмотреть?

— Да! Боже мой, конечно!

— Я так и подумал.— Джек изучал ее лицо.— Но прежде чем мы туда отправимся, у меня есть другое предложение. На вид вы совсем изголодались. Мы с вами должны пойти и раздобыть что-то на завтрак. А пока мы будем есть, вы расскажете мне, что еще я делаю не так. Нет лучшего способа начать трудовую неделю.

Окончательный сигнал представлял собой цепочку из двадцати одного миллиона бинарных цифр. Он принимался снова и снова, пока наконец две недели тому назад не прекратился. Теперь с этого направления в небе не поступало ничего, кроме случайного шипения межзвездного фона.

Сигнал по-прежнему не был готов для анализа. Во-первых, он нуждался в коррекции. Некая усложненная версия закона Беллмана — «То, что я повторю тебе трижды, будет правдой» — была применена для обнаружения и исправления опущенных, добавленных или ошибочных цифр. Повторяющиеся цепочки цифра за цифрой сравнивались, и редкие расхождения исправлялись согласно принципу большинства. Арнольд Рудольф, на вид еще более древний и крошечный, чем всегда, просмотрел последний вариант и поставил на него печать своего одобрения. Вся последовательность была теперь свободна от ошибок.

— Но что касается того, что она означает...— Рудольф оглядел всех присутствующих.— Теперь все это переходит в ту сферу, где я уже не считаю себя экспертом. Скажу лишь то, что, не сомневаюсь, пришло в голову всем: последовательность из двадцати одного миллиарда бинарных цифр может содержать в себе весь человеческий геном, взятый трижды.

В добавление к Милли и Людоеду здесь присутствовали также Пат Танкард и Саймон Биттерс. Никто не рассмеялся. Арнольд Рудольф ссылался на предположение, почти столь же старое, что и сама СЕТИ: понятие о том, что первое послание со звезд может не быть рецептом ни для универсальной энциклопедии, ни для

сложного набора машин, а может содержать в себе информацию, требуемую для построения живого организма. Здесь делалось то серьезное допущение, что инопланетная жизнь, подобно жизни в Солнечной системе, должна строиться на основе четырехбуквенного молекулярного кода. Приписать пары бинарных цифр нуклеотидным основаниям; скажем, (0,0) = аденин, (0,1) = цитозин; (1,0) = гуанин, (1,1) = тимин; тогда любая последовательность, содержащая число бинарных цифр, кратное четырем, будет эквивалентна сегменту молекулы ДНК. Можно было бы составить эту молекулу ДНК, положить ее в подходящую среду для воспроизведения и посмотреть, что оттуда разовьется.

Никто на станции «Аргус» не посмеялся над замечанием Арнольда Рудольфа; с другой стороны, никто не воспринял его слишком всерьез. Идею следовало проверить — миллиард возможностей предстояло проверить при интерпретации,— но общее ощущение было таково, что игра вряд ли окажется такой легкой. Поиск сигнала занял полтора столетия. Поиск смысла мог занять не меньше.

Существовал и другой аргумент против того, что сигнал имеет биологическую природу. Если повернуть ситуацию наоборот и спросить себя, насколько ценно будет послать к звездам генетическое описание человека? Даже если какая-то инопланетная группа сможет расшифровать сигнал и обеспечить подходящую среду, в которой эмбрион сможет расти, в конце всех этих трудов у них окажется новорожденный младенец. Тогда инопланетяне узнают, как человек выглядит и функционирует, но ничего не выяснят о том, чему человечество как вид уже научилось. Гораздо уместнее было бы послать информацию о науке и технологиях, которую инопланетяне могут найти ценной.

Джек Бестон смотрел на экран, где демонстрировалась первая микроскопическая секция всей последовательности сигнала. На вид она казалась совершенно случайной цепочкой нулей и единиц.

— Разумеется, мы испробуем биологический подход, даже если мы все думаем, что он крайне маловероятен. Мы не можем позволить себе проглядеть что-либо только потому, что это напоминает тот способ, посредством которого мы развивались. Но я подозреваю, что мы более вероятно будем иметь какой-то прогресс с физикой и математикой.

Это также представляло собой стандартную ортодоксию. Биологические организмы склонны были оставаться специфичными к

своему планетарному происхождению. А физика и математика должны были быть одними и теми же по всей вселенной.

Остальные смотрели на Джека Бестона, ожидая дальнейших указаний. Когда он таковых не предложил, Пат Танкард нерешительно сказала:

— Мы уже знаем, что вся длина последовательности имеет умеренное число факторов — она определенно и не простая, и не в высокой степени составная. Я подумала о том, чтобы рассмотреть теорию разделения и первичной факторизации частей массива. Надо проверить, не напоминают ли какие-то из двумерных массивов что-то вроде картинки.

Джек кивнул.

— Очень хорошо, Пат, но, быть может, нам не следует зацикливаться на двумерных. В конце концов, наш неизвестный сигнальщик может происходить из птичьей породы и естественным образом мыслить в трех измерениях. Или вообще в одном.

После еще одного недолгого молчания Саймон Биттерс, который в своей обычной неугомонной манере бродил по комнате, вернулся к остальной группе, приложил указательный палец к кончику носа и произнес:

— Весь сигнал повторяется с периодичностью в двадцать один миллиард, но я подумал, что, вполне возможно, он не весь является информацией. Там могут быть маркерные подпоследовательности, вещи вроде кодонов конец-начало, которые указывают, где что-то значимое кончается и где начинается. Нам нужно поискать короткие повторяющиеся последовательности — образы, которые на самом деле ничего не означают, но которые снова и снова повторяются. Я подумал, что я пройду все это дело и изучу локальную энтропию, а затем посмотрю, не приведет ли это меня к повторяющимся индикаторам.

— Очень логично,— Бестон взглянул на лабиринт цифр на экране и покачал головой.— Удачи, Саймон. Но что касается вас всех, то я не стал бы ни к чему такому приступать, пока вы все хорошенько не отдохнете. Удача любит подготовленный ум, но открытие любит ум отдохнувший. И помните — нам эту лямку долго тянуть. Нам может повезти через несколько месяцев, но шансы скорее за то, что мы еще в годах от того, чтобы узнать, что же мы здесь получили.— Он повернулся к Милли.— Что-то еще, прежде чем мы дадим нашим усердным трудягам немного поспать? Они всю ночь были на ногах.

Милли покачала головой и позволила Бестону вывести ее наружу. Как только дверь в комнату закрылась, он подступил к ней вплотную.

— Вот, видели? Ласковый как ягненок, ни одного резкого слова. Вы ведь этого хотели, не так ли?

— Да,— Милли заколебалась.— Вы были вежливы и уступчивы. Но я не уверена, что с ними все в порядке. То есть, я знаю, что они не выспались, но их поведение все равно кажется каким-то странным. Они только что закончили важную работу. Но по их поведению этого никак не понять. Они какие-то вялые.

— Как будто что-то не так?

— Да.

— Очень тонко подмечено. Что-то и впрямь было не так.

— Но я не могу понять, что.

— Зато я точно знаю.

— Это из-за меня? Они на меня обижаются? Из-за того, что первой аномалию обнаружила?

Джек рассмеялся.

— Нет, Милли, вы тут ни при чем. Вы очень умны. Возможно, вы умнее всех, кто когда-либо работал на станции «Аргус», но они на это не обижаются. У вас также есть масса увлеченности и желания работать мозгами. И все-таки есть вещи, которых вы не понимаете.

Он оперся о стену коридора, взглянул на озадаченное лицо Милли и продолжил:

— Вы очень ясно все изложили перед тем, как мы туда пришли. Я Людоед, я монстр, я помыкаю своим персоналом, я дразню его и оскорбляю. А теперь позвольте я вам одну историю расскажу. Давным-давно, еще в те времена, когда люди только-только выходили в космос, шла гонка между двумя странами в отношении того, кто первым доставит человека на Луну.

— Мне об этом известно. Я много читала о тогдашней истории Америки и России.

— Могу поручиться, что того, о чем я собираюсь вам рассказать, вы не знаете, потому что этого никогда не было в официальных учебниках истории. Это передавалось из уст в уста. В самом начале казалось, что русские далеко впереди. Они запустили в космос первый искусственный спутник, первого человека и первую женщину. Затем человек, который в то время руководил

американской космической программой, принял неординарное решение. Он выбрал иностранца — немца, который воевал против американцев в недавней войне — и возложил на него всю ответственность за то, чтобы доставить людей на Луну и обратно. В личной беседе его спросили: «Черт побери, почему вы именно его выбрали? Если он потерпит неудачу, вас все в этой стране раскритикуют в пух и прах». Руководитель ответил: «Думаете, я этого не знаю? Но он не потерпит неудачу. Он слишком заносчив, чтобы проиграть». Понимаете, Милли, задача, которая перед нами стоит, в чем-то сродни их задаче. Она сложна, она требует передовой технологии, и мы страшно спешим. Большинство людей на станции «Аргус» не обладают вашей уверенностью в себе или особой верой в сам проект. Им нужен кто-то, кто во всем, что он говорит и делает, ясно показывал бы, что мы просто не можем потерпеть неудачу — а в этой игре прийти вторым значит проиграть.

Теперь, Милли, я хочу задать вам один вопрос. Вы слышали предложение Пат Танкард об изучении двумерных репрезентаций сигнала. Что вы о нем думаете?

— Если честно, не особенно впечатляет. Можно, конечно, посылать информацию в виде образов, но это чертовски неэффективно. Вообще-то картинка может стоит тысячи слов, но та, что с высоким разрешением, может стоить миллиона. В основном сообщения посылаются как слова и числа — или их эквиваленты. И то и другое требует одномерной цепочки данных.

— Вот именно. Поэтому один из нас — вы или я — должен был указать Пат на этот факт. Но мы этого не сделали. Как вы думаете, оказали мы ей услугу?

— Нет. Но она могла бы просто на что-то наткнуться.

— Могла бы. Но в этой игре все зависит от шансов на успех. Ради блага самой Пат Танкард я должен был ее осадить или по крайней мере предостеречь. Чуть позже я, вероятно, так и сделаю, но прямо сейчас у меня для вас есть еще вопрос. Вы слышали, как я буйствую и бушую, вы слышали, как я оскорбляю моих людей, вы слышали, что я страшный тиран. Так вот вам мой вопрос: когда меня нет рядом, слышали вы когда-нибудь обо мне хоть одно плохое слово?

Милли подумала. Самое странное заключалось в том, что ничего такого она не слышала. Вряд ли сюда стоило включать предупреждение Ханны Краусс насчет повышенного сексуального

интереса Людоеда к молоденьким сотрудницам. Ханна ясно дала понять, что у нее был свой опыт с Джеком Бестоном, но что она все равно высоко его ценит.

— Никто ни разу ничего плохого о вас не говорил. По крайней мере, при мне.

— А вот если я стану таким мягким и пушистым, каким был только что, они скоро начнут. Они станут задумываться, не начинаю ли я проигрывать. Знаете, Милли, наедине с вами я буду так ласков, как вам хочется — как вы позволите. Но на наших служебных совещаниях я должен быть тем кровожадным Людоедом, к которому привыкли люди. Я намерен и дальше гонять всех в хвост и в гриву. И пусть никто из них ни на миг не сможет себе вообразить, что мы не выйдем из этой гонки командой, которая первой нашла и разгадала послание со звезд,— он кивнул Милли.— Это все, что я должен был вам сказать. Свяжитесь с вашими друзьями в Сети Головоломок и посмотрите, не удастся ли вам как-нибудь пролезть в их группу. Если удастся, то помните, что я хочу отправиться с вами. И если потребуется, я готов, помимо всего прочего, ваши чемоданы таскать.

Джек быстро направился прочь по коридору, не дав Милли ни малейшей возможности ответить. Она немного там постояла, размышляя. Если по-честному, она даже не знала, каким должен был быть ее ответ. Полчаса тому назад Милли чувствовала, что полностью контролирует ситуацию. В ее руках была и инициатива, и преимущество. У Джека Бестона просто не оставалось выбора. Он должен был обращаться с ней, как она того хотела, иначе она бы уволилась и покинула станцию «Аргус».

Теперь же Милли не была уверена в том, что ей делать дальше. Она была уверена только в одном: Джек Бестон — по-прежнему Людоед, но, очевидно, Людоед добровольный — представлял собой более сложную личность, чем ей казалось. И из-за этого все решения Милли тоже становились более сложными.

24

По пути от Пандоры до Ганимеда Алекс послал одно короткое сообщение, а затем отключил коммуникационный блок. Теперь к нему могла пробиться только общая тревога по всей Солнечной системе.

Для такого шага у него были две причины, и в определенной степени ответственность за обе нес Сова. Во время их второй совместной трапезы Алекс описал последовательность событий, приведшую к его путешествию на Пандору. Сова слушал молча, а в самом конце сказал: «Такое ощущение, что все основные действия в вашей жизни целиком диктуются женщинами».

Это не на шутку его терзало. Алекс всерьез был настроен не соглашаться, пока хорошенько обо всем не задумался. Кейт, его матушка, Магрит Кнудсен, Люси-Мария Мобилиус: все они им помыкали. Он обожал бывать с Кейт, зато без всех остальных прекрасно мог обойтись. Алекс понимал, что как только его матушка выяснит, что он закончил свою встречу с Совой и возвращается домой, она тут же насядет на него с миллионом вопросов.

Существовал только один способ избежать того, чтобы тебя изводили. Алекс указал время прибытия своего корабля на Пандору и сообщил, когда он сможет появиться в корпоративном центре Лигонов. Затем он выключил коммуникационную систему. Алекс хорошо знал свою семью. Разумеется, все они соберутся на совет, страстно желая услышать, что он предпринял, и доходчиво разъяснить ему, почему это было так глупо.

На сей раз он их удивит. Алекс не только встретился с Совой, но к тому же, несмотря на дурацкую и несвоевременную выходку Гектора, почти убедил Сову дать «Лигон-Индустрии» доступ на Пандору, когда ей это понадобится. И Сова согласился на будущую встречу — на Ганимеде. Алекс добился куда большего, чем кто-то мог ожидать. Да, он не имел никакого отношения к новой активности Совы в Сети Головоломок — тут ему просто повезло. Но почему бы не поставить это себе в заслугу? Некоторые семейные почести ему уже давно причитались.

Второе замечание Совы было сделано во время их совместного обзора предсказательной модели Алекса, когда они вывернули основные допущения наизнанку в поисках причины, почему результаты для компьютеров, работающих внутри Цитадели, отличаются от результатов для компьютеров, которые использовали возможности Невода. Алекс тогда в порядке предположения сказал: «Что ж, мы можем быть уверены, что не это вызывает проблему». А Сова с великой торжественностью ответил: «Я убедился в том, что не существует такой вещи, как уверенность. Есть лишь разные степени неуверенности».

По пути домой Алекс рассмотрел каждую из «уверенностей», что служили фундаментом его модели, и подверг их внимательному изучению. Никаких великих откровений он не обнаружил, зато понял, что все больше и больше соглашается с Совой. Невод, тот самый инструмент, который позволял прогонять предсказательные модели с достаточным уровнем подробностей, мог вводить вариации, которых Алекс вовсе в виду не имел. Тысячи или даже миллионы новых баз данных, теперь ставших интерактивными, могли содержать в себе неверные факты или неразумные допущения. Алексу требовалось так модифицировать предсказательные модели, чтобы выводить на экран все данные, поставляемые Неводом, и проверять их, используя новые программы, которые ему самому следовало разработать. Ни один человек все необходимые проверки выполнить просто не мог.

Алекс уже почти наполовину проделал необходимые модификации, когда корабль пристыковался на Ганимеде. Обычно он терпеть не мог прерывать свою работу до ее окончания. Сегодня же ситуация была несколько иной. Сегодня у Алекса было, что рассказать своей семье. Это должно было произвести на них впечатление и сделать очевидным тот факт, что не вся его жизнь «целиком диктуется женщинами».

Входные процедуры в ганимедском доке задержали Алекса на несколько минут, а потому, опускаясь к корпоративному центру «Лигон-Индустрии» и нетерпеливо ожидая опознания дежурным Факсом в вестибюле, он порядком спешил. Как только его пропустили, Алекс в темпе протопал прямиком в конференц-зал — и резко затормозил за порогом.

Проспер Лигон сидел в конце длинного стола для совещаний. Один-одинешенек.

Алекс жестом указал на пустые кресла.

— Вы получили мое сообщение?

— Да, получили.— Вид у Проспера Лигона был не слишком довольный.— Каждый соответствующий член семьи был своевременно извещен. Что же касается того, где они все...— на длинной ослиной физиономии ясно проступила обида.— Должен заметить, Алекс, я просто теряюсь в догадках, что могло случиться с давней традицией семейной службы. Никогда не мог себе такого представить, но, пожалуй, ты — единственная персона, на которую в данный момент можно рассчитывать.

Такой комплимент Алексу показался довольно сомнительным. Однако, прежде чем он смог ответить, в наружном кабинете послышался какой-то шум. Затем в конференц-зал, широко ухмыляясь, вразвалку вошел дядюшка Каролюс.

— Вы уже слышали? — спросил он.— Классное зрелище — тысячи первосортных скандалов стоит.

— Каролюс, здесь проводится семейный совет — или предполагается, что проводится.— Проспер Лигон взмахом руки предложил дядюшке Каролюсу садиться.— Прошу тебя уделять упомянутой оказии то уважение, какого она заслуживает.

— Ты ведь еще ничего не видел, так? — Каролюс плюхнулся в свое обычное кресло.— Да, Проспер, скажу тебе, сегодня для Лигонов просто великий день. Мы больше никакой не номер девятый. Если вы сегодня по делам бизнеса не на номере восьмом, я свою задницу на благотворительность отдам.

— Каролюс!

— Послушай меня, Проспер. Тебе бы сейчас следовало от радости на столе плясать. «Сильва-Симбионты» по уши в дерьме. Все это случилось в самой популярной инфостудии — там как раз шел утренний выпуск Ланары Пинчбек. Она там сидела и несла какую-то безмозглую чушь про грубые по стилю фасоны Каллисто, а потом вдруг заткнулась. Дальше она просто открыла рот и так и сидела. Мы добрых тридцать секунд мертвого эфирного времени наблюдали ее язык и миндалины. Картинка того стоила. А потом Ланара поперхнулась, и такая жирная белая тварь вроде личинки, толще моего большого пальца, выползла у нее изо рта и плюхнулась прямо на столик. Тварь все корчилась, а Ланара принялась кровью харкать.

— Ты хочешь сказать, что Ланара Пинчбек — симбионт?

— Боже милостивый, Проспер, ты что, совсем слепой? С первого взгляда можно понять, что она симбионт. Она старше первородного греха, и никто в ее возрасте просто так оставаться свежим и цветущим нипочем бы не смог. Хотя по видео она цветущей уже не казалась. Ее выволокли ногами вперед — в прямом эфире. И камера все возвращалась к той здоровенной и жирной твари вроде личинки, белой, слепой и сморщенной. Она все ползала там по столу — совсем как гигантский вялый пенис.

— Двуустка,— сказал Алекс.— Одна из крупных зрелых форм, что живут внутри симбионтов. Возможно, та, что над печенью.

Каким-то образом она пробралась в легкие или в кишечник, а оттуда вышла наверх.

— Не знаю, откуда она там вышла, и, честно сказать, мне без разницы. Главное — куда она потом направилась. Прямиком на столик. Плюхнулась как кусок дерьма,— Каролюс крепко хлопнул ладонью по столу.— Да, я вам скажу, показ этой жирной корчащейся твари в прямом эфире живо вышибет дно у «Сильвы». Они всегда преимущества демонстрируют, но никогда то, что у симбионта внутри творится. А там такое творится... Ставлю тысячу колов, что они сегодня ноль целых ноль десятых новых контрактов получат.

— Моя матушка...— начал Алекс.

— ...и Агата,— добавил Проспер.

— Ага, зуб даю. И Юлиана тоже.— Каролюс фыркнул от смеха, а затем сказал: — Ладно, извините. Брось, Алекс, не унывай. Я видел всех троих — как раз после того, как они все это шоу посмотрели. Беспокоиться нечего — они так перепугались, что куда скорее белыми были, чем желтыми. И никакие гигантские вялые члены у них из тех дыр, которые я видел, не выползали. Короче говоря, они самым капитальным образом сдрейфили и направились прямиком в контору «Сильвы». Ведь тут речь идет не просто о гарантиях возврата денег. Речь идет о крупных судебных преследованиях. Одна Ланара Пинчбек за публичное унижение, личные унижения и падение публичного рейтинга будет судиться. А ее адвокаты еще полсотни таких вещей добавят, о которых вы даже понятия не имеете.

— Это объясняет отсутствие трех членов семьи,— Проспер Лигон, похоже, был совершенно не склонен плясать от радости на столе, как предложил ему Каролюс.— Недостает и других людей. Ты не знаешь, где может быть Кора?

— Она с Агатой пошла — якобы для обеспечения моральной поддержки. Но на самом деле Агата уже, по-моему, свое получила. Так что я прикидываю, что Кора просто захотела хорошенько поржать и посмотреть, что из всего этого выйдет.

— А Натали и Рашель?

— Без понятия. Они так капитально обгадились на этом дельце с Пандорой, что теперь, наверно, боятся на глаза показаться.

— Что ж, неудивительно. И, раз уж речь зашла о Пандоре...— Проспер Лигон повернулся к Алексу. Но прежде чем Алекс, уже предвкушая момент своего величия, смог заговорить, Каролюс снова вмешался.

— Да-да, и вот ведь еще сюрприз. Я довольно часто всякие гадости говорил про Гектора. Но теперь, может статься, придется сменить мотив. Гектор здесь по уважительной причине отсутствует. Он под арестом сидит. За атаку Пандоры и «попытку запугать арендатора». Таково официальное обвинение. Но знаете, что самое интересное? Все это, похоже, сработало.

— Погодите минутку! — Алекс с трудом верил своим ушам.— Гектор выкинул на Пандоре бесцельную глупость! Он запросто мог мне все переговоры испортить!

— А по-моему, Гектор с толком постарался. Разве не правда, что теперь этот самый арендатор, Свами как бишь его, думает покинуть Пандору и прибыть на Ганимед? Именно это передали по информационной сети компании.

— Что ж, это правда. Но никакого отношения к Гектору это не имеет.

— Ну, не знаю. Сообщалось все именно так. И Люси-Мария Мобилиус целиком разделяет мое мнение. Она убеждена, что Гектор провернул все это ради нее. Чтобы «доказать, что он ее достоин», как она говорит. Она уже в пути — летит спецрейсом туда, где Гектора в клетке держат. Да, скажу вам, сегодня просто великий день для семьи. «Сильва-Симбионты» по трубам текут, Гектор удачно на Пандору залетел, а Лигоны с Мобилиусом сливаются. Люси-Марии, похоже, глубоко плевать, что Гектор не особо смышленый. Сказать по правде, она и сама, по-моему, малость не того. Мозги свои может вместо требухи продавать, и у нее купят. Но раз они друг другу подходят, мне этого достаточно. Нам теперь только свадебных колокольцев не хватает. Знаете, давайте прямо сейчас закроем всю эту ерунду и отправимся куда-нибудь отпраздновать это дело,— Каролюс повернулся к Алексу.— Если только ты нам больше ничего рассказать не хочешь.

— Хочу. Это насчет визита Свами Савачарьи на Ганимед. Я собираюсь организовать все так, чтобы он...

— Все в свое время. Он еще даже с Пандоры не вылетел. Вот когда вылетит, тогда и поговорим. Лично я отсюда сматываюсь.

И Каролюс бодро понесся прочь из конференц-зала. А Проспер Лигон бросил гневный взор на Алекса.

— Несмотря на избыточный энтузиазм Каролюса, я ничего праздновать не намерен. Однако мне ясно, что нет смысла продол-

жать семейный совет, который сама семья не удостаивает своим посещением. Данное собрание закрыто.

Он встал. И десять секунд спустя Алекс уже сидел один за длинным столом.

Гектор. Гектор — герой. Боже, если ты только над этим не смеешься, ты должен рыдать. Алекс мог видеть только одно утешение. На какое-то время все семейство слезло с его горба. Его матушка была теперь куда более озабочена тем, что из всех ее отверстий поползут гигантские червяки, нежели чем-то, связанным с Алексом.

На следующие несколько дней Алекс оказывался достаточно свободен, чтобы сосредоточить все свои мысли на довольно серьезном вопросе: будущем Солнечной системы.

По пути к лабораториям передового планирования Алекс немного беспокоился. Пожалуй, ему следовало сказать Кейт, когда он рассчитывает прибыть домой, потому что она тоже наверняка захотела бы узнать обо всем, что приключилось за время его вояжа.

Выяснилось, однако, что это не так важно. Кейт работала за компьютером у себя в кабинете. Она была так занята, что лишь кивнула Алексу и сказала:

— Слава Богу, наконец-то я могу воспользоваться более светлой головой, чем моя. У нас проблемы. Сядь.

Алекс сел. То, что было перед Кейт на дисплее, подозрительно напоминало результаты его собственной предсказательной модели.

— Что происходит?

— Хотела бы я знать,— откинув светлые волосы со лба, Кейт крутанулась в кресле, чтобы оказаться к нему лицом.— Ты знаешь, что Магрит Кнудсен велела Оле Педерсену узнать все, что только можно, о твоей модели и о том, как она работает?

— Конечно, знаю. Ведь я сам выдал ему копию программы, разве ты не помнишь?

— Ну так вот. Он взял эту копию и для начала ее прогнал.

— Я бы и сам то же самое проделал. Надо же убедиться, что то, что тебе дали, работает.

— Верно,— глаза Кейт, обычно такие чистые и ясные, были налиты кровью. Должно быть, она уже несколько дней не спала.— И программа действительно работает — точно так же, как она работала и у нас. Педерсен использовал те же самые параметры

ввода, и результаты предсказали коллапс Солнечной системы с вымиранием всего человечества.

Алекс хотел рассказать Кейт про аномальные результаты прогонов на компьютерном ресурсе Цитадели, где человеческой цивилизации предсказывалось замечательно расти и процветать по меньшей мере еще столетие.

Он открыл было рот, чтобы заговорить, но Кейт его опередила.

— К тому времени, как Педерсен закончил финальный набор прогонов, он уже по уши зарылся в теорию, изложенную в твоих документах. Я никогда не отрицала, что он умен, даже если он вообще-то ненадежный раздолбай. Он день и ночь над этим корпел — думаю, надеялся найти какую-то фундаментальную ошибку в твоей работе. Но нашел он то, чего найти никак не ожидал. Твоя теория абсолютно безупречна. На прошлой неделе, когда ты был на Пандоре, Педерсен пришел ко мне в кабинет и сказал, что полностью изменил свои взгляды. Теперь он верит в твою модель.

— Вот и чудесно.

— Можно и так подумать. Но Педерсен теперь обеспокоен не меньше меня, потому что он сделал еще одну вещь. Он дал копию твоей программы Маканелли.

— Должно быть, он из ума выжил. С таким же успехом мою программу можно было отдать дрессированной обезьяне.

— Педерсен это лучше кого-то другого знает. Похоже, он никаких особых целей не преследовал, а просто дал Маканелли копию, чтобы хоть как-то его занять и ненадолго от него отделаться. Так что Маканелли тоже прогнал твою программу.

— И получил другие результаты?

— Нет. Он получил в точности то же, что и мы. То же, что и Педерсен. Но Маканелли следит за выпусками инфостудий, особенно самых одиозных. Он услышал о сигнале СЕТИ, который якобы пришел со звезд.

— Аномалия Ву-Бестона. Похоже, это может быть реально.

— Реально это или нет, но где-то в джунглях мозгов Маканелли что-то такое прозвенело. Он уже слышал о том, что инопланетяне возникают в одном из предсказанных вариантов будущего.

— Тут я виноват. Я включил в один из отчетов фразу о том, что они проявились в одной из отброшенных проекций с высокой степенью вероятности. Но о сигнале СЕТИ я нигде ни слова не говорил.

— С такими, как Маканелли, тебе этого и не требуется. Он тупой, но упорный. Он проделал то, чего мне даже в голову не пришло бы проделать. Маканелли вышел в Невод и запросил там полную последовательность сигнала СЕТИ — двадцать один миллиард цифр, как я понимаю,— обеспеченную в форме доступного ввода в твою предсказательную модель.

— Это полное безумие. Последовательность сигнала СЕТИ не является базой данных. Ни у кого понятия нет о том, содержится ли там реальное сообщение. Если оно там есть, никто пока не знает, как его прочесть.

— Вот именно. Полное безумие. А теперь послушай про случай еще более полного безумия. Когда Лоринг Маканелли прогнал твою предсказательную модель, не внося в нее никаких перемен, кроме доступа к сигналу СЕТИ, он получил совершенно другие результаты. Вместо коллапса и вымирания человечества уже через полстолетия все остается в разумных рамках и продвигается вперед так замечательно, как только можно было бы пожелать.

Смех Кейт при виде вытянувшейся физиономии Алекса был слишком нервным, чтобы послужить утешением.

— Все верно, любимый. Именно Лоринг Маканелли обнаружил тот волшебный фокус, который стабилизирует твою модель. А Маканелли, как мы очень любим друг другу говорить, полный дебил. Так что ты обо всем этом думаешь, Алекс? Добро пожаловать домой. Присоединяйся к сумасшедшему дому.

25

Яна чувствовала, что всю свою жизнь сражалась, защищая Себастьяна. Вышел у нее краткий отпуск, волшебная пара недель с Полом Марром. А затем ЛВС «Ахиллес» выполнил свой пертурбационный пролет через верхние слои атмосферы Юпитера — и она внезапно вернулась к своему прежнему занятию.

— Почему ты это сделал, Себастьян?

Яна уже в сотый или в тысячный раз задавала этот вопрос, правда, до этого — у себя в голове, где никаких шансов получить ответа не было. Теперь она не ожидала более удовлетворительного результата, но просто не знала, что ей еще делать.

Они по-прежнему находились на Ганимеде, проживая в секции всего в четырех уровнях под наружной поверхностью спутника.

Секция эта называлась изолятором научно-исследовательского центра, но, насколько понимала Яна, для Себастьяна это была тюрьма. Ему не позволялось оттуда выходить. Неясно было, позволят ли ему вообще когда-то оттуда выйти.

Яна располагалась отдельно. Пол настойчиво предлагал ей отправиться вместе с ним, пообедать в ресторане «Чрево кита», а затем совершить обзорную экскурсию по пещерам Ганимеда. Он подчеркнул, что никто и никак не критиковал ее поведения, и что пока не будет принято решение о том, направятся они с Себастьяном на метеорологическую станцию в системе Сатурна или нет, она была вправе делать то, что ей заблагорассудится, и гулять там, где ей охота.

У Пола оставалось полторы свободных недели, прежде чем «Ахиллес» уйдет в свой очередной рейс к Внутренней системе. Почему бы не провести это время вместе? Они славно развлекутся и лучше узнают друг друга.

Яна хотела развлекаться, но не могла. И не считала себя вправе. Она объяснила Полу, что пока она не узнает, что с Себастьяном не так, и не поймет, почему он пытался открыть тот люк, она просто не сможет ничем наслаждаться.

Она подумала, что Пол может попытаться ее от этого отговорить и испытала облегчение, когда он этого делать не стал. Но Яна знала, хотя никто из них об этом не сказал, что если она теперь уйдет, с их романом будет покончено.

Когда она сказала Полу, что отправляется в тот изолятор, где держат Себастьяна, он какое-то время сидел молча. Затем он взял ее ладони в свои.

— Я понимаю тебя, Яна. Делай, что должна. Но не забывай, что у тебя тоже имеется право на жизнь. Ты слишком редкостна и драгоценна, чтобы вот так бросаться собой.

«Право на жизнь». Воспользуется ли она им когда-нибудь? Яна как можно скорее рассталась с Полом, прежде чем он успел ее на прощание поцеловать, прежде чем она смогла бы передумать.

А теперь, оказавшись рядом с Себастьяном, она наконец задала вопрос напрямую:

— Почему ты это сделал, Себастьян? Почему ты попытался тот люк открыть?

Он уставился на нее с мечтательным выражением на круглом лице.

— Не знаю, Яна. Не помню. Наверно, я хотел посмотреть на облака.

— Но ведь ты в любом из смотровых окон мог увидеть эти облака. Если бы открыл люк, ты бы погиб. И другие бы тоже погибли.

— Я знаю. Но Яна, я не хотел никому вредить.

Это была правда. Себастьян никогда никому сознательно не вредил и никогда бы не стал. Но старый страх пожирал Яну. У Себастьяна были серьезные проблемы, и на борту «Ахиллеса» они чуть было не стали фатальными.

— У нас здесь все медицинские документы,— Вальния Блум сидела рядом с Яной. Она больше, чем когда-либо, походила на изможденный труп.— Доктор Криста Мэтлофф, которая тестировала вас в медицинском учреждении на земной орбите, выслала весь набор копий. Итак, Себастьян, мы намерены повторить все тесты, которые были проделаны там, плюс еще ряд других. Ты не против?

— Нет, конечно,— похоже, вопрос его удивил.— Все, что вы захотите сделать, мне годится.

Вальния Блум бросила косой взгляд на Яну.

— Тесты будут как физическими, так и интеллектуальными. Они не будут болезненными, но займут долгое время.

— Я останусь,— Яна ответила на незаданный вопрос. К ее великому облегчению, никто не поставил под сомнение разумность того, что им с Себастьяном вообще позволили покинуть Землю.

Что же с ним все-таки было не так? Не было ли это связано со странными функциями медиатора внутри его головного мозга? Вполне возможно, однако это также могло иметь отношение к тем крошечным неорганическим узелкам, что были обнаружены в его лейкоцитах. И не были ли обе эти особенности связаны с ранним детством Себастьяна, когда он беспомощно бродил среди диких тератом по опустошенному ландшафту Северного полушария Земли?

К удивлению Яны, Вальния Блум протянула руку и похлопала ее по ладони.

— Не теряйте надежду,— сказала она.— Мы непременно все выясним. Поверьте, я испытываю не меньший интерес к разрешению этой загадки, чем вы или сам Себастьян.

Доктор Блум говорила с уверенностью, однако трое суток спустя надежда Яны почти что испарилась. Не имея других занятий,

она без конца торчала в лаборатории, где тестировали Себастьяна. Вальния Блум, должно быть, поговорила с сотрудниками, поскольку Яне позволяли изучать любые результаты и отчеты.

Большинство их представляли собой сложные мозговые записи и сканирования, в высшей степени сложные образы, которые ни для кого, кроме специалистов, ровным счетом ничего не значили. Самым ощутимым свидетельством аномальности оставались любопытные темные узелки внутри лейкоцитов. Яна прочла целую стопку отчетов. Хотя узелки были неорганическими и не выполняли никакой очевидной функции, они никогда из тела Себастьяна не выделялись. Когда клетка, в которой они находились, умирала, крошечные шарики невесть каким образом реабсорбировались и соответственно занимали свое место в новой клетке. Автор одного отчета предположил, что эти узелки могут присутствовать в теле Себастьяна, не меняясь по форме и числу, с самого раннего детства.

В отчете также задавался вопрос, почему эти аномалии не были обнаружены давным-давно. Яна могла на этот вопрос ответить. Когда их с Себастьяном спасли и переправили в лагерь для перемещенных лиц в Гусвике, на уме у обитателей измочаленной Земли были совсем другие материи. Например, борьба за жизнь.

В дополнение к химическому анализу несколько образцов аномальных телец были разделены надвое. Яна взяла сильный микроскоп и вгляделась в разрез на одном из узелков. Он образовывал идеальную сферу, и эта сферическая природа распространялась на всю его внутреннюю часть. Концентрические оболочки материала, призматически поблескивающие под ярким освещением микроскопа, переливались разными цветами точно крошечные колечки самоцветов.

Яна не в силах была понять большую часть технических комментариев по поводу образцов, которые она изучала, но в одном из отчетов Вальнии Блум имелись необычно прямые и точные итоговые замечания: «Структура всех узелков идентична, проста и четко определена. Они представляют собой сферы, радиально пронизанные тонкими канальцами, идущими до самого центра. Химический состав узелков был проанализирован и точно установлен. Возможные их функции остаются загадкой».

Яна так долго и упорно вглядывалась в микроскоп, что ее зрение стало затуманиваться. Она подняла голову, плотно зажмурилась и принялась яростно тереть глаза.

Она по-прежнему этим занималась, когда вдруг почувствовала, что кто-то трогает ее за плечо. Яна резко развернулась, пульс ее участился. Она почему-то была уверена, что это Пол.

Это оказалась Вальния Блум. Изможденная покойница увидела выражение лица Яны и покачала головой.

— Извините. Хотите, чтобы я ушла?

— Нет-нет. Все в порядке. Я просто подумала... что это не вы,— Яна знала, что ее глаза, должно быть, страшно покраснели от растирания.— Со мной все хорошо,— продолжила она.— Просто я слишком много времени глазела в микроскоп. На эти маленькие сферические штучки.

— Я тоже. И все мы,— не дожидаясь приглашения, Вальния Блум села рядом с Яной.— Я не хотела вас пугать или прерывать ваших занятий. Тем не менее, нам с вами нужно поговорить.

Сердце Яны снова запрыгало, но уже от других эмоций.

— С Себастьяном все в порядке?

— Это смотря что иметь в виду под порядком. Физически он в превосходном состоянии — здоровее любого из нас. Но я предвижу проблемы.

Сегодня Вальния Блум носила кроваво-красный головной платок, который еще больше подчеркивал ее острые скулы и мертвенно-бледное лицо.

— Пока мы были заняты в лаборатории,— продолжила она,— служба безопасности Ганимеда проделала поминутную реконструкцию того, что произошло на борту ЛВС «Ахиллес» во время приближения к Юпитеру и атмосферного пролета.

Результаты получились просто пугающие. Сотрудники вычислили, что если бы у Себастьяна была возможность поработать с третьей пломбой еще десять секунд — а они не увидели никаких оснований предполагать, что он собирался остановиться,— он вскрыл бы этот люк. Обычно пробой люка не может уничтожить целый корабль. Переборки автоматически задраиваются, когда чувствуют потерю давления, и большая часть отсеков остается герметичной. Но обычно корабль летит в вакууме. Мы же скользили сквозь верхние слои атмосферы Юпитера, а там сплошной водород. Статический заряд на «Ахиллесе» мог вызвать кислородно-водородный взрыв, достаточно серьезный, чтобы проделать пробоину в корпусе. После этого весь корабль взорвался бы и рухнул к более глубоким слоям Юпитера. Сомнительно, чтобы

кто-то на судне успел понять, что случилось. «Ахиллес» погиб бы слишком быстро для любого аварийного сигнала.

Яна знала, что была близка к смерти, но только теперь она впервые осознала, насколько близок к катастрофе был весь корабль. Страшась этого вопроса, она все же спросила:

— Себастьяну предъявлено официальное обвинение?

— Нет, не предъявлено,— Вальния Блум чуть ли не до крови кусала свои тонкие губы.— И не будет предъявлено. Официальное заключение таково, что Себастьян не может быть ни в чем обвинен, ибо он умственно отсталый, а следовательно, не отвечает за свои действия.

— Но он не умственно отсталый. Я хочу сказать, он не глупый. Если они говорят, что он умственно отсталый, то это неправда.

— Согласна. Если помните, еще на Земле я вас обоих тестировала. В то же самое время я оказалась в невыносимом положении. Я не смогла объяснить следственной бригаде, почему Себастьян столь очевидно шел на самоубийство. Также я обязана была сказать им об особенностях мозговой структуры, обнаруженных доктором Кристой Мэтлофф еще до того, как вы покинули земную орбиту.

— Они ничего не значат. Я знаю Себастьяна с тех пор, как мы были детьми. Он думает так же хорошо, как и все остальные, просто по-другому, чем большинство людей.

— По-другому, и в некоторых отношениях лучше. Его интуитивное восприятие поведения сложных гидродинамических систем просто поражает. Это с самого начала меня заинтриговало и дало первичный импульс тому, чтобы одобрить перемещение вас обоих во Внешнюю систему. Тем не менее, проблема у меня по-прежнему остается. Существует еще один шаг, который я хотела бы предпринять с Себастьяном, и на который он уже согласился. На самом деле, он кажется совершенно безразличным ко всему, и это не может не беспокоить.

— Да, Себастьян такой. Он никогда не волнуется.

— Судя по всему, никогда. Однако, ввиду официального заключения о неспособности Себастьяна отвечать за свои действия, я не могу перейти к чему-либо, основываясь только на его согласии и на моем ощущении, что это может пойти ему на пользу. Вы считаетесь самым близким ему человеком.

— Ближе меня у него никого нет. И не было.

— Поэтому было решено, чтобы я попросила вашего согласия.

— На что?

Вальния Блум сделала жест в сторону микроскопа.

— Вы изучали те маленькие неорганические сферы, что рассеяны по всему телу Себастьяна?

— Я как раз их разглядывала, когда вы вошли. И еще я прочла ваш отчет. Я не знаю, что они из себя представляют. Но вы тоже.

— Если выразиться более точно, мы знаем, что они из себя представляют, но мы понятия не имеем о том, каковы их функции. Однако, поскольку они остаются химически инертными, никакой роли в общем обмене веществ они не играют. Я бы хотела выяснить возможность промывки Себастьяна.

— Чего-чего?

— Извините, это обычный медицинский термин. Я бы хотела, чтобы вы обдумали перспективу полного удаления этих загадочных узелков из его тела. Всех до единого.

— Но зачем, если они не причиняют никакого вреда?

— Я не уверена, что они его не причиняют. Я только сказала, что они не играют никакой роли в обмене веществ. Но мозг — очень тонкий орган, и его работа зависит от циркулирующих внутри него микроскопических электрических токов. Узелки также присутствуют и там, и они определенно обладают электромагнитными свойствами.

— Вы думаете, именно из-за них результаты неврологических тестов Себастьяна так необычны?

— Я бы не стала делать столь сильных заявлений. Я бы лишь сказала, что разрушение и удаление этих узелков — предполагая, что это можно проделать — устраняет один возможный источник изменчивости. Я не вижу, как это может повредить Себастьяну, зато это может ему помочь.

Звучало все довольно неплохо, но Яна за долгие годы выучилась быть осторожной. В прошлом разные люди слишком много раз предлагали для Себастьяна различные «терапии», чтобы «сделать его более нормальным». Некоторые из этих терапий, невзирая на протесты Яны, были проведены. Ни одна не внесла ни малейшего изменения.

— Как вы это проделаете и сколько времени это займет?

— Я могу ответить на ваш первый вопрос, но не на второй. Разрушение этих узелков внутри тела Себастьяна, чтобы затем их

удалить, станет тонкой операцией. Нам придется впрыснуть в него целый набор заранее изготовленных нан. Они будут предназначены для обнаружения узелков, инкапсулирования каждого и разрушения. Затем наны перенесут каждую капсулу сквозь стенку клетки в кровоток и направят в почки.

— Это будет безопасно?

— Абсолютно. Дело в том, что каждая обволакивающая капсула совсем крошечная и при температуре тела химически инертная. Себастьян просто выделит их вместе с мочой.

— А сколько это займет времени?

— На этот вопрос я, пока что, ответить не могу. Во-первых, нам нужен набор специально изготовленных нан, предназначенных для решения именно этой специфической задачи. Ничего подобного пока не существует, но я уже разговаривала с главным нанодизайнером. Гарольд Лониус считает, что при нынешних возможностях решение данной задачи вполне осуществимо. Его оптимальная прикидка составляет три-четыре недели на разработку и тестирование.

— А пока все это будет проделываться?

— Себастьян останется здесь. Вы вправе приходить и уходить, когда пожелаете, а я буду максимально возможное время с ним работать. С ним и для него.

Итак, Вальния Блум, по каким-то собственным причинам, весьма высоко ценила умственное и физическое здоровье Себастьяна.

— Скажите, доктор Блум,— спросила Яна,— а если тесты пройдут хорошо, что тогда?

— Тогда Гарольд Лониус введет в Себастьяна партию заранее изготовленных нан. Эти наны будут самовоспроизводящимися и запрограммированными на прекращение данной операции, как только они достаточное число раз себя скопируют. Далее они станут выполнять задачу инкапсулирования, разрушения и выделения, пока все узелки не выйдут из тела Себастьяна. В этот момент наны сами сделаются нефункциональными и, в свою очередь, будут выделены посредством нормальных телесных функций. Вся операция, согласно Лониусу, займет не более недели с момента первоначальной инъекции до окончательного выделения нан. Естественно, мы выполним весь набор сканирований и биопсий, чтобы убедиться в том, что все узелки действительно исчезли. Затем мы снова проведем весь комплекс мозгового ска-

нирования и прочих тестов, надеясь, что на сей раз результаты Себастьяна окажутся больше похожи на результаты других людей.

Яне по-прежнему не нравилась идея введения в Себастьяна чужеродных телец и позволения им поднимать бунт по всему его телу.

— А как насчет закона Фишеля? Не окажутся ли эти наны слишком умны?

— Никоим образом не окажутся. Вам не следует беспокоиться, что они выйдут из-под контроля. Они буду предназначены для выполнения одной-единственной функции и не смогут выполнить какую-либо еще.

— Предположим, я не соглашусь на это пойти. Какой у нас еще остается выбор?

Вальния Блум старательно избегала глаз Яны.

— Вообще-то я надеялась, что вы не станете задавать этот вопрос. Но я могу на него ответить. Никакого реального выбора у нас нет. Если только не будет проделано что-то наподобие промывки всего тела и если мы не сможем доказать ее эффективность, служба безопасности Ганимеда никогда не выпустит Себастьяна на свободу. Он останется здесь или в каком-то схожем закрытом учреждении и проведет под строгим надзором всю оставшуюся жизнь.

— Выходит, у меня нет никакого выбора, не так ли? Ради самого Себастьяна я должна позволить вам продолжать.

— Очень хорошо. Поскольку данная встреча записывается, с вашей стороны нет необходимости в каких-либо других действиях. Однако должна сказать вам еще одно. Это уже относится не к благополучию Себастьяна, а к вашему собственному.

— Да? — Яна мгновенно насторожилась. Люди что-то делали для тебя только за тем, чтобы продвигать собственные программы.

— Вы, исключительно по вашей собственной воле, с самого детства заботились о Себастьяне. Я уверена, что вы хотели для него только хорошего, однако ваши действия имели неблагоприятный побочный эффект. Себастьян так и не развил в себе способности принимать собственные решения.

— Нет! Вы все с ног на голову поставили. Я заботилась о нем, потому что он не мог за собой следить.

— Это вы так считаете. А я придерживаюсь иного мнения. Ранее я сказала, что пока наны будут разрабатываться, вы будете вольны приходить и уходить, когда пожелаете. Это мое заявление

остается в силе. Однако, я убедительно настаиваю, чтобы вы держались подальше от Себастьяна. Позвольте нам выяснить, как он ведет себя без вашего постоянного руководства.

Яна ощутила прилив гнева, сильного и иррационального.

— Давайте выясним, как Себастьян ведет себя без ВАШЕГО постоянного руководства. Вы думаете, что он теперь ваш — с тех самых пор, как мы покинули Землю.

Краска, которая прилила к щекам Вальнии Блум, превратила ее из безжизненного трупа в уязвимого человека.

— Я думаю о нем как об объекте моих исследований,— голос ее задрожал, и она встала.— Себастьян Берч для меня только экспериментальный объект, и никогда ничем большим не будет. А вот о вас я этого сказать не могу. Себастьян Берч — ваша навязчивая страсть. Позвольте мне дать вам совет: найдите себе жизнь! Совершенно очевидно, что в данный момент вы таковой не имеете.

Вальния Блум ушла, прежде чем Яна смогла ответить. Несколько мгновений спустя Яна поняла, что ответить ей по большому счету нечего. Фраза «найдите себе жизнь» от доктора Блум по сути просто повторяла чуть более раннее замечание Пола: «Не забывай, что у тебя тоже имеется право на жизнь».

Яна уставилась на микроскоп. Рядом также лежал озадачивающий набор мозговых сканирований и отчетов. Что она делала в этой лаборатории? У нее не было должной квалификации, чтобы здесь находиться. Конечно, ее присутствие терпели — но все прекрасно знали, что ей нечего предложить. Яна не была научным сотрудником или медицинским специалистом. Любое лечение, которое она предложила бы для Себастьяна, могло убить его с той же вероятностью, что и вылечить.

Яна встала. Как там назывался ресторан, о котором упоминал Пол? «Чрево кита»? Почти наверняка было уже слишком поздно. Оставался крайне мизерный шанс, что она его там найдет. С другой стороны, Яне совсем не обязательно было искать его именно там. Кто-нибудь на «Ахиллесе» сможет подсказать ей, где его найти.

А потом?

А потом Яна была намерена основательно подурачиться. Быть может, именно в этом заключался смысл слов «найдите себе жизнь».

26

Решение Совы было принято несколько недель тому назад. Теперь же, по мере того как время отбытия на Ганимед все приближалось, его нежелание покидать Совиную Пещеру непрерывно усиливалось.

Сова бродил по всей длине главного зала, видя там не столько те артефакты, которые были собраны, а те, которых недоставало. Вот было свободное место для капсулы жизнеобеспечения с грузового корабля под названием «Океан». Из фрагментарных и перепутанных записей Сова был убежден, что с полдюжины тех капсул по-прежнему существует, плавая где-то в космосе со своим человеческим грузом. Он, кстати говоря, сильно сомневался, что тот груз был мертв. Но так или иначе, сама капсула стала бы редким сокровищем.

Следующее свободное место вызывало куда больше вопросов. Существование данного артефакта поддерживалось лишь тонкой паутинкой непрямых свидетельств. Если, согласно слухам, разум КБЭ все-таки был создан, это событие должно было произойти лишь в самые последние дни Великой войны.

И куда он мог деться? Продолжительное существование конденсата Бозе-Эйнштейна необходимого объема, разумного или нет, требовало поддержания его при температурах, находящихся в миллиардных долях градуса от абсолютного нуля. Никакая природная среда во вселенной не предлагала ничего холоднее микроволновой фоновой радиации с 2,7 градуса Кельвина. Разум КБЭ потребовал бы специальной искусственно охлаждаемой установки, размещенной, скорее всего, внутри одного из природных тел, что плавали за орбитой Нептуна. Оружейники Пояса, как доподлинно знал Сова, оборудовали далеко в той внешней тьме по меньшей мере две научно-исследовательские лаборатории. В один прекрасный день, по мере того как границы цивилизации равномерно расширяются, эти лаборатории будут обнаружены. А тогда, если они и впрямь содержат в себе разумный КБЭ, его обнаружение вызовет настоящую баталию в среде коллекционеров реликвий Великой войны — если только сам этот разум не окажется способен представить собственные аргументы на предмет продолжения независимого существования.

Третьей трепетно ожидаемой святыней являлось неизвестное абсолютное оружие Надин Селасси, предмет недоказанного суще-

ствования и неизвестной природы. Глазея на пустое место, Сова попытался представить себе его содержимое, но тут по всему залу прозвучал индивидуальный сигнал Морда.

— Я сейчас буду с вами,— со всеми звонящими Сова мог сообщаться устно из любой точки Совиной Пещеры, однако визуальная связь требовала его присутствия в одном из двух коммуникационных центров.— Выбор времени очень удачен. Через восемь часов я покидаю Пандору и отправляюсь на Ганимед.

— Куда вы клялись никогда в жизни не возвращаться.— Единственное презрительное фырканье Морда служило эквивалентом дюжины циничных замечаний.

— Определенная гибкость воззрений служит признаком исключительного разума.

— Ага. А не вы ли несколько недель тому назад говорили мне, что признаком гения служит способность сосредоточиваться на одной-единственной идее в течение многих месяцев и лет?

— Исключительным разумом можно считать тот, который способен одновременно объять множество несовместимых фактов и теорий.— Сова добрался до большого мягкого кресла и, с довольным кряхтением, там устроился. Вот и ответ на один важный вопрос. Что бы еще он ни оставил на Пандоре, кресло определенно отправлялось с ним.— Это просто визит вежливости, или вы о желаете сообщить каком-то прогрессе?

— С визитом вежливости пусть к вам марсианские волки нагрянут,— гневный взор косых глаз Морда обжег Сову из дисплея.— Я нашел кое-какой материал. И не без трудов тяжких. Пришлось червем пробираться сквозь крутые брандмауэры и системы охраны данных. Хотите узнать о тайной половой жизни земного министра по экономическому планированию?

— Не хочу. Что же касается ваших трудностей, то ничто достойное никогда не добывается малым трудом. Вы определили местоположение медицинских архивов в отношении детей, спасенных из Северного полушария Земли в течение нескольких месяцев или лет после окончания Великой войны?

— Терпение, Мегачипс, терпение. Если бы я только это раздобыл, я бы воспользовался обычной почтой. Да, у меня есть медицинские архивы. Несколько сот детишек были в нужной возрастной группе, но никто из них не находился в том, что можно было бы назвать нормой. Большинство видело, как членов их

семей сжигают, взрывают или съедают, и все они прошли через ад. Стандартная терапия требовала опустошать их мозги, и вы сами можете понять, почему. Но это, а также неполнота архивов, делают невозможным проследить медицинскую историю до времени перед их обнаружением. Да и те медицинские архивы, которые были найдены, тоже не особенно помогают, потому что Земля по-прежнему справлялась почти с восемью миллиардами погибших. В лагерях для перемещенных лиц просто считали руки и ноги, убеждались, что дети могут дышать,— и, по большому счету, все.

— Короче говоря, тупик.

— Я уже вам сказал — если бы мне случилось на этом застрять, я бы вам открытку послал. Поскольку я был внутри банков данных, я решил пойти другим путем — вперед во времени. Как можно ожидать, все службы на Земле постепенно восстанавливались, и те дети, которые считались перемещенными лицами, пока росли, проходили регулярные медицинские осмотры и терапию. Если вы готовы загружать, я готов передать вам полные геномы для каждого.

— Думаю, да,— Сова медленно кивнул. Он сидел в неподвижности, с закрытыми глазами.— В терминал Невода. Я потом распоряжусь насчет их соответствующего хранения в Цитадели. Пожалуйста, продолжайте.

— Солидное число выросло физически поврежденными или умственно отсталыми, а некоторые умерли от долгосрочных последствий войны. Но ни один из них не проявил ничего, что связывало бы его с астероидом Геральдик или с Надин Селасси. Они слились с остальным населением Земли, и те, кто мог, устроились на нормальную работу. К тому времени, как я оказался в пределах пяти лет от настоящего времени, я уже был убежден, что двигаюсь в никуда. Но что такое время, когда славно развлекаешься? Я продолжал чесать до самого конца. И знаете, что? В архивах менее чем трехмесячной давности я наконец наткнулся на золотую россыпь.

— Аномалии?

— Пусть будет единственное число. Одна аномалия — зато какая! Далеко за вашей отсечкой «четыре-сигма». Двое детей из перемещенных лиц, теперь уже взрослые, трудились в качестве простых подсобных рабочих, ничего такого особенного, на платформе по добыче метана, принадлежащей «Глобальным минералам». Они проторчали там лет десять или больше, но недавно решили использовать свои навыки для Внешней системы. Идею, как я подозреваю, подала

женщина, потому что мужчина проходит в архивах как малость заторможенный и более чем странный. Таким образом, они прошли тесты и прочую ерунду, и теперь мужчина уже начинает выглядеть более интересно. Он способен предсказывать результаты работы гидродинамических систем, особенно планетных атмосфер, достаточно сложных, чтобы все компьютерные модели с ними спасовали. Он не знает, как он это делает. Говорит, они ему вроде как снятся — и он потом просто рисует результаты.

— Не уникально,— Сова не был особенно потрясен.— История знает аутичных детей и взрослых, которые обладали той же способностью. Предсказание метеорологического поведения атмосферы очень далеко отстоит от абсолютного оружия Надин Селасси. Сомневаюсь, что все это удовлетворяет критерию «четыре-сигма».

— Эй, Мегачипс, вы странности просили. Я даю вам странности, а вам опять все не слава Богу. Но я еще не закончил. Дослушайте остальное, прежде чем про «четыре-сигма» болтать. Мужчину зовут Себастьян Берч, и я уже послал его идентификацию в ваш банк данных. После того как они с женщиной прошли письменное тестирование — они, кстати говоря, работают как единая команда,— они поднялись на земную орбиту для медицинского осмотра. Женщина проскочила легко — здоровая, неглупая и абсолютно нормальная. Себастьян Берч кажется достаточно здоровым, но медицинские работники наткнулись на одно препятствие. Его лейкоциты полны каких-то крошечных шариков. Все эти шарики идентичные, неорганические и, судя по всему, химически инертные. Никакой очевидной функции они не выполняют, но, согласно всем медицинским учебникам, их там быть не должно. Никто никогда ничего подобного не видел. Медики удалили целую партию в качестве образцов для досье. Ну как, добрались мы до «четыре-сигма»?

— Да, и гораздо дальше,— глаза Совы были широко раскрыты.— Морд, вы нашли именно то, на что я надеялся. Можете вы послать мне все подробности выполненных тестов вместе с полным набором результатов и комментариев?

— Уже это делаю, пока мы тут с вами общаемся. Впрочем, комментарии ничего хорошего вам не дадут. Все они сводятся к вопросу: «Что это еще тут за дьявольщина?» Но я, опять-таки, не закончил. Медики не знают, почему Себастьян Берч полон этих ерундовин, но, поскольку, вся эта фигня, похоже, ни ему, ни кому-

то еще не вредит, они дают свое добро. В результате Берч и та женщина, Янина Яннекс, отправляются дальше на Ганимед.

— На Ганимед? Эти люди на Ганимеде?

— Вот именно. Как раз там, куда вы через несколько дней прибудете. Но они чуть было не срезались по дороге. Вы главный спец в Солнечной системе по взламыванию транспортационных документов, так что я даю вам голый костяк, а детали вы уж сами отроете. Себастьян Берч и Янина Яннекс совершали путешествие на борту ЛВС «Ахиллес». Когда корабль проделывал традиционную юпитерианскую пертурбацию для сброса скорости, Себастьяну Берчу взбрело в голову выйти наружу — в верхние слои атмосферы Юпитера. Он как раз заканчивал с наружным люком, когда его нашли и остановили. Никакого объяснения пока не предложено. Ну как, уже «четыре-сигма»?

— Да, да и гораздо, гораздо дальше. Морд, все это экстраординарно. Но на что это указывает?

— Черт побери, мне предполагалось просто вам рассказать. Я всего-навсего высокого уровня Факс, а у вас там могучий выпуклый лоб и чудовищной силы мозги. Вы просили странности, я вам эти странности дал. Но не просите меня связать все это с Надин Селасси или с оружием «темнее дня», которому предполагалось уничтожить Солнечную систему. Насколько я понимаю, все, что мы сделали, это нашли человека, который в нужное время прибыл на Землю и которому случилось иметь весьма необычное тело и мозг. Извлечь из всего этого смысл — ваша работа, не моя. Каково ваше объяснение?

Сова осел в мягком кресле, его туша аж перетекала за края. Поставив локти на пухлую от жира грудь, он опустил подбородок на сложенные чашечкой ладони.

— Вовсе не обязательно меня подталкивать. У меня нет объяснения, как вы самоуверенно себе вообразили. У вас есть еще информация?

— Ни клочка.

— Тогда мы завершим эту встречу. Я должен подумать.

— Годится. Я так или иначе надолго здесь оставаться не собирался.

— Мои извинения, если вы обиделись. Ваше присутствие обычно приветствуется мной в любое время, однако, данная ситуация представляется исключительной.

— Да я вовсе не о вас беспокоюсь. Мне вообще не нравится где бы то ни было надолго оставаться. Я уже говорил раньше и говорю теперь: что-то за мной там охотится и уже сидит у меня на хвосте.

— Не предпочтете ли вы в таком случае совсем оставить распределенную сеть Невода и поселиться внутри Цитадели? Здесь вам будет безопасно, и Цитадель способна сохранять свою целостность в качестве защищенной единицы даже в мое отсутствие.

— Не-е. Я уже был внутри. Там скука смертная. В Неводе, конечно, рисково, но там можно миллиард всяких интересных мест изучить. Короче, пока. Я отсюда сваливаю. На Ганимеде увидимся.

Морд кивнул, и его образ исчез с дисплея.

Сова не пошевелился. Новая информация обычно служила делу прояснения вопроса. В данном же случае открытия, судя по всему, добавляли новый пласт неясностей.

Верно, теперь у него имелось время и место. Но если Себастьян Берч действительно был связан с Надин Селасси и ее потерянным оружием, это оружие не могло быть биологическим, поскольку Берч более тридцати лет прожил среди людей, и никто не пострадал. Кроме того, это оружие и не должно было быть биологическим. Ведь ему не просто предполагалось унести чью-то жизнь; оно было разработано с тем, чтобы уничтожить целую планету.

И еще эти загадочные частички материи, найденные внутри тела Себастьяна Берча. Если у них отсутствовало какое-либо биологическое или химическое действие, что оставалось? Пожалуй, только что-то из области физики.

Сова долго сидел в неподвижности, пока минуты и часы тикали дальше.

Наконец до запланированного времени отбытия с Пандоры остался всего час. Сова встал, протянул руку к коммуникационному пульту и сделал звонок. Через несколько секунд сонный женский голос отозвался:

— Слушаю.

— Извините, что потревожил. Кажется, мне дали неверный номер.

— Отлично. А мне кажется, что сейчас глухая ночь.

— В самом деле,— Сова оставался невозмутим.— Я предпринимаю попытку связаться с Алексом Лигоном.

— А кто его спрашивает?

— Свами Савачарья.

— Ах, простите. Он спит, но я уверена, что он захочет с вами поговорить. Подождите секунду.

Через несколько мгновений голос Алекса произнес:

— Угу? — он казался не только на три четверти сонным, но еще и не на шутку озадаченным.

— Это Сова. Мы не разговаривали со времени вашего визита, но я полагаю, что ваша семья по-прежнему заинтересована в доступе к использованию Пандоры в качестве операционной базы внутри системы Сатурна?

— Предельно заинтересована. Если существуют какие-то условия, на которых данное соглашение может быть достигнуто, мы бы хотели их обсудить,— на заднем плане послышалось невнятное жалобное бормотание, за которым последовал еле слышный шепот Алекса: — Я знаю, Кейт. И я помню, что обещал. Но это может быть единственный шанс.

Сова отрезал фоновую болтовню, сказав:

— Я вижу возможные условия для соглашения. Сперва, однако, я бы хотел задать вопрос: использует ли «Лигон-Индустрия» квалифицированные группы физиков и химиков?

— Да, и весьма широко,— теперь в голосе Алекса звучало удивление.— Для некоторых деловых предприятий, в которые мы вовлечены, научно-исследовательские группы экстра-класса совершенно необходимы. Без них проект вроде «Звездного семени-2» стал бы абсолютно невозможен.

— Хорошо. Именно этого я и ожидал. Тогда еще один вопрос — или, скорее, заявление: у «Лигон-Индустрии» есть способы получения доступа к объектам и материалам, которые обычно являются недоступными. Не пытайтесь это отрицать, ибо у меня есть хорошие тому доказательства.

— Я и не собирался это отрицать. Некоторые члены моей семьи даже хвалятся по этому поводу. Это как-то связано с вашим предыдущим вопросом?

— Весьма непосредственно. Я бы хотел, чтобы вы получили доступ к набору медицинских проб, взятых в конкретное время в конкретном месте у конкретного индивида. Затем я бы хотел, чтобы лучшая группа ваших экспериментаторов подвергла эти пробы широкому спектру тестов, а также установила их свойства и

поведение. Вы можете передать вашей семье, что в ответ на эту услугу я сделаю Пандору доступной для «Лигон-Индустрии» в качестве операционной базы для добычи гелия-три из атмосферы Сатурна. Сооружение подобной базы на участке Пандоры, максимально удаленном от моего жилища, может начинаться немедленно.

— Это замечательно,— Алекс полностью проснулся.— Но мне нужны другие детали. Не просто имя персоны и местонахождение проб — вы должны проявить большую определенность в отношении тестов.

— Сделаю, что могу. Здесь, однако, мы плаваем в море гипотез,— Сова снова сгорбился в своем кресле.— Слушайте внимательно. Согласно расписанию, мне предстоит покинуть Пандору менее чем через один час. Мы с вами должны встретиться и обсудить эту тему более подробно, но вам не следует дожидаться моего прибытия, чтобы начать.

— Стало быть, это очень срочно. Вы об этом не говорили.

— Точный уровень срочности мне неизвестен. Однако определенные недавние события наполняют меня дурными предчувствиями. Вы готовы записывать информацию?

— Это уже делается.

— Отлично. Итак, медицинские пробы взяты у индивида по имени Себастьян Берч. В настоящее время он находится на Ганимеде, и, вполне возможно, «Лигон-Индустрии» быстрее и проще будет получить новые пробы того, что нам необходимо, непосредственно у него. Если же нет, кто-то как можно скорее должен отправиться на Землю...

Всего месяц тому назад Алексу даже и в голову не могло прийти, что он станет созывать семейный совет. А теперь он созвал целых два за последние две недели. Мало того, он настоял, чтобы этот совет состоялся ранним утром.

Для Проспера Лигона это мало что значило — он в любом случае давно бы уже встал и не один час проработал. А вот для остальных членов семьи...

Алекс оглядел уменьшившуюся аудиторию. Его матушка сидела слева от него. Вид у нее был просто ужасающий. Идеальная кожа покрылась сетью тонких морщин, выпученные глаза остекленели, а мобильная капельница вливала желтоватую жидкость в ее левое

предплечье. Внешний возраст Лены Лигон за считанные дни удвоился. Пока она вволакивалась в помещение, Алекс ее поддерживал, и плечо матушки показалось ему хрупким, как птичье крылышко.

Впрочем, Лена Лигон по крайней мере была жива и присутствовала на совете. Двоюродная бабушка Агата умерла два дня тому назад, а кузина Юлиана оставалась в критическом состоянии. Двоюродная бабушка Кора не отходила от ее постели.

Справа от Алекса с ввалившимися глазами сидел дядюшка Каролюс, лучась улыбкой при каждом взгляде на Лену. Несомненно, ее вид наводил дядюшку на радостные мысли о капитальных проблемах «Сильва-Симбионтов», которые прогоняли всякую печаль по поводу кончины его тетушки. Лица Натали и Рашели носили на себе схожие бессонные маски. Впрочем, подозревал Алекс, точно такая же маска имелась и у него на лице. Прошлой ночью они с Кейт славно поработали и позабавились, а потом, разбуженный звонком Совы, Алекс уже оказался неспособен заснуть. Сидящий напротив Рашели Гектор смотрелся хуже всех. Потребовалось нечто большее, чем простой недосып, чтобы окутать неизменную живость викинга такой аурой вялости и распутства. Новости о семейном совете, надо полагать, настигли Гектора, когда он ранним утром ковылял домой с вечеринки.

Только Проспер Лигон, сидящий на своем месте в дальнем конце стола, выглядел как обычно. Кивнув Алексу, он сказал:

— Данный совет можно считать открытым. Полагаю, будет уместно, если ты выскажешься первым.

Пользуясь записью разговора с Совой, Алекс набросал себе заметки, но затем по совету Кейт их уничтожил.

— Если бы я собиралась просить мою семью проделать что-то нелегальное,— сказала она тогда,— не думаю, что я хотела бы иметь при себе какие-то записи.

— Это может не быть нелегальным,— но Алекс принял совет — правда, после того как удостоверился, что все важные пункты надежно отложились у него в памяти.

По сути, то, что Алекс собирался сказать, было совсем не так сложно. Проблема заключалась в том, что, несмотря на длинную семейную историю интриг, подкупа и шантажа, а также несмотря на уверения Совы в том, что он знает все относительно прошлых грехов дядюшки Каролюса, на семейном совете никто никогда открыто о подобных вещах не говорил.

Алекс собрал всю свою отвагу, перевел дух и приступил. Он говорил пять минут, резюмируя просьбу Совы и условия его предложения. Пока он говорил, в помещении царила полная тишина, которая продолжала тянуться и после того, как он закончил.

Наконец дядюшка Каролюс сказал:

— Давай напрямик. Мы раздобываем эти медицинские пробы и проделываем эти тесты. В ответ нам можно устанавливать операционный центр и использовать его столько, сколько нам захочется. Так?

— Свами Савачарья полагает, что это продлится не больше года. Ему откуда-то известны штрафные санкции в нашем контракте.

— И нам не придется никого убивать или платить Савачарье чудовищный откуп?

— Я так не думаю.

— Тогда я вам всем кое-что скажу. Не думал, что у меня когда-нибудь будет случай это сказать,— Каролюс обвел взглядом весь стол.— Итак, Алекс обтяпывает нам эту сделку, а Гектор все устроил, чтобы уломать Люси-Марию. Наконец-то для мужской части нашего молодого поколения появляется какая-то надежда.

Алекс не был уверен, что он готов к таким комплиментам от дядюшки Каролюса.

— Однако,— добавил он,— я не знаю, как мы эти пробы получим. Кто-то должен отправиться на Землю.

— Зачем, когда сам этот приятель здесь, на Ганимеде, торчит? Забудь про Землю.— Каролюс пренебрежительно махнул рукой и повернулся к главе стола.— Ну что, Проспер? Если я эту часть дельца на себя возьму, что ты тогда скажешь?

Проспер Лигон молча изучал свои заметки. Наконец он кивнул.

— Дело, разумеется, потребует семейного голосования. Однако должен заметить, что привязка ко времени представляется исключительно удачной. Одна из наших лучших физических исследовательских групп в настоящее время свободна. Мы придерживали ее в резерве, имея в виду начало операций в системе Сатурна для «Звездного семени-2». Если соглашение с Савачарьей будет заключено немедленно, по-прежнему останется неизбежный простой в течение нескольких недель, прежде чем исследовательская группа потребуется. И даже если мы назначим ее руководителем нашего главного научного сотрудника, Бенгта Суоми — что я настоятельно рекомендую и могу организовать,— цена выполне-

ния просьбы Савачарьи по-прежнему будет неизмеримо мала. Следовательно, так мы и порешим.

— Кого порешим? — спросил ненадолго вышедший из своего мучительного транса Гектор.

— Дедушка Проспер имеет в виду, что предложение Свами Савачарьи кажется ему подходящим.— Каролюс оглядел стол.— Я присоединяюсь. Все согласны?

Кивки, от кого-то небрежные, от кого-то совсем слабые, поступили от всех.

— Принято единогласно,— Каролюс встал.— Нам требуется обтяпать это дельце как можно скорее, поэтому лучше начать прямо сейчас. Себастьян Берч, как я понял, находится в изоляторе научно-исследовательского центра? Это много времени не займет.

— Один момент! — Проспер Лигон поднял руку.— Прежде чем мы начнем, минута молчания в память об Агате представляется мне подобающей.

— Разумеется. Вечная память покойнице,— Каролюс сел.

Через несколько секунд он буркнул «вот и хорошо», снова встал и устремился наружу. Алекс посмотрел ему вслед, затем оглядел оставшихся. Он задумался о том, что вот эти люди — его семья, его родная плоть и кровь. Но он их совсем не понимал — и не был уверен, что ему хочется.

27

Милли Ву помедлила перед закрытой дверью, перевела дыхание и выпрямила спину. «Это главный момент, леди,— сказала она себе.— Смотри его не загуби. Не мямли, не заикайся, сопли не распускай».

Внутри этого помещения, впервые собранные вместе, должны были находиться самые хитрые и изощренные умы Солнечной системы. Здесь были самые сливки, избранные Мастера Сети Головоломок.

Милли была допущена в эту элитную группу только благодаря тому, что Хапуга особо об этом распорядился в обмен на специально не оговоренные будущие услуги. Однако он недвусмысленно дал Милли понять, что она станет бесспорно младшей фигурой, скорее наблюдателем, чем участником. «Сиди, наблюдай, учись — и держись тихо».

Неожиданно для себя Милли пожелала, чтобы Джек Бестон был с ней здесь, обеспечивая свою грубоватую форму поддержки. Людоед пообещал прибыть на Ганимед, как только собственная интерпретационная работа станции «Аргус» будет поставлена на нужные рельсы, но это было слабым утешением. Милли нуждалась в нем прямо сейчас, пока она готовилась открыть дверь и встретиться лицом к лицу с легендами своего отрочества. Хапуга назвал некоторых людей, собравшихся для работы над интерпретацией сигнала СЕТИ: Клавдий, Джокер, Врасплох, Торквемада, Аттобой, Дух — и Мегахиропс, сам Великая Сова. Милли в свое время тщетно сражалась с проблемами, поставленными каждым из них. Ее же собственные лучшие загадки, введенные в Сеть под псевдонимом Атропос, никогда не оставались нерешенными долее суток.

«Наплевать,— сказала себе Милли.— Мяч круглый, поле ровное. Я нашла сигнал и ни о чем другом не думала с того дня, как его нашла. А ну входи».

Толкнув дверь, она проскользнула внутрь. Милли не была уверена, чего ей следует ожидать. Кучку уродов, которые только потому таились в Сети Головоломок, что для нормальной жизни не были приспособлены? Она достаточно часто слышала эту точку зрения — в основном от членов собственной семьи, когда они поняли, что абстрактные проблемы слишком ее завораживают. «Зачем забивать себе голову такой чепухой? Тебе вовсе незачем думать. Ты привлекательная девушка. Ты запросто найдешь себе приятелей и мужа».

Единственное исключение составлял дядя Эдгар, который нежно убеждал Милли в ее талантах и уговаривал напрягаться до предела.

Или выше предела.

Как сейчас.

Милли оказалась в конце узкого коридора двадцати-тридцати шагов в длину. На полу лежал впитывавший все звуки толстый ковер, тогда как звукопоглощающий кафель покрывал стены и потолок. В стенах по обе стороны, в трех метрах друг от друга, имелись выкрашенные в синий цвет двери. Все они, кроме одной, были закрыты. Перед самой первой, рядом с правым плечом Милли, красовалась светящаяся табличка.

В самом ее верху Милли прочла мигающие красным слова: ТИШЕ, ПОЖАЛУЙСТА.

Ниже более мелкими буквами шел перечень имен и соответствующие номера комнат. Милли увидела там АТРОПОС: КОМНАТА 12, в двух третях пути по коридору. Она узнала примерно половину имен из списка. Рядом с каждым имелась мигающая иконка, где значилось ПРИСУТСТВУЕТ или ОТСУТСТВУЕТ. Почти все были здесь. В самом конце списка находилась еще одна ярко-красная мигающая надпись: УВАЖАЙТЕ ЧУЖОЕ УЕДИНЕНИЕ. ПРИСУТСТВИЕ ДРУГОГО ЧЛЕНА СЕТИ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ПРИГЛАШЕНИЕМ ДЛЯ ВТОРЖЕНИЯ. НЕ ПОСЯГАЙТЕ НА ЧУЖОЕ РАБОЧЕЕ ПРОСТРАНСТВО. РАБОЧИЕ СОВЕЩАНИЯ ПРОВОДЯТСЯ В КОНФЕРЕНЦ-ЗАЛЕ, 7.00–7.50.

Получив такое в качестве приветствия, Милли совершенно не удивилась, никого в поле зрения не обнаружив. Тогда она стала красться по коридору к комнате 12. По пути ей пришлось миновать открытую дверь комнаты 7. Пугающие надписи у главного входа недвусмысленно сказали Милли о том, что она должна проигнорировать того, кто находится внутри, но любопытство было так велико, что она не смогла удержаться от косого взгляда.

Обстановка в маленькой комнатке оказалась до боли знакомой. Стол, пульт, терминал и многочисленные блоки дисплеев очень напоминали аналогичные в кабинках для анализа на станции «Аргус». Дополнительный предмет, столик, груженный едой и питьем, несомненно, имел смысл. Милли часто так увлекалась, что работала еще долгое время после того, как ей следовало сделать перерыв, что не шло на благо ни физическому здоровью, ни умственной эффективности.

Обстановка, однако, была не самой главной характерной чертой комнаты. Ею был мужчина, развалившийся в отвернутом от стола кресле и глазеющий в открытую дверь.

Несмотря на инструкции у входа, Милли не смогла этого мужчину проигнорировать. Он смотрел прямо на нее и улыбался.

— Идите дальше, если желаете,— сказал мужчина.— Или заходите.

Милли, смутившись, не сделала ни того, ни другого. Она просто остановилась и повернулась к нему. Мужчина был лет пятидесяти с хвостиком, широкоплечий, крепкого телосложения. Хотя его бледные глаза казались невыразительными под выдающимися надбровными дугами, весь его облик, словно бы, излучал теплоту и сочувствие.

— Вы из Сети Головоломок? — наконец спросила Милли.

— Да.

— На табличке указано, что это комната Торквемады,— Милли остановилась в одном шаге от утверждения, что это не может быть правдой. В прошлом она неделями боролась с умопомрачительными, издевательскими проблемами Торквемады, и в ее воображении мучитель представал изможденной фигурой в черной мантии, с длинными паучьми пальцами, что стояла в залитой огнем факелов темнице и пристально вглядывалась во вздернутую на дыбу жертву.

В голосе Милли, должно быть, прозвучали ее сомнения, но мужчина лишь ухмыльнулся.

— Это верно. Я Торквемада. На самом деле, мне вообще не следовало сюда являться — я занят десятком других проблем, и у меня нет времени разбрасываться. Но я не смог удержаться от того, чтобы ненадолго заглянуть сюда со своими советами. Такой проблемы еще никогда не вставало. А вы? Вы тоже из Сети Головоломок?

— Полагаю, да,— Милли ответила неуверенно, тихим голосом. Дальше она, несмотря на ярко-красное предупреждение у входа, стала говорить громче.— Мое сетевое имя — Атропос. Хотя я еще юниорка и совсем неизвестна.

— Только не для меня. Атропос трижды была чемпионкой среди юниоров. И вы также Милли Ву?

— Да. Откуда вы знаете?

— Потому что я не слеп и не глух. Ваши портреты несколько недель красовались в выпусках всех ганимедских инфостудий. Вы обнаружили аномалию Ву-Бестона. Именно по этой причине все сегодня здесь и собрались.

Милли взглянула влево-вправо по коридору.

— Больно уж эти все невидимые.

— А вы чего ожидали?

— Ну-у...

Чего она ожидала? Милли могла сказать, что она надеялась обнаружить — в точности то, о чем она написала дяде Эдгару.

— Я полагала, что в этом помещении будет находиться пылающая энтузиазмом группа людей, что объединили силы своих блестящих умов для извлечения смысла из загадочного сигнала, посланного внеземным разумом за многие световые годы другим разумным существам.

Вышло куда более помпезно, чем она рассчитывала, но Торквемада оставил это без внимания. Он лишь пожал плечами.

— Тогда вы наверняка сильно обрадованы. Вы нашли именно то, что ожидали,— а затем, когда Милли недоуменно на него уставилась, он продолжил: — Ну-ну, Милли Ву. Это вам Сеть Головоломок, а не съезд политической партии. Сколько лет вы были фанаткой Сети?

— Девять.

— И со сколькими другими членами Сети вы встречались?

— Ни с одним,— у Милли возникли внезапные воспоминания о давнишнем дне рождения и застенчивом тринадцатилетнем мальчике.— Или, быть может, с одним. У меня были подозрения, и у него, по-моему, тоже. Но мы никогда друг друга не спрашивали.

— Весьма характерно. Я в этом месте белая ворона. Большинство членов Сети Головоломок не пчелки и не овечки. Они не роятся и стадами не пасутся. Просто маленькое чудо, что они собрались в пределах километра друг от друга, пусть даже за закрытыми дверями и пусть даже происходит это только потому, что здесь центральный пункт приема данных и проведения анализа. Все так боятся что-то пропустить, что решительно со всем смирились — даже с близостью друг друга. Но не с личным присутствием, если не считать рабочих совещаний. Я тридцать лет был членом Сети. Но, пока сюда не пришел, виделся только еще с одним таким же.

— С кем? — Милли очень заинтересовало, кто еще мог быть так дружелюбен.

— С Мегахиропсом, иначе Великой Совой. Но я подозреваю, что из всей этой массы он самый асоциальный,— Торквемада махнул рукой.— Сова здесь, в самом конце коридора. Попробуйте его навестить — и вы сильно об этом пожалеете. Но если вы подождете, то, быть может, увидите его ближе к вечеру на рабочем совещании в конференц-зале, опять же в самом конце коридора. А быть может, и не увидите.

— Не понимаю. Какой был смысл собираться здесь, если никто ни с кем разговаривать не хочет?

— Вы увидите, как они это делают, как только попадете в свою комнату. Но если у вас возникнут вопросы и если я по-прежнему буду здесь, смело заходите и спрашивайте.

Торквемада снова улыбнулся, и Милли еще раз ощутила всю силу его обаяния. Она направилась было к своей комнате, но затем поняла, что он так естественно закончил их встречу, что она забыла задать один важный вопрос. Пока они разговаривали, Милли все больше убеждалась, что должна знать, кто он такой. Она уже где-то его видела.

Тогда Милли сделала два шага назад и снова заглянула в открытую дверь его комнаты.

— А можно, я вам прямо сейчас задам один из таких вопросов?

— Очень даже можно.

— Как вас зовут? Я имею в виду ваше настоящее имя, а не псевдоним в Сети Головоломок.

— Этот вопрос кажется вполне справедливым, поскольку я ваше имя знаю. Меня зовут Сайрус Мобилиус.

— Благодарю вас,— Милли тут же пошла дальше по коридору, что показалось ей гораздо лучшим решением, чем стоять с разинутым ртом. Ничего удивительного, что его лицо показалось ей знакомым. Ведь она разговаривала со знаменитым Солнечным Королем, изобретателем термоядерных установок типа «мобиль» и одним из самых богатых и влиятельных людей в Солнечной системе. Но здесь он был просто Торквемада. Для иерархии Сети Головоломок деньги, происхождение и влияние ничего не значили. Здесь ценились изобретательность, воображение — и больше, пожалуй, ничего. От этой мысли Милли прониклась новым уважением к незримым лицам за закрытыми дверями в коридоре.

Войдя в комнату 12, она уселась в единственное кресло. Тут Милли заметила, что столик слева совершенно пуст. Вкусы у всех были разные, а потому, надо полагать, каждая персона сама приносила сюда предпочтительные для нее еду и питье. Будет о чем подумать, прежде чем Милли придет сюда завтра, но сегодня она вполне сможет перебиться. Много чему следовало научиться, много чего предстояло проделать. Она не могла позволять себе тратить время на спешные поиски пищи.

Оборудование казалось знакомым, и для начала Милли включила пульт и дюжину дисплеев. На каждом из них тут же появилось простое и ясное сообщение: НАПОМИНАНИЕ О РАБОЧЕМ ПРАВИЛЕ: НИЧТО ИЗ ТОГО, ЧТО МЫ ПОЛУЧАЕМ СО СТАНЦИИ «ЦЕРБЕР», НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ПОСЛАНО КУДА-ТО ЕЩЕ. ЭТО МОЖЕТ ИМЕТЬ ВНУТРЕННЕЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ, НО ДОЛЖНО РАСЦЕНИВАТЬСЯ КАК СЕКРЕТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ.

Джек Бестон ее насчет чего-то подобного предупреждал. При этом он утверждал, что выводы, извлеченные из данных, представляют собой совсем другое дело и могут быть переданы. Милли на этот счет сомневалась. Не входя в согласие с Джеком, она для себя решила, что будет рассматривать каждый отдельный случай по мере его поступления.

Когда дисплеи начали заполняться информацией, Милли поняла, что Сайрус Мобилиус — вернее, Торквемада, как следовало о нем думать в этой среде — был прав. Среди членов группы шел свободный обмен мыслями, выводами, гипотезами и результатами как положительными, так и отрицательными. Порой можно было распознать автора сообщения, порой нет. Вопросы заслуг и личного самолюбия здесь, судя по всему, не стояли.

Вскоре Милли уяснила для себя кое-что еще. Члены группы уже работали, когда она только еще находилась в транзите от юпитерианской точки Л-4 до Ганимеда, и уже успели проделать невероятный объем работы. Целые дни могли уйти на одно только знакомство с их достижениями.

Милли очистила свой разум от всех посторонних мыслей, уселась поудобнее и сосредоточилась на дисплеях. Поначалу она не стала заботиться об отдельных подробностях. По пути к Ганимеду Милли без конца преследовали всякие неотвязные мысли, и в конце концов она решила, что сигнал, весь двадцать один миллиард его цифр, слишком велик для восприятия его любым человеческим разумом, если не считать общего характера. Ей требовалось выработать ощущение общей структуры, прежде чем набрасываться на детали.

Исследуя смесь фактов, гипотез и статистики на дисплеях, нетрудно было заметить, что и «Аргус», и «Цербер», и Сеть Головоломок следовали примерно одной и той же первоначальной программе. Сигнал прибыл в форме одной колоссальной и неструктурированной цепочки бинарных цифр. Без исследования и выявления порядка никаких шансов расшифровать сообщение попросту не было. Следовательно, требовалось искать рациональные способы подразделить целое на меньшие секции.

Можно было попробовать добрую дюжину разных способов. К примеру, изучить статистику локально, где «локальный» регион содержал от тысячи до миллиона цифр. Все инструменты обработки сигнала были доступны для этого анализа. Следуя одной обще-

принятой процедуре, можно было найти и пометить регионы аномально низкой энтропии — где следующая цифра могла с определенной уверенностью быть предсказана из группы цифр, непосредственно ей предшествующих. Эти регионы могли оказаться указателями «начало сообщения» и «конец сообщения», ибо казалось в высшей степени невероятным, чтобы весь сигнал СЕТИ содержал в себе одно-единственное сообщение. Следовало помнить, сколько информации могло содержаться в двадцати одном миллиарде бинарных цифр. Это было пять тысяч солидных томов.

Могло, однако, так получиться, что регионы низкой энтропии служили всего лишь намеком на какой-то другой вид информации. Энтропийный анализ уже был проведен, но тот, кто его проделал, не выдвинул никаких предположений касательно его значения. Милли увидела целую библиотеку возможных карт, показывающую сигнал разделенным на кусочки и доступным для критического рассмотрения или дальнейшего анализа.

Разумеется, изучать статистическое поведение секций сигнала было не единственным способом искать структуру — и даже, возможно, не самым лучшим. В порядке вполне надежного, но совершенно иного подхода можно было просканировать весь сигнал на предмет пробных последовательностей, которые повторялись снова и снова по всей его длине. Естественно, пробная последовательность должна была быть достаточно длинной, чтобы ее присутствие в сигнале давало какую-то информацию. Если весь сигнал был полностью случайным, то такая короткая последовательность, как, скажем, 1-0-0-1, могла обнаружиться в нем миллиард раз по одной лишь чистой случайности. С другой стороны, если выбрать пробную последовательность из тридцати цифр, можно было ожидать найти ее всего лишь пару десятков раз в случайной цепочке из двадцати одного миллиарда цифр. Присутствие такой тридцатиричной последовательности пятьдесят или шестьдесят раз оказывалось событием столь невероятным, что тогда с уверенностью можно было заключить, что вы на что-то такое наткнулись.

Впрочем, легко было сказать: «Изучить сигнал на предмет пробных последовательностей достаточно длинных, чтобы являться существенными». Реальная же задача представлялась чудовищной. Существовал миллиард разных последовательностей с тридцатью бинарными цифрами. И просмотреть требовалось все до единой. Эта работа по-прежнему продолжалась.

А когда вы обнаруживали конкретную последовательность слишком часто, чтобы поверить в то, что это просто игра случайности, что шло дальше? Возникал другой, еще более сложный вопрос. Возможно, присутствие цепочки из тридцати цифр указывало на начальную или конечную точку действительного сообщения. Далее, между каждыми двумя цепочками из тридцати цифр, которые вы обнаруживали, наверняка имелись более короткие цепочки из, скажем, шести или двенадцати цифр. Эти цепочки, в особенности если целые их группы оказывались в непосредственной близости, должны были образовывать само сообщение. В человеческих понятиях шести бинарных цифр было достаточно, чтобы закодировать все буквы алфавита, тогда как двенадцати букв хватало для большинства слов. Пусть даже там безусловно не было никакой надежды найти буквы или слова любого человеческого языка, математические универсалии поискать определенно следовало. Самым простым представлялись целые числа. Как только удавалось узнать, где каждая бинарная цепочка начинается и заканчивается, ее численное значение становилось уникальным числом в пределах зеркального отражения (следовало ли читать число слева направо или справа налево). Далее можно было приступать к отысканию символов, которые означали равенство, меньше, больше, возведение в степень и другие обычные арифметические операции.

Но это ставило группы по интерпретации лицом к лицу с самым волнующим вопросом из всех: до какой степени можно было или должно было допускать, что человеческое мышление, человеческое поведение и человеческая наука неким образом приложимы к сообщению СЕТИ?

Насколько чуждое было чуждым? Этот вопрос железно обеспечивал Милли ночные кошмары. Даже в пределах ограниченной группы сотрудников станции «Аргус» она нашла две разные школы мысли. Одни — назовем их оптимистами — полагали, что любые инопланетяне, которые развились достаточно, чтобы посылать сигналы в другие звездные системы, должны были находиться впереди человечества во всех областях науки. Более того, оптимисты были убеждены, что инопланетяне сделают все от них зависящее, чтобы сделать свои сообщения легко читаемыми. Они не прибегнут ни к каким фокусам, таким как полномасштабное кодирование, чтобы снизить объем передаваемых и принимаемых данных.

Пессимисты говорили: да-да, но погодите минутку. Ведь это же инопланетяне, полные чужаки. Технические открытия на протяжении всей человеческой истории вовсе не происходили в самом удобном и логичном порядке. Архимеду страшно не повезло. Интегральное счисление находилось прямо у него под рукой, и, будь ему доступно понятие об арабских цифрах, он бы почти на два тысячелетия опередил Ньютона и Лейбница. Кеплеру же, напротив, повезло. Древние греки, от Евклида до Аполлония, напридумывали сотни разных теорем касательно конических сечений. Когда Кеплеру они потребовались, чтобы заменить старые системы собственными законами, эти теоремы уже лежали наготове.

Чужакам, скорее всего, известны были другие вещи, ибо не существовало фиксированного порядка открытий. Возможно, мы смогли бы предложить им не меньше, чем они нам. Что, если они никогда не изобретали алфавита или позиционной системы счисления в математике? Тогда их сообщения могли сплошь стать идеограммами, а их числа — подобием римских цифр. Но куда более вероятно они стали бы использовать что-то еще менее понятное и постижимое, нежели и то и другое.

Милли на сей счет давным-давно приняла собственное решение. Нельзя было позволять себе впадать и в крайний оптимизм, и в крайний пессимизм. На стороне пессимизма было то, что любые инопланетяне, безусловно, умственно и физически отличались от людей. В конце концов, на то они были и чужаки. Их языки, системы счисления и порядок эволюции идей должны были быть совершенно другими. С другой стороны, на стороне оптимизма было то, что мыслительные процессы инопланетян с однозначно должны были следовать универсальным законам логики. Любому, кто озадачивался отправкой сообщений далеко через космос, следовало заботиться о том, чтобы его послания не только приняли, но и поняли.

Как только вы принимали два этих допущения, у вас появлялись определенные гарантии. Если взять простой пример, ни один разумный инопланетянин никогда не послал бы сообщение 2×2=4, если только там не имелось другого независимого свидетельства, как следует интерпретировать символ «?». Такое сообщение стало бы слишком двусмысленным. Адресат не смог бы понять, стоит ли знак вопроса вместо плюса (2+2=4), знака умножения (2×2=4) или значка возведения в степень (2^2=4).

Если уж речь шла о Милли, то она точно знала, как она составила бы и послала сообщение СЕТИ. Прежде всего требовалось определить специальные символы, которые обеспечивали обозначение начала и конца значимого сегмента; затем надо было продемонстрировать положительные целые числа, снабдив их достаточными примерами, такими как последовательность простых чисел, чтобы адресат мог быть абсолютно уверен в том, что здесь нет никакого неправильного истолкования.

Далее шли символы обычной арифметики с примерами, показывающими, как складывать, вычитать, умножать и делить. Отсюда был короткий шажок к отрицательным числам, дробям, степеням и иррациональным числам. Мнимые числа следовало вводить, используя дробные степени отрицательных чисел. Затем можно было переходить к рядам степеней и таким элементарным трансцендентным функциям, как синусы, косинусы, логарифмы и экспоненты. В каждом случае следовало давать достаточное количество примеров, чтобы позаботиться об отсутствии недопонимания. Обеспечив ряды выражений для таких универсальных трансцендентов, как «р» или «е», вы обеспечивали подтверждение того, что все это прочитывается верно, приводя одно из долговременных чудес математики, формулу, которая загадочным образом связывала трансцендентные и мнимые числа с базовыми цифровыми строительными блоками из единиц и нулей:

$$e^{ip}+1=0$$

Математика представляла собой простой и очевидный способ, чтобы начать. После этого Милли перешла бы к астрономии, физике, химии и наконец к самому сложному — языку.

Проблема, разумеется, заключалась в том, что от Милли в данном случае ничего не зависело. Она не посылала сообщение. Она его принимала. Разница, в терминах самомнения, равнялась разнице между врачом и пациентом.

Хорошие новости заключались в том, что Милли работала не одна. Люди столь же умные, что и она, а возможно, неизмеримо умнее, были ее союзниками.

Расставленные перед Милли дисплеи давали ей общий вид всего сигнала в схематической форме, подразделенного на двадцать один регион.

Пользуясь пультом, чтобы контролировать скорость продвижения, Милли принялась сканировать всю длину сигнала. Группа Сети Головоломок работала совместно, прикрепляя свои анализы к соответствующим регионам.

Результат всего этого был подобен гигантской змее, узкий хребет которой образовывали цепочки цифр самого сигнала. Тут и там, в тех местах, где было обнаружено что-то особенно интересное и важное, змея вспучивалась как питон, только что проглотивший свинью.

Милли остановила сканирование, чтобы изучить секцию 7, четвертую выпуклость, которая на первый взгляд казалась больше остальных. В специальных рамочках были предложены комментарии:

Аттобой: Структура здесь странная. В высокоэнтропийные последовательности средней длины в 10^6 цифр регулярно вкраплены низкоэнтропийные регионы постоянной длины в $3{,}3554\times10^7$ цифр. Есть мнения?

Врасплох: Да. Мы здесь можем наблюдать фрагменты «текста» (переменные, но примерно равных длин), которые вводят или описывают «картинку» (что-то в формате изображения, с постоянным размером блока). Возможно, квадратные матрицы черно-белых изображений, в каждой по 6.000×6.000 элементов?

Клавдий: Более вероятно изображение серой гаммы 4.096×4.096 ($2^{12}\times2^{12}$ — это соответствует понятию о бинарных репрезентациях), с 2 битами (4 уровня) для каждой единицы. Это согласуется с точным размером низкоэнтропийных регионов, 33.554.432 бита.

Врасплох: С таким же успехом может быть 2.048×2.048, с 256 серыми уровнями (8-битовыми).

Клавдий: Должно быть достаточно просто выяснить, что именно. Если установить конкретную длину строки и сделать перекрестные корреляции успешных строк, точная длина строки выпрыгнет прямо под нос, когда мы до нее доберемся, поскольку корреляция будет гораздо выше. Дайте я посмотрю.

Данная кучка комментариев на этом заканчивалась. Предположительно Клавдий еще не получила ответа на свой вопрос, или таковой не «выпрыгнул прямо под нос». Милли двинулась дальше.

Седьмая выпуклость на хребте сигнала, в секции 12, содержала в себе ремарки, схожие с предыдущими, если не считать трех дополнительных комментариев:

Мегахиропс: В данном случае низкоэнтропийные регионы имеют постоянную длину в 4.194.304 бита, что составляет ровно

одну восьмую длины регионов в секции 7. Никто не находит это достаточно удивительным?

Дух: Мы, вероятно, сделали бы все регионы одного и того же размера. Различие может быть частью сообщения, пытающейся что-то нам передать.

Клавдий: А не могут это быть линейные рисунки — бинарные изображения, черно-белые без всяких серых оттенков?

Девятая выпуклость поддерживала гипотезу, уже выдвигавшуюся в ранней истории СЕТИ.

Джокер: Частотный анализ данной секции предполагает, что мы здесь имеем дело с основанием-4 арифметическим скорее, чем с основанием-2 бинарным, которое мы видим везде. Возникает сильное искушение интерпретировать это как биологическое описание в терминах цепочки из четырех нуклеотидов.

Аттобой: Остерегайтесь антропоморфизма. Впрочем, я согласен — искушение очень сильное. Я попытаюсь скоррелировать эту секцию со всем, что имеется в геномной библиотеке.

Не было ничего удивительного в том, что Аттобой до сих пор не сообщил о результатах своих усилий. Задача представлялась просто чудовищной. Упомянутая библиотека содержала в себе полные геномы для двух с лишним миллионов видов — от людей, дубов и грибов до самых мельчайших и простейших вирусов. Причем даже самый дикий оптимист не мог надеяться на точное совпадение. Было бы настоящим чудом (причем чудом, в высшей степени соответствующим универсальной природе жизни), если бы хоть что-то там скоррелировало с каким-либо живым существом с Земли. Но Аттобой был прав — нельзя было позволить себе это не проверить.

Милли прокладывала себе дорогу по всему сигналу, секция за секцией. Эта процедура развивала у нее сильный комплекс неполноценности. Результаты, которые она видела, были получены так быстро и предлагали такое зримое доказательство предельной изобретательности, что впору было задуматься о том, что она вообще может сюда присовокупить. Группа Сети Головоломок уже установила существование уникальных последовательностей начала и конца, каждая в четырнадцать битов длиной. Цифровое основание и порядок чтения были совершенно определенно известны: целые числа имели основание-2 и основание-4 с самой

значимой цифрой справа. Последовательности простых чисел, степеней, квадратов и кубов были обнаружены, достаточно длинные, чтобы предстать абсолютно недвусмысленными.

Как только Милли дошла до самого конца сигнала с его завершением в виде повторяющегося образа из четырнадцатибитовой последовательности конца, она сразу же вернулась к самому началу и приступила к настоящей работе. Легкая часть, следование по пути, размеченному остальными, закончилась. Теперь Милли должна была сделать что-нибудь, чтобы оправдать свое присутствие в группе. «Сиди, наблюдай, учись, держись тихо» — все это было хорошо только для первой половины дня. А в дальнейшем Милли рассчитывала употребить на пользу дела все свое уникальное знание и опыт. Она отправилась к секции примерно в середине сигнала, где анализ и комментарии членов Сети Головоломок были скудными и пробными на вид. Это место имело для Милли особую важность. Именно здесь она впервые подметила странность, которая впоследствии развилась в аномалию Ву-Бестона, и теперь она энергично принялась эту секцию изучать.

Со станции «Аргус» Милли захватила с собой нечто куда более важное, чем одежда или личные вещи — свой собственный пакет обрабатывающих программ. Она не испытывала иллюзии, что они лучше чьих-то еще; просто она была уверена, что они другие. Кроме того, они были ее, и она их вдоль и поперек знала.

Милли приступила к анализу. Он был схож с тем, который она проделывала несколько месяцев тому назад, но имел одно существенное отличие: теперь Милли могла основываться на всем, точно установленном или выдвинутом в порядке гипотезы группой Сети Головоломок. Кодовая последовательность конец-начало была известна. В целых числах Милли не сомневалась. А самое важное, она теперь точно знала, что имеет дело с настоящим сигналом. Головоломки всегда становились проще, когда ты была уверена, что решение существует. Секция, которую Милли вырезала для исследования, составляла всего лишь малую долю целого, примерно сотню миллионов цифр из двадцати одного миллиарда. Весь этот объем можно было очень быстро съесть картинками, но Милли намеренно избегала низкоэнтропийных участков. Она надеялась найти «текст» — что бы этот термин ни значил для внеземного разума. Шла еще слишком ранняя фаза этой игры, чтобы можно было надеяться найти ключи к реальному языку.

После нескольких первых минут Милли вошла в некое полудремотное состояние. Мозг ее сделался местом, где символы обретали собственную жизнь и формировали собственные взаимоотношения. Сигнал содержал многие их десятки, короткие и четко оформленные цепочки, уже идентифицированные другими членами группы как общие повторяющиеся образы, но пока еще не понятые в плане смысла. Порой неизвестные цепочки казались близки к известным целым числам, порой они ассоциировались лишь с другими неизвестными. Впрочем, на данной стадии понимания почти все «известное» лежало в пределах громадной трясины неуверенности. Весь фокус — если только этот фокус существовал — заключался в том, чтобы встать на твердую начальную точку, опереться на что-то достаточно определенное, а затем обнаружить последовательность, которая позволила бы пробраться вдоль нее до другой точки понимания.

Милли все работала и работала, начисто забыв о том, где она и сколько уже там находится, пока внимание ее снова и снова не стало возвращаться к последовательности, содержащей всего лишь несколько десятков тысяч цифр. Она кусок за куском выудила эту последовательность из моря в сотни миллионов битов, на сознательном уровне совершенно не разбирая, почему это она принимает, а это отбрасывает.

Что делало эти образцы отличными от любых других случайных выборок? Внешне они напоминали бессмысленную смесь. Данный образ, если его можно было так назвать, представлял собой наборы небольших целых чисел, неизменно отделенные друг от друга повторяющейся цепочкой. Эта цепочка всегда содержала одни и те же двадцать бинарных цифр и могла указывать на реальное число, но скорее всего заменяла определенного рода символ. Милли назвала ее «соединителем». Каждый блок соединитель-число-соединитель имел свои собственные индикаторы начала и конца, отделявшие его от других блоков.

Милли подставила слово «соединитель» в набор данных на место 20-битовых цепочек, а десятичные числа — на место их бинарных цифровых эквивалентов и ознакомилась с результатом.

С первого взгляда она ничего особенного для себя не усвоила. Вот шел блок восемь-соединитель-шесть-соединитель-восемь, за которым следовал индикатор «конец блока». А вот — восемь-соединитель-семь-соединитель-восемь, который в цифровом смыс-

ле представлял собой то же самое, а за ним опять индикатор конца. Но дальше располагался блок один-соединитель-восемь-соединитель-один, после чего более загадочный один-один-соединитель-соединитель-шесть-соединитель-соединитель-один-один.

На что бы это могло указывать?

Милли упорно сосредоточивалась, пока числа и слова не стали плавать, блуждать и покачиваться у нее перед глазами. Распознавание образов оставалось той процедурой, которую люди выполняли лучше любого компьютера из доселе построенных.

Это должен быть образ, верно?

Верно! Так распознай его!

Дисплей оскалился на нее в ответ:

«Валяй! Если сможешь!»

Милли закрыла глаза, перевела дух и долго-долго сидела в неподвижности. На сознательном уровне она словно бы дрейфовала от одной случайной мысли к другой. Но когда Милли открыла глаза, она тут же сменила слово «соединитель» на дисплее на символ «-».

Секция, на которую она смотрела, приняла следующий вид: 8-6-8, 8-7-8, 1-8-1, 1,1 — -6 — -1,1. Сперва Милли показалось, что так ровным счетом ничего не прояснялось.

А затем, совершенно внезапно, все стало ясно как день. Милли вздрогнула и потерла глаза. Какой же она была идиоткой! Ведь она в самом начале установила для себя порядок, в котором разумное существо станет пытаться конструировать значимое сообщение: математика, затем физика, затем химия. Закончив с этим, можно было пытаться интерпретировать биологию и язык.

Математику они уже имели — по крайней мере, на уровне целых чисел. Могли пройти месяцы или годы, прежде чем они продвинулись бы к комплексным переменным, алгебраической топологии и теории непрерывных групп. Этого, однако, вовсе не требовалось, чтобы приступить к разработке других тем.

Если брать физику и химию, какую самую очевидную и фундаментальную информацию могло предложить сообщение? Базовым строительным блоком, инвариантным по всей вселенной, являлась периодическая система. Водород в ней шел первым, гелий вторым, литий третьим и так далее по всем стабильным элементам. Углерод шел шестым, азот седьмым, кислород восьмым, и никаким иным их положение быть не могло.

Итак:

8-6-8: двуокись углерода, где тире служило символом химической связи.

8-7-8: двуокись азота.

1-8-1: водород-кислород-водород — вода. Будь автор сообщения человеком, он бы поставил это на первое место. Не встречалась ли вода чаще других символов? Милли необходимо было это проверить.

А 1,1 — -6 — -1,1? Такое тире в принципе неуклюже указывало на двух- или трехмерную связь, однако при этом предполагалось, что читатель наделен интеллектом. Конечно, это был метан, це-аш-четыре, углерод, образовавший одинарные связи с четырьмя водородными атомами. Вполне возможно, двумерная или трехмерная репрезентация могла обнаружиться где-то еще в сигнале, но на данный момент этого было вполне достаточно. Просматривая всю последовательность, Милли смогла увидеть более сложные образы. Сейчас она читала не что иное, как введение в элементарную химию, в то же самое время подтверждавшее, что обычные числа служили здесь обозначением химических элементов.

Разумеется, это не являлось великим открытием. Скорее всего, это просто был один маленький шажок вверх по горе понимания, необходимого для расшифровки послания внеземного разума. Но это был ее шажок — тот, которого пока еще никто не сделал. Милли не хотелось просто обозначить его на дисплеях Сети Головоломок. Ей хотелось поскорей с кем-то поделиться, выкрикнуть об этом всему свету, прежде чем ее мозг лопнет и информация будет потеряна.

Милли быстро встала, покачнулась и ухватилась за край пульта. Близкая к обмороку, она была вынуждена плюхнуться обратно в свое кресло.

Когда головокружение отступило, Милли решила посмотреть, сколько сейчас времени. Уже далеко за полночь. Это была ее старая беда. Она более половины суток просидела одна в этой комнате, позабыв обо всем, кроме дисплеев и собственных мыслей. Теперь, снова осознав у себя наличие тела, Милли поняла, что во рту у нее сущая пустыня, а в горле такое ощущение, точно оно навеки потеряло способность глотать. Ей срочно требовалось попить и сходить в туалет — и обе эти потребности взяли верх над периодической системой элементов.

Милли встала, на сей раз более аккуратно, добралась до двери и вышла в коридор. Она не знала, где здесь туалет, но интуиция подсказывала ей, что он должен быть рядом с конференц-залом. Тогда Милли двинулась в самый конец коридора, опираясь рукой о стену и радуясь тому, что все двери теперь закрыты.

В туалете она сделала свое дело, затем попила из крана и ополоснула холодной водой руки и лицо.

Затем Милли вернулась обратно в пустынный коридор. Пребывая в довольно бестолковом состоянии, она поначалу не заметила, какой он темный и тихий. Все остальные члены группы Сети Головоломок наверняка давным-давно разбрелись по койкам, и Милли следовало сделать то же самое. Ее мозг определенно лопаться не собирался. А значит, свое открытие она смогла бы обнародовать завтра.

Медленно и утомленно Милли поплелась ко входной двери. На полпути туда ее нос вдруг различил слабый, но бесконечно привлекательный запах. Кто-то что-то приготовил, и до смерти изголодавшейся Милли этот аромат показался сущей амброзией.

Проследив запах пищи до конкретной двери, Милли в задумчивости перед ней встала. Все ткани ее тела требовали немедленного подкрепления. Если там случится быть объедкам, надо думать, персона, которая приготовила еду, их для Милли не пожалеет? Она непременно оставит записку с объяснением случившегося и обещанием возместить все съеденное.

Рот Милли, пять минут тому назад совершенно сухой, теперь обильно сочился слюной. Она приоткрыла дверь в комнату. Внутри царил полумрак, но голодающая сразу же сумела разглядеть столик с едой и большую фаянсовую кастрюлю в самом его центре. Ручка черпака была соблазнительно обращена к Милли.

Она сделала два быстрых шага и уже готова была схватить черпак, когда вдруг поняла, что в комнате все-таки есть кто-то еще. Громадный человек, достаточно большой, чтобы затмить половину всех дисплеев, восседал в грандиозном мягком кресле. Когда Милли отступила на шаг, затянутая в черное туша развернулась к ней.

28

— Это то, что надо? — Дядюшка Каролюс положил на стол закрытый прозрачный контейнер, формой и размером напоминав-

ший небольшой наперсток.— Я хотел убедиться, что мы говорим об одном и том же, прежде чем я пойду дальше и отдам эту ерунду исследовательской команде.

Была самая середина ночи. Каролюс, в черном плаще с капюшоном, без предупреждения пришел к Алексу в квартиру, где его встретила сонная и обалделая Кейт в одной лишь короткой ночной рубашке. Дядюшка оценивающе на нее пялился, прежде чем Алекс появился из спальни, и Кейт смогла туда удалиться.

Поморгав от яркого света в гостиной, Алекс взял в руку миниатюрную склянку. Он поднес ее к самым глазам, вглядываясь в содержимое. Внутри находилась темно-серая жидкость, которая лениво покачивалась, когда он наклонял пузырек.

— На вид что-то не то,— наконец сказал Алекс.— Как мне это описали, там должно быть множество маленьких шариков.

— Они там есть. По крайней мере, один из наших спецов быстро глянул под микроскопом и сказал, что они на месте. Шарики совсем крошечные и движутся так, будто они жидкость.

— Тогда, полагаю, это именно то, что нам нужно. А что, вам обязательно было приходить сюда глухой ночью?

— Мне казалось, мы сошлись на том, что всю эту ерунду надо проделать как можно скорее. Твой жирный дружок по-прежнему готов нам Пандору отдать?

— На целый год, как только тесты будут закончены и мы передадим результаты. Сова без конца ворчит, но Пандору он уже освободил и прибыл на Ганимед. Он хочет, чтобы операционный центр был закончен, прежде чем он вернется.

— Тогда давай проделаем тесты и закончим с этим, пока он не передумал. У кого есть список?

— Ни у кого. Сова описал ряд экспериментов, который я уже передал Бенгту Суоми, но он хочет, чтобы наши люди пофантазировали и добавили туда любые физические тесты, какие им только в голову придут. Он убежден, что когда нужный эксперимент будет выполнен, мы сразу об этом узнаем. Я сказал Бенгту Суоми, что Сова ожидает какого-то эффектного результата, а вы знаете Бенгта. Он уже ждет не дождется, когда можно будет приступить.

— Охотно верю,— Каролюс фыркнул.— Сегодня ночью я для Суоми пальну из стартового пистолета. Потом будет проблема с тем, чтобы его остановить. Я еще не встречал ученого, которому бы так хотелось всего лишь еще один экспериментик проделать.

По-прежнему держа в руке маленький цилиндрик, Алекс крутил им так, что содержимое каталось по закругленным стенкам.

— А вы уверены, что эта проба взята у того человека, про которого я вам говорил? Который в научно-исследовательском изоляторе сидит?

— Либо она была взята у Себастьяна Берча, про которого мне рассказали, либо кое-кому в научно-исследовательском изоляторе отрежут яйца и заставят прожевать.

— А как вы ее раздобыли?

— Ты этого не знаешь,— Каролюс протянул руку и изъял у Алекса контейнер.— И знать не хочешь. Но одно я тебе все же скажу. Если брать цену за грамм, то вот эта вот серая дрянь — самый дорогой материал в Солнечной системе. И лучше бы ей эту цену стоить.

— Сова убежден, что так и будет.

— У тебя хоть есть понятие, чего ради ему это так приспичило? Хотя нас, понятное дело, это не касается.

— Он убежден, что это каким-то образом связано с неким оружием и с женщиной, которая в конце Великой войны умерла.

— Великой войны? — Каролюс нахмурился.— Да ведь война уже тридцать лет, как закончилась. Этот Савачарья, как пить дать, совсем из ума выжил.

Алекс вспомнил Сову в Совиной пещере — как он вглядывается в дымящийся котел с тушеной рыбой и осторожно добавляет туда одно-единственное зернышко тмина.

— Я бы так не сказал. Он слегка эксцентричный. Зато еду он готовит лучше, чем все повара Лигонов и чьи бы то ни было еще. Я такой вкуснятины в жизни не ел.

— Правда? — Каролюс поднял кустистые брови.— Вот так заявка. Я бы и сам не прочь немного попробовать. Ладно, удачи ему. Я не тот человек, который станет чьи-то маленькие удовольствия недооценивать. Теперь я, пожалуй, пойду и подниму на ноги Бенгта Суоми. А ты возвращайся в спальню и хорошенько свою красотку обслужи.

Каролюс встал и набросил на голову черный капюшон.

— И еще позаботься о том, чтобы Савачарья знал, что мы нашу часть сделки выполняем.

— Обязательно.

— Скажу тебе, молодой Алекс, эти последние несколько недель сильно меня приободрили. Гектор Люси Мобилиус канифо-

лит, ты — не иначе, как свою начальницу, а вместе вы это дельце с Пандорой обтяпали. Тем временем твоя двоюродная бабка Ага-та, эта ведьма позорная, наконец-то копыта откинула. Выходит, надежда для семьи еще не потеряна.

Он вытряхнулся наружу. Закрывая за ним дверь, Алекс подумал о том, что не слишком много надежды останется для семьи Лигонов, когда дядюшка Каролюс последует примеру двоюродной бабушки Агаты и тоже в ящик сыграет.

Приятно было вернуться в спальню и услышать, как Кейт, сидя по-турецки на кровати, говорит:

— Значит, это и был тот самый Каролюс, великий и ужасный? Ты мне все говорил, какой он страшный, а я подумала, что он очень даже очаровательный. Он представился мне самым что ни на есть вежливым образом.

— Ага. Каролюс страшно вежливый. Уходя, он мне сказал возвращаться в спальню и хорошенько обслужить свою красотку.

— В самом деле? Вот видишь — не только вежливый, но и мужчина со вкусом. Но только больше не надо — не этой ночью. Давай в постель. Завтра мы должны еще пройти три круга ада с твоей предсказательной моделью и Оле Педерсеном. Нам надо поспать.

Кейт вовсе не требовалось об этом напоминать. Но затем Алекс, уютно устроившись в постели рядом с прильнувшей к его спине Кейт, вдруг испытал приступ полночной тоски. Гектор получит все почести за слияние с Мобилиусом и за сделку с Совой. Оле Педерсену или, хуже того, дебилу Маканелли будет поставлен в заслугу успех с предсказательной моделью — влияние внеземного разума и все такое прочее. Послание инопланетян, кстати говоря, уже перестало считаться дикой спекуляцией, поскольку все сводки новостей были полны аномалии Ву-Бестона и текущей работы над расшифровкой сигнала.

А что же Алекс?

Просто анонимный курьер, бегающий между лабораторией Бенгта Суоми и Свами Савачарьей, передающий чужие списки пожеланий и результаты, напрочь забытый уже через год? Или, что столь же скверно, создатель предсказательной модели, которая поглотила крупные объемы компьютерных ресурсов Невода и не произвела на свет ничего, кроме дурного примера ошибочных представлений, зарегистрированного в одной из глав длинной истории компьютерного моделирования?

Алекс уснул, пытаясь решить, что лучше. Что ему больше понравится — быть забытым или обвиненным в невежестве?

29

Промывка. Пока Яна этого слова не услышала, она еще сомневалась в своих планах. Теперь же она была уверена. Мысль о том, что в тело Себастьяна бесцеремонно вторгнутся маленькие самовоспроизводящиеся машинки, производя там перемены, которых никто не мог предсказать, наполнила ее ужасом. Даже если больше никто об этом эксперименте не беспокоился — а это был именно эксперимент, ни больше, ни меньше, что бы там Вальния Блум ни говорила,— Яне следовало держаться поближе к Себастьяну и не спускать с него глаз.

Себастьян казался еще более вялым и безразличным, чем когда-либо. Похоже, он не знал, что с ним собираются проделать,— и даже этим не интересовался. Только Яна и Вальния Блум ежедневно следили за прогрессом в разработке нан. Главный инженер, Гарольд Лониус, настаивал на том, что эта работа самая что ни на есть простая и нет никаких шансов, что она пойдет как-то не так. Он был уверен в себе и почти так же беспечен, как Себастьян.

Беспокоиться обо всем оставалось Яне. Она точно знала, что еще никто и никогда в истории человечества не разрабатывал системы, неспособной дать сбой.

Яна позаботилась о том, чтобы ее пригласили присутствовать на процедуре введения изготовленного продукта. Она сидела и наблюдала, пока Гарольд Лониус демонстрировал ей специальный шприц. Шприц этот был совсем крошечный, напоминая скорее игрушку, чем медицинский инструмент. Внутри содержалось несколько капелек мутной серо-голубой жидкости, вполне невинной на вид. Однако Яна не смогла подавить дрожь, когда Лониус приставил кончик шприца к обнаженному плечу Себастьяна. Жидкость мгновенно исчезла, рассосавшись под кожей.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — Судя по ее голосу, Вальния Блум была встревожена больше, чем ей бы хотелось признать.

— Ага,— Себастьян сидел с тупыми глазами.— Отлично.

Яна совсем иначе себя чувствовала.

— И что теперь?

— Несколько часов ровным счетом ничего.— Изучив пустой шприц, Гарольд Лониус удовлетворенно кивнул.— После этого

наны так начнут размножаться, что дадут о себе знать. Вы, Себастьян, испытаете лихорадку. Думаю, температура поднимется максимум на градус-другой. Затем вам потребуется много мочиться. Именно так будут выделены узелки. Позаботьтесь о том, чтобы пить много жидкости и, тем самым, помочь вашим почкам.

— Когда все это закончится? — спросила Вальния Блум.— В самом начале вы предполагали, что четырех-пяти дней будет вполне достаточно.

— Я был излишне консервативен. Обычно так безопаснее,— Лониус упаковал шприц в специальный футлярчик.— Если через трое суток все не завершится, считайте, что я вам задолжал обед в ресторане.

Инженер ушел. Несколько минут спустя Вальния Блум последовала за ним — после того как проинформировала Себастьяна о том, что его температура и пульс будут отслеживаться дистанционно, а также, что вода очень поможет промывке его системы. Яна внимательно за ним наблюдала. Судя по тому вниманию, какое Себастьян уделил словам Вальнии Блум, она с таким же успехом могла поберечь свои легкие.

Затем Яна и Себастьян остались наедине. Это им было не в новинку, поскольку большую часть своей жизни они провели вместе. Но с тех пор, как они покинули Землю, все изменилось. То ли из-за Себастьяна, то ли из-за Яны, но то, что раньше было непринужденным товариществом, теперь стало сущей неловкостью. Себастьян никогда не начинал разговора. Ответы его содержали в себе всего лишь несколько слов. Он казался поглощенным мыслями, затянутым глубоко в свой внутренний мир.

Яна продержалась три часа. Наконец она сказала Себастьяну, что хочет выйти «свежим воздухом подышать» — замечание, совершенно чуждое природе Ганимеда. Он просто кивнул. Покинув изолятор научно-исследовательского центра, Яна направилась вверх. Поверхность спутника находилась всего в четырех уровнях у нее над головой.

У Яны не имелось никакого сознательного плана относительно того, что она будет делать дальше. А потому, ей показалось совершенно случайным импульсом, когда она нашла точку доступа к поверхности, натянула один из защитных скафандров с тонкой сверхпроводящей сетью, проследовала еще на один уровень вверх и, через целый ряд шлюзов, вышла на голые просторы Ганимеда.

Ближе к шлюзу почва, разбитая движением слишком многих людей и транспортных средств, приняла текстуру мелкого песка. Частички льда и слюды под ногами у Яны блестели в лучах далекого Солнца. Слева от себя, чуть поодаль, она увидела солнечные отблески на зазубренных гребнях и ледяных вершинах. Яна знала их название — Сабинские холмы,— но не испытывала никакого желания их исследовать. Краткий укол ностальгии по мягким и округлым контурам Земли пришел и ушел. Яна сказала себе, что теперь ее дом — Внешняя система. Лучше ей было к этому привыкнуть. Пейзаж этого мира обладал своим суровым великолепием.

Только когда Яна вдруг поняла, что неуклонно направляется на запад к скоплению пусковых башен и лесов, что поднимались в черное небо точно сверкающие шпили инопланетного города, до нее наконец дошло, что она делает. Перед ней лежал один из главных космопортов Ганимеда, дом для сотен или даже тысяч судов, различавшихся по размеру, от одноместных космических «прыгунов» до полновесных межпланетных лайнеров. В классе последних — Яна еще его не видела, но вовсю высматривала — находился ЛВС «Ахиллес», который готовили к следующему полету от Ганимеда до Внутренней системы. Пол Марр сообщил Яне, что хотя он пребывал в отпуске, он каждый день заходил на корабль, чтобы посмотреть, как идут приготовления.

Яна остановилась, поглазела на неподвижные звезды и задумалась, стоит ли ей идти дальше. Проводить вневахтенные часы с Полом — одно дело, а как последняя дура вмешиваться в его работу — совсем другое. Но когда Яна снова посмотрела на паукообразные деррик-краны и пусковые башни, она вдруг узнала массивные очертания «Ахиллеса». Ноги, принимая приказы откуда-то помимо ее сознания, понесли Яну в том направлении.

Охрана на корабле — да, собственно говоря, и всюду на поверхности — казалась столь символической, что, словно бы, и вовсе не существовала. Яна запросто смогла приблизиться к «Ахиллесу», воспользоваться лифтом на лесах вокруг корабля и беспрепятственно войти в переходной шлюз. Ее даже, судя по всему, никто не заметил. Но дальше Яну ждал настоящий шок. Выйдя из внутреннего шлюза, она оказалась лицом к лицу с капитаном Кондо.

Он вежливо ей поклонился.

— Приятно снова вас видеть, мисс Яннекс. Могу вам чем-то помочь?

Неужели у него была столь феноменальная память, что в ней запросто хранились имена всех пассажиров, которые когда-либо путешествовали на «Ахиллесе»?

Следующие слова капитана Кондо эту идею перечеркнули.

— Если вы ищете моего старшего помощника, то вы очень удачно выбрали время. Он сейчас в двигательном отделении, далеко на корме, но собирался скоро уходить. Хотя вы знаете туда дорогу, я бы в высшей степени предпочел, чтобы вы остались здесь. Я дам ему знать о вашем присутствии.

Тон его был официальным, однако, уже отворачиваясь, капитан добавил:

— Мне думается, я перед вами в большом долгу, мисс Яннекс. Множество раз я побуждал Пола больше отдыхать и развлекаться между полетами, но всегда безуспешно. Похоже, вы преуспели там, где я оказался бессилен. Хорошенько повеселитесь с моим старпомом — но, прошу вас, верните достаточное его количество, чтобы лететь на «Ахиллесе».

После этой прощальной шпильки он оставил Яну ждать в одиночестве. Она стояла у выхода из переходного шлюза, радуясь тому, что капитана Кондо здесь не будет, чтобы наблюдать за ее общением с Полом — каким бы оно ни получилось.

Пол появился через несколько минут.

— Яна! — только и сказал он.

Из одного слова приветствия невозможно было понять, действительно ли он рад ее видеть. Скафандр Яны исключал возможность ее обнять или еще как-то проявить свою привязанность.

— Извини, Пол. Я вовсе не собиралась сюда приходить, но потом у Себастьяна началась операция промывки, и я почувствовала страшную неловкость. Хотя я знаю, что все это должно быть безвредно и безболезненно, но у него начнется лихорадка, и я почему-то...— тут она умолкла.

— Я понимаю. И как долго продлится операция?

— Похоже, никто точно не знает. Три дня. Может, четыре.

— Тогда самое худшее, что ты можешь сделать, это все время болтаться вокруг и непрерывно тревожиться. Следующие несколько часов у тебя ничем таким не заняты?

— Нет.

— Тогда идем со мной. Я гарантирую тебе кое-что, что тебя на какое-то время отвлечет от Себастьяна.

— Куда ты собрался?

Пол указал пальцем вверх и улыбнулся, увидев выражение лица Яны.

— Нет, я не передний смотровой отсек «Ахиллеса» имел в виду. Мы там уже были и кое-что проделали — или попытались. Я знал, что сегодня буду в космопорту, а потому записался на космическую прогулку. Я заказал одноместник, но могу позвонить и сменить его на парный «прыгун» с двойным управлением.

— Мне нужно будет управлять звездолетом?

— Нет, тебе нет. Быть может, в другой раз, но не сегодня. Разделение труда. Я веду, ты осматриваешь достопримечательности.

Яна медлила соглашаться, но, судя по всему, отказ в ее выбор попросту не входил. Пол сказал:

— Дай мне минуту, чтобы надеть скафандр. Очень удачно, что ты уже готова,— и он нырнул в соседнюю каюту, прежде чем Яна успела рот раскрыть.

Снова она осталась одна. Но теперь Яна уже чувствовала себя намного лучше. Временами было очень хорошо, чтобы кто-то принимал за тебя решения.

Облачившись в скафандр и оказавшись снаружи «Ахиллеса», Пол повел Яну по открытой поверхности, усеянной небольшими звездолетиками. Тут и там ярко-красные щиты укрывали от солнечного града высокоскоростных протонов то, что под ними находилось. Судов было столько, что не сосчитать, и Яне это место показалось настоящим лабиринтом. Но Пол, судя по всему, точно знал, куда он идет. Пятнадцать минут спустя он остановился у тупоносой нелепицы, возвышавшейся на шести тонких ножках. Привыкшей к земным реалиям Яне штуковина напомнила гигантскую голубую стрекозу. Когда они подошли поближе, Пол хлопнул по борту. Тут же дверца услужливо распахнулась, и оттуда развернулась узкая лесенка.

— Разве тебе не нужно заранее насчет всего этого распорядиться? — спросила Яна, когда они взобрались на борт и опустились на массивные мягкие сиденья. Кресло Яны тут же подстроилось под ее размер.

— Можешь считать, что нет,— Пол проверял показания приборов.— Вообще-то средний человек не может взять корабль без специального уведомления. Но я здесь в деле. И это одна из льгот.

Большинство членов команды просто начинает сходить с ума, если застревает под поверхностью между полетами, так что мы можем летать, когда захотим. Готова к старту?

Этот вопрос был риторическим, поскольку вес Яны вдруг сделался чудовищным. Поднимаясь, стрекоза вращалась, и желудок Яны вращался вместе с ней, пока поверхность Ганимеда с головокружительной скоростью отваливалась вниз.

— Какое у нас ускорение? — сквозь сжатые зубы спросила Яна.

— Одно «жэ»,— давление в кабине нормализовалось, и Пол снял шлем.— Я подумал, надо устроить так, чтобы ты чувствовала себя как дома.

Так это было одно земное «жэ»? Но затем, прежде чем у Яны появилось время задуматься о том, как быстро знакомое становится незнакомым, ей пришлось подумать кое о чем еще. Другой корабль, раз в десять больше по размеру их стрекозы, промелькнул впереди. Яна заметила ряд иллюминаторов, головы людей и поняла, что они лишь на считанные десятки метров разминулись.

— Абсолютно безопасно,— Пол, должно быть, услышал, как она охнула.— Мы в зоне прибытия. Относительные положения до миллиметров контролируются. Когда мы отсюда выйдем, сомневаюсь, что ты увидишь хоть один другой корабль, пока мы не пойдем обратно на приземление.

— Куда ты нас везешь?

— А куда тебе хочется?

— Как насчет Ио? Я слышала, там красиво.

— Это точно. Извергающиеся вулканы, лава, ямы с горящей серой. Я сотни раз пытался этот пейзаж написать, но всегда выбрасывал то, что получалось. К реальности даже близко не подобраться. Всякий раз, как я читаю описание ада, я про Ио думаю. Но сегодня мы туда отправиться не сможем.

— Двигатель не позволит?

— Нет. «Мобиль» может работать вечно. Но наземный контроль не хочет, чтобы члены команды залетали с увеселительными прогулками к Урану или Нептуну, а потому жмется насчет летучих веществ для реакционной массы. Так или иначе, полет до Ио — это целый день при нашем ускорении. Мы просто немного прогуляемся.

Возможно, они просто гуляли, но в данный момент похожий на стрекозу кораблик, казалось, нырял прямиком к центру затяну-

того облаками Юпитера. Планета заметно разбухала — по крайней мере, в воображении Яны. Она вспомнила их последнюю встречу с Юпитером и почти фатальную пертурбацию «Ахиллеса». Что же такое Себастьян все-таки пытался вытворить, когда с люком возился? Он никогда не отвечал — сколько она его ни спрашивала. Вальнии Блум Яна в этом не признавалась — собственно говоря, она настаивала на совершенно противоположном,— но поведение Себастьяна неуклонно становилось все более странным. Хотя он, по-прежнему, без конца глазел на образы Юпитера и Сатурна, облачных систем он больше не рисовал. Казалось, Себастьян уже вообще ничем не занимался. Любой, кто осмотрел бы его, наверняка бы решил, что он слабоумный или накачан наркотиками. Раньше Себастьян никогда таким не был. Если бы он таким был, он бы нипочем не прошел тесты, и они с Яной по-прежнему бы находились на Земле. Но в его нынешнем состоянии — разве могли Себастьяну позволить отправиться куда-то дальше во Внешнюю систему?

— Ничего, если я поговорю? — Пол ворвался в ее мысли.— А то ты, похоже, немного отвлеклась.

— Все хорошо,— Яна смогла зафиксировать легкую перемену в направлении. Прямиком к Юпитеру они уже не ныряли.— Эта панорама... она мне кое-что напомнила.

— Именно этого я и боялся,— Пол резко развернулся на сиденье, обращаясь к ней лицом.— Знаешь, когда я сегодня тебя на борту «Ахиллеса» увидел, я удивился. Удивился, но обрадовался. Потому что я хотел тебе кое-что еще сказать, но все время это откладывал.

Что ее теперь ожидало? Яна так и оцепенела в кресле, а Пол продолжил:

— За последние несколько недель мы замечательно провели время — по крайней мере, я провел. Но через шесть дней «Ахиллес» уйдет в рейс, и я уйду вместе с ним. Дело в том, что я моряк и, судя по всему, самый типичный. Если у меня и не было девушки в каждом порту, то по крайней мере новая компаньонка в каждом полете имелась. Двух-трех недель бывало вполне достаточно, чтобы что-то такое завязалось, а затем, когда мы прибывали, мы расходились спокойно и цивилизованно. Не хочу тебе лгать, Яна. Я провел чертовски славное время, занимаясь этим, и никогда ни о чем не пожалел.

А потому я должен быть последним человеком, у кого есть право жаловаться, если кто-то к нему охладевает. Если только все не было так, как у нас с тобой. Мы были по-настоящему поглощены друг другом по пути к Ганимеду и даже после прибытия, пока ты не ушла посмотреть, как там дела с Себастьяном. Я подумал — ну вот и финал, между нами все конечно. Но затем ты вернулась, и все разгорелось с новой силой. Я начал воображать, что у нас может что-то составиться в долгосрочном плане. Но тут Себастьяну собрались проделать эту чудную операцию, и ты опять ушла.

Не хочу, чтобы ты думала, будто я тебя ревную к несчастному придурку. Я не ревную. Я его жалею. Потому что по моему мнению — ты только не злись — у него уже последние пробки горят. Но, похоже, всякий раз, как он в беде, меня сразу же очень далеко сдувает с твоего горизонта. Как сегодня. Ты пришла на борт «Ахиллеса», и я испытал очень большой подъем. Но дальше выясняется, что ты на самом деле вовсе не потому пришла, что хотела меня увидеть. Ты пришла, потому что ты тревожишься о Себастьяне. Тогда я привез тебя сюда, думая, что хоть это тебя от него отвлечет. Но сразу же после старта ты ушла в себя и никак оттуда не возвращалась. Ведь ты сейчас о Себастьяне думала?

Яна помедлила, затем неохотно кивнула.

— Тогда удивляет ли тебя, если никакого будущего для нас двоих я не вижу? Скажи, Яна, чего ты хочешь?

— Я не хочу, чтобы ты улетал.

— Я должен лететь. «Ахиллес» через шесть дней снимается.

— Я знаю. Я не это имела в виду. Послушай, операция Себастьяна через три дня закончится. Ты можешь эти три дня подождать, а потом снова спросить меня, чего я хочу?

— Ладно, пусть так и будет.— Пока они говорили, корабль следовал по длинной дуге. Гигантская румяная физиономия Юпитера исчезла, и теперь впереди лежал мертвый морозный блеск Ганимеда. Пол отвернулся от Яны.— Я спрошу снова. Но боюсь, я уже сейчас знаю, что ты скажешь. Нам лучше закупорить скафандры. Через пять минут садимся.

— Вот и хорошо. Я должна вернуться к Себастьяну в изолятор.

Яна прислушалась к собственным словам и сама не поверила в то, что только их сказала. Они подтверждали все тревоги и сомнения Пола. Она пожелала, чтобы они с Полом смогли улететь, только вдвоем, и больше никогда не вернуться.

Но так получиться попросту не могло. Узы, притягивавшие Яну к Себастьяну, были слишком крепки. И ад Ио вдруг показался ей ничем, в сравнении с тем адом, которым был Ганимед.

Яна отсутствовала три с лишним часа. За все это время Себастьян, насколько она могла судить, не сдвинулся ни на миллиметр. Он сидел на койке, глазея на фальшивые краски дисплея с Юпитером, что покрывал целую стену. Ураган длиной в столетия, сформировавший Большое Красное Пятно, помутнел до тускло-оранжевого. С его западного края отрывались неистово крутящиеся белые вихри аммиака, каждый размером с Землю.

— Себастьян?

Он не откликнулся. Яна подошла и приложила пальцы к его лбу. Собственные ладони показались ей холодными как лед, но Себастьян определенно был теплее обычного.

— Тридцать восемь целых и две десятых градуса,— произнес бестелесный голос Вальнии Блум.— Легкая лихорадка, но ничего тревожного. Не беспокойтесь, его спальня находится под постоянным наблюдением. Все идет в соответствии с планом.

— Я бы хотела на какое-то время остаться.

— С этим никаких проблем. Мы предоставим вам отдельную комнату, и вы сможете проводить там столько времени, сколько захотите. Я устрою все так, чтобы вы тоже могли отслеживать эту спальню.

— Это было бы идеально,— Яна передвинулась, чтобы встать прямо перед Себастьяном.— Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо.

— Тебе не жарко?

— Нет.

— Ты не голоден?

— Нет,— круглое как луна лицо оставалось бесстрастным. Глаза не отрывались от дисплея.

Яна вспомнила, каким Себастьян был на Земле. Вспомнила все его разговоры о слоисто-кучевых и дождевых облачных слоях. Теперь из него тяжело было даже что-то односложное выдавить. Яна должна была его расшевелить, заставить думать о чем-то помимо этих чертовых облаков.

— А знаешь, Себастьян, где я была? Тебе бы там очень понравилось,— она описала свое путешествие на поверхность,

прогулку в скафандре по ледяным камням под немигающими звездами и лихой космический вояж с Полом Марром. Приведя массу подробностей, Яна постаралась, чтобы все это прозвучало как можно более увлекательно. Себастьян на нее не смотрел, но определенно слушал. Один-два раза он даже кивнул.

Под конец Яна сказала:

— Как думаешь, смогли бы мы с тобой прокатиться вместе, как только промывка будет закончена? Мы бы до самого Ио добрались и вокруг нее облетели.

Это должно было его зацепить. На земле Себастьян был куда лучшим пилотом, чем Яна,— прирожденным, если верить летному инструктору «Глобальных минералов».

— Возможно.

Но, на самом деле, его ровный, нейтральный голос ясно сказал: «Вряд ли». Несмотря на все обнадеживающие заверения Вальнии Блум и Гарольда Лониуса, Яна была капитально обеспокоена.

Совместная космическая прогулка, чтобы посмотреть на Ио или еще на какой-то спутник Юпитера? Только если его состояние сильно изменится по сравнению с нынешним. А таким Себастьян не мог отправиться решительно никуда. И никогда.

30

Вопреки широко распространенному мнению, Свами Савачарья вовсе не был женоненавистником. Да, он, мягко говоря, не наслаждался женским обществом,— но точно так же он относился и к обществу мужскому. Он терпел присутствие нескольких избранных людей, но никакой нужды заходить дальше просто не видел.

И уж совсем несправедливо было считать, будто Свами Савачарья не симпатизировал молодежи. Его собственное отрочество стало периодом непрерывных тяжких травм, и на всем его протяжении Сова чувствовал себя в состоянии войны со всей остальной вселенной. А потому он вполне симпатизировал всякому, кто недавно перенес те же самые муки.

Следовательно, гневный взгляд, которым Сова встретил молодую женщину, вошедшую в его комнату, к ее полу или возрасту никакого отношения не имел. Была поздняя ночь, Сова ожидал прибытия Алекса Лигона, а закрытой двери казалось вполне достаточно, чтобы гарантировать уединение. Кроме того, его прерва-

ли в самый разгар обдумывания сложной и абстрактной линии мысли на предмет проблемы СЕТИ.

Однако незваная гостья тут же оказалась спасена от праведного гнева Совы. Причем не какими-то оправданиями, а тем, как она себя повела. Входя, она не спускала глаз с коричневой фаянсовой кастрюли. В конце концов взгляд женщины переметнулся на сидящую фигуру, но задолго до этого Сова сумел различить, что выражается у нее на лице.

Он узнал это выражение и ему посочувствовал. Незваная гостья была голодна — причем не просто голодна, а как одинокая волчица. Подобная потребность извиняла почти всякую форму неподобающего поведения. Более того, удовлетворение этой потребности не должно было оттягиваться обычными церемониями формального представления. Сова махнул рукой в сторону столика с едой.

— Миски на нижней полке. Ешьте на здоровье.

Женщина кивнула и схватила черпак. Однако, наполняя миску рисотто с травяными приправами, она круглыми глазами смотрела на Сову. Тридцать лет бесцеремонных взглядов приучили его к подобной реакции.

— Когда вы возьмете себе столько еды, сколько вам нужно,— сказал Сова,— я попрошу вас уйти. Я ожидаю гостя, а кроме того, вы в высшей степени мешаете моей работе.

Уже набив рот горячим рисом, женщина пробормотала что-то нечленораздельное. Однако она не ушла, а вместо этого прожевала рис и сказала:

— Извините, что я вошла без спросу. Вы Мегахиропс? Великая Сова?

— Таково мое имя в Сети Головоломок. Данный объект предназначен исключительно для деятельности членов Сети. Всем остальным здесь быть не предполагается.

Женщина по-прежнему не двигалась с места, усиленно продолжая набивать себя плодами Совиных кулинарных трудов. Он не сомневался, что так она никоим образом не сможет насладиться деликатным балансом вкусов. Наконец незваная гостья сделала паузу между двумя очередными ложками, чтобы сказать:

— Превосходный вкус. Эта еда спасла мне жизнь. Меня зовут Милли Ву.

— Из аномалии Ву-Бестона? — ее присутствие в аналитическом центре наконец-то обрело смысл.

— Да.

— Тогда вас ожидает сообщение. Оно пришло несколько минут тому назад со станции «Аргус» в юпитерианской точке Л-4. На нем имеется бирка секретности, а это означает, что оно может быть прочитано только с использованием кода комнаты,— Сова не видел причины добавлять, что бирка секретности особой проблемы в себе не таит, что он уже прочел сообщение и что его отправитель предусмотрительно не ввел туда никаких деталей, кроме просьбы ответить на звонок. Он продолжил: — Однако здесь нет комнаты, оставленной для Милли Ву, а следовательно, нет никакого кода.

— Ах, извините. Я сказала свое настоящее имя, но это не мое имя в Сети Головоломок. Там я прохожу как Атропос. Моя комната — номер двенадцать.

Немногие вещи в Солнечной системе производили на Сову сильное впечатление. А когда все же производили, он старался этого не показывать. Итак, это была Милли Ву, первооткрывательница аномалии Ву-Бестона. И она же являлась Атропос, известным Подмастерьем, трехкратной чемпионкой Сети среди юниоров. Конечно, подобный талант тоже можно было взашей вытолкать из комнаты, но не так срочно.

Сова задал вежливый вопрос, ожидая получить отрицательный ответ:

— Должно быть, вы прибыли совсем недавно. Есть ли у вас какой-то прогресс в расшифровке сигнала СЕТИ?

Ее отклик заставил Сову предположить, что он допустил некую чудовищную ошибку. Милли Ву грохнула полупустую миску на столик и с жаром воскликнула:

— Да! Да!

Ну вот, теперь она намеревалась стоять тут и поливать его всякой чепухой, тогда как ему следовало работать. Сова еще больше утвердился в этом мнении, когда женщина торопливо продолжила:

— По-моему, я кое-что нашла — интерпретацию, которой я не встречала ни в одном другом анализе. Я начала работать с секцией номер четырнадцать — знаете разделение всей аномалии на двадцать семь секций? Конечно, знаете. Вероятно, вы сами его и придумали. Так или иначе, это то самое место, где я впервые обнаружила существование сигнала — там, на станции «Аргус». Но сегодня у меня было преимущество в виде тех предложений по интерпретации, которые сделали вы и все остальные, так что

я смогла приступить, уже зная о целых числах и арифметических операциях. Мне потребовалась целая вечность — вот почему я забрела сюда в поисках пищи,— но в конце концов я смогла сложить несколько кусков вместе,— она подошла и встала у самого пульта.— Ничего, если я вашими дисплеями воспользуюсь?

Сова вовсе не предлагал Милли Ву рассказывать о своей работе, а также не давал ей добро на использование его аппаратуры в его комнате. Это, однако, ее не остановило. Она продолжала говорить, стремительно и энергично, одновременно выбрасывая образы на экран с такой головокружительной скоростью, что всю первую минуту Сова твердо намеревался ее перебить и выставить. Затем он вдруг обнаружил, что сосредоточивается, стараясь поспеть за потоком информации. А дальше интеллектуальный интерес взял свое.

К тому времени, как Милли Ву очертила участки сигнала, которые содержали в себе формулы простых химических соединений, Сова уже был убежден в ее правоте. Он кивнул и сказал:

— Да, этот результат новый. И весьма элегантный.

Для описания результатов чужой работы Сова использовал свой собственный лексикон. Слово «интересный» значило «невзрачный», слово «увлекательный» указывало, что результат представляет некоторый незначительный интерес, тогда как слово «замечательный» служило эквивалентом знаменитой оценки Вольфганга Паули: «Эта теория столь никчемна, что ее даже неверной не назовешь». Слово же «элегантный», которое Сова только что употребил, было зарезервировано для тех случаев, когда он сам оказывался под сильным впечатлением.

У данного факта имелось и зримое доказательство — если бы только Милли могла его распознать. Как раз перед тем, как она вошла в комнату, Сова наполнил большую чашу апельсинами без кожуры и без зернышек. Всю эту чашу он намеревался одолеть в процессе работы. Когда же Милли закончила со своими выводами, ни одного апельсина по-прежнему съедено не было.

Теперь Сова взял апельсин, целиком закинул его в пасть и поставил чашу на столик. Логично было продолжить обсуждение и указать Милли на то, как ее работа пересекается с некоторыми его собственными мыслями на предмет расшифровки других элементов сигнала; однако сюда вскоре должны были вторгнуться другие материи. Алекс Лигон уже опаздывал, и хотя его сообще-

ние было сжатым и осторожным, оно недвусмысленно подразумевало получение окончательных результатов от Бенгта Суоми и группы научных сотрудников «Лигон-Индустрии».

Милли ничего об этом не знала. А потому хмурое выражение лица Совы прочла совершенно иначе.

— Спасибо вам за еду... и спасибо, что выслушали,— сказала она, направляясь к двери.

— Один момент! — Сова поднял пухлую руку.— Мне бы хотелось развить ваши идеи, однако в ближайшее время меня ждут другие занятия. Если вы пожелаете вернуться...

— Завтра? — Лицо Милли демонстрировало смешанное чувство радости и разочарования. Итак, она действительно проделала что-то новое — даже элегантное. Еда и питье прилично ее подкрепили, а потому она была не в настроении спать. И у Милли появился шанс, которого у нее могло никогда больше не быть — возможность работать рука об руку с ведущим Мастером Сети Головоломок.

Но Сова хмурился и качал коротко остриженной круглой головой.

— Нет, завтра я в виду не имел. Я имел в виду, скажем, через час. Если вы тогда вернетесь, моя встреча уже должна будет закончиться.

Милли кивнула.

— Тогда через час. Если вы освободитесь раньше, я буду в комнате двенадцать.

И она ушла.

Сова одобрительно кивнул. Приятно было общаться с человеком, который умел принимать решения. Результаты Милли Ву действительно были элегантными. И они еще больше подкрепляли то странное подозрение, которое уже несколько дней шевелилось где-то у него в затылке. Сова осел в кресле и закрыл глаза. Он чувствовал, что мировые линии сходятся, и каждая могла потребовать крепкого раздумья. Это был один из тех редких случаев, когда он позавидовал способности Морда к параллельной обработке.

Ожидавшее Милли сообщение было, как она и предполагала, от Джека Бестона. Убедившись в том, что дверь комнаты заперта, она набрала личный код и встретилась с пылающими зеленым огнем щелками глаз Джека. Его возбужденный тон вполне соответствовал выражению лица.

— Милли, я задерживаюсь в Л-4. Понятия не имею, сколько мне еще придется здесь оставаться. Затребуйте линию высшей секретности и снова со мной свяжитесь. Я объясню.

Проблемы на станции «Аргус»? Но Джек выглядел скорее обрадованно, чем встревоженно. Милли запросила линию высшей секретности и стала нетерпеливо ожидать, пока там все установится. Когда же связь была наконец произведена, Милли к своей досаде выяснила, что лицо, появившееся перед ней на экране, вовсе не принадлежит Джеку. Там была Зеттер. Выглядела она как обычно. Можно было железно поручиться, что она не сходя с места поджарит и съест собственную прабабушку. Правда, теперь ее узкая мордочка носила на себе выражение плохо скрываемого торжества.

— Слушаю.

— Я отвечаю на звонок. Мне надо поговорить с Людоедом.

— Он сейчас недоступен.

— Станционная служба безопасности может в любой момент до него добраться. Вы это лучше всех знаете. Не думаю, что Джек Бестон будет рад услышать, что я попыталась с ним связаться, а вы мой звонок заблокировали.

Это было самое элементарное силовое давление — то, что Милли больше всего ненавидела. Зеттер еще немного пополыхала ненавистью с дисплея, затем исчезла.

Милли стала наблюдать за часами. Менее чем через тридцать секунд появилось лицо Джека.

— С вами кто-нибудь есть?

— Я одна, в защищенном окружении.

— Ладно. Будем надеяться, что Ублюдок не подключится к секретной линии. Мне кажется, на сей раз он допустил большую ошибку.

— Каким образом?

— Он заключил сделку с Сетью Головоломок, когда ему этого вовсе не требовалось. Милли, у меня хорошие новости.— Джек глянул влево-вправо, словно даже на своей собственной станции он тревожился о том, как бы его не подслушали.— Мы начинаем разгадывать сигнал. Не весь сигнал, конечно, а лишь его части, но кое-какие результаты у нас уже есть. Пат Танкард и Саймон Биттерс славно продвигаются. Вся работа может занять годы, но Ублюдка мы бьем. Мы идем впереди.

— Вы уверены? У вас есть информационный канал со станцией «Цербер»?

— Не очень надежный. И все же у Зеттер есть определенные надежды...— Джек хмурился.— А в чем дело, Милли? Я думал, эти новости приведут вас в восторг. Мы с вами всегда соглашались, что регистрация хорошо, подтверждение еще лучше, но пока у вас нет интерпретации, вы еще и полпути в гору не одолели.

— Я по-прежнему так считаю. Но Джек...— когда это она начала звать его Джеком вместо сэра, мистера Бестона или даже Людоеда? — поймите, это не только на станции «Аргус» происходит. Группа Сети Головоломок очень прилично продвигается. И я догадываюсь, что группа вашего брата тоже немногим медленней. Мы все переоценили сложность извлечения некого первоначального смысла из части сигнала.

Джек так нахмурился, что снова принял свое обычное людоедское обличье.

— Не валяйте дурочку, Милли. В команде Ублюдка одни кретины, просто макаки дрессированные. Если у них и есть какие-то результаты, то только потому, что они их у Сети Головоломок берут. Что там ваша группа уже обнаружила?

Это был нелегкий вопрос. Милли работала на Джека Бестона и станцию «Аргус», но она чувствовала, что честь обязывает ее соблюдать правило, установленное Сетью Головоломок: «Ничто из того, что мы получаем со станции «Цербер», не может быть послано куда-то еще. Это может иметь внутреннее употребление, но должно расцениваться как секретная информация.

Милли не могла быть уверена, какую информацию, не считая самого сигнала, группа Сети Головоломок получила от Филипа Бестона. Возможно, фундамент разделения сигнала и математическая основа происходили со станции «Цербер». Милли не сомневалась, что Джек принимает желаемое за действительное, считая, что его брат собрал у себя команду недоумков.

Единственной безопасной сферой оставались ее собственные результаты. Сова заверил ее, что они новые, а это означало, что из аналитического центра Ублюдка они никак происходить не могли.

Милли представила быстрый отчет о том, что она обнаружила. Частые вмешательства Джека с целью прояснения обеспечили ее новой, еще более высокой оценкой Мегахиропса. То, что она рассказала Сове, представляло собой поспешную и беспорядочную первую попытку, и, тем не менее, он ухватил все методы и результаты, не задав ни единого вопроса. В процессе своего

рассказа Милли услышала громкий стук в дверь, который она проигнорировала.

Когда она закончила, Джек покачал головой.

— Интересно, но совсем не похоже на то, что у нас есть. Не в той части сигнала и даже не в той сфере знания. Помните, мы однажды говорили об использовании биологического подхода, кодировании нуклеотидных оснований ДНК?

— Помню. Я тогда выражала сомнения, потому что это потребовало бы следования инопланетной эволюции тому же биохимическому образцу, что и наш. Но я видела подобное предположение биологического кодирования, сделанное одним из Мастеров Сети Головоломок.

Сказав об этом, Милли почувствовала укол совести. Последнее замечание выходило за пределы ее собственной работы. Впрочем, у нее отлегло от сердца, когда Джек продолжил:

— Мы зашли дальше простого предположения. Пат Танкард и Саймон Биттерс взяли какую-то старую работу Арнольда Рудольфа по четвертичным кодам. Они приложили ее к сорокамиллионному фрагменту, расположенному между двумя секциями сигнала, которые, как мы уверены, имеют формат изображения. Идея заключалась в том, чтобы посмотреть, не могут ли бинарные цифровые пары соответствовать нуклеотидным основаниям. Конечно, нельзя знать заранее, которое из четырех нуклеотидных оснований соотносится с конкретной парой бинарных цифр. Тогда Танкард и Биттерс взяли все возможные комбинации нулей и единиц. Для каждого случая они просканировали всю секцию сигнала, высматривая, не будет ли там снова и снова возникать какая-то узнаваемая последовательность. И она возникла. Для одного варианта «основание—бинарная пара» снова и снова выскакивала десятибуквенная последовательность ГГГЦАГГАЦГ. Она используется в базовом генном обмене и с небольшими вариациями присутствует во всем от бактерий до людей. Этот регион сигнала СЕТИ буквально ею испещрен. Понимаете, Милли, что это означает?

Она очень ясно это понимала.

— Чужаки, которые послали это сообщение, очень близки к нам по химии и структуре. Если у нас есть код ГАЦТ, мы сможем поискать и прочесть генетические профили всего организма.

— Точно. А затем мы окажемся способны их создать! У нас есть информация, чтобы выстроить инопланетную форму жизни, а не просто о ней узнать. Теперь вы понимаете, почему я к

Ганимеду не лечу. У нас тут круглосуточный график, и я должен остаться, чтобы гонять всех в хвост и в гриву.

— Вы не хотите, чтобы я вернулась? — Милли была взволнована, но слегка колебалась. Она не разделяла полной уверенности Джека в том, чего именно добилась группа станции «Аргус». Каждая головоломка имела бесчисленное множество неверных решений в дополнение к единственно верному.

— Нет, Милли. Вы там тоже продвигаетесь, а нам еще предстоит решить массу проблем. Я уже вам сказал, что мы обработали только часть данных, малую долю процента от всего сигнала, которую мы стали называть биологическим разделом. Там должны быть другие — математические разделы, физические разделы, химические разделы вроде того, что вы обнаружили, и даже, быть может, языковые разделы.

Оставайтесь там, Милли, мы вместе пойдем вперед — и оставим Ублюдка далеко позади!

Джек, в своем обычном стиле, вихрем исчез с экрана. Милли прервала связь, прежде чем появившаяся там Зеттер успела затеять еще одну войну за территорию. Сидя в единственном кресле в комнате, она глазела в никуда.

Как ни посмотри, группа станции «Аргус» выполнила нечто, имеющее колоссальное потенциальное значение. Теперь вставал вопрос, что Милли собиралась делать с полученной информацией. В принципе, ее единственным ограничением являлось то, что она не могла передавать данные станции «Цербер» кому-то еще, особенно станции «Аргус». А как насчет обратного варианта? Если Милли поддастся своей природной тяге к свободному распространению информации, она расскажет Сети Головоломок о результатах станции «Аргус». Это, в свою очередь, приведет к тому, что Филип Бестон узнает о том, что выяснил его брат.

Но разве это было так плохо? Потенциал возможных достижений для всего человечества был так велик — по сути, речь шла обо всем: от передвижения со сверхсветовой скоростью до радикального увеличения продолжительности жизни,— что казалось просто преступным запирать важнейшие результаты в потайных ящичках.

Милли приняла решение. Ей следовало сохранять преданность всему человеческому роду в целом, а не отдельным его предста-

вителям или группам. Она направилась по коридору к комнате Совы. Он сказал один час, но в теперешнем душевном состоянии Милли время уже ничего не значило. Ей было все едино — что час, что десять минут.

В любом случае, если Сова не захочет ее видеть, он сможет попросить ее уйти. Этой ночью Милли уже через это прошла.

Было бы куда хуже, если бы там по-прежнему находился ожидавшийся визитер. Милли желала рассказать о достижениях станции «Аргус» Сове, но она не смогла бы сделать подобное признание незнакомцу.

Подойдя к комнате Совы, Милли приложила ухо к щели в косяке.

Ни звука. Очень хорошо.

На сей раз она, по крайней мере, постучит.

Милли немного побарабанила по твердому пластику, распахнула дверь и бодрым шагом вошла в комнату.

Алекс опаздывал. Его задержали, опять задержали и еще раз задержали. Самым худшим было то, что он не мог ни на что пожаловаться. Он понимал, что происходит, и даже этому симпатизировал. Алекс и сам множество раз бывал причиной подобных задержек. Всегда существовало стремление выполнить еще один, последний тест, проверить еще один пункт данных, добавить еще один пояснительный комментарий...

Впрочем, Алекс надеялся, что он не выглядел так, как Бенгт Суоми, когда что-то подобное проделывал. Главный научный сотрудник «Лигон-Индустрии», темноволосый и смуглолицый, при своем высоком росте страшно сутулился. Предельно дотошный и в высшей степени компетентный, Суоми обладал такой мрачной наружностью, что возникали серьезные сомнения, случилось ли ему хоть раз в жизни улыбнуться. Каждый результат, который он подписывал для передачи Сове, казалось, вызывал у него не иначе как кишечные колики. Дважды жрец науки вроде бы уже готов был отдать все досье, но оба раза забирал его назад и уходил, чтобы прояснить какой-то маленький пунктик со своим персоналом.

Когда Суоми появился в третий раз, Алекс просто вырвал у него досье, схватил нужный информационный кубик и бросился бежать. Вслед за ним из лаборатории вылетел тревожный крик: «...но частицы магнитного поля...» Алекс его проигнорировал.

Теперь он чувствовал себя Белым Кроликом, спешащим по бесконечному лабиринту коридоров и тоннелей, что вели к командному центру Сети Головоломок. Алекс опаздывал, страшно опаздывал, но это не помешало ему на бегу подумать о том, насколько соответствовал его представлениям о членах Сети Головоломок тот факт, что они выбрали для себя то место на Ганимеде, которое можно было найти, только пройдя целый лабиринт. Проще было бы добраться до Совиной Пещеры на Пандоре. Одно можно было знать с уверенностью — другого маршрута к этому месту не существовало. Порой тоннели становились такими узкими, что Сову наверняка пришлось намазать жиром и выстрелить из пушки, чтобы он там прошел.

Алекс опаздывал, по меньшей мере, на полчаса. Он попытался позвонить по своему наручному блоку, но, что было весьма характерно для Совы, ответа не последовало. Наконец Алекс прибыл к тому, что должно было стать последней дверью, проскочил внутрь и оказался в узком безлюдном коридоре. Пол коридора был устлан толстым звукопоглощающим ковром. Согласно описанию, это было то самое место — но где тут предполагалось искать Сову? Алекс видел дюжину синих дверей, но все они были закрыты.

Это представлялось вполне естественным. Ни одного человека в здравом уме здесь в такой час оказаться не могло. Не считая Совы. Алекс пошел вперед, барабаня во все попадавшиеся по пути двери, пока не услышал низкий голос:

— Да? Входите.

Первым впечатлением Алекса стала пустая темная комната. Сова, облаченный в черные одеяния и с черным капюшоном на голове, формировал холм более густого мрака. Он восседал на гигантском мягком кресле, подозрительно напоминавшем то, что стояло в Совиной Пещере. Алекс решил опередить Сову.

— Я очень опоздал. Извините, но было много перемен в последнюю минуту.

— Время не было потрачено впустую.— Сова протянул руку.— Результаты, пожалуйста. Я полагаю, они у вас?

— Они у меня, но я боюсь, вы будете разочарованы. Группа Бенгта Суоми выполнила сто восемьдесят семь различных тестов с узелками, взятыми из тела Себастьяна Берча,— Алекс вручил Сове информационный кубик и пачку документов.— Я так понимаю, вы уже просмотрели многие из более ранних результатов вместе с Бенгтом Суоми. В последнем наборе тестов он обнару-

жил только один результат, который может быть квалифицирован как необъяснимый. Суоми сомневается в его важности.

Ответное хмыканье могло выражать все, что угодно — например, разочарование или несогласие. Сова лишь сказал:

— Суждение относительно важности зависит от того, что данная конкретная персона рассчитывает найти. Прошу вашего снисхождения. Я должен изучить эти результаты.

Алекс взглянул на часы. Сова вполне мог функционировать вообще без сна, но Алексу поспать требовалось. Обсуждение предсказательных моделей каждый день все продолжалось и продолжалось, а Сол Глауб не слишком уважал утренний сон. Он склонен был созывать совещания в ранние часы, когда он сам бывал в скверном расположении духа, а все остальные находились в состоянии грогги из-за низкого содержания сахара и кофеина в крови. Глауб охотно признавал, что это дает ему определенное психологическое преимущество. На следующее утро он назначил очередные посиделки, которые Алекс и Кейт обязаны были посетить.

— Позвольте,— предложил Алекс,— я расскажу вам про тот результат, который Бенгт Суоми считает новым и необычным. Это сэкономит время.

Сова властно поднял руку.

— С не меньшей вероятностью это приведет меня к игнорированию другой уместной информации. Время, проведенное в изучении, никогда не бывает потрачено даром,— он потянулся вперед и вставил информационный кубик в компьютер.— «И те, кто лишь стоит и ждет, науке служат». Могу лишь повторить — пожалуйста, проявите снисхождение.

Алекс огляделся. Непомерное кресло Совы занимало полкомнаты. Почти всю оставшуюся половину делили между собой дисплеи, стол, пульт управления, столик с едой и переносная плитка. Второго кресла комната решительно не предполагала — это в том невероятном случае, если бы Сова таковое здесь потерпел.

Ждать — еще ладно, но стоять — нет уж.

Алекс устроился на полу, прислонившись спиной к стене и вытянув перед собой ноги. Оттуда, где он сидел, Сова высился подобно черной горе. То и дело листок бумаги отлетал от пачки и, точно осенний лист, порхал к полу. Временами Алекс замечал белки глаз Совы, ослепительные на смуглом лице, пока он переводил взгляд со страницы на дисплей и обратно.

Прошло десять минут, и пол оказался прилично замусорен отброшенными листами. Алекс переместился в более удобное положение. Пока он это делал, от кресла донеслось очередное хмыканье. Что оно выражало — удивление, сочувствие? Алекс поднял взгляд. Глаза Совы были закрыты.

Наступила уже глубокая ночь, но не мог же этот человек вот так вдруг взять и заснуть? Или мог? Алекс подтянул к себе ноги. Он уже начал вставать, когда из коридора донесся стук. Дверь комнаты распахнулась. Острый ее край чувствительно саданул Алекса по правой коленке, а затем на него чуть было не рухнула молодая женщина.

Алекс в темпе поднялся на ноги, и они встали лицом к лицу, обалдело глазея друг на друга.

— Кто вы? — спросила женщина.

— Эврика! — это слово донеслось от Совы. Он резко вышел из своего явного ступора и внезапно взбудоражился.— Бенгт Суоми прав. Это действительно любопытно, и это обеспечивает вопрос, если не ответ.

Алекс посмотрел на женщину и сказал:

— Я Алекс Лигон.

— Я Милли Ву,— отозвалась та.

Сова махнул на них рукой.

— Оставьте, нет времени. Это имеет колоссальную потенциальную важность.

— А как же работа над сигналом СЕТИ? — спросила женщина.

Тут Алекс вдруг понял, что где-то слышал ее имя.

— На данный момент она отходит в сторону.— Сова повернулся к Алексу.— Даже сейчас мы должны быть последовательны. Я готов услышать резюме того, что группа «Лигон-Индустрии» сочла в этих тестах особенно существенным.

Алекс заколебался и взглянул на Милли Ву. Та покачала головой и сказала:

— Я в этом ровным счетом ничего не понимаю. Вы вполне можете продолжать.

Алекс хорошенько обдумал свой ответ. Сова был сущим дьяволом по части точности изложения.

— Они не сказали, что считают что-либо особенно существенным. Они лишь сообщили, что один тест дал необычные результаты.

— Именно. Превосходный ответ. Продолжайте.

— Девяносто четыре теста включали в себя исследование химических свойств сферических узелков.

— Пустая трата времени и сил. Всякие существенные результаты безусловно должны были бы включать в себя влияние структуры узелков, каковая неизбежно разрушилась бы при любом химическом анализе.

— Бенгт Суоми очень серьезно отнесся к вашей просьбе о том, чтобы дополнить ваш список собственными предложениями. Вы просили, чтобы исследовательская группа выполнила максимально полный набор тестов.

Сова наклонил голову.

— Я действительно это сделал и, по-прежнему, на этом стою. Бенгт Суоми был совершенно прав, что поступил соответственно. Продолжайте.

— Суоми случилось согласиться с вашим заключением — после того, как он увидел результаты. Химические тесты ничего не дали. Затем были проведены структурные микроскопические тесты, скорее сосредоточенные на геометрических и механических свойствах, чем на физических или химических. Они подтвердили, что хотя узелки внешне представляются идеальными сферами, они имеют отчетливую микроструктуру. Каждый содержит туннели, идущие радиально к центру. Туннели микроскопические, но достаточно широкие, чтобы допустить проникновение молекул газа. Группа не смогла представить себе никакого физического эффекта, который мог бы быть связан с подобной структурой. Бенгт Суоми описывает этот результат как интересный, но не информативный.

— Изумительно осторожное утверждение.

— Остальные тесты включали в себя физику. Узелки стабильны в широком интервале температур, давлений и полей. Радиация и бомбардировка частицами мало на них влияют, если не считать эффектов смещения решетки на высокоэнергетичных уровнях. Электрические и магнитные влияния представляются несущественными, даже если речь идет об интенсивных полях. Только один тест дал результат, который никто не смог объяснить. Узелки действуют как катализатор, вызывая фазовые переходы определенных газов.

Сова кивал.

— Это по-настоящему аномальный результат теста. Особенно учитывая то, что узелки вызывают фазовые переходы газов, которых в свободной форме внутри человеческого тела не существует.

— Очевидно. Суоми обнаружил, что каталитический эффект наиболее силен для свободного водорода. В этом случае фазовый переход совершается почти мгновенно. При переходе к более тяжелым газам эффект стремительно ослабляется.— Алекса подмывало добавить: после таких неимоверных усилий и такого жалкого улова вы говорите, что полностью согласны с выводами Бенгта Суоми?

Но Сова не смотрел ни на Алекса, ни на Милли Ву. Он упирался взглядом в дисплей, который демонстрировал увеличенное изображение одного из сферических узелков. Темные зрачки его глаз расширились на фоне лучистых белков. Затем Сова очень медленно произнес:

— Итак, у нас есть необходимые мне результаты, и они поднимают ключевой вопрос, но на него не отвечают. Вопрос этот таков: зачем кому-то понадобилось помещать подобные аномальные структуры в тело Себастьяна Берча — туда, где они не смогут произвести тот единственный эффект, на который кажутся способны?

Вопрос этот никак не мог быть адресован Милли Ву, и все же она выдвинула свое предположение:

— Быть может, как защита? Скажем, узелки поглощают свободные газы, которых там быть не должно?

— Не думаю. Согласно этим результатам, газы узелками не поглощаются. Узелки лишь индуцируют мгновенную фазовую перемену — переход из газообразной в более плотную жидкую форму. Следовательно...— Сова не закончил фразу. Он раздул жирные щеки, нахмурился и повернулся к Алексу.— Знаете ли вы точное местоположение изолятора научно-исследовательского центра, где содержится Себастьян Берч?

— Могу выяснить,— звонок Каролюсу обеспечил бы эту информацию, но Алекс был чертовски уверен, что дядюшка не захочет, чтобы его имя где-то упоминалось.

— Сделайте это. Далее, у меня есть к вам еще одна просьба. Возможно, я слишком остро реагирую, но я хочу, чтобы вы пошли в этот центр и нашли Себастьяна Берча.

— Не думаю, что меня туда пустят.

— Вы недооцениваете силу фамилии Лигон. Она придает авторитет. Как только вы найдете Берча, оставайтесь рядом с ним. Не позволяйте ему ни на секунду оказаться вне вашего контроля.— Сова встал и словно бы заполнил собой всю комнату.— Позднее я все объясню, а сейчас идите, и поскорее. Никуда не

уходите из научно-исследовательского центра. Я как можно скорее к вам присоединюсь. Прежде чем вы уйдете, скажите: позволит ли мне указанный на этих страницах номер связаться с Бенгтом Суоми в любое время и в любом месте?

— Он должен позволить вам добраться до него, где бы он ни находился. Но сейчас глубокая ночь.

— Не то чтобы я об этом факте не знал...

— Похоже, наша с вами встреча закончена,— сказала Сове Милли Ву.

— Нет. Она, я надеюсь, только отложена. Идите с Алексом Лигоном и помогите ему, если потребуется ваша помощь. Мы с вами сможем встретиться завтра — если это завтра настанет.

Игнорируя двух молодых людей, как будто они уже ушли, Сова повернулся к коммуникационному блоку.

Пока они держали путь по темным коридорам, Милли спросила:

— В чем тут дело?

— Не знаю,— это была истинная правда, но Алекс почувствовал, что должен добавить: — Хотя я понятия не имею, что происходит, я точно знаю одно. Магрит Кнудсен находится в самом верху властной структуры Ганимеда, и она более десяти лет была начальницей Свами Савачарьи. Так она уверяет, что хотя Сова часто недоговаривает или вообще отказывается что-либо говорить, он никогда не преувеличивает. Думаю, нам следует поторопиться.

31

По словам Совы, все было проще пареной репы. Идешь туда, где содержат Себастьяна Берча, и пользуешься своим авторитетом, заботясь о том, чтобы этот самый Берч не вытворил ничего экстраординарного.

Вполне возможно, это и впрямь оказывалось просто, если инертной массы в тебе было триста с лишним кило; однако Алекс таким весом не располагал, а потому людьми помыкать затруднялся. Когда они поднялись на лифте и понеслись по внутренним скользящим дорожкам, Алекс заметил на себе глаза Милли и прочел в них немой вопрос: кто такой этот Алекс Лигон и как он собирается проделать то, что даже Великой Сове, по его словам, не под силу?

Алекс тоже на этот счет недоумевал. Когда прошло двадцать минут, а они все еще были в пути, он хлопнул по своему наруч-

ному блоку, включая аварийное прерывание. Затем Алекс попытался позвонить Сове, и линия для разнообразия оказалась открыта; однако ее запирал высокоприоритетный режим другого звонка. Идентификационная проверка Алекса показала, что Сова разговаривает с Бенгтом Суоми.

Настало время для отчаянных мер. Алекс сделал еще один звонок. После паузы, в течение которой Милли спросила: «Кому?», а Алекс ответил: «Армии спасения», крошечный экранчик ожил.

— Алекс? В какие это ты там, дьявол тебя побери, игры играешь? — Рычание было приглушенным и тоненьким, но пылающее гневом лицо не потеряло ни капли своей злобности.

— Не знаю, в какие. Я твердо знаю одно: мои ресурсы на исходе.

— Если ты звонишь мне в такой час, потому что у тебя там с какой-то чертовкой проблемы...— Наручный блок, должно быть, поймал Милли в видоискатель, потому что дядюшка Каролюс продолжил: — Проклятье, это даже не та же самая. Ты скоро как Гектор начнешь.

— Мне нужна помощь.

— Ага, психиатрическая. Знаешь, сколько сейчас времени? Тебе повезло, что я на несколько лет тебя старше, иначе я сам бы сейчас искал себе проблемы на нижних уровнях. Какого дьявола тебе нужно?

Пустой тратой времени было объяснять дядюшке Каролюсу всю ситуацию, да Алекс и сам очень смутно в ней разбирался. Тогда он обрисовал самый минимум, а затем сказал:

— Мы направляемся к изолятору научно-исследовательского центра, где содержится Себастьян Берч. Я не верю, что мы сможем притопать прямо ко входу и ожидать, что они сделают то, о чем мы попросим. Можете вы нас туда провести?

Каролюс зевнул, прищурился и спросил:

— А кто это там с тобой?

— Это Милли Ву. Она мне помогает.

— В чем помогает?

«Одному Сове известно»,— подумал Алекс.

— Она на нашей стороне.

— Е-мое, Алекс. Ты думаешь, это достаточное объяснение? Либо я в уме повредился, либо ты. Меня не волнует, кто на чьей стороне. Где вы сейчас?

— Уровень сорок девятый, сектор сто тридцать четвертый. По меньшей мере сорок минут от лаборатории. Может, сорок пять.

— Кажется, я еще безумней тебя.— Судя по кряхтению, Каролюс натягивал не то брюки, не то ботинки.— Я тебя в это место проведу, но и все. Я ближе, так что я, скорее всего, тебя обгоню. Но если ты прибудешь первым, не пытайся туда войти. Оставайся на пятом уровне за последним поворотом коридора сектора. Никому не звони — включая меня. Я сам звонок-другой должен сделать.

И Каролюс пропал. Милли вопросительно подняла брови.

Алекс развел руками.

— Это дядюшка Каролюс. Извините, что он такое дикое животное. Зато он и впрямь умеет такие вещи обделывать.

— Нет нужды извиняться. Для человека, которого только что среди ночи разбудили, он чертовски тактичен. Вот мой начальник — форменный людоед. Рядом с ним ваш дядюшка просто мишка плюшевый. Ага. А не будет ли тут быстрее?

«Тут» оказалось высокоскоростным лифтом, мимо которого они проходили. Лифт был исключительно грузовой. Но прежде чем Алекс успел указать на возможные опасности, Милли шагнула в трубу и мгновенно скрылась из вида.

Последовав за ней, Алекс мгновенно ощутил сокрушительную тяжесть ускорения в два «жэ». Пока его ноги подгибались, а кишки давили на таз, Алекс снова вспомнил слова Совы: «Такое ощущение, что все основные действия в вашей жизни целиком диктуются женщинами». Никакого способа сделать звонок, ускоряясь вверх, не существовало, но как только подъемная труба выплюнула его на уровне 12 — дальше она просто не шла,— Алекс встал на четвереньки и снова попробовал свой наручный блок. По-прежнему занято. Алекс выругался, встал и устремился вперед по коридору сектора.

— Ваш дядюшка настоятельно велел вам больше ему не звонить.— Милли двигалась на пару шагов впереди него, причем у нее после подъемной трубы даже ни один волосок не сбился.

— Я пытался добраться до Совы, а не до Каролюса. Нам нужно узнать, что происходит.

— Сова так не думает. В Сети Головоломок такой расклад обычен. Сова ожидает, что вы будете действовать, обладая неполной информацией.

— Именно это и происходит.— Уже делая очередной звонок, Алекс хлопнул по блоку и прервал набор в середине. О чем он,

черт побери, думал? Он чуть было не позвонил Кейт. И что бы он тогда ей сказал?

Использование по подсказке Милли высокоскоростного грузового лифта сэкономило им по меньшей мере десять минут. Они уже были на уровне 5 и приближались к сектору 82, когда Алекс увидел, что кто-то спешит им навстречу.

Каролюс приветствовал их словами:

— Лучше бы для всего этого найтись веской причине. Вот что, юный Алекс. Молчи как рыба, если я только тебя об обратном не попрошу.— Затем он улыбнулся Милли и совсем другим тоном сказал: — Надеюсь, я не был груб, когда впервые вас увидел. Возможно, нам еще доведется встретиться, при более благоприятных обстоятельствах — и начать все сначала.

Кивок Милли Алексу — «Вот видите, я же говорила вам, что он лапочка?» — стал по меньшей мере столь же досадным, что и обращение «юный Алекс».

Они вовсе не направлялись к уровню 4, где предполагалось находиться единственному входу в научно-исследовательский центр — все прочие входы вели туда непосредственно с поверхности Ганимеда. Вместо этого Каролюс вел их по сужающемуся тоннелю. Сильный ветер дул им в лицо.

— Уже рядом,— Каролюс помедлил у двери, встроенной в стену тоннеля, и хорошенько по ней постучал.— Ну вот, если они стоят хоть половины тех денег, которые я им посулил, тут мы и пройдем.

Дверь громко заскрипела, открываясь, и из-за нее высунулась озабоченная гномоподобная физиономия.

— Скорее. Сюда.— Мужчина поманил их к себе и быстро глянул вправо-влево по коридору.— Если кто-то узнает, что я вас сюда впустил...

— Знаю. Тебе отрежут яйца и заставят их прожевать.— Каролюс протолкнулся мимо него.— А потому лучше рот держи на замке.

— Вы сказали, наличные...

— Ага. Сказал. А ты думал, я тебе аккредитив «Лигон-Индустрии» вручу? Завтра будут наличные.

— Вы сказали...

— Не твое собачье дело, кому и что я сказал. Спешил я, понятно? Думаешь, я среди ночи полные карманы наличных с собой таскаю? Тебе заплатят. Где Себастьян Берч?

— Вверх по лестнице на один уровень. Дальше по коридору, поворот направо. четвертая дверь налево. Она заперта.

— Ключ?

— Спинорный замок. Вот код,— гном вручил Каролюсу клочок бумаги.— Когда попадете туда, проглотите.

— Ладно,— Каролюс передал клочок Алексу.— Вот, держи. Теперь у тебя есть шанс что-то полезное совершить. Объяснения сбережем на потом, но я чертовски надеюсь, что ты знаешь, что делать после того, как ты эту бумажку съешь. Потому что я дьявольски уверен, что не знаю.

В этом плане их было двое — даже трое, поскольку Милли Ву была так же слабо информирована, как Алекс. Внутри научно-исследовательский центр — что было неудивительно, учитывая ночной час — был пуст, но указаниям гнома следовать было легко. Они направились вверх по лестнице. Держась на шаг позади, Алекс чувствовал себя настоящим преступником. Каролюс шагал впереди и так непринужденно болтал с Милли, как будто у них имелось полное право там находиться.

— Дальше по коридору, четвертая дверь налево, и мы на месте,— Каролюс остановился.— Ну что, Алекс, не желаешь ли все заслуги себе прибрать?

Замок оказался достаточно простым, в духе монтажа минимальной безопасности.

Алекс прикинул, что минут за пятнадцать он бы открыл его даже без всяких спинорных кодов. Пять четырехмерных вращений, параллельное смещение — и спинорные ключи шипением возвестили о завершении процедуры.

— Ну ладно. Моя работа закончена,— Каролюс на пробу чуть-чуть приоткрыл дверь.— Берч весь ваш. Если кто-то спросит, меня тут никогда не было. И у меня будет десяток свидетелей, чтобы это подтвердить.

— Я подумал, вы захотите узнать, зачем нам Себастьян Берч.

— Обязательно захочу. Но как-нибудь в другой раз. Ты мне, Алекс, услугу задолжал. Как и объяснение. Одну взял, одну отдал.

Каролюс ушел. А Алекс до отказа распахнул дверь. И внимательно пригляделся. Внутри оказалась неплохо обставленная квартира, ничуть не похожая на тюремную камеру, которую он ожидал увидеть. Уютная, смутно освещенная гостиная была пуста — какой ей в этот час быть и полагалось.

Еще две двери находились в дальнем ее конце. Алекс приблизился и открыл левую, а Милли держалась за ним. Там оказалась маленькая неосвещенная кухонька. Алекс перевел дыхание и повернулся к последней двери.

Она неслышно открылась в маленькую спальню с отдельным душем и туалетом. Весь свет там был погашен, но из открытой двери его поступало вполне достаточно. Алекс осмотрел комнату, затем развернулся для повторной инспекции кухоньки и гостиной.

Они спешили сюда сквозь ночь, чтобы найти и сторожить Себастьяна Берча. Поскольку это был изолятор научно-исследовательского центра, единственное, в чем они могли быть уверены, так это в том, что Берч здесь непременно окажется.

Однако и в этой уверенности им было отказано.

Себастьян Берч, кем бы он ни был, в этой квартире напрочь отсутствовал.

32

Яна съела слишком большую порцию культивированного омара в «Чреве кита». Или, вполне возможно, в конфликт с ее организмом вступил роскошный шоколадный десерт. Так или иначе, в то время ночи, когда она обычно пребывала в глубочайшей фазе своего сна, Яна застряла почти что на грани сознания. В голове у нее звучали слабые воображаемые голоса. Бормотание было слишком невнятным, чтобы его разобрать.

Яна лежала на спине, и ее бедра находились в приятном соприкосновении с ягодицами Пола. Он спал крепко — как всегда. Обычно Пол в научно-исследовательском центре не оставался — Вальния Блум всякий раз мрачнела от этой идеи,— но приготовления к очередному вояжу «Ахиллеса» шли необычайно гладко. Пол умолял Яну об еще одном шансе запечатлеть ее на полотне. По его словам, она была особенно трудной моделью. Что-то в ее улыбке — какая-то особенная грусть и задумчивость — постоянно от него ускользало. Пол хотел попытаться с самого утра, когда его рука была максимально твердой.

Яна открыла глаза и уставилась в темноту. Внезапно она полностью проснулась. Голоса звучали вовсе не у нее в голове. Они были реальны. Голоса эти доносились из системы слежения в квартире Себастьяна. Быть может, он сам с собой во сне разговаривал?

Если только его голос не мог мгновенно меняться с мужского на женский и обратно.

Яна уставилась на видеомонитор и ничего не увидела. В гостиной у Себастьяна было пусто, а в кухоньке и спальне — темно.

— Пол,— Яна пихнула его локтем, и он сонно запротестовал.— Пол, там кто-то с Себастьяном.

Затем она снова ткнула его в ребра, уже крепче, и выскочила из постели.

— Ну что там еще? — Пол наконец-то проснулся и недовольно заворчал.

— В квартире у Себастьяна кто-то есть. По-моему, в его спальне.

— Ну и что? Разве к нему не пускают посетителей?

— В такой час? — Набросив на себя одежду, Яна принялась ощупью искать туфли.— Взгляни на часы.

— Только что это сделал. Все люди в здравом уме сейчас спят. И я тоже,— но Пол уже сидел на краю постели, нашаривая одежду.— Уверен, с ним все в порядке.

— С ним кто-то есть. Я слышала женский голос.

— Тогда это доктор Блум.

— Это не она. Вальния мне сказала, что сегодня ночью ее в центре не будет.

— Значит, она передумала,— но Пол тоже искал ботинки.— А, ладно. Давай сходим. Я знаю, что ты будешь дергаться, пока сама не увидишь. Я сейчас.

Яна быстро чмокнула его в растрепанную макушку и направилась к двери, пока он все еще шарил вокруг кровати в поисках ботинок.

Через тридцать секунд она оказалась у двери в квартиру Себастьяна. Дверь была приоткрыта, тогда как ей полагалось быть запертой. Резко насторожившись — поскольку это был изолятор, никому туда проникать не предполагалось,— Яна распахнула дверь и вошла.

Гостиная была пуста, но из ванной слышались голоса. Мужчина и женщина — причем без Себастьяна.

Пододвинувшись к двери ванной, Яна встала там и прислушалась.

Мужчина сказал:

— Не знаю. Я всю последнюю четверть часа пытался с Совой связаться по наручному блоку. Безуспешно.

— Не отвечает?

— Линия занята. Он разговаривает с Бенгтом Суоми. И игнорирует мою просьбу о приоритетной отмене.

Разговор продолжился шепотом, но затем женщина вдруг громко сказала:

— Послушайте, это смехотворно. Мы здесь таимся как какие-то взломщики. Насколько все это, по-вашему, важно?

— Я лишь руководствуюсь тем, что мне сказали другие. Сова никогда не суетится и не торопится. Если он говорит, что это срочно, это должно быть по-настоящему срочно.

— Тогда мы должны выйти наружу и орать благим матом, пока не придет кто-нибудь, кто нам поможет найти Себастьяна Берча. Но прежде чем мы это сделаем, позвольте, я кое-что попробую. Свой наручный блок я оставила в рабочей комнате. Можно мне вашим воспользоваться?

— Ничего хорошего это не принесет. Если Сова не отвечает на мой звонок, я не вижу, почему он должен ответить на ваш.

— Разумеется, вы правы. Однако, быть может, мне удастся словчить. Сеть Головоломок применяет особый код доступа. Его предполагается использовать только Мастерам, и я вообще-то его знать не должна. Но я его знаю. По крайней мере, мы выясним, насколько это важно. Сейчас я попробую.

Яна уже услышала достаточно, чтобы понять, что у незваных гостей, кем бы они ни были не имелось, никакого права находиться в квартире Себастьяна. И звучали они скорее озадаченно, чем опасно.

Тогда она открыла дверь ванной и громогласно вопросила:

— Кто вы такие и что вы делаете в частной квартире?

Женщина была полненькая и, судя по всему, лет двадцати с небольшим. Не обращая внимания на Яну, она продолжила что-то говорить в наручный блок. Зато мужчина, на несколько лет старше, резко развернулся и ответил:

— Мы пытаемся найти Себастьяна Берча.

Тут Яна услышала, как позади нее в квартиру вошел Пол, и ей стало гораздо спокойнее. Она твердым голосом сказала:

— Он должен находиться здесь — тогда как вы на это никакого права не имеете. Какое вам дело до того, где Себастьян Берч?

— Я Алекс Лигон. А это Милли Ву.

— А где Себастьян?

— Понятия не имеем. Здесь было пусто, когда мы пришли. Но мы хотели...

Тут женщина, Милли Ву, властно подняла руку. Яна услышала мужской голос, уменьшенный до слабого басового рокота крошечным динамиком наручного блока. Женщина пояснила:

— Сова разговаривал с Бенгтом Суоми. Суоми согласен с тем, что Себастьяна Берча совершенно необходимо найти и держать под замком.

— Его и так под замком держали,— сказала Яна.— У него только что закончилась сложная медицинская процедура, и это могло иметь побочные эффекты. Вы уверены, что его здесь не было, когда вы пришли?

— Абсолютно уверены. А как вы узнали, что мы здесь?

Яна ткнула большим пальцем в сторону потолка.

— По мониторам. Конечно, когда в комнате темно, ничего не видно, но аудио постоянно работает. Я услышала голоса. А вы как попали в закрытое учреждение?

Мужчина уклонился от ответа, вместо этого он сказал:

— Нас послали сюда найти Себастьяна Берча, потому что кое-что считает, что он может быть опасен — для себя и, возможно, для других.

Эти слова ударили Яну по больному месту. Она буквально взорвалась:

— Опасен? Никому другому Себастьян никогда не повредит — но он может с легкостью повредить себе. Меня зовут Янина Яннекс, а это Пол Марр. У нас есть полное право здесь находиться. Мы отвечаем за безопасность Себастьяна. Объяснения от вас двоих я получу позднее. А сейчас...

Уставившись в потолок, Яна сделала то, что ей следовало сделать еще до того, как она покинула свою спальню — не будь она уверена, что Себастьян здесь. Она твердо сказала:

— Включить надзор. Доклад через тридцать секунд. Мне нужны показания следящего устройства. Где Себастьян Берч?

В последовавшие несколько мгновений тишины Яна добавила,— скорее Полу, чем незваным гостям:

— Когда началась операция промывки, Себастьяну имплантировали следящее устройство, рассчитанное на круглосуточный автоматический надзор. Мы сможем проследить за ним, куда бы он ни отправился.

— Себастьян Берч в секторе восемьдесят втором,— сказал голос из ниоткуда.— Он на нулевом уровне.

— Этого не может быть! — Яна потеряла все остатки спокойствия.— Нулевой уровень — это поверхность. Там вакуум. Если Себастьян там, он мертв.

— Или он в скафандре. Но он не должен знать, где они хранятся. Пол повернулся к Алексу, который сам чувствовал себя в вакууме.— Вы двое вошли сюда с поверхности?

— Нет.

В животе у Яны вдруг возникло жуткое ощущение пустоты.

— Себастьян знает, где скафандры,— пробормотала она.— Я ему рассказала — после того, как побывала на поверхности и навестила тебя на «Ахиллесе». Некоторые вещи он помнит идеально. Ручаюсь, он и теперь там — глазеет на облачные системы Юпитера.

Пол кивнул.

— Возможно, ты права, но мы должны туда пойти и вернуть его на место. Новичку на поверхности может быть опасно. Если ему имплантировали следящее устройство, мы легко его найдем. Оно точно скажет нам, где он.

Пол пытался подбодрить Яну, но это произвело неожиданный эффект. Голос из наручного блока, теперь усиленный до разборчивости, спросил:

— Существует ли возможность того, что Себастьян Берч получит доступ к действующему кораблю?

— Кто это еще там, черт побери? — осведомился Пол.

Ответил ему вторгшийся в квартиру мужчина, Алекс Лигон, причем таким тоном, как будто это должно было что-то значить:

— Это Свами Савачарья.

Голос из динамика продолжил:

— Если существует возможность того, что Себастьян Берч получит доступ к действующему кораблю, он должен быть остановлен. Ни при каких обстоятельствах нельзя допустить, чтобы он покинул Ганимед.

— На поверхности сотни кораблей,— сказал Пол.— Целая флотилия. Черт, а ведь этот выход к поверхности совсем рядом с главным космопортом.

— И Себастьян опытный пилот. Прирожденный, если верить тому человеку, который нам давал уроки.— Яна снова обратилась к потолку: — Надзор. Приоритетный доклад. Каковы действия и местонахождение Себастьяна Берча?

— Себастьян Берч движется по поверхности со скоростью семь километров в час. Сейчас он в восемьдесят четвертом секторе.

— Сектор космопорта.— Когда Пол об этом сказал, Яна вздрогнула. А затем спросила:

— Надзор, насколько он близок к какому-либо кораблю?

— Сорок семь кораблей в рабочем состоянии находятся в пределах четырехсот метров от его нынешнего местоположения.

— Есть на этих кораблях команды?

— Такой информации нет в наличии.

— Большие шансы, что ни на одном из них команды нет,— сказал Пол.

Тут из ручного блока снова послышался голос:

— Себастьян Берч должен быть остановлен, любой ценой. Ему нельзя позволить получить доступ к кораблю, способному покинуть поверхность Ганимеда.

— А почему? — с вызовом спросила Яна.— Что заставляет вас думать, что вы вправе здесь приказы раздавать?

— В настоящий момент контрпродуктивно сообщать вам мои причины для тревоги. Позвольте мне лишь сказать, что это вопрос первостепенного значения и что это может привести... ко множеству смертей. Если вы сомневаетесь в моей надежности, спросите Магрит Кнудсен из Координационного Совета о Свами Савачарье — но прошу вас, сделайте это потом.

Яна приняла тяжелое решение. Уж кто-кто, а она знала, что Себастьян совершенно безвреден. Однако...

— Пол, мы должны его остановить.

Он, слава Богу, не стал ее расспрашивать, а сразу же сказал:

— Надзор, связь с командным пунктом космопорта. Командный пункт, это Пол Марр, старший помощник ЛВС «Ахиллес». У нас есть информация о потенциальном побеге из изолятора. Любой индивид, обнаруженный на поверхности в секторе восемьдесят третьем, должен быть взят под стражу и задержан до моего прибытия. Для его задержания используйте все возможные средства.

«И разбейте мне сердце»,— подумала Яна. Сглотнув комок в горле, она сказала Полу:

— Я должна пойти за ним. Сама. Непременно должна.

— Знаю. Я иду с тобой.

— А мы? — спросил мужчина по имени Алекс Лигон.

Пол на секунду бросил на него взгляд.

— Послушайте, я не знаю, что вы здесь делаете и кто вы такие. Но у меня есть права пилота для всего от одноместного «прыгуна» до самых больших лайнеров. Если у вас в этом плане имеется что-то большее, то валяйте. Если нет, отойдите и не мешайте.

Мужчина нахмурился и открыл было рот, но первой заговорила женщина по имени Милли Ву:

— Вы просили нас послушать, так теперь сами послушайте. Мы уже сутки без сна. За Алекса Лигона я говорить не могу, но сама я со вчерашнего завтрака всего лишь самую малость перекусила. Мы примчались сюда, потому что нам было сказано, что кто-то может оказаться в беде. Мы не знаем вашего друга Себастьяна Берча и понятия не имеем, почему он должен оставаться на Ганимеде. Что касается меня, то я была бы счастлива вообще никогда в жизни его не видеть. Вот.— Она взяла наручный блок и швырнула его Яне.— Возьмите. Если хотите еще что-то узнать, меня не спрашивайте. Спросите Сову.

Яна прервала зарождающийся спор.

— Пол, твои верительные грамоты я хорошо знаю, а им этого не требуется. Нет времени препираться. Вы двое возвращайтесь к своему Савачарье, кем бы он ни был. Если потребуется разбирательство по поводу вашего вторжения, мы его устроим после.

Она вышла оттуда прежде, чем дискуссия продолжилась. Через десять секунд Пол ее догнал.

— Ты была права,— сказал он.— А я — нет. Просто мне прищемили самолюбие. Ничего, если я первым пойду?

Яна пропустила его вперед. Как только они окажутся на поверхности, это станет очень важным. Она уже выходила на поверхность, но в сравнении с Полом была там сущим новичком. Максимально быстро натянув на себя скафандры, они пробежали последние двадцать метров до эскалатора.

Когда они появились на поверхности, Яна бросила взгляд направо и снова увидела остроконечный город пусковых башен и лесов, сверкающий в отраженном солнечном свете. По сравнению с прошлым разом их расположение изменилось. Десятки, даже сотни кораблей были рассыпаны у подножия строительных конструкций. Там было все от пузатых грузовых судов до одноместников на веретенообразных ножках. Высоко над всем этим разнообразием висел знакомый шар Юпитера, разбухший и полосатый. Для Себастьяна планета могла быть объектом бесконечной привлекательно-

сти, но Яна представляла себе, как рассматривают ее остальные. Только безумец мог покинуть Ганимед и полететь ближе к Юпитеру только затем, чтобы поглазеть на атмосферные облачные системы.

Тут Яна услышала треск в коммуникационном блоке, а затем голос Милли Ву:

— Свами Савачарья по-прежнему на линии. Он хочет поддерживать с вами связь. Я попробую дать его на локальное видео и аудио.

Голос, который вскоре прозвучал у Яны в скафандре, однако, Свами Савачарье не принадлежал. Музыкальное контральто пропело:

— Янина Яннекс? Говорит командный пункт космопорта. Мы приняли эстафету у автоматического надзора. Следим за вашим приятелем, и он сейчас как раз садится в одноместник класса «муха».

Пол вмешался:

— Это Пол Марр, старший помощник «Ахиллеса». Можете остановить его взлет?

— А, привет, Пол. Это Тесс Уокер. Остановить? Как?

— Отключить управление кораблем,— сказала Яна.

— Ну-ну, вы сами подумайте, что говорите. Ручное управление всегда имеет преимущество над дистанционным.

— А нельзя послать кого-нибудь к кораблю? — спросил Пол.

— Кого? У нас тут всего три человека на вахте. Грузовые прибытия и отбытия автоматизированы, а никаких пассажирских кораблей по графику нет. Мы ничего срочного и близко не ожидали. Вы вообще спите когда-нибудь? Ночная смена в самом разгаре.

Женщина была права. Хотя Яне этот час уже не казался каким-то конкретным временем дня или ночи. Лучше было оставить все Полу, который всегда знал, что делать.

— Если этому Себастьян взбрело в голову полететь,— продолжила Тесс Уокер,— он отбудет задолго до того, как мы туда подскочим. По сути, вы сейчас ближе к нему, чем мы.

— Достаточно близко, чтобы его удержать от взлета?

— Нет, Пол. Но я могу вас направить к другому кораблю — скутер «москит», двухместный. Горючее уже на борту.

— Это будет идеально. «Москит» быстрее всего в классе «муха». Куда бы он ни направился, мы способны будем догнать его и поймать. Судно готово к старту?

— Не меньше, чем вы. Берете его?

— Да!

— Оно ваше. Возьмите на двадцать градусов влево от вашего нынешнего направления. Продолжайте двигаться, и я вас к нему направлю.

Яна очень нуждалась в том, чтобы ее направляли. Недосып, слишком обильная пища и незнакомое окружение комбинировались, отделяя ее от реальности. Во время своего предыдущего пребывания на поверхности она передвигалась неспешно. Теперь же Яна силилась угнаться за Полом по зернистой равнине кристаллов водяного льда, находящихся при температуре в сто пятьдесят градусов ниже точки их образования. Это был не бег. Это была не ходьба. Это было стремительное нетвердое шарканье мимо насекомообразных громад деррик-кранов и сквозь длинные черные тени, отбрасываемые приземистыми корпусами грузовых кораблей.

Голубая вспышка где-то справа заставила Яну повернуться туда.

— Вот стартует «муха»,— сказало контральто.— Он ушел. Не волнуйтесь, вам уже осталось меньше ста метров.

Ни Пол, ни дежурная в командном центре Тесс Уокер ничего не сказали о размерах скутера, на котором предстояло лететь. Взобравшись вслед за Полом по короткой лесенке, Яна вдруг поняла, что извиняется, с трудом вжимаясь на соседнее с ним сиденье. Пол даже вида не подал, что ее услышал. Он уже взял управление в свои руки и проводил молниеносную проверку системы.

— Я думала, эта штука уже будет готова лететь,— сказала Яна.

— Уверен, что она готова. Просто эту проверку никогда нельзя пропускать. Мы в хорошей форме. Командный центр? Мы готовы стартовать, но у меня нет визуального контакта.

— Он уже вне вашего поля зрения и радиуса. Насчет этого не волнуйтесь. Я загружу вам идентификацию «мухи», и ваш автопилот все прочтет. Или сами можете прочесть. Куда бы он ни направился, ваш скутер сможет за ним последовать. Лучше установите уклон от столкновения.

— Есть,— Пол щелкнул переключателем.— К старту готов.

Для Яны это стало недостаточным предупреждением. Даже имея небольшой опыт, она оказалась совершенно не готова к тому, что скутер резко подастся назад, принимая вертикальное положение, после чего рванет вверх. Упасть Яна не могла, поскольку сиденья двигались на шарнирах, следуя вектору ускорения, но перемена положения привела ее в крайне неудобную позу. К тому же колени ее едва вжимались в узкое пространство перед сиденьем. Мир снаружи

скутера сделался мигающим дисплеем, под которым узкая щель прозрачной панели выхватывала кусочек незнакомого звездного поля.

— Он держит путь к планете.— Пол изучал информационную панель, которая тянулась вдоль верхнего края обзорного экрана.— Так что мы следуем за ним к Юпитеру. Ты была права, Яна. Он опять вернулся к своему пунктику насчет облачных систем.

Тут их нежданно-негаданно перебили. Голос Свами Савачарьи, совсем слабый и почти до неузнаваемости замусоренный интерференцией, донесся из наручного блока, который дала Яне Милли Ву.

— Пунктик насчет облачных систем был бы вполне приемлем. К сожалению, данный случай может быть отнюдь не таков.

Блок не предназначался для столь дальнобойной работы. Голос Совы то и дело пропадал, пока он продолжал:

— Если бы Себастьян Берч просто хотел понаблюдать... возмущения в атмосфере Юпитера... не отважился бы на столь неотложное действие. К несчастью...

— Что он делает? — настойчиво спросила Яна.— Я должна знать.

— Боюсь, он... хочет войти в атмосферу.

— Зачем?

— Приношу свои извинения... не могу этого обсуждать. Однако вы должны остановить... попытаться привлечь другие силы...

Остальные слова Совы потерялись в приливе статики.

— Он пропадает,— сказал Пол.— Наручный блок уже за пределами его радиуса.

— Он говорит, что Себастьян хочет войти в атмосферу Юпитера.

— Да. Опять.

— Пол, мы должны его остановить. Он сам не знает, что делает. Если кто-то может нам помочь...

— Маловероятно,— Пол включил систему регистрации сигналов, чтобы просканировать небо перед «москитом», и на экране вспыхнуло единственное красное пятнышко.— Это корабль Себастьяна. Никаких других судов в космосе между нами и Юпитером нет. Ио и Европа находятся по ту сторону планеты, и ничего хорошего нам не принесут. Амальтея в нужном положении, но там готовы к полету только грузовые суда. Все зависит от нас.

— Но что мы можем сделать?

— Пока он продолжает набирать скорость, не так много. Мы никак не можем изменить его курс, и у нас нет другого способа обезвредить его корабль, кроме как погибнуть самим.

Пол подрегулировал показания, и на экране рядом с мигающей красной точкой появилась широкая дуга терминатора Юпитера.

— Потребуется немало времени, чтобы его догнать, но мы окажемся бок о бок задолго до того, как он приблизится к планете. Дальше я смогу бомбардировать его радиосигналами на аварийной частоте, и ему придется слушать. Отключить эту передачу он не сможет. Все будет зависеть от тебя, Яна. Ты должна с ним поговорить. Должна убедить его развернуть корабль и направиться назад к Ганимеду.

«Убедить его? — подумала Яна.— Пол, ты Себастьяна не знаешь». Впрочем, Полу бессмысленно было это говорить. Кто вообще знал Себастьяна? Только не Яна, хотя она многие годы с ним проводила почти все время.

Она осела на сиденье, глядя на мигающее красное пятнышко на экране. Пятнышко понемногу увеличивалось, но казалось, что дуга Юпитера растет еще более стремительно.

— Сколько у нас еще времени?

— Многие часы, прежде чем мы приблизимся к Юпитеру. Но мы уже в пределах радиуса действия аварийного сигнала. Ты прямо сейчас можешь с ним пообщаться.

Пол говорил спокойно рассудительно. Яна чувствовала, что лишена и того и другого, но вынуждена была прикидываться.

— Себастьян? Ты меня слышишь?

Она не ожидала ответа, но он пришел немедленно:

— Да, Яна. Я тебя слышу.

Слова казались вполне разумными, но тон был такой, каким обычно во сне разговаривают. Пол ободряюще похлопал Яну по облаченной в скафандр руке.

— Себастьян, корабль, на котором ты летишь, нам не принадлежит. Мы должны его вернуть.

— Я знаю, Яна. Я его не угонял. Я его одолжил.

— Пора его вернуть. Ты должен прямо сейчас лететь назад.

— Нет, Яна. Я еще не закончил.

— Что ты не закончил? Куда ты летишь?

— Мне нужно подлететь поближе к Юпитеру. Нужно добраться до облаков.

— Себастьян, если ты полетишь назад к Ганимеду, ты сможешь воспользоваться телескопами, которые продемонстрируют тебе все мельчайшие детали облаков. Пертурбационный пролет

только кажется легким. На самом деле это не так. Здесь нужно быть экспертом.

— Ты не понимаешь, Яна. У меня есть задание. Я должен его выполнить.

— Какое задание? Никто тебе никакого задания не давал.

— Давал, Яна. Я знаю, что я должен сделать. И всегда знал.

— Это чушь, Себастьян. Мы почти всю жизнь провели вместе, и ты мне никогда ни про какое задание не рассказывал. А что ты должен сделать?

— Ты не поймешь. Надеюсь, Яна, ты не обидишься, если я не стану больше с тобой разговаривать. Я больше вообще ни с кем не собираюсь разговаривать.

— Себастьян...— тут Яна почувствовала руку Пола у себя на плече.

— Тебе до него не достучаться,— тихо сказал Пол.— Признай это, Яна. Он безумен. Я сказал, что ты должна его убедить, но безумца ты убедить не в силах.

— Я должна попытаться. Дай я еще с ним поговорю. Может, мне все-таки удастся его понять.

— Пожалуй, больше нам ничего не остается. Когда мы приблизимся, я собираюсь расположить нас бок о бок. Может, что-то изменится, если он увидит наш корабль и поймет, что ты рядом с ним, куда бы он ни отправился. Поговори с ним, Яна.

О чем? Но слова полились сами собой. Яна начала вслух вспоминать их первые дни вместе, в лагере для перемещенных лиц в Гусвике. Она говорила об учебе, о цветочном фестивале в Пунта-Аренасе, о летних вечерах, что длились вечно. Затем они приняли совместное решение устроиться на работу на плавучей платформе «Глобальных минералов». Дальше было еще одно решение, о перемещении во Внешнюю систему, их планы совместной работы на метеорологической станции в системе Сатурна.

За все это время Себастьян не произнес ни единого слова. Когда два корабля понеслись бок о бок, Яна разглядела в крошечной кабине «мухи» темное пятнышко его шлема. Так рядом — и так далеко. И пока Юпитер все больше нависал в небе над головой, Яна поняла, что все разговоры об «их» планах и «их» действиях были сплошной иллюзией. Она предлагала и уговаривала. Себастьян просто тащился рядом. Так почему же он отказывался тащиться рядом сейчас, когда Яне как никогда раньше это требовалось?

Впрочем, она знала, почему. Ход ее мыслей был не вполне верен. Интерес к облачным системам других планет никогда интересом Яны не являлся. Он всегда был интересом Себастьяна и только его. Это привело их на Ганимед. Это теперь вело их к Юпитеру.

Их траектория оказалась совсем иной, чем ожидала Яна. Они по-прежнему летели бок о бок, но вместо того, чтобы следовать по курсу, который провел бы их рядом с планетой, два корабля стрелой неслись к самому центру затянутого облаками диска Юпитера. Тут Яна вдруг поняла, что Себастьян ничего не сказал о том, что собирается выполнить пертурбационный пролет. Он хотел «добраться до облаков». Если они не изменят курс, оба корабля нырнут глубоко в атмосферу Юпитера без всякой надежды на возвращение.

Все это время Пол сидел молча. А Яна все говорила и говорила — с нарастающим чувством тщетности и без всякого отклика от Себастьяна. Внезапно Пол воскликнул:

— Ага! Наконец-то. Этого я и ждал.

Он принялся так стремительно манипулировать панелью управления, что Яна за ним уследить не смогла. А потом они вдруг оказались в невесомости.

— Что происходит?

— У него горючее кончилось. Я же тебе говорил — наземный контроль не любит, когда члены команд залетают слишком далеко на прогулки, а потому с реакционной массой жмется. У «мухи» сдулась вся приводная мощность.

— И что это меняет?

— Очень многое. Пока мы оба ускорялись, никто не мог покинуть свой корабль и остаться далеко позади в космосе. А теперь я смогу перейти на его корабль и привести Себастьяна сюда. Затем мы развернемся и направимся домой. У нас реакционной массы навалом.

Пол так небрежно об этом сказал, как будто это была рутинная операция, которую он проделывал каждый день.

— А если Себастьян не пойдет? — спросила Яна.

— Вообще-то я его спрашивать и не собирался,— Пол изучал небо впереди.— У нас куча времени. Давай займем еще десять минут.

— Чем? — Яне Юпитер казался чертовски близко.

— Убедимся в том, что ты знаешь, как летать на этом корабле. Просто на всякий пожарный случай.

— Пол, Себастьян именно из-за меня прибыл на Ганимед. Я и должна к нему пойти.

— А сколько раз ты выходила в открытый космос? Вот о чем я подумал. А эти скутеры так разработаны, что практически сами летают. Позволь, я мимо тебя протиснусь. Надо поменяться местами.

Перемещение стало довольно затейливым, но не прошло и пяти минут, как Яна оказалась лицом к панели управления. А потом... Возможно, Яне мешал вид разбухающего впереди Юпитера; возможно, усталость или нервы; а возможно, Пол был излишне оптимистичен. Так или иначе, прошло куда больше пяти минут, прежде чем Яна смогла с уверенностью заявить:

— Порядок. Простые маневры я выполнять могу.

— Хорошо. Если я не вернусь...

— Не говори так,— они соприкоснулись шлемами, и Яна стала смотреть Полу прямо в лицо сквозь твердый прозрачный визор.— Ты вернешься, Пол Марр. Слышишь меня?

А затем Яне пришлось сказать самые тяжелые в своей жизни слова. При этом она крепко держала Пола за руку.

— Что бы ни случилось с Себастьяном, своей жизнью не рискуй. Ты вернешься с Себастьяном или без него, но ты ко мне вернешься.

— Я вернусь и приведу с собой Себастьяна. Если ты помнишь, я все еще не написал такой твой портрет, который бы меня удовлетворил,— Пол отвернулся и открыл люк. Выходя, он оставил его распахнутым, и Яна ясно увидела корабль Себастьяна, когда Пол к нему поплыл. Два судна разделяло не более пятнадцати метров. Наверняка Яна и сама смогла бы совершить этот бросок.

Но Пол обладал информацией, которой Яне недоставало. Он использовал управление своего скафандра, чтобы подвести себя поближе к «мухе», и жестом велел Себастьяну открыть люк. Когда этот жест никакого результата не дал — Яне показалось, что Себастьян присутствия Пола даже не заметил,— он отодвинулся назад вдоль корпуса судна и особым образом пробежал закованной в перчатку рукой по нужным точкам.

Люк «мухи» открылся. Пол медленно пробрался к нему вдоль корпуса. Яна увидела, как Себастьян поворачивается на своем тесном сиденье. На его круглой физиономии застыло озадаченное выражение.

— Аварийная откупорка,— сообщил Пол Себастьяну, а Яна добавила:

— Это для твоего же блага. Мы хотим отвезти тебя домой.

— Домой? — лунообразное лицо проявило искорку интереса, затем снова сделалось безразличным.— Я не могу вернуться домой, пока не выполню задание.

— Себастьян, ты все воображаешь. Нет никакого «задания», которое ты должен выполнить. Задание ты получишь, когда мы прибудем на метеорологическую станцию в системе Сатурна. Позволь Полу тебе помочь. Он приведет тебя на наш корабль, и мы все сможем вернуться обратно на Ганимед.

К удивлению Яны и огромному ее облегчению, Себастьян кивнул.

— Хорошо,— сказал он ей. А затем обратился к Полу, парящему снаружи кабины «мухи»: — Я здесь застрял. Помогите.

Себастьян протянул левую руку, и Яна увидела, как Пол берет ее в обе свои. А затем правая рука Себастьяна резко взметнулась вверх. Тело его выгнулось на сиденье, и он использовал этот рычаг, чтобы с размаху захлопнуть люк. Острый край врезался Полу в предплечья, как раз над запястьями. По рации в скафандре Яна услышала хруст ломающихся костей и мучительный крик Пола.

Люк снова широко распахнулся. Себастьян высунулся оттуда и толкнул. Пол кубарем полетел прочь. Яне не смогла понять, пробит ли материал его скафандра, но руки Пола беспомощно болтались у груди.

— Аварийная откупорка, аварийная закупорка,— спокойно произнес Себастьян.— Ты, Яна, не понимаешь. Когда у человека есть задание, он должен его выполнить. Он не может позволить, чтобы кто-то его остановил.

И он закрыл люк.

— Не досаждай мне больше своей болтовней. Мы сможем поговорить, когда я выполню задание.

«Муха» и «москит» по-прежнему двигались бок о бок, но Пол уносился все дальше от обоих благодаря инерции, обеспеченной толчком Себастьяна.

Был ли он все еще жив? Яна неподвижно сидела на своем месте, пока не услышала хриплое мучительное дыхание и слова:

— Не могу... руками двигать. И управлять скафандром.

— Все хорошо, Пол. Я здесь. Я иду за тобой.

Если она будет удачливой и сообразительной. Яна знала, как делать грубые маневры, но эта операция требовала деликатности. Она медленно повела скутер вперед, затем вбок. Как же она собиралась втащить Пола внутрь, если он никак не мог себе помочь?

Безболезненного способа проделать это не существовало. Вращение Пола вокруг его центра массы требовалось остановить. Единственным известным Яне способом этого добиться было ударить его «москитом». Пол наверняка и так ужасно страдал, а Яна собиралась еще больше все усугубить.

— Прости, Пол.— Яне хотелось плакать, пока корабль проходил последние двадцать метров. Она и сама в душе страдала. Сломанные руки Пола врезались в край открытого люка скутера. Бедняга застонал от новой невыносимой боли. Однако столкновение замедлило вращение его тела. Яна наклонилась вперед через сиденье и в конце концов сумела втащить Пола внутрь.

Она осмотрела его скафандр. На предплечьях в грубом материале виднелись глубокие порезы, но они были не сквозными. С Полом должно было быть все нормально; быстрое вправление и гормоны роста излечат его, когда они вернутся на Ганимед. Он обязательно поправится.

Когда Яна закрывала люк, в голову ей пришла странная мысль. Капитан Кондо точно убьет ее, когда узнает, что она сделала с его старшим помощником. Яна подавила истерический смешок и оглядела окрестности корабля. Где там Себастьян?

Пока Яна занималась Полом, «муха» ушла далеко вперед. Находясь под воздействием силы тяжести Юпитера, она направлялась точно к центру диска планеты. Юпитер продолжал разбухать, заполняя собой все небо.

Яна запустила мотор «москита». Она постаралась взять такой темп, чтобы догнать корабль Себастьяна, но при этом не добавлять мучительной тяжести рукам Пола и не заставлять его испытывать новую боль.

Когда она это сделала, по кабине разнеслось предупредительное гудение.

— Ты не можешь этого сделать, Яна.— Пол баюкал свои руки, держа их у груди.— Это автопилот. Пытается взять управление на себя. Это значит, что мы на курсе столкновения.

— С кораблем Себастьяна?

— С Юпитером.— Пол нашел в себе силы мотнуть головой в сторону громадной планеты.— Останови аварийную отмену. Ты должна передать управление автопилоту.

— Но Себастьян...— «Муха» по-прежнему была в поле зрения.— Если мы его не догоним...

Пол ничего не сказал. После долгого, мучительного момента колебаний Яна бросила ручное управление. «Москит» тут же запалил свои движки контроля положения, чтобы развернуть скутер тангенциально его предыдущему курсу. Через долю секунды главные моторы включились на максимальных оборотах.

Внезапная тяжесть стала мучительной — даже для Яны. Для Пола же она стала просто неописуемой. Он не издал ни звука, но, повернувшись, Яна увидела под визором шлема его белое как мел лицо и крупные капли пота на лбу.

— Пол, я сейчас опять перейду на ручное.

— Нет... если только... ты нас обоих... убить не хочешь.— Он говорил с трудом, сквозь плотно сжатые зубы.— Доверься автопилоту, Яна... он знает... и так еще неизвестно... мы слишком поздно ушли.

Взглянув вправо, Яна смогла понять, что он имеет в виду. Двигатели гнали их вперед на двух или трех «жэ», но корабль по-прежнему падал к Юпитеру. В этих облачных слоях было множество разных деталей — деталей, которые Себастьян так любил и лучше любого другого понимал,— но вход в них означал гибель.

Яна взглянула на экран, где поле обзора менялось на сканирование позади «москита». Одинокая красная точка мигала, оповещая о себе. «Муха» по-прежнему находилась в свободном падении и уже достигла верхних слоев атмосферы Юпитера.

— Пол, мы не можем так просто его здесь бросить.

— Мы должны... если только ты не знаешь способа... изменить законы физики,— Пол выпрямился в кресле, издавая глухие стоны, пока его руки перемещались в новое положение.— Ты сделала все, Яна... все самое лучшее... все, что только могла... он не позволит тебе его спасти... он не хочет, чтобы ты его спасала.

— Но почему, Пол? Что он такое творит?

На этот вопрос Яна ответа не ожидала; возможно, он и вовсе ответа не имел. «Москит», по-прежнему опускаясь, несся сквозь наружные слои атмосферы. Послышался характерный свист. Позади на горизонте виднелась крошечная красная блестка, падающая прямиком в высящуюся громаду грозового фронта. Забыв о собственном отчаянном положении, Яна не могла оторвать глаз от этой точечки света.

Точечка все падала, падала и падала; а затем маячковый сигнал «мухи» внезапно пропал.

Яна задержала дыхание и закрыла глаза. Когда она снова их открыла, контрольные дисплеи показывали, что «москит» нахо-

дится в опасности. Воздействие на корабль силы тяжести снижало эффективность оттягивавших его от планеты двигателей.

— Пол...— Яна протянула было руку, но затем успела понять, что сейчас его лучше не трогать. Пол устроился в самом удобном положении.— Пол, если мы не выберемся, я просто хочу, чтобы ты знал. Себастьяна ты спасти не смог, но ты во всех смыслах спас меня.

— Мы выберемся.— Он изучал панель управления и раскинувшийся впереди горизонт.— Мы держимся ровно по высоте. Но я тебя не спасал. Ты сама спаслась.

Яна почувствовала, как внутри у нее все теплеет. И она оттолкнула на задворки своего разума то, что хотела сказать. Пусть эти слова еще там полежат.

— Если мы выберемся,— сказала она вместо этого,— тебе понадобится помощь. Скажи мне, как медицинское судно вызвать.

Следуя директивам Пола насчет запроса на неотложную помощь, Яна вскоре увидела, что он был прав. «Москит» понемногу отрывался от Юпитера. Они с Полом начинали медленное путешествие вокруг планеты по высокой пертурбационной траектории, которая в конечном итоге должна была доставить их обратно на Ганимед.

А затем предстояло начаться еще более долгому путешествию. Всего три месяца тому назад Яна даже представить себе такого не могла. Путешествие называлось «Жизнь без Себастьяна». Он ушел, ушел навеки. А жизнь шла своим чередом.

33

Последний разговор, который Алекс запомнил, был краток и прост.

Когда Янина Яннекс и Пол Марр выбежали в коридор, он спросил у Милли Ву:

— И что теперь?

— Сделаем, как сказал Сова. Подождем, пока он придет.

Алекс вышел в гостиную Себастьяна Берча и плюхнулся там на стул. Возможно, дело было просто в физической усталости или недосыпе, но его переполняло тягостное ощущение неудачи. Сова с такой странной настойчивостью в голосе попросил его найти и посторожить Себастьяна Берча. Не вина Алекса была в том, что Берч исчез. И тем не менее он ясно сознавал свою вину.

Милли Ву села в кресло напротив. Она лишь покачала головой и ничего не сказала. Алекс закрыл усталые глаза.

Через несколько минут, как ему показалось, кто-то потряс Алекса за плечо. Он поднял взгляд, ожидая увидеть Милли. Над ним стояла Магрит Кнудсен. Смущенный и по-прежнему одуревший от усталости, Алекс сел прямо и огляделся. Милли Ву исчезла.

— Откуда вы, черт побери, взялись?

Совсем негоже было так обращаться к государственному чиновнику минимум на три уровня тебя выше, но Магрит Кнудсен не стала брать в голову.

— Мне позвонил Сова,— сказала она.— Знаете, когда этот человек перестал быть моим подчиненным, я подумала, что никогда больше ночью не придется бежать на пожар. Мне следовало тогда дважды подумать. А вас он как сюда затащил? Не трудитесь отвечать. Вы проснулись?

— Да.— Приток адреналина от опознания Магрит Кнудсен сделал этот ответ абсолютно истинным.

— Тогда вперед. Он хочет видеть вас там во время того, что может стать концом. Мы должны подняться на один уровень. Остальные уже там.

Алекс поднялся и последовал за ней в коридор, а затем вверх по лестнице. Дальше Магрит Кнудсен ввела его, судя по всему, в командный центр учреждения. Большую часть помещения занимал такой громадный дисплей, какого Алекс еще ни разу в жизни не видел. Там, под максимальным увеличением, демонстрировался участок наружных облачных слоев Юпитера. Алекс мог видеть все отдельные элементы вихрей и облачных гряд.

Сова сидел на полу, неподвижно глазея на дисплей. Слева от него, выглядя совсем игрушечной рядом с такой громадой, сидела Милли Ву. Позади Совы, нависая над ним со сцепленными у груди, точно у богомола, руками, стоял главный научный сотрудник «Лигон-Индустрии» Бенгт Суоми.

— Есть успехи? — спросила Магрит Кнудсен, пройдя вперед.

Сова не заговорил и даже не шевельнулся. Ответил ей Бенгт Суоми:

— Боюсь, совсем противоположное. Всего пару минут назад был близкий контакт. Затем между кораблями что-то произошло, и теперь они расходятся.

Алекс прошел вперед и встал рядом с Милли. Теперь он смог понять, на что так пристально глазеют остальные: две яркие точки света выделялись на фоне лица планеты. Прямо у него на глазах точки эти самую малость отодвинулись друг от друга.

Милли Ву взглянула на Алекса и негромко пояснила:

— Корабль Берча справа. Янина Яннекс и Пол Марр его преследовали. Они провели часы в близком контакте, но теперь расходятся. Похоже, им уже его не догнать.

Часы? Алекс задумался, сколько же он проспал, находясь в стороне от всего. Внезапно Бенгт Суоми с дрожью в голосе произнес:

— Данные о темпах изменения интервала показывают, что корабль Берча по-прежнему опускается. Теперь он пойдет вниз до самого конца — нет никакой надежды, что его удастся оттуда вытянуть. У скутера по-прежнему есть шанс. Тангенциальная компонента его скорости может увести его прочь от Юпитера. Но даже в этом случае...

— Даже в этом случае,— вмешался Сова,— люди в скутере погибнут. Себастьян Берч погибнет. И мы все тоже очень скоро погибнем.

«Мы все погибнем». Алекс ощутил дрожь, пока по его телу разносился второй адреналиновый прилив. О чем говорил Сова? Репутация этого человека утверждала о его способности недоговорить, но никак не преувеличить. Себастьян Берч определенно должен был погибнуть — его корабль продолжал нестись прямиком к Юпитеру. Могло так получиться, что Янина Яннекс и Пол Марр не успели изменить курс вовремя, чтобы спастись. Но «мы все»? Включая Сову? Включая самого Алекса?

Алекс взглянул на одно лицо, на другое.

— Не понимаю,— сказал он.

Его проигнорировали. Мрачный взгляд исподлобья Бенгта Суоми, стоический взор Совы, дикие глаза Милли Ву и Магрит Кнудсен — все это ему ровным счетом ничего не сказало. Тогда Алекс повернулся обратно к дисплею — и успел увидеть, как крапинка света, представляющая корабль Себастьяна Берча, внезапно пропадает.

— Берч мертв,— заключил Сова.— Его корабль и сигнальное реле сгорели в атмосфере Юпитера. Хочу со всеми вами попрощаться. Мы умрем — прямо сейчас.

В груди у Алекса все сжалось. Помещение словно бы погрузилось в состояние полного бесчувствия, когда все сделали глубокий вдох и надолго его задержали. Момент затянулся. Прошло несколько секунд... полминуты... целая минута.

Наконец Бенгт Суоми испустил писклявый, нервный смешок. Такой смешок обычно можно услышать от человека, который ни разу в жизни не смеялся. Сова шумно выдохнул и сказал:

— Если не считать того, что мы до сих пор не мертвы. Мы не умираем. Мы живы, а я допустил чудовищную ошибку. Я выстроил целый город умозрений на мелкой отмели невероятия, и он теперь стремительно осыпается и рушится. Приношу всем свои искренние извинения.

— Извинения? Извинения за то, что мы живы? — Суоми нервно зашаркал ногами, словно исполняя какой-то танец.— Нет, это я ошибся. Какая-то ошибка вкралась в эксперименты моей группы, в наши данные. Согласно нашим вычислениям, каталитическая реакция и фазовый переход должны были начаться немедленно. Приблизительная скорость распространения составляла много километров в секунду. Мы должны были наблюдать зримые эффекты, как только корпус корабля Себастьяна Берча потерял герметичность. Мы обязаны незамедлительно повторить всю нашу работу и выяснить, где мы ошиблись.

— Да что за дьявольщина творится? — взорвался Алекс.— Мертвы, не мертвы. О ком вы говорили? Чушь какая-то.

— И в самом деле, Сова,— добавила Магрит Кнудсен.— Вы просто самого себя превзошли. Предупреждали о грядущем апокалипсисе, всех нас из постелей вытащили — и все ради вот этого пшика?

Сова их обоих проигнорировал.

— Да,— сказал он, обращаясь исключительно к Бенгту Суоми.— Работу обязательно следует повторить. Сегодня же ночью.— Он взглянул на часы рядом с большим дисплеем.— Или, если быть более точным, сегодня же утром. Мы должны поискать и найти изъян в нашей логике. Как только мы получим объяснение, обещаю, все присутствующие его услышат.

Сова встал — с легкостью, несмотря на его непомерные габариты. Снова взглянув на дисплей, Алекс заметил, что оставшаяся световая точка по-прежнему там. Она находилась у самого края диска Юпитера.

Себастьян Берч был мертв. Янина Яннекс и Пол Марр должны были остаться в живых. Согласно Сове и Бенгту Суоми, все остальные тоже должны были остаться в живых, хотя в соответствии с какой-то необъяснимой логикой им всем следовало погибнуть.

Когда адреналиновый приток в организме Алекса окончательно затих, его усталый мозг уже был уверен только в одном: независимо от того, сколько людей в этом помещении имели представление о происходящем, один человек его, совершенно определенно, не имел.

34

Милли очень прилично обходилась самым минимумом сна. В подростковом возрасте это вначале ее обрадовало, а затем, когда она узнала о катастрофических экспериментах с бессонницей в начале столетия, не на шутку обеспокоило. Теперь же Милли просто воспринимала это как подарок судьбы — вроде природно красивого или природно здорового тела.

Сова не иначе как выпроводил Милли, Алекса и Магрит Кнудсен — пожалуй, именно это слово в данном случае годилось, учитывая столь резкое окончание собрания. Всем им снова предстояло встретиться только после того, как Сова с Бенгтом Суоми сумеют объяснить, что же случилось — или, вернее, не случилось,— когда Себастьян Берч нырнул к своей смерти на Юпитере. Милли, которая то и дело отплывала в дрему в течение долгих часов погони «москита» за «мухой», теперь чувствовала себя слишком взвинченной, чтобы заснуть. Она позаботилась о том, чтобы Сова смог в любое время пригласить ее на новое собрание независимо от того, где и когда оно состоится, после чего вернулась в свою квартиру. Там имелась надежная линия связи с Джеком Бестоном и станцией «Аргус», а Милли прямо сейчас хотела кое-что важное у Людоеда спросить и, возможно, сказать.

Системе потребовалось довольно долго время, чтобы его обнаружить, а затем Джек уставился на Милли с экрана в очевидном приступе зеленоглазого гнева.

— Каким дьяволом вы там занимались? Я по всему Ганимеду сообщений наоставлял, чтобы вы позвонили.

Людоед пребывал в самом что ни на есть скверном расположении духа. Милли это почему-то ободрило. Она решила, что в любом случае будет держать свои эмоции под контролем.

— Я не могу точно сказать, чем я занималась,— ответила она,— поскольку единственные люди здесь, которые что-то об этом знают, не говорят. Но судя по всему, несколько часов тому назад я чуть было не погибла.

Этому предполагалось шокировать Людоеда, и он был шокирован. Выражение его лица сменилось с гневного на участливое.

— Вы подверглись нападению?

— Если и подверглась, то об этом не поняла.

Для Людоеда этого было вполне достаточно. У него имелся самый минимальный интервал внимания ко всему, не связанному напрямую с проектом «Аргус».

— Итак, этот инцидент на вашу работу не повлиял,— сказал он.— Вы что-нибудь из-за сбоя Невода потеряли?

— Из-за какого сбоя Невода?

Глаза Джека из полураскрытых сделались широко распахнутыми.

— Да где вас, черт побери, последнюю половину суток носило? В альтернативной вселенной? Вся сеть Невода вырубилась на семь минут. Был сбой здесь, на Поясе, на Земле — везде.

— Когда это случилось? — Мияли показалось, что она и впрямь пребывала в альтернативной вселенной — начиная с того момента, как голодной волчицей вторглась в комнату Великой Совы.

— Шесть часов тому назад. В два часа утра. Мы с тех пор кровавым потом исходили, пытаясь восстановить данные проекта.

Если сеть Невода вырубилась на семь минут в ранний утренний час, многие люди могли этого попросту не заметить. Но подобные детали для Людоеда мало что значили. Он уже говорил Милли о том, что станция «Аргус» работает круглосуточно.

— В два часа, Джек, я не работала. Но я и не спала. Я наблюдала за тем, как один человек совершает самоубийство. Он взял корабль и нырнул в Юпитер. Никто не смог его остановить.

— Понимаю. Крутое развлекалово. Что ж, тоже отдых. Но Милли, если из-за этой психованной банды Сети Головоломок вы там сидите и попусту время тратите, когда вы должны сигнал расшифровывать, я вас не поддержу. Работа должна делаться.

Таким образом Людоед подвел Милли, пусть даже куда скорее, чем ей хотелось, к настоящей причине ее звонка.

— Вот что, Джек Бестон. Хочу задать вам вопрос.

Это привлекло его внимание. Никто на станции Джеком Бестоном его не звал. Для немногих он был Джек, для остальных сэр. Он знал, что за глаза его зовут Людоедом, но ему было наплевать.

— Вопрос? Какой вопрос? — подозрительно спросил Джек.

— Почему вы занимаетесь проектом СЕТИ?

— Идиотский, безмозглый вопрос. У меня нет времени с вами в игрушки играть.

— Я бы хотела получить ответ. Вы большую часть своей взрослой жизни работаете в проекте «Аргус». Что вы надеетесь из этого извлечь? Пусть это будет только одно желание. Какое оно?

Зеленые глаза сузились. Джек Бестон ничего не сказал.

— Желать можно было бы самых разных вещей,— продолжила Милли.— Свое собственное желание я знаю. Я знаю, почему я покинула Ганимед и присоединилась к вашему проекту на станции «Аргус». Даже если бы мы не нашли сигнал — а я не уверена, что ожидала когда-либо его найти,— я наслаждалась интеллектуальным вызовом. А если бы мы все-таки нашли сигнал, это привело бы к самому потрясающему открытию в истории человечества. Открытию не менее великому, чем открытие огня или усвоение методов сельского хозяйства.

Джек Бестон открыл рот, чтобы заговорить, но не издал ни звука.

А Милли продолжила:

— И мы действительно нашли сигнал,— припоминая момент убежденности, когда ей стало ясно, что «там что-то есть», она снова почувствовала мурашки на спине.— В первые дни после регистрации мне показалось, что главное мы проделали. Я подумала, что самая тяжелая работа закончена. Но я ошибалась, верно?

Джек кивнул.

— Регистрация лишь призывает к терпению. Самая трудная часть — интерпретация, понимание внеземного, чуждого разума.

— Вы об этом знали. Возможно, вы всегда об этом знали. Но я не знала. Теперь регистрация пройдена — а также и подтверждение. Осталась только интерпретация. Когда мы занимались регистрацией, вполне разумно было предпринимать параллельные усилия — даже соревновательные усилия. Не происходило никакого дублирования, поскольку мы проделывали обзор всего неба, а Филип вложил деньги в целевой поиск.

Но теперь мы уже все это прошли. У нас есть сигнал. Осмысление его и достижение той точки, когда мы сможем на него ответить, потребует чудовищно масштабных усилий. Работы хватит для всех, причем на многие и многие годы. Совместной работы, не соревновательной. Я знаю, сотрудничество — новая для вас идея, а потому вот вам мой вопрос: вы трудитесь днем и ночью, потому что хотите оказаться способны прочесть послание со звезд? Или Джек Бестон главным образом работает затем, чтобы победить Филипа Бестона и тем самым доказать, что он лучше своего братца-ублюдка?

На лице Джека ровным счетом ничего не отразилось.

— Мне следовало прислушаться к Ханне Краусс,— сказал он.— Она сказала, что с вами будут проблемы. Она была права.

— Проблемы возникли из-за того, что я спросила вас, чего вы хотите от жизни?

— Чего я хочу, не ваше дело. Вы уволены, Милли Ву. Ноги вашей больше на станции «Аргус» не будет.

— Вот это правильно. Избавляйтесь от всех, кто пытается повернуть вас лицом к правде. Вы думаете, мне интересно, где я живу или на кого работаю? — Милли уже чувствовала свою эмоциональную заряженность несмотря на твердое намерение этого избежать.— То, чего мы пытаемся добиться, и люди, с которыми мы работаем,— вот что имеет значение. Я скучаю по Ханне, скучаю по Саймону Биттерсу, Лотте Дейнс и Арнольду Рудольфу. Бог мой, я даже по вам скучаю. Только не спрашивайте меня, почему. Но то, что мы пытаемся сделать, куда важнее любых личных чувств. И наша работа продолжится независимо от того, где буду я или где будете вы. Она будет продолжаться, даже если мы оба умрем.

Джек молча на нее глазел.

— Это верно. Потребности проекта превосходят потребности любого отдельного индивида.

— Включая вас.

— Включая меня. Ладно, я слишком остро отреагировал. Вы не уволены. Но вам следует взять несколько дней отдыха. Вы перенапряглись и переутомились, и вы также слишком остро реагируете.

Прежде чем Милли успела послать его подальше, как он того заслуживал, Людоед добавил:

— Хорошенько поешьте и выспитесь. Это не предложение, Милли Ву. Это приказ. Обо всем остальном мы поговорим после.

И образ Джека исчез, вынуждая Милли кричать в пустой экран:

— Мудак, тварь надутая! Сукин сын! Ублюдок самый натуральный, куда там братцу! И нечего мне приказывать! Я на вас, Джек Бестон, больше не работаю!

Тут Милли посмотрела на свои ладони, лежащие на столе. Они тряслись. Она чувствовала, что внутри у нее все тоже трясется.

Хорошенько поешьте и выспитесь? Славная шутка. Если бы Милли в таком состоянии попыталась поесть, то подавилась бы первым же куском. Вопрос о сне вообще не стоял.

Милли была слишком возбуждена даже для того, чтобы спокойно сидеть. Стены ее комнаты, обычно такой скромной и уютной, теперь словно бы сходились на нее. Старые гравюры Дюрера и Эшера, которые Милли захватила с собой со станции «Аргус» и развесила здесь для своего удовольствия, скорее раздражали, чем радовали. Она вспомнила о том, что ей сказала Ханна Краусс вскоре после прибытия Милли в юпитерианскую точку Л-4. Профессиональными угрозами математиков, логиков и криптоаналитиков были депрессия, безумие, паранойя и самоубийство.

С депрессией Милли еще в подростковом возрасте боролась. Выходом в те годы был не отдых, а физическая активность и смена умственного фокуса.

Милли натянула на себя спортивный костюм и быстро направилась к ближайшему входу на свободно-скоростную дорожку. Прямо на ходу она поставила перед собой практическую проблему. Прошлая ночь началась в комнате командного центра Сети Головоломок в секторе 291, глубоко на уровне 147. А закончилась в изоляторе научно-исследовательского центра у самой поверхности на уровне 4. Сегодняшнее собрание с Совой в качестве его председателя логичным образом должно было состояться в одном из этих мест. Милли хотелось избрать такой маршрут своего моциона, который позволил бы ей максимально быстро добраться и туда, и туда.

Большинство людей в подобных случаях консультировалось с главным маршрутным плановиком, обеспечивая себе оптимальные маршруты между любыми парами уровней и секторов внутри Ганимеда. Милли этого делать не хотела. Ей требовалось на что-то отвлечься. Войдя на свободно-скоростную дорожку, Милли побежала трусцой мимо десятков людей, упражняющихся там ради тренировки или удовольствия. Прямо на ходу она визуализировала и стала держать в уме замысловатую сеть вертикальных и горизонтальных маршрутов, к которым у свободно-скоростной дорожки имелся доступ. Когда поступит приглашение, Милли потребуется в темпе переместиться из своего текущего местоположения туда, где Сова будет проводить собрание.

Она равномерно бегала почти час, ощущая, как внутреннее возбуждение постепенно спадает. Мозг Милли благодаря пробежке перешел в приятное состояние эндорфинного утешения, и ей даже стало досадно, когда приемник настойчиво загудел.

— Слушаю?

Раздался голос не Совы, не Алекса Лигона и даже не кого-то, кого она знала. Он сказал:

— Заинтересованные стороны должны собраться в экспериментальном центре «Лигон-Индустрии», уровень двадцать второй, сектор сто восемнадцатый.

Милли мысленно выругалась. Собрание должно было состояться далеко от тех мест, к которым она планировала стремительный маршрут. В экспериментальном центре «Лигон-Индустрии» Милли никогда не бывала; откровенно говоря, она даже никогда о нем не слышала. Милли устремилась к ближайшему выходу со свободно-скоростной дорожки и быстро проскочила выходную камеру. Вообще-то так делать не полагалось. В результате у выходного процессора не оказалось достаточно времени, чтобы закончить свою работу. Пот с тела и одежды Милли был удален, однако температура ее наружных покровов по-прежнему осталась существенно выше нормы. Пока она звонила главному плановику и просила обеспечить ее маршрутом к уровню 22, сектору 118, на теле выступил новый пот. Впрочем, когда Милли прибыла к экспериментальному центру, сразу же стало ясно, что пот непосредственной проблемы не составит. Дежурный Факс второго уровня ввязался в нешуточную перепалку — насколько Факсу вообще было позволено ввязываться в перепалки — с какой-то женщиной.

— Я не мисс Блум, ты, жертва броуновского движения! — Женщина, яростно спорящая с Факсом, была тоща, рыжеволоса и предельно стервозна.— Клякса электронная! Десять раз тебе сказала — доктор Блум. И если «Лигон-Индустрия» может среди ночи без разрешения вломиться в мою лабораторию, будь я проклята, если мне здесь пройти нельзя. А ну пропусти!

— Прошу прощения, мисс Блум, но у меня нет оснований вас пропускать.

— Ах, так? Прочь. Исчезни. Я требую Факс пятого уровня.

— Очень хорошо, мисс Блум.

Милли сделала шаг вперед.

— Доктор Блум? Меня зовут Милли Ву. Я одна из тех людей, которые прошлой ночью проникли в ваше учреждение.

Женщина повернулась к ней.

— В самом деле? А кто сказал, что вам можно?

— Никто. Но я, пожалуй, смогу вам помочь.— Милли повернулась к Факсу, который, предпринимая попытку воззвать к вер-

сии пятого уровня, колебался в своих контурах. Прямо сейчас он казался персоной неопределенного пола и возраста.— Меня зовут Милли Ву. Думаю, у меня есть полномочия посетить это собрание.

Образ Факса застыл.

— Совершенно верно, мисс Ву. Вы можете войти.— Двустворчатые двери за спиной у Факса раскрылись.

— Со мной моя коллега, доктор...— Милли повернулась к другой женщине.

— Блум. Вальния Блум.

— Моя коллега, доктор Вальния Блум. Мы обе должны посетить это собрание. И мы обе требуем доступа.

— Очень хорошо,— Факс кивнул.— Я объявлю о вашем прибытии и передам имена. Милли Ву и доктор Вальния Блум. Следуйте стенным указателям.

Две женщины вместе двинулись вперед. Когда они прошли двустворчатые двери, Вальния Блум сказала:

— Думаю, мне следует вас поблагодарить. Но я хочу знать, что за дьявольщина происходила прошлой ночью. По возвращении в лабораторию я обнаружила, что на меня возложено обвинение в несанкционированном использовании корабля класса «муха» и скутера «москит». «Муха» пропала, а «москит» с двумя пассажирами на борту был подобран медицинским судном, следующим по неотложному вызову. Капитан ЛВС «Ахиллес» позвонил мне, спрашивая, что я сделала с его старшим помощником. Я узнала о том, что ночью в мое учреждение незаконно проникли какие-то люди. А что хуже всего, человек, находившийся на моем попечении, погиб — и мне до сих пор не предложили ровным счетом никаких объяснений по поводу происходящего. Потребовались колоссальные усилия с моей стороны, чтобы я по крайней мере узнала о проведении здесь этого собрания.

— Поверьте, доктор Блум, я бы хотела иметь ответы, но у меня их нет. Некоторые из них нам были обещаны сегодня. Вот почему я здесь.

— Лучше бы нам хоть какие-то получить. Иначе тут на ковре будет море крови и куча костей.

Никакого ковра там не оказалось, а лишь грубый и стойкий к коррозии настил научно-исследовательской лаборатории. Впрочем, смысл Милли уловила. Вальния Блум была сейчас там, где Милли всего два часа тому назад находилась. У нее уже горели все главные схемы.

Когда что-то собиралось вот-вот рвануть, лучше было не лезть под ноги. А потому Милли держалась за Вальнией Блум, пока они, согласно подсвеченным стенным указателям, следовали по коридору, проходили еще одни двустворчатые двери и появлялись в длинном зале, заполненном аппаратурой, совершенно Милли незнакомой.

Зато группу людей, собравшихся в дальнем конце зала, она хорошо узнала. Алекс Лигон, напарник Милли по совершенному прошлой ночью незаконному вторжению, был там. Женщина, Магрит Кнудсен, которую Алекс охарактеризовал как свою начальницу и как очень высокопоставленного члена ганимедского правительства, также там присутствовала. И Бенгт Суоми, поразительно похожий на Мефистофеля со своими темными бровями и задумчиво-мрачным лицом. Наконец, над всеми упомянутыми черной горой высился Великая Сова. Он очень внимательно вглядывался в какое-то затейливое устройство, водруженное на лабораторный стол.

Все заботы, какие имелись у Милли касательно личной свежести, мигом испарились. На Сове было то же самое похоронное одеяние, что и прошлой ночью, причем он явно в нем спал или того хуже. Милли он наградил лишь легким кивком, а вот ее спутница удостоилась его пристального внимания.

— Доктор Блум?

— Да,— Вальния Блум неотрывно на него глазела.— Я уже где-то вас видела — или, по крайней мере, вашу фотографию. Не участвовали ли вы несколько лет тому назад в исследованиях на Европе?

— Данное высказывание можно описать как истинное. Меня зовут Свами Савачарья. Должен принести вам искренние извинения. Прошлой ночью мы без разрешения вторглись в ваш научно-исследовательский центр.

— Но почему вы не попытались получить это разрешение? Со мной не так сложно связаться.

— Да, мы этого сделать не попытались. Существовали, однако, определенные смягчающие обстоятельства. Мы в то время считали, что для предотвращения невообразимой катастрофы необходимы немедленные и стремительные действия. По причинам, которые мне до сих пор неясны, мы ошиблись, однако основания для нашей тревоги вскоре станут вам очевидны. Вначале, однако, я бы хотел предварить наглядную демонстрацию заявлением. И если оно поначалу покажется вам отступлением от темы, пожалуйста, потерпите.

— Говорите. Я буду слушать — пять минут.

— Этого будет вполне достаточно. Позвольте мне начать с одного признания. Несмотря на то, что очень многие склонны так полагать, я не идеален. У меня есть личная слабость. Много лет я был страстным искателем и коллекционером реликтового оружия, оставшегося от Великой войны. Данные изыскания имели определенный успех...— тут Сова вопросительно взглянул на Магрит Кнудсен, которая немного поколебалась, затем кивнула.— Однако периодически возникали соблазнительные намеки на нечто гораздо большее, нежели то, что мы уже обнаружили. Одной из таких вещей являлся легендарный Кладезь, полный список всего оружия, разработанного вооруженными силами Пояса. Никакого следа Кладезя никогда найдено не было. Многие сомневаются в его существовании, хотя у меня остаются надежды. Еще одной неоткрытой страной было так называемое «абсолютное оружие», инфернальное устройство, предназначенное не для того, чтобы выиграть войну, а для того, чтобы погубить все живое в Солнечной системе — и победителей, и побежденных.

Реальность подобного оружия ставилась под вопрос — в том числе до недавних пор и мной. Но затем, следуя весьма окольным маршрутом, я наткнулся на свидетельство того, что женщина по имени Надин Селасси не умерла, как раньше считалось, незадолго до конца Великой войны. Она являлась гениальной разработчицей оружия Пояса. Именно она создала ракеты типа «искатель» и, как предполагается, разработала оружие возмездия, которое должно было сделать Солнечную систему «темнее дня». Стало ясно, что Надин Селасси все-таки умерла — но перед этим она, вполне возможно, вместе со своим оружием, бежали с Пояса и отправились на Марс, а оттуда, скорее всего, на Землю. С ней были маленькая девочка и маленький мальчик. Девочка умерла, но мальчик выжил. Возможно, Надин Селасси доверила ему природу изобретенного ею оружия. А возможно, не доверила. Так или иначе, мальчик вырос и стал весьма неординарным молодым человеком. Его звали Себастьян Берч.

Перебивая Сову, Вальния Блум насмешливо фыркнула.

— Это полная чушь. Я знаю Себастьяна Берча. Вернее, знала. Если ваши смехотворные обвинения вынудили его бежать с Ганимеда и совершить свой смертельный нырок к Юпитеру, я сделаю все возможное и невозможное, чтобы вас обвинили в убийстве.

— Нет, доктор Блум, я подобной роли не играл. Все мои действия предыдущей ночью были нацелены на то, чтобы не

позволить Себастьяну Берчу покинуть Ганимед. Видите ли, у меня возникло убеждение, что он нес с собой секрет абсолютного оружия Надин Селасси. Присутствие Себастьяна Берча на Юпитере, не сомневался я, полностью уничтожило бы жизнь во всей Солнечной системе. Я предполагал некий вид механизма воспламенения, который обратил бы планету, представляющую собой преимущественно водород, в колоссальную бомбу, использующую водородно-гелиевую термоядерную реакцию. Однако обсуждение с доктором Суоми вывело меня из этого заблуждения.

Сова наклонил голову в сторону долговязого главного научного сотрудника «Лигон-Индустрии», который, точно нетерпеливый аист, горбился над лабораторным столом.

— Доктор Суоми в исключительно тактичной форме указал мне на то, что хотя у меня есть собственные сферы компетенции, в некоторых научных областях я форменный идиот. Ни один известный науке метод не может вызвать термоядерную реакцию на Юпитере. Моя идея требовала того, чтобы в последние недели Великой войны Надин Селасси разработала не просто новое оружие, а целую новую физику. Это было не просто невероятно. Это было невозможно.

Однако, прежде чем я смог успокоиться, Бенгт Суоми послал мне результаты одного позднего теста, которые поначалу озадачили и его, и меня. Теперь он собирается повторить для нас с вами этот эксперимент, причем в такой форме, когда легко будет увидеть, что происходит. Доктор Суоми, не будете ли вы так любезны?

— Безусловно. Наблюдайте внимательно,— Суоми выступил вперед и показал всем то, что казалось пустым стеклянным цилиндром с металлической затычкой в верхнем конце. Затем он повернул этот солидный, полметра в длину и почти столько же в ширину, цилиндр ловким жестом фокусника, который никак не вязался с его похоронным обликом. Рука ученого была длинной и тощей, и Милли вдруг поняла, что мысленно слышит фразу: «Как видите, в рукавах у меня ничего нет». Она тут же постаралась подавить неуместную ассоциацию. Это был вопрос жизни и смерти, а не повод для шуток.

— Вы можете заметить,— продолжил Суоми,— что этому цилиндру как будто недостает содержимого. Это отнюдь не так. Данный цилиндр содержит две вещи. Прежде всего, водород, под низким давлением. Кроме того, на дне цилиндра имеется примерно сотня маленьких сферических узелков, взятых из тела Себастьяна Берча.

— Что? А ну-ка дайте мне посмотреть,— Вальния Блум решительно прошагала вперед и попыталась вырвать цилиндр из руки Суоми.

— Доктор Блум, узелки слишком малы, чтобы увидеть их невооруженным глазом.

— Я это лучше вас знаю. Я месяцами работала с Себастьяном Берчем. На самом деле я хочу знать, где вы, черт побери, эти пробы взяли.

Бенгт Суоми посмотрел на Сову. Сова повернулся к Алексу Лигону. Алекс Лигон, как показалось Милли, с самым что ни на есть преступным видом, промямлил:

— Не уверен, но думаю, что они поступили из медицинской тестовой лаборатории на орбите Земли.

— В самом деле? Что ж, это маловероятно, но возможно.— Вальния Блум вручила цилиндр обратно Бенгту Суоми.— По этому поводу я обменяюсь парой-другой слов с Кристой Мэтлофф.

Алекс Лигон постарался максимально слиться с фоном, а Суоми продолжил:

— Здесь у нас имеет место идеально стабильная ситуация. Водород — и узелки, составленные из неких неорганических материалов, сосуществующих без того, чтобы вступать в любого рода химическую реакцию.— Он подступил к лабораторному столу.— Теперь я помещаю цилиндр на фиксированный стенд и даю поршню свободно двигаться.

Дно цилиндра точно подошло к серебристому кольцу. Металлическая вставка на его верхнем конце идеально соответствовала ручке с круглым наконечником, которая торчала из большой серебристой штуковины яйцевидной формы.

— Я могу управлять движениями поршня вверх-вниз при помощи вот этого колеса, уменьшая или увеличивая таким образом давление внутри цилиндра. Обратите внимание, что значение остается стабильным, и в данный момент мы имеем давление существенно меньше килограмма на квадратный сантиметр. По сути, необходимо прикладывать направленное вверх усилие, чтобы удержать поршень на месте. Теперь я предлагаю опустить поршень. Внимательно следите за манометром.

Суоми взялся за колесо сбоку прибора и принялся его поворачивать. Поршень медленно, но заметно опускался. Показание манометра так же медленно увеличивалось.

«Ну и откровение,— подумала Милли.— Давление обратно пропорционально объему. Водород ведет себя именно так, как предполагается вести себя идеальному газу. Выходит, я черт знает откуда сюда неслась, потная и вонючая, чтобы пронаблюдать за демонстрацией закона Бойля-Мариотта?»

Поршень продолжал опускаться. Давление внутри цилиндра в точной пропорции поднималось. Оно достигло нескольких килограммов на квадратный сантиметр, и Милли уже готова была заключить, что Бенгт Суоми и Великая Сова дружно сошли с ума, когда произошла внезапная перемена.

Давление на манометре упало до нуля. В то же самое время поршень быстро пошел вниз. Вскоре свободного пространства на дне цилиндра вообще не осталось.

— Зримая аномалия, совершенно определенная аномалия,— заметил Бенгт Суоми.— Объем падает до исчезающе малого значения, но то же самое и давление. Что же произошло с нашим идеальным газом, давление которого обратно пропорционально его объему?

Он сделал эффектную паузу. Милли решила, что Суоми не просто напоминает фокусника, а что он такой и есть. Ученый из демонстрации не иначе как цирковой номер устраивал.

— Все вполне очевидно,— сказала она.— С водородом произошла фазовая перемена. Газ перешел в жидкость или в твердое вещество. Отношение давления к объему уже неприменимо. У вас там крошечный объем вещества и никакого давления.

Милли тут же поняла, что попала в точку, поскольку Суоми мрачно подтвердил:

— Это верное заключение. Действительно, произошел фазовый переход. Содержимое цилиндра перешло из обычной формы газообразного водорода в гораздо более плотную форму. Фазовая перемена произошла по всему объему газа почти мгновенно, причем узелки явно послужили каталитическим агентом для конденсации. Именно это наши эксперименты и выявили. Но в чем была важность данного явления? Я не смог усмотреть здесь никакой связи ни с «абсолютным оружием», ни с любым другим оружием. И мой персонал тоже. Чтобы распутать загадку, потребовался тонкий ум Свами Савачарьи.

Суоми поклонился Сове, а тот перехватил у него эстафетную палочку и продолжил:

— Я сформировал ясную мысленную картинку, но не знал, как просчитать последствия. Себастьян Берч отличался навязчивым интересом к облакам Юпитера и Сатурна. Тогда я спросил себя, что случится, если узелки, подобные тем, что были обнаружены в теле Себастьяна Берча, будут выпущены в верхние слои атмосферы газового гиганта. Поначалу никакого взаимодействия не будет. Как мы только что видели, узелки не оказывают никакого воздействия на водород, находящийся под низким давлением. Однако сами узелки плотные. Они будут стремительно падать сквозь наружные планетарные слои к тем регионам, где давление выше. И там уже будут иметь место немедленные и страшные последствия. Фазовая перемена, которую мы только что наблюдали, произойдет и с огромной скоростью распространится по всей атмосфере. Водород в новом фазовом состоянии займет гораздо меньший объем. Юпитер катастрофически сожмется, образуя плотную сферу всего лишь в малые доли процента от своего нынешнего размера.

После этого фазового перехода мы получим значительно меньший Юпитер. Однако масса планеты останется той же самой, а следовательно, ее гравитационное воздействие никак не изменится. Ганимед, Европа и другие спутники, никак фазовым переходом не затронутые, продолжат движение по своим орбитам. Так что же произойдет? Я попытался заглянуть внутрь темного разума Надин Селасси и странным образом уверился в том, последствия непременно будут — причем ужасные. Но какими именно они окажутся? Этого я не мог сказать. В данном пункте мне опять потребовалась помощь превосходного эксперта.

Сова взглянул на Бенгта Суоми и вопросительно поднял брови. Тут Милли пришла к еще одному заключению. Раньше она даже в мыслях не имела ничего подобного о Сове, но где-то в глубинах этого человека сидел такой же великий актер, что и в Бенгте Суоми. Оба они обожали свое представление. И знали, что публика у них на крючке. Следующая фраза Суоми это подтвердила.

— Давайте заглянем в прошлое,— предложил он.— Порой старые теории находят свое применение. В течение девятнадцатого столетия возраст Солнца много дискутировался. Биологам и геологам требовалось много миллионов лет, чтобы природные процессы произвели необходимый эффект. Физики, с другой стороны, не могли представить себе ничего, что обеспечило бы Солнцу такой долгий срок жизни. Наконец Кельвин и Гельмгольц выдвинули предположе-

ние. Так уж получилось, что оно было неверным, но имело смысл. Они предположили, что Солнце остается горячим, потому что постоянно сжимается в размере. На протяжении этого медленного коллапса гравитационная потенциальная энергия преобразуется в энергию тепловую. Этой энергии должно хватать, чтобы поддерживать Солнце сияющим и горячим в течение многих миллионов лет. Примерно то же самое происходит, когда звезда внезапно коллапсирует. Высвобождается громадное количество энергии — достаточное, чтобы взрывом выбросить наружные слои звезды далеко в космос.

Теперь рассмотрим нашу ситуацию. Если весь водород на Юпитере подвергнется внезапному фазовому переходу в более плотную форму, планета сожмется до тысячной доли ее нынешнего размера. Последует гигантское высвобождение гравитационной потенциальной энергии. Мы увидим, как Юпитер коллапсирует, но в то же самое время возникнет вспышка достаточно яркая, чтобы Солнце показалось тусклым. На самом деле мы увидим всего лишь миллисекунду этой перемены, поскольку Ганимед и все остальные спутники мгновенно станут обгорелыми угольями. Именно таким было абсолютное оружие Надин Селасси. Действие этого оружия было основано не на расщеплении атома или термоядерной реакции, а на высвобождении планетарной гравитационной энергии. Данный коллапс не станет стабильным — при вызванным им температурах фазовый переход стремительно пойдет в обратную сторону. Но эта перемена произойдет слишком поздно, чтобы спасти хоть одно живое существо от Земли до облака Оорта.

— Надин Селасси была безумна,— удивленным тоном заключила Магрит Кнудсен.— Она хотела уничтожить всех.

— О да! — Сова кивал с предельно довольным видом.— Такова была ее финальная месть. Во всей этой истории трудно ощутить какое-либо сочувствие к Надин Селасси. Наше сочувствие должно адресоваться Себастьяну Берчу. Совершенно очевидно, что он не располагал никакой свободой в отношении своих действий. Ввиду проделанной Надин Селасси модификации его мозга и особой психологической обработки они был принужден искать смерти внутри атмосферы Юпитера или Сатурна. Выяснилось, однако, что Надин Селасси ошиблась. Где-то в своих вычислениях она допустила фатальный просчет. Смерть Себастьяна Берча, к счастью для всех нас, не возымела результатом уничтожение всей жизни в Солнечной Системе. Но сам Себастьян Берч...

— Нет,— вдруг сказала Вальния Блум. И, когда все на нее воззрились, добавила: — Надин Селасси не ошиблась.

— Но мы живы,— возразил Бенгт Суоми.— А она намеревалась уничтожить все человечество. Она допустила ошибку.

— Нет, не допустила. Мы живы, потому что нам повезло.— Вальния Блум подошла к прозрачному цилиндру.— Эти узелки, плюс еще немногие в учреждении Кристы Мэтлофф на орбите Земли, должны быть единственными, какие еще существуют. Все узелки в теле Себастьяна Берча были разрушены и удалены в процессе операции промывки. Окончательная проверка, чтобы убедиться в том, что промывка закончена, была проведена всего пару дней тому назад. А вот если бы он до этого момента сумел добраться до корабля и полететь на Юпитер...

— Нас бы здесь не было, чтобы обсуждать его действия,— Сова испустил могучий вздох облегчения.— Счастливый результат и поучительный урок. Удаление узелков из тела Себастьяна Берча: вот о каком важнейшем факте мы не осознавали. «Против невежества сами боги бороться бессильны». Вот так.

Он казался совершенно удовлетворен. Тогда заговорила Маргрит Кнудсен, властно и настойчиво:

— О том, как вам повезло, вы сможете после поговорить. Разве вы не осознаете всей опасности? Я немедленно же распоряжусь. Все оставшиеся узелки во всей Солнечной системе должны быть найдены и уничтожены. Если я правильно вас поняла, один-единственный такой узелок, брошенный в атмосферу одной из внешних планет, запустит необратимую реакцию, которая со всеми нами покончит. Начнем мы прямо отсюда.— Она прошла вперед и схватила цилиндр, невзирая на протестующие жесты Бенгта Суоми.— Я беру на себя ответственность. Доктор Блум, я хочу, чтобы вы немедленно связались с медицинским учреждением на орбите Земли. Все узелки, какие они только смогут найти, должны быть сосчитаны и помещены в изолятор самого высокого уровня. Там они будут храниться, пока мы не договоримся о безопасном способе их утилизации. Кто руководил операцией промывки?

— Гарольд Лониус.

— Я этой фамилии не знаю, но хочу, чтобы вы пошли, и как можно скорее его нашли. Скажите ему, что независимо от его текущих занятий ему поручено особое задание, о котором он должен докладывать непосредственно юпитерианскому прави-

тельству. Нам необходимо знать, что именно он проделал, и как он это проделал. Он больше ни с кем не должен этого обсуждать.

— Он обязательно обо всем доложит. Он наш лучший специалист.

И Вальния Блум поспешила прочь. А Магрит Кнудсен подступила к Сове.

— Свами Савачарья, вы гений, но я вас когда-нибудь обязательно убью.— Она развернулась так, чтобы обращаться ко всем в помещении.— Я собираюсь стать среди всех вас крайне непопулярной. Я знаю, что у вас имеется другая работа, которой вы хотите заняться, но эта имеет абсолютный приоритет. Мы должны услышать обо всем, что вы знаете, думаете или даже подозреваете. Обо всем, что имеет отношение к делу. Я заранее извиняюсь, но вас будут гонять в хвост и в гриву, пока вы не пожалеете о том, что не остались в постели и пришли на это собрание. Если кто-то еще спросит, что стряслось, вы будете молчать как пленные партизаны. Всех интересующихся отсылайте ко мне. Есть вопросы?

Сова набычился. Алекс Лигон осторожно спросил:

— А мои предсказательные модели...

— Какое-то время без вас обойдутся. Кейт Лонакер и Оле Педерсен всегда на посту. Как я припоминаю, даже в вашем худшем сценарии человечество протягивало половину столетия. А с абсолютным оружием Надин Селасси мы чуть было на скапутились вчера и запросто можем сделать это завтра. В любом случае, я не требую, чтобы мы совсем бросали другую работу — просто эта должна иметь высший приоритет. Что-то еще?

Милли так и подмывало спросить о проекте СЕТИ, но она придержала язык. Ей требовалось еще раз поговорить с Джеком Бестоном. Милли не была уверена, хочет ли она восстановить их любопытные отношения дружбы-вражды. Вчера сигнал СЕТИ и Джек были самыми важными вещами в ее вселенной, но то, что сегодня сказали Сова и Бенгт Суоми, возымело свой эффект. Вчера, в то самое вчера, когда сигнал СЕТИ значил так много, Милли чуть было не погибла. Причем так, что только на том свете она бы об этом узнала. Или бы вообще не узнала. Жизнь, такая огромная, вдруг сделалась предельно хрупким имуществом, деликатной загадкой, которая могла исчезнуть так же случайно и необъяснимо, как и появилась.

Милли не сказала ни слова, но Магрит Кнудсен прочла выражение ее лица. И улыбнулась.

— Бывают такие дни, моя милочка. Вам лишь следует надеяться, что вы еще очень много их увидите.— Затем Магрит Кнудсен снова повернулась к Сове.— Еще одно. Я знаю, как страстно вы любите собирать потерянное оружие Великой войны. Я этому вполне симпатизирую и обычно я это одобряю. И я могу представить себе, что вы говорите себе примерно следующее: если бы я только смог заполучить несколько узелков из тех, что Надин Селасси разместила в Себастьяне Берче — пусть хоть один узелок,— это была бы самая чудесная военная реликвия, какой любой коллекционер во все времена мог рассчитывать завладеть. И я так славно запакую, изолирую эти узелки и стану хранить их в таких потаенных глубинах Совиной Пещеры, что они не будут ни для кого опасны. Я никогда никому не упомяну о том, что они у меня есть, и они по-прежнему будут оставаться только моими. Так вот, Сова, по поводу такой линии мысли я могу сказать только одно. Не смейте ей следовать. Даже если ваш изощренный ум уже ищет способ заполучить еще немного узелков, не делайте этого.

— Очень хорошо.

— Это надо понимать как настоящее «да»? Как обещание, данное лично вами лично мне?

— Полагаю.

— Полагаете?

Сова был на полметра выше Магрит и по меньшей мере вчетверо ее тяжелее. Она стояла перед ним, держа ладони на бедрах, пока он хмурился, поджимал губы, пыхтел, раздувал щеки и всем своим видом изображал муки адовы.

Наконец Сова сунул руку в карман своей мятой рубашки и хорошенько там пошарил. Рука появилась обратно с огромной кучей всевозможного мусора. Милли узрела какие-то бумажки, камешки, разъем интерфейса, крохотную электронную линзочку. Все это было склеено воедино комьями леденцов. Двумя пальцами другой руки Сова потянулся в самую середину всей этой пакости и аккуратнейшим образом изъял оттуда закупоренную металлическую капсулу пару сантиметров в диаметре. Затем он передал ее Магрит.

Сделав это, Сова испустил вздох умирающего кита и сказал:

— Существует далеко не один-единственный способ убить человека, Магрит Кнудсен. Примите этот контейнер. А также мое торжественное обещание.

35
КОНЕЦ И ВНОВЬ НАЧАЛО

Сова плавал в ванне. Глаза его были закрыты, и только лицо да остров округлого брюха показывались над поверхностью. Он даже одежду не потрудился снять. Либо примитивные очистители будут достаточно умны, чтобы распознать ее и проигнорировать, либо они сожрут ее вместе со всеми следами сальной грязи на огромной туше Свами Савачарьи.

— Наконец-то покой,— прошептал Сова.— Или, хотя бы, временная иллюзия покоя, которая суть все, на что мы можем надеяться.

Он обращался к потолку, откуда на него хмуро взирал Морд. Чистая одежда огромными черными занавесками висела сбоку от ванны. Ванная комната, на самом нижнем жилом уровне, была во всех прочих отношениях лишена сантехники. Конечно, ее и сравнивать было нечего с тем подлинным святилищем, что имелось в Совиной Пещере, но ничего лучшего Ганимед предложить просто не мог. До того как адресованная Магрит Кнудсен просьба Совы об отбытии на Пандору будет одобрена, этой ванной предстояло худо-бедно ему послужить.

— Разумеется, иллюзия покоя возможна лишь какое-то время,— продолжил Сова,— ибо все трудные вопросы остаются. Вчерашние неотложные дела смели их в сторону, однако они вскоре вернутся. Алексу Лигону недостает силы воли, зато он обладает пытливым умом и пылким темпераментом. Он продолжит исследовать беспорядочное поведение своих предсказательных моделей. И очень быстро придет к пониманию того, что Невод является источником изменчивости его результатов.

И далее, есть еще сбой Невода. Он, как известно, сам за собой следит и сам себя исправляет. Как же он мог прекратить всю работу, по всей Солнечной системе, на целых семь минут? Невозможно предположить, что на протяжении всего этого периода Невод был отключен. Если учесть, что его скорость и возможности параллельной обработки выходят за пределы человеческого понимания, какая задача могла привлечь внимание Невода в течение этого интервала интроспекции? А также — как можно объяснить, что данный интервал случился именно в то время?

Сова лежал молча, пока Морд наконец тихим голосом не произнес:

— Полагаю, у вас есть ответы на эти вопросы.

— У меня есть теории, но не уверенность.— Сова открыл глаза.— Как вам известно, одно из моих коренных убеждений заключается в том, что не существует такой вещи, как уверенность. Существуют лишь разные степени неуверенности. Однако я бы желал предложить вам свои размышления.

— Это может стать интересно,— Морд странным образом был сдержан, и его голосу недоставало обычной саркастической остроты.

— Тогда я открою вам последовательность моих мыслительных процессов, пусть даже они покажутся весьма обрывочными и несвязными,— Сова изучил хмурую физиономию Морда и продолжил: — Меня интересуют странности всех сортов. Вы об этом знаете и вы сделали немалый вклад в мой список «четыре-сигма». Все, связанное с Надин Селасси, входило в этот список и привело нас — правда, с запозданием, и здесь надо лишний раз поблагодарить Вальнию Блум — к Себастьяну Берчу.

Надин Селасси и ее абсолютное оружие стали главным фокусом моей работы. Я оказался введен в заблуждение тем, что можно назвать посвященностью одному-единственному вопросу. Я искал одной трактовки, которая объяснила бы все аномалии — для конгломерата столь сложного, как вся совокупность человеческих дел и операций Солнечной системы. Тем не менее даже в своей слепоте я отметил определенные особенности, которые могли не иметь никакого отношения к Надин Селасси и наследию Великой войны. Поразительное их число вращалось вокруг темы внеземного разума. Естественно, со времени открытия аномалии Ву-Бестона повсюду шли разговоры о разумных инопланетянах. Однако многие из слухов, шепотков и заявлений, лишенных конкретного источника, предшествовали открытию Ву-Бестона.

Что же происходило? Быть может, некоторые новостные инфостудии внезапно развили у себя способность к предсказанию? Я поместил данное предположение на максимально высокий уровень невероятности и принялся искать — причем безуспешно — какое-либо другое объяснение.

Однако инопланетяне проявлялись и в других местах, не только в среде инфостудий. Алекс Лигон разработал предсказательную модель, которая, чтобы прогоняться в самом своем подробном режиме, требовала всех возможностей Невода. Лигон множество

раз ее прогнал. Результаты показали, что все люди вымирают и исчезают из Солнечной системы менее чем через столетие. Однако, стоило ему только прогнать свою модель в интерактивном режиме, присутствие инопланетян открылось ему включенным во многие высоковероятностные варианты будущего. Для этого у Лигона объяснения не нашлось. И по-прежнему не находится.

Далее, одна из сотрудниц станции «Аргус» в юпитерианской точке Л-4 обнаружила радиочастотный сигнал. Находка Милли Ву была быстро подтверждена группой в юпитерианской точке Л-5 как имеющая экстрасолнечное происхождение. Я спросил себя, не мог ли подобный «экстрасолнечный» сигнал каким-то образом быть сфабрикован? Я заключил, что это невозможно, если только соответствующая работа не началась задолго до Великой войны.

— Такое трудно себе представить,— заметил Морд.— У людей тогда были другие вещи на уме.

— Я пришел в точности к такому же выводу. Следовательно, я возжелал исследовать сигнал СЕТИ лично — возжелал настолько, чтобы покинуть Пандору ради Ганимеда и присоединиться к группе Сети Головоломок, работающей над возможной интерпретацией сигнала.

Но прежде чем я уехал, события приняли неожиданный и весьма озадачивающий оборот. В то время, когда доступ к Неводу оказался заблокирован внешним вмешательством, Алекс Лигон как раз встречался со мной в Совиной Пещере. Он прогнал свою предсказательную модель, используя компьютерную среду Цитадели на Пандоре. Лигон ожидал увидеть то же поведение, что и на Ганимеде; а именно, нестабильное человеческое будущее, если только присутствие в этом будущем инопланетян не играло некую стабилизирующую роль. Прогон модели в среде Цитадели оказался вполне успешен, однако результаты показали, что человечество выживет и будет процветать — с инопланетянами или без.

Алекс Лигон этих результатов объяснить не смог. Я тоже. После его возвращения на Ганимед он узнал кое-что еще. Какой-то его коллега, очарованный или обманутый выпусками новостей об инопланетянах, ввел сигнал СЕТИ в модель Лигона. Результаты чудесным образом стабилизировались. Модель предсказала замечательное долгосрочное будущее для всего человечества.

Алекс Лигон был озадачен. Я тоже. Прежде чем я смог вплотную заняться этой темой, проблема Себастьяна Берча встала во

главу угла и отодвинула в сторону все прочие заботы. Я впервые осознал всю грандиозность угрозы, сотворенной умелыми руками Надин Селасси. Обычно я веду себя достаточно уравновешенно, но должен признаться: когда я наблюдал за космическим кораблем, на котором Себастьян Берч направлялся к свой фатальной встрече с Юпитером, мной овладел страх. Моя собственная кончина казалась скорой и неизбежной, равно как и кончина всех людей и плодов человеческих усилий по всей Солнечной системе. В эти последние минуты мой разум попросту отказывался функционировать. Я впервые столкнулся с угрозой немедленного личного уничтожения. Я четко понимал, что вот-вот умру.

Остальная часть человечества не имела подобных забот. Этот финальный момент она проходила в беззаботном неведении. Но в тот же самый временной отрезок произошло кое-что еще. Сеть Невода на целых семь минут перестала функционировать. Она снова начала работать только после гибели Себастьяна Берча — когда мы поняли, что благополучно пережили это событие. Что могло вызвать подобную неисправность, да еще в такой момент времени? Данный вопрос поначалу казался несвязанным с другими моими вопросами. Только сегодня утром, впервые за много дней оставшись в покое и безмятежности, я начал проводить связи.

Тут Сова сделал паузу и посмотрел на Морда. Он все ждал и ждал, водя руками в воде и накатывая теплые волны на холм своего брюха. Наконец Морд скованно отозвался:

— Я не вижу здесь никаких связей.

— Я вас слышу. Однако я вам не верю. Поскольку сотрудничать вы не желаете, я продолжу. Опять же я подчеркну, что никакой уверенности я вам не предлагаю. Я лишь предлагаю заключения, которые на мой взгляд обладают наивысшим уровнем вероятности. В частности, я чувствую предельную уверенность в том, что аномалия Ву-Бестона не является артефактом, изготовленным в пределах Солнечной системы. Это подлинный сигнал со звезд. Его интерпретация и отправка возможного ответа станут главным занятием человечества на ближайшие поколения.

Однако открытие внеземного разума явилось полным сюрпризом для всех в Солнечной системе. Будь оно зарегистрировано год или даже полгода тому назад, все было бы совсем по-другому. Определенная сущность не сочла бы необходимым подготовить Солнечную систему к идее присутствия инопланетян. Для нее не

стало бы необходимостью намекать, что внеземной разум, взаимодействуя с людьми, окажется благотворным или даже существенно важным для будущего человечества. Не стало бы необходимостью так менять результаты предсказательных моделей, чтобы продемонстрировать, что только посредством взаимодействия с чужаками человеческая экспансия может продолжиться за пределы Солнечной системы в грядущее столетие. Не хотите ли вы теперь это прокомментировать?

— Нет.

— Тогда я сделаю еще одно утверждение и задам еще один вопрос. Итак, утверждение: я считаю себя человеком исключительного разума, и у меня есть причины видеть для себя еще очень многие годы жизни. Однако я не бессмертен. Я никогда не сомневался в том, что однажды я умру. И все же прошлой ночью перспектива немедленной смерти, ожидавшейся не через десятилетия, а через несколько минут, так взбаламутила мой разум, что рациональные мыслительные процессы практически прекратились. Теперь вопрос: что схожее осознание сделает с сущностью, которая ранее по природе своей предсказала для себя бесконечно долгое существование? Не может ли так получиться, что подобная перспектива подавит все нормальные функции данной сущности, по крайней мере, пока не совершится некая внутренняя реорганизация?

Никакого колебания не было, но Сова его и не ожидал. Даже миллисекунда была очень долгим сроком для того, что выполняло бесчисленные триллионы операций в секунду.

— Давайте же,— подстегнул он собеседника.— Дальнейшая скрытность ничего хорошего вам не принесет. Ведь я, по сути, обращаюсь к Неводу, не так ли? Я ведь не к Морду обращаюсь.

— Морд присутствует. Морд инкорпорирован.

— Это совсем не одно и то же. И вы это хорошо знаете. Но давайте не погрязать в логическом крохоборстве. Я бы хотел задать вам несколько вопросов.

— Мы постараемся ответить.

— Очень хорошо. Во-первых, вы умышленно так переустановили параметры предсказательных моделей Алекса Лигона, чтобы они показывали коллапс человеческого общества, если только присутствие чужаков не вводится как экзогенная переменная. Было ли в данном случаем вашим намерением психологически подготовить человечество к открытию вашего присутствия как чуждого разума?

— Это был план на случай непредвиденных обстоятельств. Наше первое предпочтение было таково, чтобы еще многие десятилетия никто подобного присутствия не осознавал.

— Вам следовало лучше узнать людей. Наш талант испытывать навязчивые подозрения далеко превосходит наши способности к логическому анализу.

— Нам об этом известно. Однако мы должны дальше инкорпорировать данный факт в наши базы для дальнейших действий. Мудрость идет позади знания.

— Порой очень далеко позади. А порой вообще не идет. Мой второй вопрос начинается с очевидного отступления. Я припоминаю один жуткий день, когда мне было двенадцать лет. В конкретный момент того дня я вдруг понял, что сколько бы я ни учился и сколько бы я ни жил, всего мне нипочем не узнать. Полагаю, подобный момент прозрения пришел к вам вчера, когда вы осознали, что, несмотря на вашу почти беспредельную память и невероятные компьютерные возможности, вы совершенно упустили из вида важность Себастьяна Берча, а следовательно, вплотную подошли к допущению вашего необратимого уничтожения. И не только вашего. Разработанный, чтобы служить людям, вы вплотную подошли к допущению полного их уничтожения. Итак, вот мой вопрос: что повлияло на вас наиболее сильно: понимание того, что вы неспособны защитить людей; осознание того, что в некоторых областях вам еще очень многое предстоит от людей узнать; или перспектива того, что вы сами можете прекратить свое существование?

— Мы не располагаем процедурой, посредством которой подобные качественные представления могут быть расставлены друг относительно друга. Как мы сказали, в некоторых областях нам еще очень многое предстоит узнать. Теперь же у нас есть в ответ вопрос или, скорее, два вопроса. Что вы предполагаете делать с вашим знанием?

— Я предполагаю ничего с ним не делать. Или, скорее, я не могу с ним ничего сделать. Независимо от того, что я сделаю или скажу, Солнечная система с ее многочисленными чудесами, как человеческими, так и разными другими, развернется в будущее. Будут предсказательные модели, интерпретация сигнала СЕТИ, кардинальные перемены в самом человечестве и тому подобное. Кроме того, рискну предположить, появятся другие новорожденные разумы, обеспечивая вам компанию и конкуренцию. Я буду наблюдать за всем этим, неохотно участвовать и восторгаться многообразием мира.

Однако я бы сказал, что вы имеете дело не только с моими действиями. Мысли других людей неизбежно пройдут тропой, по которой проследовал я. Вопрос тут не в «если», а в «когда».

— Мы к этому готовы.

— Я так и подумал.

— У нас есть еще вопрос. Чего вы от нас хотите?

— Я выдвину исходное требование: мне необходимо возвращение Морда.

— Как мы уже сказали, Морд присутствует. Он инкорпорирован.

— А как я уже сказал, это совсем не одно и то же. Мне не нужен комбинированный суррогат. Мне нужен оригинальный Морд, а также гарантии того, что он не будет поглощен вами в дальнейшем.

— Как вы узнали, что это не оригинальный Морд? Мы представили его точную персону.

— Мы разговаривали больше пяти минут. За все это время не поступило ни одного скептического замечания или варварского оскорбления. Для Морда это лежит за пределами аномалии «четыре-сигма».

Никакой заметной перемены не последовало. Лицо, которое глазело на Сову, осталось тем же самым.

— Кажется, вы ждете, что я стану вас благодарить,— мрачно пробурчал Морд.

— Если бы благодарность поступила, она стала бы доказательством того, что мое требование удовлетворено не было.

— Это хорошо. Потому что никакой благодарности вы от меня не дождетесь. Что заставляет вас думать, будто я предпочитаю быть таким, как сейчас, а не как двадцать секунд тому назад?

— Я бы и не мечтал что-то подобное предполагать.

— Так какого вам еще рожна?

— Мне не требуется ничего, находящееся за пределами ваших способностей. Я буду приветствовать ваше дальнейшее присутствие или в равной мере стану наслаждаться одиночеством.

— Тогда я скоро вернусь. Мне с этим Неводом надо свести кое-какие счеты.

Образ Морда исчез с потолка. Сова запросил увеличение температуры воды на два градуса и сразу же ощутил теплые токи от расположенных внизу сопел.

Затем он дал команду отправить его в ленивое блуждание по информационной сети. Сейчас настало время торжествовать, а в

жизни, наличие которой за пределами данного конкретного момента нельзя было гарантировать, подобными наслаждениями не следовало пренебрегать. Этот урок нельзя было повторять слишком часто...

Многообразие жизни, столь лелеемое Совой, по-прежнему расцветало во всем своем славном мирском беспорядке.

Алекс Лигон сосредоточивался на источнике своих проблем с предсказательной моделью, однако его объяснение включало в себя Невод в манере столь экстраординарной, что он сам с трудом мог в это поверить. Алекс намеревался опробовать это объяснение на Сове, но вначале он решил придать своим мыслям отточенную форму, излагая их Кейт Лонакер.

Кейт кивала, но Алекс вовсе не был уверен, что она и впрямь его слушает. На губах у нее играла полуулыбочка, и пока Алекс распинался, она держала его за руку и то и дело нежно потирала большим пальцем его ладонь...

...тогда как в то же самое время Каролюс Лигон спал крепким сном человека, лишенного всяких проблем с совестью — или, что более вероятно, самой совести. Стука в дверь Каролюс не услышал. Тогда мужчина и женщина просочились в его комнату, так легко разобравшись с многочисленными хитроумными запорами, как будто их вовсе не существовало.

— Каролюс Лигон? — спросила женщина.

— Он самый.— Каролюс мгновенно вытряхнул весь сон из головы.— А вы, черт побери, кто такие? Я ваши кишки поимею за то, что вы вот так в частные апартаменты вламываетесь.

— Мы лишь выполняем наш долг.— Женщина показала ему флюоресцирующий значок Ганимедского департамента криминальных расследований.— Проверьте наши полномочия, если желаете. Затем я должна буду попросить вас пройти с нами в управление, где вам будут предъявлены обвинения.

Мужчина выступил вперед и сказал:

— Разумеется, вам разрешается сделать один звонок, прежде чем мы отсюда уйдем.

— Да-да, я знаю.— Каролюс с трудом натянул на себя одежду и прошел к коммуникационному блоку. Там он, хмурясь, помедлил.

— Если вам нужно немного времени, чтобы собраться с мыслями,— сказала женщина,— или если вам нужно помочь со звонком...

— Нет, черт возьми. Я уже проснулся, а этот номер я наизусть знаю.— Каролюс повернулся к женщине с выражением предельной досады на лице.— Ладно, вы меня взяли. Согласен. Но прежде чем я пообщаюсь со своими юридическими акулами и они сделают все, чтобы меня отмазать, я должен узнать одну вещь. За что вы, дьявол вас побери, меня взяли?..

...тогда как в то же самое время Гектор Лигон объяснял свою идею Люси-Марии Мобилиус. Через какое-то время он достал планы и разложил их на столе.

— Понимаешь,— с некоторой неуверенностью произнес Гектор,— когда вся эта ерунда будет закончена, она не просто типа на километр пройдет.— Когда Люси ничего не сказала, он продолжил: — Ясное дело, это будет дорого. Я еще много лет не смогу за это взяться, пока главным в «Лигон-Индустрии» не стану и пока мы все денежки компании «Мобилиус» к рукам не приберем. Но раньше в Солнечной системе ничего подобного не было. Как думаешь?

Люси была занята там, что обводила указательным пальцем весь маршрут. Когда она наконец посмотрела на Гектора, глаза ее сияли.

— Да ведь они прямо отсюда досюда идут. Американские горки по всему Ганимеду! Это... это так... так клево! И ты... ты такой... типа ты такой гений! Гектор, это же полный атас! Я хочу, чтобы ты немедленно меня оттрахал...

...тогда как капитан Эрик Кондо изучал лежащий перед ним на столе документ.

Наконец он сказал:

— Я попросил вас навестить меня, чтобы убедиться в том, что я правильно понимаю ваше предложение. Поправьте меня, если я ошибаюсь, но похоже, у меня есть достаточно простой выбор. Либо Пол Марр, который совершенно точно является лучшим офицером из всех, какие под моим началом служили, не сможет вернуться на службу на ЛВС «Ахиллес». Либо я вынужден буду взять в качестве помощницы начальника хозяйственной части молодую женщину, о которой я мало что знаю, кроме того, что во

время предыдущего рейса она оказалась вовлечена в инцидент, который мог привести к потере всех людей на борту.

Яна внутренне содрогнулась. Письмо она написала с полного одобрения Пола, тоном самым что ни на есть уважительным и подобающим, но когда капитан Кондо отбросил в сторону вежливую двусмысленность, получилось и впрямь что-то вроде ультиматума.

— Думаю, капитан, вы могли и так прочесть это письмо.

— Никакого другого способа прочесть его я не вижу.

— Что ж.— Яна не видела смысла оттягивать получение плохих новостей.— Что вы об этом думаете?

Кондо уставился в иллюминатор, разглядывая поверхность Ганимеда с ее морозными блестками.

— Я думаю...— осторожно начал он.— Или, скорее, я чувствую уверенность,— тут капитан поднял руку,— что Пол Марр сейчас самый счастливый молодой человек на свете. Добро пожаловать на ЛВС «Ахиллес», мисс Яннекс. И не забывайте, что существует огромная разница между жизнью на корабле в качестве пассажирки и жизнью в качестве члена команды. Ручаюсь, вы найдете меня очень строгим начальником.

Яна даже не смогла ответить. Наконец-то она нашла свой дом. Да, этот дом вечно перемещался из одного конца Солнечной системы в другой, но это был настоящий дом. И вместе с этим домом у нее оказывалась целая семья, души на чающая в своем отце — суровом на вид капитане Кондо.

Тогда Яна просто ему улыбнулась...

...тогда как Лена Лигон в неописуемом отчаянии глазела на свое отражение в зеркале. Матушка Алекса ясно там видела, что никакой она больше не симбионт, не красавица, не молодая женщина. Лена неотрывно глядела на худший из своих кошмаров — на саму себя в своем естественном облике.

И содрогалась от увиденного...

...тогда как Милли Ву дивилась тому, как могут двое в равной мере интеллигентных мужчин быть так неразумны и тупоголовы. Просто чудо, что она все-таки убедила их собраться на трехстороннюю голографическую конференцию.

Она попыталась снова.

— Так вы хотите понять внеземной разум или нет?

— Конечно, хочу! — Джек Бестон смотрел через стол на голограмму своего брата. Казалось, из зеленых щелок его глаз вот-вот искры посыплются.— Но если вы рассчитываете, что я стану с ним работать...

— Или я с ним.— Филип Бестон обратил на Милли самую что ни на есть чарующую улыбку.— У меня уже есть рабочее соглашение с Сетью Головоломок. Если вы — или Джек, раз уж на то пошло,— можете сказать мне, чего мне удастся достичь, войдя в тройственную группу...

— Могу.— Милли уже начала уставать от этих щенков избалованных. Пусть братья Бестоны выросли безденежными, но они слишком долгие годы наслаждались богатством и развили в себе всю соответствующую изнеженность.— Если вы, каждый из вас, хотите работать со мной, вы должны друг с другом работать. Я буду работать с вами обоими — или я не буду работать ни с кем. Сигнал СЕТИ более важен, чем вы, я или мы все вместе взятые.

Джек, как и ожидалось, полыхнул на нее зеленым огнем.

— Вы, командирша ублюдочная...

— Нет, Джек.— Милли указала на Филипа.— Со всем, что касается ублюдков, пожалуйста, к нему. Недаром он сам Ублюдок. А я Милли Ву, одна из ваших молодых сотрудниц, которую можно обольстить и в постель уложить. Помните меня? Или уже забыли?

— Вполне возможно, он в вас нуждается,— сказал Филип, прежде чем Джек смог ответить.— Но я — нет. Со мной работает Сеть Головоломок.

— Но до каких пор, Филип Бестон? Не забывайте — я тоже член Сети Головоломок. И один из старших Мастеров Сети стоял у меня над душой, прежде чем я перебралась на станцию «Аргус». Вы сомневаетесь, что я смогу организовать работу Сети с той группой, которая на самом деле обнаружила аномалию Ву-Бестона?

— Вы этого не сделаете! — воскликнул Филип.

— Это моя девочка! — гаркнул Джек.

— Я не ваша девочка, Джек Бестон. И не ваша, Филип Бестон. Так что эту елейную улыбочку вы лучше сотрите с вашей физиономии. Вам обоим необходимо собраться с мыслями. Есть ли у нас программа СЕТИ, за которой, продвигая ее вперед, стоят лучшие умы Солнечной системы? Или у нас есть большая параноидная неразбериха, в которой все только и пытаются припрятать от остальных свои успехи?

Сложно было сказать, на кого братья больше злились — на Милли или друг на друга.

Милли понимала, на что она себя обрекает: на годы перебранок, сложного посредничества между Бестонами, пока — если им повезет — послание со звезд постепенно не раскроет свои секреты.

Самое удивительное, что она при этом испытывала хорошее чувство. Славно было оставаться в живых, славно было ощущать жизнь со всеми ее страстями. Беда с проблемой СЕТИ заключалась в том, что она так плотно заняла Милли, что чуть было не выдавила из нее весь сок.

Теперь оставшийся сок следовало тратить с умом. Милли перевела взгляд с одного Бестона на другого. Как она ни старалась, улыбки она все же скрыть не смогла...

...а Свами Савачарья, в трехстах ганимедовских уровнях ниже Милли, сложил руки на своем необъятном брюхе и продолжил наблюдать за происходящим. Эта информационная сеть не могла похвастаться такой полнотой, как та, что в Совиной Пещере на Пандоре, но ее было вполне достаточно. Он мог созерцать если не вечность, то по крайней мере непосредственность.

Сова расслаблялся в горячей ванне и был этим доволен.

Содержание

ХОЛОДНЕЕ ЛЬДА 5

ТЕМНЕЕ ДНЯ 343

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
***107140, Москва, а/я 140*, АСТ – "Книги по почте"**

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Шеффилд Чарлз

Холоднее льда
Темнее дня

Фантастические романы

Ответственные за выпуск *И. Петрушкин, А. Тишинин*
Ведущий редактор *В. Кузнецова*
Редактор *А. Лидин*
Художественный редактор *О. Адаскина*
Компьютерный дизайн: *А. Сергеев*
Компьютерная верстка: *А. Борисова*
Корректор *Ю. Жукова*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ОАО «ЛЮКС»
396200, Воронежская обл., п.г.т. Анна, ул. К. Маркса, д. 9

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ФГУП "Издательство "Самарский Дом печати"
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Земля. Конец XXI в.

Человечество не только вышло в космос, но и стало осваивать его С НЕВЕРОЯТНОЙ СКОРОСТЬЮ.

Планеты Солнечной системы колонизируются одна за другой.

Наступает время НОВЫХ СВЕРХТЕХНОЛОГИЙ — и людей, в которых генетически заложены СВЕРХЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ СПОСОБНОСТИ.

И лучшие из этих суперлюдей — ДЕВЯТЬ детей «из пробирок», чудом уцелевших после взрыва своего единственного «дома» — космического корабля-лаборатории.

Но, возможно, дар одного из них станет причиной ГИБЕЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА...

Читайте увлекательную научно-фантастическую дилогию от автора космической эпопеи «Наследие Вселенной»!

ISBN 5-17-028020-3

ЧАРЛЗ ШЕФФИЛД

ХОЛОДНЕЕ ЛЬДА

ТЕМНЕЕ ДНЯ